

ТАТЬЯНА ЛААС

МИСС НИКТО

Ник — ловец, рука закона. Её учили упокаивать нежить, уничтожать вампиров, ловить и отдавать правосудию оборотней. Только после войны оборотни и вампиры оказались добропорядочными гражданами, а сама Ник ненужным пережитком прошлого. Она ищет себя в новом мире и свое прошлое, от которого на память осталась лишь глупая записка про требования к принцу. Ничего иного о её жизни до войны у неё нет. Ник легко идет по жизни, никогда не оглядываясь назад. 16+

Глава 1. Кружка кофе

Она проснулась от солнечного зайчика, прыгавшего по её лицу — нагло и тепло. Сперва она залезла под подушку, надеясь снова заснуть, но... В этот раз помешал дикий, яркий, бодрящий аромат кофе. Если честно, она не знала, откуда кофе взялся в её доме, но это было замечательно. Она, принявшись, выползла из-под подушки и даже потянулась:

— Я проснулась! Уже!!!

Ответа не последовало, как всегда — она жила одна. Ни кошки, ни птички, ни даже захудалой рыбки — рядом с ней не выживал никто. Первое время она пыталась, честно, пыталась, но заканчивалось все, как всегда, плохо. Узнав её поближе, от неё сбегали. Ладно, рыбки не сбегали — они уплывали в канализацию... Реже сбегала она сама — все же не та у неё профессия, чтобы кого-то бояться.

Она спустила ноги с кровати, нащупала домашние туфли с помпонами, зевнула, сладко потянулась, чуть не отправляясь обратно на подушку, а потом все же оборота сон и пятерней расчесала свои короткие волосы. Встала, одернула длинную толстовку, в которой спала, и пробормотала:

— Кофе, готов ты или не готов — я иду к тебе!

Да, привычка говорить вслух с самой собой была одной из причин, по которой рядом с ней никто не выживал — мало кто умудрялся правильно отвечать на не ему заданные вопросы.

Сперва она все же забежала на кухню — нет, не для того, чтобы убедиться, что кофе тут и не был. Она взяла карандаш и спешно написала в своем списке требований новый пункт: «Готовить кофе». И засмеялась — как раньше это простое, но такое элегантное требование не пришло ей в голову?

Она выскочила из своего дома, улыбаясь высокому, явно полуденному солнцу, пробивавшемуся через желтые, звездчатые листья кленов, росших вдоль дороги. Бездонное синее небо печально пело о скорой зиме голосами улетающих прочь птиц, но даже это было ужасающе уместно. Как и зеленый, ласковый, подстриженный газон. И тепло. И умопомрачающий аромат кофе. Она сбросила туфли, наслаждаясь мягкой, словно шелковой травой... Осень и кофе. Предвкушение перемен, которые, быть может, в этом году настанут. Она зажмурилась — самое прекрасное, что к кружке кофе на заднем крыльце дома прилагался высокий, не старше тридцати лет, не совсем одетый мужчина, настороженно рассматривающий её. Не кружку, конечно. Её саму рассматривающий. У него были странные, светло-желтые, выцветшие глаза, узкие, поджатые губы и острые скулы — порезаться можно. А еще он был небрит, эльфийски худ и основательно припорошен пылью. И откидывал в сторону, словно ненужную, странную надкусанную со всех сторон тень. Но за блондинистость, за болтающиеся на нем джинсы, выставяющие на всеобщее обозрение гребни подвздошных костей и дорожку волосков от пупка до низкого пояса джинсов, а главное, за кружку кофе в руке, она и не такую надкушенность могла простить — работа такая. И худшие варианты видела. А этот ничего был, прихлебывал кофе, щурился от солнца, перебирал босыми стопами по теплому деревянному полу.

— Доброе утро! — расплылась она в улыбке — не хотелось портить это позднее утро. Она, танцуя, пошла навстречу мужчине, игнорируя его явное недовольство.

— Не сказал бы, что оно доброе для вас. Вы припарковались на моем газоне.

Она удивленно оглянулась на свой дом — и впрямь, тот нагло залез своими колесами на чужой, удивительно уютный газон. Зато дом не тронул ни один клен, а ведь мог.

— Ой, прошу прощения... Но ночью закончился бензин, я дотянула докуда смогла...

— И это оказался мой газон и мой задний двор.

Она предпочла сменить тему, продолжая улыбаться:

— Не угостите кофе? Так вкусно пахнет... Дома кофе закончился. — она даже вздохнула, признавая этот факт. Признаваться, что он закончился давно, она не собиралась. Зачем мужчине лишняя информация?

— И вода, и еда, и так, что переночевать негде. — в ответ, явно передразнивая её, вздохнул мужчина, отставляя на широкие перила кружку. Он стащил с бельевой веревки футболку, тут же исчезая в её широком ворота. Зря, хотела сказать она, но решила не сильно наглеть. Даже в футболке мужчина ей нравился — было в нем что-то неуловимо осеннее. Умирающая тень и бодрящий кофе сложно сочетаются, но в данном случае они сошлись идеально.

Она звонко и довольно рассмеялась:

— Нет, переночевать есть где, на это не жалуясь! — Она подошла ближе, ступая на крыльцо. — Угостите?

Он кивнул на стеклянную дверь, подтягивая длинные рукава синей, как небо, футболки на локти:

— Проходите. Угощу, но потом сразу же уезжайте. В бензин, простите, не верю.

Он ткнул пальцем вдоль улицы:

— Там заправка, вы не могли проехать мимо неё.

— А я не оттуда ехала.

— А оттуда, — он указал пальцем в другую сторону, — не приехать. Тупик. Там Граница.

— А, — старательно умно выдавила из себя она. — Ясно.

Она прошла в дверь, осматриваясь — дом встречал её кухней. Она была огромной, рассчитанной на большую семью. С уютным, на всю стену витражным окном, пускающим во все стороны разноцветные зайчики. С белой, удобной мебелью, где самым главным был высокий детский стул у круглого стола с белоснежной кружевной скатертью. У плиты стояла пачка для блинчиковой смеси, тарелки и бутылки с молоком. Она замерла, вспоминая свой список. Он должен уметь стряпать резные, полупрозрачные блинчики. Не упитанные панкейки, пропитанные кленовым сиропом. Именно блинчики. Такие, чтобы захватывало дух только от одного аромата. И от мужчины, стоящего у плиты в джинсах и переднике. Сейчас футболка была весьма некстати. Впрочем, когда на звук кофемолки откуда-то прибежала светленькая, чудесная, похожая на отца девочка лет трех, она простила футболку и выругалась про себя. Наличие ребенка все объясняло. И усложняло. Осенью и смертью от мужчины пахло не зря.

— Папа!!! — девочка буквально запрыгнула в вовремя подставленные руки и взлетела в небо... К потолку взлетела — руки у мужчины, несмотря на дикую худобу, были сильные. И добрые. И надежные. К сожалению девочки.

— Доброе утро, принцесса! А у нас гости. — Он усадил её на высокий стул. — К нам залетела редкая птичка — мисс...

— Ник, — подсказала она. — Меня зовут Ник.

— Эван, — представился мужчина, — и моя дочь Элли. А сейчас, милые дамы, я чуть-

чуть отвлекусь на блинчики и кофе. Надеюсь, возражений не будет.

Ни у Элли, ни у тем более Ник возражений не было — она знала, что надо успеть до того, как преломила хлеб. Мужчина доверчиво отвернулся к плите, а Ник достала из кармана толстовки короткий серебряный кинжал и вонзила его в сердце ничего не подозревающей девочки. Та резко заорала, переходя на высокий, непрекращающийся визг. Она визжала, визжала и визжала, пытаясь вырвать из груди кинжал, но Ник его держала крепко — пришлось научиться. Бегать и добивать потом по всему дому не самое интересное занятие. Утро можно провести и с большей пользой.

Эван резко развернулся от плиты и бросился к Ник:

— Нееееет! Нет! Нет!

Ник моментально откинула в сторону правую руку, в которой была зажата капсула с замораживающим заклинанием — только не разобравшегося, кого пригрел на груди, парня ей не хватало:

— Это не ваша дочь! Это душеедка класса колючка — заползает в сердечную рану и ест изнутри. Вам оставалось не более недели — я вовремя оказалась на крыльце вашего дома.

Она обернулась на мужчину — смотреть, как клацала острыми зубами в попытке дорваться до горла душеедка, было противно. С неё уже слетело все человеческое — она превратилась в серое, в сети синих выступающих жил существо, больше похожее на лысую крысу с алыми глазами.

— Я ловец первого класса из Гильдии Ловцов Ник Доу. Оплата не требуется.

Душеедка громко вздохнула, замолкая и обмякая. Из рта вытекла струйка серой гнилой крови. Безгубый рот еле выплюнул из себя напоследок, прежде чем замолкнуть навсегда:

— Па... Па...

Ник упрямо повторила, глядя в полные боли желтые глаза мужчины:

— Это душеедка. Она бы вас не пожалела. — Она вытерла кинжал о скатерть — все равно та вся была в крови душеедки. Толстовка, впрочем, тоже. — Она лишь притворялась вашей дочерью, Эван.

— Вы ничего не понимаете... — еле выдавил он. Кажется, не держи его замораживающее заклинание, упал бы на колени перед быстро разлагающимся телом твари.

— Хорошо. Не понимаю. Благодарить не надо. И лучше... Забудьте все — ничего не было. Ни этого утра, ни душеедки — так будет проще. Правом ловца — забудьте!

На самом деле по протоколу надо было показать знак ловца, но тот остался в доме. Как-то, надеясь на кофе, она его не захватила. Но Эван был слаб, почти выпит до донца душеедкой и явно не маг — с него хватит и слова ловца.

С кинжалом в руке она направилась осматривать дом — мало ли, душеедка могла и потомство оставить. Она же только притворялась ребенком.

Дом был ожидаемо заброшен — толстый слой пыли лежал везде, кроме обжитой кухни, душеедки не любят перемещаться и распылять силы. Пахло сыростью и тленом. Первое ржавое, полустертое пятно обнаружилось на ручке парадной двери. Ник принялась и выругалась — пахло ожидаемо железом. Она приподняла с помощью заклинания пыль толстым пушистым ковром и снова от души выругалась — капли крови тянулись от двери по лестнице на второй этаж. Кажется, в этом доме случилась не только душеедка.

Ник осторожно поднялась по ступенькам, заглядывая в первую попавшуюся спальню. Это была розовая детская. Коробки после праздника детского душа были даже не разобраны и утопали в пыли. Тут никто никогда не жил.

Ник пошла дальше — капли крови не заканчивались. А в заброшенной спальне на супружеской кровати капли превратились в море. Кровь пропитала простыни, матрацы, одеяла... Кровь была везде. Даже на мебели.

Ник вздрогнула — тут все было верх дном, кажется, будущая мать до последнего сопротивлялась в попытке защитить себя и дитя. Появление в доме душеедки предстало в другом свете. Женщина мстила за себя даже после смерти.

— Ну ты и тварь, Эван. Жаль, что я появилась так рано — надо было позволить душеедке съесть тебя. Заслужил.

Она пошла прочь. Проходя мимо продолжающего сопротивляться заклинанию Эвана, не удержалась:

— Живи и помни, кого потерял, раз уж человеческий закон обошел тебя прочь.

Она плотно закрыла дверь, оставляя за собой дикий, животный рев убийцы.

— Чтоб я еще захотела кофе... — пробормотала она, направляясь домой. Сейчас не радовал ни газон, ни небо, ни золото кленов. Хотелось одного. Ник вошла в дом и скомандовала:

— Море. Покой. Тишина. И никаких людей.

Ник подошла к своему списку и вычеркнула сгоряча написанное утром «Готовить кофе».

Глава 2. Никаких оборотней

Ник лежала в постели, огромной такой, в которой в одиночку и затеряться несложно, и смотрела в потолок. За узким окном была ночь. Она была и четыре часа назад, когда Ник проснулась первый раз, и два часа назад, когда она проснулась второй раз. Она царила и сейчас — темная, звездная, в всполохах небесных танцоров. Это было крайне неожиданно — Ник надеялась обнаружить за окном море и пальмы, а не полярную ночь и северное сияние. Хотя, быть может, она по неведомой воле дома оказалась за Границей — все же места без людей крайне редки, даже сейчас. Даже после войны, которую кто как ни называл. Она была и Освободительная, она была и Мировая, она была и Великая, она была и Последняя человеческая — так чаще шепотом говорили люди, чтобы победившие в войне освободители: вампиры, оборотни да фейри всех мастей — не услышали.

Ник перевернулась на бок, зевая и рассматривая темень за окном — если она оказалась за Границей, то все равно планы увидеть море неосуществимы. Она еще не сошла с ума купаться там, где пять лет назад шли ожесточенные бои. Границы были возведены не зря — они защищали остатки мира от не зачищенных после войны полей сражения. К сожалению, примененная на последних этапах, когда уже пали тридцать пять из сорока одного человеческих округов, магия хаоса исковеркала земли так, что находиться там было опасно. И это еще не считая неразминированных ловушек с боевой магией, полей неупокойников и мест прорыва нежити. Оказаться за Границей без прикрытия штурм-отрядов — заведомое самоубийство. Не для ловца, конечно, но она-то отдохнуть хотела, а не носиться за нежитью. Это работа для стражей, в которой сплошь нелюди. Когда-то являвшиеся меньшинством, запертым в гетто по признакам происхождения, теперь они стали большинством, крайне быстро восстановившись после Великой войны. Оборотни всегда отличались повышенной плодовитостью, и, сняв ограничения Пакта о совместном проживании, обязующие в семье иметь всего одно дитя, они размножались быстрее кроликов. Даже медвежьих оборотни, про кошачьих можно и не упоминать. Вампиры тоже быстро увеличили свою численность — не за счет рождаемости, за счет посвящения, раньше запрещенного Пактом. Как возродились фейри, тайна за семью печатями — численность этих спесивцев всегда была под большим вопросом. Просто однажды после войны их стало очень много, а людей катастрофически мало. Ловцов, кстати, промышлявших уничтожением нежити и отслеживающих выполнение Пакта о проживании, стало так же мало — многие в последние годы войны ушли на фронт, заменяя погибших магов. Ник повезло, что на момент войны ей было всего пятнадцать лет, она была девочкой и не подлежала призыву, даже несмотря на впечатляющие данные. Все же у военных тогда еще была голова на плечах, хотя хаос они, конечно, зря разрешили к применению. Очень зря. Терять людям было уже нечего, но и надежды победить, применяя хаос, не было. Видимо, кто-то не надеялся, что люди уцелеют и, вот глупцы, продолжат жить, уже подчиняясь новым законам и новым хозяевам жизни.

Ник зевнула и все же решила, что бока она отлежала капитально — еще чуть-чуть и она соединится с кроватью в одно целое. Она встала, ища привычно туфли, но они оказались забытыми на газоне дома Эвана, чтоб до него все же добрались стражи. Желать такого человеку — так себе, но желать подобное убийце вполне нормально. Поджимая босые пальцы от холода, она пошла в гардеробную. И тут кто-то постучал в дверь.

— Вот тебе и никаких людей.

Ник замерла — никого видеть не хотелось, но за Границей свои правила — там не отказывают в помощи никому, даже если это презренный... Сейчас полноценный член общества оборотень. Она спешно натянула на себя поверх легкомысленной шелковой майки длинный, грубой вязки свитер, доходивший ей до колен, и пошла открывать дверь.

За тонкой дверью автодома оказались холод, снег и молодой, заиндевевший парень, спешно, без приглашения шагнувший в дом, чтобы не выпускать драгоценное тепло. Он плотно закрыл за собой дверь, стащил с лица шерстяную маску и улыбнулся, старательно не показывая зубы — так научились улыбаться из-за оборотней, чтобы не провоцировать их.

— Добрый вечер, — парень вслед за маской стащил и меховую нелепую шапку, оказываясь немного обросшим загорелым брюнетом. Кстати, симпатичным, и явно ненамного старше её самой. Может, он даже в войне не принимал участия, хоть и парень. — Я Форд, для своих Маки. Проходил мимо — вижу, автодом стоит, еще вчера его тут не было, и решил заглянуть на огонек. Знаете же обычай — в суровых местах нельзя просто проходить мимо, надо убедиться, что все в порядке. Надеюсь, вы не сочтете это за излишнее любопытство.

Ник обняла себя руками за плечи — Форд, для своих Маки, напустил холода. Надо было хоть носки надеть, раз уж туфли потеряла. Она, как цапля встала на одну ногу, вторую поджимая под себя в попытке согреть.

— Я Доу, для своих Ник. — представилась она. — Обычай знаю — вы имеете право на кров и еду. Если преломите со мной хлеб, то можете остаться. И не беспокойтесь за меня — у меня все хорошо.

Парень кивнул:

— Буду рад разделить с тобой хлеб. Но проверить твой дом все же хотелось — он у тебя магический, насколько я могу судить...

— Сжатое пространство по технологии фейри — внутри больше, чем снаружи.

— И жрет энергии немерено. — он, стаскивая с себя пуховик и теплые, плотные штаны, под которыми оказались джинсы, уточнил: — запасы магии в батареях давно проверяла? За такими домами глаз да глаз нужен — чуть зазеваешься, сожрет всю магию, и ты останешься в ледяной пустыне в доме с тонкими, легко промерзающими стенами. Тут битва Ледяного холма фейри была — это, действительно, страшно, тут птицы замерзают с одного вдоха. Не знаю, зачем уж тебя сюда занесло, Ники, но тут смертельно опасно.

Она призналась:

— Море хотела увидеть, и чтобы людей не было под боком. Хотела насладиться одиночеством.

— Вот людей тут точно нет. — Маки бросил свою одежду на диванчик, оставаясь в белом свитере и джинсах, опустился на пол и принялся стаскивать с себя шерстяные носки. Ник хотела возразить, что в доме не так, чтобы и тепло, но не успела. Маки осторожно прикоснулся к её поджатой ноге и потянул на себя, натягивая на стопу свой носок. — Смотреть страшно, как они у тебя замерзли. Может, у тебя батарея стала сдыхать? — он посмотрел на Ник снизу вверх.

— У меня алхимическая батарея, с вечной реакцией. Просто надо разжечь камин — станет теплее.

Она уже сама протянула Маки вторую стопу. Тот поймал её ладонями, подался вперед, осторожно согревая своим дыханием — теплым, легким, шебуршащимся где-то под кожей странной лаской. Когда он медленно надел на ногу носок, Ник на миг пожалела, что она

человек, и у неё не завалилась третья нога. Маки тем временем легко в прыжке поднялся на ноги и улыбнулся, напоминая:

— Хлеб!

Ник кивнула и позвала за собой:

— На кухне.

Маки пошел за ней, не удержавшись от проповеди:

— Хлеб всегда надо держать у дверей, мало ли!

Говорить ему, что для неё обычай не имеет особого значения, потому что она ловец и бояться ей некого, она не стала — пугать парня не хотелось. Слишком давно она была одна. Еще сбежит, узнав, кто она...

На кухне под серьезным взглядом Маки она достала из холодильника хлеб и протянула его парню, разламывая кусок напополам — для себя и для него.

Он откусил хлеб и сказал:

— Покой этого дома священен для меня.

Ник оперлась спиной на дверцу холодильника и спросила:

— Завтракать хочешь?

Парень рассмеялся — смеялся он легко, запрокидывая голову назад и показывая горло, ни один оборотень или вампир так доверять не будет:

— Нет, но от ужина не откажусь. Ники, сейчас уже восемь вечера.

— Ой, — только и сказала она. — Готовить умеешь?

— Я знаю одно потрясающее блюдо — всем нравится. Берешь кусочек хлеба, находишь в холодильнике что-нибудь мажущееся, кладешь на это мажущееся что-нибудь покладистое, сверху прижимаешь вторым кусочком хлеба, и... Есть можно, даже не разогревая! Называется — сэндвич.

Ник одобряюще кивнула:

— Замечательное блюдо! Приготовишь? — она плавно отошла в сторону, приглашающе открывая дверцу холодильника.

— Почему бы и нет! — снова улыбнулся Маки — он был чрезвычайно покладист и добродушен. Он тут же зарылся в холодильник, отправляя на кухонный стол хлеб, бутылки с соусами, пачку сосисок, ветчину и сыр. Потом мимоходом, закрыв холодильник, поймал Ник за талию и посадил девушку на стол. Его ладони на пару секунд дольше, чем нужно, задержались на талии. Он подмигнул Ник и чуть отстранился в сторону, гибко, словно ива. Воевал он или нет, но явно прошел через службу — только там учат таким скупым, точным, уверенным и завораживающим движениям. Последнее, скорее, побочный эффект — после войны был дикий дефицит человеческих мужчин, и в некоторых округах было введено обязательное многоженство, заметно разбаловавшее мужчин. Ник залюбовалась фигурой Маки — широкоплечий, с узкими бедрами и длинными ногами, сильный и при том изящный. Он сосредоточенно выдавливал соус на хлеб. Соус, отказывавший расставаться с привычной бутылкой, с которой он сроднился за годы пребывания в холодильнике, сопротивлялся, и Маки решительно стукнул бутылку по доньшку. Соус обреченно крикнул, заляпывая собой все вокруг — и хлеб, и столешницу, и оказавшуюся рядом Ник.

Маки мягко провел пальцем по голой коленке Ник, вытирая соус. Или еще больше размазывая — она так и не поняла его намерений. Уточнять она не стала, потянувшись к Маки и целуя его в губы. Нравы в человеческих округах сильно пали после войны, особенно из-за конкуренции с вечно прекрасными оборотницами, вампиршами и фейри...

Губы Маки оказались чуть обветренными, но уверенными и быстро захватившими инициативу. Его ладони вновь оказались на её талии, а бедро чуть раздвинуло её ноги, самую малость. Маки тут же отстранился:

— Ты не спросила...

— Я тебя напугала? — с трудом удержала улыбку Ник.

Он прислонился своим лбом её лбу, осторожно целуя возле мочки уха, прихватывая губами маленькую сережку и заставляя тепло диким потоком нестись из бешено бьющегося сердца Ник куда-то вниз живота.

— Что ты, это я боялся напугать тебя — тут на мили нет людей. Одинокой девушке слишком опасно, даже если я и разделил с тобой хлеб...

— Так спроси, — шепотом предложила она.

Он вновь отстранился, чуть прикусил свою губу, а потом качнул головой, так что отросшая челка упала на глаза:

— Ники, я могу тебя поцеловать?

— Попробуй.

— Ники... Это да или нет?

Она, снова дразня его, повторила:

— Попробуй...

Он попробовал. Подался чуть ближе, придвигая Ник плотнее к себе, чтобы она могла обнять его ногами, и снова поцеловал, в этот раз не сдерживаясь, его язык скользнул за губы и дальше, лаская нёбо. Ладони на талии исчезли, чтобы возникнуть на бедре, чуть поглаживая большими пальцами под резинкой свитера. Проникая дальше и дальше. Останавливать их не хотелось. Только Маки решил все сам — он прикрыл глаза, а потом решительно отстранился:

— Ники... Я могу продолжать? — он приоткрыл один глаз, подсматривая за Ник. Это было и трогательно, и так смешно, учитывая его возраст.

Она рассмеялась, закидывая голову назад:

— Оставь эти дикие брачные игры... Тут на мили нет людей и стражи — я не буду никому жаловаться...

Он нахмурился:

— Ники?

Она положила свои руки ему на пояс джинсов, а потом её пальцы уверенно скользнули под его свитер, тут же натыкаясь на длинный, грубый шрам на животе. Воевал. И очень хорошо воевал, потому что Маки без слов сдернул с себя свитер, показывая кучу новых шрамов...

Ночь оказалась упоительной — Маки, пару раз доказавший, что не зря она доверилась ему, даже приготовил ужин — свои знаменитые сэндвичи... И их было приятно есть, лежа в гостиной на шкуре у ярко пылающего камина... Приятно было целоваться просто так, находить новый шрам на его теле и выцеловывать его, заставляя Маки хрипло дышать и просить:

— Еще, Ники... Пожалуйста, еще...

Он был удивительно отзывчив и мягок, Ник уже перестала надеяться, что где-то есть такой мужчина для неё, и вот... В ледяной пустыне, где человеку не выжить, он нашелся. А пах он... Свежескошенным лугом и немного деревом. Очень вкусный запах, сводящий с ума.

Маки перевернулся на живот, приподнялся на руках, нависая над Ник, и прошептал:

— Хочешь увидеть море? Оно тут удивительное...

— Хочу — Ник поднялась на локтях, подаваясь вперед и выдыхая ему в губы. — Хочу...

Он чуть наклонился и... Мурлыкнул. Вместо поцелуя. Реакция Ник был незамедлительной — удар коленом в незащищенный низ живота, руками в грудь и отлететь спиной назад, используя магию — в руке тут же сверкнул серебряный кинжал, направленный на стоически подавляющего стон и ругательства парня. Причем ругательства были вполне заслуженными — Ник не сдерживала силы, хорошо еще, что не готовилась к бою и не принимала зелья.

— Маки. Ты оборотень?

Он еле прошипел:

— Проблемы?

— У тебя. — согласилась Ник. — Ты обязан был предупредить при входе в мой дом.

Маки все же сел, внимательно рассматривая Ник, и в глубине его глаз разгоралась ярость, только в голосе не было ни признака гнева — он был ровным и подозрительно спокойным:

— Этот унижительный Пакт был отменен сразу после войны.

Ник парировала:

— Этот Пакт до сих пор действует на территории Сорок первого округа.

Маки криво улыбнулся, игнорируя кинжал в её руке:

— О, самый расистский округ! Ненавижу его — столько крови за него было пролито.

— Заметь, я не уточняю — на чьей стороне ты сражался.

— Спасибо! Ценю. Убери кинжал — я не представляю для тебя угрозы, ведь я преломил с тобой хлеб. И повторяюсь — это не Сорок первый округ. Мы на территории Третьего округа — я тебя предупреждал. Тут я обязан предупреждать о своем происхождении только в одном случае — во время гона. Сейчас не зима, далеко не зима.

— Ты кот?

Маки легко признался:

— Ирбис.

— Тогда точно не замерзнешь — убирайся прочь!

Он увещевающе сказал:

— Ники, ты не права.

Она вскинула вверх подбородок:

— Убирайся или пожалеешь.

— Давай поговорим. Пожалуйста. — он продолжал смотреть ей прямо в глаза, не боясь её. Ник пришлось сказать:

— Вон. Или я, ловец первого класса Гильдии ловцов за себя не отвечаю — я имею право уничтожать оборотней, нарушающих Пакт.

— Еще раз — Пакт отменен пять лет назад.

— Еще раз — мне плевать!

Он плавным, единым движением встал, качая головой:

— А вот ты нарушила закон. Ты обязана всегда носить гильдейский знак, чтобы не было вот таких ситуаций.

Она криво улыбнулась, поднимая левой рукой с пола одежду Маки и кидая её в парня:

— Сам сказал, что мы за Границей. Тут закон о ловцах не действует.

— Ники...

Она зло поправила:

— Я не Ники, безмозглый ты кот. Я ясно тебе сказала — я Ник. Убирайся. Чтобы я больше тебя никогда не видела. Я не убиваю преломивших со мной хлеб, но кости тебе переломаю.

Он мягко, словно и не оборотень, до сих пор не теряя самообладания, сказал:

— Ты не права, Ник. — он развернулся, показывая незащитную спину и, мать его так, самую симпатичную задницу, которую Ник видела, и пошел прочь. Уличная дверь с тихим стуком захлопнулась за ним. Ник откинула в сторону кинжал и выругалась:

— Проклятый мир и оборотни с их феромонами!!! То-то я так легко поддалась! Рогатые орки, два раза подряд так пролететь! Вот же... Дрянь оборотническая...

Она зажмурилась и скомандовала:

— Дом... К людям! К людям, я сказала...

Она, натянув на себя свитер, первым делом пошла на кухню, к своему списку и вписала новое требование «Не быть оборотнем!». Потом еще чуть-чуть подумала и добавила следующий пункт «Уметь готовить. И отнюдь не сэндвичи!». Вот так-то. Руки подрагивали, ноги тоже. Волосы пропахли им — он не раз целовал её короткие пряди, зарывался в них руками — уже тогда надо было понять, кто он. Уже тогда заподозрить, но она так долго была одна. Так дико долго... Ник прижалась лбом к старому листку бумаги, висевшему на стене. Он был с ней всегда, сколько она себя помнила. А помнила она свое детство лет с пятнадцати, когда пришла в себя в военном госпитале. Ей сообщили, что она вместе со всей своей семьей попала под магическую бомбардировку, с чьей стороны — ей не сказали. Хотя и так понятно — она была человеком, а значит... Или оборотни, или вампиры, или феири. Освободители — так правильнее. Тогда выжила только она. Большая ли была у неё семья, она не знала.

Глупые слезы потекли по щекам — вот как получается, что тот, кто ей нравится, то убийца, то оборотень? Почему в этом мире нет никого для неё? Почему она с пятнадцати лет одна... Ник хлопнула носом и выпрямилась, заставляя себя улыбаться. Улыбаться, несмотря ни на что. У неё есть главное — у неё есть дом и работа, не многие люди этим могут похвастаться, даже сейчас. Она глубоко вздохнула:

— Все будет замечательно! Просто обязательно. И пора бы выйти на работу. Оплачиваемую работу — душеедка не считается, это был дурацкий благородный порыв.

Она подумала, что стоит дописать новый пункт: «Лишен благородных порывов», только это тогда совсем не принц получится.

Глава 3. Седьмой штурмовой

Ник направилась в душ — надо смыть с себя кошачий запах, с ним на работе легко нажать неприятности. Стражи все поголовно нелюди.

Когда она вышла из душа, за окном уже было синее небо, золотые клены и тихая, погожая осень. Ник, натягивая на себя джинсы и оранжевую толстовку с глубоким капюшоном, подозрительно рассматривала окна, оказавшиеся почему-то только с одной стороны — не иначе дом очередную глупую шутку затеял. Только бороться с ним бесполезно — все равно выйдет победителем. Она как-то пыталась протестовать, когда он её занес в Холмы фейри, точнее в благородный квартал свободных жителей Пятого округа, только вышло так себе — потом неделю пришлось жить в тесном автодоме, мыться ледяной водой и питаться в забегаловках. Дом у неё был обидчивый.

Ник собрала мокрые волосы в короткий хвост на затылке, обулась в удобные кроссовки, привычно засунула кинжал в карман-кенгуру и из-за оборотня нацепила на себя гильдейский знак — серебряная цепочка, справедливо заслуженная после трех лет обучения на ловца, тяжело легла на шею, вызывая головную боль. Цепь, тонкая, невесомая, давила так, что об осанке приходилось напоминать себе раз за разом. Держать спину ровно, не горбиться, не сдирать с себя ненавистный знак с белой хризантемой — символом смерти, идти с гордо поднятой головой... Хотя идти пришлось недалеко — дом, как и ожидалось, пошутил: Ник обнаружила, что снова припарковалась на том самом газоне. Того самого дома, где на заднем крыльце заботливо под крышей стояли её домашние туфли с помпонами.

Забирать туфли она не стала — купит себе новые, не бедствует. Проверять хозяина дома она тоже не стала — она не злорадствует и не мстит. Она умеет признавать свои ошибки — пусть он живет так, как получится. Возможно, стражи рано или поздно заинтересуются его пропавшей семьей, и тогда он получит то, что заслужил. Она спешно открыла кабину дома на колесах и села на водительское кресло. Сунула ключ в гнездо впрыска алхимической жидкости, провернула его... Мотор даже не чихнул. Да, в прошлый раз она соврала Эвану про бензин, только ложь оказалась слишком близкой к правде. Она снова попыталась завести мотор, но... Сдаться пришлось после пятой попытки — она просто выскочила прочь из кабины:

— Хочешь, стой тут. А я пойду — мне работу надо искать.

Найти работу можно было разными способами — в мэрии, в подразделении стражей и в офисе ловцов, если он тут был, конечно. Полноценный сектор ловцов сохранился только в Сорок первом округе, в остальных приходилось полагаться на удачу — чаще всего офисы были закрыты за ненужностью. Если верить оборотню, это был Третий округ, о котором она мало что знала. Столицей раньше был Джорджтаун, названный в честь какого-то человеческого деятеля, сейчас это был Либорайо — тоже в честь какого-то деятеля, только уже нелюдского.

Ник дернула плечом, решая, где добыть карту, а потом вспомнила, что хозяин дома упоминал близко расположенную Границу. Там точно должны были быть пропускные пункты — там она и расспросит о мэрии и запросах на ловцов.

Она уверенно зашагала в сторону Границы, легким маревом уходившей вверх — для стороннего наблюдателя за дымкой начиналась пустая земля — поля, холмы, далекий лес, обычный сельский пейзаж, куда еще не шагнул город. Что на самом деле скрывает дымка,

никогда не узнаешь, пока не шагнешь за неё. Это могло быть и ледяное безмолвие, как то, где она побывала недавно, это могло быть и просто поле сражения, это могло быть и хаосом. Хотя вроде бы его тут не применяли, округ пал одним из первых. Только что-то тревожно билось в голове, что-то связанное с воспоминаниями об особенностях этого конкретного округа. Что-то то ли об алхимических лабораториях, то ли магических, то ли еще чего-то. История не была любимым предметом Ник, которой после госпиталя пришлось учиться по новой — никаких знаний из прошлой жизни до войны у нее не сохранилось. Это было ужасно — все вокруг в сиротском приюте жили своей жизнью, болтали, обсуждали что-то, и лишь она заново училась: это кубик, это круг, это желтый цвет, а это, нет... Не синий, это зеленый... Это море, это горы, это твари-оборотни, это еще хуже — кровопийцы... В неё тыкали пальцем, её дразнили идиоткой, ей корчили рожи и запирали в душевой... Легче стало только в школе ловцов, куда её забрали крайне неожиданно. Там тоже было мерзко, но там хотя бы её уважали за талант к магии и старания в учебе. Мистер Карлос, преподаватель истории, обществознания, философии и географии, всего, что стало резко не нужно из-за войны, еще и утешал её, что, может, это и к лучшему, не помнить умирающий мир. Не так жалко и обидно его терять. Только все равно горько ничего не помнить.

Далеко идти не пришлось — пропускной пункт находился на небольшой площади, которой заканчивалась улочка с кленами. Сейчас тут творилось что-то странное — шлагбаум опущен, перекрывая проход, охрана пункта была усилена, в полной боевой броне, с дробовиками на сгибах локтей. Из-за Границы доносились глухие, частые взрывы — их не заглушала даже магия.

Шагнувшему было ей навстречу стражу она показала гильдейский знак:

— Ловец первого класса Ник Доу. Имею право на беспрепятственный проход за Границу. — она улыбнулась с закрытыми губами, чтобы не провоцировать — некоторые оборотни сверкнувшие при улыбке зубы принимали за агрессию.

Он старательно твердо сказал:

— Там сейчас идет спецоперация, работает Седьмой штурм-отряд!

— Совсем молоденький, да? — Ник сдернула с себя знак и поднесла его к глазам оборотня — некоторые из них плохо видели днем. — Я ловец, я имею право на проход Границы. Моя обязанность — помогать стражам в таких случаях.

— Мисс Доу...

Она его оборвала:

— Я ловец, вы не имеете права...

— Но вы не понимаете, там работает Седьмой отряд! Росси с меня шкуру живьем снимет, если я пропущу туда человека.

— Я прежде всего ловец!

За спиной раздался шорох, четкая дробь уверенных шагов и глухой из-за шлема мужской голос:

— Что тут происходит? Страж Санчес, неужели это так сложно — объявлена эвакуация всех гражданских, а вы тут стоите и болтаете с девочкой! Еще и человечкой, к тому же!

Ник снова заставила себя улыбнуться и мягко развернулась на пятках — вот за это вечное презрение в голосе, за превосходство якобы высшей ветви созидания, она и сильно не любила оборотней. Точнее, с трудом их переносила — Маки не в счет, эта обаятельная пакость почему-то оказалась лишена высокомерия. Или просто не успела его проявить за те несколько часов общения.

Мужчина тем временем подошел к ним и даже приподнял непрозрачное забрало тактического шлема, демонстрируя зеленые, наглые глаза. Упакованный полностью в боевой доспех класса ультра, с маггравикомпенсаторами, с реактивными двигателями, усиливающими прыжки, со встроенным оружием и амулетами премиум класса, он нависал над Ник, как скала.

— Мисс, прошу покинуть зону операции, тут работает Седьмой отряд. В случае неповиновения к вам будет применена сила — исключительно из-за заботы о вашей безопасности. За Границей идет спонтанное поднятие нежити — она может прорваться сюда.

Ник прочитала вытравленное на доспехе имя и звание — капитан Линдро Росси.

— Прошу прощения, капитан Росси, произошла досадная ошибка — я не простая горожанка, я ловец первого класса Ник Доу. Наверняка вы слышали о ловцах.

Тот что-то прошипел себе под нос — что-то о сволочных людях и крестинах, а потом принялся:

— Что ж... Ловец Доу... Имеете право. Под ногами не путаться. За руки не хватать. Истерики не закатывать — мне с вами возиться некогда. Санчес свидетель — я вас об опасности предупредил. В случае ваших травм или гибели клан Тигров не будет выплачивать клану Снежных барсов компенсацию.

— Простите, что? — удивилась Ник.

Росси поправился:

— Ваш жених не сможет претендовать на виру. На вас не распространяется защита клана Тигров — вы идете за Границу по собственной воле. У вас пять минут, чтобы надеть защитный доспех.

Ник пожала плечами:

— Спасибо, я уже готова.

Оборотень из тигриных прищурился, рассматривая её внимательнее, и Ник даже знала, что он видит — глупый хвостик на макушке, хорошо хоть без бантика, оранжевое худи с нарисованной дурацкой мультяшкой, рваные джинсы, кроссовки... Лет двадцать на вид, не больше... Кинжал в руке — от него фонило тяжелой магией, и только.

— Детский сад на выгуле... — все же выдавил он. — Пожалуйста, держитесь за моей спиной, а лучше все же подумайте о своем ирбисе — не поймет же вашей гибели.

Ник улыбнулась во все свои тридцать два зуба — оборотень достал её своей псевдозаботой:

— Это вас не касается.

— Учтите, снежные барсы почти единственные из кошачьих способны формировать пару на всю жизнь, как принято у людей.

Она чуть привстала на носочках — не маленький сам по себе оборотень в боевой броне, дававшей лишних десять дюймов преимущества, возвышался над ней на две головы, а то и больше:

— Я ловец. Я сама по себе. У меня нет пары. А если одна пакость и поставила на мне брачную метку, то эта пакость пожалеет. Идемте, капитан Росси, или вы трусите? Можете держаться за моей спиной в таком случае.

Он неожиданно для Ник осмотрел её оценивающим взглядом, может даже, одобрительным, хотя ожидать такого от оборотня... И шагнул в сторону Границы:

— Санчес, отметь в журнале время нашего ухода — ловцам платят повременную оплату,

если ничего не поменялось.

Граница встретила их грохотом взрывов, глухой подземной вибрацией и горячим воздухом, полным пыли.

— Все же хаос, — вздохнула Ник, натягивая на лицо маску, которую всегда носила с собой после эпидемии фейрийской падучки. Росси снова посмотрел на неё и плавно шагнул вперед, прикрывая её собой. Ник не удержалась и сказала в слишком широкую спину:

— Вы мне обзор закрываете.

А посмотреть было на что. Вздрыбленная земля. Обгорелые небоскребы, согнутые в дикие дуги. Ржавые, словно кислотой проеденные металлические останки какой-то боевой техники, с вплавленными в броню скелетами — никто не позаботился об их погребении. Туман вместо неба, через который свисали вниз макушки деревьев. Улетающие прочь в небеса, словно острова, земли. И странные сферы, плоскости и спирали чего-то неопознаваемого. Кого-то из магов тут конкретно переключило на неевклидовой геометрии. Ник передернула плечами — здесь до сих пор до тошноты воняло хаосом. Хотя учителя говорили, что у магии нет запаха. И вкуса нет. Только поднятая нежить воняет не по-детски. Хаос тоже вонял — смертью, ржавчиной, горелой плотью зданий. Голова начала кружиться, Ник чуть затошнило. Росси понравится зеленый от тошноты ловец.

Раздался тонкий, почти комариный писк, без предупреждения переходящий в дикий, закладывающий уши вой. Ник даже крикнуть успела:

— С дороги!

Но Росси, вместо того чтобы дать место Ник, круто развернулся, захватывая её в свои объятия и падая в сторону с турбоускорением. Зубы Ник дико клацнули, чуть не прикусывая язык. Доспехи гулко врезались в стену здания, веселенькой спиралькой уходящей в туман. Бетон прогнулся, словно масло и принялся тут же впитывать в себя броню.

— Живы? — Росси еще и уточнил заботливо.

Ник честно выругалась ему в лицо, точнее в темное забрало шлема:

— Да рогатые орки, вы мне заклинание защиты сломали! Никогда не работали под прикрытием мага?

Росси буркнул про неблагодарность некоторых детей и встал, протягивая руку:

— Впредь не повторится.

К сожалению, Ник знала — повторится. Некоторым хоть кол на голове теши — не запомнят урок.

Она встала, отряхивая джинсы, и вновь активировала на руке амулет защиты:

— Держитесь за моей спиной. Или идите рядом. Или просто держите свои руки от меня как можно дальше, если уж совсем невмоготу.

Росси промолчал. Или ругался — просто уже про себя.

Ник стало стыдно на мгновение — Росси все же профессионал, он не виноват, что она тоже профи. Она улыбнулась, тщательно пряча зубы:

— Честное слово, у меня все под контролем. И вы бы первоначальную оценку происходящего — это я о поднятии нежити говорю — пересмотрели бы.

Росси, шагая вперед и в бок, чтобы не перекрывать дорогу Ник, уточнил:

— Почему?

Она пожала плечами:

— Любовью пахнет.

Она знала, что нарвется на отповедь — магия не пахнет. Только... Что-то пробивалось

через затхлость и гниль хаоса. Что-то теплое, заставлявшее верить в лучшее. Что-то, чему тут не место. Росси же лишь ответил:

— Ясно.

— Спасибо! — тут же благодарно сказала она. — Обычно мне не верят.

— Я просто принял к сведению. Верить еще нечему — я вас совершенно не знаю.

Пойдемте.

— Пойдемте, — кивнула она. — Вас уже ждут.

— Я знаю, — коротко ответил Росси, которого уже Мигель отчитал по рации, припомнив всех предков, вплоть до лысых кошек.

В соседнем здании на первом этаже их уже ждали — невысокий, хмурый мужчина, прятаясь в темноте. Слишком бледная кожа и алые глаза выдавали в нем вампира — «прекрасное» завершение и так неудачного дня. Если еще и с феями столкнется, то соберет все возможные неприятности.

Вампир, одетый в цивильный костюм, мгновенно шагнул из темноты к ним навстречу:

— Росси, где некромант?

Посреди пустой комнаты на коробках лежал тактический планшет, с выведенной на экран картой, полностью в непонятных закорючках и знаках. Рядом стояли ящики с оружием или чем-то подобным. Комната была погружена в сумрак — выгнутое наружу, словно мыльный пузырь оконное стекло почти не пропускало свет.

Росси, склоняясь над планшетом и явно оценивая обстановку, буркнул:

— Не будет некроманта — все в Алисо. Сказали справиться своими силами или держаться пару суток.

Вампир возмущенно выгнул бровь:

— И ты вместо некроманта притащил человеческую девочку? Еще и невесту из клана барсов. Тебе голову напекло или гон начался внезапно?

Ник замерла, старательно пытаясь рассмотреть хоть что-то через окно — все лучше, чем изображать, что её тут нет. Спорить с вампиром себе дороже — те вечно считают, что делают людям одолжение, забирая их в клан и делая более послушными и милыми — попробуй сперва преодолеть привязку на крови, чтобы возразить!

Росси выпрямился, приподнял забрало и тихо процедил в лицо вампира:

— Во-первых, Перес, познакомься с ловцом первого класса мисс Доу. Во-вторых, Мигель, она не девочка, а профессионал своего дела. И, в-третьих, она не невеста, она сама по себе.

— А воняет как невеста. Или спутница.

Росси выдвинул вперед тяжелую челюсть и повторил:

— Она свободная женщина. Еще одно оскорбляющее её замечание, и я потребую с тебя ответ.

Перес сухо рассмеялся:

— Пффф, лев, да тебя конкретно переключило.

Ник замерла, ничего не понимая — кланы не перемешивались. Росси однозначно ей представлялся как один из клана тигров. Так почему его называют львом?

Ответить Росси ничего не успел — снова еле слышимый свист, в этот раз тут же переходящий в басовитый гул. Резкий, вызывающий хруст в запястье рывок в сторону. Только она его уже ждала — ответила активацией заклинания в бок, откидывая прочь доброхота, а левой рукой вытащила кинжал, тут же выставляя его перед собой. Боевое

заклинание класса Молот врезалось в острие кинжала, заставляя руку Ник дрожать от усилия, помочь себе сломанной правой рукой она не могла. Молот принялся продавливать её защиту, буквально по дюймам заставляя руку предательски сгибаться. Ник сделала шаг назад, чтобы удержать удар. Если она его не удержит... Росси не спасет и доспех класса ультра. Молот считался давно утерянным заклинанием. Защита не была на него рассчитана. То, что останется от самой Ник, не хватит даже на захоронение.

Голову ломило. Зато тошнота прошла. Рука горела от магии молота, сгибаясь все сильнее. Поддаваясь. Предавая. По лицу, разъедаая глаза, потек пот. Хорошо, что она собрала волосы в хвост, а то висели бы сосульками, вызывая в Росси смех. Спина тоже промокла. Самое ужасное, не для неё, для вампира, впрочем, для оборотня тоже, воняла Ник сейчас знатно — если выживет, её отчитают по полной. И унизят — так уже бывало. Хотя какого орка думать о том, как будет морщиться вампир и оборотень из-за её запаха пота, если она не удержит заклинание? А если удержит... Нет, проболтаться, что это был молот, нельзя. Запрут потом в какой-нибудь лаборатории, изучая и ожидая одаренное потомство. Так тоже бывало с ловцами.

Держаться. Это сейчас главное.

На рукоять кинжала поверх её пальцев легла мужская ладонь без доспеха. Ник была дико благодарна Росси за это — перчатка с магусилением ничего бы не оставила от её пальцев. Потерять обе руки за бой она не могла себе позволить хотя бы потому, что жила в одиночестве. И сдыхать бы пришлось опять же в одиночестве.

Перес оценил её защиту — он шагнул ближе, тихо вкалывая в сводящее с ума сломанное запястье обезболивающее.

Молот рассыпался пылью, заставляя чихать даже через маску.

Росси впервые за все время рыкнул:

— Перес, будешь тянуть лапы к моему бойцу — отломаю по самые плечи! — Он достал из раскрывшейся на бедре аптечки моментальный бинт. Ник даже губы облизала от зависти — ей бы такие наштигованные полезностями доспехи... Не для боя, а потом, чтобы были силы добираться домой... — Мисс Доу, можно вашу правую руку?

Она, стиснув зубы — боль не уходила моментально, заставляя по лицу течь еще и глупые девичьи слезы, протянула руку. Росси осторожно подернул вверх припорошенный пылью оранжевый рукав худи и принялся накладывать повязку, тут же застывавшую для фиксации перелома. Бинт еще при этом и приятно охлаждал — вот что значат технологии фейри. Человеческий гипс умудрялся до кучи вызывать дикий зуд.

Ник рукавом вытерла слезы:

— Простите.

— Все нормально, — отозвался Росси под непонятно смешливым взглядом Переса. — Слезы бывают даже у профессионалов. А вы, Доу, молодец.

Она, забывшись, открыто улыбнулась:

— Если признаете мой профессионализм, то отзовите бойцов.

— Это преждевременно, — выпрямился Росси, отпуская руку Ник. — Это очень преждевременно.

Ник дернула плечом:

— Тогда воюйте. Только я говорю, Росси, что это любовь.

Перес сухо засмеялся:

— Девочка, не делай из нашего лигра прикроватный коврик — Росси у нас птица

одинокая и готовая есть с любой протянутой руки.

Ник только рот широко открыла — Росси... Лигр? То-то он в клане тигров...

Росси процедил сквозь зубы:

— Перес, я подаю в отставку сразу же после задания — ты меня достал.

Перес хмыкнул:

— Однако. Третья за все время угроза уйти в отставку. Признайтесь, ловец Доу, чем вы так приворожили нашего Ли...

Росси резко подался на вампира, и тот с улыбкой, показывая все свои острые, мелкие зубы, поправился:

— ...ндро...

— Не играй с огнем, Мигель, — очень тихо сказал Росси. Ник поджала губы — происходящее ей не нравилось: оказаться в центре разборок оборотня с вампиром и выжить при этом невозможно:

— Простите, господа, я вас вынуждена оставить. — Она шагнула в сторону разрушенной стены, через которую было видно дымку Границы. — Дело не ждет, а вы тут продолжайте, воюйте...

Росси остановил её — аккуратно за плечо:

— Секунду, ловец. — Он бросил в рацию: — Утес, отходите на изначальные позиции.

Рация что-то еле слышно рыкнула — слов было не разобрать. Росси только сморщился, стуча по шлему — кажется, на него наорали. Даже интересно, кто там такой смелый оказался... Перес подошел ближе, доставая изящную, тонкую рацию из кармана подпаленного пиджака — Ник широко раскрыла глаза от испуга: она не в Росси попала боевым заклинанием, она высшего вампира отбросила в сторону. Самое время орать про временное помутнение рассудка и искать любую щель в качестве убежища. Или прятаться за Росси — вдруг не выдаст.

Рация в руках Переса пискнула:

— ...мать твою, ты мяты объелся?! Куда отходить?! Тут до человеческого жилья меньше пятиста ярдов!

Другой голос холодно сказал:

— Листопад, это Жердь, подтверди команду на отход.

И еще один:

— Лист, это Ульв, жду повтор команды...

Перес поднес рацию к бледным, узким губам:

— Это Мигель Перес. Подтверждаю команду Листопада на возвращение на исходные позиции. Возвращайтесь, тут работает ловец.

В ответ на Ник обрушилась отборная ругань — вампир заботливо поднес рацию к её уху, чтобы было слышнее.

Кто-то, кажется, Жердь, пробухтел:

— Если эта человеческая тварь облажается — раскатают по асфальту нас, а не его.

Росси буркнул:

— Отставить разговоры. Заткнитесь, кто не понял. Ловец — один из нас.

Ник нашла в себе силы улыбнуться:

— Росси, Перес, благодарю, а сейчас мне пора...

За стеной, там, где начали отход стражи, все вскипело от пламени. Уши заложило от грохота. Воздушной волной Ник отбросило в сторону — её поймал Росси, удерживая в

вертикальном положении. Ник вытерла рукавом толстовки льющуюся из носа кровь — она не успела выставить защиту, расслабившись, ей показалось, что она все поняла, но все же... Где-то прокололась. Вампир хищно вдохнул воздух, но к ней не приблизился.

Рация в руках Переса выплюнула:

— Листопад, тут такая хре... — Мигель спешно отключил рацию.

Ник сглотнула и повернулась к Росси:

— Они отходят к Границе? — она даже губу прикусила в ожидании ответа — от этого зависело все.

Тот, завороченно рассматривая, как капля крови выступила на губе девушки, подтвердил:

— Да.

Ник побелела, уже осознав свою ошибку:

— Пусть отходят вглубь зоны! Это важно! Прошу...

Росси прищурился, явно решая, а стоит ли ей доверять? Сердце Ник гулко билось в груди — она чуть не подвела незнакомых ей парней. Оборотней, да. И не только их — и того, кто им сейчас противостоял. И ту, или того, кого он защищал...

Росси твердо распорядился:

— Это Листопад. Приказ тот же — выходите из боя. Новая точка сбора — на «Ленточке». Все слышали? Прием!

Ник благодарно кивнула и бросилась прочь:

— Мне пора, пока не стало поздно...

— Стоять! — крикнул ей вслед Росси, а потом рванул за ней.

Её затормозила пропасть, раскрывшаяся перед ней — за разрушенной стеной улетали прочь в небеса откалывающиеся от земли острова...

Ник сглотнула, судорожно ища обход.

Росси лишь уточнил:

— Куда надо?

— Туда... — Она махнула рукой в сторону Границы.

— Куда точно? — кажется, Росси стал терять терпение. Надо заметить, для оборотня он был дико кроток — иной бы уже орал и тряс Ник, как грушу. Видела она таких...

Ник закрыла глаза, пытаясь найти точное направление. Тепло, то, что она считала, как волну любви, неслась прочь к Границе. К...

...он должен выстоять... Там, дальше, за его спиной, женское общежитие. Да какое оно женское! Там девчонки, совсем-совсем молоденькие... Он будет стоять. Он... Они маги. Плевать, что первокурсники — все остальные уже в начале года ушли на фронт. Их, первачей, не пустили. Но фронт сам пришел за ними. Нужно просто стоять. Нужно продержаться. Тяжелая кавалерия вот-вот подойдет. Они выстоят. Они... Он огляделся — огненным столбом взорвался Итан. Грег погиб чуть раньше. Он остался один. Теперь только он стоит между девочками и смертью. Он выстоит. Он дождется кавалерии. Думать о девчонках становилось все труднее и труднее. Он будет думать только об Эми. Нельзя, чтобы война пришла к ней во сне... Он выстоит...

Ник сглотнула комок, застрявший в горле:

— Бывшее женское общежитие кампуса Маг. Академии. Вот что я забыла... Тут была Магическая Академия... Бедные мальчики и девочки...

Росси уверенно оглядел дуги и спирали домов, перекрученных между собой, тыкая

пальцем в стоявшее почти на самой границе нечто, тянущееся в небеса:

— Это там. Я...

Звуки взрывов прекратились — стражи-таки отошли в новую точку сбора. И навалилась тишина, в которой Ник продолжала слышать стук одинокого сердца. Тишина, и редкий стук... Сколько она уже ждала спасения? Сколько она ждала помощи...

Ник честно призналась:

— Уроки физкультуры я прогуливала. — Она не стала говорить, что почти год училась заново ходить без поддержки. Это ему знать неважно. Важно то, что сама добраться до бывшего общежития, она не сможет.

— Позвольте вас подвезти?

— Как? — она подняла на оборотня глаза — он все же потрясающе высок. Страшно представить того, кого рядом с Росси прозвали Жердью.

— На броне, конечно. Обычно сидят на шее — на спине доп. двигатели, там не разместиться без термозащиты.

Ник честно призналась:

— Меня стошнит. Прямо на вас — я боюсь высоты, и еще меня дико укачивает. И тогда вы меня прибьете.

Бровь оборотня медленно, но верно поползла вверх.

— Вы точно ловец?

— В основном я спец по защите, а не нападению, если вы не заметили.

— На руки пойдете?

Ник передернула плечами:

— Не противно?

— Будет тошнить — не сдерживайтесь. Доспех мою и обслуживаю не я. — Росси деликатно подхватил её на руки и... Прыгнул. Ник закрыла глаза — сердце сперва рвануло к пяткам, а потом сразу к голове, и кажется, даже чуть за неё, когда последовало жесткое приземление. Росси хорошо, у него внутри гравикомпенсаторы, а у неё их нет.

Прыжок, бег по наклонной стене, еще прыжок, и снова... Скольжение по стене куда-то вбок, когда гравитация самовольно поменяла направление. Сдержанные ругательства — не на Ник, которую все же вырвало, а на сумасшедшего идиота, воевавшего тут. Ник промолчала, что идиоту было всего двадцать лет, он был напуган, влюблен и талантлив до одури.

Движение прекратилось. Ник приоткрыла один глаз и неуверенно осмотрелась — Росси стоял на стене здания, рядом с окном в выгоревшую комнату. Земля была к стене под углом чуть больше девяноста градусов. Причем чувство равновесия подсказывало, что права все же стена, а не земля. Медальон на шее Ник это тоже подтверждал, стремясь к стене.

— Отпустите... Дальше я сама.

— Мне нетяжело. Говорите, куда дальше.

— И все же... Отпустите.

Он поставил её на стену, совсем рядом с окном. Кроссовки тут же стали проваливаться в мягкий, зыбучий бетон.

— Почему? — уточнил Росси. — Вам некомфортно?

— Потому что давайте не лгать друг другу. Я ненавижу вас, а вы ненавидите меня. Тут мы вместе из-за временного сотрудничества. Не более того. — Она пошла вдоль стены, ища то самое окно в уходящем куда-то в туман, вставшем на бок общежития. Когда-то оно было

трехэтажным, сейчас же бесконечным...

— Почему вы ненавидите меня? Точнее... Нас. — не отставал Росси.

Ник обвела руками весь горелый хаос:

— Из-за этого.

Росси кивнул:

— Исчерпывающий ответ. Почему я ненавижу вас?

Она обвела руками себя:

— Из-за этого. Жалкое, вонючее, бессильное существо, нагло требующее к себе равного отношения.

Росси вновь кивнул:

— Ясно.

Видимо, у него это было любимое слово. Или ему всегда все было ясно.

— Знаете, душ и грамотный режим тренировок решат все.

Ник насмешливо отозвалась:

— Вы забыли добавить психотерапевта, желательного вампира, чтобы вставил мозги на место — не людям требовать равноправия.

— По мне, вампиры просто выжигают мозги, а не вправляют, — скривился Росси. — Так что психов не советую.

Ник удивленно посмотрела на него:

— А вы... Интересный оборотень.

— Мне так часто говорят.

Ник ткнула пальцем в уцелевшее окно, прикрытое желтыми жалюзи:

— Пришли. Я сейчас сниму защиту, а вы войдете в комнату. Постарайтесь не напугать девушку. Для неё не было войны и пяти лет мира. Кстати, её зовут Эми.

Доспех с шипением раскрылся, и оттуда вылез мокрый, как мышь, только не такой запашистый, мужчина — высокий, кошмарно широкоплечий, плотный, одетый в тренировочный костюм. Кстати, Росси был довольно симпатичный, если любить зрелую красоту. Ник поперхнулась ругательствами — Росси ей в отцы годился. Он оглянулся на Ник:

— Я лучше в естественном виде тогда, чтобы не пугать ребенка. — в его руке сверкнул шприц с успокоительным. Он заметил взгляд Ник и пояснил: — это на всякий случай.

Ник лишь кивнула и открыла окно. Росси влез в комнату, тут же кувыркаясь из-за сменившегося направления гравитации. Ник отвернулась, рассматривая хаос... Туман. Горелые дома. Останки боевой техники. А ведь она не была роботизирована. Её вели в бой мужчины, парни, мальчишки... Ей было за что ненавидеть. Было. Пусть Росси и не понимал её, хотя ругался на неё он знатно, не сдерживаясь. Она еще помнила про кретинов и сволочей.

Росси вылез минут через пять, неся на плече спящую девочку лет шести, не больше. Абсолютно человеческую девочку.

— Знаете, Ник, сегодня дивно хороший день. Еще один вернувшийся с долбанной войны человек...

Ник попросила, с трудом выдерживая ровный тон — голос пытался дать петуха:

— Росси, повторите, пожалуйста.

Тот без удивления в голосе сказал:

— Хороший день. Еще один человек вернулся с долбанной войны.

— Спасибо. Мне понравилось ваше определение случившегося.

Где-то рядом уснул наконец-то молодой парень — его бой закончился. Земля вздохнула и со стоном стала приходить в себя. Росси чертыхнулся, забрасывая и Ник себе на плечо — он понесся вниз по стене, пока еще гравитация была на их стороне. Желудок Ник благородно удержался — было бы обидно, если бы её снова вырвало на вполне адекватного оборотня.

— Ник... Сегодня... В восемь... Гуляем в «Алой кошке». За вами... Заехать?

И кто её дернул за язык ответить:

— Попробуйте, Росси...

Падала земля. Со скрежетом выпрямлялись здания. Деревья макушками, как копьями, уходили в тротуары, проламывая их. Гул и треск со всех сторон. А он фыркнул:

— Линдро... Или для своих Лин. Ты своя, Ник.

Она прикрыла глаза — дожила. Стала своей для оборотня. Только он ей никогда своим не станет. Они слишком... Ник прикусила губу, когда Росси в очередной раз приземлился, в этот раз неудачно — земля дивно близко оказалась от её болтающейся в районе поясницы оборотня макушки. Они слишком разные... И почему-то похожие... Хорошо бы больше не встречаться с оборотнями совсем, но дом, кажется, решил укорениться в этом округе, пока она не разберется с Эваном окончательно. Ладно, сформулируем иначе — хорошо бы избежать знакомства с новыми оборотнями.

Только это Ник не удалось — зараза Росси так бежал, что остановился лишь на крыльце уже успевшего выпрямиться, теряя остатки стеклянных стен, небоскреба. Перекосившая вывеска на первом этаже приглашала в торгово-развлекательный центр «Ленточка», вход для студентов после девяти вечера запрещен.

В сумраке холла расслабленно на полу сидели пять оборотней, полностью в броне, они лишь забрала на шлемах подняли. Стражи были почти одинаковые: запаренные, усталые, огромные по сравнению с Ник, но не рядом с Росси — все, что помнила она о лиграх, так это то, что они самые большие среди кошачьих. Клан тигров не зря держал его при себе, не отдавая львам: даже самый крупный лев рядом с лигром всего лишь недоросток. Среди стражей штурм-отряда закономерно выделялся лишь один — Жердь, даже сидя, был выше сослуживцев на полголовы. Мигель Перес задумчиво ходил по холлу, что-то рассматривая и хмыкая. Сейчас он почти напоминал человека: ушла краснота из глаз, лицо приобрело более здоровый вид, фигура самую малость изменилась — боевая форма вампиров не впечатляла размерами, как у оборотней. Вампиры брали скоростью и неуязвимостью.

При виде Росси стражи вскочили — кто-то принял на руки девочку, кто-то потянул лапы к Ник — Росси чуть скользнул в сторону, благородно защищая её тыл. Он сам поставил Ник на пол, удерживая в объятьях, пока она приходила в себя — болтаться вниз головой и врагу не пожелаешь.

— А где эта хтонь человеческая? — буркнул парень с надписью «Лейтенант Рик Арано» на броне. Ник пыталась продышать тошноту, прижимаясь к мокрой форме Росси. От оборотня, вот обидно-то, пахло приглушенно деревом и землей. Мягко, ненавязчиво, пряно и... Приятно. Думать, как воняло от неё самой, было досадно. Ник отстранилась в сторону, и Росси ей позволил это. Он сухо сказал:

— Хтонь перед тобой, Утес. Её зовут Ник Доу. Сегодня именно она спасла ваши...

— ...задницы, — понятиливо хмыкнул Арано, разглядывая Ник более внимательно.

— Хвосты, Утес, хвосты! Так что, следующий, кто проявит к ней неуважение, будет мыть язык с мылом. Под присмотром Переса.

Тот довольно сказал, подходя к Ник:

— Однако, однако, кошачий... Не ожидал от тебя такого. Кстати, отставку не получишь.

Ты не прогадал с ловцом.

— Иди ты, — честно предложил ему Росси. — Парни, собираемся и отходим. Тут нам делать больше нечего.

Утес лишь удивленно пробормотал:

— Да ну вас... Врать-то... Это же девочка почти, а не ловец. Люди совсем с ума сошли, детей в бой отправлять?! Еще и утверждают, что сволочи мы, а не они.

Росси ткнул пальцем в Арано:

— Я предупреждал.

Тот лишь фыркнул по-кошачьи:

— И еще раз скажу — только сволочи отправляют в бой детей! Можешь опровергнуть мои слова?

Ник отряхнула пыль с одежды и спокойно сказала, поднимая глаза на Арано:

— Мне двадцать пять лет. Просто я хорошо сохранилась для своих лет. А сейчас, позвольте откланяться, у меня тут еще дела есть.

Перес качнул головой:

— Простите, остальные ваши дела не войдут в оплату.

— Даже не надеялась на это.

— И прежде, чем уйдете... — продолжил Перес. — Я вел себя недопустимо по отношению к вам — я сломал вам запястье. По вашему обычаю, я предлагаю вам на выбор — оплату деньгами лично вам или услугу.

Ник сглотнула и выбрала самое простое — вот ей только денег от вампира не хватало:

— Услуга.

— Хорошо, — кивнул Перес, — все, что в моих силах.

Желая быстрее отвязаться от вампира, Ник сказала:

— У меня дома закончился кофе.

Брови Переса взлетели чуть ли не до границы роста волос:

— Кофе?

Ник пожала плечами:

— Мое здоровье, моя оценка повреждений. С вас пачка кофе. Лучше в зернах.

— Как скажете, — Перес отвесил ей небольшой поклон.

Росси явно обдумывал какую-то гадость, и Ник снова попыталась уйти — она видела, как грамотно занимался Эми один из оборотней со знаками медика на плечевой броне. О девочке позаботятся.

— В общем... Я...

Росси оборвал её:

— Клан тигров вам тоже должен, мисс Доу.

Перес довольно рассмеялся:

— О да, тут вы, мисс Доу, не отмахаетесь пачкой кофе — хвост Росси, его задница и все, что выше, весьма ценится в клане тигров.

Ник натянуто улыбнулась — она даже знала, за что ценили Росси в клане:

— Это месть за пачку кофе?

Вампир кивнул:

— Точно!

Ник резко повернулась к Росси:

— Услуга! Не деньги. Мне от вас ничего не нужно — мы с вами уже обсудили причины этого.

Росси покладисто кивнул:

— Хорошо. Услуга, так услуга... Вас проводить, кстати? А то вы так рветесь...

— Нет, спасибо. Вы в курсе, что я могу постоять за себя. Так что...

— До вечера, мисс Доу. Не забудьте, я заеду за вами.

Ник скривилась:

— До вечера...

Кто-то, кажется, Жердь, восторженно ухнул:

— Ого! Гуляем в «Джунглях»?

Ник, выходя прочь, услышала:

— Бери выше — в «Алой кошке».

Перес добавил:

— Я с вами!

М-да... И зачем ей такое внимание? От оборотней и вампира... Надо было отказаться от гулянки, но тогда, на плече, вниз головой, она закономерно и отказала. Голова, в смысле. И логика, и здравый смысл, и чувство самосохранения вкупе.

Ник пошла в сторону площади перед бывшим кампусом — ей надо было собрать прах мальчишки-первокурсника, пока оборотни и ветер не разбросали все, что от него осталось. Он заслужил быть погребенным по всем человеческим правилам, хоть оказать положенные ему воинские почести она не в силах.

Глава 4. Никаких оборотней. За исключением одного

До своего дома Ник дохромала в одиночестве. И это было хорошо — проветрила ставшие отказывать ей мозги.

Прохладный к вечеру осенний ветер. Солнце, еще согревающее своими лучами. Золотые листья — Третий округ был севернее Сорок первого, где она обычно работала, тут осень приходила раньше. Портил все волшебство вечера погруженный в темноту дом Эвана, точнее он сам — с ним еще надо было что-то решать. Может, стоит поговорить с Росси по этому поводу? Она-то не убийца, в отличие от оборотней. Она рука закона, хоть порядком и устаревшего закона. Впрочем, нет, к Росси она не обратится — Эван человек, он не заслужил смерти от лапы лигра или другого кошачьего. Придется ей думать самой.

Дом заботливо, показывая, что совсем не бунтует, открыл дверь Ник. И даже в душе включил воду, такую, как любит она, обжигающе-горячую, почти сразу же. И даже не выключал её, пока она сидела, прислонившись к стене и безучастно глядя, как утекает вода в слив. День вышел тот еще. Пряно-древесный и пыльно-сумрачный — Ник часто запоминала дни именно так. День не был одиноким, но был предвестником одиночества — зря она оставила Эми оборотням. Может, стоило выбирать в спутники не парней, а ребенка? Кто его знает, найдет ли она когда-нибудь человека себе в друзья или хотя бы во временные спутники. О муже она не мечтала. А вот ребенок... Ребенок, если она будет хорошо о нем заботиться, не сбежит и не бросит. Наверное, стоило подумать и взять Эми к себе. Тому мальчишке-первокурснику понравилось бы.

Она встала все же, выключая душ — пора бы собираться на вечеринку, хотя и не хотелось. Нет, танцы она любила до одури, для неё они, однажды лишенной подвижности, были символом свободы и самостоятельности. Закончив школу ловцов, она свои первые заработанные деньги потратила на уроки танцев. Не хотелось идти на вечеринку из-за оборотней. Из-за непонятного Росси.

Ник, тщательно растерев кожу полотенцем и натянув свежее белье, оперлась руками на раковину, рассматривая себя в зеркале. Отросшие темные волосы, а сейчас в моде было многоцветье. Бледная кожа. Пухлые губы, сейчас обкусанные и сухие. Странные миндалевидные глаза, подсказывающие, что корни её семьи стоит искать где-то в восточных округах — во время войны не делали генетические карты, не до того было. Может, стоит поднапрячься и оплатить карту — вдруг кто-то всплывет из родственников...

Ник усмехнулась, вспоминая реакцию стражей на неё — она не ребенок, но без косметики это не видно. Действительно, хорошо сохранилась... Она вздохнула и принялась наводить красоту. Достала с полки тюбик с красками для волос — «Вдохновение подарит восторг чистых, ярких цветов всей палитры!». Главное, чтобы это не была коричневая палитра или серая. Ник нанесла краску только на кончики волос, надеясь, что, когда они высохнут, получатся красивые перья экзотической птицы, а не вороны. Взяла косметическую маску, изготовленную в Холмах — она была одноразовой, зато обещала сногшибательный результат. Приложила маску плотно к лицу, закрывая глаза. Раздался мелодичный звон, возвещающий, что ей навели красоту.

Ник, побаиваясь результата, отвела маску в сторону, рассматривая себя — сияние бледной, почти фарфоровой кожи, множество блесток, яркие, нагло-красные губы — сама

бы она никогда не выбрала такой цвет, тонкие брови, глаза с черной подводкой и серыми тенями. Первой мыслью было все стереть и идти в клуб без косметики, а потом она махнула рукой — что-то в этом было, этот боевой раскрас лет десять точно ей добавил. Посмотрим, кого тут ребенком называли. Пальцы задумчиво прошлись по флаконам духов, но воспользоваться ими Ник не решилась — оборотни расслабляются и унимают стресс после задания в клуб идут, а не задыхаться в её благовониях.

Она вышла из ванной комнаты, не зная, что надеть. Дом все выбрал за неё — в гардеробной открывался лишь один ящик с короткими топами, такими же микроскопическими юбками и пачками с чулками. И когда она умудрилась такое купить? Не иначе дом через доставку сам заказал.

Ник честно сказала в потолок:

— Дом, я тебя или спалю, или пушу на дрова за такое.

Она все же подергала пару других ящиков, где лежала более приличная одежда, но не тут-то было. Кажется, дом всерьез забастовал. Пришлось натягивать белый топ, оставлявший видимой полоску живота с синяком на боку — во время прыжков Росси она приложилась о броню. В пару к топу она взяла белую, короткую юбку, хорошо хоть узорную резинку чулок она прикрывала. Как поведет себя юбка во время танцев, лучше не думать. Лучше вообще не танцевать. Или уйти в самом начале вечера. Или вообще не ходить...

Ник глянула в большое напольное зеркало:

— Моль бледная, одна штука.

Одно из отделений шкафа со скрипом раскрылось, позволяя взять короткое платье из эмосетки — она улавливала эмоции хозяина и меняла цвет, подстраиваясь под них. Сейчас по эмосетке, ставшей полностью черной, ползли вверх белые пятна — видимо, та самая бледная моль, которой Ник себя ощущала.

Во входную дверь деликатно постучали, отрывая от попытки выбрать что-то иное. Ник спешно натянула на себя платье, оказавшееся с длинным рукавом и подолом до края юбки, и пошла открывать — кажется, для Росси еще было рановато, но мало ли.

На пороге стоял вампир — не Перес, к счастью. Это был парень из людей — видимо, новообращённый из ветеранов войны, их выдавали грубые черты лица и слишком плотные для вампиров фигуры. Многие после проигрыша в войне тогда примкнули к вампирам — рассчитывать на качественную магическую медпомощь они не могли, а вампиры обещали быструю регенерацию потерянных конечностей и органов.

— Мисс Доу?

— Я, — кивнула она, вставая в дверях, чтобы вампир не просочился в дом.

— Я Джонс, секретарь мистера Переса.

Спрашивать, как он её нашел, было глупо. Точно так же, как её найдет Росси — по запаху. Люди оставляют за собой стойкий след.

— И...? — Ник сложила руки на груди — слишком внимательно её рассматривал вампир.

— Разрешите войти в дом?

— Не разрешу.

— Даже если я преломлю с вами хлеб? — вампир старательно улыбнулся.

— Даже если предложите хлеб — всем известно, что вы его не едите.

— Я ваш бывший соплеменник. Вам не нужно меня бояться.

Ник качнула головой:

— Простите, ни в каких племенах не состояла. Что хотел мистер Перес?

— Он просил доставить вам кофе.

Она великодушно кивнула:

— Доставляйте.

Вампир пошел обратно к припаркованной машине, вытаскивая из багажника огромный мешок — кажется, он был размером с двух Ник, не меньше. Вампир играючи одной рукой донес мешок до крыльца:

— Может, все же позвольте его занести в дом?

— Не позволю. Поставьте у двери. — Ник отошла чуть в сторону, позволяя Джонсу водрузить мешок сбоку от неё.

— Как хотите. Кофе элиткласса. Полностью защищен от влаги, порчи и огня. Гарантия хранения более ста лет.

— Я столько не проживу, — улыбнулась Ник.

— Что-то же должно остаться после вас. — слишком серьезно сказал вампир — кажется, он обиделся, что Ник его не пустила в дом.

— Забавно, что это будет мешок кофе. Передавайте мистру Пересу мою благодарность. Услуга оказана и принята.

Вампир достал из кармана пиджака несколько ламинированных бумаг:

— Мистер Перес слишком расстроен случившемся, и он решил, что кофе недостаточно.

Он передает вам пожизненные права на кемп в Центральном парке — это элитный кемпинг с видом на озеро. Оплата услуг кемпа уже внесена — на десять лет.

— Я тут не задержусь настолько.

Джонс пожал плечами:

— Это сугубо ваше дело, ваш кемп никто не займет. И еще... Медицинская страховка.

Ник не удержалась от шпильки:

— Тоже элиткласса.

— Мистер Перес — замгубернатора Третьего округа. Он может себе позволить многое. Не стоит беспокоиться. В страховку все включено. — его взгляд задержался на сломанном запястье. — Вы можете поехать в любой медцентр хоть сейчас — вам магически срastят кости.

Он протянул ей бумаги:

— Держите. Это вам.

Она взяла документы, не зная, воспользуется ли ими.

— Передавайте мистру Пересу мою благодарность.

— Передам... Какие-то вопросы? Что-то неясно, мисс Доу?

Ник решила:

— Вы ничего не знаете о судьбе девочки, спасенной за Границей?

— Её лечат в лучшем госпитале, не стоит беспокойства.

— А после лечения?

— Попытаются найти её родственников или выставят на аукцион детей.

Ник скривилась — ох уж эти аукционы... Ей не перебить ставки кланов, дерущихся за свежую кровь.

Джонс не удержался:

— Зря кривитесь — доказано: то, за что заплачены хорошие деньги, не подвергают унижениям и не ломают понапрасну.

— Вы говорите о ребенке. Человеческом ребенке. Как там...? Бывшем соплеменнике?

— Мисс Доу, это не ваше дело. И, опережая вас, скажу — и не мое тоже. Удачи, мисс Доу. И... Вы ослепительно выглядите — клану ирбисов повезло с такой невестой. Третий принц может гордиться своим выбором.

Ник лишь сцепила зубы, заставляя себя проглатывать ругательства. Принц. Третий. А чего она хотела, начав свой лист требований к принцу?! Вот же... Дурочка! У него и конь поди есть... Белый!

Машина вампира отъехала, чтобы уступить место алому спорткару — приехал Росси, не иначе.

— А хорошо платят местным стражам, — буркнула она, рассматривая хищные, гладкие бока машины с низкой посадкой и спойлером на капоте.

Росси вышел из машины и направился к Ник, оставшейся на крыльце в его ожидании. Он оделся не так вызывающе и ярко, как Ник — всего лишь белая обтягивающая футболка и голубые джинсы. Платье Ник задумчиво перешло в алый — она как раз гадала: стоит ли вернуться за кинжалом и где его в таком случае прятать? Не под юбкой же...

Росси, поправляя рукой короткий ежик светлых волос, поздоровался:

— Добрый вечер, Ник. Шикарно выглядишь. Алый тебе к лицу.

Цвет тут же сменился на болотно-зеленый — нравится Росси не хотелось. Кинжал можно и в сумку положить.

— Спасибо, Росси.

Он протянул ей подарочную коробку с хлебом:

— Я оборотень из клана Тигров Линдро Росси. — то, что он лигр, и вдвое опаснее тигров, он не добавил. — Не преломишь со мной хлеб?

— Нет, — честно сказала Ник. Она помнила про кретинов и сволочей, она помнила, как он отзывался о людях. Да и... Он физически пугал Ник — своим ростом, комплекцией, силой — в схватке с ним она выживет только при помощи зелий, и то это под вопросом.

Росси снова прошелся пятерней по прическе и легко перешел на официальный тон:

— Что ж, ваше право. Поедем?

Ник сунула бумаги от Переса на полку возле двери:

— Я сейчас, только...

— Кинжал не берите — на входе в клуб проверка на оружие. Вряд ли вы захотите доверять боевое оружие охране.

Она кивнула:

— Тогда я готова.

— Не бойтесь — в компании шестерых стражей вам ничего не грозит. Мы сами по себе оружие.

Ник благоразумно не стала добавлять, что именно этого она и боится. Она позволила Росси открыть ей дверцу машины и села на пассажирское сиденье. Она даже поискала ремень безопасности, прежде чем сообразила, что в фейри-модификациях машин их нет. А у Росси был именно этот вариант — пафосный и явно демонстрирующий все о его комплексах. Обратни любили подчеркивать свой статус вещами.

Росси сел на водительское кресло и завел мотор, тут же громко и раскатисто рыкнувший.

Ник еле сдержала слова, зато платье выдало её — стало лимонно-насмешливым. По ткани побежали довольные улыбочивые смайлы.

Росси фыркнул, выезжая на дорогу:

— Терпеть эту машину не могу. По мне проще пробежаться, чем ехать на этом монстре.

Только родня требует соблюдать статус.

Ник пожала плечами:

— Я не осуждаю вас.

— А я просто поясняю, мисс Доу. Может, все же ради вечера перейдем на имена? Не будем мучить себя мисс и мистерами? Хотелось просто расслабиться. Обещаю, я не допущу бестактностей.

Ник хотела было прикусить губу, но вспомнила о шикарной помаде, которая точно перемажет зубы:

— Давай... Можешь звать меня Ник.

— Я уже представлялся — Лин.

Он ненадолго замолчал. Ник тоже говорить не хотелось. Она смотрела на исчезающий в сумерках человеческий квартал, идущий вдоль Границы. Странный квартал — дома задними дворами выходили на улицу, а должны-то парадными крылечками.

— И кто проектировал эту улицу? Какой-то безумец?

Росси пояснил:

— Это временная Кленовая, тут вместо дороги должен был идти второй ряд домов, но Границу не успели отодвинуть, так что постоянная Кленовая, с другой стороны домов, до сих пор только в умах проектировщиков.

Машина резко вырвалась на яркий, утопающий в неоновом свете проспект с небоскребами, и Ник прикрыла глаза — от обилия рекламы и ярких вспышек голова начала побаливать.

Машина внезапно затормозила — Росси припарковался перед сияющим неоном клубом.

— Приехали, — сообщил Лин очевидное.

— Так быстро? — удивилась Ник, сама выходя из машины.

Лин хмыкнул:

— Я же говорил — проще пройтись, но идиотский статус... Пойдем — парни уже ждут. И не стесняйся: устанешь, тут же говори мне — я отвезу тебя обратно домой.

Он провел её мимо большой очереди в клуб. Мимо охраны, только махнув им приветственно рукой. Рамка металлоискателя даже не мигнула, пропуская их — Росси... Лин тоже не захватил оружия.

Клуб внутри потрясал своими размерами и публикой. Тут были и оборотни, и вампиры, и даже фейри в своих летящих одеждах, причем фейри не скрывали свои изъяны. То тут, то там мелькали козлиные ноги, пустые спины и безносые лица — когда-то Пакт настоятельно требовал, чтобы изъяны фейри были видны людям, а, оказывается, они их и не стеснялись.

Длинная стойка бара, сцена, занятая оркестром — и кто сейчас танцует под живую музыку? Человеческие клубы предпочитали обходиться диджеями.

Музыка, непривычно нечеловеческая, с этническими нотками скрипок, виолончелей, флейт и еще чего-то, приятно захватывала и подстраивалась под стук сердца Ник. Мир терялся и исчезал под звуки гитар...

В центре танцевальной площадки было многолюдно. Даже верхние ярусы были заняты танцующими. В подвешенных в воздухе при помощи магии клетках самозабвенно танцевали полубогаженные девушки и парни. Высоко над танцполом, на третьем ярусе, куда вход перегораживали хмурые охранники из огров, танцоры и вовсе были не одеты... С

потолка, пряча этот ярус, неслись то облака тумана, то розовые лепестки... Иногда завеса приоткрывалась, интригуя и притягивая жадные взгляды. Ник отвернулась от непристойностей, которые там происходили. В основном, с людьми. Хотелось верить, что им за это хорошо платят. И что все происходит добровольно.

— Нам туда, — Росси рукой указал на идущие вдоль стен, утопавшие в приятной полутьме зоны отдыха — со столами и приватными кабинетами.

Лин шагнул к большому столу, спрятанному от соседей высокой резной стеной. Магический щит приятно приглушил музыку, уже бушевавшую в крови Ник и звавшую танцевать.

Парни, которых Ник впервые видела без брони, встали, приветствуя их с Лином. Он принялся представлять их, но та не запоминала имен и званий... Перед глазами Ник вставали фотографии из школы ловцов. Это сейчас стражи обманчиво спокойны и улыбки. Это сейчас они пожимают ей руку и признают её заслуги... Она видела другое — сломанные, закусанные до смерти тела девушек, так не вовремя столкнувшихся с возбужденными оборотнями. Память услужливо подсказывала правила съема зубной формулы и оформления показаний. Зубные формулы ирбисов — Утес оказался из их клана, зубные формулы тигров — остальные стражи были именно ими. Формулу лигров она не знала — те были редкими тва... Созданиями, и Ник надеялась, что зубную формулу Росси она никогда не узнает. Хорошо, что Перес не сдержал своего обещания и не пришел...

Её посадили за стол, ей протянули бокал с чем-то обжигающе-приятным. С ней шутили и смеялись. Ей даже на память расписались на фиксповязке. А музыка все закипала и закипала в крови... Она звала за собой, хоть и была приглушена щитом.

Жердь первым встал и потянул её на танцпол, несмотря на недовольное возмущение Росси:

— Помни, что она человек!

А она сама сейчас не помнила этого — надо, наверное, чаще бывать в клубах.

Музыка ворвалась в неё, заставляя забывать обо всем.

Только ритм барабанов.

Только низкие вибрации бас-гитары.

Только яркие, прорывающие вспышками трели флейты.

Только движение. Изгибы чужих тел. Руки то на талии, то на плечах. Сейчас это было неважно.

Она просто слишком давно не танцевала.

Свобода и независимость.

Парни менялись перед ней — ей было все равно, под кого подстраиваться. Танец захватил её с головой, даря ни с чем несравнимый вкус давно забытого счастья.

Её пытались увести с танцпола, но она возражала, снова сливаясь с музыкой. Снова становясь с ней единым целым. Сейчас даже кружащийся с ней в танце вампир не пугал — он легко подхватывал каждое её движение и отзеркаливал его, усиливал, менял и возвращал ей.

А потом... Потом почему-то возник уже знакомый аромат земли и дерева. Вампир недовольно полез в бой, но был зажат телами трех оборотней, что-то быстро внушавших ему. А затем вампир вылетел с танцпола — штурм-отряды не любят, когда им угрожают. Вампира спешно подобрала охрана и утащила прочь.

Лин повел её в танце. Его ладони легли ей на плечо и на горящую от жара талию,

крепко прижимая к себе. И отстраняться не хотелось. Сейчас он был притягателен и желанен. Она гибко подстроилась под его тело, эмосетка стала бесцветной, а потом взорвалась яркими вспышками чистого света. Лин склонился к Ник, она даже привстала на носки, ожидая поцелуя, но оборотень, обжигая дыханием её ухо, прошептал неожиданное:

— Ник, возьми себя в руки — ты с головой выдаешь себя!

— Я не выдаю себя, поверь!

Утес сунул банкноту одному из музыкантов, и заиграла медленная, чувственная мелодия. Лин в сердцах выругался, а потом, меняя шаг, вновь принялся увещевать:

— Ник... Мисс Доу! Ты затанцевала полклуба. Уже все поняли, что ты фейри — остановись!

Он пошел вслед за мелодией, закручивая Ник в танце. Круг за кругом, все ближе к щиту.

— Ник...

Она подалась на цыпочках — сейчас его ладони на талии ей нравились, они вполне справлялись с танцем:

— Я человек. Я просто люблю танцевать...

— А я вампир, ага. — Лин сделал еще один круг и все же вытолкнул Ник под защиту магического щита, приглушающего музыку.

Ник рассмеялась ему в лицо:

— Найдешь хоть один изъян, признаю себя фейри.

Она легко выскользнула из объятий оборотня — он не стал удерживать её, только настороженно следил, чтобы она не рванула обратно на площадку.

Ник извиняюще улыбнулась:

— Я человек. Просто я обожаю танцевать. Ты не представляешь, через что я прошла, и что для меня значат танцы.

Лин, подавляя рычащие нотки в голосе, все же спросил:

— И что же для тебя значат танцы?

— Свободу. Счастье. Возможность двигаться и не зависеть от чужих лапающих рук. Возможность улизнуть из липкий лап воспитателей, якобы осуществляющих гигиенические процедуры. Но тебе это непонять, Лин. Ты никогда не терял возможность двигаться, и это к лучшему.

Она направилась к выходу из клуба.

На улице похолодало. Ник пожалела, что не захватила куртку. Эмосетка задумалась и выдала все же смесь голубого и кипельного.

Улицы были пусты — время приближалось к утру. Дорогу до дома Ник помнила и, несмотря на холод, не спешила — там непонятный Эван, с которым что-то надо делать. Хотя за спиной оставался не менее непонятный Линдро Росси. И её странная реакция на него, ожидание поцелуя... Совсем голову снесло из-за музыки! Иногда она действовала на неё гипнотически, заставляя... Да-да, заставляя творить глупости. Она поежилась.

То, что Лин пошел за ней, она поняла только, когда на её плечи опустился теплый, чужой пиджак. Откуда он взялся, Ник не сразу сообразила, ведь в клуб Лин пришел без него — наверное, он возил его в машине. Оборотень тихо шел сзади и чуть сбоку. Молчал. Явно рассматривал. Ник обернулась сама:

— Я человек.

— Ясно.

Ник еле слышно спросила:

— Что тебе ясно? Фейри задыхаются от бега? Фейри тошнит или укачивает? Фейри страдают боязнью высоты?

— Нет, — подтвердил её слова Лин.

— Скажи, у меня есть хоть один изъян?

Лин криво улыбнулся:

— Ты мисс Совершенство. Такая, как и должна быть.

Ник, продолжая шагать, плотнее укуталась в пиджак, вдыхая землистый аромат Лина.

— Может, уши с изъяном? Или нос? Или пустая спина?

— Нет, спина что надо — её сегодня все видели.

— Может, ноги? — Ник даже разулась, демонстрируя обычные человеческие стопы.

Лин повторился:

— Нет, ноги твои тоже все видели. И то, что скрывается под юбкой, тоже вряд ли с изъяном.

Ник, зная, что выглядит жалко, надела туфли и пошла дальше:

— Раз нет изъянов, значит, я не фейри? — Лин молчал, и Ник снова остановилась, чуть потягиваясь на носочках:

— Кем я пахну?

Лин честно зарылся носом в её макушку и прошептал:

— Мной.

Ник возмущенно отпрянула в сторону:

— Я имела в виду — человеком, оборотнем или... — Она замерла, обдумывая услышанное: — То есть хочешь сказать, что Маки от меня больше не пахнут? Метка исчезла?

Лин отрицательно качнул головой:

— Метка все еще на месте.

— И где она?

Палец Лина скользнул по кромке уха:

— Тут.

— И как она снимается?

Лин признался:

— Легко, но я не могу. Я не имею права спровоцировать бойню между тиграми и ирбисами.

— Я сама справлюсь и найду Ма... Ирбиса. Не волнуйся. Я бы и не попросила. Честно, я стараюсь никого не подставлять. Если и подставляю, то исключительно из-за нехватки опыта.

— Ник...

Она снова упрямо повторила, сворачивая на улочку с кленами:

— Я человек. Просто люблю танцевать. — она пошла дальше, стараясь не наступать на тени от ветвей — глупое детское поверье. Лин сопровождал её все так же сбоку, чтобы не мешать ей:

— Ты сдавала генетическую карту?

— Во время войны было не до этого.

— И родителей своих не помнишь, да?

— Как догадался?

— Доу — такую фамилию дают тем, кто не помнит себя. У нас ты бы была Эспозито. Подкидыш, сирота, дитя бога...

— Ник Эспозито — красиво звучит... Только прошу — не лезь в мое прошлое! Не лезь. Это тебя не касается.

Он просто проигнорировал её слова — как же, гордый хищник! Венец природы!

— Если останешься в нашем округе, можешь сменить фамилию. Это просто.

Ник честно сказала, подходя к своему дому:

— Не знаю. Я еще не решила, остаться ли.

Лин остановился рядом, Ник понятиливо скинула пиджак, но он оборотня не заинтересовал. Он смотрел на крыльцо дома, на валяющегося там явно пьяного Эвана — спиртовыми парами воняло даже для Ник.

— Ты с хозяином дома договаривалась о стоянке?

— Нет. — Ник повесила пиджак на перила крыльца, обняла себя за плечи, а потом пересилила брезгливость и подошла к Эвану, забирая у него из рук бутылку — пригодится для небольшого магического эксперимента. Футболка Эвана задралась вверх, показывая впалый живот, джинсы, наоборот, стремились вниз — так он похудел за последние дни. Может, ему осталось совсем мало...

Лин присел, проверяя все же пульс на шее парня:

— Ты с ним преломляла хлеб?

— Нет, — призналась Ник.

— То есть войти в дом мы не можем... — Лин выпрямился. — Чувствуешь, что воняет протекшим алхимическим раствором?

Он даже шумно принюхался. Ник фыркнула:

— Ты всегда так нарушаешь закон?

Лин, подхватывая Эвана на руки и пинком открывая заднюю дверь, оглянулся на Ник, не дожидаясь ответа:

— Ты же меня не выдашь? Иного способа попасть в дом у меня нет, а парень замерзнет на улице.

— Не выдам. Только... Брось его на диване на кухне — остальная часть дома не пригодна для жилья.

— Как скажешь, — Лин на миг исчез за дверью, а потом плавно выскользнул на улицу. Уже без Эвана. — Кажется, у парня большие проблемы.

Ник, всматриваясь в Лина — все равно же дом не выпустит её из этого округа, пока она не упокоит Эвана, спросила:

— Ты говорил про услугу.

Лин тут же насторожился — вроде ничего внешне не изменилось, а заметно, что замер в ожидании подвоха:

— Что именно?

— Ты бы не мог собрать сведения на этого Эвана? Все, что сможешь. Особенно о его семье и их пропаже.

— Что-то подозреваешь?

— Он ушел от вашего закона.

Лин кивнул:

— Сделаю, что могу, но сразу говорю — я не следак. У меня нет права на возбуждение дел, да и собирать улики и прочее я не особо умею — не мой профиль. Я страж штурм-отряда: взорвать, защитить, уничтожить... Не более того.

— И все же... Постарайся?

— Постараюсь, — согласился Лин. — и раз у тебя нет разрешения на стоянку именно тут, ты не хочешь переехать в кемпинг? Я могу помочь...

— Мне Перес уже подарил стоянку в кемпинге Центрального парка.

— Хорошее место, — признал Лин. — Только с Пересом будь осторожна. Он любит учить девочек уму-разуму.

— Я не девочка. И могу за себя постоять.

— Я знаю, но все равно беспокоюсь. Имею право — я же страж.

Ник вернулась к двери дома, тот её охотно распахнул. Лин заглянул через её плечо, замечая огромный мешок кофе...

— Я помню — ты не преломила со мной хлеб, и права входить у меня нет...

Ник рассмеялась:

— Больше не пахнет алхимическим раствором?

Он серьезно качнул головой:

— Точно не пахнет. Я, оборотень Линдро Росси прошу однократного доступа в твой дом, чтобы занести мешок до кухни или куда скажешь. Я не причиню вреда ни тебе, ни дому, ни его обитателям.

Ник вновь обняла себя руками:

— Заноси, чего уж...

Он скрылся в доме, таща мешок... А Ник все стояла и смотрела на дом, на газон, на свои туфли с помпонами на крыльце... На бутылку с вином — она её поставила возле двери. Что-то надо делать. Что-то надо решать...

Лин вынырнул из темноты дома и встал рядом:

— Помочь с переездом в кемпинг?

Ник пожал плечами:

— Мотор сдох. Или еще что-то... Не заводится, а так-то я давно бы убралась отсюда.

— Не проблема.

— Умеешь чинить? — она решила и, взяв ключи с полки у двери, кинула их в протянутую руку Лина. Правда, сейчас она не знала, кого она все же проверяет — дом или Росси.

— На войне чему только не научишься, Ник. И не смотри так, я воевал не на твоей стороне. — Он подошел к водительской кабине, сел и вставил ключ: — ну-ка, вредина, проверим тебя...

Вредина басовито заурчала рабочим мотором, признавая Росси. Вот же...

Лин высунулся с водительского кресла:

— Ты или я за рулем?

— Ты. Я все равно дороги не знаю. — Она обошла кабину и села. Только дом не прав, признавая Росси — Лин слишком стар, слишком самоуверен, слишком... Все — слишком.

Росси осторожно выехал на пустую дорогу. Уличные фонари пробивались через густую крону деревьев... Наверное, этих желтых кленов ей будет не хватать...

Оборотень разбил тишину, глядя прямо на дорогу:

— У нас хороший округ. Мало вампиров, мало фейри. Обратней и людей поровну. Преступность низкая, зато за Границей такая ерунда творится, что тебе понравится. Познакомишься с местными... Я могу познакомить с барменом из «Джунглей» — он берет разные заказы. За небольшой процент может и для тебя брать... Парни, опять же — ты им понравилась, они могут работенку подбрасывать...

Ник грустно улыбнулась, искоса рассматривая правильный профиль Лина, его портила только квадратная челюсть — наследство от львов:

— ... и ты, конечно.

— Я? — он даже отвлекся от дороги.

— В смысле подбрасывать заказы.

— Могу Переса озадачить. Он сволочь, как все вампиры, но наша сволочь... Оставайся, не пожалеешь. А пожалеешь, всегда нетрудно уехать прочь.

— В этом ты прав.

Снова повисла тишина.

Шины шуршали по асфальту, свет фар выхватывал толстые стволы деревьев. Автодом свернул в уютный старый парк. Наверное, он уцелел во время войны. Или его восстановили феири. Фонари под старину вдоль дорожек. Желтый приятный рассеянный свет, словно электричество еще не изобрели. Гостеприимные газоны, клумбы с ничем не ограниченными цветами. Никаких препятствий, никаких заборов — только наслаждайся жизнью...

Лин аккуратно заехал на площадку кемпинга и припарковался — Джонс не соврал, вид на озеро был прекрасен. Тут даже пляж был.

Лин выскочил из кабины и пошел к распределительному щиту — подключать дом. Видимо, точно, война научит всему. Ник вышла следом, захватывая стопперы под колеса дома. Пока Лин возился со шлангом грязной воды, Ник села на крыльцо. Новое место ей нравилось. И если людей тут поровну с оборотнями, то жить можно. И еще же Эми... Точно, надо пока остаться. Хотя бы решить проблему с Эваном.

Лин присел рядом с Ник, на ступеньку ниже, но ниже сам от этого не стал — его глаза, сейчас красные в глубине зрачков, внимательно рассматривали её.

— Ник... Я тут забыл тебе сообщить новость. Улицу, которую ты разминировала, отстроят по новой. Границу перенесут. Хаос отступит... Улицу решено назвать в честь Дена Стюарда, брата Эми. Он заслужил это своим мужеством.

— Он человек, — удивлено напомнила Ник.

— Он воин, который стоял до конца ради Либорайо. Ради того, чтобы город жил.

— Ясно.

Лин фыркнул:

— И что же тебе ясно?

— То, что мир меняется.

— И мы меняемся в нем. Ник, оставайся. Тут можно попробовать быть равной.

Ник повернулась к нему, заглядывая в лицо:

— С тобой?

— Почему бы и нет? Я не лезу к тебе в защите. Ты доверяешь моим атакам. Вполне можно сработаться... Можно дружить. И не смотри на меня так...

— Ты мне в отцы годишься.

— Мне сорок. Даже оборотни так рано не обзаводятся потомством. В четырнадцать я еще даже не влюблялся. И да, мне было почти столько же, сколько тебе, когда мир... Точнее, война, заставила меня меняться.

Ник отвернулась, рассматривая фонари в парке. Слушая тишину. Вдыхая свежий воздух.

Лин серьезно сказал:

— Ник Доу, я могу вас поцеловать?

Ник резко развернулась к нему:

Утром, пока Маки, разметавшись почти на всю кровать, спал, Ник пошла на кухню за водой и замерла, увидев свой список требований к принцу. Над её последним пунктом «Никаких оборотней!» было кем-то приписано «За исключением одного!». Рядом стоял мешок с кофе.

Ник потерла лоб — и вот кто из двух оборотней в её новой жизни это приписал? Лин или Маки?

Глава 5. Тайна Эвана

Маки не соврал. Море было шикарным. Скованным у берегов во льды, как все вокруг за Границей, и отчаянно синим вдали. Оно не надоедало уже седьмой день подряд. Оно умело быть разным. Ласковым, грозным, шумным, недовольным, тихим, оно было самой жизнью, меняя настроение по собственному желанию. Оно дышало и бурлило. Оно ждало. Сорок первый и Десятый округа слишком далеко. Море давно было одиноким.

Маки, согревая, обнимал Ник со спины, пока она сама на цыпочках тянулась куда-то прочь. То ли в небеса, то ли вслед за песнями синих китов, танцующих в спокойных водах моря — там, где солнце... Они пели, и их песня, то высокая, остро царапающая нервы, то переходящая в приятное мурлыканье, отзывалась в сердце Ник — не затанцевать бы на краю мира, отдаваясь на волю ветра и соленой воды. Снег скрипел под её ногами, иней посеребрил и шерстяную маску на лице, и саму Ник.

Маки тихо прошептал в висок, обжигая дыханием:

— А я тоже так могу... — Он нагло замурчал, вызывая дрожь, быстро распространяющуюся от ухающего сердца куда-то вниз.

— Маки...

— Нииииик... Пойдем домой, холодно. Я буду тебя согревать... — Его дыхание скользнуло по лицу, напоминая, как именно он согревает.

Ник отстранилась в сторону. Точнее попыталась — вырваться из объятий ирбиса та еще задачка. Это не Росси, который отпускал по первой же просьбе... Ник вздрогнула — не от любопытного носа Маки, прошедшего по её лбу. Она вздрогнула, не понимая, почему именно сейчас вспомнился лигр?

Маки снова мурлыкнул, стаскивая с себя шерстяную маску и невесомо целуя её глаза — он губами осторожно собирал иней с её ресниц:

— Разве плохо стараюсь?

Ник кивком признала — старался он замечательно, так что вырваться на свободу иногда приходилось с боем. Шуточным, конечно, обижать Маки, слишком ласкового и любвеобильного, не хотелось.

Ник вздохнула и подалась в бок, разворачиваясь в сторону дома. Сюда, в эту бухту они пришли впервые. До дома и тепла еще идти и идти...

В привычно темном небе заплясали танцоры, освещая ледяную пустыню. И при их зыбком, обманчивом свете Ник заметила вдалеке утопавшие под снежным покровом покореженные строения.

— Маки, а там что? — она для верности рукой показала.

— Там? — Маки перехватил её руку и потянул за собой к дому. — Там старый порт — когда-то Либорайо имел выход к морю. Сейчас это невозможно.

Ник вырвала руку и пошла рядом:

— Вон те строения кажутся более новыми — их даже не так сильно занесло снегом.

— А, те... Это три года назад был ледяной прорыв. Тогда пришлось Границу переносить. Под прорыв попал больничный городок и кампус медицинского университета.

— А кто прорвался?

Маки пожал плечами:

— Говорю же — ледяной прорыв.

— Так не бывает — тут должны были быть или снежники, или ледяные храны, или нежить, поднявшаяся в снегах.

— Не знаю — приходили вампиры, проверяли, но никого не нашли. Просто ледяной залп. Перес подозревает боевые самовосстанавливающиеся амулеты, оставшиеся с войны, но еще ни один не был обнаружен. Поэтому... Просто залп.

— Надо же... И много погибло тогда?

— На удивление мало — оборотни же быстро бегают. Успели сами убраться из-под залпа и вытащить людей. Так что погибли в основном лежащие человеческие пациенты больницы чуть больше десяти человек, да три операционных бригады. Они не могли бросить своих пациентов... А что?

— Может, сходим и посмотрим?

Маки качнул головой:

— Далеко. Замерзнешь.

Ник с обидой вдруг подумала: «А Лин лишь спросил бы: „Куда точнее?“. Вот же... Не повезло с кошаком...». Только вслух она сказала другое — обижать Маки не хотелось.

— Да, ты прав.

Тот сам все понял — кажется, её выдал тон голоса.

— Не обижайся — холод очень коварен. Тут многие пытались разобраться — выход к морю жизненно необходим Либорайо, но пока все бесполезно. Ник, будь умным ловцом — не лезь туда. Я серьезно — тут оборотням-то плохо приходится. Только вампиры и шарятся в поисках ответа.

— А фейри?

— Ледяных не осталось — их Холм был уничтожен алхимической бомбой, выгорел дотла. А другие фейри в такой холод не суются. Пойдем...

Ник послушно кивнула, хотя взгляд нет-нет да и возвращался к ледяному щиту, сковавшему почти по крыши старый порт и бывшее человеческое жильё. Дом же для чего-то приводил её сюда — может, не ради Маки, а ради...? Сердце предвкушающе забилося — Ник обожала загадки, например, как ледяной залп без нежити.

— Ты прав. Надо возвращаться.

Причем возвращаться в город.

Заодно, и библиотеку надо посетить — что это за спонтанный ледяной прорыв без нежити? Интересно, тут есть прокаты брони? Не то, чтобы ей требовались доспехи класса ультра, как у штурм-отрядов, но что-то попроще, типа инфра, только с двигателями, чтобы не искать дорогу в торосах — все же Маки был прав, тут было смертельно холодно. Ник уже не чувствовала своих ног ниже колен, и это несмотря на двойные штаны с утеплением.

Дома было приятно тепло. Горел камин в большой гостиной, на полу в цветных фонариках сияли алхимические огоньки — свечи дом не любил, но шел на поводу желаний Ник, усиленно создавая романтику. На кухне в духовке еще не остыли заранее отправленные туда булочки. Оставалось только закипятить воду на плите, да сделать то ли чай, то ли кофе. Кстати, кофе Маки варить не умел.

Ник сняла с себя шарф и шапку, а руки Маки уже стаскивали с неё куртку и штаны, словно она дитя. Хотя целовал её Маки совсем не по-детски. Нос, ухо, шея, он не пропускал ничего... Просто кто-то слишком любит... греться. Или греть. Так что до чайника на плите Ник добралась нескоро — Маки, зараза такая серебристая, развалился на полу в гостиной, мурча и готовясь к новым подвигам. А Ник хотела кофе и булочек.

На глаза на кухонном столе попала бутылка с вином, которую Ник забрала у Эвана. Остатки вина уже высохли по стенкам, подсказывая, что готовы к заклиниванию. Только готова ли сама Ник узнать настоящего Эвана? Она прикусила губу и упрямо открыла шкаф с травами. Готова. Сколько можно оттягивать неизбежное. Да и в город решила возвращаться... Она спешно набросала в кружку травы истины и залила кипятком, кофе можно выпить и потом.

Ник обернулась в гостиную:

— Маки, тебе чай или кофе?

— Ммммммолоко! — выбрал свой вариант оборотень, натягивая штаны.

— Молоко... — Она достала из холодильника огромную бутылку с молоком и налила его в кружку для Маки. Тот уже подкрался сзади, пугая до полусмерти — приобнял со спины, сцепил ладони у неё на животе в замок и, утыкаясь носом в ухо, довольно замурчал: — Ник... Люблю тебя.

Она даже вздрогнула от неожиданности: одно дело — признаваться, что скучал, и совсем другое... Признаваться в любви. Даже жаль стало, что им с Маки немного не по дороге — она вольная птица, а Маки привязан к клану, вряд ли ему позволят уйти вместе с ней в никуда. Он же... Третий принц в иерархии клана ирбисов. Кстати, он до сих пор об этом молчал.

Не позволят Маки уйти. А Ловец не может годами сидеть на одном и том же месте, его кормят ноги, он же не прирученный властью страж штурм-отряда. Она вздрогнула, не от шершавого языка Маки, пронёсшегося по кромке её уха — она вздрогнула от того, что опять в памяти всплыл Росси.

— Ниииик, отомри, это нестрашно...

— Маки... — она выскользнула из его объятий, хотя Маки все равно уцепился, не отпустил до конца — поймал её своими пальцами за мизинец.

— Огонек, понял — не вовремя. Осознал, раскаялся, больше пока не буду. — Его пальцы осторожно поправили её челку, заправляя за ухо.

Он перевел взгляд на кружку с молоком и залпом её выпил. Потом подумал и налил ещё. Выпил не до конца, бросая кружку в раковину.

— Ник, пойду-ка я — проверю алхимическую батарею. Тревожно что-то. — Вот у него всегда так — все надо проверить, все надо держать или под контролем, или в объятьях. Ник проводила взглядом его поджарую, полуобнаженную фигуру — свитером Маки не озаботился. А в голове билась мысль, что пора менять список — переходить с принцев на простых парней. Маки с ней не уйдет — слишком высокое положение в клане. Лин — тем более, особенно если вспомнить, что он лигр, что его удержали в клане матери, что статус он поддерживает дорогими спорткарами...

Скажем, завести новый список — завалывшихся без дела. М-да... Как Эван. Он и кофе готовить умеет, и блинчики стряпать, а коня... Коня можно и простить.

Она залила заварившиеся травы в бутылку из-под вина, побултыхала её, чтобы травы собрали чувства Эвана, и быстро, пока еще не прошла решимость, выпила горькие, горячие травы.

Живот тут же скрутило болью — фантомной, чужой, но от этого не менее мучительной. Отчаяние. Нежелание жить. Решимость прорваться куда-то. Что-то сделать. Понимание, что сил не осталось, не пропустят, не дадут, не позволят... И тихим всполохом под белыми углями боли любовь, сводящая с ума.

Ник не сдержала стона, от боли опираясь локтями на столешницу. Сцепила зубы, проглатывая ругательства. Со спины её тут же обняли:

— Огонек...

— Все... Хорошо... — процедила она.

Маки шумно вдохнул носом и выругался:

— Зелёе истинных чувств?! Ты мне... Не веришь, Ники?

Она выпрямилась, разворачиваясь в кольцо его рук:

— Верю. Я проверяла не твои чувства...

— Ники, так нельзя. Это запрещено.

— Маки...

Тот сокрушенно поправился:

— Да, прости, Ник — не Ники...

Она хладнокровно напомнила:

— Ты забываешь — я ловец. Мне можно больше, чем другим. И... Пора возвращаться. Хватит, уже неделю тут торчим. Пора бы и по домам, Маки.

Ирбис даже замер от удивления, отпуская её:

— Ты меня выгоняешь?

Ник качнула головой:

— Не выгоняю, просто мне нужно на работу — хватит тут отсиживаться. Ловец кормится с заказов. А тут заказов не найдешь... Работу никто не отменял...

Маки задумчиво посмотрел на неё и пошел мыть кружку из-под молока — видимо, ему не очень хотелось, чтобы его истинные чувства тоже проверили.

Он ушел после полуночи, так и не признавшись, что делает Третий принц ирбисов в ледяной пустыне за Границей. Впрочем, Ник его об этом и не спрашивала. Спроси её Маки о том же самом, она бы лишь пожала плечами — сюда её закинул дом.

Утро впервые за неделю было одиноким, но недолгим — Ник слишком хорошо помнила свой позор перед Росси за Границей. Помнила его слова про грамотный режим тренировок. Он тогда был прав. Надо прекратить лениться и... Она передернула плечами, выглянув в окно — там клубился белый, холодный осенний туман, предвестник солнечного дня, но солнце будет днем, а сейчас ей бежать в холодном тумане, опутавшим деревья парка, словно сахарная вата.

Когда она заканчивала чистить зубы и все еще гадала, а стоит ли выходить именно сегодня на пробежку, в дверь кто-то постучал.

Ник, припоминая всех древних родичей хвостатых, пошла открывать, но это оказался не вернувшийся Маки, это был... Утес. Точнее Рик Арано. Почему-то в спортивной форме стражей. Арано улыбнулся Ник во все свои тридцать зубов — в этом плане природа оказалась щедрее к людям, дав им преимущество в два зуба.

— Доброе утро, Ник! О, ты уже в форме — хороший знак! Обувайся — побежали вместе...

— А я должна? — еле выдавила из себя Ник — позориться перед стражем не хотелось, им еще, быть может, вместе на задании столкнуться придется. И не раз. — Я как-нибудь сама...

Рик рычаще рассмеялся:

— Вместе веселее, поверь! Лин просил составить для тебя щадящую программу тренировок. Короче, кадет...

— Ловец, — тревожно поправила она его, неуверенная, что от Рика удастся отбиться без потерь.

— Не суть... — отмахнулся Рик. — Обувайся! Солнце встало, птички щебечут, новый день не ждет...

— Может, не надо?

— Надо, надо! И не переживай, я тут рядом живу — мне нетрудно.

— Кто бы сомневался, — буркнула она, скрываясь в доме. Рик за ней не последовал — хлеб они с ним не преломляли. Спешно собирая волосы в хвост и обуваясь — оборотней сердить не стоило, она пробормотала: — дом, в следующий раз меня для него дома нет.

Прозвучало так себе, несмешным каламбуром, но давать дому имя — это более странно, наверное. Понял ли дом её, она узнает только следующим утром... Если доживет до него — оставалось надеяться, что Лин предупредил Арано о её нулевой подготовке.

Парень взял легкий темп:

— Не бойся, кадет, я помню, что ты вытворяла на танцплощадке. Программу подобрал, учитывая это. Ты в курсе, что я ноги до кровавых мозолей оттанцевал?

— Меня это должно порадовать? — еле выдавила она, боясь сбить дыхание.

— Ты болтай, болтай. Не останавливайся — темп надо подбирать так, чтобы хватало дыхания для разговора.

— Это Лин сказал?

— Это я сказал, Ник! Посмотри, какая красота вокруг! Небеса, листва, сам воздух! Все поет о жизни...

— Уж лучше бы молчало, — честно сказала Ник, уже чувствуя, как наливаются усталостью ноги.

Дорожка вилась между деревьями, солнце пробивалось через их листву, рисуя странный зыбкий парк на клочьях тумана. В небесах пели птицы, и, если бы не боль в ногах, было бы хорошо. А еще бы лучше было с кружкой кофе в руках на собственном крыльце. «И не думать об Эване», — одернула она себя.

Арано, явно в насмешку, развернулся к ней и теперь бежал спиной вперед, еще и болтая при этом:

— Ты сильная, дево... Малы... — он снова попытался и сдался, — кадет! Ты справишься! Кстати, тут на днях будет танцевальный марафон у фейри в «Крови Холмов» — я, конечно, пас, но Жердь... Высокий такой, вы еще с ним танго забабахали, так что кэп бокал в руках взорвал... Короче, он предлагает... Не тарачись так... Не кэп, и не бокал... Жердь предлагает сорвать куш — он хорошо танцует и надеется выдержать твой темп.

— И большой... Куш? — дыхание все же сбилось, бок начало колоть, пот заливал глаза — увидь еще сейчас Лин, точно бы понял — никакая она не фейри. И что за история со взорванным бокалом?! Что она там, орки рогатые, во время танго вытворяла, что лигр применил магию?

— Ооо! — Арано, словно догадываясь о её шатком финансовом положении, а ей ведь еще где-то надо найти денег на детский аукцион Эми, закатил глаза. — Большооой! Ирбисы, кстати, ни разу не брали приз, но с тобой, дево... Блин, не хватайся ты так за кинжал... Помню я... Мылом до сих пор периодически плююсь... Ловец, мы всех порвем на ленточки, как сеголеток!

Ник хваталась отнюдь не за кинжал, его она оставила дома, забыв положить в карман толстовки, она хваталась за разрывающийся от колющей боли бок, но не оборотню в этом же

признаваться. Пусть лучше боится. А как рвут на ленточки сеголетки хрупких девушек, попавшихся на глаза оголтелой стае, им в школе ловцов показывали... К счастью, сама она с таким пока не сталкивалась. Настроение стало стремительно портиться.

Арано это заметил, но понял по-своему:

— Слушай, де... Ник! А Лин не лгал, что ты того... Хрупкая человечка... Завтра ; дорожку покорооче выберу, а сейчас...

Он, не дожидаясь разрешения, подхватил её за талию и забросил, сволочь такая, себе на плечи... Результат был незамедлителен — он еще и пары шагов не пробежал, а Ник уже еле сдерживала тошноту, жалея, что это не случай для применения боевых заклинаний, да и не готова она оказалась к ним. Вот что значит — размякла и приняла за своих. Пришлось, подавляя некрасящий ловца визг, мстительно хвататься за уши Арано — должна же она за что-то держаться, пока её везут на шею. Короткий, положенный по уставу ежик не позволял ухватиться за волосы как следует.

К кемпингу они подбегали оба умотанные... Хотя... Ник бросила сверху взгляд на Арано — тот не взмок и не побледнел. И где справедливость? Утешали только уши... Они у него знатно покраснели.

Старушки-соседки, поливавшие цветы в горшках возле своего автодома, отвлеклись на Арано, что-то шепча друг другу и краснея — чего уж скрывать, парень был шикарен, как все оборотни из штурм-отряда. Молодой, симпатичный, с широким разворотом плеч, да еще и в форме стражей, хоть и спортивной. Оборотень краснеть в ответ не стал — он улыбнулся старушкам и принялся стаскивать с себя сопротивляющуюся Ник — она не желала расставаться с его ушами.

Лин, сидящий на крыльце дома, только выгнул бровь и сказал:

— Лейтенант Арано, сам виноват. — по недоеденному пирожку в руках было ясно, что он тут не скучал в ожидании Ник. Явно соблазнял невинных соседок-одуванчиков — из их дома ароматно несло свежей выпечкой. Лин засунул в рот остатки пирожка и быстро его проглотил. — Жалобы и протесты не принимаются. Я предупреждал, что мисс Доу человек...

Он поймал Ник в своих объятья, несмотря на её потрепанный вид — ведь должен помнить, что это означает и к чему приводит. Прижал к себе, пока она судорожно пыталась продышать тошноту:

— Не вырывайтесь, мисс... Вы же не стоите на ногах. А Арано я в бассейн на занятия отправлю. Ему понравится.

Ник лишь вздохнула Лину в синюю повседневную форму стражей:

— Лин, мы опять обращаемся по фамилиям?

Он мягко напомнил:

— Обращаться по имени я выторговал всего на день, и он давно прошел.

— Давай пожизненно, а то я запутаюсь. И еще... Скажи, где тут можно взять напрокат броню?

Лин тут же подобрался — мышцы под руками Ник закаменели:

— Куда идем? И когда?

Вот это были именно те вопросы, которые она ждала от Маки, и не получила.

— Пока никуда, — честно сказала она, отстраняясь — её еще подташнивало, думать о еде и кофе было физически больно, а уж чтобы отправляться куда-то... Совсем надо быть безголовой.

— Ник, что задумала?

— Хочу проверить зону у моря — перспективно выглядит для работы.

Арано встрял:

— Только выглядит. Там какая-то хре... — он спешно поправился под тяжелым взглядом Росси. Одуванчики захихикали, отставляя свои лейки в сторону. — В общем, гадость там, которую никто пока не разгадал.

Лин добавил тактично:

— Награду в сто пятьдесят тысяч еще никто не потребовал.

— Сколько? — ошарашенно спросила Ник.

— Сто пятьдесят тысяч. Выход к морю округу стратегически необходим.

Ник задумчиво сказала:

— А сколько стоит лот на детском аукционе?

Лин не понял её интерес, но ответил:

— На прошлом аукционе ребенок ушел за тридцать тысяч. — Ник показалось забавным, что он в курсе таких торгов, но чем только лю... нелюди не интересуются.

Ник резко качнула головой:

— Если разгадаем загадку — деньги делим поровну.

Арано хекнул:

— Хорошо бы, только Третий у ирбисов уже много лет бьется над загадкой, а все там же.

Ник прищурилась: «Значит, не ходи — там опасно, да?!» — жаль только, что наглой морды Маки рядом не наблюдалось. Вовремя слинял.

Лин задумчиво посмотрел на неё — явно не понял вспышки её гнева, но лезть не стал. Лишь протянул папку, которая лежала на ступеньке крыльца:

— Это тебе, Ник. Ты просила сведения о Эване Грее. Это они. И мы пойдем с Риком, не будем тебе мешать. Появятся мысли о ледовой Границе — приходи в Первый участок стражей на площади Лип. Это как раз у Кленовой улицы, возле пропускного пункта. А я пока попытаюсь найти нестандартный доспех...

Арано фыркнул:

— Ага, в обычном она будет болтаться, как мышь в кулке.

Ник криво улыбнулась — сравнение было ярким, обидным, но честным.

Лин, уходя прочь, сухо сказал:

— Даже спрашивать не буду, зачем тебе, Рик, понадобилось пихать мышь в кулек. Кстати, что там со стражем-вампиром в Четвертом? Лопес... Он еще служит? Вроде бы он приблизительно похож на Ник по телосложению...

Соседки по кемпингу проводили стражей восторженными взглядами. Правда, в этот раз они внимательно следили за Росси. И впрямь, такие экземпляры, как он, редко встречаются даже среди оборотней — крупный и в тоже время не громоздкий, пластичный, уверенный, сильный. Настолько нужный, что его даже из стаи матери не выпустили.

Ник принялась подниматься по ступенькам в дом, когда краем уха услышала спор:

— Да зачем ты эти семена собираешь? — проворчала одна из старушек.

Вторая уперла руки в бока:

— Я хочу потом посадить их на новом месте, когда съедем отсюда.

— Это же гибриды! Сколько раз тебе говорить — гибриды не дают новую жизнь. Генетику не обманешь.

— А я попробую.

— Ну-ну, обмани, как же! Гибриды стерильны!

Ник заметила, как прижал уши и чуть сгорбился Росси, явно расслышавший эти слова.

Гибриды не дают потомства... А Росси... Росси гибрид тигрицы и льва. Ник нахмурилась — вроде же что-то было в газетах про лилигров? Или лилигры получают от лигриц? Надо сходить в биб... Ник осеклась — она обещала, что не полезет в тайны Линдро. Она продолжала провожать взглядом исчезавшего в тумане Росси. Для оборотня нет ничего страшнее бесплодия. Это означает потерю статуса в стае вплоть до омеги, о которого все вытирают но... Лапы. Росси не походил на омегу. Он по характеру, если не лидер, так точно не последний в стае. Только стае на это плевать. Там статус рассчитывается иначе.

Ник выругалась и села на ступеньку — Росси исчез в тумане, для стаи он всегда такой — исчезающий, ненужный, не оставляющий за собой никого. Он совсем как она — он никто.

Одна из соседок взяла лейки и пошла в свой автодом. Вторая осталась упрямо собирать ненужные семена цветов.

Ник собралась с силами и тоже зашла в дом. Приняла душ, привела себя в порядок — днем надо будет выбраться в библиотеку, хватит прохлаждаться без дела. Никто в клювике информацию про ледяной прорыв ей не принесет. Она заварила чай, достала из холодильника замороженные слойки и загрузила их в духовой шкаф. Села за стол, открывая папку, принесенную Лином. Информации об Эване было всего ничего. Пара бумаг, причем одна была написана от руки — Ник даже встала и подошла к своему списку требований к принцу — сверить почерк. Маки так и не признался, что что-то подправил в её списке. Лина же совершенно бесперспективно пытаться расспрашивать о таком.

Духовка пропищала, что время вышло, и Ник, надев защитную рукавицу (алхимические плиты ломались редко, но рука потом все равно же не регенерирует), отвлеклась — достала тарелку со слойками.

Почерк не совпал. Впрочем, изначально было понятно, что Росси не будет страдать такой ерундой. Значит, все же Маки подписал про единственное исключение из оборотней. Вот обормот, а не оборотень!

Ник вернулась за стол, уже с чаем, слойками и рабочим, не самым хорошим настроением. Она заставила себя улыбнуться — кукситься глупо, пусть работа не самая приятная, но совершенно точно нужная, да и кормит хорошо.

Она, уже тщательно, пробежалась глазами по первому листу, с которым ходила на кухню. Ничего интересного обнаружить не удалось. Никаких зацепок. Кажется, Эван удачно избегал любого внимания властей.

Ник потеряла виски.

Эван Грей. Тридцать один год. Родился в Двадцать первом округе. Сведений о детстве нет. Сведений о юности нет. Сведений об образовании нет. В обществе ветеранов не состоит. Зарегистрированный маг-стихийник. Не работает по профилю.

Ник сделала глоток обжигающе горячего чая. На конец войны Эвану было двадцать пять с хвостиком лет. Хоть чуть-чуть да должен был воевать. Или повезло? Еще учился? Хотя, какая разница. Она продолжила продираться через мелкий, убористый почерк.

Переехал в Третий округ пять лет назад. Состоял в браке с Андре Тома. Сведений с мисс Тома не сохранилось.

Вполне понятно — война уничтожила множество архивов... Заканчивалось все

припиской: «Миссис Грей признана пропавшей без вести во время Ледяного прорыва. Копии свидетельства о рождении мистера Грея, о заключении брака, диплома Университета запрошены, требуется время на их получение».

Ник перевернула листок, но с другой стороны было пусто.

— М-да...

Она откусила слойку и принялась за вторую бумагу — это была дрянного качества копия листа вызова из станции парамедиков. Ник прочитала причину госпитализации миссис Грей в экстренное акушерское отделение больницы святой Марии при Медицинском университете Либорайо и выругалась:

— Я идиотка...

«Беременность 33–34 недели. Отслойка плаценты. Массивная кровопотеря. Геморрагический шок. Гибель плода?» написано было в листе.

Ник бросила на столе недопитый чай и, прихватив с собой амулеты, понеслась на улицу — Эвана нужно было спасать! Иногда собственный идиотизм потрясал Ник до глубины души — Росси хотя бы честнее, сразу признался, что не умеет собирать улики и анализировать... Зато она сама все поняла, проанализировала и даже приговорила Эвана к смерти. Идиотка! Истинные чувства Эвана не лгали — он до сих пор любил свою жену и, кажется, выбрал слишком экзотический способ самоубийства... Или душеедка сама к нему привязалась.

Хорошо, что Кленовая улица была относительно близко, но Ник к концу феноменальной пробежки прибить Арано хотелось откровенно. Ноги уже не гудели — они горели от боли. Дыхание не восстанавливалось, сердце билось об грудину. Ник вспотела, наверняка залилась нездоровым румянцем, но ей было все равно. Впрочем, Эвану было тоже плевать на её внешний вид. Он без сознания валялся на полу кухни.

Ник рухнула на колени перед ним, спешно прислоняясь ухом к груди. Она боялась, что его сердце, истощенное душеедкой, уже могло остановиться. Но нет, оно упрямо билось, он еще боролся за свою жизнь. Ник выпрямилась, спешно достала из кармана куртки амулет и положила его на грудную клетку Эвана. Активировала амулет, надеясь, что магии хватит, чтобы заполнить потерянные Эваном силы. Его надо было или срочно отправлять в больницу с маготделением или тащить к себе домой. Только вот незадача — вызвать ни бригаду парамедиков, ни такси, Ник не могла. Алхимического интерфона, способного выдерживать перемещения через Границы, у неё отродясь не было, а купить местный интрафон она еще не успела. Она обхлопала карманы Эвана в поисках интрафона, но того не нашлось. Ник вскочила на ноги и пронеслась ураганом по кухне, по первому этажу и даже забежала на второй — интрафона не было. Дом далеко, тащить на себе Эвана не с руки — она сляжет раньше, чем дотащит его хотя бы до улицы. Оставался только Росси.

Ник рванула на площадь Лип — ничего, будет должна ему услугу, сама же ошиблась с Эваном. На площади было шумно — за Границу через пропускной пост вереницей заезжала строительная техника. Как только разберут разминированные завалы, Границу перенесут, и у города появится новая улица. Было приятно осознавать, что в этом есть и её заслуга.

Ник залетела в участок стражей. Он тут был большим — не просто участок, а еще и база нескольких штурм-отрядов вместе с полигоном для тренировок и общежитием.

В помещении было прохладно — за ночь все остыло, а солнце еще не успело подняться и прогреть здание. Впрочем, работающим тут оборотням было плевать на холод, они не

мерзли. Очереди к дежурному стражу не было, хотя пара рядов пластиковых стульев для посетителей была занята — в основном сидели мужчины с бумагами в руках, видимо, ждали получения пропусков за Границу.

— Мисс? — молодой, мелкий по меркам оборотней страж отвлекся от бумаг, которые заполнял, и поднял на Ник глаза: — вы что-то хотели?

— Доброе утро, страж. Я ловец Ник Доу, — она похлопала себя по карманам и мысленно выругалась — забыла знак дома. Пришлось доставать кинжал и демонстрировать хризантему, знак ловцов, на его рукояти. — Мне срочно нужен капитан Росси. Пожалуйста, вызовите его сюда!

Страж с нашивкой «Альва Торрес» нахмурился:

— У Седьмого штурм-отряда сейчас тренировка...

— Прошуууу, — Ник старательно улыбнулась и посмотрела на стража снизу вверх, как делал Маки, добиваясь своего. — Пожалуйста. Это очень важно.

Торрес явно сомневался:

— Простите, но прерывать их тренировку...

— Это очень важно.

— Это пока невозможно.

Из коридора за стойкой дежурного вышел другой страж, неся в руках пропуска. Толпа просителей тут же хлынула к стойке, почти сметая Ник в сторону — она была ниже всех в толпе на полголовы, а то и больше.

Торрес лишь сказал погромче, чтобы она точно расслышала — у оборотней были свои представления о человеческом слухе, как правило, крайне превратные:

— Тренировка закончится через час, тогда я и вызову капитана. Подождите в холле.

— Рогатые орки! — буркнула Ник, замечая, как второй страж замер, рассматривая её. Они точно никогда не встречались — такого рыжего парня, явно из лис, Ник бы запомнила. Он нагнулся к Торресу и что-то уточнил, а потом после пояснений стража, буркнул:

— Ты совсем за новостями не следишь?! Это же невеста Третьего из ирбисов!

Торрес заинтересованно посмотрел в сторону застывшей Ник:

— Это та, что на танцполе с нашим кэпом целовалась?!

— Именно! — второй страж приподнял трубку стационарного интрафона и принялся куда-то звонить. Кажется, они не подозревали, что Ник их слышит. И что за история в новостях? Ник еще бы поняла, если бы попала в новости округа, как ловец, но как невеста?! Да еще целовавшаяся на танцполе с Росси... У кого-то была дивная фантазия. Или ей пора завязывать с танцами. Как-то плохо они сочетаются с ней. Поцелуй Росси она бы точно запомнила.

Лин прилетел чуть ли не через пятнадцать минут — в не совсем свежей форме и с мокрыми волосами. Неужели и впрямь устроил тренировку в бассейне?! Арано прибьет её за такие издевательства. Это тигры без ума от воды, ирбисы её предпочитали избегать. Линдро поймал взгляд Ник, тревожно оглядел, явно проверяя комплектность конечностей, и, убедившись, что с неё все в порядке, уже более спокойно подошел к ней:

— Еще раз доброе утро. Что-то случилось?

Она грустно улыбнулась:

— Случилось. Оказалось, что я самоуверенный ловец, и теперь мне нужна помощь.

Линдро замер, что-то спешно про себя рассчитывая:

— От закона не смогу защитить, если только не вступишь в отряд. Перес уже который

день поет, чтобы я заманил тебя на службу — так ты будешь обходиться округу дешевле... А со всем остальным — справимся.

Это была слишком неожиданная поддержка, и Ник призналась:

— Я не настолько самоуверенна, чтобы идти против закона. Я сама рука закона, забыл?

Просто... Помнишь парня, Эвана Грея?

— И...?

— Мне его нужно срочно перевезти к себе домой. Он нуждается в магической помощи.

— Можно вызвать параме....

Ник его перебила:

— Понимаешь, я не уверена, что у него есть страховка, покрывающая магическое лечение. Уж лучше я сама — сама ошиблась, сама исправлю.

— Что требуется от меня?

— Перетащить его ко мне в дом.

Лин без лишних вопросов направился к уличной двери:

— Не проблема. — Он бросил Торресу через весь холл: — я отлучусь на час, не меньше.

Я на связи, если что!

Страж, раздававший пропуска, кивнул и пробормотал:

— Силен наш кэп — невесту ирбисов отбивать.

Торрес кивнул:

— Что-то будет...

Ник сцепила зубы и промолчала. Лин, открывая перед ней дверь, отрешенно заметил:

— Они неправы. Я с ними потом поговорю.

Площадь продолжала шуметь и бурлить — так теперь тут будет долгое время. Красного спорткара нигде не было видно. Завеса Границы колыхалась, создавая иллюзию жары, хотя на самом деле солнце только-только поднялось над крышами зданий, прогревая землю. Пахло пылью и особой осенней свежестью. Небеса продолжали курлыкать улетающими прочь птицами. Говорят, сама Ник не помнила, раньше небо всегда было в белых росчерках от самолетов, сейчас из-за Границ они не летали. Интересно, наверное, уметь летать — приходиться в аэропорт, выбирать самолет и нестись в небеса... Она даже приподнялась на цыпочках, ловя холодные порывы ветра, но никто в полет её не позвал. Люди разучились летать. Они навсегда оказались прикованы к земле. Скоро пойдут затяжные осенние дожди, будут ржавые лужи, будут снежинки в трещинках дорожного покрытия, снова придет одиночество, прикасаясь холодной лапой. Ник поежилась и пошла следом за Лином — тот уже недоуменно оборачивался на неё. Он направился к черной, неприметной машине, открывая перед Ник дверцу:

— Садись.

Ник, пристегиваясь — это была старая, еще довоенная модель, совсем не похожая на навороченный спорткар, осторожно уточнила:

— А что за история в новостях с... танцами? — так сказать лучше, чем упоминать поцелуй, которого вроде бы не было.

Лин, заводя машину и лавируя между грузовиками, пояснил:

— Не волнуйся. Так, всего лишь сплетни, они всегда сопровождают меня или кого-то из отряда. — Только в глаза ей он при этом не смотрел. — Никаких проблем. Оба клана, и ирбисов, и тигров, наперегонки скупили весь тираж газеты. Беспокоиться не о чем, тем более что брачную метку с тебя сняли.

— Это так заметно?

Лин подтвердил кивком:

— Заметно.

Ник вздохнула с облегчением — все же Маки её не обманул.

Лин тем временем припарковался у дома Эвана и сказал, выбираясь из машины:

— Посиди тут, я сам его дотащу. Алхимическим раствором же пахнет?

— Пахнет. — подтвердила она. Ей и так было чем заняться — надо было продумать, какие амулеты задействовать для лечения Эвана. У неё в последнее время туго было с покупкой новых амулетов. Надо будет сходить в банк и проверить, пришли ли деньги от управления округа.

Лин ногой захлопнул дверь дома, таща на руках почти синего от магического истощения Эвана. Он так и не пришел в себя — дело было серьезнее, чем Ник думала. Лин забросил Эвана на заднее сиденье, вернулся за руль и поехал в сторону кемпинга. Молча. Ник тишина тоже устраивала. Было по-осеннему уютно — от Лина пахло деревом, от Эвана увяданием и все тем же кофе. Чем пахло от неё самой лучше не думать. Лин периодически посматривал на Ник — видимо, смыть аромат Маки не удалось.

На пороге автодома Лин, таща Эвана на руках, почти скороговоркой выдал:

— Я, оборотень Линдро Росси прошу однократного доступа в твой дом, чтобы занести Эвана Грея до кровати или куда скажешь. Я не причиню вреда ни тебе, ни дому, ни его обитателям.

Ник приглашающе распахнула дверь — надо все же будет преломить с Лином хлеб, а то совсем не дело — дружить и так не доверять. Она провела Росси через весь дом. Сейчас тот опять изменился — вместо огромных бревен и интерьера охотничьего дома, он превратился в обычную городскую квартиру, не самую большую при том: столовая и кухня как у Эвана — белоснежные, гостиная в голубых тонах, спальня... Спальня была единственным, что никогда не менялось в доме Ник. В приглушенных серых тонах, с большой кроватью под балдахином, с пустыми полками для безделушек и фотографий. Ни телевизора, ни компьютера — на алхимические не было денег, а обычные не выдерживали переходов через Границы. Уделом Ник были книги и библиотеки.

Ник скинула с кровати грязное белье, спешно заправляя свежим — больше класть Эвана было негде. Дом слишком переменчив, а Ник надо, чтобы защитные знаки продержались как можно больше. Достав кинжал из ножен, она спешно принялась выцарапывать знаки на изголовье кровати и на всех четырех колоннах балдахина.

Лин замер на пороге, странно оглядываясь.

Ник, присев перед изножьем кровати, махнула рукой:

— Заноси. Положи его на кровать.

Лин не сдвинулся с места:

— Ник, подумай, пожалуйста, еще раз.

Она отвлеклась от знаков:

— Прости?

Лин увещающе повторил:

— Подумай еще раз. Ты говорила, что сама по себе, но... Твоему ирбису не понравится чужой мужской запах в твоей кровати.

Ник посмотрела на Лина снизу вверх:

— Если он не поймет этого, то сам виноват. Заноси!

Лин упрямо продолжил стоять.

Ник выпрямилась:

— Что в этот раз?

— Моего запаха тут тем более не должно быть.

Ник посмотрела на Эвана, прикинула, хватит ли ей сил самой дотащить его, и честно сказала Росси:

— Знаешь, Линдро, друг из тебя так себе.

— Согласен, я проблемный друг. — обижаться он не стал, и Ник в который раз удивилась его выдержке. Иной и человек бы обиделся на её слова. — Предлагаю расторгнуть дружбу. Я не учел столкновения интересов ирбисов и тигров.

— Это не то, что я имела в виду, — задумчиво пробормотала Ник, пытаюсь забрать Эвана из рук Росси. Тот лишь бросил на неё недовольный взгляд и все же вошел в спальню, резко опуская Грея на кровать и тут же шагая прочь.

— Засыпь все черным перцем. — сказал Лин в дверном проеме. — Хотя это спальня.. Тут будет уместнее ваниль или любой цитрус.

Ник понятливо кивнула:

— Спасибо за совет. Если можешь подождать, то достань из холодильника и разогрей, пожалуйста, хлеб.

Линдро нахмурился. Его идеальные, ровные брови почти встретились над переносицей:

— Мы решили...

Ник его перебила:

— Ты решил.

Росси заметил:

— Твоя правда. Я решил...

— Разогрей хлеб... И, если умеешь, свари кофе.

— Ясно.

Ник, склоняясь над Эваном, улыбнулась — ему всегда все было ясно. Просто идеальный оборотень. Она спросила в спину:

— Ты блинчики умеешь печь?

— Блинчики? — Лин развернулся, с недоумением её рассматривая.

— А, забудь. Блинчики умеет делать Эван. — Она занялась парнем — удобнее положила его на кровати, стащила обувь, оставляя его босиком, кинжалом разрешила футболку на груди и принялась кровью из рассеченного пальца выводить отворяющие магию знаки. Было слышно, как на кухне шумно принялся Линдро. Ник вздрогнула — неудобно получилось, Маки редко когда успевал добраться до спальни со своим темпераментом. Рогатые орки, надо было соглашаться на расторжение дружбы, чем так доводить вполне хорошего оборотня.

Из спальни она вышла только через час — уставшая, понурая, подозревавшая, что Лин уже давно вернулся на службу. Эван с трудом впитывал в себя магию, на него пришлось истратить почти все амулеты. Оставшиеся для подпитки не подходили, приходилось надеяться, что сил самого Эвана хватит на восстановление.

Лин оказался все еще на кухне — он сидел за столом, задумчиво рассматривая горку блинчиков на тарелке. Пакет с надписью «Домашняя выпечка от миссис Джонс» стоял возле плиты. Одурающе пахло свежим кофе — Ник, плюхнувшись на стул, обнаружила, что тот еще горячий. От кружки чуть несло магией.

— Лин?

— Аюшки?

И это незамысловатое «аюшки» ножом прошлось по сердцу, заставляя с трудом вдыхать ставший твердым и неподатливым воздух. Кто-то точно так же отзывался в её детстве...

Ник прикрыла глаза, сделала глоток кофе, успокаиваясь, и только потом спросила:

— Ты маг?

— Слабый, в штурм-отряды не магов не берут. Я думал, ты знаешь. — Лин подтолкнул к Ник тарелку с блинчиками, а сам потянулся и взял для себя хлеб, разламывая его пополам. Часть протянул Ник, часть оставил себе, тут же откусывая: — покой этого дома священен для меня.

Ник тоже откусила хлеба, не стала жульничать, как было с Маки.

— Будь гостем, Линдро Росси — тут тебе всегда рады. — Она бледно улыбнулась, — а когда не рады, значит, встали не с той ноги. Что тоже бывает.

— Можно вопрос? — Лин внимательно рассматривал Ник, продолжая длинными, не совсем изящными, зато чертовски сильными пальцами отламывать кусочки от хлеба и крошить их себе в тарелку.

— Давай, — уклончиво сказала она, принимаясь за первый блинчик и вздыхая — вкусно, но не то. Не принц. И хорошо! Меньше проблем с Маки.

— Что у тебя случилось с Греем? У тебя неприятности? Во что ты ввязалась?

— Это не тянет на дружеский интерес, если честно. — призналась Ник. — Про равные отношения вообще молчу.

Она облизнула палец от масла. В приюте не обращали внимания на прививание этикета.

Лин возразил, собирая крошки хлеба в ладонь:

— Это как раз равные отношения. Я имею право знать, что у моего друга случилось. — Он закинул крошки в рот, наверное, с войны и последующего голода осталась привычка. А тот же Маки, видимо, не знал плохих времен — ему ничего не стоило бросить в мойку недопитый стакан с молоком или выбросить что-то недоеденное.

— Не надо на меня давить! Я не ребенок. Я ловец.

— А я страж. — парировал Лин. — И могу помочь. Не был бы другом — прошел мимо. Не относился бы как к равной — прочитал бы папку со сведениями на Грея и сам бы все решил.

— А ты не читал?

— Не имею привычки лезть в не свое. Сведения для меня собирал мой знакомый — страж-следователь. Мы вместе служили на войне. А что?

Ник фыркнула — приехали, Лина рано вычеркивать из подозреваемых в осквернении её списка:

— То есть там не твой почерк?

— При чем тут почерк?

— Ни при чем.

— Ясно. Почерк не мой — все писал мой знакомый. В папку я не лез. Про Грея ничего не знаю. И, кажется, не узнаю. Ник, ты уверена, что тебе нужен друг?

— Это подлый удар.

— Прости. Я... Иногда меня заносит — признаю свою вину. Так... Я могу тебе чем-нибудь помочь?

— Не знаю...

— Ник...

— Дай собраться с мыслями. Мало кто любит признаваться, что идиот.

— Я бываю идиотом. Это нестрашно. Страшно упираться до конца, что идеален, творя опасные глупости.

Ник забросила в рот очередной блинчик — она тоже не любила, когда еда пропадает, к этому её приучила жизнь в приюте, откинулась на спинку стула и честно рассказала всю историю Грея, лишь опустив подробности с кофе, футболкой и неполученными блинчиками. Это Линдро точно знать ни к чему.

Лин задумчиво всю историю прихлебывал кофе.

— Ясно...

— И что ясно?

— Что оставлять тебя наедине с Эваном нельзя. Придется попроситься к тебе на постой.

Ник прищурилась — это было обидно. Она же ни слова ни сказала, что Эван её заинтересовал не только как пострадавший от лап душеедки. То же мне, блюстителю нравов!

— Неожиданный вывод.

— Ты не сможешь постоянно следить за Эваном — тебе иногда нужно спать. А без присмотра он повторит свой самоубийственный трюк.

— Ты думаешь... — Ник даже поперхнулась словами — в её голове не укладывалось возможное повторение самоубийства, если у Эвана именно оно и было. После войны, как бы тяжело не было, хотелось одного — жить. До одури жить.

— Он за три года не смирился с потерей. Быть может, сам вызвал душеедку — поверь, у нас спокойный округ, душеедок на улицах не подхватишь. Это же не простуда. Он или нашел ее где-то, или сам вызвал. И кто его знает, что еще за идеи у него в голове бродят. Он может оказаться совсем дурным. — почему-то смотрел Лин при этом куда-то вдаль, мимо Ник.

— Как же все не вовремя... Я хотела разведать территорию больницы за Границей как раз...

— Я не дурной... — хрипло раздалось за спиной Ник, заставляя её разворачиваться.

Эван, крайне бледный, кутающийся в остатки футболки и периодически ловящий стремящиеся свалиться джинсы, тем не менее уверенно стоял в проходе между столовой и кухней.

— Однако, ты живчик, Эван. — пробормотала Ник, не удержавшись — она думала, что раньше вечера он не поднимется с кровати.

— Андре говорила, что я шилозадый, не могу спокойно усидеть.

Лин лишь молча подвинул новый хлебец по столу. Ник замерла, ничего не понимая — то ли это забота такая, то ли Лин ей не доверяет, как ловцу. Сама она особо на ритуал разделения хлеба никогда не полагалась. Тех же вампиров этот обряд не касался. Эван взял хлеб в руки:

— Я Эван Грей, человек... Не помню, преломляли ли мы хлеб... Но... — Он с трудом разломал хлеб на три куска и протянул Лин и Ник. — Покой этого дома священен для меня. Кстати, маги умеют обходить этот ритуал. Я и он, — палец уперся в Лина, — сделаем это запросто.

— Лично я не буду нарушать этот ритуал, — строго сказал Лин.

— Я тоже. — отозвался Эван. — Просто решил предупредить простодушную хозяйку дома.

Ник поперхнулась словами — вот простодушной её точно никогда не называли, а потом

вспомнила, что сама же стерла Эвану память:

— Я ловец первого класса Гильдии ловцов Ник Доу. Догоню и сама обижу кого захочу.

Лин подтвердил кивком:

— Она на такое способна. Ник всего за пару часов мне на день вывела из строя штурмотряд. Ноги в кровь стерли. И это оборотни, между прочим.

— Это были танцы. — поправила Лина Ник, чтобы Эван не понял все превратно.

Лин все же решил представиться:

— Кстати, я капита...

Эван, почему-то направляясь к плите, оборвал его:

— Кто же не знает легендарного Линдро Росси. Второго среди львов и десятого среди тигров.

Ник лишь выругалась:

— А простые нетитулованные особы тут на кухне вообще присутствуют?! Хотя иногда.

Эван, поставив на плиту турку со свежей водой, ответил:

— Я простой маг. Ни титулов, ни положения, ни работы, ни хре... Ничего нет. Даже надежды. — он вздохнул и полез в мешок с кофе. Правда, перед этим замер, читая список требований Ник. Еще и фыркнул удивленно. — Жестоко...

Что жестоко, он уточнять не стал, поддержанный неожиданной улыбкой Лина:

— Кому сделать свежий кофе? Мне почему-то кажется, что я его просто обязан сделать... Или, быть может, завтрак приготовить? Блинчики... — его взгляд замер на пустой тарелке перед Ник. — Кажется, я обещал блинчики...

— Спасибо, не надо, — Лин уже не улыбался, и Ник тревожно вспоминала свои требования к принцу. Что там было жестокого в кофе, блинчиках и коне? — И Ник... Я не принц, я не второй среди львов, я не десятый среди тигров. Я лигр, я вне этой всей глупой иерархии. В отличие от Маки Форда — тот третий по линии наследования. Все, что нужно знать о моем положении в обществе, я тебе уже говорил — я капитан Седьмого штурмотряда. Не более того.

Ник поздно вспомнила, что Лин гибрид. К счастью, ей пришел на помощь Эван, меняя тему:

— Я случайно слышал, что ты, Ник, собиралась отправляться за Границу к больнице святой Марии...

— И...? — по большому счету она понимала, почему Эван хочет туда попасть, но неожиданностей не хотелось.

Эван, закинув зерна в ручную кофемолку, стоящую у плиты, бесцветно сказал:

— Возьми, пожалуйста, меня с собой. Я предлагаю свою услугу в обмен на посещение больницы. — Он с вызовом посмотрел в глаза Ник, — любую услугу. Вплоть до рабства. Я маг — я многое могу. Я очень полезный в хозяйстве. — глаза его тем временем косили на висевший на стене список Ник. — Я ко всему прочему умею готовить, варить кофе. Блинчики — моё второе имя.

Лин еле заметно отрицательно качнул головой — он явно не любил гражданских на заданиях.

Ник прикусила губу — рука Лина потянулась к её лицу:

— Не надо... — Подушечки пальцев легко скользнули по нижней прикушенной губе. Вот и думай сама, что не надо — закусывать губу, или брать с собой Эвана. Или все сразу.

— Мне очень надо, — Эван даже кофе забыл забросить в турку. Он смотрел только

на Ник, видимо, знал, что помощи от Лина не дожидается. — Там моя семья. Я... Должен хотя бы попрощаться с ними. Я... После ледяного залпа — мы с Андре как раз попали под него... Я был добровольцем, помогавшим разбирать лед. Я дневал и ночевал там — было обещано, что нам дадут попрощаться с родными... А потом идиоты-стражи решили, что там опасно, и нас всех выкинули под зад. Я... Ник... Возьми меня с собой. Я не буду творить глупости. Я не дурной. Я всего лишь хочу кое-что проверить и попрощаться с семьей. Я... Я не сам вызвал душеедку. Я подхватил её именно в больничном городке. Ник... Я не выдержу еще пару месяцев неизвестности. Прощу! Ты, как ловец, можешь нанимать магов — найми меня, я помогу пройти холод и лед. Я не возьму с тебя за свои услуги ни медяшки. Сам приплачу! Мне всего-то надо попрощаться с семьей.

Лин нахмурился, выцепив из монолога Эвана иное, чем Ник — та сжала зубы, она вспоминала себя и свою семью.

— Пару... Месяцев?

Эван отмахнулся, занимаясь кофе:

— Может, чуть больше — с душеедкой сложно отслеживать время...

Лин подсказал, опережая Ник:

— Прошло три года, Эван. За три года ни маги, ни вампиры, ни мы, стражи, не продвинулись в деле ледяного залпа.

Эван сжал руки в кулаки. Он затравлено посмотрел на Лина:

— И что, дело закрыто, расследование приостановлено, виновных не будет, да? Границу порвало к чертям, люди погибли, но наказан никто не будет...

— Не был. — поправил его Лин.

— Какая разница. — Эван прикрыл глаза, а потом резко выпрямился, беря себя в руки. Он улыбнулся Ник: — Наверняка губернатор назначил премию за раскрытие тайны. Ник, возьми меня с собой — я не буду мешать.

Ник, вспоминая себя в госпитале, вспоминая, как болела душа, вспоминая, как рвалась куда-то, решительно сказала:

— Возьму, Эван.

Лин вмещался:

— Это опасно.

Она пожала плечами:

— Жить вообще опасно. И, Лин, мою просьбу о доспехе можешь не выполнять — я пойду сама, с Эваном.

Лин что-то прошипел себе под нос, снова о кретинах, заставляя Ник выпрямляться, и заявил:

— Доспех уже найден. Я подал заявку на обследование больничного городка и кампуса на завтрашнее утро. Заявка уже прошла одобрение. За своего мага, Ник, отвечаешь сама — для начала, его откормить не мешало бы. И не беспокойся, ему броню тоже найдем, ему нетрудно будет болтаться мышью в кульке. — Он встал, явно прощаясь. — Завтра встречаемся в восемь утра в отделении стражи на площади Лип. Впрочем, лучше я сам заеду за вами.

Ник тоже встала и пошла за обратным, почему-то поясняя:

— Лин... Он хороший. Правда. Представляешь, душеедка умирая, назвала его папой. Он хороший.

Оборотень обернулся на неё в двери:

— Эван может сколь угодно быть хорошим, но полагаться на него нельзя — он гражданский. Он может... — он сжал зубы, явно подавляя ругательства. — Он все может, Ник. Рекомендация от душеедки так себе.

Ник улыбнулась — рекомендации дома она доверяла полностью, только Линдро это не скажешь, еще отправит к психам.

— Просто поверь.

— Ясно. До завтра, Ник.

— До завтра, Лин.

Он легко сбежал по ступенькам, напоследок добавляя:

— Одежду я для Эвана захвачу, а то парни его засмеют завтра.

Ник рассмеялась:

— Ты тоже хороший, Лин.

Тот лишь пятерней взъерошил ежик своих волос — кажется, ему так раньше не говорили.

Глава 6. Во льдах

Оставив после обеда Эвана дома и строго-настрого приказав ему отсыпаться и отъедаться, иначе завтра на разведке он будет балластом, Ник направилась в библиотеку. Пора бы и информацию хоть какую-то нарыть, помимо официальной, которую ей сообщили Арано и Лин.

Дорога к публичной библиотеке лежала через парк — Эван подсказал. День был пригожий и, кажется, выходной — в парке было многолюдно. Дети на игровых площадках, пожилые люди на скамейках или на прогулочных дорожках, много загорающих парочек на газонах в попытке поймать последнее тепло. Девочки, девушки, женщины — всех возрастов. И огромный провал среди мужчин — или совсем дети, не старше пяти-шести лет, или старшее поколение. Парни, поголовно, были оборотнями. Или редкими, прячущимися в тени вампирами — обращенные из людей легче переносили солнечный свет, не превращаясь на нем в пепел, как настоящие вампиры, типа того же Переса, но все равно предпочитали тень. Ник прищурилась — кажется, через поколение людей в Либорайо не останется. Все станут полукровками. Еще бы знать — это случайность или кто-то ставит тут необычный эксперимент, стирая с лица земли людей. Война всех не убила — убьет мир. Забавно, что Лин о таком не говорил. Видимо, точно, не аналитик или предпочитает такое не замечать. Люди в Либорайо были обречены. Остаться тут не имело смысла — Ник не политик, она не революционер, она не заберется на баррикады, чтобы защищать людей, вполне самостоятельно стиравших себя, как вид. Ей тут не место. Или возвращаться в почти человеческий Сорок первый округ или дальше искать себя. Только в Сорок первом ловцов и без неё хватает.

Ник вышла на оживленную улицу, направляясь к совсем небольшому зданию библиотеки — так было везде. Пожар войны уничтожил не только архивы, но и почти всю человеческую культуру — книги, картины, фильмы, фотографии... Все... Редкие округа могли похвастаться музеями или большими библиотеками — все или сгорело, или было разграблено. Чудом сохранившиеся произведения искусства оседали в домах богачей, каких как Перес. Как там Джонс говорил? Мистер Перес может позволить себе многое.

Поиск информации мало что дал, хоть Ник и убила на это весь день — заметки в газетах явно подвергались цензуре, а доступа в закрытые архивы у неё не было. Распечатав напоследок себе карту округа и взяв на прокат книгу «Кто есть кто в Либорайо», она задумчиво пошла домой по вечерним улицам. Горели фонари, частил мелкий, морозящий дождь, от которого Ник спряталась под капюшоном худи. Кинжал в кармане согревал теплом — иногда Ник позволяла себе использовать его магию и вне боя. Никто же из высокопоставленных ловцов не стоит у неё за плечом и не проверяет оружие на нецелевое использование.

Вампиров на улицах стало больше — они выделялись своими алыми глазами и бледными лицами. Впрочем, чистокровных вампиров почти не было — все сплошь с грубоватыми, почти человеческими фигурами, как Джонс. Ветераны, продавшиеся кланам за возможность полноценной жизни.

Ник опустила глаза вниз, глядя на мокрый, блестящий асфальт — парней, желавших вернуть потерянные на войне годы молодости, она не осуждала. Терпеть их не могла, но осуждать их она не вправе. Ей повезло — она встала на ноги сама. Им — нет, им пришлось

обменивать свою свободу на здоровье. Хотя прожить всю жизнь под кровной клятвой — увольте. Это Джонс цветет и пахнет, явно обожая слово «элитный» — так часто оно звучало от него. Элитный кофе, элитный кемпинг, элитная страховка. Элитный, надо полагать, хозяин. Интересно, сам Джонс тоже элитного класса? Ник качнул головой — ну его, еще им себе вечер портить. Лучше обдумать все, что удалось узнать о прорыве.

Пусть информации было мало, но была же!

Первый ледяной прорыв случился в тогда еще Джорджтауне — шла четвертая неделя войны. Округ тогда даже не атаковали. Ден Стюард еще не совершил свой подвиг. А прорыв уже был. Странно.

И вторая странность, тоже в датах — нападение ледяных фейри состоялось, когда округ уже пал. Свои напали на своих же? Третий округ брали смешанные силы оборотней и вампиров. Не фейри. Они пришли позднее, чтобы напасть и... Маки не рассказал, что алхимическую бомбу на Холмы Ледяных сбросили, получается, освободители. Свои союзники... Значит, то, что случилось с морем, с портом и городом, все эти ледяные залпы не имеют никакого отношения к войне? Так, получается? Ник потеряла виски — странно все это. Хотя Джорджтаун пал так легко как раз из-за ледяной блокировки порта — по земле их быстро отрезали войска оборотней, а выхода к морю не было. Попросить Переса о помощи с информацией или попытаться Маки? Обязанной ни тому, ни другому, быть не хотелось. Тем более, что добраться до Переса можно только через Джонса. Элита, рогатые орки!

Она прошла через опустевший, мокрый парк, а дома... Дома её ждал мирно спящий на диване Эван и теплый ужин под магическими пологом, сохраняющим тепло. Точно, надо менять адресата списка. Зачем ей принц, когда такой потеряшка, как Эван, куда как полезнее?

Утро было... Опять вкусным и ароматным — кофе, яичница, воздушные пирожки с ягодами... Жаль, что Эвану она даже помочь не в силах, только дать возможность попрощаться с семьей.

Эван, стоя прихлебывая кофе в плотно сидевшей на нем футболке Ник, грустно улыбнулся:

— Жизнь прекрасна. Пока есть кофе.

— И осень, — подтвердила она, разглядывая ставшую более гладкой и упитанной тень Эвана. Он шел на поправку.

— И осень, и зима, и снова весна.

Ник прикусила губу. Время не лечило её, как не залечило Эвана. Она до сих пор помнила свою потерю. Она помнила, как её злили утешающие слова: «Это же хорошо, что ты не помнишь, кого потеряла! Меньше убиваться будешь». Им бы так самим.

В дверь наконец-то постучали, спасая Ник от воспоминаний. Она осторожно выглянула в окно — не прячется ли где коварный Арано со своей тягой к пробежке. Арано не было. На пороге стоял Лин с вещами для Эвана. Ник спешно открыла дверь, здороваясь. Тот кивнул в ответ:

— Доброе утро, Ник. Буду ждать в машине.

Какой-то Лин сегодня был встревоженный, сам на себя не похожий. Она, закрыв за ним дверь, пошла одеваться: светло-серый свитер с высоким воротом и теплые штаны — пусть даже будет броня, замерзнуть можно и в ней. Напоследок она прихватила сумку с почти пустым кошельком и кинжал.

Переодевшийся в наконец-то не спадавшую с него одежду Эван безропотно занял заднее

сиденье в машине Лина. Ник приземлилась на переднее, тут же пристегиваясь и зевая — кругом царил туман. На дорожках парка, на озере, на улицах. Кажется, он даже висел в небе, или это были такие печальные облака. Одинокие прохожие выныривали из тумана и тут же пропадали, словно их никогда и не было. Словно самого мира больше не было. Капли влаги осаждались на холодных стеклах машины, как будто мир оплакивал сам себя. Ник сглотнула — что-то последнее время настроение у неё не очень. Она выпрямилась и заставила себя улыбаться — она всегда любила осень, особенно её контрасты: холод по утрам и жаркое солнце днем, увядание и буйное цветение напоследок... И где-то в этом мире есть её принц Осень. Быть может, именно сейчас он седлат своего белого, как туман, коня, чтобы примчаться и спасти Ник от одиночества. Или дрыхнет, кошка серебристый, кутаясь в одеяло — Маки был тот еще соня.

Лин сухо сообщил, выруливая из парка:

— Планы изменились. Сейчас едем сразу к морскому посту. Пропуска уже выписаны, броня приготовлена. Вам с Эваном выделяют полчаса на тренировку в доспехах. В ультре вы всяко никогда не гоняли.

— И кто такой щедрый, что оплатил холостой прогон брони?

— Джонс.

— О... Любитель элитных отношений...

Лин бросил на неё косой взгляд, отвлекаясь от дороги:

— У вас с Джонсом...

— Полное взаимопонимание, не беспокойся. А что?

— Он идет с нами в больничной городок.

— С чего бы? — она внимательнее рассмотрела Лина — а ведь он из-за вампира сам на себя не походил. Волновался и чуть сильнее, чем обычно, пах мускусом.

Лин пожал плечами:

— Поверь, я сам не знаю. Видимо, Перес хочет знать о тебе и твоих возможностях все. Будь осторожна.

— Буду, — кивнула Ник. — Я помню твое предупреждение. Я буду очень осторожна...

Она обернулась на заднее сиденье, где сидел напряженный Эван, и попросила Лина:

— Останови, пожалуйста, возле цветочного магазина. Любого.

Лин вопросительно выгнул бровь, но ничего не сказал. Припарковался только минут через десять, когда Ник стала подозревать, что он проигнорировал её просьбу.

Эван продолжал безразлично смотреть в окно.

Ник повернулась к нему, протягивая свою кредитную карту:

— Эван... Купи цветы, пожалуйста. Тебе виднее, какие любила Андре.

Эван осторожно, словно это была магическая шутиха, взял кредитку и вышел со словами:

— Я потом все верну.

— Достаточно сказать спасибо, Эван.

Он наклонился к стеклу перед её сиденьем:

— Ник. Я. Никогда. Это. Не забуду. — и спешно пошел прочь.

Лин лишь пояснил — кажется, он был в курсе человеческого обычая, оборотни проще относились к уходу родственников:

— Там на площади Льда люди поставили памятник... Эвану будет где попрощаться с родными. За Границей будет не до того... — он бросил внимательный взгляд на

побледневшую Ник. — А ты часто навещаешь своих...?

— Моих не осталось.

— Прости, лезу, куда не просят.

— Ты не знал.

— Это плохо, когда некуда приходиться, да?

— Отвратительно, Лин. Это отвратительно...

Дверца хлопнула — вернулся Эван с небольшим букетом роз, возвращая кредитку.

Лин без слов вырулил на улицу — им еще полгорода пересекать до площади Льда.

Надо отдать должное — при почти общем для всех округов дефиците земель, в Либорайо перед Границей, учитывая опыт прошлого ледяного прорыва, был широкий, незастроенный лесной массив. Оборотни, правящие округом, осознавали проблему и не собирались допускать новых массовых жертв.

Перед постом стояла техника стражей — черный, хищный, приземистый командный пункт с полностью затемненными стеклами, чтобы и вампиры им могли пользоваться, и пара угловатых, тоже черных, бронированных внедорожников-грузовиков, перевозивших доспехи. На боках машин была эмблема стражей — ощерившийся тигр.

Лин припарковался у единственного здания в лесном массиве — лаборатории, отслеживающей состояние ледяной пустыни. Рядом с ней располагался небольшой мемориал с фамилиями погибших и пропавших без вести. Эван без слов рванул к нему.

Лин ничего не сказал, хотя мог бы бросить в спину: «У тебя пять минут!» — или что-то подобное. Просто прислонился к боку своего автомобиля, разглядывая небо в низких дождевых облаках:

— Парни нас уже за Границей перехватят — им полезно пробежаться в марш-броске. Тут только мы и...

Ник посмотрела в сторону командного пункта — из него, игнорируя слабый рассеянный свет солнца выбрался Джонс. Без брони, в простом, ярко-красном комбинезоне без опознавательных знаков, без шлема и защиты от солнца. Кожа на его лице покраснела, бледные, с рыжим отливом волосы чуть развевались на ветру. Если когда-то у него и были веснушки, то сейчас его кожа была идеально чистой — при перерождении люди теряли цвета. Наверное, когда-то Джонс был отчаянно морковно-рыжий.

— Доброе утро, мисс Доу, Росси...

Ник только сейчас поняла, что Джонс коротышка — он был выше её самой всего на пару дюймов.

Лин кивнул вампиру, подтверждая:

— Доброе...

Ник тоже мотнула головой:

— Доброе к нам, к вам — не очень. Мимикрируете под цвет комбеза?

Джонс прищурился:

— Угадали. Защитная окраска, мисс Доу. — он спрятал покрасневшие ладони за спиной.

Лин бросил тревожный взгляд на Ник, но сдержался.

— Хорошо будет видно на льду. — кивнула она.

— Не бойтесь — не потеряете. — улыбнулся всеми зубами Джонс. Клыки у него были чуть сточенные и неидеальные. Видимо, денег на элитного стоматолога не было. — Мисс Доу, вы уже придумали свой позывной?

— Мой позывной всегда один и тот же — Ловец. А позывной Эвана...

Лин все же вмешался:

— Его позывной — Лимон.

Джонс даже хмыкнул одобряюще:

— Подозревал что-то подобное.

— А ваш позывной, мистер Джонс? — спросила Ник.

— А мой позывной тоже не меняется. — Джонс замолчал, словно самой собой подразумевается, что его позывной знают все.

Лин подсказал Ник:

— Генерал.

Джонс кивнул:

— Точно. Все последние пять лет. А сейчас, простите — вам пора надевать доспехи и осваивать их. Надеюсь, мисс Доу, что проблем с этим не будет.

— Не бойтесь, я тоже не потеряюсь. — Она нахмурилась — кажется, Джонс не воевал. С вампирами всегда сложно — никогда точно не угадаешь возраст, слишком гладкие, слишком одинаковые лица, почти под копирку. Вот и Джонс такой же — алые глаза, чей изначальный цвет уже не узнать, высокий лоб со светлыми бровями, идеальный ни разу не ломаный нос, узкие губы. Симпатичная, знающая себе цену сволочь, обиженная, что его не пустили в дом. Ник раньше казалось, что Джонсу не меньше тридцати лет, а то и больше, но, кажется, она ошиблась. Уважение, как к ветерану войны, которому пришлось сдаться вампирам, у неё пропало — этот продался просто так.

Почему Эвана Лин назвал Лимоном, Ник поняла в грузовике, где стояли приготовленные для них доспехи. Если ей самой выделили боевую, белоснежную ультру, то Эвану достался гражданский доспех — без встроенного оружия с ярко-желтой окраской, чтобы не затерялся во льдах.

Лин, помогавший забраться в неудобный доспех, пояснил, пока техники запаковывали Эвана:

— За ним присмотрят Жердь и Утес. Не беспокойся.

— А кто назначен присматривать за мной?

— А надо?

— Спасибо, — только и сказала Ник, позволяя Лину захлопнуть доспехи на груди. Воняло дезинфекцией. Чуть жало в ногах, и слишком было свободно в плечах, но всяко лучше, чем в прокатном доспехе, там бы она и впрямь была мышью в кульке.

— Не за что, — ответил Лин, проверяя крепления перчаток. — Учти, Джонса я не контролирую...

— Поняла. Не в обиде.

— Он... Он хороший, Ник. С точки зрения людей хороший.

— Не волнуйся.

Он опустил вниз полупрозрачное забрало шлема:

— Привыкай! — он хлопнул по плечу. — У тебя полчаса... — Он спешно направился к своей ультре.

Привыкать было к чему — на забрало были выведены карта с пометками и возможными маршрутами, командные строки, сейчас пустые, показания приборов и амулетов. Это отвлекало, но забрало не приподнимешь и не отключишь — Лин первым же возмутится, запуская со своего командного доспеха все по новой. Хорошо еще, если просто заблокирует

её за непослушание, а то и включить режим принудительной эвакуации может. Вдобавок магические потоки, всегда окружавшие Ник, почти иссякли, превращаясь в еле заметные ручейки — ультра давала высшую защиту, в том числе, рогатые орки, и от магии. И вот как работать?! Надо было не выпендриваться и брать простую инфру. Ей всего-то нужна защита от холода и двигателя для перемещения. Она сжала в левой руке кинжал, правая все еще была в фиксповязке. Все будет хорошо. Несмотря на ультру. Она справится.

Граница встретила дружным воплем стражей Седьмого отряда, легким падающим с небес снегом и полной безмагией. И серо-зеленым цветом — экран забрала сам включил ноктовизор.

Ник активировала кинжал, его тепло просачивалось через перчатку, придавая сил и уверенности.

Перекличка.

Распределение по местности.

За Эваном, неонем сиявшим во тьме, как и обещал Лин, присматривали двое — Жердь впереди, Утес прикрывающим.

Ник шла одна — Лин, сейчас Листопад, пристроился справа — там, где у неё было слабое место из-за недееспособной руки. Слева шел Ульв, медик в отряде. Фланговыми были Кедр с их с Листопадом стороны и Зима со стороны Эвана.

Джонс, то есть Генерал, шел сам по себе, выделяясь своим легким, летним комбинезоном. На голове лишь дужка связи появилась. Впрочем, Джонсу холод был нестрашен. Так и хотелось сказать: «Пижон!» — да некому.

Льды потрясали своими размерами — панцирь достигал десяти, а то и двадцати ярдов. Снег чуть похрустывал под ногами. Слышны были тихие, редкие переговоры стражей. Жердь что-то шутил по помидорный цвет. Джонс даже не вздрагивал и не оборачивался, шел себе и шел, как на прогулке, а ведь у него двигателей не было в отличие от отряда. Ему приходилось самому преодолевать торосы.

С помидоров разговоры перешли на бледные поганки, с них на ледяные скульптуры — парни всерьез обсуждали, когда же Джонса заклинит где-нибудь. Листопад не вмешивался и не осекал парней. Джонс продолжал молчать. На нем медленно, не тая, оседал снег.

Эван сопел рядом — ему приходилось сложнее всех, даже с учетом экзоскелета.

Ник... Она ничего не чувствовала, и это начинало напрягать — как ловец она тут совершенно бесполезна. Она крепче сжала кинжал, а потом сказала:

— Листопад, открываю забрало. Иначе я бесполезна. Не выводи из строя — прошу!

Она, не дождавшись подтверждения от Лина, приподняла вверх забрало шлема — все же доспехи не для неё, они мешали слышать потоки магии.

— Ловец, это Листопад — не смей!

— Я ненадолго. — попыталась утешить его Ник, щеки начало пощипывать от мороза, зато на неё обрушился дикий, бессвязный поток магии. Он шептал, он обещал, он умолял... Странно, что никто до неё этого не слышал.

— Ловец, забрало закрыть!

Ник остановилась, прислушиваясь. Сейчас несущийся к ней дикими прыжками Росси отвлекал:

— Лин, прекрати — ты обещал доверять.

— Какие у нас тут оказываются нежные отношения... — вмешался Джонс.

— Генерал, не лезьте, — осек его Листопад. — Ловец — человек.

Джонс буквально выплюнул:

— Росси, заткнитесь и вернитесь в строй. Ловец сам разберется, что к чему.

Ник прикусила ставшую бесчувственной губу. Благодарить Генерала она не стала, подозревая, что от следующего шага вззоет и тот. Она щелкнула замком на запястьях — перчатки раскрылись, давая свободу. Холод тут же впился в пальцы.

— Ловец! — голос Лина мог и обжигать. — Я серьезно — ирбис тебя вампирам скормит!

— Почему вампирам? — Она опустилась на колени, прислушиваясь к снегу. К песне ветра. К холоду. К непонятному шепоту, подаваясь своей силой к нему и будя его.

Лин прошипел, не смея покидать строй:

— Потому что только они дают стопроцентную регенерацию конечностей.

Генерал меланхолично вмешался:

— Я первый в очереди — Ловец, полагаю, крайне вкусен. Давно не пил кофе, а тут такой экземпляр, весь пропитанный им.

Отозвался первым Эван:

— Во мне, Генерал, кофе всяко больше.

— Оставить, Лимон! Я предпочитаю перерождать женщин, а не парней.

Стражи вокруг заржали — говорят, что заканчивается перерождение в постели. Правда или нет, Ник не знала. Да и все равно ей как-то было — кто уж там превращал Джонса в вампира.

— Разговоры! — рыкнул, вмешиваясь Лин, но перешептывания парней было не остановить.

Ник отозвалась:

— Не волнуйтесь, Генерал, я вам завещаю мешок кофе. Обещаю.

Джонс уточнил, обращаясь к Росси и отвлекая его:

— Листопад, значит, вас не волнуют вопросы вампиризации Ловца?

Тот бесстрастно ответил, все же ломая строй и направляясь к Ник:

— Я в курсе, что современные бионические протезы вполне себе ничего — функциональные.

— Ааа, вы из противников вампиризации, и как я забыл.

Ник прикрыла глаза, сосредотачиваясь. Нити магии потянулись к ней, теплым потоком окутывая заледеневшие пальцы. Стук... Просьба. Отклик. Далекый и... Невозможный.

— Листопад... Генерал... Это Ловец. Среди пропавших без вести были фейри или их полукровки?

Первым ответил Эван:

— Медсестра акушерского блока.

Генерал даже имя вспомнил:

— Мисс Эралийя дель Марро из Холма Плача.

Ник еле выдохнула — и как раньше эти хвостатые ничего не нашли, ничего не поняли?! Или вампиры промолчали... Или тоже не знали? Или... Мстили Холмам за льды?

— Они живы! Они там в больнице живы — спят под чарами фейри!

Эван без предупреждения врубил двигателя на полную мощность и, как сумасшедший, скачками отправился в сторону больницы.

— Стоять, Лимон! — рыкнул Лин. — Стоять, там необследованные конструкции. Ты там все обвалишь!

За Эваном вдогонку рванули Жердь и Утес.

Лин выругался и со своего командирского пульта отрубил подвижность доспехов Эвана. Тот рухнул, как подкошенный. Льды затрещали под его весом, вновь отвлекая Ник. Она чувствовала, что за стуком сердца... Сердец... Есть что-то еще. Она чуть придала сил, увеличивая свой импульс и... Ошибаясь.

По связи были слышны хрипы Эвана:

— Пожалуйста! Прошу!!! Умоляю!

Листопад тут же вырубил его канал, наверное, выговаривая что-то приватно.

Джонс заметил:

— Гражданские всегда некстати. Вас, Ловец, это не касается.

Лин скомандовал по общей связи:

— Жердь, Утес, выносите гражданского. И... — он добавил: — Мы вернемся, Эван. Мы никогда никого не бросаем. Но сейчас мы ждем ответа от Ловца!

Лед зашептал. Лед пришел в движение. Лед откликнулся, не зная, убить или обнять. Он рванул к Ник. Он рванул к городу...

Она, выпрямляясь, скомандовала не то, что ожидали все. Она проорала:

— Уходите — идет прорыв!

— Отходим! — тут же прорычал Лин.

Ник на всякий случай напонила:

— Лин, я выдержу.

— Я знаю, Ник.

— Уходи. — она вытянула вперед свой кинжал. Поток магии вокруг неё был так слаб, гасимый амулетами доспеха, что кинжал еле светился. Так ей не погасить залп. Она раскрыла броню, выпрыгивая из нее на снег — так будет проще. Так она лучше чувствовала мир.

За спиной раздался грохот от приземлившихся доспехов и шипение воздуха — кажется, Росси так и не научился ей доверять.

— Лин, я же сказала...

Он прижался с ней сзади, согревая своим теплом:

— Без меня ты замерзнешь. — его руки замком сплелись на её животе.

Хорошо, что Джонс молчал. Прибила бы, если бы он испортил такой момент.

— Лин...

Мягко, вкрадчиво, прямо в ухо Лин прошептал, согревая своим дыханием:

— Просто доверься в ответ. Немного доверия — я ничего не прошу взамен... Тебе не надо совершать подвигов. Эвакуация начата. Джонс проследит. Там деловой квартал, в основном оборотнический. Это будет просто. Надо продержаться всего десять минут — там именно такие требования ко времени эвакуации. Не устраивай подвиг. Просто продержимся десять минут.

— Ты...

— Ник, подвиги давно отошли в прошлое. Сейчас мирное время. Пусть Граница и рухнет — это нестрашно. Уже был ледяной прорыв — люди к нему готовы. Ты меня слышишь, малыш?

— Слышу... — Она собирала силы. Странное дело — голос Лина её не отвлекал. Сил наоборот, вливалось больше и гораздо проще. Поток магии вились вокруг, согревая и подпитывая. Хорошо, что у Ник было человеческое зрение — она не видела, как вздымается

в темноте вверх ледяная неотвратимая волна.

— Но не веришь. — прохрипел Лин — он-то волну видел — от края и до края.

— Я...

— Я не буду мешать.

Она закрыла глаза. Направила все силы в кинжал. Он накалился, приятно согревая ладони.

Руки Лина крепче прижали Ник к себе. К теплой, широкой, надежной груди, давая дополнительную опору.

Волна шла.

Ник чувствовала её всем телом.

Волна наваливалась на неё, пытаясь смять, подчинить, сломать.

Она вздымалась в небеса. Сейчас, закрыв звезды на небе, она была видна даже Ник.

Она взрывалась болью в голове — подчинись. Приди. Услышь. Подчинись! Ответь.

Сдайся...

Она звенела, она кричала, лед трещал, рвась в небеса — от горизонта и до горизонта.

Лин за её спиной только прошипел под нос:

— Откуда эта дрянь приходит...

Она знала, откуда эта дрянь — это она позвала, это она разбудила что-то тревожно спящее, как в больнице. Только спящее гораздо дальше. Что-то безнадежно поломанное. И это был отнюдь не амулет. Это было что-то живое. Это был кто-то живой. Это была её ошибка, и потому стоять насмерть, стоять, как Ден Стюард на площади перед женским общежитием академии. Она помнила его каждый жест. Она помнила каждое его слово, даже те, что он не сказал вслух. Она помнила, что не стоит защищать каждого. Стоит защищать того-то одного, кто важнее. Кто дороже. Кто ближе.

Ближе был Лин.

Он обнимал её уже заледеневшими руками, давал опору, чтобы было легче принять удар волны.

Он стоял, не делая шага назад, хоть и не он вызвал волну, не его вина, он не должен был быть тут.

Она должна его защитить. Она не даст ему умереть в ледяной пустыне, где он не оказался, если бы не она.

Из горла вырывался хрип — она стала повторять заклинание, которое случайно десять лет назад придумал мальчишка, не умевший отступать.

И кончик кинжала принялся танцевать в её руках, вспарывая острием время и пространство.

— Ник, не надо... Прошу!

— Просто... Поверь...

Пространство просыпалось. Оно ворочалось в ответ, предчувствуя волну. Направления спутались. Высота стала длиной, а ширина рождала спирали за спиралью. Магия закипала в венах Ник. Магия скапливалась, чтобы подчинить последнее — время. И оно замерло, и покатило вспять, рождая хаос.

Волна на волну, как гасят пламя. Волна на волну — чья сила сильнее. Ник или того, кто спал во льдах? Кто сдастся первым — она или... Он. Все же он. Сейчас Ник как никогда четко воспринимала своего противника. Это был он, покалеченный, забытый, невинный. Он просто оказался в ненужном месте в ненужный час. И лишь в этом была его вина.

Волна хаоса напирала, останавливая лед, продавливая его, пытаясь отбросить назад. Сила на силу. И Ник была сильнее. Он покорился. Он признал её силу, он прошептал:

— Спаси...

И еще:

— Прости...

Он признал поражение — хаос понесся дальше, отбрасывая льды и снега в обратном направлении в море, туда, где они родились. Хаос сбивал с неба темноту. Хаос ломал небесных танцоров, навсегда приземляя их. Хаос дорвался до моря и... И готов был лететь дальше, унося и её вслед за собой, вслед за песней китов, вслед за солнцем...

— Останься со мной, Ник... — хрипло прозвучало возле уха.

И Ник почему-то осталась. Упала волна хаоса, возвращаясь туда, где и была рождена — в кинжал Ник, заставляя её стонать от новой боли. Со скрежетом выправлялись дома, разгибая свои спирали. Со стоном выпрямлялись деревья. Дороги разглаживались и больше не стремились в море и небеса одновременно. А люди в больнице приходили в себя, скидывая с одежды непонятный лед и падая без сил.

Ник подхватили на руки:

— Малыш, а ведь ты фейри — ты леди Холма...

Она упрямо прошептала:

— Рогатые орки, Росси... Я человек...

И Ник все же нарвалась — оборотень сорвался. Огромный лигр заглянул ей в глаза, его пасть распахнулась, и где-то на шее Ник, там, где у котов холка, расцвела боль. Ник всегда знала — с оборотнями нельзя дружить. Оборотни не держат своих слов.

Пришла она в себя в больнице. Перед глазами все плыло разноцветными пятнами. Воняло дезраствором и еще какой-то гадостью. Что-то где-то капало. Горела от боли левая рука, в которую уходила капельница. Судя по её виду — усилению серебряным плетением, капали ей или алхимическую вытяжку из философского камня или еще более редкую дрянь — кровь фейри. В любом случае, денег на это у Ник не было. Она облизала губы и попыталась позвать медсестру. Из горла вырвался лишь хрип. Она попыталась снова, и добилась того, что, как призрачный корабль, перед её глазами появился узкий носик поильника, и в рот потекло что-то сладкое. Раствор глюкозы, не иначе. Ник глотала и глотала, чувствуя, как оживает. Все же, не глюкозу ей выпаивали.

Носик поильника исчез, а перед глазами появился уже знакомый вампир — Джонс собственной персоной. Точнее, часть Джонса — его голова. И что ему тут нужно?

— Ник... Мисс Доу... Вы пришли в себя?

— Пришли проверить... Можно ли забрать кофе... Себе по завещанию?..

— Естественно. Вы ветреная девушка. Непостоянная. То с одним, то с другим. Зазеваешься, и кофе из-под носа уведут.

Джонс отстранился, тут же исчезая в тенях, окружавших Ник:

— Мистер Перес, мисс Доу пришла в себя, как и говорили врачи. Сильная девочка.

— Рогатые орки... — пробормотала Ник.

Джонс повторился:

— Я же говорю...

Ник прикрыла глаза — только Переса тут не хватало для полного счастья.

А Джонс продолжал говорить с Пересом в полной тишине, тот, кажется, даже не отвечал. Ник приоткрыла глаза — они стали приспосабливаться, и уже не пятна

мельтешили, а высота и длина пытались встать на свои места. И глубина. И резкость. И цвет. Мозг понял, что что-то явно лишнее для Ник и отрубил резкость. Сразу стало легче.

Джонс снова наклонился — оказывается, он все это время разговаривал с Пересом по интерфону. Элитному, надо полагать. Иначе же Перес и Джонс не могут.

— Мистер Перес просит вам передать, что вы умница и невероятный ловец. При желании остаться в городе и вступить в один из штурм-отрядов вам даже не придется сдавать экзамены. Кроме того, вам выделяют жилье в э...

— ...в элитном доме... — не удержалась Ник от шпильки.

Джонс слишком серьезно подтвердил:

— Элитном комплексе — с предсказаниями у вас так себе. Премия за выход к морю...

Она его перебила — он её злил своей тягой к элитности:

— Что с Росси?

— А что с Росси?

— Он... Жив?

Джонс пожал плечами:

— Поверьте, мисс Доу, еще не родилась та женщина, что прибьет его.

— Он... сильно... пострадал? — почему-то про кофе Джонсу было легко выговаривать, а спрашивать о Линдро отчаянно больно — вдруг она его покалечила. Вдруг из-за неё он стал таким, как Джонс.

— Он уже выписан домой. И я не договорил про премию...

— К оркам деньги...

— Они их не заработали.

Она посмотрела прямо в алые глаза:

— Джонс, у вас есть чувство юмора?

— Есть, конечно. Просто я предпочитаю им не пользоваться.

— Зря. Вы сухарь и... — она замерла, не в силах подобрать слова.

— Зануда, тварь и сволочь, — подсказал Джонс. — И не волнуйтесь, стоимость двух утерянных доспехов с вас вычитать не будут. Я лично свидетельствовал, что они утеряны в силу непреодолимых обстоятельств, а не из-за вашей глупости, мисс Доу.

— Джонс... Позовите врача — пусть остановят капельницу...

— Вы можете её себе позволить. Ваша элитная страховка все покрывает. Мистер Перес печется о людях.

— Я не его человек....

— Но человек же. И лежите — вам еще лежать и лежать. Или, хотите, позвоню Третьему принцу ирбисов? Будет вам мурлыкать песни на ночь и вылизывать пятки. Вы любите, когда вам лижут пятки?

— Не завидуйте так откровенно, Джонс. Мне только музыкального сопровождения не хватало.

— Тогда позвать вашего друга?

Ник даже голову приподняла от удивления:

— Кого?

— У вас нет друзей?

— Кого именно вы позовете...? Лин же...

— Он дома. А в коридоре сидит Эван Грей. Он соврал, что ваш друг?

— Нет, — поспешно сказала Ник. — Он друг.

— Не соврал, — почти печально сказал Джонс. — Что ж, тогда наилучших вам пожеланий выздоровления. Мистер Перес очень ждет вас — путь к морю свободен, но еще опасен. Он надеется, что вы и дальше будете заниматься этим делом. Он вам, кстати, выделил помощника.

— Надеюсь, не вас?

— Я сопротивлялся, как мог — упаси небеса меня от таких бывших соплеменников, как вы.

— Вы все еще злитесь, что я не пустила вас в дом?

Он обернулся у двери:

— Да. Я мстительное создание. Имею право.

Эван, улыбочивый, легкий, почти летающий — тень за его спиной выглядела сытой и довольной, влетел в палату и плюхнулся на кровать Ник, тут же беря девушку за руку:

— Я твой должник по гроб жизни. Что хочешь проси, куда хочешь зови — я приду.

Его голос звенел от радости. И почему она когда-то приняла его за осень? Он по характеру весна — дикая и необузданная.

— Эван, а давай ты просто больше не будешь связываться с душеедками?

— Нииииик, я же не специально. И ты лучше скажи — как ты? А то Джонс, как сыч, тут заперся, никого не пускал.

— Жить буду. Но лучше дома. Помоги добраться, пожалуйста!

— Тебе еще надо лечиться. — строго сказал Эван.

— А минуту назад обещал чуть ли не звезды с неба. А теперь даже домой отвезти не хочешь.

Эван серьезно осмотрел её:

— Уверена, что хочешь домой?

Она кивнула:

— Уверена. Мне нужно быстрее сбежать отсюда, пока тут материалы на генетическую карту не взяли.

Эван скривился:

— Вот не уверен, что уже не взяли. Росси настаивал, чтобы тебя отвезли в больницу тигров, но Джонс стоял насмерть — везти в ближайшую. А ближайшая принадлежит Пересу.

Ник прикрыла глаза — что ж, тут уже ничего не изменить. В любом случае она все равно хотела карту, так пусть за счет Переса. А от неприятностей всегда можно сбежать в другой округ. Дела Эвана, кажется, решены.

— Эван... Кстати, только сейчас поняла — видимо, какую-то дрянь капают... Почему ты тут?

— Так ты тут...

— Я имею в виду, не с семьей.

— А... Это... Они в соседней палате — врачи сказали, что нужна минимум неделя на восстановление, моих девочек держат в искусственном сне.

— Эван, деньги премии направим на их лечение.

Он наклонился и поцеловал её ладонь:

— Ты чудо, Ники. Я не заслужил своим поведением денег за операцию. Я должен был страховать тебя, а вместо этого с тобой был Росси. Меня утащили из-за моего несносного поведения.

— Я бы так же рванула, будь там моя семья, Эван. Тут я тебя понимаю. Я поговорю

с Росси.

— Не волнуйся, все хорошо — мы поговорили и разобрались друг с другом. Правда. И не переживай за лечение. Прорыв допустили власти округа — они же оплатят лечение пострадавших. Деньги не нужны. Все хорошо. Самое главное, мои девочки будут жить — через неделю или месяц, уже неважно. Я умею ждать. Я дождусь. Вот ты лучше скажи: моей дочке...

— Поздравляю...

— Спасибо... Моей дочке сейчас три года или все же... Еще минус сколько-то дней до рождения?

— Важно?

— Нет. — рассмеялся Эван. — Важно, что они есть. И я есть. И ты есть...

— Есть не надо. Забери меня отсюда — отвези домой. Слышал, что дома и стены лечат?

— Слышал. Но у домашних стен нет крови фейри.

— Зато там есть блинчики.

— Прожорливое ты создание.

— Я лишь хочу наесться блинчиков до отвала, пока ты не сбежал домой.

— Не сбегу. Пока ты не встанешь крепко на ноги — не сбегу. И блинчиками закормлю, и Линдро научу их готовить.

Ник закашлялась от неожиданности:

— Почему Лина?

— Потому что мне показалось, что ты выбрала его, а не Форда. — отмахнулся Эван. Эх, хороший бы из него получился принц, жаль, что уже чужой и пристроенный. Или хорошо, что пристроенный — слишком он оказался живым и бурлящим. Весна, а не осень... Она не выжила бы рядом с ним. И блинчики бы не спасли.

Ник напомнила:

— Эван?

— Да?

— Ничего не забыл?

— Э...

— Дом и блинчики.

— Понял, пошел воевать.

— Жду с победой. — улыбнулась Ник. Домой. Скорее домой...

Глава 7. Элитный мистер Джонс

Победа получилась однобокая — Ник выписали, ей даже вернули одежду, нагрузили лекарствами, посоветовали вызвать такси, потому что общественный транспорт уже не ходил и...

Они с Эваном замерли на крыльце больницы, глядя в ночь. Кредитка Ник осталась вместе с её сумочкой в грузовике стражей. У Эвана денег не было вообще.

Он критически осмотрел Ник:

— Тут идти далеко — через весь город. Вернемся или?

— Идем, — Ник поджала губы. Возвращаться в больницу не хотелось сильнее, чем тащиться через спящий ночной город. И ведь кинжал не покажешь, заставляя такси довезти бесплатно — кинжал ей не вернули, и где его искать — тот еще вопрос.

С больничной стоянки вырулила черная, представительского класса машина, с хромированными деталями, статуэткой летящей феи на капоте и плавными формами. Она остановилась прямо перед Ник. Дверца машины со стороны водителя открылась, показалась уже знакомая голова Джонса:

— Вы задержались, мисс Доу. Мне уже показалось, что я перестал вас понимать.

— Вы никогда не понимали меня, — Ник старательно выпрямилась, боясь, что Джонс её не видит из-за размеров машины.

Эван осторожно дернул её за рукав:

— Ник, это же Джонс... Тот самый!

Она ничего не успела ответить — Джонс холодно улыбнулся:

— Не ломайте мне всю игру, Грей. Не стоит просвещать нашу мисс Незнайку. Вас подвезти?

Ник неуверенно предложила:

— Услуга за услугу?

— Упаси небеса. Я достаточно богат, чтобы подвозить девушек просто так. Садитесь.

Ник замерла.

Джонс добавил, огибая перед машины и открывая перед Ник дверцу:

— Меня мистер Перес просил за вами приглядывать. Не беспокойтесь, машина надежная, редкая элитная модификация феи.

— Мистер Джонс, а вы тоже элитный, да? — Эван на всякий случай сильно дернул Ник за рукав, но она не удержалась, добавила: — Элитному вампиру, живущему в элитном доме элитного комплекса, должен прислуживать элитный слуга... Ой, секретарь.

— Вы чрезвычайно догадливы, — продолжил улыбаться Джонс, и Ник только сейчас заметила, как фальшива его улыбка. Его глаза были слишком близко, чтобы избежать искушения. Ник подалась вперед, заглядывая в алые зрачки. Там сейчас плыли облака.

— И чем же вы так элитны?

Болело все, даже что удалили. Он лежал на спине на носилках и смотрел, как плывут облака. Он все проиграл. Ему остались лишь облака. На каком он полетит прочь с земли?

Он скосил взгляд вбок. Там стояли, опираясь друг на друга, проигравшие вместе с ним войну. Израненные, потерявшие дом, надежду, любимых и родных. Скоро они из-за него потеряют и жизнь. Надо было сдаваться, пока мог. Надо было сдаваться, выторговывая их жизни.

Звонкий голос лорда Холма несся над дымным полем:

— Слово фейри! Сдав добровольно генерала по имени Брендон Джонс, вы получите высочайшее прощение за свои проступки.

Оказывается, они не воевали, они не защищали свои дома и земли. Они совершали проступки.

— Иначе наказание будет неизбежным. У вас десять минут. Время пошло.

Стоявший в отдалении офицер-вампиры подтвердил:

— Слово клана Переса — договоренности будут выполнены от и до. Сдадите генерала — получите полную свободу. Желающие примкнут к клану для излечения.

Строй зашевелился — кто-то рвался вперед.

— Я Джонс!

Из конца шеренги насмешливо донеслось:

— Хрен тебе, а не Джонс! Джонс — я!

— Нет, я! — это подался вперед салажонок — его подобрали с неделю назад в сожжённой дотла деревеньке. Он чудом выжил после правосудия фейри. — Я Джонс! Берите меня!

Он не выдержал и признался:

— Это я Джонс. Брендон Микаэль Арн Джонс. Генерал с позывным Осень. Это я.

Ник с трудом удержала взгляд — признаваться вампиру, что заглянула в его память нельзя. Она спешно опустила на сиденье, пряча взгляд. Джонс захлопнул дверцу машины:

— Элитное умение восхваления, мисс Доу. Именно этим я знаменит и ценен. Грей, не стойте столбом, садитесь в машину.

Джонс сел на водительское кресло и бросил на колени Ник бумажный кулек:

— Ваш кинжал, мисс Доу. Вас не учили не бросать оружие на поле боя?

Машина плавно выехала на пустую улицу, залитую неоновыми светом вывесок.

Ник предпочла промолчать. Отвечать, как прежде, она сейчас бы не смогла, она помнила облака в небесах, а мягкий, утешающий тон Джонс бы не принял. Еще и удивился бы, с чего такие изменения. Хорошо, что его не интересовали её ответы. Он смотрел четко на дорогу. Что с ним, сдавшимся, защищая своих людей, сделали, что он настолько изменился? Элитный прислужник для элитного Переса. И ведь не спросишь.

Дома было хорошо. Закрыв дверь, Ник сползла по ней на пол. Эван тут же опустился на колени, заглядывая ей в глаза:

— Ник, тебе плохо?

— Мне хорошо...

— Ник?

Она вытянула ноги вперед, опираясь на дверь:

— Можно кофе и блинчики?

— Нииииик?

Она еле выдавила:

— Пожалуйста.

Эван встал:

— Хорошо... Тебя донести до кровати?

— Мне и тут неплохо... Ты что-нибудь знаешь о Джонсе?

Эван серьезно посмотрел на неё:

— Разве кто-то не знает Джонса?

— Я.

— Знаменитый военный. Легендарный даже. Под его командованием Двадцать первый округ стоял почти два года, не сдавался. Фейри Джонса люто ненавидят. Он держал слово лучше них. Он пытался остановить войну, заключить мир с фейри на равных правах. И когда фейри нарушили договор, им пришлось плохо. Он основательно проредил их Холмы, заставляя досконально выполнять условия договоров с людьми... После захвата округа, фейри потребовали то, что от него осталось, себе.

— И что от него осталось? — она подозревала по воспоминаниям Джонса, что осталось мало. Совсем мало. — Впрочем, не отвечай... Не надо...

— Люди после падения округа согласились на требования фейри и выдали его Холмам. Его судили, предали наказанию... Короче, фейри это фейри...

— Твари.

— И не говори. Идти против фейри никто не рисковал, и Джонс бы так и умер в Холмах, но клан Переса не выдержал и выкупил его. Тайну сделки никто не знает. Короче, о его злоключениях знают все. И это Джонса раньше дико бесило. Наверное, и сейчас бесит — вампиры не склонны меняться.

— Тяжко выглядеть молодцом, когда каждый помнит, как ты ползал в грязи...

— Именно. — подтвердил Эван.

— Рогатые орки... Даже не знаю, что и думать.

— Не думай. С ним редко кто пересекается по делам, он же не единственное доверенное лицо Переса.

Только не думать не получалось. Даже после блинчиков. Изменился ли Джонс после того поля боя? Стал ли и впрямь сволочью, упивающуюся своим привилегированным положением, или страдал под клятвой?

Ночь была долгой — Ник переоценила свои силы и силы крови фейри... Её мучило, бросало то в жар, то в холод. Руки и ноги постоянно теряли чувствительность — она их все же отморозила за Границей, и если сил крови фейри не хватит, то она рискует повторить судьбу Джонса и ветеранов, её могут ради её же блага скормить вампирам. В том, что Джонс может это повернуть, в темноте долгой, промозглой ночи верилось до липкого пота по всему телу. Его элитный мистер Перес и не на такое способен. Деньги в округах решают все. Это Линдро может верить в закон, Ник знала — для людей закона нет, деньги главнее. Эван замотался с ней — варил отвары, менял компрессы, делал уколы лекарств, которые ей выдали в больнице. Только под утро стало чуть легче — отступил жар, отступили и страхи. Эван забылся зыбким сном в кресле — вчера вечером она так и не добралась до спальни, всю ночь провела на диване в гостиной.

Утро привычно началось с Арано — он притащил ей корзину с фруктами. Вторым навестившим оказался Ульв — Габриэль Авила-Ортега, и как она все же запомнила это с вечеринки в «Алой кошке»? Ульв принес шоколад в утешение. Ужас, который метался в его глазах — пахла она после недомогания очень даже, заставил Ник стиснуть зубы и направиться в ванную комнату. Принять душ, покрасить волосы снова тем «Вдохновением», после которого Маки прозвал её Огоньком, и одеться в свежее, яркое теплое платье с принтом из осенних кленовых листьев. Пусть ей плохо, но на настроении это не должно отражаться — она будет улыбаться, ведь ночь прошла, страхи спрятались, новый день обещал солнце и тепло. Это значит, что причин кукситься у неё нет. Потом её навестили все остальные из штурм-отряда, принеся в угощение свежую выпечку, сласти и цветы. Букет роз,

принесенный «Кедром» Васко Эстебаном, Линдро, пришедшего последним, особенно впечатлил. Лигр принес свежие блинчики, бумажные стаканчики с кофе из кафе и скромный букет осенних, еще в капельках легкого дождя астр.

Ник, спрятав лицо в цветах, чтобы не видеть прищуривавшегося и явно недовольного Линдро, прошептала:

— Они прекрасны, Лин.

— Смотрю, тут уже целое паломничество было...

— Ревнуешь? — она все же посмотрела на Лина поверх букета.

— Нет, с чего бы. Просто я их как людей просил дать тебе время выспаться. Просил не тревожить тебя, но не понимают.

Ник достала с полки на кухне вазу и набрала в неё воду:

— Они же не люди, Лин. Они оборотни. — И сама замерла, понимая, что сказала. Она разом перечеркнула парой фраз права парней на человечность. На нормальное отношение. На понимание. На равенство.

Ник поставила букет с астрами на обеденный стол под настороженным взглядом Лина, стоявшего в проходе кухни.

— Я... — Ник присела, признаваясь: — Я хотела пошутить... Кажется, я сказала что-то не то.

Лин без разрешения сел за стол, поправляя на тарелке преломленные со всеми по порядку стражами хлебцы и стаканчики с кофе.

— Оборотни не люди. Тут ты права. Но делает ли нас это бесчеловечными? Или мы имеем право на человечность? На милосердие? Или гуманность только для людей, Ник? Для настоящих людей. У кого и папа, и мама человеки. А если один из родителей нелюдь? Потомок тоже нелюдь?.. Вот из-за такого отношения я и пошел на войну. Я хотел это остановить. Но это продолжается и продолжается все равно. Даже выход из гетто не решил эту проблему.

Ник призналась:

— Это потому, что я ловец. Перекос воспитания... И я не считаю тебя негуманным и плохим. И парней такими не считаю — я совершенно дико, неудачно пошутила.

— Но я не человек. Значит, человечность мне не присуща.

Ник набрала в легкие воздух и призналась:

— Мне капали кровь фейри. Я тоже нечеловек.

— Ты леди Холма, Ник. Признай уже это.

— И, значит, я бесчеловечна. Или я что-то не понимаю в человечности, человеках и происходящем. Но я... Я по-прежнему считаю себя человеком!

— Способность к обороту...

Ник решительно оборвала Лина:

— Она не лишает человечности.

— А способность пить кровь и регенерировать?

— А вот тут мне нужно хорошенько подумать.

Лин напомнил:

— Фейри ты уже причислила к людям.

— Нет. Я лишь сказала, что я человек. И ты человек.

— И Джонс?

Ник призналась:

— Ты бьешь по больному. Тут я не знаю ответа. Но я постараюсь его найти, Лин. Я очень буду стараться его найти.

Их прервал стук в дверь. Ник нахмурилась — она никого не ждала. Лин, вставая, пояснил:

— Наверное, это пришел Форд вместе с руководителем восстановления порта и больничного городка. Я открою или ты?

Ник заставила себя встать:

— Я.

— Не бойся, я не допущу бестактности по отношению к Форду.

— Я этого не боюсь, Лин.

— Лучше обращаться ко мне по фамилии, Ник.

Она резко заметила:

— Я не скрываю своих друзей.

— Спасибо, — склонил голову оборотень.

В дверь снова, напоминая о себе, постучали.

Ник открыла дверь, замирая — у крыльца стояли Маки и Джонс. Вот последнего она увидеть не ожидала.

Джонс, снова красный, как рак, из-за утреннего еще ласкового солнца, чуть склонил голову в приветствии:

— Доброе утро, мисс Доу. Я привел, как и обещал, помощника. Вы его прекрасно знаете — Маки Форд, третий принц ирбисов.

Ник доставил странное удовольствие заливший лицо Маки румянец.

— Ник... Я потом все объясню... — еле выдавил парень.

— Хорошо. Я буду ждать, Маки. И...

Джонс развел руками:

— Прошу прощения, мисс Доу, но, кажется, мне все же придется попросить вас преломить со мной хлеб. Мистер Перес назначил меня главным по восстановлению территории города.

— А то вы вчера этого не знали, Джонс.

— Знал. Но не хотел портить вам настроение. Вы преломите со мной хлеб?

Ник сложила руки на груди:

— Заходите так — я не садистка, я знаю, что после человеческой еды вам будет плохо.

Джонс пожал плечами:

— Как скажете.

Ник повернулась к Маки:

— Проводи Джонса на кухню. А я пойду разбужу Эвана.

Маки на миг задержался возле Ник, еле слышно шепча ей в ухо:

— Скучал... Боялся... Ник...

— Иди уже, — она легонько провела ладонью по плечу Маки. — Я сильнее, чем кажусь.

Тот буркнул:

— Ага... Сильнее... Я до сих пор под впечатлением от рассказа Ульва...

— Иди...

Джонс ей улыбнулся:

— Подтолкнуть его?

Маки дернулся прочь:

— Я сам...

— Жаль, — не удержался Джонс, направляясь на ним, причем он при этом сильно крутил головой во все стороны, рассматривая дом. Еще бы охотничью стойку принял — так он при этом принохивался. Хуже оборотней, рогатые орки!

Эван уже проснулся. Он замер на пороге ванной, где спешно приводил себя в порядок:

— Ник... Мне с тобой или лучше не мешать вам?

— Ты имеешь полное право находить вместе со мной. Ты же вроде мой помощник. Так что пошли. — Она направилась на кухню.

Оборотни сидели за столом, друг напротив друга. Лин был спокоен, а вот третий принц даже губу прикусил. Что-то Маки откровенно не нравилось. Ник нахмурилась — она везде старательно распыляла освежитель воздуха с ароматом апельсинов, чтобы Лином не сильно пахло.

Джонс задумчиво ходил по кухне, словно что-то ища. Ник он нервировал — она не знала, как к нему относиться после вчерашнего.

Он замер перед мешком с кофе.

— Проверяете, останется ли вам что-то в наследство? — настороженно уточнила Ник, стоя возле холодильника и прикидывая — все ли преломили хлеб друг с другом, исключая вампира, конечно?

Джонс обернулся на неё:

— Я подумал, раз вы все равно решили включить меня в число наследников, так завещайте кровь. Так будет полезнее.

— Я подумаю — у вас есть все шансы её заполучить. Ловцы не столь везучи, как вампиры.

Маки разъяренно фыркнул. Лин промолчал. Эван стоически подошел к плите и принялся варить кофе.

Алые глаза замерли на списке требований к принцу, и Джонс совершенно серьезно сказал, почему-то под понятливые улыбки парней — вот их улыбки были совершенно некстати:

— А вы говорили, что не жестоки, мисс Доу. Однако ваши требования к принцу потрясают своей коварной жестокостью. Может, поэтому вы до сих пор не нашли своего принца?

Ник даже возмущенно подошла к Джонсу:

— Что тут жестокого?

Палец вампира четко указывал на первую строчку требований под заголовком «Принц должен уметь»:

— Первое требование: «Иметь коня». Заметьте, мисс Доу, не лошадь. Хотя и лошадь бы шокировала ваших оборотней — они не склонны к столь ярким перверсиям.

— Что?

— Извращениям. Конем владеют, мисс Джонс. Иметь — это нечто иное. Довольно оскорбительное.

— Рогатые орки, мне было лет семь, когда я это писала. Мне тогда ваша извращенная фантазия даже в голову не приходила!

Она решительно взяла карандаш и зачеркнула написанную детским, еще немного корявым почерком строчку про коня. Написала сверху: «владеть конем». Палец Джонса продолжал указывать на заголовок «Принц должен уметь». Конкретно на слово «уметь».

— Теперь довольны? Уметь... Иметь... — она все же фыркнула, не сдержавшись. За её спиной облегченно рассмеялись и парни. Кажется, их тоже все время смущала формулировка с конем. — Да ну вас...

Она посмотрела на совершенно серьезного вампира:

— Джонс, просто признайтесь, что вас возмутила эта строчка только потому, что вам эти требования к принцу ни за что не осилить.

Джонс чуть наклонил голову на бок:

— Почему же, мисс Доу? Меня зовут Брендон Джонс.... — Он так сказал это, словно это что-то значило. — У меня есть собственные конюшни — я соблюдаю договор с оборотнями, я употребляю, как все вампиры, только кровь животных, конкретно лошадей. Люди исконно их использовали почти для тех же целей. Я умею печь блинчики, я умею готовить, причем не только сэндвичи, я умею варить кофе, и я, самое главное ваше требование, не оборотень. Бинго, мисс Доу!

— Рогатые орки... — только и смогла сказать Ник.

Он чуть подался вперед, и снова, в этот раз уже против воли Ник, она упала в его воспоминания.

Дождь. Бесконечный. Тоскливый. Холодный дождь. Он проникал под одежду. Он проникал глубже... Он леденил душу, если она этому обрубку от тела положена. Мимо, прочь из Холма, обрызгивая грязью из-под копыт пролетели прекрасные фейри в своих разноцветных одеждах. Рот привычно помимо его воли открылся и оттуда полились похвалы великим лордам Холма и прекрасным леди Холма. Он воспевал и воспевал их красоту, милосердие, щедрость и доброту, а в глубине души рождалась жгучая ненависть. Капитан погибшей армии. Герой войны. Противник фейри воспевал их, копошась, как червь, в грязи. Зато другие будут жить.

Она вздрогнула. Вот так элитное восхваление... Вот так наказание фейри... К удивлению Ник, после такого наказания ненавидел Джонс с позывным Осень отнюдь не фейри. Он там ненавидел самого себя. Презирал, желал умереть и все равно жил.

Её окутала тишина — не было слышно парней, шороха их движений, их дыхания.

Джон ласково, и от этого стало еще страшнее, прошептал ей в лицо:

— Когда влезаете без спроса в чужие воспоминания, не бойтесь в ответ, что затронут и ваши?

— Джонс... Я случайно...

— Не бойтесь — я мстительный, но справедливый.

В голове Ник яркой вспышкой взорвался чужой мужской голос: «Аюшки, огонек? Что ты пишешь? Требования к принцу? Ох, до чего же ты, огонек, жестока... Но это однозначно отпугнет всех потенциальных принцев...».

— Джонс...

— Впредь будьте аккуратнее — в следующий раз ваши фантазии, например, о принце в переднике у плиты, улетят уже не к вам, а... — он махнул рукой в сторону парней.

Эван сыпал ярким искрами, пытаясь взломать заклинание, которое Джонс возвел вокруг них с Ник. Маки подался вперед, что-то хрипя — на лице его торчали вибриссы, а волосы поменяли цвет на серебристый. Линдро сидел за столом, но руки то и дело трансформировались в львиные лапы. Когти прорезали на столешнице глубокие борозды. Такими темпами столу скоро несдобровать.

— ...успокойте своих принцев, их главенство тут никто не оспаривает. Я лишь чуть

защитил нас, чтобы они не влезли в наш интимный разговор.

— Джонс...

— Что, мисс Доу?

— А требование воспевать Переса относится к привязке на крови?

— Мисс Доу, когда-нибудь ваше неумение промолчать и не задавать неудобные вопросы, сыграет с вами злую шутку.

— Осень... Вы не изменились. Клятва ломает вас, но вы не изменились...

— Вы опять влезли в мою голову? Я же просил.

— Услуга. Вы оказали мне услугу. Я тоже окажу вам услугу в ответ. Я сниму с вас клятву. Я сниму с вас привязку на крови. Это обещание Ловца.

— Девочка, я не для того воевал, чтобы всякие малышки жертвовали своими жизнями ради меня. Война давно прошла. Ваша жертва не нужна. И я не оказывал вам услугу — я предупреждал, что могу подвозить девушек просто так до дома.

Она широко улыбнулась:

— А мне плевать, Осень. Я окажу услугу просто так.

— Я Брендон Джонс. Позывной Осень уже давно не мой.

— Плевать!

— Перес тебя в порошок разотрет. И ни я, ни лигр, ни твой ручной ирбис ничего не смогут ему сделать. Настоящих хозяин тут он, а не хвостатые.

— Осень, вы нужны людям. Я помогу вам вернуться.

Джонс выругался и снял окружавшее их заклинание:

— Линдро Росси, удержите вашу подопечную — Ловец имеет глупость мне угрожать!

Лин оглядел бесшабашную Ник, злого Джонса и спокойно сказал:

— Значит, вы заслужили, Джонс. Ловцов задевать не стоит. И, Маки, верни хвост на место. Или хотя бы спрячь в штанах — тут все же девушка!

Джонс развернулся к Эвану:

— Кружку кофе по-островному, пожалуйста. И кофе поменьше. Ваша милая Доу отвратительна! Её переносить невозможно!

Ник снова расплылась в широкой улыбке:

— Вас переносить меня никуда не просили. Я на своем месте. В нужное время. Рядом с лучшими людьми.

— Грей, что вы выпивали своей подопечной всю ночь? У неё в глазах двоится. Тут всего один человек — вы.

Ник повернулась к Джонсу:

— Лин и Маки тоже люди — это понятие гораздо шире, чем просто факт рождения от людей. Возможно, вы тоже человек, Джонс.

— Упаси меня небеса от этого! У вас проблемы в идентификации современных видов разумных существ.

Эван молча протянул кружку кофе. Джонс сделал большой глоток и фыркнул:

— Не умеете вы готовить кофе, Грей. Не умеете. — он отставил кружку на кухонный стол.

— Научите. — тут же предложил Эван. Ник только сейчас поняла — он тоже воевал. На стороне людей. Быть может, он стоял в одной шеренге, утверждавшей, что все тут Джонсы. Он тоже из Двадцать первого округа.

Вампир моментально оказался у плиты. Задумчиво осмотрел турку, кофемолку, кружки

и принялся за кофе, первым делом доставая с полки мелкие, в пару глотков чашки. В голову Ник раскаленной иглой прилетела картинка: Джонс... Точнее, Осень — трудно было видеть в пританцовывающим у плиты парне того самого Джонса, секретаря Переса с вечной тягой к элитности... Осень стоял и пек блинчики... В одном переднике. Хвала рогатым оркам, в видении он стоял к Ник передом. Увидеть его оголенный тыл Ник не желала бы.

В реальности Джонс обернулся и напомнил:

— Я мстительный, я уже предупреждал, мисс Доу. Постарайтесь вернуться в реальный мир — пора начать обсуждение положения в порту, а не требования к принцам, угрозы Ловцов и трудности идентификации видов.

Ник поджала губы и не стала напоминать, что все это спровоцировал как раз Джонс.

Маки отправился в ванную — приводить себя в порядок, потому что хвост исчезать не собирался. Хотела бы Ник знать — кто так беспокоил обычно жизнерадостного оборотня: Лин или Джонс? Не хотелось бы, чтобы это был оборотень. И вампир тоже. Почему-то.

Ник застелила стол скатертью, чтобы не было видно следов когтей Лина — сейчас былые страхи, привитые ей школой ловцов и Сорок первым округом снова всплыли в голове. Она еще помнила, как зубы лигра сомкнулись на её шее — умом Ник понимала, что иного способа вытащить её из ледяной зоны не было, но все равно же страшно... Кровь феери залечила все шрамы на теле — утром Ник пыталась найти хоть один, но не удалось, — но разума это не касалось. Там шрамы и боязнь оборотней остались, сейчас вновь расцветая буйным цветом.

Джонс, краем глаза поглядывая, как закипает кофе, мимоходом протянул Ник преломлённый напополам хлебец. Еще и в рот себе сунул, жуя с крайне озадаченным видом. Ник смирилась и съела свою часть — раз уж вампир не брезгует, ей тем более не с руки. Только от замечания не удержалась:

— Мистер Джонс...

— Можно просто Брендон.

— Воздержусь, — честно призналась она. Ей хотелось сохранить в тайне её обещание и изменение отношения к Джонсу. Ни мистери Пересу, ни оборотням, ни людям свобода обращенного человека от контроля высшего вампира не придется по вкусу. Один случайный намек будет стоить жизни не ей, а Джонсу.

— Как скажете, мисс Доу.

— У вас тяга к саморазрушению в крови, да?

Джонс... Нет, Осень недовольно сверкнул глазами:

— Я и не скрываю этот факт. Мистер Перес в курсе, что я люблю... риск.

— Тогда туалет сразу за гостиной по правую руку. Надеюсь, вас будет несильно рвать после хлеба.

— Не бойтесь, мисс Доу, я справлюсь.

Лин чуть кашлянул:

— Ник, Джонс, давайте постараемся жить мирно. Мы все взрослые существа, я думаю, у нас должно получиться.

Вампир отвечать не стал — у него закипел кофе на плите, и он с чистой совестью оставил отдуваться Ник в одиночестве.

— Лин, — Ник присела рядом с ним, — я буду очень стараться.

Джонс, медитативно разливая кофе по чашкам, добавил:

— Это вынужденное сотрудничество рано или поздно закончится. Я постараюсь

вынести мисс Доу стоически. Как и она меня.

Эван, расставлявший на столе свежую выпечку и кофе, предпочитал молчать и просто слушать — наверное, чтобы не прогнали.

Маки, вернувшись, сел с другой стороны от Ник. Его рука тут же захватила её ладонь, перетаскивая её себе на колено. На большее под двумя тяжелыми взглядами Джонса и Линдро, ирбис не решился. Эван присел напротив Ник.

Джонс снова показал свой мерзкий характер, оставшись стоять, нависая над всеми:

— Итак, господа и дама... Если все готовы, то можно начать обсуждать ситуацию в ледниковой зоне. Проведённая ночью быстрая проверка показала, что после вмешательства Ловца лед содран полосой шириной с милю от поста площади Льда до моря. Сорок первый округ, кстати, требует денежной компенсации за позднее предупреждение о цунами. Остальные округа пока в раздумьях. И, мисс Доу, не переживайте, из вашей награды эти деньги не будут вычтены, хоть не могу не заметить — вы чрезвычайно дорого обходитесь округу. Толщина льда в зоне воздействия хаоса осталась от одного до не более пяти ярдов. Под воздействием солнечный лучей льды весьма быстро тают. Даже с учетом наступающей зимы прогнозы на полное освобождение зоны воздействия хаоса от льдов весьма оптимистичные — предполагается, что к грачевнику будущего года эта территория будет годна для проживания. Остальная ледяная зона, не попавшая под воздействие хаоса, обследована приблизительно — там не замечено никаких изменений толщины ледового панциря. Прогнозы на её освобождение весьма туманны — там сохраняется полярная ночь. Никаких боевых амулетов в зоне хаоса по-прежнему не обнаружено. Причин нового ледяного залпа, пятого в истории Либорайо, не выявлено. Вам есть что добавить, мисс Доу?

— Причина ледяного залпа известна, мистер Джонс. Это... неправильно убитый высший фейри. Я подозреваю, что это был лорд из Холма. Не меньше.

Джонс чуть дернул галстук, словно вампиру могло быть плохо, словно он мог задыхаться. Эван побелел — он явно был в курсе наказания Джонса у фейри. Он явно подозревал, что после такого унижения, которому подвергли тогда еще человеческого генерала лорды и леди Холмов, Джонс люто их ненавидит. Маки ласково погладил ладонь Ник, утешая её. Линдро положил руки на стол и хмуро рассматривал пустую чашку из-под кофе. Ник, кстати, залпом выпила свою порцию, жалея, что она так мала.

Маки заметил:

— Откуда бы в Либорайо взялся высший фейри? До войны это был чисто человеческий округ. Ближайшее гетто находилось в двадцати милях от Либорайо.

— От Джорджтауна, — методично поправил его Джонс. — Тогда это еще был Джорджтаун. Первый ледяной прорыв случился, как не знает мисс Доу...

— В первые недели войны, — закончила за него Ник. — Я знаю. И нет, я понятия не имею, откуда тут взялся лорд. Но он есть — где-то подо льдами. Себя он вполне искренне считает невинно пострадавшим, оказавшимся не том месте не в то время.

Эван задумчиво постучал пальцами по столу, привлекая к себе внимание. Он замер, на что-то решаясь, а потом все же сказал:

— В человеческих университетах иногда преподавали нелюди. Хотя чаще... Их использовали в качестве обучающего... — он не договорил.

— ...Материала, — подсказал Джонс. — Мисс Доу не в курсе. Она начала обучение во время войны. Остальные в силу происхождения вообще не учились в человеческих заведениях... Фейри, оборотни, вампиры в университетах с магическим направлением не

были редкостью. Надо же было на ком-то боевикам отрабатывать практику. В той же школе ловцов был виварий. — Он не стал пояснять, кого там содержали.

Ник опустила голову вниз — она знала, что война началась не просто так, не на пустом месте, но все в ней возмущалось и кипело от боли — просто так десять лет ненависти не переступишь и не отринешь.

Джонс продолжил:

— Что ж, значит, лорд холма Льда... Хотя бы стало понятно, почему потом в Либорайо пришли ледяные фейри — они пришли за своим соотечественником.

Маки скривился:

— Слишком высокомерно пришли, за что и...

Джонс улыбнулся:

— ...поплатились.

Ник выпрямилась:

— Тут была магическая академия. Сохранились списки преподавателей? Списки... Расходного... Материала? Какие-то свидетели случившегося в начале войны? Ведь не все же люди тут погибли. Кто-то что-то да видел. Кто-то что-то да запомнил. Можно дать объявление в газете — обещать вознаграждение за сведения о ледяном фейри. Что он тут делал, кем был...

Маки вмешался:

— Ник... Ты не знаешь о Либорайо ничего.

— Так объясни?

— Когда Либо... Джорджтаун пал, люди покинули его, спасаясь в Сорок первом округе. Тут мало что уцелело — библиотеки, архивы, электронные данные... Все утеряно — уничтожено людьми при отходе. После войны была целая программа по переселению людей. Сюда пришли добровольцы из тех, кто рискнул жить с оборотнями. Поверь, награды за сведения о ледяных прорывах назначались регулярно, округ заинтересован в том, чтобы все выяснить. Только желающих было мало, а еще меньше тех, кто действительно что-то знал, а не хотел подзаработать денег, скармливая сказки. Свидетелей, которым можно было бы доверять, нет.

Ник подняла глаза на Джонса:

— Есть. Свидетель, чьим показаниям можно полностью доверять, есть.

Лин понял её, вмешиваясь:

— Это шестилетний ребенок, вряд ли она что-то запомнила.

Джонс задумчиво сложил руки на груди. Ник не выдержала:

— Мистер Джонс! Вы же не случайно вмешались в это дело.

— Что вы, я тут...

— Джонс... Что нашли в голове Эми? Не лгите — чтобы психи... — Ни поправилась, — ...атры да не влезли в воспоминания... Тем более зная, что получили в свои руки единственного свидетеля тех дней... Что нашли в голове Эми?

— Вы правы, мисс Доу. Кое-что удалось найти. Только сами понимаете — Эми не была свидетелем тех событий. Ей все пересказывал брат.

— Не тяните льва за хвост! — не выдержал Линдро. — Что удалось узнать?

— Эми, действительно, помнит доброго преподавателя магии стихий — она с ним сталкивалась на прогулках. Её воспоминания незамутненные и простые — некто из Холма. Очень хороший и добрый. Дарил конфеты, вечно был окружен студентками. О случившемся

в порту она почти ничего не знает. Просто однажды её брат пришел и сказал, что доброго фейри больше нет. Девочки-студентки что-то упоминали о волнениях в портовой части города и о льде. Не более того. Это все, что удалось вытащить из головы Эми. Она, кстати, в порядке. Не голова, а девочка.

Ник прикрыла глаза:

— Он и должен был быть добрым. Убить лорда Холма сложно, если не невозможно. Он мог сразу воздействовать на напавших на него льдом, но он предпочел не сопротивляться. Лед вырвался из него позднее.

— Это только теория, мисс Доу, — сухо сказал Джонс, неожиданно наливая ей новую порцию кофе. — Узнать можно только найдя его.

— Найдем — прекратим ледяные залпы, — согласился Лин. — Гадать сейчас, что там случилось в первые недели войны, сложно. Были примеры бунтов и погромов, когда люди бросались на первых попавшихся, считая их виновными в войне. Тут могла быть такая же ситуация. Слепая, кем-то заведенная толпа и случайный прохожий, преподаватель академии. Что ж, тогда ситуация видится такой: как только мисс Доу восстановится, Седьмой отряд вновь выйдет на разведку. Будем прицельно искать фейри — ему явно нужна помощь.

Ник не удержалась от смешка:

— Только никакой ультры. Я не могу работать в доспехах.

Джонс опередил Линдро:

— Вам найдут одежды фейри. Хоть это и будет очередной безумной тратой на вас, мисс Доу. Думаю, поиски одежд займут от трех до пяти дней, не меньше. А пока... Можно считать наше обсуждение законченным. Мистер Форд, прошу за мной — нам кое-что надо обсудить. Ваш запрос о системе канализации Джорджтауна требует разъяснений. Мистер Грей, догоняйте — я подброшу вас до дома — там требуется уборка. Мистер Перес любезно выделил вам свою клининговую компанию, но без вас они в дом не попадут. Мистер Росси...?

Линдро пристально посмотрел на вампира. Ник на месте Джонса уже бы искала ближайший надежный склеп.

— Да, мистер Джонс?

— Мистер Перес ждет вас у себя — он хочет услышать вашу версию случившегося. Да и мисс Доу требуется отдых. Как правило, отдыхается лучше в одиночестве. Господа... На выход!

Ник улыбнулась деловитому вампиру — благодаря его поддержке удалось выпнуть обоих кошачьих без долгих споров о том, кто имеет право задержаться в её доме.

Ник закрыла за ними дверь, подперла её спиной для верности, чтобы никто ненароком не просочился обратно, и уставилась в окно. Там бушевала осень — яркое солнце, прохладный ветер, бросавший в окно золотистые листья, людской радостный гомон. Её любимая осень... Ник, захватив плед и корзину со сладостями, устремилась к озеру. Какой смысл жить в элитном кемпинге и не пользоваться его благами? Тем более, что Джонс играючи избавил Ник от всех ухажеров скопом.

Сидеть на песке и смотреть, как плещет на берег озеро, было приятно. Утки купались в уже прохладной воде. Рядом сидела тихая человеческая пара. Их дети чинно кормили хлебом голубей.

Солнце грело. Было хорошо. До момента появления Джонса. Он бесцеремонно присел рядом, стаскивая с себя пиджак и накидывая его на чуть оледеневшие из-за ветра плечи Ник.

Сам он остался в уже не слишком элегантной, зато ужасающе элитной рубашке и жилете, который тут же расстегнул, чтобы не мешал сидеть. Кожа его уже покраснела — еще чуть-чуть и пойдет язвами из-за солнечных лучей.

— Мисс Доу. Ваши кошачьи нейтрализованы до вечера точно. За ночь не отвечаю. Хотите спасти соплеменника от суда... А на его совести более ста жертв — столько тел я обнаружил только за сегодняшнюю ночь во льдах... Забирайте его сегодня и тащите прочь из округа. Тут его будет ждать лишь смерть. Вполне заслуженная, кстати. Пусть он и невинная жертва волнений в начале войны, когда били всех нелюдей подряд, но последующие ледяные залпы он устраивал вполне осознанно.

— Я...

Он положил ей на колени бумажный сверток:

— Одежды фейри. Выдерживают любые температуры. Возвращать не надо — вам придется быстро-быстро бежать из округа.

— Я прежде всего ловец. Я сама рука закона.

— Я знаю. Как знаю и то, что тут не признают ваше право карать или миловать. Тут ценят закон. И это не закон ловцов. Пропуск вам уже выписан — вы легко пройдете через пост. Вопросы, мисс Доу?

— Мистер Джонс... Почему?

— Я довольно понятливый. И я знаю, что высшие фейри выбирают в спутников только высших фейри. Вы леди Холма. Он лорд Холма. Спасайте своего принца, ему, к счастью, уже не придется учиться иметь коня. Он им будет владеть. — он повернулся к ней, глядя прямо в глаза: — По воспоминаниям Эми он чертовски красив. Я себя даже неполноценным почувствовал.

— Я...

— Идите и спасайте.

— Когда Эми выставят на аукцион? Вы не знаете?

— Не раньше начала зимы. Где-то в середине снежня. По протоколу требуется не менее трех месяцев на поиски родственников. А что? Планируете её купить?

— Да. Я подумываю об этом.

Джонс встал:

— Что ж, тогда увидимся зимой, мисс Доу. Ваши кошачьи как раз переберутся.

Ник сглотнула, провожая его взглядом. Поджарый, мелкий, изящный, как статуэтка. И собственность Переса, с которой тот никогда не расстанется. Пиджак, кстати, Джонс забирать не стал. Элита, рогатые орки! Может себе позволить разбрасываться вещами.

Ник сцепила зубы и встала — Джонс прав, ледяного фейри надо спасать. Лин говорил, что мир меняется, что все вокруг меняются. Значит, должна меняться и она. Она, до одури боявшаяся фейри, должна пойти и протянуть руку помощи лорду Холма, потому что не его вина в том, что он оказался растерзанным толпой. А ледяные залпы... Он старался, подавал знаки, чтобы его спасли. Быть навечно замурованным во льдах — худшей жизни и не представить.

...Джонс не соврал. Когда она нашла ледяного лорда под кучей камней, которые были его могилой, он все равно был прекрасен... Даже в грязи. Даже в синяках и порванных одеждах. Даже изломанный, с руками и ногами под странными углами. Даже после десяти лет забвения. Он был прекрасен. Длинные белоснежные волосы. Дивная кожа. Трепещущие ресницы. Голубые, как небо осени, глаза.

— Ты... спасла меня... благородная дева Холма... Я теперь твой, моя леди...

Ник нервно сглотнула — этому лорду повезло, что Джонс оказался дотошным к требованиям её списка.

Глава 8. Спасать ловцов нет необходимости

Солнце играло пылинками, витавшими в воздухе. Птицы радостно чирикали песню под высоким сводом, соревнуясь с капелью. Травы на полу ластились к босым ногам. Одурающе пахло весной. Дом уже давно успокоился, смирившись со своей новой ролью — он стал Холмом. Прекрасный Тамиор был чрезвычайно добр, когда помог Ник преобразовать автодом в Холм. Лорд даже обещал, что когда-нибудь Холм обретет имя.

— Старайся, моя леди. Старайся... У тебя все получится. — напевно звучало у самого уха, сводя с ума. Ласково, утешающе, пронзая теплом до самых кончиков ног. — Моя леди, в этот раз вы будете совершенством.

Тамиор обнимал её со спины, помогая рукам Ник двигаться. Изящные жесты были слабостью Ник — даже в школе ловцов от нее отстали, велел полагаться во всем на кинжал. Там знали, что пальцы Ник потеряли гибкость в результате магической бомбардировки. Ник даже экзамен по боевым знакам отменили — многие жесты для неё были невозможны. Но Тамиор не привык сдаваться, иначе он бы не выжил десять лет под льдами.

Он снова и снова помогал тренировать кисти. Снова и снова он сгибал её пальцы под нужными углами, уговаривая еще чуть-чуть потерпеть.

— Моя леди, еще чуть-чуть... Осталось совсем немного. У тебя уже получается. — И его уверенному голосу хотелось верить. Ник всегда знала, что даже самая длинная дорога начитается с простого первого шага. Когда она тащила в свой дом изломанного лорда, она знала, что ступает на новый путь. Элитный Джонс считал — на путь брака. Ник знала — её ждало ученичество. Не зря же судьба сохранила для неё лорда-преподавателя из Магической академии, не зря же их пути переплелись. А некоторые клыкастые пусть думают, что хотят.

Уверенные, сильные мужские пальцы помогли сформировать жест, хоть пот и катился по лбу уставшей Ник.

— Потерпи еще чуть-чуть, моя леди...

Она знала, что это делается ради её блага. Тамиор все делал ради её блага. Вот и сейчас лед намерз на пальцах, фиксируя жест только ради неё.

Только ради неё Тамиор воспользовался своим даром, подчиняя её тело полностью.

Только ради неё Тамиор сейчас вливал в её тело долгожданную магию:

— Что ж, моя леди, проверим — получилось ли у нас совершенство... — рокотало в ухо, чем-то напоминая мурлыканье Маки. Дрожью отзывалось в сердце. И слабостью в ногах.

Он отпустил лед, тот каплями упал на траву, тут же жадно впитавшую влагу, смешанную с потом Ник.

— Удар! — скомандовал Тамиор. И Ник ударила, отпуская знак. Огромная волна огня понеслась прочь, впитываясь в стену Холма. Жаль, что это нельзя было сделать в лицо лорду — он давно стал слишком подозрительным. Магия тут же со свистом покинула тело Ник — Тамиор учился на своих ошибках. Вне уроков, магии в Ник больше не было.

Ник тоже училась на собственных ошибках. Капля сохраненной магии соскользнула с её пальцев за секунду до того, как Тамиор запечатал Ник. Всего капля, спрятавшаяся вместе с водой в сочной изумрудной траве. Дом был сонный, но не выдавал Ник. Он старательно пытался сохранить верность Ник, хоть им вдвоем было сложно идти против высшего лорда. Кинжал она потеряла на второй день путешествия с Тамиором — а ведь Джонс выговаривал ей, что не стоит бросать боевое оружие где попало. Со знанием дела, видать говорил. Но Ник

к его словам не прислушалась и поплатилась. Амулет с её магией, болтавшийся на шее Тамиора был так подозрительно рядом — приобними Тамиора, поднимись на цыпочки, целуя его в твердые, словно резцом скульптора вырезанные губы, и дерни амулет на себя. Так уже было, и Тамиор сильно обиделся в тот раз: и за прерванный поцелуй, и за подлый удар, лишивший его мужественности на пару часов. А вот Маки тогда не выл, принял как должное. И руку на Ник тогда не поднял.

Удар в висок был ожидаем — она отлетела на стену, тут же покорно опускаясь на колени. Тамиор любил послушание, а Ник не любила боль. Глаза в пол, поза полностью покорна. Шелковое платье, напоминавшее тунику, грациозно легло на траве — Тамиор во всем любил совершенство. Капля магии, спрятанная в траве, прикоснулась к пальцам Ник, недоумеая, почему её не призывают. Сколько можно ждать. Сколько можно терпеть. Ник отмахнулась от магии. Позже. Она позовет спрятанную от Тамиора по каплям магию потом. Позже. Когда будет уверена в своих силах. Рисковать понапрасну уже не хотелось.

Лорд Тамиор наклонился к Ник, холеными изящными пальцами поднимая голову вверх за подбородок. Шелка его одежд сползли вниз, оголяя изящное запястье — чтоб Ник еще раз купилась на хрупкость мужской фигуры! Да никогда. Да ни за что. Её идеал теперь — Росси. Жаль, что он всего лишь друг.

Тамиор тихо прошептал ей в лицо:

— Бедная девочка! Когда же ты станешь послушной, как положено леди Холма? Я учу тебя, учу, а тебе все не впрок... Неблагодарное, невоспитанное дитя.

Она прошептала покорно — бесить Тамиора не рекомендовалось, ей нужны руки и ноги целыми:

— Я буду больше стараться, мой лорд...

Кто бы мог подумать, что десять лет одиночества создадут из доброго профессора магии стихий безумца, не желавшего смиряться с неидеальностью? Или он всегда таким был, а воспоминания Эми ущербны? И ведь в школе ловцов предупреждали, что фейри коварны. Особенно высшие фейри. Особенно лорды Холмов. Дернули же её орки купиться на утверждение Линдро, что мир меняется. Может, мир и менялся. Может, оборотни и менялись. Может, даже вампиры менялись... Или ловцы ничего не знали о людях, находящийся под кровавой привязкой. Но фейри точно меняться отказывались. Во всяком случае прекрасный Тамиор. Соплеменник. Как там Джонс говорил? Упаси меня небеса от таких соплеменников? Не упасли.

— Моя леди, я буду помогать тебе снова и снова, пока у тебя не получится. Не беспокойся — я не сдамся.

Ник натянуто улыбнулась — она тоже не сдастся. Рано или поздно она накопит силы по каплям. Рано или поздно Тамиор получит свое. Жаль, лордов крайне сложно упокоить, но запасов алхимического раствора в доме много. На погребальный костер Тамиора хватит.

Солнце стремилось за горизонт. Ник прожила еще один день. Какой по счету — она не знала. Жизнь измерялась от одной попытки бунта до другой. Последний бунт, тяжело давшийся им обоим с Тамиором, был три десятка дней назад. Тамиор так и не смог ей простить уничтоженного сиреневого, как закат, наряда — дулся три дня. Наверное. Потому что большинство этих трех дней Ник пребывала в беспамятстве.

За узким стрельчатым окном мелькнула тень — видимо мимо пролетела крупная нежить. Кругом на мили не было живых существ — Холм Тамиор решил основать за Границей, там меньше возни с конкурентами.

Пальцы Тамиора ласкали отросшие пряди Ник:

— Как ты красива, моя леди. Еще чуть-чуть, и станешь ослепительной красавицей, по праву сидящей возле моего трона.

Ник улыбнулась: кто еще у чьего трона сидеть будет — открытый вопрос. Хотя нет, она ловец. Она не оставит обезумевшего лорда в живых. Это слишком глупо — позволять таким лордам выживать.

В холле раздались громкие чужие шаги. Шаги, которых быть не должно. Маки не выпустят из округа родичи, а у Линдро нет причин приходить за ней — она не давала повода усомниться в себе. Значит, можно не бояться. Но на всякий случай Ник потянула на себя все капли магии, которые успела спрятать от Тамиора — все же некоторую глупость кошачьих... Или человеческих можно было ожидать. Жаль будет, если она ошиблась и растратит магию понапрасну. Только жалые будет глупца, столкнувшегося по незнанию с Тамиором — лорды имеют очаровывать слабые разумы. Сама Ник тому свидетель — так глупо купилась на его красивое, изломанное тело и историю оказавшегося не там и не в том месте лорда Холма.

Тамиор выпрямился, рассматривая входящего:

— Человек...

Поправлять Тамиора Ник не стала, лишь мысленно поразила возможному ценнику тонального крема у Джонса. Зря она ругалась на глупость кошачьих, тут была глупость неистребимее — глупость была эээ... Джонсовская. Иначе и не скажешь. Вампирячье-человеческая.

— Человек, — смиренно склонил голову Джонс, словно признаваясь в страшном грехе. Или извращении.

Ник плавно выпрямилась — на ладони сформировался невидимый шар магии, до боли покалывающий пальцы. Её глаза пересеклись с алыми глазами Джонса — он для непонятливых даже чуть качнул отрицательно головой. Только Ник знала — ловец тут она. Она мысленно преобразовала магический шар в кинжал и вонзила его прямо в сердце лорда. Тамиор не ждал удара со спины, а ведь вроде казалось, что приучила его к этому.

Джонс, отставая всего на один удар сердца, в молниеносном прыжке свернул Тамиору голову — так что голубые глаза лорда с обидой посмотрели на Ник.

— Я была первой! — буркнула она в лицо Джонсу поверх плеча Тамиора, так и не решившегося неграциозно падать на пожухлую траву.

Вампир азартно возразил:

— Черта с два, мисс Доу. Этот лорд мой!

— Ты джентльмен или как? — Ник отступила, позволяя-таки Тамиору упасть на невнятный пол. То ли дерево, то ли гранит, то ли ковролин. Дом только-только начал просыпаться.

Джонс продолжил настаивать:

— Его убил я! Он мой! И... — он закончил внезапно тихо: — Ты не могла бы отвернуться?

Она послушно повернулась, впервые за долгие дни не боясь удара в спину, хотя казалось бы — оказаться спиной к вампиру верх безрассудства, так её учили в школе ловцов. Она, стараясь не прислушиваться к жадным влажным почавкиваниям, признала:

— Ладно, твой. Удары были нанесены одновременно. Признаю.

Джонс не отвечал по веской причине. И Ник его пожалела:

— Его кровь не снимет с тебя привязку... Лорд... Или леди должны этого страстно желать — дать тебе свободу. Желать что-либо Тамиор не в силах.

За спиной шумно выругались:

— А раньше сказать?

— А ты не спрашивал, — парировал Ник. — Ты просил отвернуться.

— Мисс Доу, мстительным должен быть я, а не ты.

Она повернулась к нему:

— Я тоже имею право...

Джонс осмотрел её худое, с болезненным румянцем лицо, её обнажённые руки и ноги — шелковая туника мало что скрывала. Его глаза не пропустили ни одного синяка или пореза, ни одного ожога или царапины, он тихо признался:

— Знаешь, мог бы — убил дважды. Или трижды.

— Не сожжешь его тело — сможешь. Лорды безумно живучи.

— Я знаю. Но сперва... — он подхватил Ник на руки и понес на ближайший диван — Холм, кажется, с еле слышимым вздохом снова стал привычным домом на колесах. — Только не вырывайся, мисс Доу, я не бугай Линдро. Могу нечаянно уронить.

Ник доверчиво прислонила голову к его плечу, слушая, как стучит его сердце — чуть замедленно, но стучит же. Надо не на доспех деньги копить. Надо просто держать в друзьях надежного парня, чтобы он после боя доносил домой на руках. Было так уютно и тепло, что она не удержалась — дом чуть поигрался с Джонсом. Диван сперва возник где-то далеко впереди, потом вильнул вместе с формирующейся гостиной куда-то в бок, а потом рванул к другой стене прямо из-под носа озадаченного вампира.

— Уронишь — обижусь. И... Осень... — она рукой дернула вниз тонкий шелк, обнажая шею и отворяя кровь — Тамиор научил.

Джонс выполнил свою угрозу — уронил-таки её, хорошо на диван, зло укрывая пледом:

— Ник, прекрати! Почему с тобой вечно так: смотришь — человек, а присмотришься — наглая леди Холма?!

Он старательно отступал спиной назад, хотя было видно, как вздулись на лице жилы, как скрючились пальцы в желании дорваться до шеи Ник, как вспыхнули алым глаза, захватывая и склеры.

Ник зажала шею рукой, затворяя кровь:

— Я все, больше... Не издеваюсь.

— Сссспасибо, — прохрипел Джонс. — Будь человеком, пожалуйста.

— Я лишь хочу помочь.

— А я лишь хочу, чтобы ты жила, иначе какого орка я сюда приперся?!

— Рогатого? — предположила Ник. Спрашивать, как он нашел её, обижая Джонса, не хотелось. Жаль только, что все равно придется припереть его к стенке — явно же без вовремя нацеженной из неё склянки с кровью не обошлось. Допускать очередную оплошность, оставляя Джонсу собственную кровь, по которой он нашел её, нельзя. Тамиора за глаза хватило.

— У орков нет рогов.

— А у тебя чувства юмора, — парировала она. — Как, кстати, ты догадался прийти сюда?

— Я понял, что сваха из меня так себе, когда ты пропустила дату аукциона Эми.

— Что?! — Ник даже села на диване. — Я её потеряла, да?

Джонс не стал её пугать:

— Не бойся — его перенесли. Не все округа прислали подтверждение проверки родства

Эми.

— Спасибо...

— А я тут при чем. Это почта хреново работает. — Он почти успокоился, о недавнем взрыве напоминали только алые склеры. — Где у тебя ключи от дома?

— На полке в холле. У дверей.

— Я пойду, а ты спи.

— Джонс, нужно сжечь дотла тело лорда.

— А то я не в курсе. Поверь — я знаю, как убивают лордов. Четырехлистный клевер под язык, холодное метеоритное железо в сердце и сжечь. Алхимический раствор я с собой захватил, так что не бойся — не разорю тебя.

— Иди ты, Джонс...

— Уже иду... К рогатым оркам — они приветливее тебя и не заставляют собственноручно убивать друзей.

Ник устало сказала ему в спину:

— Ты бы не убил. Ты человек, Джонс. Я верю в тебя.

Рука Джонса взлетела вверх, а потом с видимым усилием опустилась вниз — кажется, он чуть не показал ей неприличный жест. Вот что кровь фейри и большое расстояние с Хозяином делают с вполне приличными вампирами.

Под отсветы горящего за окном погребального костра спалось чрезвычайно сладко. Ник не мстительная. Ей достаточно того, что Тамиора больше нет. Прыгать и радоваться на кострище, раскидывая по сторонам его пепел, она не будет.

Кровать чуть покачивалась, погружая в приятную полудрему. Спросонок Ник не поняла, чего это дом так расщедрился, а потом сообразила — Джонс сел за руль, не подозревая, что дом перемещается в пространстве несколько иначе, чем обычные автодома. Ну и пусть, так дорога в Третий округ будет длиннее. Больше времени уговорить Джонса довериться ей — она-то влегкую могла остановить его. Ладно, сейчас не влегкую, все же ученичество у Тамиора ей далось нелегко. Главное сейчас, чтобы Джонс смог поверить в себя, поверил в то, что сможет остановиться.

Ник натянула на себя длинный свитер — в кабине может оказаться прохладно — и теплые вязанные носки. Вовремя опомнилась, что носки-то ей достались от Маки и пошла копаться в ящиках гардеробной. Дом в очередной раз заклинило на желании подсунуть Ник хоть кому-нибудь, пусть бы и вампиру, и уже выдать замуж. Он открыл только ящик с чулками.

— Дом... Ты не понял, да? У Джонса бааааальшой опыт по уничтожению Холмов. Я его попрошу — тебе не поздоровится, если уж в мои угрозы не веришь.

Дом послушно выкинул ей из ближайшего ящика — почти выплюнул —, шерстяные носки.

— Вот так-то! — Ник подумала и... Все же надела чулки. Не для Джонса. Для себя самой.

Джонс, неожиданно в джинсах и рубашке, сидел за рулем в темной кабине, включив на интерфоне радио. То сейчас радостно вещало, что в зонах Шесть, Десять, Сто двадцать ожидаются сильные магические бури, проезд только по спецпропускам, в зоне Двести шесть работают Третий, Пятый и Седьмой штурм-отряды Либорайо — проезд закрыт, в Третьем

округе наблюдается аномальное потепление — первое за пять лет наблюдений.

Мимо неслась тьма. Скорость автодома впечатляла. Дорога-то шла за Границей.

Ник опустилась на пассажирское сиденье, подтягивая колени к груди и натягивая на них свой свитер.

— Осень...

— Этого человека больше нет. — Джонс даже не повернулся к ней, продолжая смотреть в темноту. Ник оставалось надеяться, что он, в отличие от неё, видит там хоть что-то.

— Генерал...?

— А этого никогда и не было. — Джонс, видимо, решил по полной озадачивать её раз за разом. Он потянулся и выключил интерфон — заиграла какая-то этническая мелодия, и он явно решил не рисковать. Ник только сейчас заметила, что на лобовое стекло был прикреплен спецпропуск — проверки на постах и дорогах им не страшны.

— Почему не было? — Ник чуть поджала замерзающие пальцы на ногах под немного заинтересованным взглядом Джонса. Тот подумал и включил обогрев кабины.

— Потому что, мисс Незнайка, у тебя вечные проблемы с оценкой возраста. Я чуть младше Росси.

Автодом ехал по новой автостраде, погруженной в темноту. Джонс даже фары не включал — по ночам ездить за Границей дураков нет.

— Объяснишь?

— Нет.

— Злишься?

Он повернулся к ней:

— А ты как думаешь?

— Злишься. И все же, что не так с генералом?

— Я никогда не носил это звание. Отец был профессиональным военным. Это он — генерал... Он настоял, чтобы я учился в военной академии — как же, преемственность поколений, рождение династии у нас на глазах... Но я выбрал иной путь, правда, потом война вернула все на свои места — я вернулся в армию. Был переговорщиком — я до сих пор считаю, что мирный путь можно было найти даже в середине войны, не говорю уже про начало. Можно было все решить иначе. Остановить никому ненужную бойню... Отец погиб после полугода боев. Я занял его место — других претендентов как-то не нашлось. Под моим руководством Двадцать первый округ и пал. Я тогда дослужился до капитана. Прозвище Генерал мне дали фейри — видимо, им было обидно вести переговоры с каким-то жалким капитанишкой. Короче, я позывной Генерал люто ненавижу — не заслужил.

Ник не удержалась:

— А Перес дрянь...

— Он просто избалованный высший вампир, который никогда не получал по шее. Только и всего. Осадили бы разочек, может, и изменился бы. Хотя... — он признался с косой усмешкой, — вряд ли...

— Так как к тебе обращаться?

Джонс хмыкнул:

— Принц, просто Принц. А если честно — глупо привыкать к какому-то имени. Рано или поздно я вернусь в Третий округ. И моли тогда небеса, чтобы я не выдал тебя — а ведь я могу. Предавать я умею виртуозно.

Ник мягко сказала:

— Так сними привязку на крови. Я же согласна её снять. Хоть прямо сейчас. Ну же! Брендон... Эм, Микаэль? Arrrrrrrrr!!! Да услышь ты меня! — она даже дернула его за плечо, что проделывать с вампирами категорически не советуют. Только Джонс не вампир — он человек, запертый в чужой оболочке.

Он притормозил, съезжая на обочину. Деревья тут же хищно подались корнями в их сторону, пробуя дом на вкус. Защита сработала, отбрасывая в сторону щепки, только что бывшие деревьями.

— Мисс Доу... Ник... — он взъерошил рукой длинные волосы. — Ты пойми одно — я не сам пришел к вампирам. Мне выбора не оставили. Даже сняв привязку, я всегда буду собственностью Переса, пока не надоем. А надоем — меня выставят на бои. И все. Я никогда не обрету свободу. Так зачем снимать привязку?

— А с Тамиором ты не задумывался о том, будет ли у тебя свобода. Ты пытался снять привязку сам.

— Тамиор был сволочь. А ты не сволочь. Я же могу не остановиться и полностью выпить тебя.

Ник улыбнулась:

— Только четырехлистный клевер под язык не суй, тогда я выкарабкаюсь.

— Ник, ты леди с одного бока. Одна часть генов у тебя человеческая. Ты не такая живучая, как лорды и леди Холмов. Я реально могу тебя убить.

— Я верю в тебя — ты остановишься.

Глаза его яростно блеснули:

— А я не верю. Когда пьешь кровь — становишься животным. А у животных лишь два инстинкта: жри и...

— Размножайся. — Ник передернула плечами, — я помню шуточки парней про перерождение.

— Значит, ты все понимаешь. Меня не устраивают оба варианта при перевязывании клятвы. Я не хочу ни убить тебя, ни... Ну, ты сама понимаешь. Я еще хочу сохранить хоть какое-то уважение к самому себе.

— Ты человек. Ты остановишься. А не остановишься — я сама остановлю тебя. Ты же знаешь меня. Я не трепетная лань, я могу за себя постоять. Я же при малейшей угрозе для себя ударю тебя кинжалом, и вся недолга.

Он подался вперед, ловя её взгляд:

— Не дрогнешь?

— А почему я должна дрогнуть?

— Обещаешь?

— Обещаю, Арн. Если я почувствую, что ты сам не остановишься, то я сама тебя остановлю. Любым удобным мне способом — не бойся, способов остановки вампиров я знаю много. Устраивает такая клятва, Арн?

— Называй меня Осень.

Ник улыбнулась, чувствуя победу:

— Соглашайся, Осень. Обещаю, я буду ласково тебя убивать, если что.

— Хорошо. Я принимаю твою клятву, ловец Доу. А можно еще клятву?

Она обиделась, сильнее подгибая пальцы на ногах:

— Не наглей, Осень.

— Я не наглею. Обещай, когда перенесешь мою привязку на себя...

— Я тут же тебя отпускаю. — кивком подтвердила Ник.

Джонс отмахнулся:

— Не это. Обещай, что не будешь пытаться меня выкупить, выкрасть или выиграть у Переса. Обещай, что ты не полезешь в борьбу с кланом Переса из-за меня.

— Обещаю. Я не буду вмешиваться в твою дальнейшую судьбу...

Джонс купился на её послушный вид примерной девочки — она умела, когда хотела:

— Спасибо, я согласен на снятие привязки. — И Ник тут же добавила — не зря же она леди Холма:

— ...при условии отсутствия непосредственной угрозы для твоей жизни.

Джонс скривился, словно решая: а не закусить ли самостоятельно слишком наглой девицей?

— Мисс Доу, просил же быть человеком, а не леди Холма!

— Так я и поступаю, как человек. Люди не бросают друзей в беде, ты этого не знал, Осень? И зови меня пока можно Ник. Можно даже Ники.

— Забавно, ты так обращаться к себе никому не разрешаешь.

— Я сегодня необыкновенно добрая и щедрая.

— И мудрая, и прекрасная, и...

В кончик носа Джонса уперся кинжал. Её она обнаружила первым делом у кровати. Её и амулет с собственной магией. Хорошо, что Джонс ей в этот раз ничего выговаривать не стал.

Он с насмешкой продолжил, глядя на неё, а не на кинжал:

— ...и смертоносная, и обидчивая, как все фейри.

— Рогатые орки, вот за что мне это...

— А я уходил — добровольно уходил и уговаривал не связываться со мной, Ник. Ты сама не послушалась.

Ник встала с сиденья:

— Пошли, упрямец. Снимем с тебя привязку, пока ты опять не передумал.

— А когда я передумывал?

— Да постоянно! — отмахнулась Ник. Она поймала его за узкую ладонь и потянула за собой в гостиную. — Хочу уже познакомиться с настоящим тобой, а не тем, кого создал Перес и его кровь. Что-то мне подсказывает, что ты мне понравишься.

— Ник...

— Не ломай мои хрупкие девичьи мечты, а?

— Не буду. Только я не твой принц.

— Аааа, ты не видел... Я убрала список. Мне хватило принцев в виде лорда Холма. Хватит.

Она остановилась в гостиной и замерла. Уговорить Джонса удалось легко. Ещё бы саму уговорить, а то сердце екало уже где-то в горле. Страшно все же. Не пришибить бы Джонса в процессе...

Он долго стоял перед ней, не решаясь. Забавно, ей всегда нравились парни повыше, а сейчас она впервые понимала прелесть парней одного с ней роста. Не надо вставать на цыпочки, вытягиваясь в струнку. Не надо тащить его за шею вниз, заставляя склоняться. Можно спокойно смотреть прямо в глаза, почти теряясь в них. Можно податься вперед, прижимаясь к неуверенному, неподатливому, желающему убежать телу, обнаруживая, что идеально подходите друг другу. Его плечи чуть-чуть выше твоих, его сердце почти рядом —

бьется, подстраиваясь под твой ритм. Его губы так близко, что можно податься вперед и... Она наткнулась на выставленный вперед палец:

— Кинжал, Ник.

— Уже в руке. — почему-то хрипло прошептала она. — Не бойся.

— Ник... — его голос тоже сел. Рука легла на её талию, чтобы поддержать, если будет слишком больно. Ну, Ник надеялась именно на это.

— Я не буду рисковать, Осень. Не бойся.

Он вздохнул и, зараза такая, не удержался. Позволил себе то, что запретил Ник. Наклонился, щекоча дыханием. Замер на миг, а потом его губы проšliсь по её шее. То ли целуя. То ли ища более вкусную... Чистую? Точку. Ник судорожно вспоминала, когда же она последний раз мыла шею. Неудачно получилось...

Зубы впились в шею, и рука Ник дернулась, чуть не втыкая кинжал в спину Джонсу. Вовремя вспомнила, что сама предложила. Хуже того — настояла.

Боль нарастала толчками. Зубы сильнее вгрызались в шею. Стало нестерпимо больно. По телу поплыла подозрительная слабость. Решаться надо было сейчас. Скоро может оказаться поздно. И Ник вздохнула — её левая рука скользнула под рубашку Осени, проходясь по плоскому животу от ребер до пояса джинсов. Животное, которым стал Джонс, заколебалось. Даже пить перестало. Ник опустила пальцы ниже, заводя под грубую ткань джинсов и находя резинку белья. Элитного — подсказала насмешливая память.

Зубы медленно выскользнули из ранок.

Ник провела пальцами дальше, находя магнитную застежку джинсов. Ну же, Джонс, приди в себя! Опомнись! А то потом будешь всю жизнь жалеть, что был да не запомнил...

Зверь выпрямился, заглядывая Ник в глаза. Сыто облизнулся. Разума по-прежнему не было.

Ник прошептала:

— Осень...

Он прильнул к её губам, мешая говорить. Поцелуй был грубым, она такие не любила и не позволяла. Она приподняла кинжал, меня хват — ударить можно и рукоятью... Только потом его придется тащить в спальню — не бросать же его тут... Говорили ей в школе ловцов — всегда продумывай отступление...

Тем временем Джонс чуть отстранился, с треском срывая с себя рубашку.

— Рогатые орки, ты ж меня прибьешь за надругание над бедным телом... Я же еще и буду виновата...

Тело признавать себя бедным не собиралось. Оно снова прильнуло к губам, в этот раз осторожно и нежно. Только зря Ник надеялась, что мозги включились. В этот раз от его рук, медленно, но верно нащупавших резинку чулок, мозги отключились и у Ник:

— Спальня... Там...

Тело легко послушалось, подхватывая её на руки и неся в нужном направлении. Только потом, когда Джонс последовательно избавил её от платья и чулок, кинжалом все же пришлось воспользоваться — Осень не простил бы ни себе, ни ей такого.

* * *

Утро, как всегда, пришло неожиданно. Подушка под головой Ник пошевелилась, чуть

сменила положение. Рука Ник рефлекторно дернулась, хватаясь кинжал. В последний миг все же мелькнуло огненной вспышкой осознание — это проснулся Осень. Только и всего. Ничего страшного, со временем можно привыкнуть к вампиру в собственной постели. Ник отпустила кинжал, снова погружаясь в приятную полудрему. Это просто Осень.

Подушка, кажется, оценила Ник на своем плече, свою неуютность под теплым одеялом, и хрипло, даже покаянно прошептала:

— Кажется, я дожил до того дня, когда по утрам приходится спрашивать: и как, тебе хотя бы понравилось?

Ник приоткрыла один глаз, рассматривая щетинистый подбородок, поджатые губы и повинные алые глаза:

— Не понравилось.

Губы тут же шепнули, а подушка даже дернулась в попытке побега, но Ник лежала на ней прочно, прижимая к кровати ногой:

— Прости. Я виноват.

Ник привстала на локтях, опираясь ими в грудь Осени:

— Ты слишком много шевелишься.

— Такой упрек мне еще не предъявляли.

Ник села, кутаясь в свою часть одеяла:

— Все когда-нибудь бывает впервые. Я тебя раз шесть, не меньше, чуть не пришибла чисто на рефлексах — ловец же.

Особенно, когда он среди ночи подтянул её к себе, крепко прижимая к груди, еще и ногу закидывая для верности — что б уж точно не сбежала. Он тогда реально был на волосок от гибели, Ник в последний момент остановила кинжал — Осень, блаженно уткнувшись носом в её ухо, спал...

— Нииик? — выглядел Осень при этом так потешно-недоумевающе, что она все же уточнила:

— Так. Мы же об одном и том же говорим или о разном?

Осень сел, заправил длинные пряди, налезшие на лицо, за ухо:

— Кажется, о разном. Я имел в виду... Не допустил ли я ночью... Что-то...

Ник рассмеялась и встала, поднимая с пола свой свитер, чтобы отправить его в корзину с грязным бельем:

— Нет, до этого не дошло. Совсем-совсем. Я же ловец. — Она прошла до гардероба и открыла его двери, чтобы выбрать свежую одежду. Она знала, что Осень провожает её задумчивым взглядом — на это и был весь расчет.

— А тогда... — Осень задумчиво приподнял порванный чулок, валявшийся на кровати возле него. — ... почему ты в эээ...

Ник зевнула:

— Это называется спортивное белье. Топ и шорты, а не то, что ты подумал. — она обернулась на него, натягивая на себя джинсы, — в «Алой кошке» на мне топ был еще меньше. Ты же там был? Я права?

Осень кивнул:

— Был.

— Следил. — она достала футболку исключительно, чтобы Осень так старательно не отводил взгляд в сторону.

— Наслаждался беспомощностью оборотней перед одной леди Холма.

Ник достала из гардероба свои джинсы и бросила их в Осень:

— Одевайся, тебе должно подойти. Футболку сам выберешь — мой гардероб полностью в твоём распоряжении, только в бельевые ящики не лезь — там твоего размера точно нет. И пойду — пора завтрак готовить.

— Ты не ответила — почему... — Он все же встал, проходя мимо неё и глупо улыбаясь — кажется, он вполне серьёзно радовался наличию белья на себе.

— Потому что я не люблю спать в одежде. А ещё потому, что кровать у меня в доме одна. Бросать тебя на полу гостиной мне показалось негуманным.

— Зря...

— Учту на будущее — тебя бросать там, где отключился. И все, — она чуть потянулась к Осени, целуя его в заросшую щеку: — с новым днем твоей жизни. У меня нет власти над тобой «Осень» Брендон Микаэль Арн Джонс.

Она спешно вышла из спальни — такие моменты лучше переживать в одиночестве, мало ли какие чувства вырвутся. Она сама, помнится, почти час редела от счастья, когда свалила из школы ловцов.

На кухне было тихо, пусто и легко — тут можно вытереть непонятные слезы и полезть в холодильник, на одном упрямстве решив приготовить блинчики на завтрак.

Яйца.

Молоко.

Масло.

Осень тактично отодвинул её в сторону, доставая свежие ягоды и брикет мороженого из морозилки:

— Доверь готовку профессионалам.

Он из её шкафа взял только резинку для волос, собрав свои светлые, почти белые волосы в хвостик. Даже джинсы натянул свои. Интересно, он видел, что осталось от его рубашки?

Ник без слов отошла в сторону, садясь за стол — в последнее время её избаловал Эван готовкой. Посмотрим, на что способен Осень.

Он долго, придирчиво выбирал сковороду, подбрасывая её в воздух и ловя за ручку. Все же выбрал, принялся готовить тесто — руками разламывая яйца, насыпая муки на глазок, так же наливая молоко. Ник прикусила губу — так те самые блинчики из детства, которые она искала и не находила, точно не получатся.

Осень включил плиту, сковородка вновь взлетела в воздух, еще и крутясь при этом. Пальцы его левой руки принялись отбивать ритм, босые ноги затанцевали... Ник улыбнулась — эта клякастая зараза пыталась почти полностью воплотить её мечту...

— Передник, ты забыл передник!

Он обернулся, сумасшедше улыбаясь:

— Тут уж приходится выбирать — передник или джинсы. Последние мне роднее как-то. Ближе к телу.

— Паразит ты...

— Я помню, — он отвернулся, наливая тесто на раскаленную сковороду. Ник знала, что будет дальше — блинчики будут летать в воздухе, будет танец, будет вкусно и... Целоваться им нельзя — Осень не подпустит и не позволит. Жаль, что те поцелуи в спальне, которые ей понравились, он даже не помнит. Зато их помнит она.

Тем временем Осень положил на тарелку первый блин. Тут же на него приземлился шарик мороженого, и уверенные пальцы еще и ягод живописно насыпали. Даже листочек

мяты, неведомо как оказавшийся в её холодильнике, приземлился на блинчик.

Ник подошла, любясь Осенью — его профилем, его сильными и уверенными руками, уже снова подбрасывающими сковороду в воздух, его голой спиной, низко сидящими джинсами...

— Ффффкусно... — только и сказала она, надеясь, что блинчиков будет много — она заморозит их и будет есть только когда не будет сил сдержать слезы, когда одиночество будет касаться её своей холодной, когтистой лапой.

— Я работал поваром, — признался Осень. — добрался до должности су-шефа, копил деньги на собственный ресторан, а потом...

Договаривать он не стал, чтобы не портить позднее зимнее утро. Солнечные лучи пробились через морозные узоры на стекле, плеская волшебства на кухню.

Ник пошла к стене, где стоял мешок с кофе. Прикрепила новый лист. Погрызла чуть кончик карандаша, а потом написала:

Спутник должен

Всегда возвращаться домой.

Уметь готовить

Тут она замерла:

— Осень?

— А?

— Умеешь готовить паэлью?

— Конечно, — он продолжал жарить блинчики. Горка получалась внушающая.

— М... Возьмем севернее. Равиоли?

— Умею.

— Ммм... Турдакен?

— И гудакен. Только это южнее.

— Тогда восточнее. Эм...

Он сам подсказал:

— Винеры? Умею. Борщ — умею.

— Еще восточнее — пельмени?

— Умею. Ник, я же профессиональный повар, и профессию я свою любил.

— Черную лапшу?

— Достать чернила каракатицы сейчас трудно, но попытаться можно.

— Я имела в виду соус из бобов чачжан.

Он даже развернулся:

— О... Не умею. Связь с восточными округами нестабильна — слишком много бурь.

Ник уверенно кивнула самой себе и подписала:

— Чачжанмен. Вот оно. — У Осени будет куча времени, чтобы обрести свободу.

Осень обошел её, всматриваясь в новый список требований.

— Ник... Тебе прошлого волшебства не хватило? Зачем плетешь новое?

— Хочу и плету. — Она оперлась подбородком в голое плечо Осени и руками приобняла его со спины — вот оно, главное преимущество парня своего же роста. Можно просто обнять, потираясь носом о его ухо. Можно даже посопеть в ухо недовольно — не отмахнется и не вырвется.

— Твое прошлое волшебство привело к тебе Эвана, любителя блинчиков, Маки, просто принца, Линдро, просто надежного парня, второго среди львов, лорда Холма... Тебе не

хватило приключений?

Одного из приведённых он не стал упоминать — кажется, Ник его еще не обнаружила в своем доме. Или забыла — с неё станется.

Ник прошептала ему в ухо:

— А мне нужен всего один — тот, кто всегда возвращается.

— Ставлю на Линдро.

— Укушу. — честно призналась она. Где-то в гостиной раздался треск — дом впервые за шесть лет пристраивал новую комнату, сводник рогатый...

Осень развернулся в кольце её рук:

— Ники... Ник...

Его глаза были так близко... Дыхание обжигало кожу и... Ник потянулась за его губами.

Осень неувовимо отодвинулся:

— Я не свободен. Я не могу тебя подставлять. Даже если мы сейчас бесшабашно рванем куда-нибудь, забывая обо всем, первая же поверка на дороге выявит, что я чужая собственность... Ник...

Она выпустила его прочь, лишь сказала в обиженную спину, направляющуюся к плите:

— Не жалеешь, что не поцеловал?

Осень обернулся:

— Жалею, и всегда буду жалеть — ты же знаешь. Ты чудо, которого не должно было быть — леди Холмов никогда не выбирают в спутники нефейри. Но ты есть, и ты заслуживаешь лучшего.

Он вернулся к плите и достал кофемолку. Ник прикусила губу — интересно, а можно ли заморозить кофе и потом, ночами, под плач навзрыд его разогревать и пить?

После, помыв посуду, он ушел прочь.

Автодом, чуть покачиваясь, принялся набирать ход. Ник, заморозив блинчики, с чашкой кофе направилась в кабину. Осень знал, что она придет — обогреватель был включен на полную. И даже плед лежал на сиденье, просто на всякий случай.

— Осень...

— М...? — он не говорил «аюшки», но ведь это и неважно.

— Нам все равно придется работать вместе.

— Ник...

— Я хочу верить, что ты уникальная снежинка, но понимаю, что это далеко не так.

— Однако...

Ник уверенно продолжила:

— Пять лет никто не соблюдает Пакт. Пять лет как вампиры якобы из лучших побуждений проводят инициации. Никто не контролирует — кого и насколько добровольно вампиры обратили. Все привыкли, что ветераны валом валят в вампирские кланы. А под клятвой на крови не пожалуешься и даже не возразишь. Сколько на самом деле пошли на вампиризацию добровольно, а сколько, как ты, нет? Сейчас же как? Стал вампиром — ааа, точно-точно, продался за регенерацию... Только нужна ли она была?..

Джонс почти безнадежно сказал — видимо понимал, что отговорить не удастся:

— Ники... Не лезь в это дело.

— Осень, ты же понимаешь, что я ловец. Я не остановлюсь.

— Ники, все гораздо сложнее, чем ты думаешь.

— Удиви.

Он бросил косой взгляд на неё:

— Ники, в разработке вампиров не только люди, а еще и оборотни.

— Пфф, а то я не догадываюсь? Мир хрупок, и, быть может, скоро снова рванет. Это особенно заметно в Либорайо.

Он удивленно приподнял бровь:

— Даже так? В Либорайо еще все хорошо.

Дом медленно вползал в небольшой серый городок. Вдоль пустых улочек лежал грязный от печного дыма снег. Серое небо, серые дома, серые прохожие — тут выживать было трудновато. Поди один или два всего стража на весь городок.

Осень приглядывался, что-то явно ища. Что именно Ник не могла понять, а потому просто сказала свои замечания:

— Осень... В Либорайо полно межвидовых парочек. Но всегда это избалованный женским вниманием оборотень и человеческая женщина, иногда не одна. Оборотницы, может, пока и рады делать карьеру, о которой никогда и не могли и мечтать, но рано или поздно до них дойдет — все подходящие им пары заняты — и заняты человечками. Это одна сторона проблемы. А с другой стороны, есть люди. Ветераны, прошедшие горнило войны, ветераны, потерявшие юность, ветераны, продавшиеся за здоровье. Они добровольно или не совсем стали вампирами, в надежде вернуть утраченное — молодость, внимание девушек... И что же они обнаружили?

Осень припарковался у одноэтажного здания с надписью «Почта».

Ник молчала, и Джонс сам сказал:

— Они обнаружили, что вампирские женщины ими не интересуются, им хватает внимания своих высших вампиров, а человеческие девушки их боятся и избегают.

— Девушек для ветеранов нет. И виновны в этом оборотни.

Осень тяжело опустил голову на руль:

— Прошу, не лезь в это дело, Ник. У Переса твоя кровь — мне пришлось набрать её в больнице. Как ты думаешь, я тебя нашел?

— Осень, а то я не знала этого. Но будет же бойня — вампиры не зря подгребают под себя людей. Руками обращенных будут уничтожены оборотни. Этого нельзя допустить. Как и насильственной вампиризации. Как и наглого стирания оборотнями человечества с лица земли — их стараниями уже через поколение не будет чистокровок, а только гибриды всех мастей. И дай небеса, чтобы эти гибриды были способны дать потомство... Пока только феири в безопасности — с ними даже вампиры, мне кажется, боятся иметь дело. Но достанется и феири рано или поздно. Доминирующий моновид на Земле мы уже проходили, и это плохо кончилось. Будут снова гетто. Если будет кого загонять туда.

— Я понял тебя — ты не отступишь.

— Я останусь в Либорайо. Что-то же надо делать.

— Тогда... — Осень качнул головой в окно и протянул смятую банкноту, — почта. Можешь отправить Росси открытку — он эту осень места себе не находил от беспокойства. Открытку доставят всяко раньше, чем мы доедем.

Ник потянулась к нему, целуя в щеку:

— Ты умница. Ты большая умница! — она выскочила из кабины и понеслась на почту.

— Это просто ты привыкла жить одна — сама приехала, сама уехала, и даже не подозреваешь, что оставила за спиной. — Он встал из-за руля и отнес в мойку чашку из-под кофе.

Это был какой-то новый, неизвестный до этого Арну сорт мазохизма. Быть рядом с ней. Засыпать рядом с ней. Просыпаться рядом с ней. Ну и пусть, что в гостиной на диване. Все равно слишком близко. Даже сутки напролет за рулем не спасали. Она была рядом — то на расстоянии вытянутой руки, то далеко, но что значат расстояния для вампира? Один прыжок, и она уже бьется в твоих объятьях. Если сорвешься, конечно. Здесь все пахло ею. Он тоже пропитался её ароматами — капелька сирени и еще что-то совсем неуловимое, чему нет названия в человеческом языке — люди не пьют кровь.

Это было до боли одуряюще. Она приноровилась даже спать в кабине, пока он сидел за рулем, медленно сокращая расстояние до Либорайо. Либорайо, которое все изменит.

Как-то в полночь он не выдержал. Припарковал дом на обочине, убедившись, что Ники крепко спит. Вышел в холл и шепотом позвал:

— Дом!

Дом притворился, что его нет.

— Я же знаю, что ты разумен. Ответь.

Дом молчал.

Осень пожал плечами:

— Ты же понимаешь, что еще один-два таких дня, и я сорвусь? Я же руками и ногами, и даже клыками вопьюсь в тебя, желая лишь одного — остаться тут. Короче. Хватит со мной играть — я знаю, что ты перемещаешься несколько иначе, чем колесами по земле... Давай-ка возвращаться в Либорайо. Или я вцеплюсь в тебя, и все закончится плачевно — сюда придет Перес. Ты этого хочешь?

Дом этого не хотел. Мигнул за окнами свет, тьма, а потом неон с неспящих улиц Либорайо затопил пространство дома.

— Умница, дом. Не бойся. Сейчас я подключу тебя в этом элитном, мать его за ногу, кемпинге. И уйду... Береги её.

Дом молчал. Осень дернул плечом и снова позвал:

— Ден Стюард... Вылезай. Я знаю, что ты тут. Не бойся, уничтожать не буду. И ругать не буду.

Молодой зомби виновато вылез из встроенного в стену шкафа:

— Я ничего не мог поделаться с лордом Тамиором — я тогда только-только пришел в себя из-за его магии. Он оживлял Холм, я случайно ему попался... Очнулся, и вот... Не мое место силы. Будь это площадь перед кампусом, я бы смог противостоять... Тамиор... Он как преподаватель был бесподобен, правда, ходили о нем слухи, что терпеть не может непослушания... Я не знал. Да и предупредить не мог. Я же немножко мертв.

— Я тебя ни в чем не виню. Интересно, ты у нас блинчики, кофе или...

— У матери была своя конюшня...

— А, понятно. Ты у нас за коня отвечаешь. Мисс Доу скоро вернет тебе твою сестру — не бойся. И потом я прослежу, чтобы тебя похоронили правильно. А пока...

— Я буду присматривать за мисс Доу. Правда.

— Присматривай. И... Пойду я.

— Стопперы под колеса не забудь поставить.

— Кого ты учишь, Стюард? Бывай... — он махнул на прощание, выходя на холодную

улицу. — Ну, здравствуй, Либорайо, идущие на смерть приветствуют тебя...

Глава 9. Возвращение в Либорайо

Утро было тихим — вампира, если он не хочет, не слышать. Ник потянулась и улыбнулась начинающемуся дню — просто так.

— Домик, миленький... Сбавь скорость еще. А лучше сверни куда-нибудь не туда. Я не хочу в Либорайо. Там закончилась осень, и моей Осени там не жить. Поехали окружными путями, ты же можешь, малыш...

Дом не ответил — он был молчун. И Ник вскочила с кровати, зарываясь в гардеробной. Хотелось вновь и вновь поражать Осень своим видом — рано или поздно крепость по имени Брендон Джонс падет к её ногам. Она ради него пойдет даже против властей округа, против высшего вампира. Ловец она или погулять вышла? Конечно, после Тамиора Осень сложно поразить, но она же справилась, почти справилась с лордом сама. А вместе с Осенью им не будет страшен и высший вампир. Главное, чтобы в неё верили.

Она вылетела из комнаты в укороченной солнечной толстовке, открывавшей живот, зимних шортах и чулках, чтоб уж не смотрел, волнуясь — замерзнет или нет. Это элитный мистер Джонс мог осадить или задеть, её Осень не такой. В гостиной было уже убрано — плед и подушка аккуратно сложены на краю дивана. И тишина, заставляющая бояться самого страшного. Заглянуть в окно она испугалась. На кухне было пусто и голодно. Завтрак он не приготовил — за окном открывался вид на застывшее стальное озеро в мелких льдинках на воде. Снег и голые деревья. В Либорайо пришла зима.

— Слава элитному мистеру Джонсу! — только и смогла сказать она.

Плакать она себе запретила. Она не выдаст ни себя, ни его. Нужно забыть эти дни, это сумасшедшее счастье, это ощущение любви дороже собственной жизни. Ничего не было. Она сцепила зубы и заставила себя улыбнуться.

Что ж. Приехали. Вернулись. Жалеть себя не стоит. Она выскочила из кухни, спешно натягивая на себя кроссовки. Нацепила наушники, которые купил ей Ос... Случайный попутчик в дороге. Алхимические батареи позволяли их использовать даже после пересечения Границ — гарантия на тысячу пересечений. Музыка была загружена — ровно на час. Ей больше и не надо.

Она открыла дверь и уже вполне уверенно улыбнулась низкому зимнему солнцу, и даже помахала рукой новым соседям, незнакомой семейной паре — пока её не было, очаровательные старушки-одуванчики покинули кемпинг.

Она подняла глаза вверх, шурясь и крича:

— Либорайо, я вернулась! Толстосумы — прячьте кошельки, я дорого обхожусь округу!!!

Она понеслась по первой попавшейся дорожке. Музыка в наушниках гремела во всю мощь, отсекая весь мир, ноги сами подстраивались под ритм, легкие дышали свободно, а сердце... Оно летело вслед за ветром.

Круг. Круг и снова круг. Какой Осень. Какой вампир. Тут только музыка и она. Ей некогда болеть и вспоминать. Она летела навстречу новой судьбе.

Под кроссовками подминался снег до черного влажного асфальта. Одинокие снежинки, и вовсе не уникальные, падали на лицо, таяли на коже, оседали на ресницах. Она не плачет, ей некогда заниматься такой глупостью. Она подпрыгнула, ртом ловя снежинки — ххххолодно! И глупо, по-детски, но кто сказал, что она выросла?

Она бежит и бежит под ритм музыки. Ещё чуть-чуть и полетит.

Снова и снова. Когда звучит музыка — она всемогущая и свободна.

Только час прошел. Дикие ритмы барабанов и звуки скрипки смолкли... И навалилась усталость, такая, что чуть не повело в сторону. Только вовремя поданная со спины рука остановила падение. Росси замер по стойке смирно, потому что Ник резко развернулась, чуть не втыкая кинжал ему в сердце.

— Ой, Лин... — улыбнулась она всему Седьмому штурм-отряду, слаженно бежавшему за ней: — И мальчишки... А вы давно тут...?

Утес хохотнул:

— Говорил же, что она сама остановится, когда музыка закончится... И, привет, де... — Он учел длину кинжала, все еще направленного в Росси, и поправился, — ловец. Скучали! Плакали. Ночами не спали — боялись, что новогодний танцевальный марафон придется коротать без тебя, но ты вернулась!

— Да я... — она опустила кинжал вниз, ошарашенно рассматривая улыбающихся парней в спортивной форме стражей. Только Лин был в обычной форме — серое худи, серые штаны, серые кроссовки, и сам какой-то серый. — Я открытку вроде послала...

— Ага, ага, — кивнул радостный Кедр. — Видели. Всем отрядом обнюхивали и страдали — долго еще тебя ждать или нет! Тут такое веселье было в двести шестой зоне — мне казалось, что Перес молился всем вампирским богам, что тебя рядом нет. Мы там все шесть ультр грохнули. Было бы доспехов больше — и их бы грохнули. Капитана по кусочкам отскря...

Лин скривился, но промолчал. Утес отвесил затрепину Кедру и потащил его за локоть дальше бежать:

— Короче, Росси, мы дальше на тренировку. А вы это... Не спешите — наша мисс Доу, кажись, в очередной раз спеклась. Нельзя так человечкам бегать, напрягаться... Вы пешочком, ага?

Ульв, отбегая как можно дальше, обернулся:

— Ник, Росси запрещены тяжелые нагрузки.

Утес яростно зашептал:

— Балда ты, Ульв. Ну, где в мисс Доу тяжелая нагрузка? Что, ему уже и Ники подержать в объятьях нельзя?

— Швы разлезутся на кэпе — кто будет шить? Меня же Ник первой пригвоздит к стене за порчу Росси...

Ник удивленно приподняла брови, ничего не понимая. Команда дружно и весьма спешно побежала прочь, исчезая в налетевшем снежном залпе.

Росси только и вздохнул им в спину:

— Вот же... Сдали по полной.

Ник взяла его за руку и медленно потащила в сторону дома:

— И давно вы тут тренируетесь?

— Так Арано всегда тут бегал. Парни и... — Лин явно старался не покраснеть. И у него даже получалось. Еще и снежинки помогали, прятали его и его смущение. Вот, казалось бы, матерый лигр, и так смущается признаться...

— Я тоже очень скучала, Линдро. — улыбнулась она. — Хотя мне нечем хвастаться. Была немного там, немного здесь. Ничего не делала, ничего не заработала. — А Осени не было. Это только сон и глупая девичья мечта.

— Ник... Ты надолго сюда?

Она пожала плечами:

— Не знаю. Не от меня зависит. — она шмыгнула носом — все же наряд был не для зимы, наряд предназначался Осени.

Лин понятливо скинул с себя огромный худи, оставаясь только в футболке с длинным рукавом. Ник чуть не утонула в его одежде, накинутой ей на плечи. Приятно и так знакомо пахло деревом и землей. Она принялась и призналась:

— Скучала, до одури скучала...

— Возвращайся почаще, раз скучала, — Лин предложил ей руку, — и не смотри так, эта рука целая. Честное слово.

— Без прикрытия мага работали, да?

— Есть такое дело — мага твоего уровня защиты у нас нет.

— А вы всегда работаете с Пересом?

Лин так знакомо пятерней поправил короткий ежик волос, скидывая снежинки:

— Не всегда. Но часто.

Ник обогнала его, заглядывая в глаза:

— Перес говорил, что меня возьмут в отряд без экзаменов.

— К чему такая спешка, Ник? Ты же вольная птица — сейчас здесь, потом там за горизонтом.

— Да деньги нужны. Скоро аукцион Эми. Нужно хорошенько заработать.

Лин пожал плечами:

— Мы скоро возвращаемся в двести шестую зону. Вольнонаемным ловцом ты заработаешь больше.

— А позовете?

Лин с легкой усмешкой на губах подтвердил:

— Возьмем. Перес понял, что ультры мы потеряли не из-за своего ослиного упрямства угробить все оборудование, а вполне обоснованно. Возьмет, никуда не денется. И еще и сам пойдет в зону — там славно повеселились маги. Тебе понравится.

Она задорно рассмеялась:

— Кто-то стал слишком хорошо меня знать!

— Ник... Ты же помнишь — я просил держаться подальше от Переса?

Она понятливо кивнула:

— Помню. Обещай, что не полезешь в мои проблемы?

— Ник? Ты же знаешь меня — я не причиню тебе новых проблем.

— Ага, это типа: твои бы старые расхлебать?

Он поймал её ладонь и переплел её и свои пальцы в замок:

— Это значит, что я на твоей стороне, но лезть напролом не буду.

— Хорошо. Просто есть подозрение, что у Переса моя генетическая карта...

— Это не подозрение, это факт. Ты леди Холма, Ник, как я и говорил. Твой изъян это...

Она откинула в сторону отросшие волосы, показывая уши.

Росси подтверждающее кивнул:

— Они самые.

— А еще, я оказывается, хуже вампиров, Лин. Помнишь танцы? Помнишь, что я утанцевала парней? Это потому что... На самом деле это, наверное, секрет фейри... Но ты должен знать — мы так питаемся — силой, раскрепощенностью в танце, радостью...

Жизнью. Я так ем. Прикинь? Вампиры хотя бы понятливо кусают в шею, чтобы было ясно: я тебя ем!.. А я вот так, исподтишка.

Лин осторожно поправил её волосы, разметавшиеся ветром:

— Значит, я просто буду следить, чтобы ты не танцевала больше двух часов с кем-либо.

Только и всего.

— И это вместо того, чтобы нестись прочь с воплями: отстань от меня, хтось!

— Не дождешься. Я друзей не бросаю. Я тоже не без греха. Люблю погонять дичь причем не ради еды, а... чтобы кровь разогнать. Видишь, я тебе тоже доверил свой страшный секрет.

— Спасибо, Лин... За все спасибо... И возвращаясь к Пересу — у него есть моя кровь.

Росси лишь скривился.

Ник улыбнулась:

— А еще он посадил мне на хвост Джонса — следит. Зачем — не знаю.

— Поговорить с Джонсом? Он неплохой парень...

Ник улыбнулась — уж это она знала.

— Лин, а ведь ты обещал не вмешиваться.

— Ладно, не поговорю. Но я бы спокойно поговорил — я не дуболом.

— Я знаю, просто предпочитаю понаблюдать — что именно Перес хочет от меня.

Понимаешь?

Они подошли к автодому, и Росси замер:

— Ты... домой?

— Неа, пойдём в кафе? — она взлохматила свои волосы, — только я кредитку забыла у вас.

Росси стоически подавил смешок, потом все же фыркнул — не удержался:

— Ник, я же тогда после больницы занес тебе сумочку. Оставил в холле, где ты её всегда бросаешь.

Он промолчал про её наблюдательность, только, кажется понял, что про «ничего не делала» она наврала.

— Пойдем, я тебя угощаю, Ник. Как всегда, блинчики и кофе?

— Нет, не угадал! Омлет, булочки и чай.

* * *

Они вышли из парка, пошли по оживленной по утрам улице. Ник крутила головой во все стороны — город прихорашивался перед Новогодней ночью, самой длинной в году. Кажется, тут она называлась Хогу... — что-то там еще. Ник так и не прочитала взятую из библиотеки книгу про округ. А уж какая в библиотеке пеня за невозврат книги выросла — страшно представить!

Лин пояснил, когда Ник ненадолго замерла у сплетенной из лозы огромной скульптуры тигра, выставленной на газоне:

— Скоро Хогуэрас — ночь Костров. Будут праздновать зимнее солнцестояние и начало нового года. Эти скульптуры прислали из Алисо — небольшой городок как раз возле той самой зоны двести шесть. Ночью в скульптуре включается подсветка — очень красиво... За неделю до ночи Костров город преображается — все украшают фонариками, гирляндами,

флажками и венками. На площадях готовят кострища...

— Зачем? — спросила Ник, подходя к двери кафе, которую Лин открыл перед ней.

— Это обряд. Старинный. Надо обязательно прыгнуть через пламя в ночь Костров, чтобы очиститься от болезней.

Ник удивленно приподняла брови, и Лин кивнул:

— Да-да-да, к врачу сходить надежней.

В кафе приятно пахло кофе и свежей выпечкой. Тихо звучала музыка, заставляя усталые ноги Ник пускаться в пляс. Ник сцепила зубы и заставила себя сесть за столик у окна. Он был накрыт бело-золотой скатертью с изображением солнца и костров — даже кафе готовились к празднику. В незатейливой вазочке стояли соцветья пуансеттии.

Лин с извинениями отошел в сторону. Ник думала, что в уборную, но нет — он подошел к стойке, что-то тихо выговаривая официантке. Та журчаще рассмеялась, прикрывая рот ладошкой, и что-то сказала в ответ — тут уже беззастенчиво замурлыкал Лин. Музыка стихла. Ник даже присмотрелась — нет, Лин не размахивал жетоном стражей перед довольно симпатичной девушкой, он просто попросил... Видимо, как и говорил Эван: «Кто же не знает легендарного Росси!». Эх, где бы простых и нелегандарных взять, еще и без проблем в личном плане.

Лин под заинтересованным взглядом официантки вернулась за столик:

— Заказ сейчас принесут, Ник.

— Спасибо! Расскажешь, что там в двести шестой зоне случилось?

Лин откинулся на спинку стула, тот даже печально скрипнул от нагрузки:

— Да никто толком сказать не может — что там случилось.

— Документацию времен войны поднимали?

— Это новообразовавшаяся зона. Её закрыли Границей по осени. Как раз в твой первый визит в Либорайо. Громкая была новость — всю осень обсуждали.

Ник только и выдавила из себя:

— Ого. Не слышала.

Лин приподнял бровь, но спрашивать, что же с ней было этой осенью, не стал.

— Алисо — небольшой тихий городок, его во время войны войска вообще обошли стороной — жители были лояльны оборотням. На территории, которая стала зоной, жили эээ отщепенцы? Староверы...

— Сектанты? — подсказала Ник.

— Наверное. Поклонялись то ли деревьям, то ли еще чему. Жители городка с ними не общались. Впрочем, сектанты тоже предпочитали держаться от городских как можно дальше. Деревенька называлась Лоза. Сами жители себя называли ткачами ивы. Перед войной или сразу после начала, тут идут расхождения в показаниях жителей Алисо, ткачи куда-то ушли. Снялись всей деревней, и все. Их следов обнаружить так и не удалось.

К ним подошла официантка, подавая поднос с едой. Официантка с улыбкой поставила перед Лином чашку кофе и небольшую тарелочку со слойкой. Лин начал было:

— Я не зака... — но официантка улыбнулась:

— Комплемент от повара к вашему кофе.

Лин лишь качнул головой в знаке благодарности. Ник предпочла промолчать, принявшись за омлет, пока тот не остыл. Лин проводил задумчивым взглядом официантку, плавно, от бедра шагавшей модельным шагом вплоть до стойки, так что Ник не удержалась, подсказала:

— Она явно на тебя запала. Мне уйти, чтобы не мешать? Или можешь ей свой номерок на салфетке написать...

Оборотень повернулся к Ник:

— Ясно. Только я встречаюсь с тобой, а не с ней, Ник. Но спасибо за дружеское предложение, — последнее прозвучало довольно саркастично. Он взял чашку с кофе и сделал мелкий глоток.

Ник пожала плечами:

— Как скажешь, дело твое. Так что там дальше с зоной?

— А дальше... — спокойно продолжил Лин: — Ткачи ушли, их земли оказались никому не нужны — там пойма. Река Бланка непредсказуемая и легко выходящая из берегов — почти на двадцать миль в ширину. Чтобы освоить эти земли, нужна надежная дамба. Как раз на неё денег у города не было, да и если бы были деньги, то жителей маловато, чтобы освоить эти земли. Там болота, небольшие возвышенности, все заросло березой, ольхой да ивой — просто ивовые джунгли какие-то. Ткачи ивы, вроде, редкие сорта выращивали, но все одичало. Жители Алисо ходили в бывшие земли ткачей — лозы нарезать, ягод набрать, не более того. В конце этого лета было сильное наводнение — Бланка вышла из берегов, вода почти до Алисо дошла, городок спасло то, что он стоит на возвышении. Когда вода сошла, жители привычно пошли за лозой. Несколько человек даже вернулись, рассказывая страсти — об взрывах, огненных фигурах, горячей воде, ходящих мертвецах. Вызвали стражей, но мы тогда были заняты Деном Стюардом. Помнишь?

— Ты тогда еще некромантов искал.

— Ага. Они как раз тогда уехали в Алисо. Некроманты помахали там кинжалами, обнаружить мертвецов не удалось, маги лишь наложили Границу и отчалили. Дело передали нам. С тех пор и бодаемся. Зайти в зону практически невозможно — сплошная стена огня встает, хоть ты тресни. Пытались и со стороны реки зайти, и со стороны городка — тщетно. Если и продвигаемся на полсотни ярдов, то потом все равно приходится отступать. Шесть ультр угробили — их просто спекало напрочь от жара.

— Почему тогда не отступитесь?

Лин скривился, привычно кроша пальцами слойку:

— В центре долины ткачей есть пара интересных курганов. Кажется, все дело в них. По хорошему, их бы вскрыть и зачистить, но добраться до них нет никакой возможности.

Ник перешла к чаю и булочкам:

— Ммм... Холмы были затронуты водами? Следы оползней есть?

— С тех точек, которые нам доступны — нет.

— А склоны реки обследовали?

— Ниик! Мы к реке даже подобраться не можем. Разговор идет о закрытие зоны вообще, в ожидании самоликвидации, но кого-то наверху заело... Есть версия, что те интересующие нас холмы — курганы высших фейри.

— Захоронение лордов? — Ник чуть не поперхнулась чаем.

— Именно. Перес рвет и мечет, обещая любую премию тому, кто доберется до курганов.

— Рогатые орки, а ты прав — я пойду с вами.

Лин оторвался от несчастной слойки и все же спросил:

— Это из-за того ледяного лорда, да?

Ник прикинулась непонимающей:

— Прости, что?

— Это из-за того сбежавшего от тебя ледяного лорда? Перес говорил, что ты бросилась вдогонку за ним.

— А... — Ник опешила на секунду. — Нет. Того я догнала и уничтожила. Этих, пожалуй, тоже стоит... Догнать и уничтожить.

— Они же твои соплеменники.

— Как говорит Джонс: упаси меня небеса от таких соплеменников. Но в зону я еду не для уничтожения лордов, наличие которых еще даже не подтверждено, а ради денег. Мне срочно нужны деньги. И закрой, пожалуйста, свой рот — от тебя я их не приму.

— Ясно, — пожал плечами Лин, забрасывая в рот крошки слойки — вот любит он портить хлебные изделия. — Значит, ледяной лорд уничтожен. За него награда положена. Не особо большая, но положена.

— Знаешь, я как-то забыла прихватить с собой его прах в качестве доказательств. Ну и ладно.

Мимо кафе по центру улицы промчалась с воем патрульная машина стражей. Лин нахмурился. Следом пролетела пожарная машина. И машина экспертов, судя по эмблеме на кузове.

— Однако...

— Что-то случилось? — спросила Ник.

Лин пожал плечами:

— Кажется, в парке что-то произошло. Можно тебя проводить? — он положил под чашку банкноту, расплачиваясь за завтрак.

— Боишься, что я опять что-то разгромлю?

Он рассмеялся:

— Боюсь, что кто-то другой громит Либорайо. И мне это не нравится.

Ник вскочила на ноги:

— Тогда пошли громить нечестных конкурентов!

Глава 10. Знакомство с Айком

Проблемы оказались не в парке — на улице, там, где стояла скульптура тигра, сейчас была пустота, огороженная красной предупреждающей лентой — работают судмедэксперты и стражи. Лин нахмурился — ему с его ростом было видно гораздо больше, чем Ник — та, хоть запрыгайся, ничего за спинами стражей не разглядела бы.

— Лин?

— Аюшки? — машинально ответил он, поднимая красную ленту и приглашая Ник за собой. Этой заразе даже представляться не надо было — стражи, стоявшие в оцеплении, то и дело здоровались с ним. Идти пришлось по черной, спекшейся земле. Ник подняла глаза вверх — у нависавших над газоном парковых деревьев все кроны были опалены. Пожарные уже сворачивали брандспойт и готовились уезжать.

— Что происходит, Лин? Зачем кому-то сжигать статую? Да еще так варварски.

Лин ничего не ответил — пара стражей как раз раздалась в стороны, показывая лежащий на твердой, гладкой, как лед, земле полностью сгоревший труп — только кости и остались в характерной позе боксера. Рядом валялся сгоревший интрафон. О плетеной статуе ничего не напоминало. Мужчина, сидевший на корточках перед телом, встал, замечая Лина:

— Какие люди на прогулке. Росси, что ты тут делаешь?

Лин первым делом представил:

— Дин, знакомься — моя хорошая знакомая и ловец первого класса Ник Доу. Ник — это мой знакомый Айк Дин — он оперативник в местном отделе стражей. Очень хороший оперативник.

Ник протянула руку и с удивлением пожала холодный бионический протез. Механические пальцы осторожно ответили на рукопожатие, а мужчина лет тридцати пяти чуть склонил голову:

— Приятно познакомиться, мисс Доу. Читал о вас в газетах.

Дин выглядел обычно, как и должен человек — озабоченное, чуть усталое, приятное лицо, первые морщины между бровей — наверняка любил хмуриться, каштановые волосы, шрамы на шее, простая одежда — черный, помятый костюм и черное же пальто дафлкот, резиновые перчатки для осмотра. На ногах бахилы. Натягивать одноразовый костюм для обследования места преступления он не стал — или не брезгливый, или не положен ему костюм. Может, тут на стражах экономят.

— Надеюсь, интересное читали? — улыбнулась Ник — Дин ей понравился, даже не так — он отчаянно понравился: он не продался вампирам за регенерацию, несмотря на ампутацию правой руки, причем, судя по движениям, выше локтя.

— Всякое, мисс. Всякое. — И голос настоящий — не мурчащий, не обволакивающий, как патока, а чуть с хрипотцой.

Лин вмещался и сменил тему — видимо тоже много интересного читал о ней:

— Мы проходили с Ник мимо статуи примерно четверть часа назад — не больше. Со статуей было все в порядке.

— Ага, — кивнул Дин. — а вот и свидетели. Кого-то подозрительно видели?

Ник нахмурилась, вспоминая. Оживленная улица. Спешащие на работу люди. Парень, шагавший с интрафоном в руке — он чуть не сшиб молодую девушку... Извинился, улыбнулся, снова уткнулся в интрафон...

— Никого подозрительного с канистрой в руках не было.

Дин даже наклонил голову:

— С канистрой?

— Или с какой-то большой емкостью, — пояснила Ник. — Алхимический раствор в пластиковой бутылке не потащишь. Не припомню никого подозрительного. Хотя подъехать на машине и плеснуть жидкостью в прохожего — пара минут на самом деле. — Она мягко улыбнулась, рассматривая Дина — тот удивленно хмыкнул. — Кажется, в газетах не писали, что я еще и умная.

— Не писали. В основном обсасывали подробности вашего побега из-под венца с третьим принцем.

Ник озадаченно выдавила из себя:

— Чего? — ничего более осмысленного в голову не приходило. Дин понятливо качнул головой:

— Значит, как всегда, брехали. И, мисс Доу... Вы как-то странно на меня смотрите.

— Странно? — Ник пожала плечами — она смотрела как угодно, но не странно. Дин ей понравился.

— Тогда скажу не так — восхищенно. Причем незаслуженно.

Ник рассмеялась:

— Простите... Это случайно... Просто... Сейчас почти не встретишь настоящего мужчину. Это комплимент, если вы не поняли.

Дин пожал плечами:

— Однако. Вы ветренная особа.

— Нет, просто я устала от обилия ненастоящих мужчин. Ничуть не умоляю их опыт на войне, но вы — чудо.

Лин вмешался, спасая в этот раз уже стража и меняя тему:

— Есть хоть малейшая надежда, что это не Поджигатель?

— Ни единой, — Дин стащил с себя перчатки. — Ни единой. И не смотри так, мое дело маленькое — осмотреть, опросить и передать выше. Пусть дальше наверху голову ломают. И, простите, спешу — дела. Росси, рад, что ты уже бегаешь. Мисс Доу, приятно познакомиться, и не смотрите на меня так — тигры ревнивы, хоть и не моногамны. — Он пошел прочь, что-то на ходу выговаривая стражам.

Ник выгнула бровь:

— А кто-то стесняется комплиментов.

— Просто, Ник, кто-то их прямо в лоб говорит. Кто ж так действует. — он снова переплел свои пальцы с пальцами Ник и потянул в сторону, — пойдем.

— Дашь мастер-класс по комплиментам? — она дернула его за руку и сделала большие круглые глаза, а с её восточным разрезом это та еще задача.

Лин улыбнулся и увильнул:

— Давай я тебе расскажу про Поджигателя.

— Что, писали в газетах, да я пропустила?

Хорошо, что он снова понимающе промолчал о её занятиях этой осенью — таких странных, что на новости даже времени не осталось. Лин просто потрясающе понимающий парень. Ник даже замерла — она впервые его мысленно назвала парнем, а не мужчиной.

— Наоборот. Ничего не писали, потому что боятся напугать горожан новым маньяком.

Ник глубокомысленно кивнула:

— Значит, вы тут весело жили. И много жертв?

— Пока три, точнее уже четыре. Три в пригородах, к счастью, где соседи не слишком языками чешут. Вот, первый в центре. Скоро газеты раструбят так, что мало Пересу не покажется.

— Почему ему?

— Потому что он отвечает в Либорайо за развитие города и его безопасность. Сама понимаешь, в наше время одно тесно связано с другим.

Они медленно шли по пустой дорожке парка. Бегуны уже ушли, а мамочки с детьми еще не собрались на прогулку.

— И какая связь между погибшими?

— Кроме способа убийства? Никакой. Абсолютно. Вижу, тебя дело заинтересовало?

— Никому не позволено таскаться с алхимической жидкостью, это относится к моей компетенции. Я же рука закона. Помнишь?

— Помню. — он остановился у крыльца автодома Ник и начал перечислять, — первая жертва — мебельщик в небольшой ремесленной мастерской. Сгорел вместе с ней. Вторая — пожилая женщина, сидела в саду в кресле-качалке. Третья — торговка на разнос на новогодней ярмарке. Связи между жертвами никакой. Хочешь, познакомлю со следователем, которому привалило такое счастье в расследовании?

Ник послушно кивнула:

— Познакомь. Только после зоны, хорошо?

— Договорились. Ты домой?

— Ага. Свистни, когда отправимся в зону. Кстати, — она замерла на ступеньке, разворачиваясь к Лину, — у Дина какая очередь на магическое наращивание конечности?

— Никакая, Ник.

— А почему он тогда до сих пор с протезом?

— Потому что у нас в округе страховка стражей не покрывает восстановление конечностей.

— А благотворительные фонды? Их тоже нет?

— Мы не Сорок первый округ, Ник. Тут приходится самому копить на маглечение.

Ник напряглась:

— И сколько Дину насчитали?

— Сто тысяч примерно. Это весь его доход за пять лет.

— Нескромно. И переехать в Сорок первый он...

Лин подтвердил:

— ... не хочет.

— Яясно, — протяжно сказала Ник.

— И что же тебе ясно?

— То, что у меня не хватает денег. — она сердито дернула себя за локон. — Вот же...

Рогатые орки.

— Ник, ты только за выход к морю получила сто пятьдесят тысяч. Это не намек, это просто констатация факта. А еще дело Стюарда было.

Она обреченно кивнула:

— Вы, поди, уже злитесь, что я так долго не возвращалась и не делилась деньгами.

— Это только твои деньги.

— Я обещала их честно поделить. Хотя Эван от своей доли отказался.

— Мы тоже с парнями отказываемся.

Ник ткнула указательным пальцем в грудь Лину:

— Не решай за всех. Парни, может, не захотят отказываться от своей доли.

— Тебе нужны нотариально заверенные документы или хватит их слова? — Лин достал из кармана интерфон и принялся кому-то звонить. — Рик... Привет, парни рядом?... Включи громкую связь...

Из трубки громко раздался недовольный голос Арано:

— Чего тебе еще?

— Ник предлагает использовать нашу долю награды за выход к морю на оплату операции Дину.

Видимо, вздохнула Ник, Дин тоже местная знаменитость.

— А с хрена ли... — возмутился Жердь. Раздалась странная возня и звуки ударов по чему-то мягкому.

— Видишь? — качнула головой Ник. Но Жердь уже увильнул от чьей-то карающей лапы:

— Еще раз — а с хрена ли там должна быть наша доля? Мы же ничего не делали — только и драпали под прикрытием Ник. Но если она так хочет, то моя доля полностью на Дина. Никки, бросай нашего лигра, он старый для тебя, и выбирай меня! Я лучше! Я танцевать умею! И самое главное — не боюсь танцевать! — Возня нарастала, и скоро совсем стало непонятно — кто кого и за что. Лин отключил звонок:

— Видишь, все за. И, если что, я умею танцевать. Правда. Только случая все как-то не предвидится.

Ник подалась к нему:

— Давай взорвем к рогатым лордам зону двести шесть и завалимся куда-нибудь в клуб. Как тебе идея?

Лин усмехнулся:

— Гениальная идея. И в твоём случае легко осуществима.

Он был так близко, что обжигал своим дыханием. Чуть мятным, чуть кофейным, чуть сладким — видимо, слойка была замечательная. Ник грустно улыбнулась — его сейчас было легко поцеловать, забывая Осень, и лишь прошлась своими пальцами по его ежику, взъерошивая волосы.

— Увидимся, Лин.

— Увидимся, Ник, — кивнул он и пошел прочь.

Два дня Ник была плотно занята — она удосужилась-таки прочитать библиотечную книгу, ознакомившись с Третьим округом, с его историей, географией и прочим. Лин был прав — число людей и оборотней по результатам официальной переписи, проведенной в прошлом году, почти совпадало. Жителей вампиров и фейри было меньше десяти процентов к общему числу жителей, и это был очень хороший показатель. Темпы восстановления округа поражали воображение, хотя Либорайо не очень и пострадал при захвате — сам округ пал почти за месяц, а город продержался в ожесточенной схватке, изуродовавшей пригороды, чуть больше недели. Потом отцы тогдашнего Джорджтауна говорились с капитаном Либорайо из оборотней о сдаче города. Потому и уцелели небоскребы в городе, потому и переименовали его, потому и восстанавливался город быстро.

Правили округом кланы тигров и ирбисов попеременно — когда кому повезет избратся на место губернатора. Первым был тигр, сейчас правил ирбис, некто Арчибальд Кит.

Вампиры были на вторых, но весьма заманчивых местах, как тот же Перес. Фейри во власти не мелькали. Эти вообще предпочитали нигде не мелькать, сохраняя тайну и готовя сюрпризы исподтишка. Как, например, сюрпризом для человечества стали заводы фейри по производству вооружения — оборотни и вампиры, конечно, в первые дни смуты, когда люди еще верили, что всего лишь очередной бунт в гетто, бросались на людей без оружия, но уже через неделю-две, это были отнюдь не смутьяны, а хорошо вооружённые солдаты.

Округ был заявлен как демократическое унитарное правовое государство с республиканской формой правления. У них тут даже Парламент двухпалатный был — офигеет!

— Да-да-да, — вздохнула Ник. — Клань — весьма прогрессивно и демократично. И мы даже верим...

Округ на севере граничил с более холодным Десятым, расположенным за проливом, на западе он прижимался через двести миль сплошных зон к Двадцать первому округу, Ник даже нашла на карте место, которое Тамиор выбрал для основания Холма — за Двадцать первым округом, на нечейной территории, когда-то принадлежавшей полностью уничтоженному Двадцатому округу. С юга Третий округ граничил с Сорок первым — тоже через триста миль сплошных зон из хаоса и горных хребтов. Ник искала и нашла на карте городок Алисо, куда на днях она, быть может, отправится, если Перес согласится. По карте до него было сто пятьдесят миль, правда о качестве дорог ни слова. Широкая петля Бланки, текшей с территории Двадцать первого округа, в районе Алисо впечатляла — такая река может хорошо разливаться и тревожить не один могильник.

Дочитав книгу до конца, Ник все же сходил в библиотеку и сдала её, заплатив пеню. Потом она обходила больницы, предлагавшие маглечение — сравнивала цены, качество и отзывы — пришлось снова переться в библиотеку. В Либорайо там предоставляли бесплатный доступ пусть к стареньким, но еще рабочим компьютерам. Несколько часов ушло на поиски отзывов в инфосети — маглечение не пользовалось популярностью по причине дороговизны. Вампирам сдать проще. Ник остановила свой выбор на больнице клана тигров — какой-то там святой Лалии. Пришлось опять ехать в больницу, подписывать кучу бумаг, соглашений, отказов от претензий и прочего. Заполучив счета для оплаты, Ник под вечер второго дня все же доползла до Общеокружного банка содействия и ознакомилась со своими доходами за эту осень. Сумма за Стюарда была невпечатляющей — всего-то тысяча, хотя Перес не знал о заклинании Молота, так что без учета него, заплатили ей как положено. За льды, как и говорил Лин, ей четко перевели сто пятьдесят тысяч. И еще непонятные десять тысяч перевели пару дней назад. Ник нахмурилась — неужели за Тамиора Перес раскошелился? Она передала клерку счета и стойко попрощалась с львиной долей денег — она никогда не страдала над ними, но сейчас ей нужно было заработать на Эми. Не только на аукцион — после него жизнь не остановится, Эми надо будет одевать, ей нужны будут собственные вещи и игрушки, книги и... Даааа, надо все же сжать зубы и купить хотя бы интерфон, про инфопланшет лучше пока не думать. Эми же придется в школу ходить, она должна учиться во втором или третьем классе. И, рогатые орки, Ник не знала — бесплатное ли тут младшешкольное образование. Решено — она разгромит зону двести шесть, сдаст соплеменников, если те мирно спят в курганах и купит все же интерфон. Полезная штука — и звонки, и доступ в инфосеть, и однако прибить кого можно точным ударом в висок — из-за алхимической батареи весили интерфоны прилично, не то, что малосильные интрафоны, которых большинству жителей округа за глаза хватало

— они же никогда не пересекали Границы. А потом тянуть до весны — в грачевник время оплаты налогов и расчетов со школой ловцов.

Глава 11. Поездка в Алисо

Лин пришел под конец второго дня, уже в темноте — притащил с собой коробку с пиццей, поражая Ник до глубины души — она как-то уже привыкла к тому, что он вечно приносит блинчики из ближайшего кафе.

Ник потащила коробку на кухню:

— Никаких разговоров о работе, пока не съедим это отчаянно вкусное произведение поварского искусства!

Лин рассмеялся:

— Как ты лихо пиццу обозвала. Может, сходим как-нибудь в ресторанчик? Любой. На твой выбор.

Ник, доставая тарелки и раскладывая пиццу, замахала у него перед носом указательным пальцем:

— Неа! Сперва — танцы.

— Ясно.

— И садись уже! — она проводила его взглядом — он дошел до раковины и помыл руки. Развернулся и... Зрение у него было отличное. Он увидел новый список.

— Ого.

Ник пояснила:

— Я решила сбросить планку. Перехожу на простых парней. Их, надеюсь, найти проще.

Лин вернулся за стол. Его немного ленивая, но такая уверенная походка всегда завораживала Ник — грация хищника, знающего, что в округе нет равных ему.

— Мне казалось, что у тебя нет проблем с принцами. Тот же Маки... — он предусмотрительно засунул в рот пиццу, чтобы не продолжать.

Ник пожала плечами:

— Маки умница, но я ветер, ты сам говорил, а Маки привязан к округу. Да и вряд ли его родня меня оценит по достоинству.

Лин наклонил голову на бок:

— Тогда рекомендую держаться от Форда подальше.

— Это ты из-за скандала с якобы моим побегом из-под венца? В газете не сообщали, как я вообще оказалась в мэрии в фате? Или как они поняли, что я рванула со свадьбы?

— Не обращай внимания, когда газетам нечего писать, они придумывают байки. А там совпало — инсайд от ирбисов, снятие с тебя метки и твое исчезновение. Вот газетчики и напридумывали.

Ник еле успела проглотить огромный кусок пиццы:

— Что за инсайд?

— Сперва миссис Форд, мать Маки была резко против тебя — думаешь, почему Маки добровольно пришел для снятия метки?

— Вот зараза симпатичная! А я думала, что он сам все осознал.

Лин не стал есть корочку от пиццы и теперь её методично крошил в тарелке.

— А после твоей знаменитой волны хаоса, миссис Форд осознала, какого мага они могут потерять...

— И Маки дали другой приказ.

— Правильно. Не думаю, что Маки насильно потащит тебя под венец, но теперь его

выбор весьма одобряют, и это может немного осложнить тебе жизнь, если ты решила оставить принцев в покое. А учитывая, что через два месяца грачевник... Все может осложниться еще сильнее... — Он отвлекся от корочки и поднял глаза на Ник. — Ты не думай — Маки хороший. Он очень умный, он занимается исследовательской деятельностью — изучает аномальные зоны и пути их рекультивации, тут вы вполне сочетаетесь, но он никогда не знал нужды, он всегда катался, как сыр в масле, он...

— Местный мажор — я поняла. Но он же воевал. У него есть шрамы.

— Это результат аварии — врезался на спорткаре в отбойник. Чудом выжил. Миссис Форд с тех пор его контролирует от и до. Почему, ты думаешь, он отсиживается в ледяной зоне?

— Яаяясно! — скривилась Ник. — Спасибо, что предупредил.

Ник засунула в рот последний кусок пиццы и вытерла масляные руки салфеткой. Лин при этом чуть нахмурился.

— Что-то не так? — Ник встала и бросила коробку в рециркулятор.

— Раньше ты никогда не пользовалась салфеткой, — тактично сказал Лин о её вечном облизывании пальцев, от которого её отучил Тамиор. Весьма быстро, действенно и больно. Во благо же! — И не бойся, я не буду спрашивать, чем же ты на самом деле занималась этой осенью. Жаль, что я такой плохой друг оказался.

Ник подошла и обняла его за плечи:

— Ты хороший друг. А Тамиора я убила сама. Справилась. Я же ловец. И давай-ка уже ближе к зоне двести шесть.

Она прошлась губами по его виску — не поцелуй, а просто прикосновение, ей поркски одиноко после Осени. Ей плохо без него. Ей отвратительно в одиночестве. Она села на соседний стул, положила свои руки на стол. Ладонь Лина тут же тепло накрыла её пальцы.

— Все точно хорошо?

— А как же! — бодро улыбнулась Ник.

— Тогда... Перес согласился взять тебя в зону. Оплата повременная, ставка обычная для ловца. Жилье, еда, оборудование, амулеты за счет округа. Премия за выход к холмам — тридцать тысяч. Премия за очистку зоны — пятьдесят. — Он достал из кармана крупный интерфон и вывел на экран договор. — Прочитай и оставь свой отпечаток пальца. Я тебе потом скину на твой номер.

Ник рассмеялась:

— Изящная попытка взять номерок, но увы. У меня нет ни интерфона, ни интры. Скинешь по почте на мое имя в Общеокружной банк. — Она пробежалась глазами по вполне стандартному договору и оставила отпечаток пальца. — Держи! А ничего у тебя интер — легкий.

— Новая разработка фейри. Для военных и стражей.

— Ааа... Что-то еще я должна знать?

— Выезд завтра в восемь утра. В сторону Алисо очень плохие дороги. Реально плохие. Я не советую отправляться туда на твоём автодоме — только угробишь подвеску. Поедешь с нами? Даже капсулу можем предоставить. Хотя туда ехать не более шести часов.

— Эм... — она прикусила губу. Ник никогда не расставалась с домом. Лин снова провел пальцем по её губе, как в прошлый раз:

— Не надо. Не закусывай...

Она лишь кивнула. Лин продолжил:

— В Алисо холодно —хвати теплые вещи. Лекарства, еду, средства гигиены и прочее — не надо, все предоставляется.

— И даже шоколад?

— И даже шоколадки. Если вопросов нет, то я пойду — поздно, а тебе надо собираться.

Так... — Он встал и привычно взъерошил волосы, — мне заехать за тобой завтра?

— Заедь, — кивнула Ник. Она думала, что Лин забыл о покрошенной в хлам корочке пиццы, но он быстро собрал в ладонь крошки и забросил их в рот.

— До завтра... — сказал он уже на крыльце.

— До завтра, — тихо сказала Ник, закрывая за ним дверь и прислоняясь к ней. Забыть Осень хотелось отчаянно. Но в праве ли она портить Лину жизнь, не обещая ничего взамен? Хотя и Осень ей ничего не обещал. И она ему.

Утро было привычно ранним и холодным. И сонным. Жаль, что участок стражей находился так рядом, Ник даже задремать не успела, пока Лин подвозил её.

На площади Лип уже было много... пусть будет —людно, Ник уже почти привыкла, что многие, с кем столкнула её жизнь в Либорайо — люди.

Стояли уже знакомые грузовики с доспехами, командный пункт, машины сопровождения и броневедомобиль стражей. Он потрясал размерами: высокий — каждое колесо чуть ли не с саму Ник, длинный, четырехосный, с хищной мордой тигра на кабине и затемненными узкими окнами с амулетами по центру бронестекла.

— Однако... — пробормотала Ник. Мимо неё шмыгнул слишком подозрительно улыбающийся Жердь:

— Подкинуть, малышка? — он ей даже подмигнул.

— А блокиратор в зад? — ласково предложил ему Ульв — штатный медик. Он плечом оттер в сторону Жердя, забираясь в полутьму салона.

Лин кулаком пригрозил вильнувшему задом, словно стриптизер, Жердю. Ник даже словами поперхнулась, не ожидая такого от обычно спокойного оборотня.

— Не обращай внимания, — сказал Лин, забирая из рук Ник сумку с вещами, чтобы девушке было удобнее забираться по вертикальным ступенькам в виде скоб. — Перебесится через пару дней.

Ник нахмурилась, не уточняя, то ли это «перебесится», как она поняла. Гон у тигриных начинался непредсказуемо в снежень — вьюговей. Хорошо, что по реакции Ульва, было ясно — блокираторы тестостерона тут в ходу. Бешенный Жердь, который был выше даже Линдро, тут не грозил. Вот с этой стороной жизни парней Ник как-то знакомиться не хотелось. Особенно с Лином... Маки как-то проще — этот кошак вечно был готов на подвиги. А вот видеть бешеного Лина до колик в животе не хотелось, тем более останавливать его.

«Рогатые орки, куда я ввязалась!» — выругалась про себя Ник. Она с трудом забиралась по лестнице, уговаривая себя, что это не высота, что лететь недалеко, что Лин её поймает в любом случае. Только тошноте не прикажешь. Хорошо, что Лин, забросив её сумку себе на плечо, вдогонку к своему рюкзаку, поднимался за ней следом — его руки были с двух сторон от Ник, страхуя. Он даже прошептал ей в ухо, когда она чуть застопорилась в попытке унять тошноту:

— Все хорошо, Ник. Дыши глубже. И не бойся — санитарный отсек тут тоже есть.

— Уутешил...

— На руки взять?

Она закачала головой:

— Ты меня сейчас не отцепишь от перил — я же орать буду. А мне потом порчу казенного имущества припишут в виде оторванных перил. Я как-нибудь сама.

В салон, где подсветка шла лишь по полу, чтобы не мешать желавшим досмотреть последние сны, она вошла на чуть сгибающихся ногах. Хорошо, что в полутьме почти была не видна её бледность. Или парни были слишком воспитаны. Жердь, кстати, уже спал, остальные забрасывали свои вещи на полки и устраивались поудобнее. Ник осмотрелась — вдоль окон шло два ряда кресел-трансформеров, по два с каждой стороны. Всего двадцать штук — шесть для отряда, двенадцать для техников, два... Видимо, из-за Ник добавили. Вся задняя стена была занята громоздкими индивидуальными капсулами для сна. Интересно, элитный мистер Перес поедет вместе с ними, судя по количеству мест, или в командном пункте? Или на своей собственной машине с девочками, бассейном и игристым вином. И Джонсом за рулем. Хотя нет, Джонса сюда не возьмут.

Она села в кресло наискосок от Жерди — не хотелось лишний раз даже пересекаться с этим оборотнем. Лин забросил её сумку на полку и вежливо уточнил:

— Могу я присесть рядом, Ник?

— Конечно, Лин! — она повесила свою куртку на крючок, разулась и с ногами забралась в кресло-трансформер, тут же принявшееся перестраиваться под неё — было немного неприятно, когда что-то проваливалось то под ногами, то под спиной, а потом мягко обхватывало.

Лин протянул ей плед:

— Укрыть?

— Почему бы и нет. — согласилась Ник, собираясь всю дорогу спать. И тут... Зашел последний пассажир. Осе... Мистер Джонс собственной персоной. В легких джинсах водолазке и кроссовках. Зимой. В холода. В предновогодние, мать их за ногу, холода. В руках у него была небольшая сумка, Ник уже знала — этот... Эта... Короче, в дорогу он брал минимум, смену белья, да комбинезон. Или что-то подобное.

Ник не удержалась и громко сказала:

— А вот и сам мистер Элитная Элита!

— Мисс Доу, — мягко сказал он, проходя в конец салона и выбирая пустое место в заднем ряду, — завидуйте молча.

— Мистер Элита, вам не кажется, что вам давно пора сменить свой позывной? Элитнее Элиты в качестве позывного сложно что-то найти. — Она даже выпрямилась в кресле, рассматривая Джонса. Тот сел, прижимая свою тощую сумку к себе.

— Йееее! — отозвался Жердь, — даешь новую кликуху Генералу. Помидор!

— Поганка! — предложил Утес, тут же уточняя. — Бледная.

— Длинно, — возразил Кедр.

— Коротышка! — снова влез Жердь. — Мистер Коротышка.

Лин все же вмешался:

— Прекратили. А то я тебя, Жердь, переименую. Догадаешься в кого?

— Неа, — развязано отозвался тот, подтверждая все догадки Ник о гоне.

— Ты не жердь, ты тонкий Глист.

Утес фыркнул:

— Кличка не про него. Лист-Глист. Не боишься, кэп, им оказаться? Глистопад —

звучит мощно! А Жердь у нас...

— А Жердь у нас — Жердь. А мисс Ловец — мисс Песе... — заткнулся Диез вовремя, впрочем, не по своей воле — Джонс ударом кулака проломил спинку кресла, четко ударяя в поясницу взывшего от боли оборотня:

— А мисс Доу у нас Ловец и только. Кто решил взять на зачистку невменяемого оборотня?

— Это мое решение, — четко сказал Линдро. — И все, со сменой позывных завязали.

Джонс подтвердил:

— Согласен, а то слишком многие узнают о себе неприятную правду... И... Мне нравится, как мисс Доу произносит «Элита». С придыханием. Пусть будет этот позывной.

Ник мысленно вскинула кулак вверх — ура! Ненавистному, унижительному прозвищу «Генерал» конец.

Она обернулась на Осень и подмигнула ему. Он равнодушно отвернулся к окну.

Лин приказал напоследок:

— Жердь, топай в капсулу, и чтобы до прибытия в Алисо я тебя не видел и не слышал. Мистер Джонс, ремонт кресла вычтут из ваших призовых.

Почти всю дорогу Ник дремала. Вздрагивала, когда внедорожник взбрыкивал на дороге. Смотрела в темноту на сидящего рядом Линдро, в отсветах от планшета в руках — он что-то снова и снова просматривал на нем, делая пометки, водил пальцем по виску вдоль короткого шрама, лохматил волосы, прикусывал губу, вновь прокручивая записи с камер стражей. Она засыпала, мерно укачиваемая ездой. Снова просыпалась — от того, что Лин поправлял мимоходом сползающий плед. И вновь дремала.

В полдень её разбудили — броневтомобиль остановился, запуская стюардов с обедом. Лин уточнил у Ник:

— Что тебе взять? С мясом или птицей?

— С шоколадом, — сонно сказала Ник, присаживаясь и выдергивая из подлокотника столик.

Лин понятно полез в карман куртки, доставая шоколадную плитку.

— Обмаанщик, — рассмеялась Ник.

— Так птица или мясо?

— Мясо, — выбрала Ник. — Надеюсь, оно уже убитое и не дергается.

Утес фыркнул с переднего сиденья:

— Оно уже прожаренное даже. И о пощаде не молит.

Ник бросила косой взгляд на Джонса — тот отгородился от всех наушниками и смотрел в окно. Ему паек не положен.

Лин уже дернул амулет разогрева с коробки и поставил еду перед Ник:

— Приятного аппетита.

— Угу... — вздохнула Ник, первым делом занимаясь шоколадкой. Интересно, страдает ли поварская гордость от того, что не в состоянии попробовать плоды своей готовки. Даже не так — повар, не повар — неважно. Плохо ли влюбленному в свою профессию человеку, лишаясь её? Ник свою работу не любила, но выполняла. А Джонс? У него же замечательно получалось. Он, поди, и в кулинарных шоу участвовал — не просто же так он сковородкой умел жонглировать. А сейчас едет куда-то в зону, где ему не место, воевать с тем, до чего ему никогда не было дела. А... Взгляд упал на Линдро, быстро прикончившего свою порцию еды. Лин любит свою профессию? Хотя он бы иначе не пошел в стражи. Он

же оборотень, у них тяга к боям и преодолению в крови... Или у него был выбор? А если был — кем бы он стал? Выбрал ли как Джонс что-то мирное?

— Ник, все хорошо? — Лин внимательно смотрел на неё, кажется, ему большого труда стоило не обернуться, проверяя куда на самом деле периодически бросает взгляды Ник.

— Все хорошо. — она утащила из коробки толстый панкейк, засунула себе в рот и легла обратно в кресло.

— Ясно — укрыть и не будить. Спи. — пальцы Лина поправили напольную на лицо Ник прядку. Машинально. Мимоходом.

Она отвернулась к стене.

В Алисо приехали после двух часов дня. Стражи и техники потягивались, зевали, разминали затекшие спины, доставали свои вещмешки. Ник обулась и вздохнула, оценивая высоту полки для вещей. Лин понятливо достал ей сумку:

— Держи.

Джонс, подходя к их креслам, не удержался:

— Девочки — такие девочки!

Ник улыбнулась — кажется, ему понравилось с ней пикироваться:

— Как там было — завидуйте молча, мистер Коротышка? Или, ой, мистер Элита.

— Было бы чему завидовать. — Он жестом указал в сторону двери, мол, только после вас... Лин качнул головой, явно осуждая их с Ник склоки и пошел первым, за ним потянулась Ник, замирая у лестницы. Парни легко её преодолевали — кто просто спрыгивал, кто съезжал, держась руками за перила. Лин предпочел медленно сойти. Если он думал, что так помогает Ник, то ошибся. Ей хотелось одного — остаться тут и не позориться, сползая по лестнице. «Рогатые орки, я пройду лечение у психов, я буду заниматься в спортзале, только сейчас можно я останусь тут?!» — небеса и орки ей не внемли. Со спины чья-то рука легко надвинула ей на уши наушники и врубила музыку.

Лин снизу подбодрил:

— Прыгай, я поймаю...

Она кивнула и... Легко взявшись за перила, съехала по ним, не пользуясь ногами. Лин понятливо сдернул с неё наушники, возвращая их Джонсу.

— Благодарю.

Джонс пожал плечами:

— Ничего страшного — берите на вооружение. Наушники и блинчики — великая двигательная сила одной медлительной человеческой девушки. А теперь простите, мистер Перес ждет. Вас до вечера трогать не будут. Мистер Перес назначил выход на пять вечера — как только стемнеет. Хочет сам проконтролировать — на что вы гробите ультры. Так что располагайтесь, отдыхайте, ужинайте. Встретимся вечером.

Он пошел прочь, по-прежнему не прикрываясь от солнца. Хорошо еще, что оно было низкое, зимнее. Ник провожала его взглядом вплоть до командного пункта. Лин кашлянул, привлекая внимание Ник.

— Эм... Мне нужно что-то знать о Джонсе?

Она передернула плечами:

— Нет. Все хорошо. Пойдем, показывай — где будем жить.

Лин указал на приземистое двухэтажное здание, возле которого и остановился броневедомобиль.

— Собственно, вот тут. Общежитие местного колледжа, нам его освободили на время.

Пойдем, покажу...

Туда уже тянулась целая очередь из техников и обслуживающего персонала.

Глава 12. Разведка

Ник выделили жилье на втором этаже. Это была небольшая комната, в которой еле умещались кровать, стол для занятий и небольшой санузел. Наличие последнего обрадовало Ник несусветно — не хотелось сталкиваться с оборотнями в общей душевой. Да вообще ни с кем сталкиваться в душевой не хотелось. Ей когда-то хватило приюта и школы ловцов. Она бросила свои вещи на кровать и почти вприпрыжку, пока её не остановили, понеслась на улицу — в сторону зоны. Хотелось самой посмотреть, прежде чем туда кто-то сунется и потревожит магию. Иногда это было решающим фактором для обследования — успеть первой, пока стражи не наворотили своего. Потом замахаешься определять, что было изначально, а что сотворили неумехи-стражи. Седьмой отряд к неумехам не относился, но в прошлый раз тут вроде Третий и Пятый отряды еще веселились. Этих она не знала.

Жаль, опередить кого-то столь же любопытного она не успела. Страж, проверяющий пропуска в зону, настойчиво повел её внутрь поста с темными, затененными при помощи магии окнами.

— Вас ждут, мисс Доу.

Ждали её, как оказалось, Джонс и Перес. Старший вампир задумчиво настраивал на большом армейском инфопланшете карту, пока Джонс осматривал зону через окно.

Перес оторвался от планшета, выпрямился и поздоровался:

— Доброго дня, мисс Доу. Рад вас приветствовать. Вся зона перед вами — взрывайте, призывайте хаос, покрывайте льдом, уничтожайте, в общем делайте все, что обычно. Сохраните только две высоты. — Он ткнул пальцем в экран планшета. — Высота тридцать один и сорок пять. Видите?

Джонс молча протянул Ник бинокль — сам он им не пользовался, захватил, видимо, именно для неё. Остальные-то вокруг нелюди с острым зрением.

Когда Ник поднесла окуляры к глазам, Джонс рукой указал ей на нужные холмы:

— Вот там и там... Посредине высота семьдесят нас не интересует — форма нехарактерная для Холма фейри.

Ник посмотрела в сторону плавного изгиба реки:

— Меня, если честно, больше волнует берег. Я хочу пройтись по нему — там больше вероятность повреждения какого-нибудь могильника. Ваши высоты могут подождать?

Перес чуть нахмурился:

— Вы весьма самонадеянная девушка. Где бы вы ни были этой осенью, вы не изменились. Гордость, самоуверенность и напор... Странные качества для девушки, вам не кажется?

Ник холодно сказала:

— Нет.

— Тогда только одно замечание — холмы вперед. Река подождет.

Она пожала плечами:

— Выход назначен в пять. До этого времени я свободна. Правильно?

Перес кивнул, подтверждая:

— Правильно. Только оплаты не ждите за это время.

Ник выпорхнула из помещения — вампир не последует за ней на солнце, так что спор прекратится сам по себе.

За ней вышел Джонс, направляясь в сторону зоны. Перес, стоя под навесом в незакрытых дверях и пряча глаза за солнцезащитными очками, не удержался:

— Не знаете, почему люди так неблагодарны? Им сколько не давай — все покалечиться хотят. Все неповиновение проявить желают, хоть знают — под кровью ходят. Знают, что остановят, но ведь раз за разом выделяются и пробуют границы.

Ник пожалала плечами, осматривая местность. Если тут и были неделю назад взрывы и столбы пламени, то сейчас снег все скрыл под сугробами. Унылая, почти плоская местность, заросшая ивами. Даже остатков деревни ткачей видно не было — десять лет наводнений разрушили всё. Может, видно будет только фундаменты от домов, когда сойдет снег. Холмы, столь дорогие сердцу Переса, были далеко на восток. Река, сейчас скованная льдами, текла на северной стороне, делая широкую петлю у подножия невысоких гор.

— Значит, даете не то, раз ваши эээ...

— Подопечные, — подсказал Перес.

— Пусть будут подопечные, — легко согласилась Ник, — пробуют вас на прочность.

— Жизнь, здоровье, деньги, жилье, работа, престиж — этого мало?

— Свободу предложить не пробовали? — спросила Ник, наблюдая, как медленно шагнул Джонс с безопасной асфальтовой дорожки на землю зоны.

— Представляете — пробовали. Не я, предки. Закончилось плачевно — такие вот, как Джонс, новообращенные посчитали себя венцами природы и пытались стать господами в обход нас.

— И что же вас тогда больше задело?

— Бессмысленный перевод кормовой базы. Что же еще.

Джонс тем временем осторожно прошел ярдов пять, замирая, прислушиваясь и снова плавно шагая. Ник размеренно вдыхала воздух, пропахших смертью, усталостью, болью, легким зудливым желанием отомстить. Так пахли почти все места сражений. Она к этому привыкла. Опасности не было — Ник не ощущала ничего тревожного. И огненный взрыв, от которого Джонс ушел перекатом через плечо, был для неё неожиданностью:

— Тут же безопасно... — прошептала она.

Перес возразил:

— Уже нет.

Ник обернулась к нему — он так и стоял в дверях, боясь попасть даже под отраженный от асфальта свет:

— Безопасно.

Перес ткнул пальцем в кожаной перчатке в сторону Джонса:

— Ему скажите.

Ник быстро развернулась и тут же бросила боевой знак, направляя хищное пламя, опять вырвавшееся из-под земли, в сторону. Джонс скрипнул зубами — ему взрывом задело ногу. Перес громко сказал:

— Возвращайся! Видимо, без ультр тут действительно никак.

Джонс, прихрамывая на обожжённую ногу, вернулся на пост, тут же вкалывая себе шприц с лекарством, поданный Пересом. Ник лишь оставалось надеяться, что там обезболивающее.

Перес, сложив руки на груди и опираясь спиной на дверной проем, заметил:

— А вы изменились, мисс Доу. Стали пользоваться боевыми знаками. До этого предпочитали прямой контакт.

— Я бы не успела добежать, только и всего. Бег — не мой конек.

— Я заметил. — Перес перевел взгляд на Джонса и скомандовал: — Брендон, возвращайся в общежитие. Свободен до пяти вечера. Никаких дурацких романтических прогулок под солнцем.

Тот хмуро кивнул и пошел прочь, стараясь не хромать.

Ник проводила его задумчивым взглядом:

— До вечера, мистер Коротышка.

Джонс обернулся:

— До вечера, мисс Песец. Маленький, беленький, пушистый зверек, конечно же, а не то, что вы подумали.

Ник отвернулась от него, мимоходом замечая, как побелел и хищно клацнул зубами от ярости Перес. Рука у Ник сама дернулась, проверяя кинжал — ему она доверяла больше, чем боевым знакам.

Она, заставляя себя идти спиной к вампиру, подошла к концу небольшой дорожки и легко спрыгнула с асфальта в сугроб — просто так!

Перес повторно клацнул зубами:

— Мисс Доу, может, не стоит столь явно красоваться?

Ник прошлась по снегу, утаптывая его. Дошла до опаленной от пламени земли, там, где был первый взрыв.

— Безопасно. Абсолютно.

Она развернулась, раскидывая руки в стороны:

— Абсолютно безопасно.

— Вернитесь.

Джонс перестал хромать и настороженно остановился. Рядом с ним возник Росси, прямо-таки источая гнев. Голос, обычно спокойный, Ник сперва и не узнала — Лин буквально рычал, выплевывая из себя каждое слово:

— Что. Тут. Происходит?

Ник, не ожидая от него такой странной реакции, продолжала шагать спиной назад:

— Изучаю зону. Это моя работа, меня для этого и наняли...

— Мисс Доу! Кто вам дал право на заход в зону?! — Лин сам на себя не походил — жилы на шее вздулись, он побелел, глаза прищурил и, кажется, был в шаге от оборота.

Ник выпрямилась:

— Я ловец. Я имею право находиться в зоне. Я имею право сама обследовать её, Росси. — Сейчас было не самое удачное время обращаться к нему по имени.

— Назад! — прорычал он.

Ник качнула головой и дошла до следующей точки взрыва:

— Ты мне не указ. — такой неожиданный Росси её напугал. — Ты не командуешь мной. И тут совершенно безопасно. Видишь? — она наклонилась и собрала снег в ладонь, помяла его и сделала снежок.

Джонс тихо прошептал:

— Неверный ответ...

Лин чуть подался вперед, беря голос под контроль:

— Ник... Пожалуйста...

Она уперлась:

— Тут безопасно!

Росси что-то прошептал про кретинов и детей, так что Ник не поняла — в какую категорию её саму занесли, и стал странно заваливаться вперед. Перес резко скомандовал:

— Джонс, Росси — вон отсюда! Мисс Доу — сейчас же сюда, если хотите и дальше продолжать работать в этой зоне!

Она с силой запустила снежок в стену поста и пошла в сторону Переса:

— Что. Я. Сделала. Не. Так?

Перес бросил косой взгляд на Росси и Джонса:

— Повторяю последний раз — вон! Я сам поговорю с мисс Доу.

Мужчины, хмуро переглядываясь, пошли прочь. Росси был явно недоволен. Это чувствовалось даже со спины. Руки его ходили ходуном, а пальцы то и дело сжимались в кулаки. За завесой Границы, которую пересекли мужчины, не было видно — пошли они дальше, или остановились у поста.

Ник замерла перед вампиром, демонстративно доставая кинжал из ножен:

— Слушаю. — вины за собой она не чувствовала. Угрозы не было. Кроме вампира и неожиданно странно среагировавшего Росси.

— Во-первых... — Перес все же взял себя в руки и перестал сиять полностью алыми глазами. — Никогда больше не называйте Джонса коротышкой. Вы не видели, что от него осталось после войны... У вас нет права так издеваться над ним. Ни-ка-ко-го. Даже из-за вашего происхождения.

Ник хотелось сказать, что разве у Переса есть такое право? Но это было опасно.

— А, во-вторых, я уже вас просил — не делайте из Линдро прикроватный коврик. Если он что-то попросил — попытайтесь это выполнить, а не изображать поруганное достоинство.

— Я не...

— Прекратите! — рыкнул Перес. — Сейчас вы перегнули палку. Вы вновь и вновь его унижаете и ставите раз за разом в неудобные ситуации. Я понимаю, вы считаете свой возраст оправданием, но это не так. Вот сейчас — что это было? Желание утереть нос во что бы то ни стало?

— Вы ошибаетесь. — она старалась сказать холодно, но не слишком получилось — голос чуть сел.

— Вы хоть понимаете, что в тот момент, когда вы уверяли, что все безопасно, чувствовал Линдро? Он знал — Джонс ранен. Тут. Сейчас. В зоне. Он знал — я не выйду на солнце и не остановлю вас. Он знал, что там, куда вы столь безрассудно пошли, он чуть не сдох. В ультре, прошу заметить. Он чуть не поджарился в ультре, а вы такая вся красивая и воздушная поперлись туда несмотря на его просьбы остановиться. Случись что с вами — покачались вы, упали, подверни ногу, а не только полыхни пламенем — он рванул бы вам на помощь без защиты и ультры. Вы понимаете, как хреново чувствовал себя в этот момент Линдро? Он был на грани оборота! Он же пытается вас только защитить. И не надо говорить, что вы не нуждаетесь в охране. Вы даже не представляете, по какому лезвию ножа вы ходите все это время. Вы даже не представляете, что чувствует Линдро от бессилия вас защитить. Вы же о нем ничего не знаете и знать не хотите. А ведь самое смешное — вы с ним чертовски похожи. И вы — Никто, и он — никто. И вас не должно быть в этом мире, и его тоже. Он же лигр. Вы хоть что-то знаете о лиграх? Вы хоть что-то знаете о самом Линдро, кроме того, что его легко ставить на место, пользуясь его происхождением?

— Не стоит так говорить! Я уважаю Лина. Он мой друг.

— Поверьте, я с вышины своего опыта могу говорить именно то, что говорю. А происхождение позволяет и не такое говорить некоторым непонимающим... Лин — никто. Он это прекрасно знает и без ваших напоминаний. Он знает, он вам не указ. Его отец отказался от него сразу после рождения. Его папаша-лев думал, что будет плодить прекрасных, сильных лигриц, которые в свою очередь тоже будут рожать лилигриц и так далее лилили-сколь хотите. Но родился Линдро — бесплодный гибрид, не смеющий ни на что претендовать — альфа по характеру и омега по положению. Отец отказался от Линдро, прайд отказался от Линдро, мать ушла в кочевники. Знаете второе название кочевников? Изгой. Те, кого выгнали из клана, прайда, стаи — как хотите назовите. Родному клану мать Лина тоже не была нужна — в свое время ради льва она слишком громко хлопнула дверью. Только лев оказался блохастый. Она могла бросить Лина — среди оборотней это не осуждается. Вы же видели, что делает улица с детьми?

— Я видела военные и послевоенные улицы... И не надо мне рассказывать... — Ник хотела сказать Пересу, что сама обещала не лезть в прошлое Лина, но тот рыкнул и снова сверкнул глазами:

— Поверьте, гетто было ничем не лучше военных улиц. И я буду рассказывать — мне надоело ваше поведение, мисс... Даже оборотень-ребенок на улицах — прежде всего ребенок. Он точно так же умирает от голода, холода, от кишечных инфекций и плохих людей. И, поверьте, два оборотня, из которых одна молодая мать без денег, связей и клана, а второй — всего лишь малыш, на улицах страдают не меньше. Она не сдавалась, искала новые кланы, где могли её принять. Только при правлении людей перемещение из гетто в гетто было сильно затруднено. А за пребывание вне гетто — тюрьма. Или ловец, а там как уж повезет малышу — или все же кинут в гетто, или в виварий при школе ловцов. Поверьте, жить было весело. Только когда Лину исполнилось десять, когда он стал силен и заметен среди своих одногодок и не только, его мать взяли в клан тигров гетто Третьего округа. И из года в год Лин доказывал свое право находиться в клане. Это сейчас — машины, деньги, клубы — мать нашла себе пару среди тигров. Это сейчас он Десятый среди тигров. А начинал с низов. Он горой стоит за мать — помнит, что не бросила, помнит, что выходила несмотря ни на что. Он горой стоит за её детей, своих единоутробных сестер, обеспечивая им в стае высокий статус, пока они еще несовершеннолетние. Но он всегда знает и помнит — он никто. Он всегда должен поддерживать свой авторитет и свое положение. А вы его унижаете. Напоминаете, что он омега — тот, кто получает еду последним, тот, кто последним приходит к водопою, тот, кому не положены женщины и прочее. Он помнит это и без вас — поверьте мне. Не унижайте его, мисс «Я умею это круче тебя». Это все, что я прошу.

— Я никогда не унижала его. Если сейчас и получилось...

Перес зло оборвал её:

— А как же ваше: «Держитесь за моей спиной!», «Продолжайте, воюйте, а я пойду воевать сама!»? Или как там было? А как же открытое забрало во льдах — прямой приказ, который вы проигнорировали на глазах всей его команды? Как же снятые перчатки? Как же выход из доспеха? А ведь Лин просил этого не делать — вся команда слышала ваши ответы, мисс всемогущая всезнайка. А как же его просьба всего лишь задержать волну, а не крушить берега сразу трех округов? Мне дальше вспоминать — сколько раз вы осаживали его, и он подчинялся вам, вспоминая, что рожден омегой? Что, сколько не воюй, сколько не доказывай свой статус — ты рожден омегой, и это все помнят? А некоторые вроде вас еще и

напомнят. И поковыряют в ране.

Ник выпрямилась:

— Я не считаю его омегой. Я прежде всего считаю его человеком и профессионалом. И он тоже считает меня профессионалом. Он доверяет мне.

— Прежде всего он гордый мужчина из изгоев. Это нужно помнить всегда. Потому что окружающие по-своему воспринимают оборотня, позволяющего помыкать собой девчонке с бантиком на хвостике. Если вам Лин не нужен — сделайте доброе дело, так ему и скажите. Отойдите в сторону. Не помыкайте им. Не осаживайте его. Прекратите свое: я знаю и делаю это лучше тебя, здорового лба, вынужденного раз за разом смиряться, ты тут сдох, а я пройду! Просто поймите — он чуть другой, он вырос в нищете, он был вынужден доказывать всем свое право на жизнь. Само право на существование — самый сильный хищник на планете, и вот насмешка природы — он никто, пока не выгрызает себе место под солнцем. Пожалуйста, чуть усмирите свой норю — он не собирается с вами воевать, он не собирается вас подчинять или ломать. Просто проявите уважение, которое требуете к себе. Поверьте, я, как человек с большим опытом...

Ник не удержалась от замечания:

— Проблема в том, что вы не человек.

— О, не надо затевать это дурацкий спор — что есть человек.

— Вы вампир.

— А вы всего лишь... людь. Человек — это не руки-ноги-голова-умение есть все подряд и стоять на солнце. Человек — это немного чуть больше, это совесть, мораль, принципы, милосердие. То, что совершенно точно есть у меня. Поверьте, мы все — вампиры, люди, оборотни — неудачные ветви эволюции. Она не успела с нами. Мы слишком быстро поумнели и стали сопротивляться. Люди — самая никчемная ветвь: слабая, короткоживущая, ни силы оборотней, ни скорости вампиров, зато вы самые плодовитые, самые распространенные, самые доверчивые. Вампиры — мы быстрые, мы почти бессмертные, у нас дикая регенерация, но мы сидим на монодиете и лишены защиты от солнечного света. Мы на нем сгораем. Оборотни — сильные, с хорошей регенерацией, но мясоеды и дико подчинены солнечным и лунным циклам. Задержитесь тут до грачевника — интересное зрелище вам будет гарантировано, тут полно ирбисов, которые жестко привязаны к солнечной активности. А теперь представьте на минутку, что на самом деле хотела получить природа? Что задумала эволюция, и что мы проворонили? Плодовитый человек без привязки к циклам природы, без привязки к крови, со скоростью вампиров, с нашей регенерацией и силой оборотней, с их выживаемостью в дикой природе... И чем там еще оборотни одарены? Это будет...

— Идеальный человек. — подтвердила Ник, убирая кинжал прочь. Накал беседы прошел.

— Именно.

— Вы не упоминаете фейри — еще одну ветвь... Человечества.

— О, низшие фейри — тупик эволюции, там от человечества мало что осталось. Чаще всего мы даже не способны с ними скрещиваться. А высшие фейри — лорды и леди до некоторого времени предпочитали вообще избегать любых гибридов. Вы первая — уж поверьте. Пятый век на Земле, и вы первая полукровка за все это время. Первая, кого лорды выкинули сюда для продолжения странных дел эволюции.

Ник вспыхнула:

— Я человек!

Перес безапелляционно сказал:

— Вы леди Холма. И даже не будь генетической карты, о которой, кстати, знаем только я, Джонс и вы...

Ник возразила:

— А как же медик?

— Он уже не помнит, но он жив. Поверьте на слово. Не будь у вас изъяна... Ваших ушей, хоть я ставил все же на хвост...

— Вы — что? — опешила Ник, вспоминая, сколько времени она валялась в больнице без сознания, и всякие Пересы могли лапать её...

Перес усмехнулся, заметив её отвращение:

— Успокойтесь, вас осматривал врач, я не настолько любопытен. Не будь у вас безумной тяги к танцам, не будь у вас задатков быть честной, как леди, то ваш характер все равно выдает вас с головой. Вы спесивы, самолюбивы и самоуверенны. Хотя кажется, я это уже говорил вам сегодня.

— Я не...

— Вспомните Линдро. Вспомните, сколько раз вы его принижали. Сколько раз вы шли напролом. А ведь он почти сразу понял — кто вы. Бокалу в клубе тогда сильно не поздоровилось, когда он понял, кто вы. И что вы себя выдали.

— И кто же я? — Ник сложила руки на груди в защитном жесте.

— Вы? Вы будущая Ева. Хотя я надеюсь, что у вас хватит мозгов это скрыть, усмиряя свою спесь леди. Убил бы собственными руками того, кто выбросил вас в большой мир под небеса. Таких, как вы, никогда не было... Эксперименты ирбисов и тигров по созданию новой расы людей-оборотней в Либорайо идут во всю. Представляете, что вас ждет, когда Первые из тигров и ирбисов узнают: кто вы на самом деле? Лин это понял. И самое главное, может, вы еще не осознали, что во всем назревающем вокруг вас кошмаре, вы можете доверять только Лину. Он единственное во всем мире незаинтересованное лицо. Он гибрид, он стерилен. Вы можете доверять только ему. Остальные: вампиры, люди, оборотни — будут рваться в вашу постель только из-за уникального потомства. Как, например, Маки...

— Надеюсь, что вы ошибаетесь. — перспектива испугала Ник.

— Если бы. Я вас даже ледяному лорду готов был спихнуть, чтобы он вернул вас в Холмы, лишь бы вы избежали участи Евы и экспериментов. Мне казалось, что добрый профессор, преподававший в академии студентам-людям, сможет вас защитить. Но лорды всегда лорды даже по отношению к леди. Если вы не удержите свой секрет, что вы полукровка, вас не выпустят из лабораторий. И тут уж или Лин, или Холмы. Иных, кому можно доверить вашу жизнь, я не вижу.

— Лин... Вы думаете... Он знает?

— О том, что вы Ева? О том, что вас подкинули людям для экспериментов? О том, что на вас стоит магический блок, делающей вас неуклюжей, боявшейся высоты, легко устающей, настолько сильный блок, что первый год после его установки вы, скорее всего, даже ходить не могли? — он заметил удивление в глазах Ник — такие подробности о себе она никому не рассказывала. — И нет, в больнице о нем уже не помнят, и снимать его я запретил. Мне только разборки с Евой не хватало на территории округа. Боюсь, что Линдро знает — он умный парень, хоть и предпочитает это скрывать. Хотя про блок, может, и не догадывается...

— Он специально предложил... дружбу?

— Он прежде всего страж, мисс Доу. Но и парень, хоть и гибрид. Не стоит это забывать.

А вы, при всей своей кукольной спеси, красивы... Но смею уверить — среди всех ваших ухажёров, настоящих, будущих ли, только его нельзя подозревать в корысти. Он уникальный. Он единственный, как и вы. И потому возвращаясь к началу нашей беседы — умерьте свое самомнение, уймите гонор, уважайте Лина. Он мой друг. И не смотрите так — я знаю, что он обо мне говорит. Я, действительно, люблю учить девочек. Некоторым, как вы, например, это очень требуется, если не хотите на всю жизнь оказаться привязанной к койке в акушерском отделении. А жизнь у леди бесконечная.

— Вы...

— После того, что мы друг другу наговорили, можете смело обращаться ко мне по имени — Мигель. И вы не заплакали — даже не знаю, бояться мне за Лина или нет.

— Я никогда не хотела обидеть его специально.

— Хорошо. Тогда спрячьте всю фейскость за магическим блоком и воспитанием, и будет вам счастье — Лин не тот, кто позволит ставить над вами эксперименты. Он самый крупный хищник на земле. Он самый сильный оборотень. И самый воспитанный. И самый терпеливый.

— Вы умеете воспевать.

— Он мой друг. А вы его сегодня сильно задели. Хуже — вы его напугали до оборота. Он терпеть не может свою вторую ипостась и не превращается в лигра даже под угрозой жизни. Будьте чуть менее напористой. И чуть более доверчивой. — Он скривился. — Однако, какой разговор получился. Я думал подготовить вас к нему, но вы лихо оттоптали две мои больные точки — Джонс и Росси. Не будьте фейри. Будьте человеком — всем станет проще. И мне, и Джонсу, и Линдро. И миру станет легче, пусть идет пятый век от катастрофы, гуманизм только-только появился, как понятие... А уж как вам станет легче...

Глава 13. Разговоры по душам

Ник медленно перешла Границу. Марево скрыло злого Переса, которому теперь до самой темноты сидеть на посту, пугая дежурного стража, а вот снежная, тоскливая равнина с далекой рекой почти не изменилась с этой стороны Границы. Только вне зависимости, где Ник ни находилась, безнадёгой воняло одинаково. Может, в городке даже сильнее, чем в зоне, и это озадачивало.

Ник прикусила губу — Лин, смиренно сидевший на скамье в небольшом парке, даже отвернулся — то ли прикушенная губа его смутила, то ли сама Ник бесила. Ос... Джонс же стоял, подпирая стену общежития. С обожженной на солнце кожей, с быстро затягивающимся ожогом на ноге и в половине джинсов — одна штанина превратилась практически в шорты, сгорев в зоне. Там, где безопасно. Рядом, с другой стороны от крыльца общежития, стояли парни — Утес и Кедр. Они тихо о чем-то переговаривались, попивая тоник или что у них было в бутылках. Пить крепкие напитки перед выходом в зону категорически запрещалось.

Понимая, что опять обижает Лина, уже невольно, Ник первым делом подошла все же к Джонсу. Тот демонстративно сложил руки на груди:

— Мисс Доу, к чему такая честь?

— Мистер Джонс, я приношу свои глубокие извинения за то, что называла вас коротышкой. Впредь не повторится. Я сама коротышка, ничего плохого не имела в виду...

— Я должен был как-то это понять?

— Я хотела...

Знакомая уже тишина охватила Ник — Осень окружил их заклинанием тишины. Ник так и не поняла — как он это делает: ни жестов, ни активации амулетов, а ррраз... И ватная тишина.

— Ники... Ты зря так, — не дал ей продолжить Осень. — Пожалуйста, не зли Переса. Это чертовски опасно. Держись от меня подальше.

— Осень, я знаю. Я, действительно, прежде всего хотела извиниться.

— Ники, я коротышка — я это с подросткового периода знаю, таким меня не задеть, уж поверь. Тем более — тебе.

— Мне нужна твоя помощь.

Он кивнул, а на лице так осталось скучающее, высокомерное выражение — Утес и Кедр слишком близко...

— Что именно? Поговорить с Линдро?

— Я это сама умею.

— Я заметил — коммуникационные навыки у тебя на высоте. И не злись, я сам сейчас не лучше... Чертовски сложно не послать кого-нибудь, говоря наконец-то правду, а не сладкую ложь кровной привязки. Прости.

— Осень... Скажи... Я со школы ловцов знаю — гибриды фейри с людьми бывают. Их много. Почему тогда Перес говорит, что я уникальна? И ты говорил, что леди держатся лордов, выбирая только их, но я знаю — гибриды бывают... Я тогда в ледяной зоне спрашивала про полукровок фейри — мне никто не возразил!

— Потому что, большинство считают похожих на людей златокудых грогачей, волосатых гургашей и кунал трау высшими фейри. Эти все легко скрещиваются с нами...

Дошло до того, что у кунал трау вообще нет женщин. Только эти разновидности фейри не высшие на самом деле... А настоящие лорды и леди Холмов никогда не опускаются до людей. Кроме твоих родителей. Хотя тут спорно — не знаю, что тебе сказал Перес, но не верь его словам безоговорочно. В твоей генетической карте есть нестыковки — неподдающиеся расшифровке коды. И... Не только леди Холмов любят танцевать. Ты же это знаешь?

Ник рассмеялась:

— Разрешаю в зоне бросить меня под огненную струю — посмотрим, превращусь ли я в танцующую саламандру.

Осень все же с трудом сдержал смехок, явно представив её в алой шкурке, а потом он просто указал пальцами на ноги Ник. На обе сразу. Да так, что Ник с перепугу их чуть раздвинула шире. Поставила поудобнее, еще и притопнула.

Осень кивнул:

— Да, да, ты поняла!

Ник подалась к нему, в который раз понимая: одинаковый рост — благо, и прошипела в лицо:

— Не дожжжжжждешшшшься!

Где-то в середине длинного «жжж» полог тишины лопнул, и немногочисленные оборотни из техников стали свидетелями их очередной ссоры. Утес даже чуть подался в их сторону, но Ник деловито положила руку на кинжал, висевший на поясе.

Уже Джонс усмехнулся в лицо Ник:

— Не шипите, мисс Доу! Это вам не к лицу!

Ник снова топнула ногой — сразу на всех, на Осень, на Джонса, на Переса, на судьбу, на родителей:

— Нет! — Она сердито пошла прочь — если Пересу и донесут о разговоре, то все, даже сама Ник, подтвердят — её достали. Никакой дружбы между ними с Джонсом быть не может. Мисс Доу не идиотка, она никогда не даст свою кровь этому... Этому... Ну, понятно, кому.

В возмущении она дошла до скамейки, на которой сидел Лин, и замерла. Оборотень встал, старательно медленно, чтобы не пугать:

— Я неопасен. Я уже успокоился. И я должен...

— Нет! — оборвала она его, буквально падая на скамью — Осень ли, Джонс ли, но он её все же умудрился достать на самом деле!

Лин, старательно держа дистанцию, сел на другой конец скамьи.

— Ник... Прости, но ваши отношения с Джонсом...

— Он меня нагайной обозвал! — пожаловалась все же Ник. — Представляешь?! Он сказал, что я змеюка. Я могу оказаться... Нагайной. Уж не знаю — что хуже. Леди или... — Она вытянула ноги, словно прощаясь с ними навсегда.

Рука Лина прикоснулась к её лбу:

— Холодная.

— Спасибо за поддержку! Еще час на холоде, и меня к нежити причислят?

Вместо ответа Лин стянул с себя куртку и набросил её на плечи Ник:

— Какая разница — кто ты? Леди, нагайна, человек? Главное, оставайся сама собой, верной себе и своим принципам. И, можно, я все же извинюсь?

Ник, нахохлившись и убедившись, что Лин точно не замерзнет в теплом свитере

стражей, прошептала:

— Знаешь, это я должна извиняться. Я не хотела тебя пугать. Я не учла сезон...

Лин, не обижаясь, поправил её:

— На меня сезон не влияет. Я на блокираторах. Тут даже можешь не беспокоиться.

— Спасибо. — она подхватила длинные полы куртки, заворачиваясь в неё сильнее. Тепло и... Вкусно — аромат земли и деревьев. Запоминающийся аромат Линдро. Змеи, говорят, тоже на запахи реагируют прежде всего. Только она не нагайна. И не леди. И вообще, у неё просто воспитание хромает — Тамиор не раз говорил ей. Она снова собралась с мыслями — зона, Лин и Перес выбили почву из-под её ног. — Тогда все равно я не учла то, что там в зоне погибло множество местных. Я не учла то, что вы три месяца...

— Два с половиной, — вновь поправил её Лин.

— Да какая разница... Все равно вы бьетесь кучу времени с этой зоной, а я тут такая красивая и... Мне неопасно.

Лин задумчиво сказал:

— Мне вот интересно — это с полом связано? Или с происхождением? Спорным происхождением, не надо шипеть, Ник.

— Я не змея... — всплеснула Ник руками. — Пусть и из восточных округов... Почему не дракон тогда? Вот скажи — драконы танцуют?

— Драконы, Ник, легенда.

— Если верить Пересу, то я самая что ни на есть легенда. И не отвлекай — я тут извиняюсь, между прочим.

Он внимательно посмотрел на неё:

— Что ты еще не учла?

— Что в этой зоне ты чуть не погиб.

Он отвернулся и, как всегда, взъерошил свои волосы — он часто так делал, когда волновался:

— Точно...

— Извини, что довела тебя, что задела, что обидела — я не хотела. Это не спесь. Это не гордыня, это не желание утереть тебе нос.

— Это уверенность профессионала.

Ник тихо добавила:

— Чуть самоуверенного профессионала, который привык, что его не уважают, который привык, что его поднимают на смех. Который привык, что ему не доверяют, Лин... Ты первый, кто поверил в меня. И не смотри так... Я представляю, как выгляжу со стороны... И ужасно уважаю тебя — согласиться следовать за командующей коротышкой — это надо иметь очень много мужества и доверия. Спасибо тебе за то, что сразу поверил в меня.

— Ник... И я все же должен извиниться — испуг не оправдание крика и оборота. Просто... Как-то все наложилось одно на другое... Утес сказал, что Перес на посту с самого утра торчит — ему местные стражи пожаловались, что он их до икоты доводит... Ты, как оказалось, рванула на пост, не зная о Пересе. Я влетел, а там... Окровавленный Джонс, заинтересованный тобой Перес и ты в зоне. Первая мысль была, что Перес тебя туда загнал... Меня и заклинило. Сильно заклинило — отдаю себе отчет. Перес знает, что за своих парней я всех порву, его в том числе. Он любит действовать за спиной, когда я не могу возразить и остановить происходящее.

Она поймала его руку, чтобы он опять не потревожил свои волосы.

— Спасибо. Теперь все стало понятно. И нет, Пересу меня не загнать в зону. Хотя да, он меня тоже до икоты пугает. И говорить с ним об этом не нужно. И...

— Я не лезу в твои проблемы. Нужно — скажешь сама. И Джонса не трону. И...

Ник вздохнула:

— Знаешь, с тобой хорошо. Я знаю тебя кучу времени... Целую осень...

Лин долго смотрел на неё, а потом знакомая, чуть кривая улыбка расцвела на его губах:

— Сегодня всего лишь пятый день нашего с тобой общения.

— Ой, неловко вышло. — Ник улыбнулась в ответ.

— Почти юбилей? Полдесятка... Дней.

— Хочу шоколадку по этому поводу.

Лин тут же встал, утягивая за собой и Ник:

— Пойдем, куплю.

Ник притворно застонала:

— Может, не надо?

— Пошлииии, прогуляем твои ноги, пока они у тебя еще есть.

Она вздрогнула:

— Не напоминай...

— Успокойся, я всегда на твоей стороне... — он привычно переплел свои пальцы с её и повел по улице куда-то прочь от общежития, — чтобы ни случилось — мне можешь всегда доверять. Я на твоей стороне. Я не в списке принцев. Я не могу в нем находиться совершенно точно.

— Я решила, что может... Провести год без парней вообще?

Лин пожал плечами:

— Тебе решать. Надеюсь, друзей это не касается?

— Тебя это точно не касается, Лин.

— Как скажешь... Так, получается, конспект по комплиентам тебе не нужен?

Ник согласилась:

— Получается, что так... И еще... Я буду очень стараться не задевать твой авторитет в стае.

— О, кажется, с Пересом все же придется поговорить. И не бойся, тебя это не коснется, Ник. Честное слово, тебя это не заденет.

Он шел медленно, подстраиваясь под мелкий шаг Ник. Холод, не такой обжигающий, как в портовой зоне Либорайо, щипал щеки. Ветер разносил запахи смерти. Ник помнила — тут не было сражений, но совершенно точно тут кого-то убили. Как бы не ткачей ивы, которые делись непонятно куда. Ветер помнил. Город помнил. Город боялся. Тут все боялось, дыша сомнением, гнилью, потом...

Ник передернула плечами:

— Не нравится мне этот город.

Лин пояснил:

— Высокий некро-уровень. И в зоне, и тут. Боев в городе не было — я тщательно проверял в военном архиве.

— Тут кого-то неправильно убили.

— Наша работа всегда заключается в том, что зачищаем за теми, кто неправильно убил.

Ник остановилась:

— Не хочу шоколад. Правда, не хочу.

Лин развернулся:

— И что же тогда хочешь?

— Хочу в Либорайо. Там золотые клены, там резные тени, там блинчики, там кофе, там...

— Эван, — напомнил Лин. — Забыл сказать... Он забрал из больницы своих девочек. Отъелся, нашел работу, даже глаза изменили цвет — снова стали карими, а то был как моль.

— Моль, — авторитетно заявила Ник, — это мое прозвище. Это я бледная моль.

— Давно себя в зеркале видела?

Она опустила глаза вниз, на свои ноги:

— Я теперь к зеркалу буду бояться подходить. Подойдешь, а там щелевидный зрачок и чешуя.

— Тебе пойдет.

Ник даже пнула его ногой за это. Правда, не попала — Лин легко ушел в сторону от удара, еле слышно смеясь:

— Я все равно буду тебя уважать и любить, Ник...

Она даже ответить ничего толком не успела, потому что опешила от продолжения.

— ...Даже с хвостом, неподвижными веками и вечным шипением. И буду носить тебе блинчики... Или ты перейдешь на диету из лягушек и мышей?

— Иди сюда! — она уперла руки в бока. Куртка Лина слетела в сугроб, но это её не волновало. — Какие мыши, какие лягушки?!?

— Вкусные? — Лин на всякий случай чуть подался назад — ноги у Ник все же быстрые, и иногда даже меткие.

— Иди сюда!

— Догони сперва! — он снова сделал шаг назад. И еще, и еще, уходя из-под ударов. Снова, снова и снова, ускоряясь и убегая спиной вперед. Ник пыталась, но не отставала:

— Я тебе покажу лягушек! Вкусных!

— Это обещание, Ник? — Лин ушел в бок от разящей руки — Ник запустила в него залп искр, чувствуя, как рушится её авторитет опытного ловца. Не с кинжалом же на Лина идти...

— Знаешь, что?! — она на ходу, не дотянувшись до Лина — он в очередной раз ушел от её руки, в этот раз в прыжке, бросила в него знак обездвиживания жертвы. Жертва лишь усмехнулась довольно:

— Знаю ресторан, где их готовят! — и снова припустила назад спиной.

У общепита раздалось неожиданное:

— Кэпа бьют! — Это не удержался Утес. Кедр что-то ответил — Ник не расслышала.

Она остановилась, переводя дыхание и поправляя отросшие волосы:

— Еще даже не начинали! — она сложила пальцы в знаке паралича.

Лин замер, оценивая положение пальцев у Ник, и... Он в очередной раз ушел от удара — его гордо принял на грудь Рик, охнув и падая в снег:

— Ник, меня-то за что?

— За компанию! — отозвался Лин.

— За лягушек! — поправила его Ник. Лин, чуть наклоняясь вперед, бросил по сторонам быстрый взгляд, проверяя пути отступления. Но не учел одного — он плавно сместил ногу в сторону, готовясь уйти от удара, и тут Арано крепко вцепился ему в лодыжку:

— Ники, лови, пока держу! Этого же лигра мы втроем завалить не можем, а ты в одиночку тут корячишься! Друзей всегда надо звать на хорошую драку! Это правило

хорошего тона!

Ник выдохнула, наконец-то настигая Лина, и дала ему щелбан в лоб. Еле дотянулась, кстати.

— За лягушек! Вкусных! — она еле слышно выдохнула ему в лицо: — и спасибо за исправленное настроение.

Она вздрогнула — Джонс, возникший из ниоткуда, спокойно заметил:

— Это вы, мисс Джонс, просто не умеете их готовить.

Она прикрыла глаза:

— Несмешно.

— Я не пользуюсь чувством юмора, мисс Доу. Забыли?.. Вы тут славно разминаетесь, но мистер Перес просил напомнить — перед выходом в зону спарринги запрещены, мисс Доу.

— Это был не спарринг, — возразила она. — Это какая-то дикая насмешка над ловцами. И мистер Джонс, не смейте их готовить.

— Ловцов? — спокойно уточнил тот.

— Лягушек! — поправила его Ник. Она передернула плечами:

— Так, размялись, пора бы и перекусить.

Лин бросил ей в спину:

— Лягушек?

— Точно, надо уже отращивать клыки, а я все хвоста боюсь! Ядовитые клыки! — она зашла в общежитие, успев расслышать ошеломленное восклицание Арано, которому помог подняться с земли Кедр:

— Ник — нагайна?! Вы серьезно?!

Лин кивнул:

— А кто еще так самозабвенно любит танцевать? Вы, что, правда не подозревали?

Кедр протянул:

— Я-то думал — леди Холма... Меня тут всё родня трясла — правда это или нет. Серьезно, нагайна?!

— Мать моя женщина, забери меня обратно... — резюмировал Арано.

Лин оборвал его:

— Так, ныть перестали, Ник ни капли не изменилась с осени. Всем ясно? До выхода в зону... — он посмотрел на часы, надетые на левую руку, — ... час. Обедать. Потом приводите себя в порядок и жду на инструктаж в 16:30. Вас, мистер Джонс, это конечно же не касается.

Ник зашла в свою комнату, плотно закрыла дверь и прислонилась к ней. Лин знает. Он знает о... Он знает о том, о чем рассуждал Перес. И, кажется, верит в это. И... Спасает её. Она закрыла глаза, ничего не понимая — почему же так ласково звучал в памяти голос отца, разбуженный магией Осени?

Глава 14. Заход в зону

Инструктаж Ник пропустила — все равно ничего не поймет из профессионального сленга, да и в последний момент её осенила идея с защитой. А идею надо было обдумать, тщательно нанести на руку, шипя от боли, и спешно заживить, иначе и оборотни, и вампиры среагируют на запах крови. Так что за Границу она, впопыхах натянув свитер, теплые штаны и стеганный жилет, неслась уже опаздывая минут на пять. Гадать, прибьют ли, не хотелось. Прибьют однозначно за задержку. А Джонс, конечно же еще и скажет...

Он жадно втянул воздух:

— Девочки — такие девочки. Не опоздать — невозможно.

Кажется, он побелел, учуяв кровь. Ник захотелось ругаться в небеса — если он сейчас не сдержится, то все пойдет прахом...

На небольшой площадке возле поста было не протолкнуться. Не только стражи, но и техники, и медсестры, и пара врачей из местной больницы. Несколько палаток непонятного назначения, ящики с инструментами, с оружием, с медсредствами, большой тактический экран, явно принесенный из командного центра, стулья для удобства Переса... Доспехам места на асфальтированной площадке не хватило — их выставили на земле, вдоль дорожки. Парни уже запаковались — техники в последний раз проверяли датчики и показания приборов.

Ник еле заставила себя гордо пройти мимо Джонса, желая прибиться себя — все же полностью заживить руку не удалось. И если сейчас Осень не удержится из-за раздражающего его запаха крови, если он выдаст себя, игнорируя приказ Переса, то схватка с высшим вампиром начнется раньше, чем Ник планировала. Перес медленно оторвался от экрана, развернутого на самом краю входа в зону, и тоже принял, бросил оценивающий взгляд на её Осень и скомандовал:

— Джонс! На выход!

Тот кивнул головой и тут же шагнул мимо доспехов в зону. Ник еле успела ему сказать в спину:

— Элита! Вернитесь — на вас нет защиты!

Перес выругался, без предупреждения переходя в боевую форму — чуть раздали плечи, заалели склеры, выступили черные, набухшие жилы на лице. Ближайшее к вампиру окружение как ветром сдуло. Лин прекратил запаковываться и пристально наблюдал за происходящим, пока не вмешиваясь. Ник не стала стесняться — она достала кинжал, свою единственную защиту.

— Джонс! — буквально выплюнул Перес, — назад! Выход — не там!

И пока тот послушно разворачивался и возвращался, Ник не удержалась, сказала Пересу:

— Если он вам надоеет своим непослушанием, то я его выкуплю для дальнейшего воспитания. Оно у вас хромает.

Может, момент и был неудачным, но иного момента с выкупом Осени, она и не представляла.

Перес моментально навис над Ник, окружая уже знакомым безмолвием — вот кто научил Осень этому. Одного из техников отбросило в сторону заклинанием — он оказался к нему слишком близко. Ник боялась смотреть в сторону Лина и Осени — кажется, она сейчас сильно подставила их. Но она все равно получит свободу для Джонса! Чего бы это не стоило.

Голос вампира был холоден и однотонен, словно выговаривал автомат, а не живое существо:

— Джонса вы получите только через мой труп. Я не позволяю издеваться над своими друзьями. Никакая сволочь из Холмов, а вы к ним относитесь, больше никогда не коснется его. Только попытайтесь его задеть или воспитать — убью. На месте. Без объяснений. Два раза не повторяю — Джонс мой, не топчитесь так старательно на моих больных точках. Иначе завтра весь Либорайо узнает, что вы Ева. Вы тоже необучаемы. И видит кровь, я не хотел вас ломать и воспитывать. Я передам это право другим заинтересованным существам. Ясно?

Ник еле нашла в себе силы выдохнуть:

— Предельно ясно.

— Тогда больше никогда не обзывайте Джонса. Тогда больше никогда не просите его воспитать. Он воспитан лучше некоторых. И еще... Вы отвратительный человек. Я наблюдаю за вами всю осень — вы мне отвратительны. В вас нет ни единой капли милосердия. Это просто как дополнение к сегодняшнему разговору.

— Предельно ясно, — её рука затекла, сжимая кинжал. Перес, кажется, даже не заметил, что тот почти по рукоять вошел ему под грудину.

— Тогда вытащите из меня свою игрушку.

Он даже помог, не ломая при этом запястье Ник, с него бы случилось.

— И прекратите трястись, мисс Доу. Я не самое страшное существо на вашем пути. Изначально я думал — вы моя воплощенная мечта. Бойтесь воплощения своих фантазий, мисс Доу. Они ужасны. И уберите кинжал в ножны — ничего не было. Я вампир, мы умеем зачищать за собой. Никто ничего не увидел. Я не позволю пигалице вроде вас устроить бойню среди моих друзей.

Он отпустил заклинание. С шумом вернулись звуки.

Выругался техник, вставая с асфальта и потирая ушибленный бок.

Окружающие, недоуменно вздрогнув, вернулись к своим делам.

Лин нахмурился, промаргиваясь и всматриваясь в Ник.

Джонс стоял, опустив голову вниз. Кажется, он если и не слышал, то точно помнил вошедший в Переса кинжал.

Сам Перес чуть наклонил голову на бок:

— Мисс Доу, позывной Джонса...

— ...сменил я, — громко вмешался Лин. — Мне надоела путаница, возникающая в присутствии Джонса и высших чинов стражей. Он теперь Элита. С этим все согласны.

— Кроме меня... — сухо сказал Перес.

Лин спокойно сказал:

— Я не думал, что это такая большая проблема для тебя. Всего лишь позывной.

Перес посмотрел на Джонса:

— Брендон?

Тот нашел в себе силы улыбнуться:

— Мне нравится, как мисс Доу произносит с придыханием мой позывной.

— Если только мисс Доу... — скривился Перес. — Ладно, твои заслуги, твой позывной, твоя жизнь. Мисс Доу, вы что-то там про защиту говорили, прежде чем мы отвлеклись? Кстати, что-то вы сегодня вечером бледноваты. Плохое самочувствие?

Ник скривилась — он еще её оправдывать заставляет за то, что перепугал до ужаса...

— Съела что-то не то. Лягушка, видать, невкусная попалась. — она развернулась и направилась в сторону Лина, уже полностью готового к выходу.

Джонс... Или Осень?... сказал, отворачиваясь в сторону:

— Наверное, несвежая.

Перес добавил:

— Или не по зубам мисс Доу.

Она решила проигнорировать его, уточняя уже у сосредоточенного Лина:

— Если я нанесу защитные знаки на броню — это будет считаться за порчу имущества или нет?

Перес отозвался быстрее оборотня:

— Делайте, что считаете нужным. Хоть взрывайте, только защиту парням при этом обеспечьте. — он пристально наблюдал, как техник принялся выводить на тактический экран камеры с доспехов, проверяя сигнал. Возникали новые и новые окошки. Вот чья-то рука, сжималась и разжималась — Кедр был недоволен работой магусилителей. Вот возник чей-то симпатичный, торчащий кверху зад, плотно обтянутый форменными брюками — это Жердь все еще не вышел из гона. Владелица шикарного зада выпрямилась, не понимая раздавшегося улюлюканья. Вот чье-то бледное, закусывающее губу лицо в капельках пота — Лин тут же стащил с себя шлем.

— Ник... Все хорошо?

Она нашла в себе силы улыбнуться:

— Все хорошо. Спасибо за поддержку. Правда. А сейчас позволь мне чуть-чуть поработать. Я не пойду в зону с вами — я не чувствую опасности. Поэтому вместо меня пойдете вы, а я через вас буду выискивать опасность. Надеюсь, это сработает.

— Надеюсь, — тихо повторил за ней Лин. — Если Перес выйдет из себя, если он будет тебе угрожать — смело вонзай ему кинжал в сердце. Не убьет, но подвижности лишит.

Ник не сдержала нервного смешка — точно, не убьет... Проверено.

Перес, если и слышал совет Линдро, то предпочел его проигнорировать. Ник, нанеся кинжалом защитный знак, тут же болью отозвавшийся в левом предплечье, перешла к Утесу.

Тот хохотнул:

— А Элите где будешь рисовать?

Жердь тут же предложил:

— На лобике. Контрольный.

Кедр отозвался:

— Контрольный у вампиров — в сердце, темнота ты, невоевавшая!

Перес вмешался:

— Элита в разведку не идет. Он боится на случай отказа систем эвакуации.

Утес фыркнул, закрывая забрало. Его голос раздался из динамиков экрана:

— Что снова нас возвращает к вопросу: Элите-то где рисовать защиту?

Жердь пошел на второй заход:

— На лобике!

Кедр мягко рассмеялся:

— Тебя сегодня не любят, что ли, Жердь?

— Меня все любят!

Лин, тоже закрывая забрало, сказал:

— Главное, ты всех не залюби. И все, прекратили. Коршун... Проверка связи... Это

Листопад... Обслуживающему персоналу покинуть зону — работает Седьмой штурм-отряд.

— И Ловец! — подсказал Утес. Лин послушно поправился:

— Работает Седьмой штурм-отряд и Ловец!

— Самый красивый в нашем округе! — влез Жердь — гормоны из него сегодня так и перли.

— Разговорчики! — оборвал его Лин.

Ник закончила со знаками и, старательно выпрямляясь, чтобы не было заметно её страха, подошла к тактическому экрану... И к Пересу. Она надела дужку связи, протянутую Джонсом — тот уже успел нацепить почти такую же, только у него еще камера была прикреплена. Правда, сейчас она была отключена — не за чем, вот пойдет в зону...

— Кстати, знаки можно нанести на подошвы, — тихо предложила Ник Джонсу. Он встал рядом, прикрывая собой от Переса. И она была ему безумно благодарна за это.

— Забавная идея, — отозвался Перес. Словно не он признавался в своей ненависти к ней пару минут назад.

Огни на площадке погасли. Только свет от экрана, на котором словно в игре были выведены аватарки парней с проложенными на карте маршрутами — у каждого была своя задача и своя высота. За самые интересные: высоту тридцать один — отвечал Утес, на сорок пятую шел Листопад. Высота семьдесят досталась Ульву с Кедром — уж слишком протяженная. Жердь должен был осмотреть холм с пометкой десять, Зиме досталось что-то столько же невзрачное со знаком двадцать. Смешные дорожки маршрутов шли зигзагами — видимо уже с учетом предыдущего опыта. Кресты, галки, кружки — Ник терялась в пометках, ей понятнее было смотреть на окна камер, показывавших сине-зеленые сумерки, такой же мертвенный снег, какие-то камни, и заросли, заросли, заросли ивы и ольхи.

Она засучила левый рукав, обнажая знаки. Они уже налились кровью, ярко выступая над кожей. Знаки зудели, но ровно — опасности пока нет.

Перес лишь выгнул бровь, заметив знаки. Джонс резко выдохнул, но промолчал. Ник только для него пояснила:

— Это не так ужасно, как выглядит. Боли нет.

Она на миг прикрыла глаза, отвлекаясь от всего.

Ветер. Холодный. Морозный. Пальцы уже подмерзали, но она забыла перчатки, так спешила. Да и куртку не накинешь из-за знаков. Ничего, потерпит. В ледяной зоне было хуже.

Звезды звенели где-то в вышине. Мелкие облака быстро летели, не закрывая луну. От них тянулся дымный шлейф тепла — где-то далеко город, в котором тепло и уютно.

Долина дышала привычно скорбью, горем, гнилью и впервые — ожиданием. Впервые желанием уничтожить, стереть с лица земли так, чтобы и памяти не осталось. Вот оно! То, что она не чувствовала. Магия камней? Магия растений? Эти два вида были родными для неё, они её не задевали, но парни для них были мишенью. Только опознать магию Ник так и не смогла — не сталкивалась до этого с таким, и совета попросить не у кого. Про существование наноботов Ник была совершенно не в курсе, как и все, живущие на поверхности.

Парни медленно, крайне осторожно перемещались, ярд за ярдом, по уже знакомым местам. Вот Жердь обошел кругом место, где днем подорвался Джонс. Тот попросил:

— Жердь, это Элита — стоять. Проверь параметры.

Тот замер у спекшейся земли, гладкой, как стекло. Ник прищурилась — где-то она такое

уже видела. Днем не вспомнила — Лин отвлек. А сейчас вспомнился Либорайо. Вспомнилась статуя тигра. Но откуда тут бьет из-под земли алхимический огонь? Не бывает природной алхимической жидкости. И причем тут магия камней и огонь? Связать магию растений с огнем было еще сложнее.

Жердь тем временем отчитался, хотя показания амулетов и так были выведены на его окно, просто мелкими значками:

— Некрофон — превышения в два раза. Магофон — норма. Гравифон — норма. Алхимия — норма. Следов взрывчатки не обнаружено. Продолжаю движение.

Предплечье Ник полыхнуло огнем — опасность!

— Листопад! Стоять!

— Ловец, есть стоять. — Листопад моментально замер, кажется, даже не опустив ногу на землю. — Остальным — продолжать движение. Ловец, причины остановки?

Он медленно вел головой слева направо, показывая панораму. Перес переключил на большой экран его камеру: заросли ивы — совсем мелкие прутья, торчащие из земли, груды камней, комья земли, снег, снег, снег, по правую руку ольховая роща. Деревья высокие, раскидистые, там продираться в dospехе будет сложно.

Знак гудел, предупреждая — скоро. Вот-вот. Пока ты не решаешься.

Она прикрыла глаза, так думалось проще... Еще лучше было бы, если она была рядом с Листопадом. Она потянулась... Прислушалась... Джонс и Перес даже дыхание затаили, чтобы ей не мешать.

— Вправо, Лин... Еще вправо... Еще вправо...

— Слушаюсь, Ловец. Ещё? Тут уже деревья...

Ник замерла, боясь ошибиться. Знак снизил боль, она стала почти незаметной.

— Все. Хватит. Продолжай движение, Лин.

— Движение куда, Ловец?

Жердь что-то хрюкнул. Ульв хохотнул. Утес не удержался:

— Ловец, ты чудо гражданское!

Ник выругалась себе под нос:

— Эээ, Листопад... Направление к высоте. Вдоль рощи. — она нахмурилась — надо осваивать типичные команды, а не «хватит». Еще бы «Лин» добавила! Или... Добавила? Она не помнила.

— Слушаюсь, Ловец. Движение вперед, продолжаю.

Он сделал шаг вперед... И знак промолчал. Его гудящее болью предупреждение смолкло.

Ник сглотнула — получилось. Получилось! Она смогла! Она улыбнулась, поднимая голову вверх — к небесам! У неё получилось!

Джонс тихо заметил:

— Молодец, Ловец. Первые сто ярдов без потерь есть.

Перес напомнил:

— Осталась одна тысяча двести семь. — Но его замечание не испортило радость Ник. Ей плевать на Переса... Главное, что она смогла обмануть долину, значит, и дальше разберется и победит местную магию.

Стюард принес и поставил перед Ник чашку с кофе. Джонс не задумываясь сделал глоток и тут же вылил чашку в снег:

— Гадость...

Ник, провожая глазами пустую чашку, вздохнула:

— Ну, спасибо!

— Ну и не за что — так бездарно переводить продукты я не позволю. — Джонс направился в ближайшую палатку. Бледный стюард последовал за ним, и тут Ник еле сдержала стон — руку как кипятком обожгло:

— Жердь! Стоять!

— Жердь, стою! — парень послушно замер. Пока послушно. Перес подался вперед, выводя на главный экран его камеру, вместе с показателями приборов, и выругался, ткнув пальцем в уровень тестостерона.

Джонс тут же вернулся — еще миг назад он был у палатки, а сейчас стоял рядом, прикрывая ладонью микрофон:

— Росси в курсе.

— Да мне плевать, что он в курсе! — Перес нажал что-то на панели, но тут же всплыл красный восклицательный знак — Ник помнила, что это, кажется, «требуется подтверждение второго лица».

Листопад под мерное перечисление Жерди, что некрофон — превышение в два раза, сурово сказал:

— Коршун, не лезь куда не просят. Разрешение на блокиратор не дам. Мигель, прошу!

Джонс тихо рассмеялся:

— Какие страсти... Надо же...

Жердь как раз закончил:

— ...следов взрывчатки не обнаружено. Требую разрешение на продолжение движения.

— Стоять, Жердь! — рявкнула Ник, сходя с ума от боли — руку как в кипящее масло опустила. Где-то далеко, словно под землей текло пламя. — Стоять...

— Не орать, Ловец, — обиделся Жердь. — Повторяю — магофон в норме! Требую...

— Заткнись, — буркнул Перес. — Это Коршун, если ты, придурок озагоненный не понял.

Ник старательно прислушивалась, закусив от боли губу — сейчас Росси рядом не было, никто не проведет кончиком пальца, никто не напомнит, что не надо... Боль в руке продолжала нарастать, не подсказывая ничего. Откуда вырвется пламя, откуда оно летит... Что его тянет? И что остановит? И остановится ли оно. И на экране ничего — сплош начинающиеся заросли ивы и какие-то камни, торчащие из снега...

— Жердь, стоять! Камни — включи подсветку и покажи крупным планом, — попросила Ник.

— Жердь, выполняю. Булыжник раз, булыжник два, и ни видно ни фиги! Некрофон в норме, магофон в норме, требую продолжения движения, мать вашу за ногу! Я тут цапель или страж?! Мне еще долго стоять на одной ноге?

— Это Листопад! Заткнись и молчи. Скажи спасибо, что не в прыжке остановили!

— Это Жердь! Визуальный осмотр закончил, следов опасности нет. Некрофон в норме, магофон в норме, у Ловца паранойя, я продолжаю движение! — Он сделал шаг вперед, завершая-таки движение, его нога в броне опустилась на снег, сминая побег ивы и вдавливая в землю камень с каким-то орнаментом. И тут все взорвалось алым пламенем. Огненный поток вырвался из земли и полностью поглотил фигуру Жерди.

Листопад запустил со своего командного пульта принудительную эвакуацию, Перес выругался, а знак на предплечье Ник стих. Он был уничтожен пламенем. Судя по тому, как

матерился в полете Жердь, его задело несильно.

Доспех приземлился, тут же заваливаясь на бок. Его окружили техники, вытаскивая мокрого, потного и красного, как рак, Жердя. Живого, к счастью. Поверхностные ожоги уже к ночи заживут — на оборотнях все легко заживало, хотя рекордсмены по регенерации, это конечно же, вампиры. От носилок Жердь отказался, от медика тоже — того чуть в стену палатки не вмазало от удара.

Перес скомандовал:

— Укол блокиратора и успокоительные Жердю.

Листопад по рации выплюнул:

— Лично морду набью, Мигель, если не отменишь.

Ник сглотнула — она не понимала упорство Лина, ведь оборотень в гоне опасен.

Жердь замер, чуть подаваясь вперед и протяжно, угрожающе зарычал — рядом с ним понятно никого не оказалось. Ник скомандовала:

— Отряд, всем стоять! — и достала кинжал. Видят рогатые орки, переть против Жердя она не хотела, но... Есть такое слово — надо. На плечо легла рука Джонса:

— Не стоит.

Перес прищурился, рассматривая угробно рокочущего стража:

— Черт с тобой, Жердь! Отмена блокиратора. Листопад, если он еще что-то натворит — не жить тебе, а не ему. Жердь — в общежитие, и чтобы я тебя два дня не видел!

— Слушаюсь, — прорычал Жердь и, чуть покачиваясь от теплового удара, пошел прочь.

— Вот скотина же... — не удержался Перес. — Это тебе, Листопад. Это ты скотина, понял?

— Листопад, понял. Ловец, запрашиваю разрешение на движение.

Ник сглотнула. Сердце бешено билось где-то в горле. Её даже в пот бросило, и это в местные минус десять. Небеса, хуже оборотня в гоне, только вампир в боевой форме! И отнюдь не Перес...

— Это... Ловец... Движение разрешаю. — Она потерла плечо. Знаки пока молчали.

Джонс ушел — Ник даже не поняла, куда. Было не до того.

Шла привычная работа.

Ульв, стоять.

Некрофон — превышение в пять раз.

Зима, два шага влево. И еще, и еще. И еще. И назад. И вправо. Движение вперед разрешаю.

Магофон в норме.

Кедр, стоять.

Гравифон в норме.

Листопад, движение разрешаю.

Утес, прыжок. Ярдов пять, не меньше. И опять. И опять. Прости, я не рассчитала.

Алхимия в норме.

Листопад, влево. Влево, Лин, влево, снова влево...

Следов взрывчатки не обнаружено.

Ульв, назад! Назад!!!

Некрофон — превышение в десять раз.

Медики суетятся с Ульвом. Он жить будет — чуть подкоптился, чуть обгорел, тепловой удар...

Магофон в норме.

Кедр, вправо, еще и еще, и я не знаю, сколько еще!

А где-то уже шуршит, летит по корням волна огня и гнева.

Гравифон в норме.

Кедр, я помню, но пока стоять!

Алхимия в норме...

Листопад, стоять. Да, прыжок не менее десяти ярдов подтверждаю.

Лин, пожалуйста, выживи, пожалуйста, вернись...

Кедр, прыжок...

И огненная змея вырывается из-под земли, поглощая его.

Лин, вернись, пожалуйста... Только это не вслух, нельзя подрывать его авторитет. Это про себя, тайком, выпивая кофе, тот самый, который собиралась пить, плача навзрыд.

— И нет, Перес, идите к рогатым оркам, мне не нужен ваш платок!

Перес послушно отошел в сторону.

Ник устало констатировала:

— Утес, движения нет. Зима, движения нет. Листопад, движения нет.

По руке, по пальцам стекала кровь, знаки горели, но куда идти, она не знала. Рука замерла над кнопкой принудительно эвакуации на пульте, но Ник помнила — подрывать авторитет Листопада нельзя. Только ему решать вопрос об эвакуации.

— Парни, я не знаю. Честно. Только движение назад. Листопад, Утес, Зима, я разрешаю движение назад.

Перес пробурчал:

— Девяносто ярдов не дошли.

Джонс молчал, сложив руки на груди. Он побелел, и давно был в боевой форме. Перес посмотрел на него:

— Ге... Тьфу, Элита, сгоняй до камня, на котором подорвался Жердь. Принеси.

Ник возразила:

— На нем нет защиты.

Перес осторожно промокнул кровь Ник своим платком:

— Знаете, Ловец, черт с ними, со знаками. Оно того не стоит. — Он скомандовал: — Листопад, конец операции. Возвращайтесь.

— Листопад, понял. — Лин сделал шаг назад, и тут что-то хрустнуло под его ногой. Камень ли, росток ли... Столб пламени был виден и отсюда.

Джонс опередил руку Ник, нажимая кнопку принудительной эвакуации сам.

Доспехи приземлялись один за одним. Техники суетились. Суетились медики. И не подойти, не подбежать, не узнать — не на глазах же Осени это делать?! Стоять, оттирая кровь с руки поданным стюардом полотенцем. Смотреть, как открываются доспехи Лина, как он, ошалело мотая мокрой от пота головой, вылезает из них. Сам. Но от носилок не отказывается — ложится послушно. Тепловой удар, что-то там про ожоги. Что-то там еще...

А Осень тем временем ушел — в зону, втихушку, без защиты, без ультры, а она там днем выплясывала на глазах Лина, а теперь сердце ломит только от мысли, как там Осень. И вернется ли. И как Лин? И что со всем этим делать...

Кто-то сунул в руку кружку, Ник машинально выпила, тут же закашливаясь — что-то острое, огненное, что она раньше не пила.

— Поможет, — лаконично сказал Перес.

— Идите вы к рогатым оркам! — честно ответила она. Перес выгнул бровь, но продолжения не дождался.

— Вы хорошо сегодня поработали, мисс Доу.

— Даже несмотря на то, что я тварь?

— Неверная цитата, мисс Доу. И да, несмотря на то, что вы отвратительный человек, вы сегодня хорошо поработали. Медики сказали, пока вы изображали статую скорби, что отряду требуется день на восстановление. Техники как раз успеют почистить и отремонтировать ультры. У вас завтра заслуженный выходной. Могу выделить вам инфопланшет — если хотите еще раз просмотреть записи с камер. Можете не просматривать — у нас есть специалисты для этого, до последнего камешка все разберут.

Ник сложила руки на груди — Перес ей основательно не нравился.

— За планшет — спасибо. Я сегодня же займусь записями. А отдыхать завтра я не собираюсь — меня ждет река, я к ней так и не попала.

Перес замолчал, долго рассматривая её.

— Я могу идти? — в конце концов спросила Ник.

— Я дам вам последний шанс, мисс Доу. Не подведите меня. И да, дорогу к рогатым оркам я найду сам. Завтра в десять утра — разведка в сторону реки. В сопровождающих Джонс. Никаких коротышек, никаких попыток воспитать. Никакого унижения. Джонс — мой друг. И, прошу, вспомните про милосердие, вспомните, что вы человек. И немножко леди при том.

Ник вскинулась:

— Никогда не забываю об этом! — она резко развернулась и пошла прочь в общежитие.

Она не слышала, как Перес тихо спросил у подошедшего Джонса:

— Что эта мегера в юбке любит по утрам?

— Кофе, парня и блинчики.

— Обеспечь! — буркнул Перес.

— Парня тоже?

— Можно подумать, ты девочка.

Глава 15. Солнечный цикл

Устроившись в кровати, замотавшись в чуть колючее одеяло, она засиделась до полуночи с планшетом. Смотрела кадр за кадром. С каждой камеры. Снова и снова. А за стеной были смешки, стоны и скрипы. От стонов она вздрагивала каждый раз — бежать с кинжалом или еще рано? Или уже поздно.

Жердь ушел в отрыв. Хорошо еще, что в человеческой ипостаси, но ведь голову может сорвать окончательно, и тогда той глупышке за стеной, пустившей оборотня, не поздоровится.

Ник сжала кинжал в руке, пальцы побелели, а ясности никак не прибавилось. И самое главное, она не понимала, почему Лин все это позволяет. Вот и сейчас долгий стон...

Ник откинулась на стенку, головой стучась в неё. Оттуда донесся рык:

— Завидуй тише!!!

— Сам заткнись, — невпопад ответила Ник, быстро собираясь. Сидеть в комнате, медленно сходя с ума, она не будет.

На улице было морозно, падал снег, играясь в свете фонарей, страж на посту сонно зевал, сидя у окна и смотря на холодный мир. Ник дошла до скамейки, на которой они с Лином сидели днем, и с ногами устроилась на ней, кутаясь в куртку. Может, и глупость. Может, и малодушие. Надо было войти и все высказать Жердю в лицо. Только Лин же не остановил парня. Не запретил. Значит... Это же что-то значит?

Или не значит, а она изменяет своему долгу. Интересно, она бы смогла... Она бы смогла поймать малыша Лина и сдать его в виварий? Этого же, наверное, требовал от неё долг, тот долг, который опирался на Пакт о совместном проживании видов. Она бы поймала? Она бы сдала? Или...

Она прикрыла глаза, откидываясь назад и ловя ртом снежинки.

Только и сейчас не лучше. Где-то девушка в объятьях неконтролирующего себя оборотня стонет пока от счастья, а где-то Эми готовят к аукциону. И рогатые орки её побори, на аукцион девочку сдала она сама. Надо было заявить, что девочка её, но она тогда малодушно ушла. Даже не так: она ушла не задумываясь — это хуже.

Снежинки перестали падать. А по губе скользнул палец. Ник дернулась, выпрямляясь и открывая глаза.

Это был всего лишь Лин.

— Извини, не удержался. Почему не спишь?

— У меня Жердь в соседях.

— Не может быть. У тебя соседки с обеих сторон девушки-техники... О... Он выбрал кого-то из них, да?

— Угу, — мрачно подтвердила она. — А мне теперь с кинжалом сидеть и думать: гадина я или нет. Хотя Перес так и сказал — гадина...

Лин прикоснулся к её носу:

— Теплый еще. Не гадина. Насколько я помню — это же характеристика земноводных. А ты — теплая.

— И с Пересом ты поговоришь.

— Ник, иногда разговор — самый действенный способ. Честно.

— Не говори с Пересом — я прошу. Я очень тебя прошу — не лезь в мои проблемы.

Он послушно кивнул, соглашаясь с Ник, хотя той хотелось заорать в лицо Линдро иное: да вспомни, что ты оборотень и урой уже этого наглого вампира, потому что я его боюсь!!! Я его боюсь. Я, принцесса, сижу тут в замке и боюсь вампира. Только ты не мой принц... Ты мой друг, и я не имею права тебя подставлять...

— Ник, ты не в курсе, ты не жила в нашем климате... Но при такой температуре, как сейчас, на улице спать нельзя — замерзнешь до смерти. Может, проводить тебя в капсулу для сна? Свою комнату не предлагаю — утром насмешек не оберешься. Особенно от Жердя, он сейчас немного дурной. Я не учел там в зоне, что надо было подтвердить твой приказ. В том состоянии, в котором Жердь сейчас, женские приказы игнорируются... Извини.

— Ничего страшного, я все понимаю. И я не хочу пока спать. Посижу, померзну. Замерзну совсем — вернусь в комнату и замочу-таки Жердя...

Лин сел рядом, осторожно откидывая полу куртки в сторону:

— М-да... Перспективы... Будешь греться?

— Буду, — решительно пробухтела она, присаживаясь рядом и прижимаясь к теплому боку, чуть упрямому, но уверенному. Ник принялась к куртке. Она пахла совсем иначе.

Лин моментально напрягся — стал оркски твердым и неудобным:

— Что-то не так? — он подтянулся, собрался, ожидая колкости? Или очередной обиды от неё.

— Запах не твой от куртки. Совсем не твой. Так... — она еще сильнее принялась и узнала чуть миндальный аромат. — ...пахнет Жердь.

— Это его куртка, он больше меня, я и подумал, что в его куртке будет удобнее греться вдвоем. Но если сильно мешает запах, я могу...

— Не надо, — она чуть развернулась, утыкая нос в грудь Лина. — Проблема решена.

— Ты прям, как оборотень, на запахи реагируешь.

— Вся магия пахнет. Вот не поверишь — у каждой магии свой аромат. И у чувств свои запахи, и у мира свой запах. Тут несет гнилью и предательством. Тут очень плохо, Лин.

— А в общезитии чем пахнет?

— Триумфом Жердя. Но если он тронет ту девушку... Если он её обидит... Без обид, Лин, но я его уничтожу. Я ловец. Я обязана защищать мир от безумия оборотней.

Он ничем не показал, что ему больно. Даже рука, обнимавшая её, не дрогнула. Он лишь задышал чуть чаще — грудная клетка под ухом Ник так и заходила ходуном, а потом мягко сказал:

— А с чего ты взяла, что Жердя надо уничтожить?

— У него гон. Я тебя как представляю в таком состоянии — мне дурно сразу, Лин... Я сдохнуть хочу... Ведь и Жердь, и ты... Вы хорошие. Но ваш гон...

— Во-первых, Ник, я уже говорил — я на блокираторах. Я... омега. Понимаешь? В стае в этом плане я омега.

Она резко села, чуть не ударяя макушкой Лина — тот вовремя отстранился.

Ник развернулась так, чтобы смотреть Лину прямо в глаза. Зеленые. Яркие. Красивые. Орки его задери, природа щедро отсыпала красоты и притягательности оборотням.

— Линдро, ты не омега. Никогда так о себе не говори. Никогда.

— Ник, аргументируй?

Вот что в Лине Ник нравилось больше всего — он не упирался рогом, он просто просил объяснить свою точку зрения. Даже когда не знал её толком в зоне перед кампусом.

— Ты человек, Лин. У людей нет ни альф, ни омег, у людей все имеют право есть и

пить одновременно, у людей, Лин, равноправие. Ты человек, никогда больше не называй себя омегой. Это какие-то дикие пережитки патриархального общества.

— Какого общества? — почему-то с усмешкой спросил он.

— О, все забываю о пробелах в образовании... Патриархальное общество — общество, где мужчина главный, где идет чёткая градация... О, небеса... — она замолчала.

Лин очень серьезно сказал:

— Ник, я именно из такого общества. У нас женщины получили многие права только после войны, и то потому, что ваши человеческие женщины уже давно равноправны во всем с мужчинами. Было неприлично — победители, а права хуже, чем у побежденных.

— Иначе сидели бы ваши оборотницы дома и дальше. Ох, орки рогатые... — Она прикусила губу, правда, не дождалась поправляющей её руки Лина — они сейчас были заняты тем, что держали полы куртки. — Я и забыла, что ты выходец из жутко патриархального общества с еще и дикими кастами внутри. Знаешь, с тобой об этом забываешь напрочь. Ты удивительный. И не смотри так — мастер-класс по комплиментам мне не нужен, потому что сейчас я говорю чистую правду. Ты удивительный, твоей будущей девушке невероятно повезет. И не ерзай так, я верю — все исправится. Все изменится. Не ты ли говорил, что мир меняется? Все изменится, Лин. Для тебя, для меня, для всех. Мы не реликты с тобой, мы просто иные, но мир подстроится под нас. И, хочешь, я организую тебе свидание с той официанточкой? Она была в восторге от тебя.

Он тихо рассмеялся, и Ник уткнулась ему лбом в грудь.

— Смейся, смейся, но ты нравишься девушкам, это факт. И тему омеги закрыли. Давай, что там было вторым у тебя в аргументации про Жердя?

— Ник, я понимаю, у тебя немного иной опыт...

— Это еще легко сказано, Лин. Нам показывали в школе ловцов то, что оставляют оборотни от девушек после... после... Эм... своих игр.

— Ник, от маньяков не застрахован ни один из видов. Мы таких находим и уничтожаем. Людей. Оборотней. Вампиров. Фейри. Вне зависимости от вида — все преступники получают наказание. Это непреложно, Ник. Но Жердь же не преступник. Разве у вас во время любви убивают будущую мать? Разве Жердь похож на того, кто убьет свою избранницу? Да, она человечка, она сама вместе с Жердью примет решение — нужен ли ей ребенок. И если не нужен — ребенка не будет. Но будь на её месте оборотница — ребенок бы был. Это песнь любви, Ник. Это дни любви. Дни счастья, невероятного и безбрежного. Оно приходит раз в году, когда мир поет в твоей крови, и лишать этого, и сажать на блокиратор — а надо ли? Раз в году можно и потерпеть, постоять вдалеке, не вмешиваясь в песнь жизни, Ник. От тебя не убудет, а Жердю будет хорошо. Он не обидит девушку, слово чести. А то, что он немного неуправляем — можно потерпеть. Завтра отдых, устрою спарринг, пару раз повалится, сдаваясь и признавая мое лидерство, и снова станет как шелковый. Ник, оборотни уже давно изменились. Уже два поколения мы не подвластны лунным циклам. Мы не воем на каждую полную луну, мы не теряем разум в полнолуния. Мы изменились.

— Волчьи...

— Им трудно, да, Ник. Они были самые подверженные влиянию лунных циклов, но даже у них десять лет как нет преступлений в полную луну. Выросло поколение, которое никогда не теряло голову и разум. Мы изменились. Только люди по-прежнему это игнорируют. Война в том числе из-за этого и началась — и мы, и вампиры, которые тоже

смогли сделать качественный скачок в эволюции и перешли на кровь животных, просили пересмотреть законы и признать нас неопасными видами. Нам отказали, сказали ждать — мы ждали два поколения измененных, Ник. Поверь, мы не звери. Мы разумны. Мы не калечим ни в полнолуние, ни в солнечный цикл, который вы называете гоном.

— А вампиры пьют кровь людей до сих пор — в тайных барах.

— И такие бары и кормежные мы находим и закрываем. Людей отправляем на реабилитацию, а владельцев — в тюрьму. Еще вопросы, Ник?

Она вздохнула, сильнее прижимаясь к Лину. И молчала.

— Так, может, тебя проводить в капсулу? Извини, что Жердь оказался... шумный.

— Не то слово. — рассмеялась она. — Не то слово. И... Мне тут хорошо, Лин.

— Тогда посидим тут.

— Расскажи что-нибудь еще. У тебя хорошо получается.

— О, я даже не знаю, что сказать... Пожалуй лишь то, что с удовольствием посмотрю, как ты мне устраиваешь свидание. Я такое задание — свидание с девушкой точно провалю на пятом десятке лет.

— Смейся, смейся, не нравится официантка — найдем красивее. Или умнее. Или бережнее. Деликатнее, мягче, внимательнее... Всяко лучше, чем я.

— Угу.

— Вот тебе и угу, Лин. Мир меняется.

— Да, Ник. Меняется. И виды меняются. Тебе не стоит бояться нас.

— Ага...

— Ага, Ник... И кому-то явно пора спать...

Ник проснулась в капсуле. Минуть пять тупо смотрела в потолок и не могла понять, где находится. И почему звенит будильник, которой она не ставила. И почему так вкусно пахнет. И кто стащил с неё куртку и обувь. Впрочем, последнее и так ясно — Лин. Не хотела бы она быть на его месте — с двумя занятыми её сонной тушкой руками затаскивать её сперва в салон броневедомобиля, а потом и в капсулу. Значит, кто-то ему помогал. А кто — знать не хотелось. Оставалось надеяться, что не Перес.

Она сонно зевнула, села, рукой заправляя растрепанные волосы за уши, и с удивлением уставилась на полку у входа. Там, кроме её наушников с музыкой, которые по идее остались в комнате общежития, стояли чашка с крепким, черным кофе и тарелка с не менее черным, очень темным (сгорел он у Осени, что ли?) блинчиком, сложенным конвертом. В блинчик были запакованы яичница, сыр и ветчина — это выяснилось позднее, когда Ник убрала веселый флажок, воткнутый в еду. На знамени было написано: «Извините, парней не нашлось!».

— Оооосень... — выдохнула она, пряча знамя себе в куртку. Потом дома подумает, что с этим знаменем делать. Может, воткнет в замороженные блинчики? Им так будет веселее в морозилке.

Глава 16. Злая принцесса

Ник привела себя в порядок в санитарном отсеке, посмотрела на часы — время подбиралось к десяти утра, и пора было выходить. Она замерла у лестницы, осматриваясь.

Пространство перед общежитием кипело. Стояли, распахнув полностью боковые стенки, грузовики, перевозившие броню. Доспехи висели на своих гнездах в кузовах или болтались на кранах в полуразобранном виде. Кругом стояли ящики — открытые, закрытые, пустые и забитые до верху деталями, полностью заставленные инфопланшетами, коробками с едой и пепельницами из стаканчиков для кофе. Шумели полировщики, стучали мерно молоты, ключи и орки знает что, раздавалась брань — видать, очень помогает ремонту. Работа кипела. За Границу и оттуда носились запаренные стражи, таская очередные ящики. Седьмой штурмовой судя по звукам занимался где-то рядом — наверное, в парке гоняли. Голос Арано сейчас перекрывал даже вопли Жердя. А её ждал целый день с Осенью наедине...

Она надела наушники, поправила куртку и смело включила музыку — рано или поздно она закончится, и Ник остановится. В теории.

Ник легко спрыгнула, минуя лестницу из салона. Ответом было дружное, прорвавшееся даже через звуки виолончели улюлюканье — нет, не Седьмого штурмового, всего лишь незнакомых техников, но ведь все равно приятно. Обычно её попытки спуститься сопровождал смех. Она подняла голову вверх, радуясь новому дню, неяркому солнцу в просветах облаков, одиноким снежинкам, лениво летящим по ветру. Ник подскочила вверх, ловя ртом первую попавшуюся и загадывая, чтобы все было хорошо. Целый день с Осенью... Музыка летела, музыка звала дальше, но чья-то рука из-за спины бесцеремонно сорвала наушники, чуть не лишаясь носа — это Осень стоял сзади, прислонясь к железному боку машины.

— Доброе утро, мисс Доу. Я уж гадал — не стоит ли сходить и разбудить соню.

— Я не соня, я просто никуда не спешу, Джонс, чего и вам желаю. — Ник убрала кинжал в глубокий карман куртки. Сейчас её не тревожил его вечно насмешливый голос и мрачное выражение лица. Это Джонс, а у неё свидание с Осенью!

— Вас ждут медики, связисты и оружейник. Очень давно ждут. — Джонс чуть одернул в этот раз приглушенно синий, немного другого оттенка, чем у стражей, комбинезон.

— Не поняла? — солнце чуть потухло, радость от изучения зоны стала сомнительной. Провести целый день под присмотром кучи любопытных глаз. А они еще, поди, командовать будут — посмотрите направо, посмотрите налево...

Джонс её «порадовал»:

— Телеметрия, связь и оружие. Привыкли без прикрытия работать, да?

Ник вздохнула:

— Может, не надо?

— Мистер Перес сказал — надо! И это я уже навестил интенданта и забрал ваш паек на весь день, аптечку, необходимые средства гигиены и прочее. Цените! — он сбросил с плеча рюкзак. — Поверять будете или на слово поверите?

— Верю, мистер Джонс, верю.

— А еще меня вашим напарником назначили, а не просто сопровождающим. И не бойтесь, это только тут, пока работаем в зоне двести шесть.

— Я забегу к себе переодеться?

— Забегите, я не против. Время ваше, вам выслушивать недовольство.

Ник не выдержала и показала Джонсу язык, а потом понеслась прочь.

Техник, работавший рядом, улыбнулся:

— Ну чисто оборотень по характеру, у меня дочка так же за снежинками гоняет. А говорят — змеюка, змеюка... Сами, видать, змеи...

— Видать так, — кивнул Джонс.

Ник улыбнулась на бегу и попахала рукой технику — приятно все же, что тебя защищают просто так.

Техник чуть подался вперед к Джонсу:

— Хуже говорят — говорят, полукровка леди Холмов. Но все знают, полукровок леди не бывает. Тут кое-кому даже деньги предлагали за скрытую съемку ловца. Злые нынче люди.

Ник была с ним согласна. Но злые не только люди, вампиры тоже.

В комнате она споро переделалась в свежее — теплые колготы, джинсы, длинный свитер с высоким горлом, куртка, шапка, шарф, даже перчатки не забыла и вылетела в коридор. Там её, оказывается, ждали. Плотненькая девушка, та самая обладательница привлекательного для Жерди зада. Кстати, спереди девушка была намного красивее, так что Жердь вчера вот явно не туда смотрел. Короткие волосы, покрашенные яркими перьями — тут и золото, и рдянь, и лазурь, приятные карие глаза, смешные ямочки на щеках, умеющие улыбаться полные губы — правда, сейчас чуть отечные и с явной синевой, несмотря на помаду — рыжая зараза Жердь, кажется, очень любит целоваться.

— Доброе утро, мисс Ловец. Я Энни... Энн Круз. Я...

— Я мисс Доу, но можно просто Ник.

Техник тут же уточнила — Ник к этому уже привыкла:

— Николь? Или Вероника?

— Просто Ник.

— Простите... — Энн зарделась.

— Ничего страшного. Вы что-то хотели? Просто я спешу...

— Я хотела извиниться. Говорят, я сильно шуме...

— Ерунда, Энн, главное, чтобы все было по любви и согласию. Так что остальные пусть завидуют молча. — невольно процитировала Ник Жердя.

— Ник... Оборотень в солнечный цикл — это что-то! Впрочем, вы и сами, поди знаете. Росси отчаянный красавец, вам все девчонки из obsługi завидуют. Он же спесивый до ужаса, никогда до нас нисходил.

Ник опешила: назвать Росси спесивым — это где-то за гранью. Вот уж у кого с самомнением в порядке, так это у него.

— Эээ... Спасибо... Как-то вот еще не...

Энн понятливо рассмеялась:

— А, у вас еще конфетно-букетная фаза, да?

— У нас как бы... Непреходящая фаза дружбы. И, извините, Энн, я правда, опаздываю. — Ник помчалась прочь. Кажется, хорошо, что она вчера не поспешила с помощью. Жердь бы не оценил. Да и Энн тоже.

После суеты подготовки в зоне было тихо, в отличие от городка. Ни птиц, ни людей. Только шорох ветвей ивы, не до конца сбросивших листья. Прохладный воздух и свежие сугробы, куда ни посмотри. Ночной снег уже затянул все черные пятна огненных взрывов.

Только радости не было. Дужка связи жала, невесомая капля камеры мешала — из-за неё пришлось снять шапку, приклеенные к груди датчики телеметрии раздражали. От оружия она с трудом отказалась. Пожилой сержант-оружейник её не понял. Как же, та самая зона двести шесть, где вчера опять подкопнулись парни из Седьмого! И отпускать девчонку без плазмы — да как можно! И штурм-винтовку не возьмете? И гранаты? А если нежить?! Ник еле отбилась от такой заботы.

Рюкзак чуть оттягивал плечи, но отдать его Джонсу Ник не решилась — его жизнь дороже оттянутых плеч.

Ник достала кинжал — пора выходить, а то совсем задержались.

— Элита...

Джонс лишь выгнул бровь, разворачиваясь к ней — до этого истуканом стоял, рассматривал далекую петлю реки.

— Ловец? — он явно дразнил её.

Она указательным пальцем показала на ноги:

— Подошвы. Я вчера говорила.

Он с довольным видом приподнял левую ногу в удобном берце. Подошва... Была тоже удобная — полностью рифленая. И он это знал. Или даже специально выбирал — не раз же предупреждал, что мстительный.

— Лобик? — с готовностью предложил Джонс. Все же задевают его насмешки парней, очень задевают. Просто он привык сдерживаться.

Ник прикусила губу, но никто не поправил, рука не скользнула по лицу, мягко не прозвучало: «Не надо...».

— Обойдешься, Элита. Эм... — Она принялась тщательно осматривать его — от длинных, почти бесцветных волос, прячущих дужку связи... — Камера!

— Как скажете. — Джонс послушно снял дужку, подавая её. Ник скривилась — тут защитный знак тоже было негде выводить. Капля камеры совсем невесомая.

— Что-то еще? — уточнил он. Вот любит же напрасно рисковать. Хотя, с другой стороны, вздохнула Ник, если бы она была чьей-то собственностью и точно знала, что никогда в своей бесконечной, бессмертной жизни не получит свободу... Да к оркам такую жизнь под чужую дудку! И это еще без требования воспевания — какой Перес хороший и замечательный хозяин. Почему нельзя быть хоть каплю милосердным и отменить это дурацкое наказание лордов Холма? Нравится, наверное, унижать, а туда же — больная точка, он мой друг... вспомните о милосердии... Сам Перес не утруждался такими мелочами.

Ник стала осматривать Осень дальше. Даже обошла со всех сторон. Простой комбез, нигде знак не вырезать, не по живой же коже резать. Она не мясник и не садист, чтобы там Перес не думал. Джонс стоял и ждал, когда же она сдастся. Чуть подернул сползшие рукава, и Ник облегченно сказала:

— Ага!

— Ага?

— Часы.

Джонс без споров протянул ей старые, поцарапанные часы. Еле слышно сказал:

— Только не испортить...

Ник скользнула взглядом по циферблату. Стрелки замерли на без пяти двенадцать и даже не пытались шевелиться. Только дата стояла свежая, доказывавшая, что кое-какая

жизнь в часах еще теплится. Как в Джонсе. Как в её Осени. Она отвела взгляд. Сейчас нельзя плакать. Куча лишних глаз смотрит на неё. Смотрит и следит за реакцией. Как, например, Перес замер у окна поста и смотрел в упор на неё. Ник не выдержала и показала окну оскорбительный жест. Пусть Перес понимает, как хочет. Не её проблемы.

Она осторожно вывела кинжалом защитный знак на задней крышке часов. Тут же предплечье взорвалось болью — теперь Ник всегда будет знать, грозит ли опасность её Осени. Теперь она может прийти ему на помощь, как и поклялась — не вмешиваться, если нет реальной угрозы жизни. Осталось только купить необходимые ингредиенты и добраться до Переса. А потом бежать, давая свободу Осени. Только Эми и... Лин... Их будет отчаянно не хватать. Иногда чем-то приходится жертвовать. Иногда приходится выбирать, и свобода однозначно важнее, чем... И... Ник выругалась про себя — так она дойдет до того оправдания того, что война была нужна, а это не так. Это совсем не так. Оправдания случившемуся нет. Свобода важна, свобода нужна, это неотъемлемое право каждого разумного существа, но... Осень верно говорил — все можно было решить иначе. Надо было садиться за стол переговоров, надо было решать, обсуждать, спорить, орать до хрипоты, может, даже бить друг другу морды, но не стравливать разумных существ. Ник добьется свободы Джонсу, чего бы ей это не стоило. Только переговоры с Пересом невозможны. Просто придется бежать и бежать далеко. А Эми... Можно выкупить и попросить Эвана помочь с её воспитанием. Он говорил, что готов прийти хоть на край света, чтобы помочь ей. Идти не нужно. Пусть воспитает девочку свободной и счастливой. У парня, который умеет стряпать блинчики, напевая у плиты, должно получиться.

— Мисс Доу? — напомнил о себе Джонс.

— Простите. Держите, — она вернула часы обратно. Она не будет не спрашивать, что за время стоит на часах. И так ясно, что это время его несостоявшейся смерти. Это время, когда он лежал и смотрел в небеса, выбирая облако, на котором лететь. Сердцу стало горячо, а глазам ненужно мокро. И только незаметное, быстрое прикосновение холодных пальцев к её руке. Им больше не дано. Им больше нельзя. Когда-то крепость по имени Джонс не пала к её ногам, а сейчас и нельзя. Перес слишком рядом и слишком внимателен. Он вышел под защитный козырек поста, прячась в тени:

— Удачи, Генерал. Помни — она леди Холма. — Перес прошептал это настолько тихо, так что Ник расслышала только про свое происхождение. Она вновь показала ему средний палец, если он в прошлый раз не понял.

— Я нагайна. — и пошла прочь. Хватит. Река не ждет. Хоть это и будет пытка — весь день рядом, и даже не поговорить.

Они шли больше часа. Сугробы. Бездорожье. Опасность, которая жадной змеей ползла где-то рядом под землей. Ник останавливалась не раз, рассматривая разбитые старые камни с вырезанными незнакомыми узорами — то ли руны, то ли просто узоры. Джонс отрицательно качал головой — он не знал таких знаков, как и Ник. Пост уже не было видно за длинным языком осинового леса. Хорошо, что воздух был теперь недоступен, а то Ник читала — во время войны до установки Границ, использовали дроны. Сейчас не летал никто, хоть Ник и тянула постоянно музыка куда-то в небеса. Прикольно, наверное, оказаться назло Пересу не леди Холма, а драконом! Хотя Ник знала точно — она леди, иначе с Осени не снялась бы кровная привязка вампиров.

Без предупреждения в руке со стороны Осени вспыхнул огонь — яркая вспышка в воздухе, которой быть не должно. Джонс ушел перекатом, что-то крича Ник. Та дернулась к

нему, наплевав на приказ вроде бы уходить... Она ничем не лучше Эвана. Она ему говорила — сама в аналогичной ситуации не послушается и рванет. Рванула, тут же подмятая напрыгнувшим Джонсом, прижимающим её к земле. А потом небеса, какое-то вялое, необжигающее пламя, земля, снег и улыбающееся лицо Осени смешались в дикой круговерти. Они, кажется, упали в какую-то ложбинку, Ник сверху, а хохочущий Осень, отбрасывающий в сторону сломанные дужки связи, снизу.

— Служить в армии и не ломать оборудование — невозможно! — он замер, поправляя Ник налетевшие на лицо волосы. — Ну, здравствуй, Ники...

Висок, с которого Осень сорвал дужку связи, саднил. Сердце заполошно билось где-то в голове, а то и дальше, но Ник улыбнулась, а не саданула кулаком Осень в грудь, как хотелось — ведь мог же предупредить!

— Ники, не злись, — он пошевелился под ней, осторожно опуская её в сугроб, паразит такой, никакого уважения к леди Холма! И к ловцу в том числе. Он сел, доставая из кармана комбеза надрывающийся интерфон. — Элита, слушаю... Да, Коршун. Все в порядке. Живы. Чуть задело пламенем... И не докажешь, что специально. И да, оплачу из своего кармана... Коршун, есть развлекаться.

Он отключил звонок и тоскливо посмотрел на Ник.

— Знаешь, у Переса на тебя какие-то планы. — Он встал, протягивая руку и помогая Ник встать. — Только я понять не могу — что за планы. Никак не понимаю. И это бесит невероятно — я не могу тебя защитить...

Ник отряхнулась от снега, поправила волосы и напонила:

— Я ловец, я не нуждаюсь в защите.

— Ты прежде всего девушка, которую втянули, в том числе и я, в политические игры.

Ник поправила лямки рюкзака:

— Знаешь, Лин, выросший в более трудном обществе, чем наше, как-то менее узколоб — скажем так... И, пойдем, река не ждет. Я, конечно, написала в заявке на вход в зону время возвращения: «22:00», но хотелось бы все же вернуться раньше. Я плохо вижу в темноте.

Он пошел рядом. Не пытался взять за руку. Не пытался обнять или поцеловать. Просто шел рядом.

— Ник, не злись.

— Я не злюсь, я рада, что ты тут, я рада, что ты в порядке. Я боялась за тебя. Как ты?

— Хреново, — честно признался Джонс. — Я очень... Скучаю, Ник.

Она даже остановилась и потянулась к нему, но он качнул головой:

— Не надо, потом будет еще хуже. Я с тобой какой-то шальной. Странный. Не такой. Словно с головой окунули в детство...

Ник вспомнила, как он пританцовывал у плиты...

— Забавное у тебя было детство.

Он глянул на неё исподлобья и поправился:

— Счастливое время, когда я был еще сам собой, Ник. Так будет точнее. И возвращаясь к Пересу...

Она его оборвала:

— Давай не будем о нем.

— Давай не о нем. Давай о тебе. О тебе же можно, Ники?

Она поняла, что разговора не избежать:

— Обо мне можно.

— Понимаешь, Перес нас с тобой словно специально сталкивает лбами. Снова, снова и снова. И я не понимаю — зачем.

Ник склонилась у очередного камня с рунами — этот камень, чуть меньше двух футов, река пощадила, не разбила, только чуть подмыла, заставляя покоситься. Еще год-два, и вода его подточит и уронит, погребая под слоем грязи и наносного ила. Ник провела пальцем по знаку на камне, следуя его извилистым загогулинам. Ничего. Она не чувствовала ничего — это не её магия. Или магии в камне нет совсем.

Джонс продолжил:

— Это совсем не моя обязанность — доставка кофе даже очень важным людям. Пусть для всех моя должность и звучит, как секретарь, но на самом деле я не принеси-унеси-составь график встреч. Я правая рука Переса, я специалист по фейри, мне кажется, он меня поэтому и выкупил у лордов. Я не хожу в зоны. Меня не должно было быть ни во льдах, ни тут. Точнее, моя работа тут должна начаться с момента установления безопасной дороги к курганам фейри... Если это вообще они. Я не отвечаю за восстановление зоны порта — я повар, я военный, я бывший привратник фейри, а не строитель. Но Перес меня толкал и толкал к тебе. Мне это чертовски не нравится, Ник. Он стер память о твоей генетической карте всем — от медсестры, забиравшей анализ, до лаборанта и врача. Но он пропустил меня.

Ник внимательно посмотрела на озадаченного Осень:

— Забыл?

— Ему шестьдесят лет, Ник. До маразма ему еще далеко, а юношеский пофигизм «и так сойдет» он давно пережил. Я не понимаю — почему мне сохранили память о том, что ты леди Холма. И ты же поняла мой намек с нагами, да? Я имел в виду, что ты не только леди, но и можешь оказаться нагайной с другой стороны.

Ник скривилась:

— Ты хочешь сказать, что я вообще не человек?

— Очень может быть, Ник. И в этом ничего страшного, пока никто лишний этого не знает.

— Перес явно лишний.

— Да. Он явно лишний. Он что-то хочет от тебя. Он заставил меня пойти к тебе и уговорить бежать с этой сволочью Тамиором. Он...

Ник решила облегчить его задачу и оборвала:

— Можешь не продолжать. Я понимаю, что и спасти меня от Тамиора тебя опять заставил Перес.

Джонс замер, посмотрел на Ник крайне странно, пнул ближайший попавший под ногу камешек и угрюмо сказал:

— Какие нынче принцессы недоверчивые. Не верят в искренние благородные порывы... Ник, может, я и раб, может, я и под клятвой крови ходил, но отправился на твои поиски я сам. Даже рабам положен отпуск. Я его могу брать, когда захочу. Перес не настолько сволочь, как ты думаешь. Я уже говорил — он избалованный высший вампир, который никогда не получал по шее. Это не синоним слова «сволочь». И я сам... — он горько улыбнулся, — впрочем, кажется, теперь это неважно.

Он замолчал и пошел дальше. Ник тоже молчала. Молчала, потому что... Всеу есть предел. Даже в причинении обид есть свой предел. В отношении Джонса, она, кажется, достигла своего лимита. Она очень постаралась. В пору вывешивать на доме табличку:

«Осторожно, тут живет злая принцесса!». Крепость по имени Джонс не падет, крепость по имени Джонс будет превращена в порошок самой принцессой и растоптана в прах во имя любви. Уничтожена, потому что принцесса не умеет думать и держать язык за зубами.

Сколько раз она его уже унижала.

При первой встрече с мешком кофе. А ведь можно было просто пустить в дом и посмеяться, что у некоторых вампиров нет чувства меры. Мешок вместо банки. Все можно было превратить в шутку. Можно было посетовать, что не умеет толком готовить кофе, и уже тогда бы он с улыбкой стоял у плиты и рассказывал, что умеет готовить не только его, но и блинчики. И тогда бы... Пальцы его отбивали такт по столешнице, пиджак и галстук валялись на столе и еще где-то, и сковорода летала в его сильных пальцах, и блинчики зависали в небесах. И клены тогда были золотые, и воздух упоительно свеж... И можно было целоваться, ни о чем не думая. Она бы смеялась и потащила его с собой на танцпол. Может, Лин и команда были бы недовольны, но это её право и её блинчики. И её принц. Ведь он её. Был. Еще минуту назад, до того момента, как она сказала, что он кинулся спасти её не сам, а лишь по приказу...

А ведь была еще вторая встреча — и вместо вполне человеческого сожаления о том, что его заставляют работать при свете солнца, опасного для него, вместо того, чтобы пожалеть и объединиться против Переса уже тогда, она лишь высмеяла его. А ведь могла бы пойти к Пересу и предложить выкупить Джонса. Это сейчас уже нельзя пойти и предложить такое — она сняла с Осени привязку, и к нему нельзя привлекать внимания.

И третья встреча — когда вместо благодарности за то, что он выполнял роль сиделки у её кровати, она... Да-да-да, тогда она тоже высмеяла его, подозревая в корысти. А ведь он настолько волновался о ней, что сбился сперва на её имя, и только потом исправился.

«Ник... Мисс Доу...» — так и звучало в её голове. Она уже тогда была для него Ник...

И четвертая, закончившаяся так неожиданно — только случайно захватив воспоминания Осени, она прониклась к нему уважением. А ведь знала, что все ветераны на войне отнюдь не ромашки нюхали, и история, подобная истории Осени, стоит за плечами многих новообращенных вампиров. Её же предупреждали и Лин, и Эван, что Джонс хороший...

Перес прав — она спесива и самоуверенна. Она не видит дальше своего носа. Ни с Лином, ни с Осенью. Злая, очень злая принцесса. И нужна ли она Джонсу? Нужна ли она вообще кому-то?

Она догнала его, обнимая со спины — хорошо, что он её роста:

— Прости, прости, прости... Осень, пожалуйста, прости.

Он развернулся:

— Ники? Ты плачешь?

Она уткнулась ему в плечо:

— Прости.

Он погладил её по волосам, медленно, осторожно, и почему-то вспомнилось, как отцова ладонь чуть стучит по спине в знаке утешения.

— Ники, все хорошо. Все будет хорошо, только не плачь. Я не злюсь. У меня нет права злиться на тебя.

Она печально швыркнула носом:

— Есть, Осень. И то, что сняла привязку с тебя, не делает меня лучше и не лишает тебя права злиться на меня. Я вела себя с тобой отвратительно.

— Ты опять ошибаешься в возрасте, Ник. Я старше тебя, я понимаю, что это просто твой

возраст, недостаток опыта и общения. Ловцы одиночки, а уж воспитанные в Сорок первом округе ловцы... Это отдельная история. Я не злюсь. — Его ладонь чуть сожалеюще прошлась по её щеке, — прости, но как бы меня не тянуло к тебе, как бы я не скучал по тебе, нам нельзя привыкать к друг другу — расставаться потом будет больнее. Ты должна набираться опыта и сшибать шишки рядом с одногодкой. Или с тем, кто безоговорочно принимает тебя. Я люблю тебя, Ники, но у нас ничего не выйдет, мы разные. Это даже без учета Переса.

— Ведь могло все получиться. Тогда... С мешком... Я могла тебя обозвать Морозным дедом с подарками. Я могла преломить с тобой хлеб. Я могла высмеять гигантизм Переса. Все могло быть иначе.

Он поцеловал её в лоб:

— Ники, все случилось, как случилось. Это надо принять. Просто дальше не наломай дров в других отношениях.

Она призналась:

— Я решила объявить год без парней. И список со стены убери... Напишу новый. Что-нибудь придумаю. Я дам тебе свободу любым способом.

— Ты обещала не вмешиваться.

— Я не могу не вмешиваться, Осень. Я и так слишком многое испортила в наших отношениях. Знай — что бы ни случилось, ты всегда желанный гость в моем доме. Он всегда готов тебя унести на край света и даже за край, если понадобится. Приходи любой — со щитом или на щите...

Он рассмеялся ей в волосы:

— На щите приносят. А я такого уже не допущу. И Перес не допустит. Я уже говорил — Перес не скрывает, что в конце концов выставит меня на бой. Я свое будущее знаю четко.

— Еще посмотрим про бой. Придет время, я соберусь с силами и...

— И ты забудешь обещание, — вспомнил Осень.

Ник кивнула:

— Забуду. И побегу... Остановлю Переса. — Она взяла Осень за руку и потянула за собой, резко меняя тему — не хотелось, чтобы он и дальше выговаривал ей. — Река не ждет.

— Не ждет, — подтвердил Осень. — Заметила, зона сегодня какая-то прям подозрительно добрая? Ни одного взрыва или всполоха пламени.

— Это потому, что ты со мной.

— Какой я, однако! — Осень смеялся легко и беззаботно, Ник даже обиженно его в бок ткнула:

— Это я — какая!

— И ты какая! — согласился он тут же.

Глава 17. Ткачи ивы

К реке Ник с Осенью вышли через час.

Берег был высокий, подмытый, Ник с трудом слезла к самой воде, сейчас скованной льдами. Хорошо, что Осень молчал, никак не комментируя её жалкие потуги быть самостоятельной. Когда-нибудь она снимет блок и тогда... Тогда — что? Её все равно все принимают такой, какая она есть — и Лин, и Осень, и Арано, и... Ладно, о Жерди не будем, рыжий Себастьян Диез сейчас неадекват в солнечном цикле. А чужое мнение её не волнует.

Вода была низкая — река далеко ушла от берега. Глинистый склон переходил в галечный пляж, по которому было удобно идти, даже с учетом его изгибов. Ни вечных зарослей ивы, ни таинственных камней. Ни опасности — Ник ничего не чувствовала, хоть в виде эксперимента Осень ушел от неё ярдов на двести. Тут можно было идти и не бояться. Главное, внимательно осматривать высокий берег в поисках возможного вскрытого водой могильника. Ведь где-то здесь убили как бы не ткачей ивы. Здесь просто обязаны быть их следы. Чаще всего именно реки невольно вскрывают могильники, вызывая всплески некрофона, как тут в Алисо.

Первая кость нашлась через два часа пути почти в тишине. Осень молчал легко, а Ник слишком боялась нарушить хрупкий новый мир между ними.

Осень вытащил из-под снега, отряхивая от него и грязи, чью-то длинную трубчатую кость.

— Бедро. Ребенок не больше десяти лет. Все же могильник — причина зоны, а не курганы.

— Одно другому не мешает.

Осень аккуратно положил кость на высокий берег:

— Потом команда зачистки придет и похоронит, как надо. Главное, успеть зачистить до весны, а то потом унесет дальше — замучаемся собирать и чистить.

Ник обняла себя руками и пошла дальше. Новые кости не заставили себя ждать. Скелетированная рука. Чей-то череп, пробитый множество раз — сломанный нос, трещина в верхней челюсти, пробитый висок, и контрольный удар в подзатылочную область. Этот мужчина или женщина слишком много боли узнал перед смертью. А боль — хороший стимул, чтобы вернуться и отомстить.

Осень указал на острые, мелкие зубы, наполовину выбитые:

— Это явно не человек.

— Ткачи ивы нашлись. — сухо сказала Ник. Иногда она ненавидела тех, кого должна защищать. Люди были ничуть не лучше нелюдей в войне. — Наверное, их принесли в жертву, чтобы защитить городок. Ведь сюда так и не вошли войска. Везде были, а этот городок как заклятый — его не тронули.

Осень опять отправил череп наверх, где его точно найдут:

— Согласен, следы ритуального мучительства ни с чем не перепутаешь. Ник, в той войне сложно найти правых и виноватых. Мир тогда зашел в тупик. И договориться мирно мы все не смогли.

Она лишь кивнула и пошла дальше — надо найти основной могильник и заглушить его. Унять боль умерших. А потом можно будет вернуться за убийцами. Ник знала — Лин не позволит никому спрятаться и отсидеться. Он найдет всех. Он говорил. Даже спустя десять

лет найдет. Мертвые умеют говорить, если их уметь слушать.

Осень дернул её за рукав куртки:

— Ник, опасности нет?

Она прислушалась к себе. Знак молчал.

— Вроде бы. А что?

Осень указал на берег, чуть заросший чахлыми кустами ивы. Она тут была везде.

— Тогда я посмотрю сверху, хорошо? Сверху должен хорошо заметен погребальный холм. Если им, конечно, оказали хоть какие-то почести.

— Только осторожно, Осень. — привычно напомнила Ник.

— Я сама осторожность. — Он улыбнулся и признался, — иногда бываю. Честно.

Он сиганул вверх в прыжке, даже не смотря куда. Ник же сказала, что безопасно. Главное, что не в самые заросли ивы... И тут пришло пламя — моментально, без предупреждения, дикой вспышкой боли в предплечье, заставляя падать на колени и орать:

— Осень, назад!!!

Он и прыгнул назад. Горящим факелом, крутящимся на снегу в попытке сбить пламя. Хриплым стоном из обгоревшего рта.

— Не бойся... Я регене... — он сглотнул и потерял сознание. Боль властна даже над вампирами.

Правы в школе ловцов — ловец не имеет права ни к кому привязываться. Ловец не имеет права на свою жизнь. Он рука закона. Он лишь механизм по защите людей. И сейчас она защищала Осень как могла. Забыть, что этот па... Мужчина ей дорог. Забыть про слезы. Забыть про чувства.

Сорвать со спины рюкзак.

Достать аптечку.

Вколоть обезболивающее. Следом противошоковая смесь. Потом регенерант для вампиров. Убрать сгоревшую ткань, кое-где она оплавилась и убрать её не калеча, было невозможно. Замотать в золотистое, теплосберегающее одеяло. Потом подсунуть под голову сипло дышащего Осени шапку. Укрыть своей курткой. И ждать. И молиться. И ждать — вызвать эвакуацию она не могла. Даже не потому, что опасно, а потому что в пламени взрыва сгорел и интерфон Осени, калеча того еще сильнее. Не думать. Он вампир. Он сейчас отнюдь не пепел. Он регенерирует и еще будет смеяться и готовить кому-то блинчики и кофе. Он будет танцевать, пусть и не с ней. Она будет рядом — если он захочет. Она будет радоваться его избраннице и уважать её, потому что она слишком уважает и любит Осень. Не так, как тогда в доме. Иначе, когда главное, чтобы жил и был счастлив. Главное, чтобы дышал.

Отваливались коростой обожженная плоть вместе с впаянной одеждой. Раны очищались, но медленно, очень медленно. И хватит ли обезболивающего до прихода спасателей?

Ник знала, что может сделать еще.

Она сглотнула — он прибьет её. Он будет против, но сейчас у неё не было выбора. Ей нужен улыбающийся и живой Осень, а не хрипый комок регенерирующей плоти. Она осторожно легла рядом, стаскивая вниз высокий ворот свитера и отворяя кровь. Зубы тут же впились в вену. Было больнее, чем в прошлый раз. Тогда он осознанно пил, а сейчас в нем говорили инстинкты. Ник сильнее сжала кинжал, готовясь остановить Осень. Только после трех глотков зубы сами ушли прочь, оставляя ранки, а Осень просипел:

— Ники... Я же просил...

Она поцеловала его в щеку:

— Я предупреждала — я буду вмешиваться при угрозе твоей жизни. А теперь... Спи...

Он прикрыл глаза, только не спал — вновь потерял сознание. Ник чуть заглянула под одеяло — раны стали покрываться серыми, многочисленными грануляциями, скоро они затянутся. Только массивы мышц будут регенерировать дольше — день, два, может, больше. Но это ерунда. Главное, что Осени стало лучше. Он не так громко дышал, а кожа на лице чуть порозовела. Ник прикрыла глаза — оставалось молиться небесам, чтобы Перес не учуял её кровь. За питье человеческой крови уничтожали на месте.

Она ходила по берегу. Она проверяла состояние Осени. Она даже что-то поела, с трудом заталкивая в себя. Она еле забралась наверх по крутому склону, найдя-таки могильник. Она высчитала его примерные размеры. Она вешками отметила его границы. Она настолько устала, что прикрикнула на мешающие ей побеги ивы. Она, сидя на берегу, делала расчеты защитной фигуры, остановившись сперва на пентаграмме, а потом выбрав более устойчивую гексаграмму. Глубина могильника небольшая — не глубже ярда оказалась, убийцы не напрягались, хороня своих жертв, так что стандартной гексаграммы хватит за глаза. Она кинжалом принялась выводить её на мерзлой, твердой земле. Ивы настолько оказались ею запуганы, что сами выстроились вдоль линий треугольников, не мешая ей. Она воткнула кинжал ровно в центр гексаграммы. Ник надеялась, что на крутых склонах берега, она точно вывела линии, нигде не ошибившись. Осталась только активация кровью.

Темнело. А Осень все лежал и лежал.

Она снова спускалась к нему — вышина одного из треугольников гексаграммы начиналась от реки.

В очередной раз выпоив Осени через трубочку капли воды, легонько проведя по гладкой щеке, она прошептала:

— Осень...

— Я... Ники... Я уже... сейчас... почти... — Он даже открыл слегка мутные глаза. Регенерация набирала ход, но ему еще лучше лежать.

Она уперлась ему в голую грудь рукой:

— Лежи, сейчас он... Ага... И как тебя Перес терпит? Сама бы прибила, чтоб не мучался, да кинжал стало жалко — он мне еще для зачистки могильника нужен...

Осень все же сел, теряя и её куртку, и одеяло... Прижал к себе, шепча:

— Все хорошо... Все хорошо... Я жив.

Хорошо, что он про её кровь молчал, потому что ей и без него плохо — учует Перес или нет. Прибьет их или нет. Он-то явно знает, как кровь леди Холмов действует на вампиров. Ник сжала пальцы в кулаки — у неё не было выхода. Она не могла быть рядом и не помочь. Просто не могла. И идет Перес со своими разговорами о милосердии куда подальше... Только все равно страшно.

— Ники, солнышко, все хорошо... — Его руки стали еще тоньше — пока еще мышцы восстановятся. Не парень, а веточка, ветром унесет. — У тебя под джинсами что-то еще есть, кроме тебя самой?

Ник не удержалась от смешка — крепость, кажется, решила сама рухнуть. Правда, несколько не вовремя.

— Осень, как бы не место...

Он еле слышно, чуть ли не уходя в кашель, рассмеялся:

— Любишь ты благородные порывы портить... Но я, вообще-то, претендовал не на тебя, а на твои джинсы. Сейчас они мне точно по фигуре. Как бы еще не сваливались.

— Чем тебе плоха моя куртка? Надень его и ходи...

— Жаалко, да? Или...

Ник сдалась:

— На мне еще теплые колготы. И отдам я тебе джинсы, не бойся.

Она молча встала, развернулась к Осени спиной и принялась стаскивать джинсы. Знала, что Осень не будет подглядывать — он привычно отвернулся. А потом он все же встал — поджимая рукой левый бок, чуть не заваливаясь, но встал. Ник старалась не смотреть на него, только красный, грубый рубец по низу живота и по ягодицам не скоро исчезнет из её памяти. «Вы не знаете, что от него осталось!» — шипел Перес, «У вас нет права называть его коротышкой!» — говорил он. Такие красные рубцы носили все, кто обратился за регенерацией к вампирам — они оставались, как граница, как память — тут ты, а там уже плоть вампира.

Осень спокойно пояснил, натягивая джинсы:

— Подорвался на mine. Я отдельно, ноги где-то отдельно. Даже в чем-то рад был — не сдаваться фейри. Лежал, смотрел на облака и не умирал, вот сволочизм-то. Парни успели наложить магжгуты. А потом, когда сдались, фейри жизнь спасли — очень хотели именно живым получить «Генерала»...

Он застегнул джинсы и постарался выпрямиться:

— Ники, я готов к новым подвигам...

Она подняла свою куртку с земли и накинула ему на голые плечи, благо, что он сейчас был даже ниже её — слишком сутулился.

— Сиди и наслаждайся жизнью, пока я буду усмирять смерть.

— Ники, надень куртку — мне она не нужна.

— Ты ранен, тебе необходимо тепло. Так что это не обсуждается. И... — она поправила воротник куртки, — мне надо работать.

— Только не полыхни на полдолины, хорошо? — сдался Осень.

— Хорошо, — согласилась Ник, она всегда была покладистая. — Вечно вы меня во всяких могучествах подозреваете.

— Ник... Я же шутил. Иногда я вспоминаю про чувство юмора — честно.

Она нагло показала ему язык и пошла к одному из лучей гексаграммы, тому самому, что начинался на берегу. Ник чуть волновалась за Осень — не хотелось его нервировать, но без крови могильник не утихомирить. Она бросила украдкой взгляд на замершего бледного парня, такого смешного и обманчиво хрупкого сейчас в спадающих джинсах и куртке. Только вот зубы у хрупкого парня острые, и совесть хорошо развита. Ник прикусила губу — надо рисковать. Она отворила кровь на запястье и напоила ею гексаграмму — кровь сама разнесется по лучам. Слышно было, как заскрежетал зубами Осень — недокормленный, отчаянно нуждавшийся в крови, но стоявший прочно на ногах — не бежал к ней, не рвался, не летел, в прыжке сворачивая Ник голову. Осень — человек. Мир изменился. Это просто лорды закалились так, не способны слышать мир.

Она потянулась магией и активировала свой кинжал. Наноботы, лишённые хозяев, отозвались на её призыв.

Могильник застонал десятком голосов — они не были готовы уходить без боя.

Ивы зашумели, хоть ветра не было. Они стонали и жаловались на боль, а потом из-под

земли вырвался огонь, полыхая на полнеба, легко вылетая за пределы гексаграммы и затапливая всю долину. Кажется, он рванул даже вверх по Границе. И как бы не за неё.

Осень в таком-то отчаянном прыжке подмял Ник под себя, прикрывая своим телом от волны жара, летевшей над рекой.

— Каждый раз все круче и круче, Ники... — прошептал он ей прямо в ухо, заставляя сжиматься от непрошенной щекотки.

— Я не... Это не я, точно.

Осень осторожно присел, стаскивая и бросая в сторону дымившуюся куртку, а ведь она была заговорена от огня. Вдоль берега, покуда хватало глаз, горели и плакали ивы. Огонь по корням несся под землей, пока не выгорит вся пропитавшаяся болью ткачей ива.

Ники, разглядывая громадные языки пламени, вздохнула:

— Слушай, а какие у ив корни?

— А это важно?

— Наверное.

— Полагаю, что общие — кустовые ивы же побегамии размножаются.

— Вот то-то и оно...

— Ага, — не более осмысленно подтвердил Осень. — А скажут — это все ты...

Ник прикрыла глаза.

— Я задала стандартную глубину защиты. Кажется, ошиблась. Так что это точно я.

Стало жарко и светло, как днем. Кожу тянуло. Таял снег, тек весенними ручейками, шипел, испарялся... Ник встала, подставляя плечо Осени. Тот на миг прижал её к себе, словно жалея, что пути их так и не сошлись в один, а потом отошел прочь:

— Ники, я сам, хорошо?

Пламя летело вверх, дым клубился разъяренными душами, не желая покидать этот мир. Ивы горели и не сгорали. Гнев питал их, и пока его весь не вытянет из земли, из костей, из памяти погибших от чужих напуганных рук, они не сгорят. Наноботы вообще не горят.

— Посмотри на это с другой стороны — премия за выход к курганам твоя. И парням больше не рисковать.

Она покаянно качнула головой:

— Наверное.

Осень продолжал утешать:

— Выиграешь Эми на аукционе, и уедешь из этого дурдома, Ник. Будешь свободна, живи там, где никто не знает мисс Никто.

Глава 18. Стая

Вдалеке раздался странный шум, выбивающийся из гула пламени и треска падающих деревьев. Осень нахмурился, его пальцы сжались в кулаки — кажется, он опознал звук. А потом и Ник разобрала мерный топот лап. Она развернулась, не понимая, как стая... Как Лин... Как они все же оказались тут. Шли по их следам? Точнее даже летели вдоль реки — ходили мышцы под лощеными шкурами, лапы мощно загребали снег, отбрасывая его назад, горели алым отблеском пожара глаза. Магия колыхнулась в сердце Ник — тянуло мускусом, миндалем и чуть-чуть сандалом. Лин, неожиданно Жердь и Утес.

Ник сглотнула — зрелище было великолепно: три огромных, разных оборотня, но двигались слажено, как единое целое. Лин впереди — самый крупный, может, даже выше Ник в холке, матерый зверь с густой золотистой шерстью в еле видимую черную полосу. Гривы у него не было, зато нет и опасности перегрева, он сильнее, быстрее и выносливее любого льва, слишком быстро спекающегося в беге из-за гривы. Длинный хвост, огромные лапы, и все это великолепии не нужно никому из оборотней и оборотниц — психи, как есть. Разве можно не любоваться такой мощью и статью? Рядом с ним даже Жердь, сильный тигр, был задохликом. Про Утеса, снежного ирбиса, можно было вообще молчать: под пузом пройдет — Лин его и не заметит.

Осень прикоснулся к локтю Ник и мягко потянул на себя. Голос его был напряжен.

— Ники, только не бойся. Я смогу тебя защитить.

Ник обернулась на него непонимающе и сделала шаг навстречу стае.

— Лин! Утес, Жердь... Рогатые орки, зачем так рисковали, продираясь через пламя?!

Лин в длинном прыжке, сильно опережая стаю, приземлился перед Ник, тут же приподнимаясь на задние ла... Ноги. Чертовски развитые ноги в жгутах мышц. Лин был сложен ладно, очень пропорционально, плотно, но без лишней тяжести в мышцах. Разворот плеч, широкая грудная клетка, плоский живот, эээ...

Ник спешно подала свой шарф — неловко любоваться не своим мужчиной. Только шарф не спас её — с боков от Лина тут же встали Утес и Жердь. Тот не даром получил такой позывной — длинный, мосластый, кости толстые, крепкие, а мышц всего ничего, если сравнивать с тем же Утесом.

Линдро, с трудом овладевая голосом — тот же Жердь пока еще был способен только утробно рычать, несмотря на уже человеческий вид, сказал:

— Ник. Прошу. Отойди от Джонса.

— Что? — не поняла его Ник. Она ожидала что угодно, но не этого.

За спиной тихо раздался голос Джонса — он стоял почти вплотную к ней:

— Ники, пожалуйста, зайди за мою спину. Три возбужденных оборотня, а один даже перевозбужден — это слишком опасно.

Лин молча стоял и ждал. Он просто надеялся, что она сделает правильный выбор.

— Ники... Пожалуйста, — продолжил настаивать Осень, делая плавный шаг вперед, и тут же натываясь на раскатистый рык Жердя:

— Стояаяая! Прибью и не замечу!

Утес тоже подался вперед, натываясь на резко выброшенную в сторону руку Лина. Тот продолжал стоять, как статуя, с её шарфом в руках. Сейчас нагота оборотня была для Ник не самой важной проблемой. Он не стыдится, ей-то какая разница.

Сейчас важнее Жердь. И почему-то странно ведущий себя Осень.

Ник с трудом сдержала первые рвущиеся из неё слова — сейчас кричать было нежелательно. Без кинжала она не сможет приструнить стаю. Хотя в голове не укладывалось — ей, возможно, придется сцепиться с Лином... Или Осенью. Ни с тем, ни с другим она не хотела драться. Как и не хотела, чтобы они сцепились друг с другом.

— Помолчите, пожалуйста... Жердь — чуть терпения, прошу...

Из его пасти вновь вырвался рык.

Ник уверенно напомнила:

— Мы же одна команда.

Лин еле слышно произнес:

— Ник, прошу...

Она решила — унижать приказом Лина нельзя, но и просьбы он может не понять. Сейчас главное — развести вампира и оборотней. Она старательно напомнила:

— Мы еще в зоне. Я Ловец... Листопад, три шага назад! Пожалуйста!

А потом резко развернулась к Осени, только сейчас замечая, что он все же перешел в боевую форму, несмотря на плохое самочувствие.

— Элита, три шага назад! Это приказ Ловца!

Стая одним на всех троих плавным, слаженным движением сделала шаг назад. И еще. И еще. Все же четкое выполнение приказа у них в крови. Этого не отнять. Даже у Жердя, который почти перебесился.

Джонс явно неохотно отступил.

Ник тут же развернулась к Лину:

— Я не понимаю, Лин, что происходит? — она старалась не замечать, как по его рукам пробивается золотистая шерсть. Она старалась игнорировать черные полосы, то и дело возникающие на груди и боках — у лигров, как и у тигров, кожа под полосками прокрашена в черный цвет.

— Мы пришли вас эвакуировать. Но все немного осложнилось, Ловец. Джонс пил твою кровь. Пить кровь разумных запрещено, тебе ли не знать.

Ник всплеснула руками:

— Рогатые орки, это так заметно?! — и только потом она поняла, что сдала Осень. Приговорила его к боям до смерти.

Жердь, чуть заступая за спину Лина, хохотнул:

— Ты даже не представляешь, как от тебя несет кровью. Ты это... Добровольно?

Утес резко качнул головой:

— По ходу, да.

— Я активировала гексаграмму кровью. — попытка обмануть была отчаянно жалкой, Ник понимала это.

Лин качнул головой:

— Ник, от шеи пахнет сильнее, чем от запястья. И пахнет конкретно Джонсом. Ты точно добровольно дала ему кровь? — шерсть на животе и руках Линдро втянулась — он смог взять под контроль свой оборот.

— Да, Лин. Честное слово. Я... У меня не было выбора — Джонс был сильно обожжен И... — Она обернулась к обмякшему, прикусившему губу Осени: — видишь, все хорошо. А вы тут побоище собирались устроить.

— Ники, у нас... У меня проблемы.

Лин лишь бросил Жердю:

— Справишься?

Тот кивнул:

— За мной должок Ники. Так что справлюсь. — он стал заваливаться вперед и опустился уже на лапы. Легко запрыгнул на высокий берег и скрылся за редкими языками пламени.

Джонс обречено уточнил:

— От меня тоже пахнет кровью?

Утес кивнул:

— Мыться, мыться и мыться. Иначе Перес тебя вздернет на флагштоке на манер флага.

— Понял. — кивнул Осень и понесся в реку. Пара прыжков, и он исчез под водой, только макушка иногда показывалась там, где полынья из-за сильного течения.

— Он что... Прямо в реку пошел? — опешил Утес. — Я бы и до душа ему разрешил дойти. С мылом как-то надежней, однако. Болван, но исполнительный. И... Пойду-ка я, кэп, тоже кое-что поищу...

Он серебряной стрелой скрылся в темноте — прочь в заросли на другом берегу.

Лин молча стоял, в упор глядя на Ник. Та прикусила губу, понимая, что не тут, не вовремя, не сейчас... Он плавно шагнул к ней, пальцем привычно проводя по губе:

— Не надо. Не бойся. Я не выдам тебя. И парни не выдадут. Но мой тебе большой совет — утром поговори с Пересом. Расскажи, что случилось.

— Я не могу, Лин. — честно сказала она.

— Ник, выслушай меня. Перес — сволочь, но не тварь. Он отвечает за Джонса, он должен знать. Скажешь, что испугалась, что боялась — не вытянет из-за ран, что хотела лишь помочь, чтобы он быстрее регенерировал. Спишешь все на шок.

Она, не боясь его, принялась настаивать:

— Лин, ты не понимаешь... Если бы это была человеческая кровь... Я же леди Холма, Лин...

— Ты сняла с Джонса привязку. Мы не идиоты, Ник. Парни поняли это... Но и про привязку Перес тоже должен знать.

Ник вскинулась:

— Он убьет...

Лин оборвал её, не убеждая, что она говорит чушь, что она глупа или еще что-то:

— Я не позволю ему убить тебя. Хочешь, я буду рядом, когда вы будете разговаривать?

Она опустила плечи, обмякая:

— Не меня, Лин... Он убьет Джонса. Перес просил убрать руки от Джонса. Не лезть к нему. Не обижать и прочее. Но я не могу смотреть на живое существо, насильно обращенное в рабство! Джонс не просил его делать вампиром! Понимаешь? — слезы сами глупо потекли по щекам. Лин сделал еще один шаг и прижал Ник к себе.

— Малыш... Джонс не раб, не бывает рабов, Ник. Поверь. Перес не убьет. Надс поговорить — затягивание ситуации ни к чему хорошему не приведет. Перес отвечает за Джонса. Тебе все равно рано или поздно придется обсуждать с Пересом привязку, ведь вам же с Джонсом захочется жить вместе. Завести свой дом, семью, жить отдельно от того же Переса... Тебе придется прийти и говорить с ним о привязке.

— Я боюсь... Понимаешь? Я не хочу потерять Осень.

— Ты не потеряешь его. Помнишь, времена изменились? Помнишь? — Он чуть

отстранился, заглядывая ей в глаза. Она не стала говорить, что в прошлый раз, когда она решила, что фейри изменились, она стала игрушкой Тамиора. Ему это ни к чему. — Я помогу тебе. Я буду рядом во время разговора. Ты не потеряешь своего принца.

Ник уперлась лбом ему в грудь и горько рассмеялась:

— Он не мой принц. Я решила год без парней — помнишь? И вообще... Мне нужна табличка на дверь дома «Тут живет злая принцесса!».

— Хочешь, подарю?

— Подари, — согласилась Ник. — Я испортила в отношениях с принцами все, что могла.

— Хорошо, что я не принц.

— Хорошо, Лин. Потерять и тебя я сейчас не могу.

Рядом кашлянул Жердь — Ник и не поняла, когда он вернулся. Он подал ей мелкий зеленый побег:

— Ешь. Это дикий чеснок. Я его даже помыл, если что.

Лин, все так и не выпуская Ник из объятий, хмыкнул:

— Перес будет в ярости. И, Ник, не бойся, это не та ярость, которая убивает. Правда. Только он не поверит, что это я дал тебе еду с чесноком.

Жердь тут же сказал:

— Я в запаре солнечного цикла сунул в качестве сюрприза Ник пигоди, не предупредив о последствиях. В конце концов я же должен был отомстить Джонсу за испорченное кресло?

Ник замерла, Лин почувствовал, что её настроение изменилось и отпустил, шагая в сторону.

— Пи... Как ты сказал? — она нахмурилась, вспоминая смутно знакомое слово.

Жердь тут же пояснил:

— Пирожки такие, Ник. С чесноком, мясом и капустой. Жутко вкусно... И ты ешь, ешь чеснок — вампирам он нюх убивает только так. Джонс и Перес теперь к тебе только в противогазах подойдут. Ну, или от большой любви терпеть будут.

Ник послушно засунула в рот чеснок, тот оказался душистым и слишком обжигающим язык. Подошедший было мокрый, как мышь, Осень замер в отдалении:

— Хорошее решение... — Он заклинанием подсушил джинсы. — А я...?

— Тебе тоже чесночка? — предложил со слегка издевательской улыбкой Жердь.

— Когда-то я его любил. Но сейчас вынужден отказаться. Перес не поверит, что это я добровольно.

— Ешь. — вернулся Утес, он сунул Джонсу букетик трав. — Душица, шалфей, анис. Думаю, этого за глаза хватит для первой проверки. А потом завалишься в ванну на пару часов. Никто и не учует. И не пил бы ты больше кровь леди... Себе же дороже выходит.

Лин веско сказал:

— Ник нагайна. Никаких леди, полукровок леди не существует.

— Понял, кэп. — склонил голову Утес. — Я уже своим звонил, болтал, что видел собственными глазами нагайну. Через пару дней город только об этом и будет болтать. Никто про леди Холма и не вспомнит, если один клыкастый опять не полезет пить не свое.

Ник вмешалась:

— Это я его напоила. Против его воли. И... Парни, если с кем-то будет так же плохо, если я смогу что-то сделать для вас, даже не совсем законное — я сделаю.

— Ха! — гордо вскинул кулак вверх Жердь: — потому что мы стая!

Утес закатил глаза вверх:

— Болван ты, Жердь, а не стая. И не бойся, Ник, стая своих не предает.

Жердь, в котором еще пели гормоны, снова влез:

— Да, мы стая Линдро. Узнают — нам не жить. Межвидовые стаи запрещены. Но как там у вас, ловцов... Услуга за услугу? Мы не выдаем вас, вы не выдаете нас.

Джонс, тщательно прожевывая травы, сказал:

— Я счел бы честью вступить в вашу стаю...

— Еще один болван, но сообразительный. Ты вампир. — напомнил Утес.

Ник вмешалась:

— Он человек! И вы — люди. И я человек. Мы все можем быть друзьями.

Джонс добавил:

— ...только я не свободен. Я буду обузой. Но, клянусь, я вас не выдам.

— Не бойсь, мы своих не предаем. — Это, конечно же, не удержался Жердь. Ник уже не знала — прибить его или расцеловать. Жаль же до ужаса беднягу — у него гормоны неприкрыто поют, а он тут честно с ней возится.

Лин шумно принялся, проверяя на запах крови, осторожно поправил ворот на шее Ник и решил:

— Пора возвращаться. Джонс, пешком выдержишь или Жердю тебя подвезти?

— Я сам.

— Хорошо. — Взгляд зеленых глаз переместился на Ник, — а ты сама пойдешь или прокатишься на лигре?

— Спрашиваешь?! А... Можно?

Жердь хлопнул её по плечу:

— Можно, тебе все можно. — он упал уже на лапы и потрусил вдоль реки. Джонс двинулся за ним. Следом пошел Утес.

Ник прижалась на миг к Линдро, привставая на цыпочки и обнимая за шею, чтобы хоть как-то достать до уха. Лин послушно наклонился.

— Знаешь, лигр, ваши оборотницы идиотки. Ты совершенство. В любом виде. Мне даже жаль, что мы друзья. Учти, выберешь пару — я буду дико ревновать, она должна быть мисс Совершенство, никак не меньше.

— Ясно, — он чуть отодвинулся, тут же бодая Ник огромной лобастой головой в живот. Переход от человека к зверю был идеален — практически незаметен, а ведь Ник знала — именно в момент перехода оборотень наиболее уязвим.

Она не удержалась, прижалась к его морде, пахшей чуть более зверино, чем хотелось бы.

— Ты не лигр, ты какой-то пони огромный. Вот будет обидно, если меня укачает.

Лигр не обиделся, что его так неэлегантно сравнили. Он лишь прошелся мокрым носом по лбу Ник и припал на лапы, чтобы она могла на него залезть. Уже через пару его мягких, скользящих шагов, Ник поняла, что амазонкой ей не быть. Она опустилась вперед, обнимая Лина за шею и прикикая к его недовольно прядяющим ушам:

— Потерпи. Потом клянусь, никогда не посягну. Будешь только любимую возить. — Её пальцы зарылись в его теплой шерсти, — рогатые орки, до чего же ты хороший пони!

Он чуть задрал голову вверх, заглядывая ей в глаза.

— Да, да, да, я знаю — ты меня слышишь и понимаешь. И потом мне возможно будет стыдно, но не сейчас. Оборотницы — глупые кошки. Есть же ЭКО и усыновление, и прочее.

Была бы моя воля — никому бы тебя не отдала...

Лигр вновь недовольно запрядал ушами.

— Да не возмущайся ты так, отдам, отдам конечно же. Только обещай, что из-за какой-то кошки мы не бросим дружить.

Лин рыкнул, и Ник вздохнула:

— Будем считать, что это да. И... Лин ты бы знал, как мне плохо... Как я боюсь разговора с Пересом. Если он узнает про привязку... — её руки сильнее сжались на его шее, но лигр не возмутился. Он продолжил движение.

А пламя все так и рвалось в небеса. Гнева Ник сегодня выпустила в этот мир много. И как бы этот гнев не обрушился в том числе и на голову Джонса. За себя было не страшно. Она сегодня здесь, а завтра там, а раны... раны затянутся. Только Джонсу бежать некуда. У него только арена для боев впереди.

Что за день...

Потеряла принца, чуть не потеряла его дружбу, чуть не стравила друзей в драку, чуть... Нет, Осень она Пересу не отдаст. Не позволит. Пусть без кинжала, но сил должно хватить. Она скривилась — хотя бы на разговор точно сил хватит.

Глава 19. Трудный разговор

Перес их уже ждал — ходил туда-сюда вдоль Границы. Хмурый, расстроенный, злой. Ветер принес его запах — запах неожиданного отчаяния. Ник, сползая с Лина, впервые почувствовала Переса так, как чувствовала мир. И это отчаяние почти примирило её с гневным обнюхиванием. Кажется, подошедший к ней Перес был готов её съесть, а ведь Джонс с парнями первыми вышли из зоны и уже даже что-то доложили ему.

За спиной Ник выпрямился, вызывая восхищенные вздохи у женской половины техников, Лин. Он утешающе положил руку на плечо Ник.

— Ничего не бойся.

Перес скривился:

— Мисс Доу, наше сотрудничество не состоялось по причине отсутствия в вас человечности.

— Если вы о пожарах... — старательно держа голос под контролем, сказала она, пряча облегчение от того, что запаха крови Перес не учуял. Ни от Осени, ни от неё.

— Мне плевать на зону, мисс. Мне не плевать на вашу человечность. И тут вы проиграли в пух и прах.

Лин вмешался:

— Мигель, прошу. Давайте сядем и поговорим. Все. Спокойно, как делают это люди.

Тот одернул свой всегда идеальный пиджак:

— Мне не о чем разговаривать с мисс Доу.

— Зато мне есть о чем поговорить с вами, — голос все же предал Ник, выдавая её волнение. Перес вздохнул:

— Мисс Доу, времена, когда мы питались неугодными нам девочками, давно прошли. Вам нечего бояться.

— Кроме вашего крика?

— Кроме моего крика. У меня есть некоторые проблемы с контролем гнева — наследство вампиров, никуда не денешься от него. Но я стараюсь, мисс Доу. И где вы предпочитаете поговорить? Впрочем, пройдемте в мой кабинет. И... — он обернулся на оборотней и Джонса, — парни, вы бы прикрылись, что ли. Пятый век, а вы как дикари какие-то. Брендон, не улыбайся так, джинсы зимой, тем более женские, за одежду тоже не считаются. И мисс Доу... Вы бы тоже не улыбались — ваше суперкороткое мини...

— Это свитер, мистер Перес. Это называется свитер. И если я не буду улыбаться, кажется, я буду биться в страхе — вы меня пугаете.

— Не переживайте — я слышу ваше сердце, оно у вас крепкое, до инфаркта еще далеко...

Лин, провожая Ник до кабинета Переса, расположенного на первом этаже общежития, шепнул:

— Я буду рядом.

— Иди оденься. — посоветовала она ему. — За пару минут даже Пересу меня не выпить.

— Ник, все будет хорошо.

— Да. — Главное, верить, что выйдешь из кабинета живой. Даже не так. Верить, что удастся сохранить жизнь Осени. А еще лучше — выкупить его у Переса. Почему ныне

вампируют продают...

Кабинет был небольшой, все же общежитие не под нужды Переса строилось. Зато... Пафоса в кабинете было много — этот вампир притащил с собой кучу мебели: шикарный, солидный стол, кожаное кресло, вычурные стулья для посетителей, полки... Хотя нет, полки для мелочей были слишком простенькими для Переса. Наверное, они тут были всегда. Понять бы еще, куда этот вампир элиткласса прячет бассейн и девочек.

Она села на стул напротив Переса. Тот откинулся в своем кресле, поправил манжеты с изумрудными запонками, закинул ногу на ногу. Сидел, старательно улыбался с закрытым ртом, а тянуло от него уже не злостью — какой-то застарелой ненавистью, тревогой и безнадеей. Главное, с алыми глазами не встречаться — Ник помнила, что Осень слишком легко заловил её на подглядывании.

— Я вас слушаю, — ровно сказал Перес, он даже не старался изображать внимание.

Ник сжала пальцы в кулаки, а потом еле заставила себя распрямить их — нельзя показывать страх, хоть сердце ходило ходуном в грудной клетке. С этим ничего не поделаешь — у вампиров слишком хороший слух. Она откинулась на спинку стула, заложила ногу на ногу и просто сказала — на большую речь ей бы не хватило сил:

— Я хочу купить у вас Джонса.

Перес равнодушно уточнил:

— Кто — вы?

— Я мисс Ник Доу.

— Еще раз спрашиваю — кто вы? — он чуть сменил позу, сильнее впиваясь пальцами в подлокотники кресла.

— Ловец? — неуверенно предположила Ник, ничего уже не понимая. Перес игрался с ней, но зачем?

Он криво улыбнулся:

— И еще одна попытка.

— Я человек. — гордо выпрямилась она.

Перес насмешливо качнул головой:

— Ответ неверный, мисс Доу. Еще попытку дать? Я сейчас само терпение — кажется, мы стали находить общий язык, а я уже потерял надежду.

Или... Ник опешила — он не насмехался над ней? Он... Нуждался в помощи? Е подсказке? Что ему нужно от неё?!

— Я леди Холма Ник Доу. — решила она.

— Ваше происхождение подтверждено документально?

— Моя генетическая карта у вас.

— И для чего вы хотите выкупить Джонса? Подумайте хорошенько. У вас всего одна попытка. Одна, леди из Холма.

— Я хочу дать ему свободу.

Перес обмяк, словно из него выдернули стрежень:

— Никаких издевательств? Никаких воспеваний? Никаких наказаний и воспитания?

— За кого вы меня держите?

Перес слишком честно ответил:

— За того, кто издевался над Джонсом с самой первой встречи. Вот что вам не понравилось в мешке кофе? Впрочем, не отвечайте. Я до сих пор не понимаю — что вам не нравится в Линдро.

— Я не отрицаю — я плохо показала себя, не с лучшей стороны. Но Джонс простил меня — как раз сегодня я попросила у него прощения.

— Хорошо. — согласился Перес. — Я продам вам мисс Доу, леди с Холма, моего друга Брендона Микаэля Арна Джонса с позывным Генерал. Я продаю его по той же цене, по которой покупал — я чту традиции заключенного договора. Пятьсот тысяч, и он ваш.

— Сколько?! — опешила она.

Перес ей напомнил, дергая узел галстука:

— Мисс Доу, у вас только за льды сто пятьдесят тысяч. А еще Тамиор, а еще будут деньги за зону двести шесть. Вам грех жаловаться. Еще пару раз поднапрячься, и деньги будут. А я подожду, так и быть. Никому не продам его.

— А как-то вот... Снизить цену? Сделать скидку? Уценку там... Перес, у меня нет таких денег. Мне еще Эми выкупать... Орки рогатые...

— Я не могу снизить цену, леди Холма. — он все же стащил с себя галстук, сейчас явно жалея, что не может на нем вздёрнуть Ник. — Вам ли не знать — договора нельзя обходить и обманывать, иначе Джонс вернется в тот самый Холм привратником. Мы же оба этого не хотим? И, мисс Доу, не смотрите на меня загнанной ланью — я не верю, что вы умудрились как-то потратить сто тысяч за последние дни. У вас и трат-то таких нет.

Ник сдалась:

— Я найду деньги... Как-нибудь.

Перес подался вперед, опираясь локтями на столешницу. Его алые глаза как-то слишком подозрительно ласково смотрели на Ник:

— Мисс Доу, скажите, почему нельзя было сразу прийти и помочь соплеменнику? Почему пришлось ругаться и... Орать. Да. Признаю, я орал, был, возможно, не прав.

— Я... Я не думала, что все вот так просто.

— Просто?! Мисс Доу, вы говорите — просто?! Да я об стену бился головой — все леди и лорды Холмов ненавидят Джонса, даже не зная его. Им плевать — что он сделал и кому, главное, что он нанес оскорбление одному из лордов. Этого достаточно, чтобы наказание продолжалось и продолжалось.

Ник не удержалась:

— Вы не хотите снять с Джонса привязку на крови? Просто в качестве доброго жеста? Я подпишу соглашение о его выкупе, а вы...

Перес резко встал:

— Нет. — он принялся ходить по комнате, словно загнанный в угол тигр.

— И вы после этого выговариваете мне о милосердии? Вы? Вот именно вы?!

— Именно я, — горько сказал Перес. Он подошел ближе, опираясь руками на стол и заглядывая Ник в глаза. — Да. Именно я отказываюсь снимать привязку. Он даже у вас будет жить с моей привязкой. Но вы же леди Холма...

— Перес... Почему?

Он скривился:

— Угадайка? Могу предложить до сотни попыток.

— Не играйте со мной! Прошу. Почему?

Он хлопнул ладонями по столу, и тот явно просел:

— Потому что иногда фейри сволочи. Так яснее? — он вновь пошел ходить по кабинету. Поправил жалюзи, плотнее задернул шторы. Те повисли на оборванных петлях.

— Вы не можете... Вам запрещено?

Перес развернулся к ней:

— Да вы оракул.

— Прекратите издеваться.

Он оперся спиной на стену и сложил руки на груди:

— Нет, мисс Джонс, это вы издевались надо мной всю эту осень. Или вы всерьёз думаете, что являетесь экстраординарным ловцом? Да будь моя воля — вас бы тут же выпнули из округа. Вы нам тут не нужны. Но я плясал перед вами на задних лапках, узнав ваш баланс счета после Молота. Дааа, не танцы вас сдали, вас сдал принятый Молот. Вы хоть задумались на миг, почему я вас потащил прочь из-под заклинания, случайно ломая вам руку? Потому что я узнал Молот. Потому что я понял — тут мы все и ляжем, если не уберемся. И я потащил прочь не лучшего друга, которого бы размазало по броне, я потащил человечку, потому что вы на тот момент мне казались слабее. Это называется — человечность. Когда спасают самого слабого, а не друга, которого знаешь чуть ли не с рождения.

— Я приняла Молот.

— Точно. Он вас и сдал. Я понял, что пришел ответ на все мои молитвы. И я на задних лапках заплясал перед вами. Кемпинг, чтобы вы остались в округе? Запросто. Новые заказы? Да запросто. Страховка, чтобы снизить ваши расходы и накопить денег — да не проблема! Прием в самый элитный отряд? Да хоть сейчас, хоть вы неуклюжи как... Гарцующий слон. И я не про движения сейчас, я про ваш такт. Нужны продукты? Да я вам хоть склад сегодня же подарю — только накопите нужную сумму для выкупа. Ник... Не вы экстраординарный ловец, который все это заслужил. У меня экстраординарный друг, который давно заслужил свободу. Которую я ему дать не могу из-за ненавистных фейри. Я опутан их договором. Я ничего не могу! Передвиньте чуть акценты, не будьте столь эгоцентричны — мир не крутится вокруг вас. Поймите — я делал все, что мог. У меня друг в беде. У меня друг в моем собственном рабстве. Мисс Доу, хоть иногда смотрите по сторонам. Хоть иногда вспоминайте, что есть те, кому хуже. И быть может, капля вашей... — Он замолк, дергая в этот раз уже ворот рубашки. Пуговицы так и посыпались на пол.

— Вам нельзя помогать, да?

Он лишь кивнул.

— И уговаривать? И предлагать? И просить... И настаивать... И снимать наказание... — Ник сдвинула ворот вниз, показывая две аккуратные ранки на шее. — Ну вот... Как-то так, Мигель. И у меня оправдание есть — вы меня до колик в животе пугаете. А еще я не люблю вампиров.

Стол просто взорвался щепами в воздух. Кресло влетело в стену, и тут же понеслось обратно ошметками кожи и внутренней обивки. Потом были полки и что-то еще. Кажется, посуда, бумаги и инфопланшет. Мигель носился так, что Ник его не видела — только последствия его гнева. Но ни щепки не упало на саму Ник — первым делом Мигель все же набросил на Ник то самое заклинание. И она опять не заметила, как же его формируют.

Когда последнее перо, из неизвестно как сюда попавшей подушки упало на пол, Мигель скинул оперенный пиджак, поправил рукава рубашки и громко сказал, открывая дверь:

— Джонс, живо сюда!

Тот вошел, без предупреждения переходя в боевую форму — разгром в кабинете поражал воображение. Осень мягко пошел по кругу, обходя Переса и готовясь нападать. Выдвинулись клыки, выросли когти, он чуть наклонился вперед.

Мигель лишь бросил ему, даже не отслеживая его передвижения:

— А я ведь считал тебя другом. И верил, что это взаимно.

Лин осторожно заглянул в кабинет и решил, что имеет право тут находиться.

Он вошел, рассматривая разгром, смиренно сидящую на стуле Ник, уже замершего и перешедшего в обычное состояние Джонса.

Перес ткнул в Лина указательным пальцем:

— На что угодно готов спорить — и ты тоже был в курсе. Один я идиот верю, что межвидовая дружба существует.

Ник пришла парням на помощь, точнее она решила заступиться за Линдро:

— Справедливости ради, Лин единственный, кто настаивал на разговоре. Если бы не он, я бы не решилась сегодня поговорить с тобой, Мигель.

— И я бы не узнал, что мой друг сегодня обрел свободу от меня. Документы — тут я не в силах ничего поделывать, но ведь привязка важнее. Привязка — это уже свобода... Я бы не узнал...

Джонс растерянно поправил прядь волос:

— Я...

Перес обиженно фыркнул:

— Пффф... Лучше молчи. Я еще отвратительно зол.

Ник тихо сказала:

— Мигель, а давай я сама все им объясню. А ты пока позлишься — тут, кроме стула, на котором я сижу, больше нечего громить. Хочешь, я встану?

Мигель скривился:

— Сиди. Я не настолько зол, чтобы стогнать уставшую девушку со стула.

— Будет просто замечательно — если кто-то все же все объяснит. Я хотя бы пойму — что значит этот разгром, — пояснил Лин, вставая у плеча Ник.

— Это сожаление о разрушенной дружбе, — мрачно пробормотал Перес.

— А давайте все же я. — напомнила о себе Ник. — Так будет понятнее. Хорошо?

Перес равнодушно пожал плечами и пошел дорывать шторы — может, он и хотел их поправить, но... Уж лучше бы стоял у стены. Впрочем, он это сам понял. Оперся плечами на стену, сложил руки на груди — ни дать ни взять статуя обиды или скорби. Джонс встал сбоку от него, не хотел стоять напротив — это могло выглядеть, как вызов. Ник подтянула ноги на стул, натягивая на колени свой свитер. Лин положил ей ладонь на плечо — кажется, он уже не был уверен, что дал правильный совет Ник — погром в кабинете и его впечатлили.

Ник собралась с мыслями:

— Я не знаю точный контракт о выкупе Джонса у лордов Холма — разглашать договор строго запрещено, иначе Джонс снова должен вернуться в Холмы. Настолько я поняла — на третьих лиц, случайно догадавшихся, это не распространяется... Иначе плакала моя покупка... Мигель смог выкупить у фейри капитана Джонса, но условия выкупа не давали никаких шансов ни на свободу, ни на снисхождение. Наказание отменять нельзя — восхваление должно остаться. Давать свободу от привязки на крови нельзя. Если Джонс надоест — его можно или уничтожить, полагаю — самолично, или отправить на бои, или снова продать — только лорду или леди Холмов. А те все помнят, кто такой Генерал и его наказание. Тот, кто держит слово лучше фейри, не заслуживает снисхождения в Холмах. Предлагать выкупить нельзя. Предлагать деньги на выкуп тоже нельзя. А сумма там немаленькая... Что там еще... И говорить самому Джонсу условия покупки нельзя...

Лин вздохнул:

— Ничего нельзя.

— Да, Лин. Ничего нельзя. — она поймала его руку и сжала. Лин понятливо переплел свои пальцы с её. Стало чуть легче. — И тут я... Правда, я считала себя экстраординарным ловцом, полностью заслужившим все почести. А оказалось, что я настоящей мощи и скорости высшего вампира никогда не видела... А еще же был Тамиор — Мигель надеялся, что этот лорд за помощь в освобождении из льда поможет, но звезды не сошлись. Ну а я... Я боролась, как могла с Джонсом и с его порядочностью — он не хотел рисковать мной в процессе снятия привязки.

Джонс, глядя в пол, сказал:

— Не надо меня выкупать. Ник сняла привязку на крови, Мигель. Мне этого более чем достаточно. Нужны восхваления, Мигель, — да сколько хочешь. У меня никогда не было друга надежнее тебя. И неожиданнее. И вернее.

— Замолчи — я же сейчас убью! — вспыхнул Перес. — Ты правда считаешь, что я без твоих од и дня прожить не могу?! Да я устал от тебя, от твоих заскоков, от незаслуженной лестии... Я тебя с удовольствием продам Ник и впервые с того самого дьявольского поля буду счастлив.

Джонс закончил восхваление:

— И, кажется, твою дружбу я тоже потерял.

— Не дождешься, Генерал. И плевать — ты заслужил этот позывной.

— Я его ненавижу, Мигель. Ты бы только знал, как я его ненавижу.

— Ясно, Элита. — тут же пошел на попятный Перес. — Но Ник я тебя продам — она обещала дать тебе свободу. Окончательную свободу.

— Не надо продавать меня. Меня и тут неплохо кормят.

— Боишься, не выживешь? — хмыкнул понятливо Перес. — Продажа — это последний шанс, если со мной что-то случится. Я не хочу, чтобы ты оказался обратно в Холмах. Только не это. И я прекрасно понимаю, что мисс Доу нельзя выдавать. Нельзя всем демонстрировать её настоящее происхождение, пусть считают нагайной. Так безопаснее. Продажа — крайний случай, хоть видит кровь, изначально я хотел тебе дать свободу.

— Я лучше на лордов пойду, чем выдам Ник, Мигель. Прими это, хорошо?

— Хорошо. Жизнь твоя.

Ник тихо сказала:

— А давайте взорвем Холмы к рогатым оркам.

Мигель одобрительно качнул головой:

— Хорошее предложение. Жаль, неосуществимое.

— Я в деле с Холмами. Весь отряд в деле. Лабораторию, где создали Ник, надо взорвать к рогатым оркам. — вмешался неожиданно Лин. Он специально для Ник пояснил: — Именно отряд Мигеля вытащил мою мать и меня из лаборатории проекта «Лилигрицы».

Перес качнул головой:

— О, кровь, да сколько можно это помнить, Линдро! Обычное задание для штурм-отряда — взорвать нелегальную дрянью, вот мать твоя заставила погоняться за ней — мы же, как приличные вампиры, хотели помочь. И, Ник, Линдро прав — ты вполне можешь оказаться сбежавшей лабораторной мышкой. В великую любовь, уж прости, я, старая сволочь, не верю. Но тут пока глухо, Лин. Я с осени собираю информацию о происхождении Ник, но тишина: Сорок Первый округ — дикая дрянью, без обид, Ник.

— Я помню отца... Он любил меня.

— Ты можешь помнить вживленные воспоминания. Ложь. А может, ты сама это придумала. Все так хрупко, Ник, в мире, где есть вампиры, управляющие разумом. Про возможности фейри я вообще молчу. И... Ник, только не злись и не обижайся. Ты предупредила же Брендона о последствиях употребления своей крови? — Он посмотрел на задумчивую Ник и кивнул своим мыслям. — Не предупредила. Некоторое время тебе придется потерпеть Брендона. Будь терпимее к его чувствам, прошу. Не обижай, как по осени. Понимаю, что тебе его любовь сейчас как бы ни к чему, но кровь леди — это кровь леди. Сам попался как-то. Вкусно было одуряюще, а потом... Потом я месяц хвостом за ней ходил, выполняя любую прихоть и малейшее желание. Таскался, ползал в грязи, умолял, рыдал, как ребенок... Когда я отошел от действия её крови — удавиться хотелось. Выйти на солнце, и чтобы больше не было — у леди очень извращенный юмор. Брендон, впрочем, его уже испытал на себе. Прощу — хоть озолочу, чуть потерпи, хорошо, Ник?

Она передернула плечами:

— Как бы... Мигель... Я сняла привязку еще дней десять назад.

Перес скривился:

— Отвратительное чувство — быть отстающим и неудачником. Хуже быть не может. Я пропустил у друга влюбленность в леди Холма. Я пропустил то, что пропустить невозможно. Пойти, что ли, снова прогуляться по солнцу... И, Брендон, будешь мне своими самоубийственными заскоками нервы мотать — я тебя Ник все же продам. Травматик — травматиком, но ты меня уже достал.

— Больше не повторится, — только и ответил Джонс. — Честно.

Лин чуть дернул Ник за рукав:

— Мы, пожалуй, пойдем — а вы тут разбирайтесь, разбирайтесь, кто и в чем неправ...

— Идите, — царственно разрешил Мигель. Потом все же не удержался, бросил в спину Ник, — леди, прошу... Не надо мне больше показывать неприличные знаки — вы все же леди!

Глава 20. Нетрудный разговор

Лин вышел из кабинета, пропуская Ник вперед:

— Не обращай на него внимания. Он сволочь, но наша сволочь. Для вампира у него вполне замечательный характер... Есть какие-то планы на вечер? Ты спать или...?

— Я есть хочу. И привести себя в порядок хочу. И никуда не идти. И не хочу одиночества. Ты бы знал, как я ненавижу одиночество.

— Поверь, когда рядом с тобой шестеро оборотней, ты его скоро полюбишь. И, Ник, дай, пожалуйста, мне разрешение вмешиваться в твою судьбу. Я не хочу оказаться последним, кто узнает о тебе новости. Тем более вокруг тебя всегда такое движение, что я не успеваю отслеживать происходящее и осмысливать.

— Давай поговорим об этом за едой. И...

— Что тебе принести?

— А можно те самые пирожки? Пигоди?

— Учти, Мигель оказался к тебе крайне любезен, мне, когда я случайно объелся чеснока, он сразу сказал, что я воняю помойкой. И я не уверен, что смогу найти пигоди в этой глуши. Потерпишь до Либорайо?

— Потерплю, конечно, хотя жаль — я надеялась пару дней не показываться Пересу на глаза... Ты не видел его в гневе — неудивительно, что вампирам не удалось доказать свою безопасность Лиге Округов. От Мигеля заслуженно хочется держаться подальше. Хотя в Холмы бы я с ним пошла — за его спиной. А он тоже был стражем, да?

Лин приподнял вверх свою пятерню, напоминая о себе:

— От кого, как ты думаешь, мне достался Седьмой отряд? Я начинал под его командованием, когда стражи в гетто были еще под запретом. Когда видимость порядка поддерживали люди... И да, за спиной Мигеля уютно, но орски страшно. — Он остановился перед дверью комнаты Ник. — Значит, я за едой?

— Ага. И что-нибудь попить захвати. И учти, мне нужно минимум полчаса на приведение себя в порядок.

— Ясно. — он осторожно провел пальцем по её губе, — Ник, можно... Впрочем, нет.

Он ладонью взъерошил свои волосы:

— Не обращай внимания. Я предупрежу парней, чтобы они Брендона от тебя не гоняли. Хоть он хорошо справляется.

Её накрыло уже в душе.

Жуткая паника, что она подставила Осень.

Осознание того, что чуть не стравила Лина и Осень. Чуть не стравила своих друзей. И чудо, что Перес оказался сволочью, но своей сволочью. А ведь все могло закончиться совсем иначе, будь Перес просто вампиром. Или вампиры все же... Не сволочи со своим эволюционным прыжком?

Она сидела, струи воды смывали слезы. Только легче не становилось. Она делает ошибки за ошибками. Как просто было в Сорок первом округе, и так сложно тут. Вода шумела. Вода уносила прочь дрожь в пальцах и дикий ритм сердца. Вода смывала страх... Только это не дом. Вода становилась все холоднее и холоднее, и скоро потекла совсем ледяная. А сил встать не было. Сегодня из-за её глупости все могло закончиться гораздо, гораздо печальнее. И слезы все никак не останавливались. И руки вновь тряслись.

А в дверь постучали. Сперва во входную. Потом в дверь санитарной комнаты.

— Ник? Все хорошо? Если не ответишь — я выбью дверь. Но глаза я закрою.

Она еле нашла в себе силы дотянуться до полотенца и закрыть воду. Потом по стенке, цепляясь за раковину и крючки для одежды, встала.

— Ник... Я закрываю глаза.

— Я не настолько страшная... — она дернула замок, и дверь открылась.

Руки Лина подхватили её, прижимая к себе — он честно не смотрел:

— Зато очень холодная. И чувство юмора так себе.

— Брендон вообще им не пользуется. И, Лин... Я в полотенце.

Он сделал всего два шага до кровати — настолько мала была комната для него. Поставил Ник на пол, замотал в одеяло и, опуская на пол, прижал к себе, согревая. Ник даже знала, почему он не на кровать сел. В кровати его запаха быть не должно.

— Ник... Учишься быть нагайной? — он заглянул ей в глаза, подумал и затащил безвольную Ник себе на колени.

— Ага. И, Лин, давай больше без тайн? Если тебе покажется, что я опять темно — просто скажи. Я плохо переучиваюсь. Я плохо доверяю. — она положила голову ему на плечо. Плечо было удобное — большое, как раз для её головы, и пахло правильно — деревом и землей. И в высоких парнях есть плюсы. Только этот парень не для неё — он вполне понятно обозначил свою позицию по отношению к ней еще в первый день их знакомства. Надо же когда-то начинать уважать чужой выбор. Она начнет с Линдро. Только девушка около него должна быть точно мисс Совершенство. Она выругалась про себя — опять все сводится к неуважению.

— С доверием у тебя все хорошо, поверь. Вот характер да, чисто леди с Холма. И я принес еду, но, кажется, тебе прежде всего нужен сон. Хочешь, покараулю? Все равно там горит и славно так горит — не надо носиться по Алисо и собирать доказательства дела десятилетней давности. Ткачи ивы сами отомстили за себя. Хоть опросить пострадавших все же придется — вдруг кто случайно въехал в дом убийцы...

— Лин, ты же понял, что дело Поджигателя в Либорайо закрыто?

— Это еще почему? Там только статуя была из Алисо. — напомнил Лин, и глаза любопытные-любопытные. И, главное, орки, такие честные! Ник почти поверила ему.

Она принялась перечислять:

— Мастерская мебели — надо проверить, была ли там лоза из Алисо. Кресло-качалка тоже плетется из лозы.

— А торговка?

— А торговка... Торговка... Может, корзина из лозы?

— Ясно.

Ник возмутилась:

— Ясно ему. Еще скажи — сам не дошел до этого. Ведь сам же знаешь — как носят товары ваши торговки, я-то совсем не в курсе. Может, те, кто пострадал в Либорайо, случайно лозу поломали, прям как вы в зоне затапывали её, и вот... Полыхнуло.

— Ага.

— Ага...

— Спи, ага. Я покараулю тебя. Сегодня ты уже нахулиганила сверх меры.

Она упрямо выпрямилась:

— С пустым животом я спать не умею. — Точнее, она умела — война и приют научили,

просто не любила. Она вытащила правую руку из-под одеяла, — давай, показывай, что принес.

— Тоник открывать?

— И тоник открывай. И только не говори, что впервые будешь проводить ночь с девушкой... Не поверю.

— Не буду говорить. — Он откупорил обе бутылки и улыбнулся, — чуть не забыл — днем Дин звонил из больницы. Приживание прошло хорошо. Его на днях выпишут.

Ник улыбнулась:

— Хорошее дело! И не смотри на меня так. Не жалею, что пустила деньги на Дина, а не на Джонса. Еще заработаю. Не проблема.

Лин кивком подтвердил:

— Не проблема! — он стукнул свою бутылку с тоником о её, — будем!

— Будем! — отозвалась Ник. — Еще как будем.

За полночь она все же перебралась на кровать — устала за день зверски, еще и перенервничала. Она зевала, глаза сонно смыкались, и периодически она проваливалась в яркие, почти настоящие сновидения. Кто-то кричал, что-то взрывалось, а она смотрела на решетку перед собой и не могла понять — с какой же стороны решетки она находится. В клетке. Или на свободе. Этот сон давненько не тревожил её, почти с больницы после бомбардировки. Видимо, слова Переса о детстве Лина всколыхнули старые, казалось, затянувшиеся раны.

Было тихо и темно. Только отсветы от экрана на потолке — Линдро, все так же сидя на полу, просматривал что-то на планшете, быстро проматывая фото за фото. Иногда попадались рисунки, иногда какие-то документы. Общежитие успокоилось, даже Жердя с его подвигами не было слышно.

Кажется, она опять заснула — перед глазами Ник неслись, как в хороводе, одинаковые собственные лица — снова, снова и снова, как будто она оказалась заперта среди зеркал. Она еле смогла открыть глаза, глядя на подсвеченный экраном профиль Линдро.

— Ник, все хорошо? — тихо спросил он, отвлекаясь от планшета, где замерла с распахнутой пастью какая-то нежить, разложившаяся до состояния скелета.

— Хорошо, — прошептала она. — Тебе нравится?

Она кинула взгляд на оскал нежити. Судя по зубной формуле — неупокоенный человек, возможно, солдат, погибший на поле боя.

— Что? — удивленно приподнял одну бровь Лин.

— Тебе нравится твоя работа?

— Знаешь, меня как-то об этом никто и не спрашивал. Когда стало ясно, что легенды о силе лигров совсем не легенды, мне оставался лишь один путь — в стражи. Нет, вру, еще был один — закрытые бои на Арене, но мать бы не позволила. Так что я согласился на предложение Переса и пошел в отряд.

— Сколько тебе было лет?

— Одиннадцать. Мы с матерью только-только перебрались в гетто Джорджтауна. И... Не спится, да?

— Не спится, — подтвердила она, придвигаясь ближе к краю кровати, чтобы быть ближе к Линдро. Он просто потрясающе пах — притягательно даже. Наверное, так пах дом — чуть землисто, пряно, тепло, уютно. — Мигель мне рассказывал недавно про твое детство. Он говорил, что твоя мать сбежала от отца...

— Это официальная версия, Ник.

— А то, что он сказал про лабораторию?

— А это правда. Только для друзей и заинтересованных лиц.

— Почему? — она потянулась пальцами к шее Лина и осторожно поправила ворот рубашки. Просто так. Экран планшета наконец-то погас, пряча нежить.

— Потому что знать о генетических экспериментах, о лабораториях и прочем нельзя. У Мигеля пунктик есть — про эволюцию. Все это может привести к дикому хаосу, в котором человечество может не выжить. Кое-кто разделяет его точку зрения, а кое-кто идет в обход, мухлюя с общественным мнением и принятыми в обществе нормами.

— Ирбисы.

Лин кивком подтвердил:

— Мигель не хочет, чтобы программа ускорения эволюции взорвала округ. Мы только-только вернулись к мирной жизни.

Ник нажаловалась на Мигеля:

— Он меня Евой назвал.

— Это он лишку хватил — доказано, что одна особь в популяции погоды не сделает. Хотя тебе это может сильно подпортить жизнь.

Ник решила и просила:

— А ты знал, что я... Ева?

— Я это понял почти сразу, Ник.

— Мооооолот, — обиженно буркнула она.

— Он самый. Забытый, но на войне встречался. Его ни с чем не перепутаешь. И твои танцы.

— То есть ты сразу догадался. И в клуб специально потащил. — Ник даже отодвинулась от него. Все так просто и незатейливо. Осталось понять — что в ней разглядел Маки, что метку сразу же наложил. Только Эвану и можно верить. И Брендону. Можно верить только людям. Хорошо, что она тоже человек. Хотя бы какая-то её часть. Нюх тут же как ножом отрезало, наверное, от стресса. Она больше не чувствовала Лина, не ощущала аромат дома. Только привычный для общежития запах дезинфекции и чуть затхлого постельного белья, видать долго хранившегося на складе.

Лин поймал её руку:

— Не злись, Ник. В клуб я тебя позвал лишь потому, что ты мне понравилась. Как ловец, как боец и как девушка, конечно же.

— Особенно, когда болталась у тебя на плече, грязная и потная, — она отодвинулась еще сильнее. Только за спиной уже была стена.

Он пристально смотрел на Ник, зрачок отливал алым в темноте:

— Ник, прошу... Поверь мне — в клуб я тебя позвал, потому что мы всегда празднуем победу. А там у кампуса именно она и была. Только поэтому. Я не ожидал, что музыка окажет на тебя такое сильное воздействие. Иначе, поверь, ни за что бы не повел. Ник... Пожалуйста. Я знаю, каково это быть гибридом. Я бы не повел тебя в клуб. Я бы не стал рисковать твоей тайной. Я сам гибрид... Я сам почти такой же, как и ты. Только меня эволюция миловала — я стерилен. Я испорченный материал, в отличие от тебя. Мне повезло.

— Линдро... Ты думаешь, что я... Создана в лаборатории, как и ты?

— Скорее всего.

— Да иди ты... — зло сказала Ник. Ей не хотелось верить, что ласковый голос отца обманывал её. И бумага про принца, опять же. Хотя она и не помнит, когда и почему она её писала... Но она же есть!

— Просто... — он взъерошил пальцами свои волосы, — я знаю одно: когда слышишь поступь, это чаще всего лошадь. Зеброй это не может оказаться. Я допускаю, что бывает великая любовь, которая столкнула два вида, избегающих скрещивания, но... Ник, чаще всего в основе лежит обман и лабораторная клетка. Я не хочу тебя обижать, я хочу вместе с тобой надеяться, что у тебя была любящая семья, и, быть может, они даже сейчас продолжают искать тебя, но мой собственный опыт говорит об ином.

Она засопела и придвинулась обратно. Прижалась своей головой к его и прошептала:

— Орки с ними, с этими лабораториями и прочим...

— Ник, от этого зависит твоя безопасность.

Она упрямо сказала:

— Хватит. Я человек, я не леди Холма. Ни ты, ни Брендон и Мигель, ни парни меня не выдадут. Я не Ева. И не ищуща Адама уж тем более. И... Я буду более осторожна, Лин. Давай лучше о другом. Ты не ответил на мой вопрос. Чем бы ты хотел заниматься на самом деле?

Он усмехнулся, чуть разворачиваясь к ней:

— Твои формулировки всегда потрясают... — он поправил налетевшую на лицо Ник прядку. Заложил её за ухо. И Ник сама поняла, что сказала что-то не то. И не тогда.

— Лиинин...

— Я понял, о чем ты. Просто никто и никогда не спрашивал меня об этом. И я пока не готов тебе ответить. Я не знаю, кем бы я хотел быть. Пока я полезен, как страж, потом — будет видно. Сперва надо дожить. Мне еще два года до совершеннолетия сестер обеспечивать их статус в стае. Вот станут взрослыми, когда я и получу свою свободу. Тогда задашь этот вопрос еще раз?

Ник кивнула:

— Задам. Я сама не знаю, чем на самом деле хочу заниматься. Меня как-то тоже не спрашивали, что я люблю на самом деле. Отдали в школу ловцов и все. Так что я вполне могу подождать два года. Глядишь, тогда ловцы перестанут быть нужны.

— Думаешь?

Она кивнула:

— Когда-то казалось, что полиция никогда не исчезнет из нашей жизни, ведь это оплот порядка и закона. А теперь...

— Есть стражи.

— ...оплот порядка и закона.

— Только не говори — чужого закона. Дин человек и служит в стражах.

— Я помню, Лин. — она зевнула.

— Спи, Ник. Я тебя покараю. Чтобы дурные сны не могли к тебе пробраться. Я буду рядом всю ночь.

Она улыбнулась:

— Спасибо! — Про карусель из собственных лиц она не станет ему рассказывать. Ему это знать не нужно. Еще бы понять — с какой стороны решетки она находилась. — Не уходи...

— Не уйду.

Она свесила с кровати свою руку — Лин тут же поймал её и прижал к себе, накрывая

своей ладонью. А потом планшет опять включился — Лин погрузился в работу. У Ник завтра тоже работа есть — дойти до курганов, подтверждая свое право на премию. Она все же накопит и на Эми, и на Брендона, а потом, заявляя о себе, как о леди Холма, сбежит. Куда-нибудь. Пусть мир стал отчаянно мал, спрятаться она всегда сможет. Ах да, ей же еще кинжал свой вернуть надо — Брендон опять поди все выскажет про растеряш, которые бросают оружие где попало.

Глава 21. Новый день и новый Джонс

Утро в Алисо привычно началось странно — со стука в дверь и тихого шепота. Ник, замотавшись с головой в одеяло, решила, что сон важнее. Вторая почти бессонная ночь подряд.

А шепот почему-то продолжался.

— Я же говорил, что он тут.

— Тихо! Кто разбудит Ник — будет бежать дополнительный круг.

— Да в общем-то, мы тут именно поэтому. На пробежку пора. В десять — рейд в зону.

Перес сказал.

— Сейчас. Подождите...

— Да лаан, дай девочке поспать, умотал же бедную. И тебя можно поздравить?

— Утес, не надоело язык с мылом мыть?

— Понял, ни хрена не было.

— Слушай, кэп, может, ей намекнуть как-то? Ты не пробовал целовать там, а?

— Где — там, Жердь? Что, очередной кандидат на мыло? И хватит, сейчас я кое-что соберу... Ждите за дверью. И нет, Жердь, ждать за дверью не значит протискиваться в комнату.

Ник все же села, осоловело рассматривая Линдро:

— А почему ты не ушел? И, — она замотала головой, — не отвечай. Я помню, сама просила... Я по утрам дурная. Теперь у тебя будут неприя...? Нет, не отвечай.

Лин улыбнулся, поправляя одеяло на плече у Ник — одеться ночью она все же умудрилась, но вот за одежду принять это нечто прозрачное можно было только в темноте. А сейчас занимался хмурый, долгий зимний рассвет.

— Ник, хочешь, я сам правильно отвечу на твой незаданный вопрос?

— Давай! — тут же согласилась она. Когда-то она хотела написать в списке требований к принцу «понимание с полуслова», но потом испугалась остаться в одиночестве на всю жизнь.

— Тебе не обязательно выходить на пробежку. У тебя есть еще пара часов сна.

Ник навзничь рухнула на кровать, тут же сворачиваясь клубком:

— Ты чудо! — она довольно прикрыла глаза.

— Спи... — ладонь легко пронеслась по её волосам. — Выход в десять. Тебя Брендон разбудит.

Он еле слышно вышел из комнаты, закрывая за собой дверь. Впрочем, голос Жердя было слышно без проблем:

— Кэээп, хочешь, Энни с ней поговорит?

— А ты вместо неё будешь есть мыло?

— Кэп, ради тебя — хоть шпинат!

— Брендона от Ник не гонять.

— Да твою жеее маааать... — простонал Арано.

Ник приоткрыла один глаз, потрясенная порывом Жердя. Оборотни были отчаянными мясоедами, и согласие есть шпинат потрясло до глубины души. О чем они там вообще? Но в коридоре все уже стихло, и Ник снова погрузилась в сон.

Второе пробуждение было лучше — из-за двери раздавался голос Ос... Брендона,

приправленный ароматным запахом кофе. Ник, замотавшись в одеяло, открыла дверь, забирая чашку и выпивая залпом.

— Ты мой спаситель, — улыбнулась она

Брендон важно кивнул и протянул кинжал, уже тщательно почищенный от копоти.

— Ник, сколько раз повторять про оружие?

— Да-да-да, Брендон, один раз это уже подвело меня.

Он вздохнул:

— Прости, я больше не буду.

Ник кивнула:

— Ничего. Пойду я, приведу себя в порядок.

— У тебя десять минут, если не хочешь опоздать на рейд. И, кстати, инструктаж ты уже благополучно пропустила.

— Ты тоже, — широко зевнула Ник.

— У меня оправдание есть.

— И какое же?

— Я готовил завтрак для мисс Поджигательницы. И не смотри так ошарашенно — это была шутка.

Ник развернулась в дверях:

— Мой тебе совет — забудь о чувстве юмора. Оно у тебя хромает. Сразу на обе ноги.

— Буду ждать на крыльце, Ники.

Она захлопнула дверь и огляделась. Порядок в комнате потрясал. Она помнила гору упаковок из-под еды и бутылки под столом. Уходя, Лин забрал все с собой. Кажется, улыбнулась она, бросая одеяло на кровать, этот навык лучше, чем кофе по утрам. До кофе можно дойти вдвоем, держась за руки, а вот порядок... Порядок важнее. Она отвесила себе мысленную затрещину — Лин друг, на него посягать нельзя. Он друг.

Ник быстро оделась и выскочила на улицу. Тут стало еще теснее — под утро из Либорайо прибыли машины судмедэкспертов и некромантов. Судя по тонировке на машинах с оскаленными черепами на дверцах, некроманты были из вампиров.

Падал мелкий, колючий снег. Небеса были низкими, плотными, предвещавшими бурю. По земле неслась поземка. Погода откровенно портилась. Как бы рейд не запретили. Хотя техники упорно готовили ультры. Некоторые ультры уже перевозили на подвижных тельферах в зону.

Брендон ждал Ник — стоял смирно у крыльца, держа в руках бумажный кулек. Если честно, Ник почти проскочила мимо Джонса, не узнавая его. Вместо вечно бравирующего своей неуязвимостью вампира, даже в морозы рассекавшего в летней одежде без защиты для кожи, стоял обычный парень. Ник даже его обошла кругом, чтобы убедиться — он обычен со всех сторон. Джинсы, свитер под горло, теплая куртка, кепка с длинным козырьком, шарф, защитные очки и... Рогатые орки — маска! Маска, скрывающая от солнечных лучей лицо. Если бы не его запах — не узнала бы!

— Брендон... Ты ли это?

Он чуть наклонил голову:

— Я.

— Вот что разговор животворящий делает с вампирами.

Брендон тут же нагло стащил маску с лица и улыбнулся:

— Это ты. А не разговор.

Ник честно призналась:

— Знаешь, я одного понять не могу... Почему ты, именно ты так попался. Почему именно ты не пытался поговорить. Не пытался себя отстоять. Я-то ладно — я вампиров до жути боюсь. И не смотри на меня так, ты не вампир, ты человек.

Она чуть подалась вперед, тут же жалея — омут алых глаз утянул за собой, бросая в прошлое.

Кругом высокие фигуры. Он уже привык смотреть на мир снизу вверх. Когда-то в детстве все казались добрыми великанами. Он вырос и понял — великаны отнюдь не добры.

Один из великанов презрительно наклонился к его лицу, гордо сообщая:

— Я Мигель Перес из клана Пересов выкупил тебя, Генерал. Отныне ты моя собственность. Только попробуй сбежать — пожалеешь.

И лорды, и леди, те, которые милосердные, отчаянно добрые и великолепные, засмеялись — сбежать невозможно. Только не в его состоянии. Только не ему. Он пытался не раз, но его всегда возвращали под громоподобный хохот.

А новый хозяин тем временем продолжал:

— Любое неповиновение — наказуемо. Любая попытка избежать назначенного тебе покаяния — наказуема. Любое возражение — наказуемо. Любая жалоба — наказуема. Ты не заслужил жизни, но и смерть тебе еще надо заслужить. Всегда помни о оказанной тебе милости. Ты никто. Был никем, живешь никем, а смерть недостижима. Пока я этого не захочу.

Он развернулся и кинул через плечо:

— За мной.

И его не волновало, как он это сделает.

Уже у машины кто-то вспомнил, что он калека. Один из вампиров поднял его на сиденье и пристегнул ремнем.

Его новый хозяин закрыл глаза и скомандовал:

— Домой, Грег, домой. Нам еще предстоит ритуал перерождения.

— Я не хочу быть вампиром.

Хозяин повернулся и криво усмехнулся:

— Это не обсуждается... Генерал, ты будешь жить и жить так, как заслужил. Слово Мигеля Переса.

Ник вздрогнула — если бы ей так сказали, она бы тоже держалась от хозяина как можно дальше. И искала бы смерти. Мигель как-то не представляет, как выглядит иногда со стороны. А ведь еще было перерождение, которое... Которое тоже не фунт изюма. И что тогда делал и говорил Мигель, лучше не знать.

Брендон пожал плечами:

— Я тоже человек. Я тоже могу ошибаться. Очень круто ошибаться. И, Ник, хочешь страшную тайну?

— А...

— Не бойся, когда-нибудь я и Мигелю её расскажу.

— И?

Он достал из кулька странный круглый пирожок с фигурным зацепом сверху:

— Завтракай, пока я секрет буду рассказывать. Это те самые пигоди, которые ты хотела попробовать. И, если тебе дорога наша дружба... Не дыши потом в мою сторону.

— Пахнет? — понятно уточнила Ник.

— Благоухает... — обтекаемо сказал Брендон, глядя, как восторженно Ник кусает пирожок и застывает с непонятым выражением на лице. — А секрет, Ник, был прост. Я же не один был. У меня были друзья. Дотошный юрист, очень опытный военный, историк...

Ник напомнила:

— Но к лордам ты пошел один. Потому что слишком дорожил остальными.

Брендон вновь натянул на лицо маску, видимо спасаясь от запаха чеснока. Пахло и впрямь... Сильно, но так вкусно и знакомо! Она ела что-то подобное раньше. Точно ела.

— Это бывший Тридцатый округ, Ник. — Брендон ткнул пальцем в пирожок. — Хотя восточная еда популярна во многих округах, так что ни о чем это не говорит. Но начинать искать твоих родственников можно оттуда. И, Ник, я спрашивал Мигеля — он разрешил мне помогать тебе в поисках.

Ник пожала плечами:

— Если я захочу искать родных, Брендон. Если я захочу. — Она хотела, но не дело впутывать в свои поиски кого-то еще. Может, у Брендона тоже есть кого искать. Тех же его друзей по защите Двадцать первого округа. Они тоже могут быть в беде. — Лучше скажи: что там сегодня планируется в зоне?

Она запихнула в рот остатки пирожка. Только бы не заплакать — так напоминало дом...

— В зоне планируется очередная разведка. Помнишь же — пострадавшие в зоне упоминали нежить, только она нам до сих пор не попадалась. Было бы наивно думать, что нежить благородно погибла в огне.

— Было бы наивно думать, что она там на самом деле есть. У страха глаза велики. Свидетели могли и приврать. Тебе так не кажется? — она пошла в сторону поста.

— Может и так, — согласился Брендон, протягивая Ник второй пирожок. — Но отмахнуться от показаний свидетелей о нежити мы не можем. Так что сегодня разведка до холмов. Парни идут в ультрах. Я...

Ник не сдержала улыбки:

— Ты, конечно же, как всегда, пижон — без защиты.

— Что ты! — он задрал рукав куртки, демонстрируя часы. — Моя защита всегда при мне. Самая лучшая на свете... И, прости, меня немного занесло опять.

— Ничего, бывает. И ты забыл перчатки, Брендон.

— Обижает! Они в кармане — Мигель лично сунул и обещал выйти на солнце, если я их не надену. Он решил, что я не травматик, а его личный нервомотатель, а потому пересмотрел свою тактику в отношении меня. Он странно понимает дружбу — еще хуже, чем я.

— Веселые у вас отношения.

Брендон кивнул:

— И не говори. — он достал очередной пирожок и подал Ник, — ешь, пока можно.

— Ты не договорил про зону, — напомнила Ник. — Что там в планах на меня? Учти, отсиживаться в этот раз я не планирую. Парни в ультрах, ты сам по себе, а я?

— А ты при мне. Или я при тебе.

Ник честно сказала, проглатывая пигоди:

— Я вас буду тормозить.

— Ни Росси, ни Мигель не допустят, чтобы ты шла без охраны.

— Дожили — ловец ходит в зону под защитой стражей. А дальше что? Сдать в музей и

пылилки сдувать: смотрите, был особо наглый вид людей — ловец? Считал себя защитником людей, ходил в зоны под защитой стражей, ибо сильно мешался и отставал... Несмешно. Я сама по себе иду.

Брендон, подавая документы стражу на посту, напомнил:

— Мы же уже ходили с тобой так — вчера. Вполне удачно ходили.

Ник инстинктивно почесала шею:

— Молчал бы про удачу. Если бы не выдержка Росси, если бы не уважение Переса к тебе — все было бы плачевно. — она пересекла Границу и тут же закашлялась — из зоны несло гарью. — Вот же рогатые орки, ты надел маску не для защиты лица, а потому что воняет!

Она полезла в карман и достала свою маску, тут же натягивая её на лицо.

Брендон усмехнулся:

— Принцессы так и остались недоверчивыми. Не верят в способность некоторых меняться.

На пяточке у поста было привычно тесно. Техники перевозили ультры, суетились у экрана, настраивая его, проверяли ящики с инструментами. Оружейники, медики, стюарды, некроманты... Сами стражи — Линдро уже стоял у своей ультры, остальные из команды еще ждали свою броню. Ник направилась к Лину — она не чувствовала его защитный знак. Кажется, техники перестарались, приводя в порядок ультры.

— Еще раз доброе утро, Лин!

— Доброе, — кивнул тот, пальцем стуча по некро-амулету: иногда лучший способ ремонта — как следует врезать.

Брендон щедро принялся угощать парней пigoди. Жердь тут же засунул весь пирожок в рот, показывая вместо благодарности поднятые вверх большие пальцы. Утес тоже оценил пирожки:

— Черт, вкусно! Очень вкусно.

Лин задумчиво закрутил в руках пigoди:

— Парни, вы забыли, что после рейда Перес просил лично отчитаться?

— Ни хрена себе подстава, Джонс! — не выдержал Утес, запихивая в рот остатки пирожка. Остальные молча последовали его примеру — вонять, так всем. Ник не удержалась:

— А ты, действительно, мстительный.

— Иногда бываю! — ткнул её указательным пальцем в нос Брендон. — Но не сейчас. Просто пigoди получилось много. — Он развернулся к Линдро, — Тридцатый округ — как начало поисков. И не переживай так — Мигель лично просил проверить. Он мужественно собирается терпеть.

Лин задумчиво рассматривал пирожок, потом наткнулся на просительные глаза Ник и без слов протянул его ей. Брендон не удержался, качнул головой:

— Аппетит, как у оборотня. Не видел бы карту, где черным по белому написано, что половина крови человеческая, поверил бы, что из юных до первого оборота.

— Возраст не тот, — осек его Лин.

Ник даже ответить ничего не могла — рот был занят пigoди. Она пошарилась по карманам в поисках платка и вытерла им руки. А потом ближе подошла к броне Линдро — как она и подозревала, её знак старательно заполировали. Ник достала кинжал и принялась по новой выводить знак на ультрапертинаксе.

Жердь отошел в сторону, подзывая Энни.

— Внесешь изменения в журнал, малыш?

Она послушно кивнула:

— Не проблема. На следующие ультраы переносить?

Ник отвлеклась от брони:

— Конечно! И, если можно, чуть углубите знак, Энн?

— Не проблема! — улыбнулась техник. — Я сейчас же сделаю все необходимые записи в журнале техобслуживания.

Она пошла прочь, чуть покачивая бедрами.

Жердь не удержался:

— Женюсь! И плевать, что человек — времена уже не те.

Лин тихо заметил, называя парня по имени, чтобы понял всю серьезность:

— Себастьян, таким не играют.

Тот обиделся:

— Кто бы говорил... — Он развернулся и пошел к своей ультрае. Её как раз привезли.

Арано передернул плечами:

— Тебе легко говорить, Лин. Так что полегче на поворотах, кэп! — он хлопнул Лина по плечу и пошел прочь.

— Кретин, ну до чего же я кретин... — выдавил из себя Лин, взъерошивая волосы.

Брендон тактично поменял тему, заметив, что Ник закончила со знаком:

— Ники... Я понимаю, что тебе так спокойнее — ты всегда будешь знать, что с нами все в порядке... Но как мы подобное узнаем о тебе?

Она удивленно посмотрела на него, перевела глаза на замершего Лина, а потом пожала плечами:

— Буду вам открытки посылать. Изю всех мест, где бываю.

Из палатки медиков раздался недовольный голос техника:

— Мисс Доу, на телеметрию!

Она улыбнулась:

— Простите, парни, пойду!

Брендон ей в спину сказал:

— Заметь, Линдро, её не интересуют наши адреса. Так и будет отсылать открытки в участок стражей да в секретариат заместителя губернатора. Никогда не думает — кого оставляет за спиной. Никогда.

Линдро принялся паковать в ультрау:

— Вырастет рано или поздно. Главное, чтобы не забывала отсылать открытки.

— Она может... — Брендон скривился, — пойду я за связью — она забудет же.

Ник зашла в палатку медиков. Здесь пахло дезинфекцией, чуть-чуть спиртом и мужским неприятным запахом — медтехники в этот раз поголовно были мужчинами. Один вышел, оставляя Ник наедине с верзилой с кадучеем на плечевом шевроне синей формы.

— Раздевайтесь, мисс. — техник как-то весьма масляно оглядел её, отрываясь от протирки дезраствором датчиков.

Ник подошла к стулу и, повернувшись спиной к технику, принялась снимать с себя одежду — куртку, кардиган, тонкий свитер. Не любила она такие моменты. Слишком уязвимо себя чувствуешь. Она развернулась к технику, оставаясь в тонком, узком топе.

— И топ снимите, пожалуйста, — равнодушно сказал техник, чуть ли не зевая.

Ник ненавидела медиков. Видела их разных, и с хорошими жизнь её сталкивала, но даже хорошим не простить их отношения к чужим нагим телам — они всегда действовали, словно чужой стыдливости не существует, словно не бывает робости, не бывает желания избежать лишних ненужных процедур... А уж плохие медики... Когда-то она была полностью в их руках. И повторно сталкиваться с подобным вновь не хотелось.

Техник приподнял бровь:

— Мисс? Топ. Он будет мешать. — он даже датчиками в руках потряс. — Задерживаете, мисс. Никого ваши прелести тут не интересуют.

Ник сжала зубы и заставила себя снять и топ. Вчерашняя медтехник в разы была милее и терпимее. Кажется, топ упал на пол, но Ник сейчас это было неважно. Она, старательно заставляя себя держать глаза открытыми — никогда не знаешь, не садист ли стоит перед тобой, выпрямилась перед техником.

Тот принялся медленно протирать ей кожу на ключицах, крепя датчики. Потом пришла очередь грудины. Парень не спешил, выбирая точки, проверяя их пальцами, чтобы датчик стал правильно. То ли волновался, то ли... Ник внимательно следила за ним, за каждым его движением. Вот датчик встал на четвертое межреберье, остался последний, и тут...

Ладонь техника нагло легла на грудь, приподнимая её. Раньше техники просили её делать это самой. А этот неспеша принялся протирать кожу дезраствором, а потом вообще замер, поднимая глаза и смотря Ник прямо в лицо.

— Нравится? — процедила Ник.

— Главное, чтобы нравилось тебе. — Его пальцы нагло сжали её сосок, причиняя боль.

— Я подам жалобу.

— На что? Я лишь выполняю свой долг. Да и тебе нравится. Ведь нравится? — он заерзал датчиком под грудью, выбирая точку. — Ведь нравится...

Ник прикрыла глаза — она помнила свой ужас и невозможность убежать прочь, невозможность защититься от таких. Все настоящие медики ушли на фронт, а в тылу осталась всякая шваль.

— Нравится! — выдавил ей в лицо техник.

Ник без раздумий ударила техника коленом в вниз живота — это раньше она не могла себя защитить. Пока техник, сложившись пополам, со свистом пытался продышаться, колено второй раз обрушилось на техника — в этот раз ломая нос. Парень не удержался на ногах, падая на пол и скуля.

Ник подняла с пола упавший датчик и сама прикрепила его под грудью.

— Ты... еще... наплачешься... тварь... — шипел техник, рукой пытаясь остановить льющуюся из разбитого носа кровь.

Ник приподняла его голову вверх:

— Не с той связался!

— Подстилка лигрова! Поди с настоящим мужиком и не была никогда!

Ник промолчала — на такую глупость ей плевать.

Она быстро натянула на себя свитер, подхватила куртку и рванула прочь из палатки. Пусть она могла за себя постоять, но больно и противно было все равно. Самое обидное, это был её соплеменник. Не вампир, не оборотень, которых она привыкла ненавидеть. Это был её соплеменник. Как там Брендон говорил? Упаси меня небеса от таких соплеменников.

Она пронеслась, надевая куртку на ходу, мимо всей шеренги парней Седьмого штурмового отряда, мимо Лина, почти запакованного в ультру, мимо удивленного Брендона.

Ей оставалось лишь надеяться, что они ничего не учуют. Она понеслась дальше в зону. Пиная камни, разбрасывая пепел, лежавший на земле, и ругаясь в небеса. Она могла за себя постоять. Только почему же до сих пор так стыдно и больно за себя пятнадцатилетнюю?

Брендон рванул за ней, Линдро, быстро выбравшись из ультры, в медпалатку. И то, что он выговаривал технику, Ник никогда не узнает. Она даже не заметила, что он пошел туда.

— Ники... Ник... — тихо позвал её Брендон.

— Осень, не сейчас. Хорошо?

— Хорошо.

— Дай мне минуту, и я перестану желать взорвать этот мир.

— Хорошо.

— И молчи...

— Хорошо.

— Хорошо молчи, — пробормотала она, вытирая глупые слезы. — Знаешь, я начинаю понимать, что мир заслужил войну. Что проще было взорвать мир с ужасающими законами против опасных видов, с продажными полицейскими, с ловцами, сдающими детей в виварий при университетах, с садистами всех сортов, с аренами с боями без правил... И, Осень... Я не хочу понимать это. Я не хочу соглашаться с тем, что война нужна была. Меня это пугает, Осень.

— Ники, я разберусь...

— Я разобралась сама, Осень. Я разобралась сама. И, прости за взрыв — он весьма некстати получился. Чуть не сорвала рейд.

— Не сорвала. — Брендон протянул ей дужку связи. — Если ты в порядке, то выходим.

Глава 22. Кровь Холма

Настроение у Ник было мерзкое, но на работе это не должно сказываться. Она надела дужку связи на ухо и поправила камеру:

— Листопад, я Ловец, к выходу готова.

— Листопад, понял. — его голос был бесстрастен, Ник улыбнулась — хорошо, что он ничего не понял. — Обслуживающему персоналу покинуть зону — работает Ловец и Седьмой штурм-отряд.

Утес улюлюкнул, Жердь проревел что-то непонятное, остальные его поддержали — хорошо, что были с открытыми забралами и отключили связь — это спасло уши Ник от ора.

Брендон поправил очки и кепку — отвык от такого:

— Пошли, Ловец? У нас спокойная прогулка до высоты сорок пять. Это вооооон там! — для непонятливых вроде Ник он даже пальцем показал. — А парни сами рассредоточатся по долине — у них свои задания. Но не бойся — пасти нас будут. Мигель лично просил Линдро.

— И за что все это... — пробухтела Ник, направляясь в сторону холма.

В наушнике раздался слишком жизнерадостный голос Жердя:

— Ник... О, это самое, Ловец! Это Жердь. Ты в курсе, что через три дня ночь Костров?

— И...?

— И в Либорайо я зарезервировал столик в «Сердце фейри». Идешь? Элиту, так и быть можешь взять с собой. А если зависнем тут, находя-таки нежить, то и тут я забронировал столик в местном клубе «Ночной светлячок». С пивом потянет, не Либорайо, конечно, но что поделать!

— Жердь, спасибо за приглашение, но я иду с Листопадом — я ему обещала.

— Так не проблема, Ловец, потерпим как-нибудь твоего ухажера! Честное слово — не обидим!

— Разговорчики, — вмешался Линдро. — Я сам кого хочешь обижу, понял, Жердь?

— Понял, как не понять! Парни, Листопад — ухажер нашего Ловца! Ему морду не бить!

Ник не выдержала и рассмеялась:

— Учтите, я отсиживаться в стороне не буду! Тронете мое — обижу и сильно.

Арано хохотнул:

— Это Утес, вышел на расчетную точку. Чисто! И, Ловец, есть Листопада не бить. Эй, Элита, а ты на чьей стороне?

— Это Элита. Естественно, Утес, я на стороне наших.

Никто про наших уточнять не стал — и так ясно.

В зоне завывал ветер, заметно усиливаясь. Он выдувал тепло из заговоренной от погоды куртки, хорошо, что Лин предупредил о холодах в Алисо — Ник захватила с собой из дома запасную, а то пришлось бы после вчерашнего в форме стражей щеголять или срочно нестись в магазин. Кстати, о магазинах. Надо на днях наведаться и купить парням подарки на Новый год. Ник даже улыбнулась — она никогда до этого не покупала подарки. Всегда была одиночкой, случайные связи, вроде того же Маки, не считались. Слишком быстро от неё уходили парни, не смиряясь с её нравом. Или она уходила от них, когда её пытались приставить к кухне и плите.

Пахло пеплом. Он хрустел под ногами, он оставался на пальцах при попытке

прикоснуться к сгоревшим ивам, он оседал на горелую землю, которую мелкий, крупчатый снег еще не скоро засыплет и скроет под сугробами.

Скорби, гнили, желания отомстить Ник не ощущала — ткачи ивы с ночным пожаром ушли в иной мир. Опасности Ник снова не чувствовала. Кажется, нежить, замеченная местными, все же была придумкой. По рации доносились отчеты парней — чисто, чисто, чисто... Они рассредоточились по долине, занимаясь своими делами — кто-то проверял периметр, кто-то делал тщательную съемку холмов. Голос Линдро возникал то там, то тут, не отвлекая — его защитный знак был спокоен.

Брендон вышагивал рядом. Явно устав от тишины, он тихо сказал:

— Некроманты и судмедэксперты осмотрели первые черепа, которые я принес из зоны.

По утру за твоим кинжалом ходил, вот и захватил... Сказали, что ткачи ивы — незнакомый нам вид фейри.

— Надо же.

— И так бывает. Видимо, или изгой, или потеряли свой Холм.

— Они погибли в первые дни войны — когда бы они потеряли Холм?

Брендон пожал плечами:

— Фейри же и между собой воюют, Ник. Так тоже бывает. Не за всеми бедами нелюдей стоят люди, фейри сами по себе справляются, как и оборотни, как и вампиры. Понять бы еще, откуда сюда пришли ткачи.

— А зачем тебе это?

Брендон указал пальцем на дужку связи:

— Интересно же. Нет?

Ник понятливо кивнула:

— Нет. Секреты фейри пусть остаются им.

Она приподняла с земли очередной камень с разбитой руной.

— Как ты думаешь, разбили камни ткачи или местные?

Брендон пожал плечами:

— Не знаю. Могла и река.

— Знать бы еще, от кого или чего защищали камни. И защищали ли.

— Эксперты их не опознали. Ни одной руны. Словно ткачей и их культуры не существовало никогда.

Ник бросила камень обратно на землю. Сплошные загадки. И будут ли разгадки — непонятно.

Пошел снег — сразу огромными снежинками, обещая буран. Ник остановилась — перспектива идти обратно в снегопад не прельщала. Значит, надо что-то срочно придумывать. Ник присела на корточки, запуская руку в пепел. Брендон подошел ближе, осторожно осматриваясь — его тоже тревожил снег, под его прикрытием что угодно может подобраться.

Ник предупреждающе откинула левую руку в сторону — не мешай!

Что она надеялась услышать, она и сама не знала. Но ведь какая-то часть в ней от фейри. Быть может, это снова поможет ей? Она даже глаза закрыла. Они же ищут подтверждение того, что один из холмов — курган высшего лорда.

Тишина. Отчаянная тишина. Ни отклика, ни узнавания, ни чувства одиночества, которое бывает на могилах.

— Высота тридцать один — пустышка. Высота сорок пять... — Ник прикусила губу. —

...тоже пустышка, Брендон.

— Жаль, столько надежд было.

Ник продолжала сидеть. Пальцы занемели от холода. Что-то... Что-то было еще. Что-то пряталось от неё где-то глубоко. Что-то, что она когда-то встречала. Опасное ли? И стоит ли звать это? Ледовая зона в Либорайо научила её осторожности.

— Листопад, это Ловец.

— Да, Ловец?

— Ты мне нужен тут.

Кто-то рассмеялся — Ник, как всегда, была далека от военных формулировок.

— Ну, если нужен, — не удержался Лин, не уточняя, где именно, — буду через пять минут, Ловец. Сильно не хулигань.

В радиии возник холодный, отрешенный голос — явно вампирский:

— Ловец, это Башня. Какого рода опасность?

— Эээм, — Ник встала, отряхивая руки от пепла. — Да я бы знала, Башня...

— Ловец, нельзя ли чуть серьезнее? Какого рода опасность?

Брендон пришел на помощь Ник:

— Это Элита. Башня, успокойся: распознаем опасность — сразу же увидите. Это же Ловец.

— Элита, это Башня. Еще пара фраз в подобном тоне, и я выведу вас из зоны — самодеятельность тут не нужна. Не говоря уже о том, что Ловцы — вымирающая профессия, мы в них тут не нуждаемся!

— Башня, остынь. Есть проблемы — иди к Коршуну. Отбой! — Брендон выругался, — дурацкий разговор... И, Ники, не стоит ради Башни стараться все тут уничтожить. Оставь и нам что-нибудь.

Рядом с грохотом опустилась ультра. Обеспокоенный Линдро после приземления пробежал пару шагов, гася ускорение. Он принялся тщательно осматривать местность — сперва через забрало, потом подняв его. Ноздри его шумно ходили — он принюхивался.

— Башня, это Листопад. Чисто!.. Ник?

Она кивнула:

— Сейчас... — она снова села и зарылась руками в землю, зовя что-то липкое на вкус её магии и пахшее кровью. Если есть кровь, значит, и простому оружию оно подвластно. Лин справится в любом случае. Ник встала и достала на всякий случай кинжал из ножен.

— Только не спрашивайте — что это. Что-то знакомое, возможно, опасное, но что именно — я не знаю.

Брендон понятиливо кивнул:

— Значит, все как обычно. Зовем и побеждаем. Только в этот раз, Ник, давай без больницы?

— Давай. Мне и в прошлый раз не сильно понравилось.

— Небеса, а ведь я так старался. В следующий раз оставлю при тебе Линдро.

— Давайте просто без следующего раза? — сухо сказал Лин. — Я как-нибудь перебыюсь.

Он шире и устойчивее расставил ноги. Захлопнул забрало. Приподнял правую руку, вытягивая её вперед. Лево́й рукой подпер её, словно не доверяя магусилителям. Что за оружие у него там прячется — Ник не знала. Только заметила, как неоновом-голубым засияли магические каналы на броне — значит, готовится встречать нежить, а не людей.

Ник понятливо зашла ему за левый бок, прячась за его броню. Брендон одобритительно показал большой палец. Так и хотелось показать язык — Ник еле удержалась. Кинжал в руке медленно нагревался — он не успел зарядиться за ночь после гексаграммы. Брендон подумал и тоже зашел Линдро на спину. Интересно, Осень успел ночью напиться крови для восстановления? И где он эту кровь взял. И добровольно ли... Все же недоверие к вампирам у Ник в крови, уже вроде и считает Мигеля другом, а все равно подозревает в незаконном. Впрочем, она и к Лину до последних дней относилась предвзято. Как же — оборотень, жажда убийства в крови... А он даже не сам выбирал профессию.

— Высота семьдесят, — пояснила Ник для парней. — Что-то с ней не то.

Брендон качнул головой:

— Ники, она не похожа ни на один курган или Холм фейри.

— А ткачей ивы так и не опознали, — парировала Ник. — И камни с рунами.

Брендон подумал и согласился:

— Аргумент! И кого же оставили ткачи в сторожевых собачках, как ты ду... — он не договорил.

Земля там, где сидела и звала перед этим Ник, чуть приподнялась холмиком, и из него, словно нарождающийся родник, рванула вверх липкая, черная, чуть отливающая алым на просвет субстанция. Черные её жгуты скручивались и скручивались, наращивая плоть. В воздухе быстро формировалось нечто антропоморфное, чтобы приземлиться на землю четырьмя конечностями, пытаясь выпрямиться. Кости, шипы, рога, липкие текущие к земле нити, когти...

Сформироваться до конца твари Лин не дал — ударил яркий свет некроамулета, и черная субстанция, рванувшая пастью в их сторону, опала липким, черным пеплом.

— Мать твою за ногу... — выскочил Брендон из-за спины Лина, падая на колени и зачерпывая быстро впитывающиеся в землю черные капли. — Ты сейчас на сотни тысяч ущерб нанес, Лин... — он быстро распорядился, — Башня. Протокол Тринадцать. Никаких исключений, кроме меня, Ловца и...

— Я в курсе протокола, — напомнил Лин.

— ...и Листопада. Коршуну доложу сам. И Седьмой отряд не драконить — лично проверю!

Брендон сдернул с себя дужку связи, с явным удовольствием смял в руке камеру, достал интерфон и спешно набрал номер.

— Мигель... «Фейри предлагают мир».

Лин, стащив с себя перчатку, бережно снял с Ник дужку связи и отключил её.

Ответ Переса даже Ник расслышала — так он орал:

— Что?!

Брендон вновь повторил с сумасшедшей улыбкой на лице:

— «Фейри предлагают мир». — Он включил без предупреждения громкую связь. Голос Мигеля довольно пророкотал:

— Ники, да?

— А кто же еще!

— Она...?

— Рядом.

Ник нахмурилась — чтобы она не сделала, такой радости она не заслужила. А еще странное предупреждение о парнях, которым может достаться...

Мигель бодро сообщил:

— Расцелуй её от моего имени, и смотри — не опозорь меня! Росси где, кстати?

— А ты как думаешь? — рассмеялся Брендон. — Тут он.

Ник обернулась на Лина — он методично распаковывался из ультры, шепча:

— Четвертая за этот год.

Мигель хмыкнул:

— Хм... Тогда не целуй. Попроси Росси это проделать.

— А можно я просто скажу, что... — начал было Брендон, но Мигель его оборвал:

— Включи громкую связь!.. — и не дождавшись подтверждения он продолжил: — Мисс

Доу, вы чудо. Вы чертовски удачливое чудо! Не будь мне шестьдесят, сам бы приударил за вами. То, что вы сегодня нашли... Это свобода вашей Осени. Это свобода всего мира, Ник. Линдро, ты слышал?

— Слышал.

— Протокол Тринадцать. — распорядился Мигель.

Лин хмуро сказал:

— Уже. И... Побереги моих парней, прошу.

— Обижаете. Заверни их — погода меняется, операция сворачивается. Брендон — живо на пост, предстоит много работы. Линдро сам знает, что делать. И, мисс Доу, не суйтесь слишком глубоко. Прошу. Это очень опасно. Так, посмотрите, можете потрогать, но не заходите слишком далеко. А еще лучше возвращайтесь на пост — тихо, мирно, прогулочным шагом. Выгуляйте Линдро — он так это редко делает... Особенно в вашей компании. Все, удачи всем!

Брендон отключил связь, помахал им рукой и был таков. Ник провожала его задумчивым взглядом, когда рядом взорвалась ультра Линдро, заставляя шипеть от боли — сработал защитный знак. Лин тут же обнял Ник, прижимая к своей груди. От него снова пахло домом, хотелось вечность стоять и греться в его объятьях. И почему самые надежные парни оказываются недоступными, предпочитая быть только друзьями?

Его ладонь прошлась по её волосам:

— Прости, Ник, я не подумал. Надо было предупредить тебя, что протокол Тринадцать включает в себя уничтожение всех средств связи, чтобы сохранить тайну. Сильно больно было?

Она потерлась носом о его мягкую, трикотажную форму:

— Ерунда. Главное, что ты жив. Остальное — ерунда.

— Хочешь... Я могу вывести знак на коже.

Ник отпрянула в сторону, впрочем, руки Лина на талии не сильно это и позволили:

— Ты совсем идиот, Лин?! Да если бы я хотела причинить тебе боль — я бы...

Он усмехнулся, прижимая указательный палец к её губам:

— Ник, обезболивание никто не отменял. Мне сделают знак под обезболиванием.

— Эээ...

— Ник, пятый век заканчивается. Мы научились человечности. Так сделать...?

Она кивнула:

— Хорошо. Я всегда буду знать, что с тобой все в порядке.

— Ясно. Вернемся в Либорайо — сразу же сделаю.

Ник улыбнулась и с сожалением выбралась из его объятий.

— Слушай, может... Ты все же объяснишь, что за тварь я призвала?

Лин кивнул в сторону обгорелого холма, возвышающегося над ними:

— Прогуляемся? Ведь явно хочешь посмотреть поближе.

— Если ты про тварь — то нет, воздержусь.

Лин взял Ник за руку и переплел её и свои пальцы в замок. Потянул за собой, шагая в сторону холма.

— Я про погибший Холм, чью кровь ты призвала, а я её так отчаянно уничтожил. Мигель меня повесит на первом же попавшемся столбе и будет прав — я должен был опознать кровь Холма.

— Кровь фейри? — поправила его Ник.

— Кровь Холма, Ник. Это нечто иное. Это концентрация магии фейри. Это то, что поможет усмирить фейри и засадить их все же за стол переговоров. Они же и с нами не особо считаются, хоть были союзниками в войне. Это же и Брендону даст наконец-то долгожданную свободу. Кровь погибшего Холма, говорят, содержит в себе пространственную магию. Заметила же — наш мир становится все меньше и меньше, а мир фейри растет — там становится все больше и больше места, не только для жизни, но и для многочисленных мастерских, заводов и фабрик. Фейри поглощают наш мир, забирая его себе. Скоро оставшемуся немногочисленному человечеству попросту негде будет жить.

Ник понятливо кивнула:

— Так воот зачем был уничтожен Холм ледяных лордов!

Лин пожал плечами:

— Не знаю, Ник. Меня тогда в округе не было. Как не было и Мигеля. Так что скажу одно — кровь Холма тогда получить не удалось. Алхимическая жидкость сжигает все напрочь, даже кровь Холма.

— М-да...

Дорога откровенно стала подниматься в гору. Ник вытерла со лба непрошенный пот, и Лин спокойно предложил:

— Прокатишься на руках или на лигре?

Ник даже остановилась:

— Соблазнительно на лигре, но... Предпочту руки.

— Так скажешь, — Лин подхватил её, бережно прижимая к груди и легко перешел на бег, кажется, даже не замечая её веса. Вот же... — Только скажи — где вход.

Ник опешила:

— А я должна знать?

— Леди ты, — напомнил Лин. У него даже дыхание не сбивалось при беге. И вот зачем в этом округе ловец? Они тут и без неё неплохо справляются, а она лишь балласт, который надо доставить из точки А в точку В и не утошнить при этом.

Вход в погибший Холм удалось найти только через полчаса поисков. Ник к тому времени даже перестала верить в свое происхождение от леди Холма. Но... Через полчаса уговоров Холм все же открыл дверь — косой, страшный провал в земле куда-то в темноту. Куда-то, куда совсем не тянуло войти. Летел пепел, осыпалась земля, шуршали несгоревшие корни ивы. Топотали чьи-то мертвые ножки или это отчаянно билось сердце Ник? Сыпал снег, отсекая мир живых. Казалось, что во всем мире в живых остались только они с Лином.

Ник осторожно заглянула в провал — там, в глубине Холма было темно, затхло и мертво. Пахло солью, словно кто-то много плакал. Ник протянула руку в темноту, осторожно прикасаясь к стене. Она не знала, что хочет почувствовать, к чему прикоснется. По пальцам

скользнуло что-то мокрое. Ник спешно одернула руку — на пальцах осталась черная тягучая капля. Ник поднесла пальцы к носу — пахло слезами. Капля тут же исчезла с ладони. Наны принялись обживать в новом теле, исследуя ДНК и признавая хозяина.

В голове как слайды вспыхивали картинки одна за другой. Еще бы понять, что все это значит. Вспышка, удар, боль... Крик за спиной: «Моя леди, помни: „Принц должен уметь“! Помни это! Если я не найду тебя — помни и сама найди меня!»... Голос незнакомый, мужской, человеческий... Черная капля на руке. Платье в крови. Крики. Боль.

Линдро обнял её со спины.

— Это не может быть твой Холм.

— Я знаю. Но я... Помню... Я помню кровь Холма.

— Это значит, что тебе некуда возвращаться, малыш.

— Мой Холм мертв?

— Если ты видела кровь Холма, то да. Холм мертв. И, Ник, я знаю, это отвратительно — понимать, что тебе некуда возвращаться, но... В Либорайо хорошо. В Либорайо у тебя много друзей. Тебе есть куда и к кому возвращаться. Помни это. Уходя, всегда помни — ты можешь вернуться в Либорайо, и тебя будут ждать.

Она резко развернулась и спряталась в его объятьях. Его ладонь успокаивающе скользила по её волосам. Ей есть куда возвращаться. Но есть ли к кому? И что значит — принц должен уметь? Ей казалось, что она ошиблась в детстве, когда писала свои требования, но... Если ей сказали написать это специально? Чтобы не забыла? Что значит эта фраза...

На пост она возвращалась верхом на лигре — буран разошелся не на шутку, поднялся дикий ветер, снег валил сплошной стеной. Дальше протянутой руки ничего не было видно. Хорошо, что оборотни, ища дорогу, всегда полагались на нюх, а не на зрение. Ник, крепко обнимая Лина за шею, пряталась лицом в его густой шерсти. Снег налипал на Ник, на лигре застывал комьями, но Лину все было нипочем — он быстро, крайне плавно, чтобы Ник не укачало, шагал в сторону поста. Его одежду Ник спрятала себе за пазуху, чтобы после оборота Лин мог одеться в теплое. Ботинки, связанные шнурками, Лин тащил в пасти.

На посту их уже ждали — согревающий чашку с кофе в ладонях Брендон и неожиданный Мигель, полностью укрытый от малейших солнечных лучей — оказаться кучкой пепла его не прельщало. Ник слезла с лигра, Лин тут же перетек, иначе и не скажешь, в человеческий вид. Снег комьями посыпался с его покрывшейся мурашками кожи. Ник спешно достала из куртки его одежду, смахивая с волос Лина снег, когда он наклонился, натягивая на себя штаны.

Брендон подал Ник кофе:

— Согревайся.

— А ему? — напомнила о Лине Ник.

— И ему сейчас принесу. Просто тебе важнее.

Лин присел обуваться, и из кармана штанов выпал белый топ. Мигель вопросительно выгнул бровь, но спрашивать ничего не стал.

Лин поднял с земли топ, отряхнул его от снега и протянул Ник:

— Скажем, что я фетишист. И я бы потом вернул...

Она вздохнула, пряча топ в кармане куртки — стыдно было до ужаса. Он все понял. И пошел разбираться, словно она сама не в состоянии защитить себя.

Мигель предпочел вмешаться. Спокойным, помня Мигеля в гневе, Ник бы сказала даже

— старательно мягким голосом, он сказал:

— Ник, того техника выбарабанят. — поняв по виду Ник, что она ничего не поняла, он поправился, — с позором уволят из стражей. Лишат наград, дипломов и запретят заниматься меддеятельностью. Если будет доказан факт многочисленных домогательств, а я инициировал расследование, то техник попадет за решетку.

Ник сухо ответила:

— Ясно. — Только потом поняла, что сказала любимое слово Линдро. Тот, уже натянув на себя водолазку, притянул к себе Ник, согревая в бушующем снегопаде.

Мигель качнул головой:

— Лин, мой тебе совет — в следующий раз не ломай нос, замахаешься же потом отбrehиваться от комиссии по этике. Ты же умеешь бить, не оставляя следов.

— Нос сломала я, — вмешалась Ник.

— Девочка, хвалю за попытку выгородить Линдро, но, во-первых, я его любимые приемы знаю наизусть, а, во-вторых, этот лось не нуждается в защите. Он привык лаяться с комиссией по этике.

Лин криво улыбнулся:

— Вот не поверишь — я нос сломать не успел. Я его только вправил чуть неудачно.

— Небеса, да вы созданы друг для друга. Даже любимые приемы одинаковы.

Брендон, подавая чашку кофе Линдро, вздохнул:

— Мигель, смирись. Из тебя отвратительная сваха. Тебе Тамиора не хватило? Думаю, Ник сама разберется со своими чувствами и прочим. И, Ники, тут холодно — возвращайся в общежитие. Возвращение в Либорайо назначено на девять вечера. Так что отдыхай, собирайся...

Ник скривилась:

— То есть тайну Холма ткачей я не узнаю?

Мигель пожал плечами:

— Никакой тайны нет хотя бы потому, что Холма ткачей не существует. Все цифровые носители рейда испортила магнитная буря, кое-что погибло в результате непредсказуемости погоды, а человеческая память...

— ...всегда была ненадежна, — подхватила Ник. — То есть мрак. Ничего не было. Никто ничего не помнит. Ничего я не узнаю.

— Оставайся в Либорайо — узнаешь. — с легкой насмешливой улыбкой сказал Брендон.

— Я подумаю. И пойду я. Не буду вам мешать секретничать и творить историю. — она развернулась и пошла прочь за Границу.

Мигель кашлянул:

— Она обиделась?

Брендон вздохнул:

— А сам как думаешь?

Ник даже позавидовала ему — Брендон так легко перешагивал через прошлое, через неприятности, через непонимание. Ей бы так забывать и смиряться. Например, забыть, как возмутилась на предложение Линдро её поцеловать. Вот что тогда её так возмутило, а? А теперь только шагать вперед в пустую комнату, не оглядываясь — ему она не нужна.

Глава 23. Арест

К вечеру буран стих. Улицы замело, так что свободные от дежурства стражи выскочили на улицу играть в снежки против команды техников.

Ник подумала и решила, что смысла сидеть в комнате в одиночестве нет никакого. Она тепло оделась и направилась в поход по ближайшим магазинам. Городок был маленький, еще чуть пованивающий гарью от пожаров, но в новой его части, построенной после войны, ощущения трагедии, случившейся этой ночью, не было. Горели фонари, звучала музыка из немногочисленных кафе, светились гирлянды на витринах. Прогуливались горожане, и не хотелось думать: кто из них вампир, а кто человек, кто оборотень, а кто новообращенный ветеран. Тут гуляли и отдыхали люди.

Ник перешла из магазинчика в магазинчик, покупая предновогодние безделушки — пряники, конфеты, колокольчики, игрушки, всего не упомнишь. Потом рассортирует и подарит парням. Это только Лину надо хорошенько подумать, что подарить. Ему не хотелось вручать ворох ничего не значащих предновогодних сувениров. Только ничего толкового в голову пока не приходило.

С кучей пакетов в руках, она медленно шла в сторону общежития. Оставалось пересечь широкую улочку с магазинчиками на первых этажах, пройти через парк и почти дома. А потом погрузка в броневик и поездка в Либорайо. Интересно, Лин останется тут или вернется с ней?

Улицы медленно пустели. Спешили семьи домой — к ночи похолодало. Оставались самые упорные парочки, прогуливающиеся вдоль парка. Скоро все разбредутся по домам, или ресторанам, или клубам.

Ник перебежала дорогу перед носом автомобиля и углубилась в парк. Тут было тихо и пустынно. Игравшие весь вечер дети разошлись по домам, оставляя снежные крепости пустыми для завтрашних игр. Ник почти пересекла парк, когда за спиной раздался отчаянный детский крик:

— Это не мой папа! Помогите! Это не мой папа!

Ник выругалась и, бросив пакеты с подарками на тротуар, понеслась на крик. Среди деревьев мелькала невысокая мужская фигура, тащившая на руках продолжавшую кричать девочку лет семи. Веселая красная шапочка с кошачьими ушками упала с девочки, показывая русую макушку и высокие, уже настоящие кошачьи уши. Оборотень! Но Ник не сбавила ходу. Даже оборотень в семь лет всего лишь беззащитный ребенок.

Ник на ходу, с неожиданной благодарностью вспоминая Тамиора, кинула в спину мужчины знак паралича. Не попала. Снова собралась с силами, проклиная собственные неуклюжие ноги, глупые пальцы и нежелание тренироваться, и опять кинула заклинание — в этот раз на опережение. Но добилась одного — детский крик стих, а мужчина в темном пальто почти вылетел из парка на узкую, лишенную освещения улочку.

Ник выругалась, заставила себя остановиться, сосредоточиться, и... Знак впечатался в спину, подсекая мужчину. Тот кулем упал в сугроб. Ник помчалась к девочке, вырывающейся из продолжавших удерживающих её рук мужчины. Ник упала на колени, больно отбивая их, но синяки это ерунда — главное, она успела! Кинжал Ник разрядился похитителю прямо в шею.

— Я... Ловец... Ты арестован... — еле выдавила из себя Ник, ища глазами девочку и

не находя её. А потом мир окончательно потемнел — на голову Ник обрушился удар. Такого от призывавшей на помощь девочки Ник не ожидала.

Сознание возвращалось урывками.

Вот её вздернули вверх, надевая наручники. Чья-то рука нагло сорвала с шеи знак ловцов. Сжала в ладони, тут же взывая от боли. Знак не любил нелюдей. Кажется, страж с рыжей шевелюрой, выдававшей в нем лиса, об этом не знал.

Она прошептала заученную до автоматизма фразу, которую положено говорить при аресте:

— Я ловец Ник Доу... Мой номер — двадцать два-тринадцать-двадцать два... Позвоните в Школу ловцов... Паритас... Сорок первый округ...

— Щаз! Ага, можно подумать, у нас в бюджете есть деньги на интер-связь!

Сине-красный цвет разрывал темноту ночи, вызывая вспышки боли за глазами. По шее текло что-то теплое. Лин будет недоволен — он же просил без больницы. Впрочем, о тюрьме он ни слова ни говорил... Ноги были как ватные и пытались подогнуться.

Она сглотнула вязкую слюну — помощь можно найти и ближе...

— Я консультант Седьмого... Штурмового... Отряда...

Страж рыкнул ей в лицо:

— Ври да не завирайся!

Её мутило. В глазах двоилось — после Тамиора она плохо переносила удары по голове. Постарался, гад.

— Я арестовала похитителя ре... — Язык замер, прищелкнутый зубами — страж весьма неаккуратно тряхнул Ник.

— Все знают — зачем ловцам дети!

Её затащили в машину стражей. На заднее сиденье, даже заботливо прислонили к плечу того мужика в темном пальто.

— Я ловец...

Похититель, уже пришедший в себя, больно ударил её в бок, откидывая на дверцу. Ник была ему даже благодарна — у самой не хватило бы сил, а сидеть всю дорогу, привалившись к этой мрази — увольте!

Девочка ехала на переднем сиденье, на руках одного из стражей, того, рыжего. Кажется, о правилах перевозки детей они тут не слышали. Или думали, что оборотни — и так выкарабкаются. Да, Ник не повезло — стражи тоже были оборотни, как и девочка.

Стекло окна, к которому Ник прислонилась, приятно холодило голову. Тошнота то поднималась на резких поворотах, то унималась, затаиваясь где-то в животе. В голове было мутно, Ник не понимала, когда видит явь, а когда болтается на сиденье без сознания.

— Я, правда, работаю... С Седьмым штурмовым... Из Либорайо... — слова застревали в горле, говорить было крайне трудно. Свитер пропитался чем-то мокрым вплоть до лопаток.

— Слушай, молчи, а? Ты ловец — этим все сказано. — Страж с переднего сиденья, державший на руках девочку, даже обернулся к Ник. Она не удержалась, даже зная, что напрашивается на неприятности:

— Кто... Погиб... От ловца?

Страж поджал губы, но все же процедил:

— Брат.

— В солнечный цикл... — Ник прикрыла глаза — кажется, ночь у неё ожидается веселой. Не попасть бы потом в больницу — Лин же просил... Или об этом она уже думала?

— В он самый. — Страж снова сел прямо, что-то шепча девочке про правила самообороны и что она поступила правильно. Теперь эту мразь засудят и посадят в тюрьму. Власть ловцов закончилась.

— А у меня вся семья... полегла под вашей бомбардировкой... — все же сказала Ник, еле ворочая языком. Машина подпрыгнула на выбоине в асфальте, и Ник застонала от боли. В голове словно шутиха взорвалась. Замутило с новой силой.

Когда её вытаскивали с заднего сиденья, её все же вырвало. Прямо на форму стража. Она хоть и была помятая и несвежая, но ругался страж при этом страшно. Его даже присутствие девочки не смутило. Лин в этом плане был куда как терпимее... Ник сгруппировалась, ожидая удара, но его не последовало.

Патрульный подхватил её под руку и потащил в участок.

Второй страж, который вел похитителя, буркнул:

— Сейчас медтехника вызовем.

— Сперва... Психо... логи... ческую, — Ник чуть не сломалась на слове, — группу... Вызовите... Для девочки...

— Психологическую группу ей... — продолжил бурчать страж, запихивая похитителя в камеру — это был огороженный решеткой угол в помещении для стражей. Тут даже скамеек не было — только мягкие маты на полу.

— Или родителей... найдите...

— Не глупее тебя, ловец, — страж, который её конвоировал, помог ей опуститься на пол в камере. Рядом, с мать его, похитителем!

Ник со стоном откинула голову назад, на решетку — металлические прутья с серебрением были прохладными. Ей бы сейчас исцеляющее заклинание... Или обезболивающую таблетку. Или хотя бы пузырь со льдом.

Ник скосила глаза в бок, рассматривая участок — серые стены, доски с фотографиями разыскиваемых, множество стоявших рядами столов с компьютерами, папками, какой-то канцелярией, стойкий аромат оборотней, оружейной смазки, пончиков и кофе — кажется, это единственное, что роднило их с предшественниками-полицейскими. Пончики и полицейские. Пончики и стража. Они не отделимы друг от друга. Больше ничего их не связывало. Они даже про зачитывание прав во время ареста не знали. Впрочем, прибыли на место происшествия они быстро, могли бы и сами справиться, без участия ловца, наверное.

Голова кружилась, мир то увеличивался, то уменьшался.

Ник подтянула ноги к животу — так сидеть было удобнее:

— Девочке теплое молоко с медом... Или хотя бы кофе... И плед дайте... И расспросите про домашний адрес и номер интры... Она уже большая, должна помнить.

Страж, отчаянно пахший мылом от замытого пятна на мундире, проворчал:

— Ловец, молчи, а? — кажется, она все же умудрилась потерять сознание в камере — она не помнила, когда он уходил, чтобы привести себя в порядок.

— В моих интересах... вам помочь... Я ловец — я тоже... рука закона.

Второй страж проворчал, выдавая девочке, усаженной за один из пустовавших столов, бумагу и невесть откуда взявшиеся цветные карандаши:

— Первый раз, когда я жалею, что пошел в стражи. Надо же — я работаю в одной связке с ловцом, оказывается! Сиди там, скоро медтехник приедет.

— И допрос пострадавшей только в присутствии родителей... Или психов... Иначе...

Ни один суд не примет её показания... Адвокат этого вон... — она двумя руками из-за наручников махнула в сторону похитителя, — её показания разобьет в пух и прах... Ещё и компенсацию за арест выбьет...

Самое противное, что с похитителя наручники сняли — он был безмагичен. Ник не повезло — она была маг. Даже не дотянуться руками и не понять, что там с головой, а уж про подлечить и думать нечего. Магия была заблокирована полностью.

— Сама лучше подумай об адвокате.

— Я ничего не нарушала... Я ловец... Я эту пакость... — она указала руками на пакость, которую как раз выводили из камеры для снятия отпечатков и фотосъемки, — задержала, спасая девочку...

Стражи, которые пока так и остались для Ник безымянными (надписи на мундирах она не могла разобрать, а представиться они как-то позабыли... Или сама Ник забыла этот момент...) расхохотались.

— Смешная шутка, — сказал «её» страж — тот самый, на которого её вырвало. Он все же стащил с себя замытый мундир, повесил его на спинку стула, закатал рукава рубашки на внушающих уважение накачанных руках и сел за свое рабочее место в первом ряду, включая компьютер. Как-то провинциальные стражи не внушали Ник доверия в плане профессионализма. Хотя, наверное, в них главное то, что все же примчались на место происшествия и арестовали кого надо. Бумажки, допросы, правила — рано или поздно дорастут и до этого. — В Третьем округе запрещено оружие. Даже холодное. За ношение кинжала можно сесть на полгода. Даже если не помогала выкрасть девочку, все равно сядешь и прочно.

— Позвоните в Седьмой штурмовой... или на пост зоны двести шесть...

— Позвоним, успокойся уже. Позвоним.

— Я лишь пыталась остановить похитителя... А оружие я носить имею право — я ловец!

«Её» страж не выдержал:

— Мисс как вас там... Доу, помолчите! Девочка даст показания, тогда и поговорим...

— Камеры наблюдения в парке?

— Мисс Доу, это не Либорайо!

— А нормативы прибытия на место происшеств... — язык вновь принялся заплетаться. — Происшествия вы выполнили... Молодцы.

Страж заложил руки на голову, откидываясь на спинку стула:

— Гм... Спасибо. — его рубашке пришлось плохо — она чуть ли не трещала по швам, до того мощная мускулатура была у парня.

— Не за что... Хорошо, что девочка не пострадала... Проверьте задержанного на предмет аналогичных нападений... Может, где всплывет в другом участке или даже округе?

— Мисс Доу...

— Тут вы его засадите за решетку не дольше пары месяцев — всего лишь нападение... А при хорошем адвокате он вообще не сядет... Знаю я их отговорки: всего лишь перепутал в темноте девочку, принял за племянницу, а орала — ну, не сообразил сразу... Человек же — в темноте зрение подводит, нюха никакого, опознать по голосу сложно... А ловец влез — так тоже человек, еще и дура... Проверьте...

— Мисс Доу, может, вы не будете лезть на мою территорию?

— Это и моя территория...

— Вы в курсе, что остановили человека? А девочка — оборотень?

Девочка, кстати, внимательно посматривала на них со стражем, отвлекшись от рисования. На диво спокойная малышка. Интересно, Эми такая же?

— Напавший на ребенка — нелюдь... И это отнюдь не характеристика вида, а характеристика мрази... А девочка-оборотень... Она все равно ребенок, даже если оборотень... — Ник сделала голос погромче, — девочка... Не знаю твоего имени... Но ты оборотень — у тебя есть зубы и когти. В следующий раз кусай в шею — не бойся, потом просто зубы почистишь, чтобы не подхватить заразу.

Страж звонко рассмеялся:

— Однако!

— Я в курсе, что в рот нельзя тащить всякую пакость... Но эта пакость из разряда тех, кто заслужил...

В помещение вошел молодой парень в форме стражей и кадуцеем на шевроне. В руке у него был медицинский чемоданчик:

— Добрый вечер! Кому нужна помощь?

Ник, старательно цепляясь за решетку, встала:

— Мне... Эм...

Глаза медтехника округлились при виде неё:

— Мисс Доу?! Что вы тут делаете?! Капитан Росси в курсе? — парень повернулся к стражу, — срочно звоните в расположение Седьмого отряда и молитесь небеса, чтобы замгубернатора Перес вас по стенке не размазал!

Страж встал, звеня ключами от камеры:

— Да чтоб вас всех... Что, реально ловца приняли на службу?!

— Этот ловец принят на службу лично Пересом.

Ник вглядывалась в лицо медтехника и не узнавала его — в голове по-прежнему был кавардак. Наверное, это один из техников, кто помогал в первую разведку зоны — их тогда много было, даже медсестер и врачей из местной больницы вызвали.

Ник вывели из камеры, посадили на стул, развернутый спинкой вперед, чтобы ей было удобнее облакачиваться и удерживаться на стуле, пока техник обрабатывал её рану.

Страж рванул звонить. Наручники, правда, снять отказался, несмотря на шипение техника:

— Я из клана тигров! Неужели мое слово ничего не значит для какого-то лиса?!

Ник спрятала улыбку в уголках губ: да-да, кланы — это дивно прогрессивно и демократично. Хорошо, что «её» страж не прогнулся и не поддался — для правопорядка так полезнее, хотя Ник с превеликим удовольствием все же сняла бы наручники.

Ей вкололи обезболивающее в руку прямо через одежду, срезали волосы на голове (перед самым Новым годом!), опять вкололи обезболивающее, принялись шить. Стежок за стежком — чем уж там умудрилась её огреть девочка? Хороший оборотень — силы от страха поболее, чем у любого взрослого человека.

Мимо пронеслась испуганная, модно одетая в оранжевый кейп женщина. Ник видела, как она упала на колени и принялась обнимать девочку. Тут же запахло слезами. Даже оборотень прежде всего ребенок.

Игла где-то на макушке неприятно потянула кожу, и Ник закрыла глаза — чуть-чуть потерпеть, скоро все закончится. Она ловец, её никто не засудит за ношение оружия... Скоро все закончится. Правда, когда она выберется из участка стражей, придется бриться

налысо, чтоб уж выглядеть симметричной — судя по ощущениям, рана начиналась где-то над правым ухом. Лин будет в шоке. Наверное, Новый год все же не для неё — подарки потеряла, приличный вид, чтобы не было стыдно выходить в люди, тоже. Клонило в сон, а расслабляться нельзя. Тут ненавидят ловцов, прям как она ненавидит... Ненавидела оборотней и вампиров.

Техник наложил повязку и ушел, прощаясь.

Женщину и девочку увели в допросную — Ник не поняла, откуда взялся еще один страж. Может, из дома выдернули.

Ник пересадили за стол к «её» стражу. Она наконец-то смогла прочитать на форменной рубашке, что его зовут Родриго Санторо. Симпатичный, кстати, если бы побрился. Впрочем, оборотни все такие. Неприятных среди них еще днем с огнем поискать. Если только среди кланов мелких хищников и грызунов — тех портили выдающиеся из-за зубов челюсти. Хотя те же енотовые — вполне обаятельные и улыбочивые заразы с виду.

— Мисс Доу...

Она протянула руки вперед:

— Отпечатки, да? Или сперва показания?

— Давайте показания. Вы как себя чувствуете?

Ник прикрыла глаза:

— Вполне терпимо...

— Подождите... — Он встал и куда-то ушел — какая незамутненная прелесть! Впрочем, вскрывать наручники Ник не стала — накал ситуации прошел, скоро вскрыется и вся нелепость происходящего. Если девочка, конечно, не соврет... Что делать в таком случае Ник знала — ждать, когда приедут из школы ловцов и вытащат её из тюрьмы.

Санторо вернулся с пакетом льда — он положил его на запястья Ник. Снимать наручники с ловца было опасно, это Ник и сама понимала.

— Легче?

Ник кивнула:

— Спасибо. Показания?

— Да, давайте. И не бойтесь — девочке не за чем лгать.

— Я не боюсь — все равно меня из тюрьмы вытащили бы. Ну, посидела бы я там пару недель... Так... Как там положено... — она собралась с путающимися из-за лекарственного обезболивания мыслями: — Я ловец Ник Доу, номер двадцать два-тринадцать-двадцать два Школы ловцов города Паритас, Сорок первого округа. Здесь нахожусь вместе с Седьмым штурм-отрядом Либорайо в качестве консультанта... Я шла через парк в районе двадцати десяти-двадцати пятнадцати. Точнее не скажу. Парк был пуст...

Клавиши стучали, бодро печатая её слова.

Закончив с показаниями, Ник блаженно откинулась на спинку стула, удобнее пристраивая голову. Прикрыла глаза, чтобы легче было переносить нарастающую тошноту. Если учесть, что начало ареста она не помнила, то... Гарантированный сотряс. Эту ночь спать нельзя — никто же не потащит её в больницу исключать отек мозга или ушиб, а сама она под угрозой расстрела туда не пойдет. Ник зевнула — в сон клонило страшно.

Санторо подумал и подложил ей под голову свой мундир. Воняло ужасно, зато мягко.

— Спасибо... — поблагодарила она, подтягивая ноги к груди.

Глава 24. Приход Линдро

Дверь со стуком открылась. Пахнуло знакомым ароматом — горькое сейчас дерево, какая-то возмущенная, по-весеннему пряная земля. Кажется, Линдро переволновался.

Ник скосила на него глаза:

— Со мной все в порядке. Честное слово. Просто повернулась спиной к оборотню, не учитывая, что ловцов тут ооочень любят.

Лин принюхался и сухо сказал:

— Ясно!

Санторо вскочил со стула чуть ли не по стойке смирно, а ведь Лин вошел спокойно, почти даже лениво, явно с трудом подавляя движения. И даже не в форме! В простых джинсах и футболке. С мокрыми волосами — опять она его из душа выдернула своими делами.

— Капитан Росси... — Санторо опознал его в лицо.

Тот подал бумаги:

— Добрый... Вечер... Капитан Линдро Диего Андре Росси...

Ник выпрямилась, поражаясь количеству имен у Лина.

— ...командир Седьмого штурм-отряда Либорайо. На каком основании вы задержали моего бойца?

Ник прикусила губу, чтобы не поинтересоваться — когда же её приняли-таки в отряд? Хотя с Мигелем не забалуешься — протянешь ладонь, он откусит по локоть.

Она посмотрела на бедного Санторо — по его виску катилась капелька пота. Все же оборотни — это оборотни. Уважают силу и воздействуют прежде всего силой. Лин, конечно, подавлял в себе командирские нотки, жалея гордость стража, но запах возмущенной альфы никуда не денешь. Из Лина омега, как из самой Ник примерная жена по меркам Либорайо.

Она дернула Лина за рукав:

— Все хорошо, правда! Я приняла участие в гражданском аресте, просто произошло недоразумение из-за кинжала. Я забыла свои документы в общежитии. — Вот не хотелось ей, чтобы Лин опустил до драки... То есть благородной дуэли из-за неё. Лису и так тяжело находиться рядом с более крупным хищником.

Санторо не принял её помощь:

— Мисс Доу была задержана по подозрению в попытке похищения ребенка-оборотня и за ношение оружия.

— С оружием мы вроде разобрались, — все так же сухо продолжил Линдро. — посмотрите документы — как боец штурм-отряда она имеет право на ношение оружия. А по поводу попытки похищения...

Санторо выдал из себя:

— Присядьте, пожалуйста. Сейчас идет опрос пострадавшей девочки. Разберемся. Не беспокойтесь.

Ник вновь потянула Лина за руку:

— Все хорошо. Правда-правда.

Он бросил на неё какой-то больной, дикий взгляд, но все же взял у соседнего стола стул и сел. Глаза его так и остались прикованными к её наручникам. Санторо спешно обошел ряд столов:

— Думаю, что в вашем присутствии наручники более не нужны.

— Это вы правильно думаете, — Линдро сцепил пальцы в замок. До синевы. Ник прикусила губу — она не заслужила, чтобы о ней так волновались.

Так только Санторо снял наручники, ладонь Лина опустилась на запястья Ник, чуть холодея заклинанием — он же пусть и слабый, но все же маг.

— Спасибо, — прошептала она.

Санторо вернулся на свое место:

— Чуть-чуть придется подождать. — он принялся поправлять что-то в допросе, быстро стуча по клавишам, а потом в дальнем углу зажужжал принтер, выплевывая листы с её показаниями.

К ним подошел нахмурившийся страж — тот, второй, принимавший участие в задержании. Ник прочитала его имя на мундире — Хосе Гарсия. Он был в возрасте, с небольшой сединой в черных волосах. Ник давно заметила, что в Третьем округе преобладают выходцы с юга — все поголовно брюнеты с карими глазами и смуглой кожей. Лин на их фоне выгодно отличался — почти единственный блондин среди её новых знакомых оборотней. Все же кровь львов ничем не перебьешь, даже если, как лигру, грива и не положена.

Гарсия склонился к Санторо:

— Как и предполагала мисс Доу... Эту мразь по имени Педро Альва разыскивают в Десятом округе по обвинению в серии нападений на девочек. На нем три трупа.

— Передаем им?

— Угу, кэп сказал — вызванивай принципальских стражей, пусть забирают эту мразь. Так что звони и готовь доки...

Санторо кивнул, а потом печально вздохнул:

— Черт, и как туда звонить?! Чтоб я еще знал... Я же никогда интер-связью не пользовался!

Гарсия кивнул на компьютер:

— Инфосеть тебе на что? Я верю в тебя — ты справишься!

Лин вмещался, так и не убирая ладони с запястий Ник — она, кстати, и не возражала.

— Это не проблема. Столица Десятого округа Принципал. Коды у округов пятизначные. Кодировка простая — ориентируясь не на цифры, а на буквы на клавишах интерфона, наберите «Принц». Вот с самым десятизначным номером Центрального участка не подскажу... Не помню просто. У нас-то просто — короткий номер с кодировкой «стража» и номером участка... — Он, заметив удивление Ник, добавил: — Некоторые нобели любят выпендриться — выбирают вместо номера интера фразу с буквенной кодировкой. Иногда такую кодировку применяют для детей, которые не в состоянии запомнить длинный номер.

Ник потрясенно замерла. «Принц должен уметь»...

Принц... Принципал...

Она принялась спешно загибать пальцы, считая буквы, сбиваясь и начиная по новой. Одиннадцать. А должно быть десять. Или мягкий знак не учитывается?

Если она не ошибается... Номер интер-связи дома всегда был при ней. Ведь интер-связью пользовались и до войны особо привилегированные — Холмы фейри всегда были окружены Границами. Это их разработка.

Рогатые орки... Она всегда помнила домашний номер. И не знала об этом. Просто не помнила из-за последствий бомбардировки.

Лин пристально смотрел на неё — видимо, её выдал или запах пота, в который её бросило от осознания, что ключ от дома всегда был при ней, или усиленное сердцебиение.

— Все хорошо, Ник?

Она лишь кивнула, не зная — стоит ли сообщать Лину о своем открытии? Он-то в отличие от неё несвободен. Он еще на два года прикован к Округу.

Лин перевел взгляд на Санторо:

— Тогда, может, все же закончим со случившемся недоразумением? Я за своего бойца полностью ручаюсь — мисс Доу не принимала участия в похищении...

Санторо дернул ворот синей рубашки:

— Капитан, чуть терпения... Показания девочки все решат. И обвинение в ношении оружия мисс Доу будет снято. Я просмотрел ваши бумаги... С ними все в порядке.

Из допросной, улыбаясь и пожимая руки вышли страж, девочка и женщина в кейпе. Она что-то спросила у стража, смотря в сторону Ник. Тот кивком подтвердил. Женщина спешно направилась к Ник — та заранее встала, чтобы поговорить, в чем бы её сейчас не обвиняли.

Женщина замерла перед Ник, внимательно её рассматривая. Что уж она искала: кровожадные глаза, злобный оскал ловца или руки по локоть в крови — Ник знать не хотела.

— Я... Анхела Лопес Каррера... Это... — Она прижала к себе русую девочку. Та уже успокоилась, и уши вернулись на свое законное место. — Это моя дочь Луз... Она сказала, что вы спасли её, а она потом ударила вас... Она испугалась ваших слов, ей показалось, что вы назвали себя ловцом.

Ник вздохнула и призналась:

— Я, действительно, ловец. Луз не ошиблась.

Женщина нахмурилась:

— Но тогда почему... Вы спасли Луз?

Темные карие глаза девочки в упор рассматривали Ник. Она пожала плечами, тут же жалея — свитер подсох и прилип к спине:

— Я рука закона. А закон говорит, что ни одной мрази нельзя нападать на детей. Даже если они заигрались на улице и опоздали домой.

Каррера с непонятным напором сказала:

— Луз оборотень. Вы, наверное, плохо её рассмотрели в темноте.

— Я видела её звериные уши на макушке. Это сложно не разглядеть. Вот принадлежность к клану не успела определить, но я думаю, что в той ситуации это было неважно.

— Но вы все равно пришли ей на помощь, а ведь нападавший — человек.

— Нападавший — мразь, ничего общего не имеющий с людьми. Просто поверьте.

Каррера робко улыбнулась:

— Простите, если обидела вас. Я не хотела. Меня все детство пугали ловцами — придет и заберет с собой. Наверное, пугая Луз тем же самым, я была не права.

Лин положил руку на плечо Ник:

— Времена изменились, миссис Каррера. Надо уметь меняться вместе с ними. И ваши извинения приняты кланом тигров. Мисс Доу не имеет к вам претензий.

— Еще раз простите...

Ник присела перед девочкой:

— Помни, что я тебе сказала — времена может и меняются, но яремная вена у всех остается на одном и том же месте. Кусай не задумываясь. Хотя я надеюсь, что это больше

никогда не пригодится тебе. И не задерживайся на улице допоздна.

Луз застенчиво сказала:

— Простите за кирпич, я просто очень перепугалась.

— Ничего страшного. Хуже было бы, если бы ты ошиблась в намерениях ловца. — она медленно встала, проклиная усилившуюся тошноту.

Только через четверть часа, подписав все необходимые бумаги, Ник и Лин оказались на улице.

Лин замер на крыльце, внимательно рассматривая Ник. Он молчал. Запах дерева стал просто невыносимым.

Она, обнимая себя руками, подняла на него глаза:

— Злишься?

— Безумно.

— Прости, я не хотела. Правда, не хотела...

— При чем тут ты... Я злюсь на себя. Я шел на войну, чтобы остановить ненависть и неравноправие видов. Я надеялся, что мир станет иным. И что получилось? А ничего не получилось, Ник. Ни-че-го.

— Луз всего лишь маленький ребенок.

Лин согласно кивнул:

— Вот именно. Ребенок, родившийся в уже свободном округе, ребенок, никогда не живший в гетто, ребенок, никогда не видевший войну, ребенок, никогда не знавший лишения... И он все равно боится людей и ловцов. Не за такой мир я боролся и проливал кровь. Вот совсем не за такой. — он взъерошил волосы. — Рогатые орки, и что со всем этим делать...

В кармане джинсов Лина в очередной раз взвыл интерфон. В участке он его игнорировал, сбрасывая звонки.

Ник указала на карман:

— Да возьми уже трубку — кто-то же весьма настойчив.

Лин кивнул и достал трубку:

— Да, Мигель. Все порядке. Я её забрал. Претензий нет. — он говорил простыми рубленными фразами, и Ник отчаянно хотелось его обнять и успокоить. — Нет, сейчас повезу в больницу... Не надо орать. Просто наблюдение. Возможен сотряс. Есть, выполнять скорее.

Ник, испугавшись больницы, приподнялась и бросила в трубку:

— Никакой больницы — мы сейчас вернемся в общежитие. И простите, что задержала отъезд. Я не специально, Мигель...

Убрав телефон в карман джинсов, Лин угрюмо посмотрел на неё:

— Ник, почему не хочешь в больницу?

— Потому что я их терпеть не могу.

Он бесстрастно сказал:

— Я буду рядом.

— Тогда тем более в больницу не надо. Домой...

— До дома далеко.

— Тогда в броневтомобиль ваш или как он там называется... И кофе.

— Тебе в твоём состоянии кофе нельзя. — отрезал Лин.

Ник обреченно сказала:

— Тогда чай. Или молоко. Или какао. Или шоколад... И скажешь, что его нельзя — закусаю, как учила Луз — прямо в яремную вену.

Он наконец-то улыбнулся за весь этот нелепый длинный вечер:

— Кто-то путает вампиров и оборотней.

— Поверь, укус в яремную вену вас тоже останавливает. — Она в шутку цапнула зубами в воздухе. И почему-то прикусила губу, словно у неё звериные клыки. Она даже языком потрогала зубы — нет, показалось. Только почему Лин так ошарашенно посмотрел на неё? — Эм... Все хорошо?

— У тебя что-то с зу... Впрочем, показалось, наверное... В больницу точно не поедешь?

— Нет.

— Ясно, — он опять обреченно взъерошил волосы. Такими темпами он облысеет раньше времени. Хотя лысые оборотни Ник еще не встречались. — Знаешь, хоть раз хочется побыть тварью и скрутить тебя, запихивая в медсканер.

— Не прощу! — прищурилась Ник.

— Я сам себя не прощу, если подниму руку на слабого. И не смотри так обиженно — на данный момент из-за травмы ты слабее. Ты уверена в своем самочувствии? Я серьезно.

— Я тоже серьезно. Я хочу домой. И прости, что из-за меня выезд отменили.

— Его перенесли на утро. Мы своих не бросаем, Ник. Так что все в порядке.

— Лин, — она медленно, чтобы не напугать его, прикоснулась к его руке. — Пошли уже...

Она сделала пару шагов прочь с крыльца, кривясь от проснувшейся головной боли.

Лин догнал её:

— Лигр или руки?

Такси этот верзила и не подумал предлагать — Ник даже была ему благодарна за такое. Алхимических машин тут явно не было, а запах бензина мог плачевно отразиться на самом такси и, главное, на Лине.

— Как не привлекает меня возможность опять прокатиться на лигре... Но руки предпочтительнее. Знаешь, — она вздрогнула, когда Лин тут же подхватил её на руки, — когда-то я хотела купить доспех, чтобы с комфортом возвращаться домой, а потом поняла, какой это геморрой — тащить доспех в зону, потом чистить, ремонтировать... И поняла, что друг куда как надежней.

Лин, неспеша шагая в сторону общежития, уточнил:

— Точно друг?

— Точно. Друг... — хмуро подтвердила она.

— И почему?

Ник призналась:

— Потому что когда-то одна дурочка неправильно ответила на важный вопрос.

— Я бы не назвал её дурочкой.

— А я назвала. Мое право, Лин.

Он осторожно поставил её на ноги. На скамейку в парке, кстати. Она сейчас была выше даже Лина. Смотрела сверху вниз, а сердце ухало то ли от радости, то ли от страха. Это Маки и прочих было легко пускать в жизнь. Знала, что легко пришел — легко уйдет. Не страшно потерять, потому что не её. А Лин... А если он слюнявый до ужаса? А если он отвратительно целуется? Так, что сил терпеть нет? А если он хуже того мурчит? Его-то не выпнешь из своей жизни. Ей будет отвратительно больно это делать... И страшно

разочароваться, и страшнее — не попробовать.

Его зеленые, сейчас взволнованные глаза серьезно посмотрели на неё. И когда Ник умудрилась рассмотреть в них наглость? Вот Лин и наглость — совсем две разные плоскости, никогда не пересекающиеся при том.

— Ник... Можно я... — Он внезапно замолчал, мрачно взял её на руки и понес дальше. — Прости, временный заскок. Иногда бывает.

— А я бы ответила «да».

— Ты даже не знаешь, что я хотел спросить. И нет, не в таком твоём состоянии. И вообще... Нет...

Такого разочарования Ник давно не испытывала. Оставалась утешающая надежда, что он отвратительно слюнявый. Или мурчащий, как Маки.

— Лин, ты умеешь мурчать?

— Нет, высшие кошачьи не умеют этого. Я лишь пряду ушами и урчу. А что, важно?

— Нет... Будем считать, слюнявый...

— Кто?

— Да так... — обреченно сказала она. — Никто.

— Ник, у кошачьих нет проблем со слюноотделением. Это проблема псовых, причем в человеческой форме у них таких проблем нет, это миф.

— Рогатые орки...

— Тебе нехолодно?

Она, прикрывая глаза, ответила:

— Если с закрытыми глазами, то нет. Мне на тебя холодно смотреть.

Лин хмыкнул:

— Прости, не до куртки было. Пришлось спешно оформлять документы. Я как-то не подумал, что местные стражи так придерутся к твоему кинжалу.

Ник подглядела одним глазом — он сосредоточенно смотрел на дорогу, собираясь её переходить. Если честно, то Ник без него затерялась бы в городке. Хорошо, когда есть нюх и по нему можно ориентироваться. А еще лучше, когда есть интерфон с приложением «Карты». Придется раскошелиться и покупать интер, хотя бы ради непонятной фразы из детства «Принц должен уметь», вот она будет идиоткой, если такого номера не существует. Или звонок примет кто-то... Чужой.

— Лин, вот честно, что бы ты мне предложил из одежды, чтобы согреться, если бы я сказала, что замерзла?

Он, переходя дорогу, усмехнулся:

— Боишься оказаться закутанной в мою футболку или джинсы?

— Ну да, как-то так... — призналась Ник. — И тебя бы арестовали за непристойное поведение в общественном месте.

Лин опустил на неё взгляд:

— Ник, я бы просто перешел на бег, быстро доставляя тебя в тепло. Только и всего.

Она вздохнула:

— Я тебя обидела?

— Нет. Честно, нет.

— То есть ты начинаешь привыкать...

— Я давно привык к твоей манере общения. Ничего страшного. Хотя, думаю, и впрямь стоит ускориться — не хочешь в больницу, так тебя Ульв посмотрит.

— Ты меня сдашь Габриэлю? — сейчас проговаривать двойную фамилию Ульва было сложно. Авила-Ортега, не больше и не меньше.

— Он не больница и не врач. Он всего лишь медтехник, зато замечательный. И он же твой друг, Ник. Он не допустит бестактностей.

Ник пробурчала:

— Хорошо. Надеюсь, он умеет брить.

— Брить? — Лин перешел на плавный бег.

— Угу. Брить. Не ходить же мне неровно стриженной.

— Будешь ровно стриженной?

— Да, буду всех пугать лысиной и повязкой.

— В этом что-то есть, — признался Линдро.

— Это добавит мне необходимой брутальности? Чтобы меня наконец-то принимали всерьез.

Лин тихо рассмеялся:

— Это сделает тебя еще более хрупкой. Парни в очередь выстроятся, чтобы тебя защитить от всех, даже мнимых, угроз.

Ник прикусила губу — только Лина в этой очереди не будет. Потому что «не в таком состоянии и вообще...».

Глава 25. Домой

Перед общежитием в который раз все изменилось. Грузовики с ультрами стояли полностью закрытыми, ящики и инструментарий, щедро валявшиеся последние дни на тротуаре, исчезли. Хоть сейчас отправляйся в путь.

У крыльца толпой стояли парни из отряда, Брендон с Пересом и несколько техников, в том числе и Энни. Недовольные поди. Так бы уже были на половине дороги домой, а она своей выходкой все испортила.

Лин поставил Ник перед ними, и она хотела уже выдавить из себя, что просит прощения за задержку, как самый непосредственный сейчас Жердь тут же обнял её:

— Напугала до бабочек в животе!

Ник только и выдохнула ему куда-то в живот — здоровый же до ужаса:

— Эм, Себастьян, бабочки — это немного к другому!

Он отпрянул в сторону, давая место Брендону:

— Скажешь тоже! Насекомые, копошащиеся в животе, это страшно, Ник!

Осень обнимать не стал, лишь поправил её челку, наползшую на лицо:

— Ник, ты и оружие — страшное сочетание.

Она в который раз повторила:

— Я случайно. И вообще... Там стражи были неправы.

К ней подошел собранный, какой-то очень серьезный Мигель. Его не остановил даже Лин словами:

— Мигель, все хорошо...

Перес сухо, что у него означало крайнюю степень возмущения, сказал:

— Кто бы это ни был, кто бы не поднял на тебя руку — я разберусь и засажу в тюрьму до скончания веков.

Ник кашлянула:

— Мигель, это была перепуганная девочка-оборотень. Она испугалась, что я ловец. Давай, ты не будешь воевать с детьми.

Перес нахмурился и неожиданно признался:

— Буду. Буду, Ник, воевать с детьми. Боятся ловцов? Боятся пришедших на помощь людей? Значит, надо запускать образовательные детские программы, ломающие недоверие между видами. Так что... Буду воевать, Ник. И... Тебе надо отдохнуть. Сейчас тебя Габриэль осмотрит и баиньки... Выезд завтра утром, как только ты окажешься в состоянии выдержать дорогу.

— Я и сейчас в состоянии, правда. Давайте так — я сейчас быстренько сдамся Ульву, заберу свои вещи и... Домой, Мигель.

Брендон толкнул Мигеля в бок. Кто бы мог подумать — элитный Джонс так непочтительно обращался с не менее элитным Пересом:

— Она из самой элитной палаты твоей самой элитной больницы сбежала домой лечиться, а ты хочешь её уговорить остаться в общежитии. Да она впереди машин сопровождения рванет домой... Короче, парни... За вещами — выезд через полчаса. — Он снова поправил волосы у Ник — теперь на затылке, в попытке спрятать повязку. — Выздоровливай, Ник. И ради небес, не поворачивайся спиной даже к детям. До чего ты хрупкая — тебя обижают даже дети!

Ник подняла глаза вверх, ища звезды, но небеса были затянуты облаками:

— Завидуй молча...

Арано легонько ударил её кулаком в плечо:

— Кроха... Ой, этот, ловец же! Будь осторожней, все же. Нервы у нас нежелезные.

— Можно подумать, у меня были железные, когда вы в зоне по иве дружно топтались... — буркнула Ник.

В броневтомобиль она грузилась одной из последних — пока Ульв побрил её, пока провел быстрое сканирование, пока выговорил, что ставить самой себе диагноз — последнее дело.

— Ники... При сотрясе, я тебе как медтехник говорю, теряют память на события до травмы, а не после. Нет у тебя сотряса...

Она понятливо кивнула:

— По причине отсутствия мозгов!

— Это я всегда Арано и Диззу говорю. Это совсем не про тебя... — серьезно сказал Ульв. — Давай свои сумки — пойдем грузиться... Домой пора...

После неё в салон зашел только Линдро.

Арано даже со своего места вскочил, удивленный видом Ник, впрочем, ей тоже было непривычно видеть себя лысой. Сразу первые дни в больнице вспоминались... А это не то, что хочется помнить.

Утес погладил Ник по голове, умильно говоря:

— И точно нагайна. Лысенькая, маленькая и клыкастенная.

Ник предпочла уйти из-под его руки, садясь в кресло. Точнее, быстро разуваясь и укладываясь спать.

Жердь, устроившись в кресле рядом с Энн, не удержался:

— О! Новый претендент на солнечный цикл! Уже сюсюкает — скоро рванет!

Арано возмутился:

— Поговори мне еще, я, как Росси, спокоен даже в солнечном цикле.

Лин, закидывая свои вещи и вещи Ник на верхнюю полку, не удержался:

— Парни, прекратите. Хватит. — Он сел рядом с Ник, укрывая её пледом, — спи. Ульв сказал, что тебе можно.

Она, выглядывая из-под пледа, зевнула:

— Хорошо-то как! Утром будем дома.

Лин, доставая свой рабочий планшет, согласился с ней:

— Хорошо. Брендон на утро кофе сварил и блинчики пожарил — запаковал в термопакет. Просил передать прожорливому чудовищу. Не знаешь, кому?

Ник улыбнулась:

— Нам с тобой. Ты же проводишь меня до дома?

— Провожу, конечно. — согласился Лин, что-то уже просматривая в планшете. — Хотя меня чудовищем еще не называли... Спи давай, я тебя покараулю...

Водитель броневика был столь любезен, что в ранних зимних сумерках выгрузил Ник, Арано и Линдро у ворот Центрального парка. Лин забросил на плечо свой вещмешок и сумку Ник.

Арано, рассматривая кемп, нахмурился:

— Де... Блин, Ловец... Ник... Это обычное дело, что ты забываешь выключать электричество, уходя из дома? Сгорит же на хрен рано или поздно.

Лин качнул головой:

— Когда я забирал Ник в поездку, свет был точно выключен.

Арано хищно улыбнулся:

— Ну надо же! Пойдем-ка, удивим идиота, пытавшегося обворовать одного из Седьмого отряда!

Удивить идиота не удалось. Когда Лин и Рик подходили к дому, дверь открылась сама — на пороге... На пороге стоял... Ник даже отчиталась привычно — её только в поднятии нежити еще не обвиняли:

— Это точно не я!

...на пороге дома стоял отчаянно молодой, все так же лет двадцати от роду, несмотря на десять лет смерти, Ден Стюард. В её одежде! В её джинсах, натянутой на плечах майке и, не позволяй рогатые орки, чтобы и в её белье...

Арано даже в затылке почесал:

— Ник, что за мальчишка? Кажется знакомым, но где видел — не припомню.

Лин перевел взгляд на Ник:

— Это... Тот, о ком я думаю?

Ник отчаянно кивнула головой, доставая кинжал:

— Вы его знаете, парни. Он вас чуть не раскатал в зоне... Лин, какой там номер был в зоне, которой мы познакомились?

— Сто три.

Арано, проигнорировав приветствие Дена, вновь повторился:

— Люди — сволочи! Вот не переубедите! Детей в бой пускать!

Ден обиженно выпрямился:

— Я не ребенок!

— Тебе восемнадцать-то хоть есть? — хохотнул Арано. — И не хорохорься, в плане магии и боя — ты вполне себе воин. Впятером тебя упокоить не могли. Ник, ты когда у нас в некроманты записалась?

Она вздохнула:

— Давайте-ка поговорим в доме. Ден, не бойся, тебе ничего не угрожает.

Он рукой, окутанном хаосом, из-за чего на ладони возникали то лишние пальцы, то вообще щупальца, указал на кинжал:

— Точно?

Ник уверенно качнула головой:

— Точно. Кинжал мне нужен, чтобы проверить — есть ли в тебе кровь. И, парни, признаю — это все же моя вина. Не похоронила его прах, а потом Ледяной лорд оживил мой Холм, то есть дом. И вот... Дена он оживил за компанию, видимо.

— Какой удивительно добрый лорд, оказывается, — саркастично сказал Арано, заходя в дом — Ден перед этим гостеприимно отодвинулся в сторону. Лин, поднимаясь по ступенькам, достал интер и позвонил Мигелю:

— Доброе утро... Мигель, тут такое дело — аукцион Эми Стюард отменяй... Кровный родственник нашелся. Правда, наличие крови пока под вопросом, но лорды хорошо оживляют. Наверное... Я не темню — это ты рано меня перебиваешь. Ден Стюард... Да, ты правильно понял, тот самый. Нужны общежитие, подъемные, контроль опеки — няню и прочее, работу... А лучше службу в одном из отрядов — парень гениален в плане магии. Упускать такого нельзя — ему нужно учиться и учиться у лучших... Да... Да... Понял...

Сейчас переговорю и отвезу в приют — он давно не видел свою сестру.

Ник печально зашла на кухню, сорвала со стены свой новый листок, посмотрела на Дена:

— Это ты у нас всегда возвращающийся, да?

Мальчишка кивнул:

— Меня так Эми называла. Я, даже когда началась эвакуация, нашел её и привез к себе в академию. И... Извините, но я не нежить, точно. У меня сердце бьется. Я его слышу.

— Не бойся, — подошла к нему Ник. — все будет хорошо. Парни только сначала кажутся страшными и огромными. И еще, никто тебя насильно отсюда не заберет. Оставайся в доме сколько хочешь. — она ткнула пальцем в его руку, — только давай все же на наличие крови проверим...

Он доверчиво протянул ладонь, уже без хаоса:

— Давайте...

Ник проколола палец, чтобы увидеть каплю бордовой крови — не нежить.

Ден улыбнулся:

— И спасибо за предложение жить у вас, но... Я лучше с...

Лин представился:

— Капитан Линдро «Листопад» Диего Андре Росси, можешь обращаться по фамилии. А это, — он указал рукой на Арано, — лейтенант Рик «Утес» Арано. Уже пять лет как наступил мир, Ден. Мы учимся жить мирно — все виды.

Ден кивнул:

— Приятно познакомиться... И я пойду с вами — я сестру уже больше трех месяцев не видел... — он бросил на Ник извиняющийся взгляд, — простите... Я очень скучаю по ней, а уж как ей плохо...

Ник лишь кивнула головой — его право. Только на сердце стало тоскливо — планы в очередной раз с оглушительным треском рухнули. Теперь не надо выкупать Эми — у неё есть брат, который позаботится о ней. А вырвать из рук Мигеля Дена не получится — вампир вцепится в гениального мага руками, ногами и хорошо если не клыками.

Лин последок шепнул Ник:

— Я заеду завтра в шесть.

Она нахмурилась:

— Зачем?

Лин с улыбкой напомнил:

— Гуляем в «Сердце фейри». Забыла?

— Ты меня поведешь туда даже такую лысую? — она внимательно посмотрела в его зеленые глаза и сама же ответила, — поведешь. Тогда... Буду ждать.

— Ясно.

Ник закрыла за парнями дверь и посмотрела в потолок:

— Дом... Мы прокляты... От нас даже нежить бежит!

Глава 26. Хогуэрас

К празднику Хогуэрас Ник подготовилась основательно — вновь накупила безделушек и сладостей для парней, с подарком Лина решила просто — не стала выделять его среди других. Тоже сладости и сувениры. Хватит уже играть на его дружеских чувствах, потому что было «и вообще... Нет».

Ник оделась в короткое красное платье — дом был уверен, что именно такой цвет понравится оборотням или кому угодно, лишь бы сбавить свое сокровище. Ник даже спорить с ним не стала. Короткий рукав, небольшое декольте, пышная юбка — желающие найти изъян в Ник будут разочарованы, отсутствие хвоста будет весьма заметно. Платье слегка мерцало огнями в такт сердца Ник — очередная придумка фейри. Вот казалось бы — где фейри с магией природы и где техника? Они рабов там в Холмах, что ли, держат? Цвергов каких-нибудь, те вроде как раз любят в технике копаться, если верить мифам. Ведь, как и драконы, цверги были людской придумкой — их никто никогда не видел.

К наряду Ник выбрала туфли на небольшом устойчивом каблуке — до музыки надо еще как-то изящно дохромать, это там голову унесет так, что никакие каблуки помехой не будут. Дом коварно предлагал красные туфли невероятной высоты, но Ник ему честно сказала, что её всю дорогу будет штормить из-за них. Лин, может, и перенесет лысую Ник, но отнюдь не топящуюся — больную он завернет домой. Тут же мелькнула позорная мысль и впрямь притвориться больной. Пусть рана на голове спонтанно заросла, не оставляя после себя даже следа, но лысина-то никуда не делась. Зачем парням такой позор на празднике? Ник провела по гладкому черепу — может, нанести временную татуировку, как делают ро... нерогатые орки? Или все же заболеть? Одиночество, конечно, мерзкое чувство, особенно в праздник, но испортить авторитет Лина куда как хуже, если верить Пересу.

Ник скептически посмотрела в зеркало, откуда на неё взирала моль бледная, почти больная, и решила макияж не наносить — посмотрит на Лина, его настрой и уже тогда решит: стоит ли идти. И поведут ли её, такую красивую, куда-либо.

Лин пришел ровно в шесть, как и обещал. Оделся просто — черный обтягивающий лонгслив, черные джинсы и теплая куртка. Сам какой-то взволнованный, дико контролирующей движения, от чего казался совсем ленивым, наглым львом, раскинувшимся где-то в саванне Второго округа на солнышке. И самое странное — от него пахло иначе. Ник даже специально принялась — он воспользовался человеческим парфюмом! И с чего бы это? Пахло ветивером — чуть агрессивно и дымно. Это же совсем не аромат Линдро.

— Ник, как самочувствие? Пойдешь на праздник? Или...

Она пожала плечами:

— Как скажешь.

Лин, принимая из рук Ник шесть одинаковых пакетов с подарками, сказал:

— Парни поймут, если ты не придешь, хоть Жердь и настроился на танцы, хочет проверить, выдержит ли твой темп.

— А ты? — Ник подняла на него глаза. — Ты хочешь потанцевать?

— Я же обещал.

Она качнула головой:

— Нет, не ради обещания. Сам по себе.

— Хочу, — только и сказал Лин. Твердо и решительно. Так, что у Ник даже язык не

повернулся солгать, что больна. Она расцвела в улыбке:

— Тогда пойдём! — она натянула на себя короткое пальто и пошла на выход. Празднику быть! И Лину она его не испортит. Она не допустит потери контроля. Она победит музыку. Она сильнее, чем какие-то звуки. Она... Она хотя бы постарается... — Пойдём, пойдём, пойдём!

Ник потащила его за собой, сцепляя свои и его пальцы в замок. Она уже не представляла, что с Лином можно ходить иначе.

Город преобразился — он шумел бумажными фонариками, он пел на множество голосов, он расцвел огнями, и электрической подсветкой, и магической. Тут не экономили на свете — ночь костров бывает раз в году. На площадях уже разжигали костры — огромные бревна, сложенные пирамидами. Ник с трудом представляла, глядя из окна спорткара Лина, как через такие костры прыгать. С её прыгучестью только насквозь проходить, правда, парни не оценят. Интересно, леди Холма огнеустойчивы?

Нарядные горожане уже прогуливались на улицах, останавливались, поздравляли друг друга, хлопали многочисленным представлениям музыкантов и танцоров, удивлялись фокусам факиров и настоящим выступлениям магов. Город готовился встретить самый важный праздник в году. А сердце в груди Ник подпрыгивало от ожидания и страха. Она очень боялась подвести Лина. Музыка может оказаться сильнее её.

Лин еле нашел парковочное место — слишком далеко от клуба. Площадь перед «Сердцем фейри» уже освещалась пламенем от костра — он был с трехэтажный дом, не меньше. Воздух дрожал от жара. Снег стаял или его тут никогда и не было, кто его знает, как фейри относятся к сугробам.

Перед дверьми клуба толпы не было — в эту ночь никого без приглашения не запустят.

Лин, и так в большинстве случаев молчаливый, совсем ушел в себя, подал Ник руку, помогая выйти, прихватил её и свои подарки. Шагал в тишине, не обращая внимания на костры и украшения площади. Лишь изредка кивал знакомым людям и нелюдям. Ник не понимала — что с ним происходит. Кажется, он все же не рад, что повел её в клуб.

В «Сердце фейри», слишком пафосном для Ник, было шумно и уже многолюдно. Отделанный под Холм фейри, он поражал воображение тонкими, хрупкими деревянными колоннами, высокими сводами, изящными арками, увитыми живыми цветами. Драпировки тонких, прозрачных тканей, магические завесы из капель дождя и радуг, хрустальные нити с порхающими на них бабочками — все должно было поражать красотой и дороговизной. Хотя бабочкам, нанизанным на нити, должно быть больно. Наверное. Пахло жарким летним вечером, тем самым временем, когда край солнца чуть заходил за горизонт, и Ник это раздражало — зима не менее ароматна: холодная влага снега, пряная нотка сонной земли, дымное тепло от костров... Ник любила чистый, кристально свежий аромат зимы, и летние запахи клуба чуть испортили настроение.

Пока Лин сдавал в гардероб верхнюю одежду, Ник прислушивалась к звукам музыки — они приятно прорывались через щиты, зовя за собой. Оркестр, состоящий из нелюдей, старался во всю, создавая жаркое лето — хотелось разуться и босиком пойти танцевать по изумрудной шелковой траве, которой тут зарос танцпол. Ник прикусила губу — зима! Зима вокруг, и праздник должен быть зимним, но, кажется, хозяева клуба это не понимали.

Лин пальцем поправил её губу:

— Не надо, Ник... И не беспокойся — сейчас поздравим парней с ночью Костров, и танцпол весь твой — хоть на всю ночь!

— А ты?

— А я боюсь, что не выдержу твой темп. Но я тоже твой на всю ночь.

Она взяла его за руку и понеслась в зал в поисках парней — их тяжелый, землистый аромат прорывался через густую жару клубного лета, служа ориентиром для Ник. А кровь уже закипала от музыки, сердце вошло в ритм с барабанами, зовя танцевать, славя жизнь. Кажется, к ароматам лета был щедро добавлен легкий наркотик. Она потом вернется и разберется с хозяевами! Лишь теплая рука Лина в её ладони не давала забыть — она тут не ради музыки и незнакомых парней, она тут ради танца с Лином. И плевать на зов музыки!

Парни были рады её приходу, тут же заваливая поздравлениями и подарками.

Арано закружил её в объятьях, словно не виделся сто лет. Жердь обнял и поцеловал смиренно в макушку, нагло пользуясь своим ростом. Более спокойные Кедр и Зима лишь обняли. Ульв, зараза, завертел её в своих руках, явно ища шрам на затылке и не находя его.

— Не человеческая девица, а оборотень какой-то! — не удержался он. — Заживает налету.

— Это же хорошо, Ульв, — помогая сесть Ник, сказал Линдро. Правда, напрягся как-то при этом, словно его что-то тревожило. Пакеты с подарками парней он разместил на полу, чтобы не мешались. Ник улыбнулась и на всякий случай вцепилась в сиденье стула — кровь просто кипела от зова музыки.

На столе стояла какая-то мясная закуска и специально для Ник фрукты со сладостями... Только это было неважно... Парни сказали что-то пафосное, что-то прокричали дружно под звон бокалов... Ник уже не различала их лиц, они стали одинаковыми, ненужными, лишними. Они только мешали сосредоточиться на музыке. Нет, точно, что-то в воздухе клуба было лишним... Она встала, в последний момент умудряясь поймать чью-то ладонь, тут же переплетаясь пальцами, и пошла на танцпол. Музыка привычно победила. Ей не надо было сопротивляться. За ней надо были идти, и тогда дверь в лето сама легко откроется, даря тепло и заставляя забыть о холодной, ненужной зиме.

Она не помнила, как танцевал Линдро. Хорошо ли, как обещал, или не очень. Не до того было. Лишь ладони на талии, жаркое твердое, почему-то упирающееся тело под её руками, что-то пытающиеся сказать губы, но музыка и кипящая от неё кровь были важнее.

Кружиться, отдаваясь танцу, так что сердце заходило от сладкой боли.

Подстраиваться под чьи-то ладони. И неважно чьи.

Чувствовать, как рука скользит от плеча до талии — звучало что-то томное, разжигающее тех самых пугающих Жердя бабочек в животе. И хотелось потянуться на цыпочках до самых губ, закусывая их и пробуя на вкус... Хорошо, что Жердь отчаянно высокий — при всем желании не дотянуться. Это отрезвило — Ник завертела головой, обнаруживая Линдро сидящим за столом. Он слишком пристально, прищурив глаза, рассматривал Ник. Подался вперед на стуле, локтями упираясь в колени широко расставленных ног. Сердце прыгнуло в груди, а потом Жердь развернул её в танце, и глупая ревность Линдро стала неважна для Ник. Только стук сердец, подстраивающихся друг под друга...

На следующем витке танца Линдро за столом не оказалось. Это же неважно... Но что-то все же взорвалось в голове, окатывая холодом — Лин важен! Он оркски важен! Ему хотелось смотреть в глаза и не стыдиться при этом. Она еле нашла в себе силы выскользнуть из рук Жердя, слишком по-хозяйски прижимающих её к себе, так что чувствовалось — оборотень еще не до конца вышел из солнечного цикла, и это совсем не то, что хотелось знать. Она

желанна, да, но орки её задержат — этот парень ей не нужен, да и ему потом будет стыдно перед неприглашенной Энн.

С трудом преодолевая зов музыки, она вырвалась с танцпола. Без туфель и почему-то без чулок. Куда они могли подеваться, тот еще вопрос. Она помнила чьи-то ладони, но Линдро ли это был... Голова плыла от боли — все же что-то чужое было в воздухе. Что-то заставлявшее забыть себя.

Вслед прозвучало что-то непонятное. То ли вошел в солнечный цикл, то ли еще что-то. При чем тут это — Ник не поняла. Жердь должен был из него выйти, а Лин... Он-то тут при чем?

Она, протискиваясь через многочисленных посетителей, помчалась на улицу, следуя за чужим сейчас ароматом Линдро. Хотелось надеяться, что он ушел недалеко.

Он нашелся на улице. Стоял, прислонившись к стене клуба, чуть подрагивающей от низких звуков музыки, и пристально рассматривал пылающий на площади костер. При виде Ника он улыбнулся:

— Мальш, холодно... Возвращайся в клуб. Утес говорил, что присмотрит за тобой.

— Лин... — она упрямо подошла к нему, чуть поджимая пальцы ног — все же тротуар был слишком холодным. — Прости...

— Тебе не за что извиняться, Ник. Вся вина только на мне.

— Лиин... Объясни, пожалуйста.

Он стоял, хмурый и какой-то уставший, потом все же признался, старательно глядя в сторону:

— Просто я все же оркский альфа. — Отблески костра плясали в глубине его зеленых глаз.

И это должно все объяснять — оркский альфа?! Ник даже губу прикусила, чтобы не взорваться от негодования — что все это значит? Её не волновали глупые градации стаи! Её волновали Лин и его настроение, а не альфы, дурацкие беты... Глупые омеги... И гаммы...

— Лин...

Он посмотрел на неё, замечая и тонкое платье, и босые ноги, стащил с себя куртку, закутывая Ник, и подхватил её на руки:

— Пойдем-ка, поищем твои туфли.

— Лин... Давай домой... Если можно...

Он внимательно посмотрел на неё:

— Ты уверена? Когда еще в «Сердце фейри» побываешь... Жердь за год столик заказывал...

— Все равно. Без тебя зачем танцы?

Лин выгнул бровь.

— Уверена?

— Уверена.

— Тогда... Хочешь прыгнуть через костер? Традиция такая.

Она оглянулась на пламя — то стало гораздо ниже, бревна наполовину прогорели...

— Если только насквозь... Я же не перепрыгну пламя при всем желании.

— А у меня на руках, Ник?

Она честно сказала:

— Если не боишься оглохнуть.

Он рассмеялся, сильнее прижимая её к себе:

— Не боюсь.

Он развернулся к костру, Ник крепко обхватила его двумя руками за шею, прижимаясь к быстро бьющейся жилке на шее — там Лин пах привычно и умиротворяюще.

— Знаешь... Хочу сказать...

— Да, Ник?

— Прими душ, а? Воняешь не собой.

— Как романтично, Ник. — скривился он. — И можешь начинать орать...

Он перешел на бег. Ник зажмурилась, совсем вжалась в него, и почувствовала дикий жар костра, сжигающий прошлый год и обещающий новый, другой, совершенно необычный и удачный.

Лин приземлился на чуть согнутые ноги, пробежался еще пару шагов, отходя прочь от костра, чтобы не мешать другим оборотням, и прошептал:

— Все, все, малыш, можешь не кричать...

Она приоткрыла глаз, утыкаясь взглядом в подбородок Лина:

— А я кричала?

— В том-то и дело, что нет.

Ник чуть расслабила руки:

— Знаешь, Лин, я поняла одно — ты не оркская альфа, ты моя альфа. И рогатые орки тебя задерят, чтобы я от тебя этой глупой классификации больше не слышала. Ты человек, человеки не делятся на классы.

— Ясно.

Ник пробурчала — она ему тут чуть ли не признание в любви сказала, а ему лишь ясно:

— Поехали домой, а?

Лин кивнул и слишком серьезно сказал:

— Я капитан Линдро Диего Андре Росси, оборотень в солнеч...

Она быстро приложила указательный палец к его рту, и он тут же остановился, даже с рук своих её спустил — видимо решил, что напугал. Знал же, что она боится оборотней в гоне. Кто же знал, что его гормоны наплюют на блокираторы — оркский альфа он, а не человек.

— Шшш... — она нагло встала ему на носки обуви, чтобы быть выше и чтобы не мерзнуть. — Я Никто Доу, ловец первого класса, могу я тебя поцеловать?

Он собирался что-то ответить ей, но она его оборвала:

— И стооооой, подожди, выслушай все мои планы на тебя... Я хочу тебя поцеловать в висок, потом по кромке волос, потом в губы...

Он вместо ответа снова подхватил её на руки, неся к машине.

— ...потом укусить за ухо...

— Там ставят брачную метку, ты в курсе же?

— ...хорошо, ухо кусать не буду, раз уж боишься брака...

— Я его не боюсь...

Она хмуро сказала:

— Поздно, я передумала туда кусать... Ключицу кусать можно?

Он приподнял бровь:

— А её кусают?

Ник вздохнула:

— Орки с тобой, поцелую. Потом поцелую ниже, ниже и еще чуть ниже... Я хочу

попробовать тебя всего на вкус... Потом...

— Ник, можно уточняющий вопрос? — он замер перед дверцей машины.

— Давай! — смело разрешила она.

— Мне во время всего этого что-то позволено делать?

— Тебе... — она заглянула в его зеленые, сейчас тревожные глаза. — Тебе позволено все, даже послать к оркам весь мой план.

— Ясно. — Он поставил её на ноги, открывая дверцу машины. — Садись.

Ник вспомнила самое главное:

— Единственное — тебе запрещается напоминать, что твоего запаха не должно быть в моем доме. Понял? Вот это под запретом. Категорическим.

— Ясно. — Лин захлопнул дверь и сел за руль. Мотор радостно рыкнул, вывозя на пустой сейчас проспект. Где-то начинался новый год, где-то громко орали последние секунды старого года, где-то поздравляли друг друга, а Ник ехала домой.

Уже закрыв двери дома, она первым делом стащила с Лина лонгслив, отсекая пути к отступлению. Она знала — Лин из тех, кто все же может остановиться из каких-то своих внутренних убеждений даже в солнечный цикл.

Она потянулась за поцелуем, рукой проносясь по теплой, бархатистой коже, чтобы, обнимая за спину, прижаться к Лину сильнее.

Он не был слюнявым. Он не был мурчащим. Он был на данный момент полностью её. И Ник приложит все усилия, чтобы это так и было. Хотя бы и через два года. Два года пролетят быстро, она и глазом не успеет моргнуть.

Новый год обещал быть хорошим.

Она судорожно выдохнула, когда губы Лина скользнули по ключице и ниже...

Глава 27. Остающиеся за спиной

Утро этой зимой начиналось всегда одинаково. Прислушаться к её дыханию, к ритму просыпающегося сердца, к поднимающейся перед побудкой температурой и разбудить вовремя, между циклами сна — она с трудом просыпалась по утрам. Не угадаешь — недовольное бухтение гарантировано, и утешать её чревато опозданием на службу — проверено неоднократно. Арано уже ставки принимал — будет у их кэпа веселенькое утро или все же выпустят из постели как положено. И ведь заранее, чтобы не опаздывать, поднимать Ник нет никакого смысла, она имеет право высыпаться. Так что каждое утро, как на минном поле — подорвется или нет. Сладко подорвется, утешая и зацеловывая — Ник была безумно страстная и открытая, но ведь под дверь уже топчется весь Седьмой штурмовой, ожидая пробежку... А нюх у всех хороший, и языки болтливые — оборотни же, не понимают, что у людей некоторые темы табу. Быстро одеться, натянуть на Ник наушники с музыкой и... Вперед, на пробежку вместе с парнями. Она бежала рядом, зная, что наушники с неё снимут вовремя. Не он, так Арано. Не Арано, так Ульв... Или Жердь, вновь спокойный и уверенный в себе. Свадьбу он с Энн назначил на лето — типа, красивее будет. Он даже приглашение уже выдал. На два имени — её и его. Ник и Лин... Дожить бы еще два лета... После пробежки душ — дом был вредный, пристраивать вторую душевую отказывался, хуже того — пристроенную по осени вторую спальню наглухо заблокировал, не пуская туда даже Ник. Душ Лин любил, он обожал воду не меньше Ник, главное, опять же — успеть убраться из душа, хотя чаще он сдавался и оставался вместе с Ник... Хорошо, что вода отлично уносит запахи, и об этом Арано, и так поддевавший Лина по поводу и без, не знал. Потом, если позволяло время, совместный завтрак в кафе, Ник даже присматриваться к официанткам перестала, забывая об обещанном свидании. Когда времени не было — он спешно готовил кофе для неё и несся на службу. Позавтракать можно и там в столовой. Потом целый день издевок Арано с намеками на свадьбу и прочее, словно не понимает — им с Ник это не грозит. Впрочем, за те два месяца, что Ник с ним, Лин почти привык игнорировать друга. Потом побег домой — привычные посиделки с парнями в пабах закончились... Домой — в смысле к Ник, у себя дома он давно не был. Потом прогулки, парки, рестораны, кафе, иногда походы в кино — новинки были редко, а старые довоенные черно-белые фильмы ни он, ни она не любили, иногда клубы — всего на час, иногда и меньше, чтобы она успела натанцеваться, не боясь, что набедокурит — это её слово, кстати. Мать даже между делом на карту бросила крупную сумму — боялась, что на Ник его жалования не хватит. Зря боялась — Ник ни за что бы не приняла дорогой подарок. Она даже от покупки интера отказалась, сказала, что потом сама как-нибудь. Знать бы еще, кто скрывается за номером «Принц должен уметь». Лин пытался, но фейри строго хранили секреты своей интер-связи. И Ник молчала, не заговаривала об этом номере. И у него не было права лезть без спроса.

Сама Ник менялась — клыки, похожие на звериные, уже не втягивались, поменялось восприятие запахов — она стала слишком требовательна к ним, он даже привык на службе надолго застревать в душевой, чтобы не раздражать её. Даже вкусы изменились — Лин как-то застал её поедающей фисташковое мороженное вместе с пиццей. С анчоусами. Где уж она раздобыла анчоусы — тайна за семью печатями. Брендону бы сообщить, но опять же, лезть куда не просят — глупо. Да и... Тогда придется уйти из её жизни, уступая другому, а этого

не хотелось. Она и так рано или поздно уйдет сама, не останется в Либорайо.

Он всегда это знал. Не усидит в Либорайо, пойдет дальше уже без него. Её право — это только её жизнь, и только ей решать, с кем и где её провести. В Либорайо ей скучно — улицы почти безопасны, а в зоны её пока не брали — Перес со своей двести шестой как с ума сошел, почти не вылезая оттуда, так что... И Ник, и остальные штурм-отряды наслаждались тишиной и покоем. Просто некоторые не любят покой. Как Ник, например. Она уйдет, и, позволь небеса, если предупредит заранее о времени своего ухода. Он еще помнил свою растерянность, когда после первого дня знакомства она просто исчезла, пропадая на неделю неизвестно где. Он мог лишь надеяться, что ей хорошо рядом с ним. Он мог лишь превращать каждый день в праздник, чтобы она задержалась рядом с ним чуть подольше. И старательно запоминать каждую мелочь, каждую её улыбку, каждый её жест — не факт, что она однажды вернется. Мир еще большой и интересный. И Брендон... Ведь есть еще Брендон.

Он понял, что она уходит, когда вернулся после службы, заставая дома Айку. Того после операции повысили сразу на несколько ступенек — перевели в Центральный участок стражей, делая старшим следователем.

Они сидели с Ником за столом и пили чай. Ромашковый. Где Ник и где чай... Это же несовместимые понятия. Кажется, ему все же придется поговорить с Ником — сама она, видимо, не понимает происходящего с ней.

Лин поздоровался с Айком за руку — та уже набралась сил и была крепкой, поцеловал Ник в обросшую макушку и поставил на стол принесенную с собой еду — младшая заловила у участка, принесла якобы от матери пирог, попутно выговаривая Лину кучу обид на то, что забросил, на то, что скучает, на то, что мать сказала держаться от него подальше, будто съест она его человечку... Кажется, мать тоже понимала, что Ник в его жизни не навсегда, и старательно держала сестер от него подальше, чтобы не мешали жить. Особенно Мию. Та была младшая, любимая, уже не мелкая, но до совершеннолетия еще два года. Два года он прикован в Либорайо. И неясно — вернется ли Ник за ним.

Ник потянулась на стуле, ловя его рукой за шею и целуя в губы:

— Скучала...

Айк с трудом сдержался, не комментируя её «скучала». Он был привычно собран, обижен и готов жаловаться на Ником — она не раз опережала стражей в раскрытии преступлений. Они оба, Айк и Ник, как-то сразу не сошлись характерами.

Лин присел рядом с Ником за стол, доставая из бумажного свертка пирог:

— Угощайтесь, мать передала.

Айк довольно улыбнулся:

— Тот самый с персиками и орехами?

Лин лишь кивком подтвердил, разрезая его. Ник прикусила губу в очередной раз — наверное, пыталась понять, сможет ли сама когда-нибудь одолеть такой рецепт. Лин знал — не сможет, но ей и не нужно, он же её любит не за готовку. Он любит её лишь потому, что она есть. Такая, какая есть. Быстрая, яркая, порывистая, сильная, открытая, иногда вздорная, иногда хрупкая и отчаянно нужная. Та, в чьих глазах даже ущербный лигр был венцом природы.

Он посмотрел, как она принохивается к нему — видимо, учуяла пинту пива, выпитую на службе, и решил — к оркам Брендона. Не будет он его предупреждать. Сам даст фамилию ребенку, если Ник, конечно, согласится. Он лигр, пусть кто-нибудь попытается задеть его

семью. Главное, чтобы у ребенка была семья. Если Ник согласится. Если Брендон не заявит свои права.

Лин разложил пирог по тарелкам, сделал себе чай — Ник вскочила, доставая чайную пару.

Пальцы привычно крошили корочку пирога — слишком много «если» в его жизни. Он сделал глоток обжигающе горячего чая и улыбнулся Айку:

— Ну, жалуйста. Я готов к вашим разборкам.

Айк лишь скривился:

— Это не разборки. Она мне год оперативной работы тигру под хвост отправила.

Ник выпрямилась:

— Ничего я не отправляла. Я лишь довела до конца собственное расследование.

— И...? — Лин уже привык к такому — частенько стражи подходили к нему и жаловались. Скорее даже не на Ник, а на удушающие их законы. Они отказывались понимать, что их надо соблюдать, когда тот же ловец берет и... Плюет на закон, опираясь на Пакт.

— Помнишь «Сердце фейри»?

Он улыбнулся — такое не забыть. Никогда.

— Помнишь, как меня там повело? Так вот... Я же не одна такая. После Хогуэрас шесть жалоб на незапланированные беременности — человеческие девушки, побывавшие на вечеринке в клубе, даже парней, возможных отцов, не помнят. А еще две подали заявление о насилии в клубе.

Айк поморщился:

— Там все глухо, Лин. Парни-оборотни. Согласно вашим клановым правилам, они согласны заключить брак, уходя от ответственности.

— Отвратительный закон! — взорвалась Ник. — Закон, позволяющий уходить от заслуженного наказания. Закон, поощряющий насилие — ну, женись потом, продержись положенных два года в браке и все, свободен! Никакой тюрьмы...

Айк кивнул:

— Вот тут я полностью на стороне Ник. Людские законы в этом плане были надежнее. Тебе Ник не сказала — там групповое насилие было. Причем оборотни утверждают, а там не самые плохие парни в клубе гуляли, что все было добровольно.

— Твари! — не выдержала Ник.

Лин успокаивающе положил ладонь на её пальцы:

— Ник... Разберемся.

Айк протяжно выдохнул, а Ник радостно заявила:

— Уже.

— Даааа, — согласился Айк. — Уже. Я год собирал доказательства применения в клубе запрещенных наркотиков, и вот... Ловец все взорвала к оркской бабушке. Оно, конечно, круто и классно, тут я на стороне Ник опять же полностью, но для закона и для веры в стражей — это просто отвратительно. Так мы опять вернемся до самосуда у людей. И сейчас уже не докажешь, что ордер на обыск клуба, как и на арест владельца клуба у меня был уже почти на руках... Слушай, богами заклинаю — возьми уже Ник в зону. Устройте цунами, победите хаос, сожгите все к оркам, но город доверьте стражам. И закону — в него же только-только верить стали. Ниииик, не косись так, я прослежу, чтобы все получили по заслугам, я доберусь до Переса и Парламента, я буду требовать внедрения новых законов,

точнее старых человеческих... Только воюй с магией, а не с законом. Прошу...

Он с тоской посмотрел на кусок пирога, и Лин принялся заворачивать ему добрую половину пирога в бумагу — Ник с непривычки сложно переносить. Особенно, если не попадаешь под её чары леди. Аик под них не попадал. Он заторопился домой, прихватывая пирог, и Лин проводил его до двери. Тут-то Ник и сказала:

— Ловцы тут не нужны. Я тут не нужна. Надо...

Он лишь спросил, прислоняясь к стене кухни и поправляя свои волосы на макушке:

— Когда уходишь?

Она подняла на него глаза:

— Ты... Все понимаешь, да?

— Ник, я же не идиот. Ты маршрут уже составила?

— Еще на прошлой неделе. Сперва в Пятый округ, — она расцветала прямо на глазах, когда поняла, что уговоров и прочей ненужной ерунды не будет. — Хочу понять — зачем меня в самом начале моей карьеры туда выкинул дом? Потом хочу наведаться в Двадцать первый округ — посмотреть, как там налаживается жизнь. Там, если верить Брендону, сильны традиции людей, там могут быть конфликты между оборотнями и людьми.

— В Десятый не планируешь заглянуть?

Она бесхитростно посмотрела на него:

— Нет, мне там пока делать нечего. И так планов на всю весну хватит. И я помню — я буду тебе присылать открытки. Отовсюду. Честно-честно-честно. И я вернусь. Где-то к лету.

— Тогда дай мне день, чтобы собрать свои вещи.

— Не проблема, Лин. — Она встала, отправляя остатки пирога в морозилку, где у неё, Лин знал, хранилась записка блинчиков — от них до сих пор невыносимо несло Брендонем. Теперь там будет пахнуть и им.

Глава 28. Потеря

Утром было все, как всегда, за исключением одного — начинался первый день весны. Недовольное бурчание сонной Ник, потом бурное примирение, и Лин запретил себе думать, что, быть может, это в последний раз. Потом подколки Арано, усмешки парней, душ и она в его объятьях — жаркая, стонущая, закусывающая его ухо почти до крови, требующая быстрее и сильнее, но она ждет дитя, и потому он, прижимая её к стене душевой кабины, был выматывающе, как потом сказала она, медлителен и нагл. Потом поспешный завтрак, и пробежка в участок — надо было куда-то выплеснуть злость.

И стон Арано при виде сумки Лиана, полной вещей:

— Да твою же маааааать, Лин!!! Ну почему ты даже хрупкую влюбленную девчонку не в состоянии удержать возле себя!!!

— Потому что люблю, Рик. И все, тема закрыта. Кому невтерпёж — прощу в спортзал.

Вечером площадка кемпа была пуста... До лета. Теперь сюда можно не приходить до лета. Он поехал домой. Там была пыль и мать, борющаяся с ней — кажется, кто-то ей уже сообщил, что Ник уехала.

— Иди сюда, ребенок, — только и сказала она, обнимая его у порога.

— Ма, я не ребенок.

— Я тебя даже на смертном одре так буду звать. Ты мой ребенок, дитя, малыш, мой сын. И... Если она любит, то она вернется, ребенок...

— Да... Я это знаю.

Она провела ладонью по его волосам, приглаживая возмущенный ежик:

— Но волноваться за неё ты не перестанешь.

— Конечно.

— Ты можешь бросить все к оркам, Лин. Можешь все бросить и ехать за ней.

Он отстранился от неё:

— Ты меня не бросила.

— Сравнил, ребенок...

— Маааа! Мне орки знают сколько лет.

— Но записи в свидетельстве о рождении не изменить. Ты мой ребенок. И пойдем, я приготовила твою любимую паэлью, хватит уже чем попало питаться.

Уже утром пришел вызов от Мигеля в двести шестую зону — и ему уже кто-то доложил, что Ник уехала.

В зоне они оказались на пару с Утесом — его, видимо, в качестве моральной поддержки вызвали. Зона заметно изменилась — стараниями Брендона и Мигеля. И вампиров его клана конечно же — теперь даже на входе в зону дежурили его новообращенные, чтобы ни слова об обнаружении крови Холма не просочилось наружу. В самой зоне из чужих Пересу были только они с Утесом. Курган ткачей был почти разобран, тела фейри после обследования у судмедэкспертов и некромантов готовили к захоронению — тут же, на этой родной для них земле, там, где река не заливают и не подмывает. По ночам в зоне было «весело» — горели пентаграммы и завывали некроманты, заканчивая сбор показаний — время поджимало, во всю неслась весна с половодьем бурной Бланки. Ответом некромантам была тишина. Уцелевшие таинственные камни с рунами были перенесены непосредственно к погибшему Холму ткачей, разбитые — тщательно собирались и вывозились на полигон под Либорайо.

Что уж в них надеялся найти Мигель, неясно, но свою работу Лин понял сразу — бери больше, таскай дальше. Ему и Утесу вменялась в обязанность зачистка местности от этих самых камней, а их было, даже с учетом собранных и вывезенных, оркски много. Мигель еще назидательно сказал, с трудом гася в голосе злость:

— Если ума удержать судьбу нет — работай руками!

Они и работали, чуть завидуя Брендону — тот непосредственно занимался Холмом. Там, судя по разбитой Джонсом пятой ультре, было хотя бы весело.

Мигель только к концу грачевника сменил гнев на милость, разрешая парням присоединиться к Брендону в Холме — туда провели электричество, туда затащили огромный бак из магизолята, в который Мигель надеялся собрать кровь Холма. Пока получалось плохо — используя камни с рунами в качестве защиты от крови и кровяных монстров, удалось заизолировать только верхний ярус Холма. Оставалась малость — разместить камни на нижних этажах, не давая крови утечь под землю, и выжить при этом — Мигель запретил уничтожать кровь Холма. Крутитесь, как хотите. Таскайте камни, увертывайтесь от крови, разбивайте ультры: даже сверхдорогая ультра — медяшка по сравнению со стоимостью капли крови Холма.

Они и таскали камни на самый нижний ярус. Ультры оказались неубиваемы. Ник бы сюда, иногда жалел Лин, хотя видеть погибший Холм ей, наверное, было бы тяжело.

Он сам жил от открытки до открытки, которые Жердь пересылал из Либорайо — дааааа, Ник присылала открытки в участок стражей. Домашними адресами ни Брендона, ни его она не озаботилась.

У него уже коллекция сложилась — живописные виды Пятого округа и фотографии самых красивых леди и лордов Миракулума — столицы округа. Сейчас он начал собирать новую коллекцию — виды Двадцать первого округа. И эти виды, кажется, Брендона, получавшего такие же открытки, совсем не радовали.

Лин блаженно откинулся назад — заблокировал магусилители на спине, превращая ультру в удобное кресло. Снял шлем, вытирая пот — сегодня был хороший день. Сегодня они с Утесом оттащили последний удерживающий камень на самый низ. Теперь... Тоже самое только со следующим этажом — пока крови не останется только одно место — бак из магизолята. И тогда — прощай, зона! Здравствуй, Либорайо...

Солнце уже не грело — оно медленно закатывалось над разливающейся Бланкой. Но все равно было приятно сидеть на земле, прикрыв глаза, трогать руками шелковую траву и знать — лето не за горами. Пахло первой зеленью, холодным теплом, которое бывает только весной, когда воздух уже горяч, а земля еще не прогрета. Скоро все зацветет, и... Он дождется Ник. Она же обещала вернуться.

Рядом лежал на траве Брендон. Тоже снял шлем, пользуясь тем, что солнце уже не опасно для обращенного.

— Ненавижу весну...

— Аюшки? — пробормотал Лин — ему было хорошо.

Брендон упрямо повторил:

— Ненавижу весну. Все поет, все торопится жить, а в закромах...

Лин скривился, понимая его:

— Даааа... Склады пусты, а есть и жить охота — ну кто хочет помирать, пережив голодную зиму?

— ...но до свежего урожая еще надо дожить. Самое противное — умирать, когда все

вокруг оживает.

Лин повернулся к нему:

— Это в прошлом, Брендон. Хватит уже вспоминать войну и голод. Это уже не вернется — никто не позволит этому вернуться. Отпусти...

Брендон, все так и не открывая глаз, пробормотал:

— Не могу. Не отпускает до сих пор. Птицы поют — жизнь возвращается... Солнце греет, воздух звенит — тепло идет. Весна идет. Любовь идет...

— Тебя же не голод тревожит... И не призраки войны...

Брендон резко сел, свешивая руки между притянутых к животу ног.

— До сих пор себя предателем чувствую... Весной особенно тяжело — люди влюбляются весной. Закон природы. Все пахнет весной и хочется любви...

— Кто она была?

Брендон скосил на него глаза:

— Надеюсь, не была. Надеюсь, и сейчас есть... Я хотел жениться на ней, но уже понимал, что ничего не выйдет. Дела в округе шли все хуже и хуже, и за мою голову была объявлена награда.

Лин кивнул, срывая мелкий колосок:

— Молодец, что не женился. Молодец, что нашел силы отказаться. Тебе не за что себя корить.

Брендон сжал пальцы в кулак:

— А я до сих пор предателем себя чувствую — за то, что отказался. За то, что бросил.

— Ты ей жизнь спас — за голову миссис Джонс фейри бы передрались.

— Я это понимал. Она — нет. Разругались в пух и прах напоследок. Так отвратительно расстались — до сих пор от самого себя противно.

Лин вновь повторил:

— Ты ей жизнь спас. Я видел, что делают лорды с женами неугодных. Это... страшно.

Брендон упал навзничь — хорошо, что в ультре компенсаторы, а то бы отбил спину.

Лин тихо сказал:

— Попроси у Мигеля отпуск... Съездишь, найдешь. Извинишься.

— Зачем, Лин? Зачем ворошить прошлое? Она, наверное, уже нашла себе другого, вышла замуж, родила ребенка... Зачем ей портить жизнь призраками прошлого? Для людей восемь лет — это очень много.

— Я знаю о разнице восприятия времени у разных видов. Я знаю, что для людей это...

— Одна десятая жизни. Это очень долго для возвращения ненужного призрака.

Лин скривился:

— Понимаю. Для самого оставшиеся два месяца до лета — прорва времени, которое еще надо как-то убить.

Брендон смотрел в небеса:

— Она вернется. Она обязательно вернется, Лин.

Он лишь кивнул, соглашаясь. Она вернется.

По полю, наплевав на еще не скрывшееся за горизонтом солнце, шел Мигель. Лин лениво скосил на него глаза, ничего не понимая — даже в кепке и тканной маске на лице ему должно быть очень больно. И что же сподвигло Мигеля на такое?

Он дошел до них с Брендоном. Молча сел в тень от ультры Лина. Сгорбился. Выдохнул. Протянул Лину флажку, из которой пахло спиртом:

— Вышей.

— Зачем, Мигель?

Тот рыкнул, как оборотень:

— Вышей, я сказал...

Лин покладисто сделал терпкий глоток, передавая фляжку Брендону. Тот сел, болтая фляжку в руках и блаженно вдыхая аромат бренди:

— Ммм... Хороший был год для винограда. Помню его — мальчишкой еще был, лето было просто бесконечное... Золотое, тянущееся, как жевательная конфета, и такое же сладкое...

Он все же сделал глоток и вернул фляжку хозяину.

— Так что случилось, Мигель? — не выдержал Лин.

Тот залпом выпил всю фляжку:

— Случилось, парни, что мы все идиоты, каких мало... — он опять надолго замолчал, чтобы выдавить из себя непонятное: — Ник... Прислали из Двадцать первого округа...

Фляжка сжалась в его пальцах, и Мигель принялся рвать металл, как бумагу.

— Тело нашли в зоне хаоса под номером триста два. Генетическую карту сделали — её уже сверили. Это точно наша Ник. Убили ударом в затылок. Тело привезут через два дня. Я уже выбрал лучших судмедэкспертов. Поверьте, они лучшие, если что-то и смогут найти, то они. Дело будет вести Дин. И, парни, вы в это дело не лезете. Я ни одного из вас, великовозрастных кретинов, ни к её телу, ни к делу не подпущу. Хоть заоритесь. И еще... Лин... Брендон... Утес будет следить за вами — никаких глупостей, ясно? — он перевел взгляд на Лина. — Это прежде всего тебя касается, Линдро. Ясно?

Он лишь нашел в себе силы кивнуть.

Мигель яростно прошипел:

— Не слышу ответа!

— Ясно! — крикнул Лин куда-то в глупые темнеющие небеса.

Мигель ткнул пальцем в Брендона:

— Это и тебя касается, нервомотатель! Понял?

Брендон скривился:

— Ненавижу весну...

Лин пожал плечами — в том, что случилось с Ник, вины весны нет. Это он не пошел с ней. Это он не прикрыл ей спину.

На плечо тяжело легла рука Арано:

— Я тут... Прорвемся, Лин. Найдем убийц, чего бы это ни стоило. И, заткнись, мистер Перес. Мы своих не бросаем. Сами справимся.

Лин откинулся на спину, бессмысленно смотря в небеса. Утром ему пришла очередная открытка от Ник. Он читал, что у неё все в порядке, а её уже не было в живых.

Он молча встал и пошел обратно в Холм — все лучше, чем сидеть и думать, что полный кретин — не смог объяснить, что поворачиваться спиной к кому-либо опасно. Луз ей было мало. Надо было поговорить серьезнее перед её уходом. Надо было... Мигель был уверен, что надо было просто не пускать. Но орать на Ник, запрещая ей уходить, он же не мог. Просто не мог.

Брендон подумал и присоединился к нему.

Работалось хорошо — они с Брендонем продержались почти сутки, заблокировав сразу три уровня. А с нижним, наверное, из-за отсутствия опыта, первый раз неделю корячились.

И даже ультра умудрились не угробить. Вроде бы. Лин плохо помнил, потому что потом кто-то отключил свет — Мигель обошел защиту командирской ультра, вкалывая ему снотворное.

Глава 29. Лабораторная мышка

Приходил он в себя долго. Просыпался. Видел Ник. Снова открывал глаза. Ник не было. Машину мотало — Мигель несся в Либорайо, словно на нем неслись все орки мира. Ник ловила его руку, чтобы он не лохматил волосы. «Облысеешь же...» — шептали её губы. Он не мог понять, почему она оказалась такая доверчивая. Он снова открывал глаза — Брендон выговаривал:

— Мне плевать, что ты все решил. У Лина могут быть свои соображения. Он оборотень. У них другое отношение к смерти.

— Вот поэтому я уже сам выбрал место для захоронения. И не смотри так — то, что у него сердце болит, как у всех, я знаю. Похороны и прочее я взял на себя — потому что он оборотень, а не потому, что не чувствующий ничего чурбан. Она была моя воплощенная мечта. Она дала тебе свободу. Я надеялся, что... К оркам все! Ты и Лин в расследование не полезете, понял? И прошу, как человека прошу... Не лезь, пожалуйста...

— Почему, Мигель?

Тот дернул плечом:

— Потому что самодур, потому что тварь, потому что Хозяин. Причину придумай себе сам. Я объяснять не буду.

Брендон тихо произнес:

— Может, потому что друг?

Мигель что-то пробормотал себе под нос — Лин не расслышал. Зато понял одно — Мигель знал, что Ник ждала ребенка. Знал и молчал. Знал и потому не брал в зоны, заперев в безопасном городе.

А вот Брендон, кажется, не знал... Наверное, Мигель прав — лучше и не знать ему. Брендон спокойно продолжил увещевать Мигеля:

— И Лин, и я... Мы имеем право знать, что случилось с Ник. Прошу — больше не вырубай препаратами — это унижительно. Хочешь, чтобы я не лез в это дело? Ну, орки с тобой, клянусь небесами — не лезу. Не лезу. Но Лин имеет право знать, что случилось с Ник. Он оборотень, у них другие правила. Он лично должен остановить того, кто посягнул на Ник. Ты же сам заиклен на его статусе. Лин хорошо себя контролирует. Он имеет право, Мигель...

Тот отрицательно качнул головой:

— Нет. Не обсуждается. Я Линдро не подпущу. Не дело это — проводить опознание своей пары.

Лин выдавил из себя:

— Я сам...

Голова болела. За глазами вспыхивали звезды, и им нельзя было верить — опять уснет.

— Что ты вколол мне?...

Рядом возникло плечо Утеса:

— Три порции снотворного, иначе ты просыпался и просыпался. Приходи в себя — тебе понадобятся все силы для поиска убийцы. Мы уже подъезжаем.

Мигель, бросая руль на опешившего Брендона, обернулся и рыкнул:

— Утес, еще одно такое предложение — и ты тоже вылетишь из расследования! Ясно?

Арано набылчился, и вместо него ответил Линдро:

— Ясно! — Он заставил себя сесть прямо — ему нужна работающая голова, чтобы провести собственное расследование. Он сам найдет её убийц, не взирая на запрет Мигеля. Тот слишком волнуется за его честь и честь Брендона, боясь сталкивать их лбами.

Мигель пробормотал:

— Брендон, я сейчас тебя завезу в офис — у тебя много бумажных дел, они накопились, пока отсиживался в зоне. Все, отдохнул и хватит. И ты мне обещал — так и быть, поверю. Не буду просить Грега тебя пасти. Полагаюсь на твое благоразумие.

— То есть, — бесстрастно сказал Брендон, — ты мне откажешь даже в праве попроситься с Ник? Буду сидеть и перебирать бумажки?

— Ты обещал не лезть! — напомнил Мигель.

— Я не обещал — забыть и не прощаться! Я не буду лезть, я не буду требовать отчетов, я не буду мешать, но постоять пару минут, прощаясь, я заслужил или нет?

Лин вмешался:

— Мигель, прекрати. Брендон имеет право попроситься. Я не возражаю. Или... Ты и меня планируешь сдать кому-нибудь под присмотр?

Мигель рассержено стукнул рукой по рулю. Утес хохотнул:

— Ставлю на миссис Росси.

Лин сухо сказал:

— От дома до экспертизы пять минут бега. Я буду раньше тебя, Мигель, пока ты будешь пробираться по пробкам и парковаться. Я буду раньше тебя.

— Психи, — не выдержал Мигель. — Надо было вообще промолчать о смерти Ник, сообщить только о результатах расследования.

— Мигель, успокойся, все под контролем. Я не трону... Никого. Я никого не трону. — сказал Лин.

Мигель предпочел отмолчаться, но не сказал ни слова, когда и Брендон, и Лин вышли за ним из машины.

В морге было ярко, белоснежно и вонюче.

Брендон послушно сел на скамье в коридоре. Принялся ждать, сцепив пальцы в замок, когда Мигель и Рик пошли дальше.

Лин же навернул круг по служебному коридору, разглядывая плакаты на стенах, полки с каким-то мелочами, стеклянные стенды... Лишь потом под обеспокоенным взглядом Брендона заставил себя сесть. Потер виски. Задумался — прав был, когда отпустил Ник или не прав.

К нему подошел Дин — видимо, занимался осмотром тела. Он замер, вставая рядом:

— Добрый вечер, Линдро, если так можно сказать...

Лин подал ему руку для рукопожатия.

— Добрый.

Айк смотрел на него слишком серьезно — словно Лин чем-то заболел, и все знали — не жилец:

— Я костями лягу, но найду убийц. Ты меня знаешь.

— Знаю, — кивнул Лин, — садись...

Дин послушно сел рядом. Смотрел куда-то в стену:

— Тебя не подпустят. Перес категорически запретил. Лин... Мне очень жаль. Хреново думать, что это я стал причиной её отъезда.

Лин качнул головой:

— Не ты. Даже не думай. Как вообще стражи из Двадцать первого вышли на Переса? Почему не в Сорок первый сообщили? Она же ловец и знак всегда носит. — Он не стал говорить, насколько это мешало в постели. — Точнее, носила...

Дин сгорбился, сцепив руки в замок и поглядывая вдаль коридора:

— Перес меня убьет...

— Айк...

— При ней не было знака ловца. И кинжала не было — видимо, убивали её где-то в другом месте. В зону её тело просто подбросили в надежде, что нежить уничтожит его.

— И как же тогда её опознали?

— В кармане джинсов была твоя фотография с сайта стражей. Там ты в форме, твой значок и номер были хорошо видны. Плюс какие-то газетные заметки о вас с Ник... Так и вышли на Переса. Из Двадцать первого переслали её генкарту и уже тут её опознали. Перес лично сверял, никому карту Ник не доверил.

— Рогатые орки... А у меня нет её фотографии. Ни одной.

— Зачем тебе её фото? Ведь у оборотней идеальная память. И прости, наверное, гадость сказал... Её вещи тебе передадут после расследования.

— А её дом нашли?

— Ищут. Пока глухо. Единственное, думаю, что её дом передадут школе ловцов, а не тебе.

— Ясно, — коротко сказал Лин и заставил себя встать — из прозекторской вышли разъяренный Мигель и Арано в полуобороте — уши на макушке, на лице вибриссы, шерсть клоками на небритых щеках. Видимо, Утес узнал, что она ждала ребенка...

Лин пошел к ним:

— Я имею право осмотреть её тело.

Мигель полыхнул алым взглядом, переходя в боевую форму:

— Только через мой труп! Вот будут похороны, тогда и попрощаешься. А сейчас ты к ней не подойдешь.

Утес в который раз положил свою руку Лину на плечо и еле слышно выдавил из себя:

— Перес прав. Не надо тебе такое видеть. Я запомнил все запахи — я найду убийцу. Я тебе кровью клянусь — найду. Ты же знаешь — я восемь лет прикрываю твой зад. Я не отступлю — я найду убийцу нашей Ник.

Лин кивнул:

— Я тебе верю, и в профессионализме Дина не сомневаюсь, но я имею право...

— Нет! — безжизненно сказал Мигель, рассматривая все так и сидящего вдалеке Брендона.

Лин обернулся на парня, а потом старательно подавляя голос — у вампиров хороший слух, сказал:

— Я знаю — она ждала ребенка от Брендона. Это неважно... — он криво улыбнулся: — Если запрет из-за беременности Ник, то я знал об этом. Я знаю, чем заканчивается привязка. Я знаю, Мигель, что эту дрянь вампиры еще не победили. Но я так же знаю, что вы сделали сильный эволюционный скачок и перестали пить кровь разумных. Рано или поздно вы победите и потеряете разум при привязке. Я не в претензии к Брендону. Я знаю — Ник сложно остановить, когда она что-то решила. Прошу...

Мигель просто пошел прочь по коридору. А за ним взлетали вверх скамейки, взрываясь ошметками металла, ломались стеллажи, и в песок превращалось стекло.

Разгромив все, что было в коридоре, Мигель вернулся. Одернул манжеты, чтобы торчали из-под рукава пиджака ровно на положенный дюйм, поправил запонки, стащил галстук, наматывая его на кулак.

— Мне очень жаль, Линдро. Этого я не предусмотрел в своем плане. Я думал, что Ник... — он замолчал. Потом все же продолжил: — Я не думал, что она настолько беспечна... Это только моя вина. Клан тигров имеет право на откупные от клана Переса. Мне очень жаль.

Лин пожал плечами:

— Мигель, это был бы мой ребенок. Если бы Ник решила остаться со мной — это был бы мой ребенок. И если дело в беременности Ник, то я знаю о ней. Я могу теперь осмотреть её тело? Я могу теперь считать запахи? Ты же видишь — я абсолютно адекватен.

Мигель прикрыл глаза:

— Иди... Только прошу... Впрочем... Иди. Ты сильный, из тебя омега, как из меня балерина...

Утес хмыкнул, явно представляя Мигеля в пачке. Лин тоже не удержался — Мигель, изящный, тонкокостный, как все вампиры, не представлял, как будет выглядеть, если ему сделать женский макияж. Все танцоры балета будут у его ног рыдать и умолять о взаимности.

— Смейтесь, смейтесь, — беззлобно сказал Мигель. Кажется, он все же знал, как выглядит.

Брендон не выдержал и подошел к ним:

— А я? У меня нет такого права, да? И почему, хотел бы я знать?

Утес молча отвернулся.

Мигель скривился. Лин же открыл дверь в прозекторскую:

— Пойдем, Брендон. И... Мне очень жаль, что так получилось.

— Что получилось? — Брендон вошел в помещение и тут же выругался: — а ведь я ей поверил. Я поверил, что она остановила меня... Лин, прости, я был сволочью...

— Брендон, она не жалела и не собиралась избавляться от ребенка. — Лин зашел в прозекторскую. Тут воняло сильнее, чем в коридоре — видимо, тело Ник провалялось пару дней в зоне до того, как его нашли.

Мигель и Утес вместе с Дином присоединились к ним. Брендон без слов отошел в сторону, к окну. Замер, глядя в никуда.

Лин подошел к столу.

Яркий свет бестеневой лампы. Неприглядная правда нагого тела. Шов через всю грудь и живот — в Двадцать первом уже делали вскрытие. От тела Ник воняло медицинской резиной и незнакомыми людьми. Сейчас судмедэксперт готовился к повторному вскрытию. Мигель не привык доверять чужакам. Только своим по клану. Отросшие волосы на голове — она их опять покрасила во все цвета радуги. Сломанная челюсть — как она подпустила убийцу так близко к себе? Влюбилась? Нашла кого-то притягательного? Или поверила в дружбу? Пальцы скользнули на затылок — он был полностью раздроблен. С неё не церемонились. Сломанная шея — от позвонков ничего не осталось. Хрупкие ключицы, которые он любил целовать. Маленькая грудь — Ник всегда стеснялась её размера. А ему было плевать. Чуть приподнятый над лоном живот.

Он взял её за левую руку, рассматривая сломанное предплечье... Пальцы скользнули по коже...

— ...да орков всех в твою постель, Мигель!!! — не выдержал Линдро, накрывая тело незнакомки простыней. — Ты же знал, что Ник лабораторная мышка!

Мигель сложил руки на груди:

— Прекрати ругаться. Сейчас же не объяснишь — получишь новую порцию снотворного.

— Это не Ник. А я кретин все голову ломал — ну как... Как она после Луз не уследила за затылком... Ведь получила хороший урок!

— Объясни! — прорычал Мигель.

Лин повернулся к Брендону, явно размышлявшему — как так получилось, что Росси так легко слетел с катушек. Точнее лишился ума.

— Брендон... Покажи свои часы.

Тот лишь вздохнул:

— Лин, я понимаю твоё желание цепляться за соломинку... Но я потерял часы ещё с месяц назад — они взорвались из-за просочившейся в ультра крови сам-знаешь-чего. Твоя же ультра взорвалась в тот самый день, когда Ник наносила знак. Насколько я помню, с тех пор знак не наносили на твои доспехи. То ли Круз не так оформила документы, то ли ещё что-то.

Лин рванул вниз ворот футболки, показывая на надплечье защитный знак:

— То ли ещё что-то — тут ты прав. Я нанес знак по возвращению в Либорайо. Не хотел, чтобы Ник беспокоилась обо мне. Знак при мне. На мисс Икс... — он ткнул пальцем в тело незнакомки, — моего знака нет. Это не Ник. Это... Её клон. И, Мигель... У нас большие проблемы — ты же в курсе расчётов? Для сохранения устойчивой популяции необходимо сорок девять пар разумных существ. За вычетом Ник и мисс Икс... Где-то по миру должны быть ещё сорок семь подобных клонов, не считая оригинала. И не коситесь так — мне плевать: клон Ник или оригинал.

Мигель потер лоб:

— Орки рогатые, я с вами всеми поседею раньше времени... Это точно не Ник?

— Абсолютно! — твердо сказал Лин. — Она сейчас в Двадцать первом округе.

— То есть... Где-то там, где убийцы и мисс Икс... Лин, ты сейчас же берешь мою машину, Брендона и что хочешь ещё и несешься туда. Забираешь Ник и всеми правдами и неправдами везешь сюда. Ещё одного такого трупа я не перенесу. На все про все у тебя месяц — дорога неделя туда, неделя обратно и две недели поисков. Я постараюсь поднять все свои связи и отследить её интер — она купила его себе в Пятом округе. Как отследжу — сообщу.

Лин замер, рассматривая Мигеля исподлобья. Вампир чуть напрягся:

— Это не обсуждается. Ник — хрупкая девушка. Ты обязан её найти и вернуть.

— Ник — ловец. — напомнил Лин.

Брендон тактично вмешался:

— Мигель... Понимаешь, то, что вы привыкли командовать своими женщинами и запирают их в домах, не касается Ник. Ник, кроме того, что ловец, имеет человеческие корни. У людей и женщины, и мужчины равноправны.

Мигель развернулся к нему:

— Забавно... Приведи хоть один пример, когда надо бросать девушку и уходить прочь, отрешаться от её проблем, забывая ради так сказать её блага? Хоть один пример, и я так и быть, смирюсь, скажу: а и небеса с Ник! Сама выкарабкается!

Брендон тихо сказал:

— Иногда надо уходить, честно, Мигель. Я сам так поступил.

Мигель коротко вздохнул, словно его ударили под дых, галстук в его руке разорвался на множество лоскутков.

— Только не говори, что у тебя была женщина...

— Девушка, — тактично поправил его Лин.

— ...на том самом поле, да? Орки тебя задери, когда ты уже научишься доверять, Брендон?!

Он сухо сказал:

— Дело не в доверии. Дело в том, что прошло восемь лет, она могла завести себе мужа, семью, детей... Восемь лет — это очень много для людей. Да и...

Мигель понимающе кивнул:

— То есть ты не поедешь? Ну и орки с тобой! И с тобой! — он ткнул пальцем в Лина. — Я сам разберусь. Идите вы с такой дружбой куда подальше!

Брендон замер на крыльце Судмедэкспертизы. Лин легко промчался по ступенькам вниз — мир снова был чудесен и светел. Проблемы были, но когда их не бывает? Разберутся! Росси оглянулся назад — пора и для Брендона сделать мир легким и привычным, а то тот забыл главный факт о Ник:

— Ник — леди Холма. Леди не лгут. Леди недоговаривают, меняют тему, уходят от разговора, но откровенно не лгут. Если Ник сказала, что ничего не было, значит, не было.

Брендон продолжал смотреть себе под ноги:

— Ты лигр.

— И что? Это... Важно?

— Ты лигр, Лин, я знаю, что это значит.

Лин пожал плечами:

— Ребенок — мой. Ник тебе не лгала. Так что поводов для грусти нет никаких. Хочешь, пойдём в паб? Не каждый день узнаешь, что станешь отцом. И ты бы подумал о той своей девушке...

— Я...

— Прости, полез куда не просили. И... Как будут готовы результаты экспертиз, я поеду в Двадцать первый округ... Не за Ник. Поеду, посмотрю — за что мисс Икс убили и чем это нам всем грозит.

* * *

Через два дня Мигель вызвал Брендона к себе в кабинет. Без слов бросил над стол перед смиренно присевшим парнем папку.

— Знаешь, — бесстрастно сказал Мигель. — Я думал, что придется долго искать... Приготовился нанимать детективов в Двадцать первом... Приготовился к трудностям, но не к тому, что сразу же наткнулся на информацию... На первом же сайте фейри о штурме Двадцать первого округа — эти сволочи не умеют прощать и забывать. Она там забавно помечена — как твоя возможная любовница. Это так любезно было со стороны фейри — мне не пришлось искать. Там была выложена вся информация о Вик от и до.

Брендон открыл папку и замер, блея. На него с фото смотрели двое. Самая дорогая женщина на земле обнимала за плечи мальчишку в теплой одежде и шапке — видимо,

снимок был сделан зимой.

Мигель сухо произнес:

— Мальчика зовут Марк. Ему семь лет. Домашнее прозвище сказать или сам догадаешься?

Брендон, не смотря на Мигеля, сказал:

— Я же предупреждал, что восемь лет — это слишком много.

— Мальчика прозвали Марковка. Пояснить, почему? Даю подсказку — посмотри следующее фото!

Брендон достал второй снимок. С него смотрел мальчишка уже без шапки. Огненно-рыжий, как морковь.

— Кстати, она так и не вышла замуж, Брендон. Надо больше доверять женщинам. У тебя месяц на улаживание своих дел. Собирай вещи — Лин едет туда же, поможет тебе.

Брендон закрыл папку:

— Я могу её взять с собой?

— Бери, конечно. И удачи... Что за юмор — назвать мальчишку Марковкой? — Мигель не сказал, что в файлах фейри мальчик помечен как «возможный сын Генерала», и значит, будут проблемы. Большие проблемы.

Глава 30. Лис

Раннее утро. Хмурый свет солнца в окно. Она сидела на кровати, закутавшись в его футболку. Ждала. Теоретически, он сейчас плескался в душе. На самом деле... Она не знала, что он делал. Он уже должен был обнаружить тест. Он его не мог не заметить. Тест лежал на видном месте.

Время шло.

Он все не шел.

Ник подтянула ноги к груди, пристроила голову на колени и задумалась.

Все было так запутанно...

Он все же нашел в себе силы вернуться. Сел в кресло напротив неё. Принял свою любимую задумчивую позу — широко расставил ноги, уперся локтями в колени, ладони переплел друг с другом, на них пристроил голову. Наглые, зеленые глаза в упор рассматривали её. И Ник поняла, что белье и футболка не совсем то, что требуется для серьезного разговора. Она сильнее натянула футболку вниз, но длиннее, чем была, та не стала.

Он молчал.

Молчала и она. Ждала, когда же он напомнит ей, что лигр. Ждала, когда же он вспомнит, что сам научил её скрывать запахи. Ждала, когда до него дойдет, что встречаться-то можно и не в доме, а где-то в другом месте. А парней вокруг неё всегда хватало — от Маки до того же Жердя.

Он молчал, только рассматривал её от перекрещенных в лодыжках ног до скрытых за чёлкой глаз.

Она сама начала:

— Знаю, что доказать ничего не могу...

— Ясно.

— Понимаю, что тебе просто придется поверить мне...

— Ясно.

— ...или не поверить.

Он вновь лишь сказал:

— Ясно.

— Помню, что ты сам научил меня скрывать запахи...

— Ясно...

— Помню, что ты лигр...

— Ясно.

— Лин, я жду ребенка...

— Ясно.

— Да что тебе ясно!!! — заорала она, тут же просыпаясь.

Села в постели, стукнула ладонями по матрасу, выбивая пыль. Та заплясала в ярких весенних лучах солнца.

— Я уехала не поэтому!

Она стащила с себя пропитанную потом футболку Лина и бросила её на пол.

— Я уехала потому, что я ловец!

Следом отправилось белье.

— Мне нужны деньги!

Она, шлепая босыми ногами по полу, зашла в душ.

— А еще я по осени долго не смогу работать!

Дом испуганно молчал — он с ней разругался неделю назад, когда она приказала отправляться в столицу Пятого округа. Тогда он обиженно кинул её в Пятый, как она и просила, но в такие дерби округа, что до столицы они добирались до сих пор. Если сегодня она плотно посидит за рулем — как раз к вечеру доберутся до Миракулума.

Ник включила воду и блаженно замерла под ней, наслаждаясь теплом. Ей отчаянно не хватало Лина — он сейчас бы обнял её со спины, прижимаясь всем телом и выцеловывая позвонки... Но она ловец, она не может сидеть без дела. Беременных ловцов не бывает. Ты или беременна, или ловец. Ник была ловцом. Беременной она успеет побыть, осенью, когда вернется к Лину. Она понимала, что малодушно соврала ему про лето, но не могла же она сказать, что не вернется до осени? Ей нельзя до осени показываться в Либорайо. И дело даже не в Лине — в нем она была полностью уверена, он примет её любой. Даже генкарту плода не потребует. Да и Ник сама не собиралась рисковать и делать генетическую карту — амниоцентез не совсем безопасная процедура, и одно дело, когда процент осложнений касается чужой беременности, и совсем другое — когда этот процент касается тебя лично. Тем более, что ей генкарта и не нужна. И Лин тоже её не потребует — она это знала... И не в Брендоне дело — он, конечно, будет искать пятый угол, если узнает о беременности, но не в Брендоне дело. И не в орущем: «Да твою же мааааать!» — Арано. И не в возможном осуждающем взгляде миссис Росси. Ту Ник совсем не знала, и предсказать её действия не могла. И дело даже не в Мигеле — вот его реакцию Ник как раз предсказать могла. И не хотела бы с Мигелем столкнуться — в состоянии тихой ярости он её пугал. Она знала, что сухим, абсолютно бесцветным голосом он ей выскажет все, что думает об её умственных способностях. Кое с чем Ник была вполне согласна.

— Вы мне отвратительны, мисс Доу. Раз за разом вы демонстрируете свое пренебрежение по отношению к Лину. Я готов был смириться со многим, но не с этим! Вы понимаете, что все Либорайо теперь смотрит на ваш гордый живот и хохочет за спиной Линдро?! Как же, лигр, который даже свою женщину в узде удержать не может! Лигр, от которого ходят налево... Мисс Доу... Вы мне глубоко отвратительны.

Хотя Мигель и не так мог её отчитать — её и его словарный запас сильно отличаются. Но в одном с воображаемым Мигелем Ник была согласна — она не позволит городу поднять Линдро на смех. Она не уронила его авторитет, она не ломает его статус, не обрушит до последней омеги. Никто не будет над ним смеяться из-за её беременности.

Хорошо, что она ловец. Она не привязана к городу, к округу, она может быть где угодно, обеспечивая своё будущее — беременность сильно выбьет её из колеи, она долго не сможет зарабатывать, так что... Вперед в столицу Миракулум. Вперед в Пятый округ. Но до чего же плохо без Лина...

Она выключила воду, замоталась в полотенце и вышла из душа. Дом молчал. Он погрузился в полную тишину. Не шумит холодильник на кухне, не шуршит вентилятор охлаждения алхимической батареи, не капает вода в душе. Даже канализация замерла.

Дверь в закрытую вторую спальню открылась, уговаривая Ник заглянуть в неё — дом решил помириться, прощая побег из Либорайо.

— Даже не упрашивай — не загляну, — сказала Ник.

Дверь открылась пошире, показывая розовые стены в веселые ромашки.

Ник сложила руки на груди:

— Знаешь, а я не уверена, что это девочка.

Стены заметно поголубели.

— Я не люблю голубой.

Стены стали загадочно фиолетовыми.

— И этот цвет я не люблю. И вообще, о цвете детской мы будем решать с Линдро.

Стены стали белоснежными.

— И, дом... Последнее предупреждение — хватит лезть в мою судьбу. Когда я хотела ребенка, я хотела девочку лет пяти-семи, а не минус девяти месяцев возрастом. Ясно?

Дверь в детскую с грохотом захлопнулась. Дом понял, что примирения сегодня не случится.

Ник вернулась в спальню и принялась одеваться. Пятый округ её порядком достал. Красивый до приторности, добропорядочный до судорожно сведенных скул, богатый и ухоженный, как все у фейри, только чуть копни, и пахнет гнилью и льдом. Здесь почти не было людей. Здесь почти не было вампиров и оборотней. Тут жили благополучные низшие фейри — от брауни до шелковинок, от хобгоблинов до трау... Они жили и славили своих лордов и леди. И от их восхвалений несло ложью. Здесь боялись. Здесь ненавидели и подчинялись. Здесь не жаловались и терпели.

Ник за эту неделю уже уничтожила более двух десятков разных видов нежити, а сколько их бродит в округе, лишенном Границ — страшно представить. Лордов и леди Холмов не волновали глупые проблемы жителей округа. Здесь ловцу можно было пахать и пахать, вплоть до осени, но Ник понимала всю бессмысленность происходящего — сколько бы она не убила нежити, всегда придет новая, потому что лордам плевать. Решать проблему нежити надо в столице с лордами, а не в полях. Только что-то подсказывало Ник, что её даже слушать не станут. Она сообщит, конечно, в школу ловцов — пусть сами бодаются с Пятым округом. Её волнует иное — Ник хотела понять, что же хотел от неё дом пять лет назад, бросая в Миракулум.

В столицу Ник прибыла под вечер — сияющий розовыми идеальными облаками, пахнувший зеленью и свежей сдобой, пропитанный солнечным светом до самых краев. Если не знать, кто такие лорды и леди, то в город можно было влюбиться — в мозаичные мостовые, в ладные, как игрушки, кирпичные домики с островерхими крышами, в резные клены, в тенистые аллеи, в подвешенные на крюках цветочницы, в музыку, доносящуюся из многочисленных парков, кафе и ресторанчиков. Только нужно помнить — столица Пятого округа Лундейн была полностью разрушена десять лет назад в самом начале войны. Миракулум — не феникс, воспрявший из пепла. Миракулум — обман, возникший по воле Холмов.

Первым делом Ник отправилась не в мэрию или участок стражей, первым делом Ник пошла в магазин бытовой техники, расположенный в огромном трехэтажном торговом центре, занимавшем целый квартал. В Пятом округе были самые низкие цены на технику — именно тут её и собирал... Кто-то, кто живет в Холмах и не показывается по непонятной причине.

Алхимический отдел техники даже тут, в большом супермаркете был отчаянно мал. Почти все предлагалось под заказ — печи, холодильники, телевизоры, кофеварки... От последней бы Ник не отказалась, но пугала цена и необходимость надолго поселиться в городе — пока еще кофеварку соберут и доставят. В наличии были всего пара

инфопланшетов нереальной цены и три модели интерфонов. Ник стало страшно — это означало, что жители округов почти перестали путешествовать. Они навсегда забыли, что мир еще огромен, что можно перемещаться между округами в поисках иной жизни. Мир привыкал вариться в собственном соку, наплевав на соседей.

Ник выбрала интерфон в виде книжки: передняя, противоударная панель с небольшим экраном и кнопочной клавиатурой для интер-связи защищала обычный сенсорный экран интры, которую можно было использовать в любой местной сети инфонета. Ник подбросила интерфон в руках — тяжелый, самое то бить в висок, если кинжал использовать жалко. Жаль, что модель малосильная — сигнал преодолевал всего десять Границ, оставалось надеяться, что между ней и Лином никогда столько не будет.

За номер, не привязанный ни к одному округу, пришлось раскошелиться почти по цене самого интера — зато, Ник улыбнулась, если Лину понадобится ей позвонить, ему не придется гадать с номером. Он получился очень простой. Код — ловец. Номер — мисс Ник Доу. Ровно десять букв, которые он должен помнить. Расставшись с львиной долей денег, Ник оплатила и услуги инфонета, и подписки на карты и прочие необходимые ловцу сервисы, как то: погода, предупреждения о магических бурях и так далее. Брендону придется подождать своей свободы чуть дольше, чем планировала Ник, но рано или поздно она наберет нужную сумму на его выкуп. Потом Ник забежала на почту, расположенную тут же в торговом центре — отослала Лину открытку: «Я купила интер. Отгадаешь номер?».

Остаток долгого, сладкого, как конфета, и такого же навязчивого на зубах вечера Ник провела за изучением карты города. Она хотела найти ту самую площадь, куда изначально привел её автодом пять лет назад. Что-то подсказывало, что уже тогда дом хотел столкнуть её с Бренденом. Хотя Ник надеялась, что дом все же не такая сволочь.

Последующую неделю Ник, сдав стражам головы нежити и получив за них вознаграждение, занималась поисками — её даже карта в интересе не спасала, Миракулум был огромен, площадей в нем было эльфийски много.

Площадь нашлась, когда Ник уже почти отчаялась. Огромная с фонтаном в виде вздыбленных единорогов и парком по центру, она была ограничена с одной стороны террасным домом в виде дуги, а с другой стороны высоким, крутобоком Холмом, который Ник уже видела чужими глазами. Точнее глазами Брендона. Дом оказался сволочью. Не испугайся тогда Ник многочисленных фейри, прогуливающих по площади, она... Она бы пошла против Холма и лордов в попытке освободить Брендона, когда еще привратника фейри. Сейчас Ник осознавала — эта работа не для одиночки. Одиночкой она бы оказалась рядом с Бренденом на цепи у дверей Холма, и школа ловцов бы не вытащила. Это работа для всего Седьмого штурм-отряда. Только сюда, к подножию Холма наказаний, как гласила вывеска над дубовыми, большими дверьми, отряд не придет — это будет началом войны между Округами. Войны, которая никому сейчас не нужна. Хотя Ник с удовольствием взорвала бы Холм — чтобы дать свободу новому привратнику. Это был измотанный, лживо улыбочивый молодой оборотень, и у него было напрасно спрашивать, за что он оказался тут. Рыжий, отчаянно худой, как когда-то любила Ник, со шрамом на лице через лоб, нос, чудом не задевая теплые янтарные глаза. Явно ветеран. Знать бы еще, за что его наказали.

Голос привратника звучал приветливо и явно льстиво — фейри не любят изменений:

— Милая человеческая мисс, доступ людей в Холм без сопровождения лордов запрещен. Холм только в праздники открывает двери для всех желающих. Придется чуть подождать или довериться лорду Холма! — Лис стоял совсем близко, так что Ник видела

магическую цепь, удерживающую его возле Холма. Она попыталась заглянуть парню в глаза, как делала не раз с Бренденом, но... Ничего не увидела. В его уставших, чуть покрасневших от недосыпа глазах отражалась только сама Ник. Но с Бренденом-то это сработало! Почему же не получается сейчас? Ник уже ничего не понимала ни в себе, ни в своей магии.

Оборотень аккуратно за локоть отодвинул её от входа — мимо мощные носильщики из трау потащили внутрь клетки с людьми.

— Милая человеческая мисс, сейчас в Холме неинтересно... Приходите в Короткую ночь — вас будет ждать необыкновенное зрелище боев и поединков славы! В Короткую ночь нет ограничений для посещений — всяк будет удивлен зрелищами, всяк найдет удовольствие для себя! — его глаза замерли на знаке ловца на шее Ник. — Милая мисс...

Его рука потянулась к её груди, пальцы вцепились в знак. Это было больно — знак ловцов умел за себя постоять, но лис держался за него, как утопающий держится за соломинку:

— Милая человеческая мисс... Пожалуйста... Прошу...

Она отпрянула в сторону, вырывая знак из его скрюченных, обожженных пальцев:

— Я передам о тебе в клан лисов. Ты скажешь мне свое имя?

Он явно не этого от неё ждал. Он смотрел и искал... Ник даже знала, что он искал. Кинжал. Но до него она добраться не даст.

— Боюсь, мисс, у привратников Холма наказаний не бывает имен. Вы что-то путаете, мисс...

Она нахмурилась:

— Я вернусь. Я вернусь за тобой, безымянный лис. Правда, вернусь.

Лис нахмурился, его голос опустился до шепота:

— Милая мисс, вряд ли вашему тигру понравится эта идея. Не в вашем положении, не клану тигров, не ради презренного лиса.

— Тогда я сообщу своему знакомому лису — Родриго Санторо.

Глаза парня от неожиданности моргнули, и Ник с удовольствием заметила:

— Знаешь! Значит, ему и сообщу. Потерпи чуть-чуть...

Она пошла прочь — из Холма вышел один из лордов, удивленный тем, что с привратником кто-то долго разговаривает.

Ник остановилась у фонтана, заставляя себя дышать медленно и размеренно. Все же перенервничала. Она вернется сюда. Она заберет этого парня с собой, как раньше должна была забрать Брендона. Она вернется, но не одна. Ник даже бледно улыбнулась своему отражению в воде — и когда она перестала быть одиночкой?

Ник сунула руку в карман своего худи и прикусила губу. Одиночкой, она, может, быть и перестала, а вот глупой — нет. Она достала из кармана свой новенький интер и принялась фотографировать себя на фоне фонтана, на фоне льющихся струй воды, на фоне единорогов, на фоне клумб... И разве её вина что на паре снимков оказался Холм с привратником?

Глава 31. Побег

Домой она вернулась весьма спешно, меняя все планы — она хотела задержаться в столице Пятого округа, чтобы собрать сведения о Холме, но... Не судьба.

Она скомандовала еще от порога:

— Дом, убираемся отсюда! Живо! — она знала: сформулирует неправильно, и дом её радостно вернет в Либорайо. — В Двадцать первый округ! Туда, где мы нужны, понял?

Свет в окне мигнул, исчез, снова возник, опять исчез, а потом дом оказался на обочине дороги под сенью темного соснового леса. Снег еще лежал плотным, рыжим от иголок слоем в тени деревьев.

Ник сглотнула, выглядывая в окно кухни — оттуда тоже был виден лишь лес:

— Дом, а ты уверен, что мы тут нужны?

Дом, как всегда, молчал.

Ник вздохнула:

— Ну и ладно.

Она включила плиту и занялась кофе. Пока в турке варился кофе, она увеличила снимок лиса-привратника и с припиской «Санторо, ваш? Ловец Доу» отправила его в участок стражей Алисо — благо, Лин научил, как формируются номера интер-связи в Либорайо. Всего-то код Либор, номер «стража307». Уж номер участка, где она попала, Ник запомнила. Жаль только, что Санторо так и не ответил. Может, не его соплеменник, может, пресловутые десять Границ мешали, может, плевать Санторо на неудачника лиса. И так тоже бывает в кланах. В любом случае Ник знала — Лин её не подведет.

Молодой парень передал с поклоном лорду сообщение с фотографией.

— Милорд... Только что отправлено. На фото...

— Я вижу. Кого-то заинтересовал наш привратник. Сообщение удалить. Адресанта найти и...

— Уничтожить, милорд?

— Зачем же так радикально. Сперва поговорить. Потом уничтожить.

Ник осторожно ехала по совершенно пустой дороге. Лес закончился, кругом были распаханые, то ли подготовленные под посев, то ли уже засеянные поля — Ник вот совсем не огородник. Или кто там полями занимается. Вдалеке по правую руку за деревьями виднелась деревенька весьма жалкого вида — серая и какая-то непритязательная. В распаханное окно несло влагой, холодком от оврагов, еще полных снега, тревогой и электричеством, как перед грозой.

На Т-образном перекрестке Ник остановилась надолго — сидела в кабине, сложив руки на руле и смотрела на дорожный знак. Он гласил, что при повороте налево до городка Мийо десять километров, что бы это ни значило, а при повороте направо до деревни Флер пять, а до поста стражи зоны 301 всего три километра. Ник задумалась — ловец всяко нужнее не в городке, не в деревне, а в зоне, и повернула направо. Руль шел туго, словно дом сопротивлялся изо всех сил. Возможно, заклинь дом руль, Ник подумала и свернула бы налево, но он ведь поворачивался! Пусть неохотно, но слушался, а, значит, надо просто будет заехать на станцию техобслуживания, только и всего. Дом давненько столько не колесил по дорогам — лет пять точно. Она тогда смогла отремонтировать фейри-блок сжатого пространства, на свою голову давая дому слишком много власти.

Дорога до деревни и поста стражи была совсем узкой, заброшенной — множество трещин в асфальте, размытая обочина, вплотную подобранный к дорожному полотну лес, а еще эти непонятные километры — Ник знала, что в ближайших округах различаются меры длины, но столкнулась с таким впервые. Помнила, что вроде бы километр был короче мили, но вот насколько? Потому и старательно медленно кралась по петляющей среди леса дороге, а пост все не показывался. Уже даже мелькнула мысль вернуться к городку, настолько необитаемым выглядел лес.

Пост оказался за крутым поворотом, где собственно дорога и заканчивалась — тупиком, упирающимся в марево Границы. Вдоль Границы шла размытая по весне грунтовка в деревню.

Пост был стационарный, добротный, кирпичный — из тех, куда стражи заезжают на месяц боевого дежурства. Шлагбаум был внезапно опущен, еще и марево Границы перегораживало проезд. Сам страж в боевой, весьма потрепанной инфре стоял с плазмометом наперевес перед небольшой толпой довольно возбужденных...

— Обратни... — вздохнула Ник. — И почему от них никуда не сбежать, а?

...сельчан, одетых весьма одинаково — потрепанные джинсы, клетчатые рубахи, темные куртки, высокие сапоги... Кажется, жизнь здесь была не сахар.

Ник встала из-за руля и направилась вглубь дома — она помнила, какое впечатление производит на людей, а потому распустила на голове хвостик, причесалась, надела поверх облегающей розовой водолазки серый худи Лина с эмблемой Седьмого штурм-отряда на груди. Своей формой она так и не обзавелась, а увольнять её Мигель отказался наотрез, так что... Оставалось надеяться, что к этому худи Лин не испытывал нежных чувств и не страдал от его отсутствия. Художественно порванные джинсы она менять не стала, как и обувь — выскочила в кроссовках, тут же приземляясь в мелкую лужу.

Ник тайком проверила, как ходит кинжал в ножнах — она его привычно прятала в глубоком кармане-кенгуру.

— Добрый вечер, господа, — Ник улыбнулась одними губами — вокруг же одни оборотни. Зубы тут показывать нельзя, хоть Ник уже который месяц недоумевала — с какого перепуга у неё выросли вполне такие длинные клычки, более похожие на звериные, чем вампирские. У тех клыки что шило. — Извините, мне нужно к стражу...

Толпа недоуменно рассматривала её, чуть расступаясь, когда Ник шла до настороженного стража, дулом вниз опустившего дробовик.

Страж рыкнул в толпу:

— Rrrrrразошлись! Живо!

Ник даже вздрогнула — глотка у оборотня была луженая, проняло до позвоночника прямо.

— Добрый вечер, мадмуазель, — хмуро и гораздо тише уже ей сказал страж. — Проезд закрыт. Только по спецпропускам.

Ник махнула головой в сторону автодома, где на стекле все так и был прикреплен пропуск, выписанный когда-то Джонсом.

— Я страж Седьмого штурмового отряда Либорайо Ник Доу. Спецпропуск в наличии.

— Далеко же вас занесло, — хмыкнул страж. Он представился в ответ: — я капрал Робер.

— Отпуск. Ездил навещать семью. Теперь вот возвращаюсь. Неспеша возвращаюсь... — правду им тут знать не обязательно. Ник улыбнулась — а ведь говорят,

что леди Холмов не врут. Она же... Врет вполне удачно. Еще ни разу не поймали на лжи. — Так пропустите?

Страж нахмурился и повел стволом плазмомета в сторону толпы — та, осторожно придвинувшаяся, прислушиваясь к разговору, вновь отхлынула в сторону, глухо ворча.

— Предупреждаю — это зона триста один. Она плотно примыкает к зоне триста два. Слыхали?

Ник пожала плечами:

— Нет, а должна?

Робер вздохнул и пояснил:

— Зона триста два — это все, что осталось от Двадцатого округа. Там по весне идут дикие магические шторма. Хаос, ити его за ногу... Сейчас как раз один шторм поднимается — передали из Мийо. Его даже усиленные Границы не останавливают.

Ник напомнила:

— Но вы сказали, что это зона триста один, а не триста два.

— Эта зона граничит с триста два, а, значит, тут через час-два такая хрень начнется, что в ближайшем километре от Границы будет находиться опасно. Хорошо еще, что тут зона всего с километр шириной — языком вторгается в местные земли.

— А, ясно... Можно вопрос?

— Да, конечно. — Он хмуро посмотрел за спину Ник, где толпа не расходилась, угрюмо переговариваясь.

— А ваш километр — это сколько в милях?

— Почти половина.

— Хорошо! Я как раз успею проскочить. Пропустите же?

Робер скривился:

— Я вас предупредил — магические шторма тут опасны. Предупреждение передали на две недели, а значит — тут не меньше месяца все будет полыхать.

— Я поеду на свой страх и риск. Мне как раз амулеты надо зарядить.

— Совсем безбашенные в своем отряде, что ли?

Ник приподняла плечи:

— Есть немножко.

— Хорошо... Сейчас открою зону, только ради небес — неситесь стрелой по прямой, наплюйте на амулеты. Есть множество других безопасных способов их зарядить. — он тоскливо осмотрел толпу и рявкнул: — отойти еще дальше! В зону войдет только страж! Все ясно?

Толпа на другой стороне дороги загудела десятком голосов, не двигаясь с места.

Ник посмотрела на хмурых мужчин, выхватывая одинокую, заплаканную женщину — не старше её самой.

— Робер... А что тут происходит? Я могу чем-то помочь?

Он в сердцах сказал:

— Из города уже везут ультры... Не беспокойтесь...

Ник вздрогнула:

— Вы хотите сказать, что пока я тут с вами языком сцепилась, там в зоне кому-то нужна помощь?

Заплаканная женщина вскинулась при этих словах и вырвалась из рук удерживающего её мужчины:

— Прошу... Возьмите меня с собой!!! — Она схватила Ник за руку, её когти чуть оцарапали запястье Ник. — Умоляю...

Пахнуло страхом, горем, немного землей.

Ник старательно спокойно, чтобы оборотницу не повело в окончательный оборот, спросила:

— Что случилось?

Когти продолжали царапать запястье, но Ник терпела.

— Мой малыш... Сынишка... Он ушел на дальние поля... Нам разрешают ходить через зону — она тут короткая... Шторм никто не обещал — не было по прогнозу шторма... Он не успел проскочить до её закрытия... Прошу — возьмите меня с собой! Я сама пойду, я сама найду...

Страж повысил голос:

— Никуда ты не пойдешь, Дюран! Ультры уже везут — привезут, тогда и пойдут стражи на поиски мальчишки. Потерпи чуть-чуть!

Ник прищурилась:

— Мальчишке вы тоже самое посоветуете? Потерпи чуть-чуть?

Дюран воспряла, расслабляя когти:

— Возьмите меня, пожалуйста. Я не буду мешать...

Мужчины тем временем встали рядом вокруг Ник, голоса ворчали, складываясь в один:

— Сами найдем — только возьмите с собой!

Ник оглянулась на них:

— Вещи с запахом ребенка есть?

Ей тут же протянули штаны и затасканную рубашку. Ник поднесла ткань к носу, принюхиваясь. Пахло тревогой, опасностью, пахло... Убежищем где-то под корнями...

— С мальчишкой все в порядке. Он спрятался.

Когти женщины с болью вцепились в запястье:

— Надолго ли? Вы же сами будущая мать — я чувствую беременность! Прошу!

Молодой оборотень, видимо муж, обнял её за плечи, что-то выговаривая. Робер с плазмометом вклинился между Ник и оборотнями:

— Ждите! Я говорил, что у мальчишки хватит ума! Ультры уже везут! И, мадмуазель Доу... У вас кровь на запястье.

— Ерунда, — отмахнулась она — сейчас любые голоса её отвлекали — она настраивалась на поиск. — Так... Машину я оставляю тут...

— Что значит — тут? — возмутился страж.

— То и значит. — она обвела взглядом набычившихся мужчин. — И иду я одна — я не смогу разом прикрывать всю толпу. Выбирайте — или смиренно ждете тут, пока я ищу малыша... Как его, кстати, зовут?

— Этьен... — Дюран вновь подалась к ней, натываясь на стража. — Возьмите меня с собой!

Ник твердо продолжила:

— ... или я к рогатым оркам усыплю сейчас вас всех, чтобы не мешались под ногами, и если не хватит сил в зоне — ваша вина!

Робер вновь повел дробовиком:

— Рядовой Доу, вход в зону во время шторма разрешен только в ультре. Я не пропущу вас...

Ник улыбнулась всеми зубами, доставая из-за ворота худи цепочку с хризантемой:

— Я ловец первого класса Ник Доу. И мне плевать на указания стражей. — Она повернулась к ошарашенной Дюран, — я скоро. Я верну Этьена. Честно! Просто чуть доверия...

Доверия было мало — даже Робер с ненавистью рассматривал знак ловца.

— Ну и хрен с тобой, — в конце концов буркнул он. — Ловца не жалко!

Он пошел открывать проход в зону.

— Вот и славно, — улыбнулась Ник, танцующей походкой направляясь в зону. За спиной оставалось молчание — настороженное, гневное, окрыленное надеждой, утопавшее в тоске и боли. Кинжал она уже зажала в правой руке — мало ли. Это профилактика ударов в затылок. Лин не поймет, если она опять подставит кому-то затылок, не говоря уже о том, что это банально больно.

Глава 32. Заразный Лин

Зона встретила тишиной. Мир замер в ожидании шторма. Небеса уже зааловели, как всегда, перед бурей. Низкие тучи набухли багровыми искрами зарождающейся магии. В них еще беззвучно взрывались пробои — до земли еще далеко. Даже ветер стих, и деревья молчали, зная, что в очередной раз их будут испытывать на прочность.

Ник спешила за дорожкой из запахов Этьена — она всегда воспринимала мир чуть иначе, чем все, а сейчас во время беременности её восприимчивость к запахам возросла многократно. Бедный Лин, по словам Рика, по полчаса не вылезал из душа, чтобы соответствовать ее требованиям. Ник было стыдно перед Линдро, но ничего с собой поделаться она не могла — её тошнило от любого сильного запаха. А сильными стали они все.

С тихим треском рядом сформировалась искра — Ник и не заметила, что шторм начался. Она резко поменяла направление, уходя прочь от формирующегося пробоя. Как только искра притянет к себе окружающую магию, грохне...

Уши заложило, даже зубы заныли — Ник не ожидала, что пробой так быстро сформируется, искра была маленькая и безобидная. В животе что-то от неожиданности ухнуло, и Ник оставалось надеяться, что это ухнувшее — не малыш. Такого она себе не простит.

Ник ускорила — слева повисла очередная искра. Она шипела и крутилась на месте, быстро нарастая. Ник сжала зубы и швырнула в искру кинжал. Он вспорол воздух, проносясь мимо искры, но и этого хватило, чтобы пробой резко ударил в острие кинжала, заряжая его. Завоняло озоном и гарью. Жаль, что из-за удивленной толпы оборотней Ник не захватила амулеты — такое обилие бушующей магии упускать было обидно. Ник при помощи знака подтянула к себе кинжал — его рукоятка обжигала кожу.

С небес, заставляя Ник стремительнее бежать за запахом мальчишки, мелким дождем понеслись капли хаоса. Они не были пока опасны, не достигли критической массы, зато жалили не хуже пчел...

Она сцепила зубы — надо было все же брать инфру... Или Лина с собой — он бы лишь спросил: «Куда точнее?»... Рогатые орки, ну почему Мигель уперся рогом в свою любимую зону двести шесть? Почему не разрешал ей заходить в другие? Ей бы хватило — она отсиделась бы в безопасности зон до осени, не позоря Линдро.

За спиной все взрывалось, трещало и грохотало — искры высасывали магию под чистую. Деревья стонали и падали вниз, захватывая за собой соседей. Летели вверх камни и комья земли. Скоро тут очнется хаос.

Кинжал уже побелел от накопленной магии пробоев — еще чуть-чуть и взорвется. Успеть бы найти мальчишку... Ник металась среди деревьев, как Этьен носился по лесу в поисках убежища.

Земля неожиданно махом ушла из-под ног, Ник рухнула в спрятавшуюся под рыжими прошлогодними вайями папоротника ямину. Приземлилась на полусогнутые, уже понимая, что не устоит, гася падение... Ударила ладонью по земле, спасая руку от перелома, вошла в почти идеальный перекаат, как всегда делал Лин и замерла, ошалело глядя перед собой — где она и где безопасное падение... Но содранная о камни ладонь подсказывала — она не сломала руку, гася падение. Она сделала все правильно. Осталось только выдохнуть и убрать с волос сухие вайи. И вновь удивиться — говорят, беременные неуклюжие. А с ней явно что-

то не то...

Ник вздохнула, поднимая глаза вверх — через оставшиеся вайи было видно уже бордовое небо. Значит, скоро станет совсем плохо... Отчаянно захотелось оказаться под защитой стен дома, но Ник понимала — без дороги он тут не проехал бы. Застрял бы в первой же попавшейся канаве.

Кто-то рядом вздохнул. Осторожно, напугано, одиноко, а потом по-детски шмыгнул носом.

Ник подалась к ближайшему дереву, чуть раздвигая траву:

— Этьен? Это ты? Меня прислала твоя мама... Выходи — надо возвращаться. Скоро тут будет плохо. Совсем плохо...

Земля рядом зашуршала, осыпаясь — из-под корней дерева вылез грязный, бледный мальчишка лет десяти. Он доверчиво протянул Ник руку, а потом вдруг зарычал и звериной, когтистой лапой ударил по запястью Ник. То тут же понятливо хрупнуло, предупреждая, что человеческие кости восприимчивы к ударам оборотней, даже мальчишек.

— Эй! — возмутилась Ник. — Я тоже так могу!

Она замахнулась на него... огромной, тяжелой львиной... Наверное все же лигриной лапой. И замерла, удивленно её рассматривая. Хорошо, что не успела ударить — когти впечатлили даже её. Мальчишка тоже испуганно замер, сжимаясь в комок и переводя недоумевающий взгляд со знака ловца на лапу и обратно.

Ник печально пошевелила когтями, убеждаясь, что это не бред из-за хаоса или шторма.

— Ты тоже её видишь, Этьен?

Мальчишка сглотнул и уточнил:

— Ты... Оборотень или ловец?

Ник честно призналась:

— Да чтоб я сама знала. Еще пять минут назад была человеком.

Небеса ответили непрекращающимся грохотом — шторм нарастал. Он прижимал к земле, он заставлял глотать воздух, ставший кипятком, он пустил кровь из носа, он заставлял сердце трепыхаться в груди и рваться наружу.

Ник плюнула на руку, то есть на лапу, на недоумение, на генетическую карту, не подготовившую её к такому, и со всей силы разрядила кинжал в землю. Громыкнуло еще сильнее, в ушах что-то хрупнуло, и стало приятно тихо, словно обложили ватой.

Ник подхватила мальчишку на плечо, уже отказываясь понимать себя, и рванула в сторону поста, летя, как стрела, пока вокруг была блаженная тишина. Как гасит волны в море масло, так и магия кинжала погасила шторм. Жаль только, рука возвращаться не собиралась. Ей было неплохо и лапой.

На пост она прилетела крайне быстро — кажется, и четверти часа не прошло. Как раз за Границей стражи спешно запаковывались в две потрепанные жизнью ультры, а еще пара отчаянно глупых — в инфры. Может, они и опаздывают с помощью, но пытаются несмотря ни на что.

Она протянула впечатленного бегом Этьена первому попавшемуся оборотню.

Присела на корточки.

Выдохнула.

— Отбой, парни. Там такая фигня — орки рогатые рядом не стояли. — Ник подумала и поменяла позу, выпрямляя ноги. Было отчаянно хорошо. Жаль, правая лапа плевать на все хотела. Карябала когтями асфальт, как масло. Приятно до ужаса.

Кто-то ахнул.

Кто-то подал фляжку с чем-то терпким.

Кто-то выбил фляжку из руки, протягивая что-то свое:

— Это чай, успокаивающий. Для беременных безвредно.

Ник зевнула:

— Я ловец, а не беременная. — Но чай приняла и даже залпом выпила. — Вкусно.

Робер присел рядом, кладя на асфальт свою куртку и перетаскивая Ник на неё:

— Так ты одна из нас? Львица, да?

Ник приподняла свою ру...лапу, внимательно рассматривая — тигриные полосы было трудно не заметить.

— Вот не поверишь — еще с утра была человеком.

Рядом присела на корточки Дюран:

— Сирота, да?

— Ага.

— И родителей не помнишь?

Ник призналась:

— Есть такое...

Дюран принялась аккуратно массировать её лапу:

— Маленькая ты еще. Совершеннолетия ждешь, да? Восемнадцать лет должно исполниться.

Ник рассмеялась — столько ей уже давно не давали, месяцев шесть как.

— Мне двадцать пять. Приблизительно. — Она прикрыла глаза — по руке приятно расплывалось тепло от пальцев Дюран. Хотя Лин в такой ситуации был бы лучше. Орки рогатые, и как ему такое объяснить? Знаешь, милый, ты заразен. Бешенных оборотней, поднявших волну перерождений среди людей и создавших многочисленные кланы, двести лет как истребили, и тебя истре... Ник ругнулась себе под нос. Не позволит, даже если он заразен, даже если он опасен. Не позволит. И семью его не позволит тронуть, хотя тут же болью полыхнуло в сердце — мать Лина когда-то нарушила Пакт, который гласил, что в семье оборотней должен быть один ребенок. Если бы Ник родилась чуть раньше, ей бы пришлось прийти за сестрами Линдро и им подобными. До чего же противно... От себя, от мира, от старых законов...

— Маленькая ты еще. Нет тебе двадцати пяти. Оборот не лжет. Тебе лет восемнадцать только будет. У нас... У оборотней в смысле, частичный оборот всегда до совершеннолетия формируется, после нет, уж поверь. Это полный оборот жахнуть может в любой момент, особенно от стресса... Ну-ка, хватит лениться, шевели уже сама пальцами, разгоняй кровь.

Ник приоткрыла глаз, замечая, что её правая рука снова рука:

— Спасибо большое.

Дюран улыбнулась:

— Мне-то за что... Тебе спасибо за жизнь сына. Клан енотовых перед тобой в долгу. Ты... Впрочем, ты и сама не знаешь, из какого ты клана... Раскраска странная — не видела такую никогда.

Ник сморщилась — и впрямь, из какого она клана? Клана-то нет...

— Так выглядят лигры. И нет долга, я ловец, это моя работа спасать. — Она, шатаясь от усталости, встала — Робер даже руку подал, помогая удержаться на подгибающихся ногах, выложила Ник по полной.

Робер задумчиво сказал:

— Тебе бы отлежаться тут пару дней, а то и недель. Первый оборот может начаться в любой момент, учитывая возраст, а оборот, особенно первый, не слишком сладок, можешь и застрять. Его надо рядом с теми проводить, кому безоговорочно доверяешь.

Ник улыбнулась открыто, забывая, что вокруг нелюди:

— Значит, есть стимул быстрее вернуться домой.

— Как знаешь, — вздохнул страж. — Как знаешь. Но восемнадцать лет... Оборот может начаться в любой момент.

— Поняла, осознала, прониклась, и... — Она похромала в сторону дома, — открывай шлагбаум — поеду я домой...

Робер зашипел сквозь зубы:

— Вот безголовая — сама же говорила, что там в зоне фигня творится.

Ник рассмеялась:

— Так для инфр и ультр фигня. А не для защищенного дома, Робер! Все будет хорошо, честно-честно-честно... — она вздохнула — сейчас проверит прогноз шторма в инфосети и поедет... Домой. Мигеля драконить — пусть выворачивается, придумывает, как скрыть то, что Лин заразен.

— *Милорд... Интер цели засекли у зоны триста один. Цель зашла проверить прогноз шторма — кажется, она едет в зону.*

Лорд нахмурил свой идеальный лоб:

— *И кто же продался из лордов?*

— *Проверяют, милорд, но... Удалось отследить перемещения цели по городу. Запись с уличной камеры наблюдения странная — или неполная, или подделка.*

— *Что там? — устало вздохнул лорд.*

— *Милорд... Автодом цели просто взял и растаял в воздухе.*

Лорд тут же хищно выпрямился:

— *Сам?*

— *Похоже на то, милорд...*

Холеные пальцы застучали по столу:

— *Цель срочно найти и уничтожить с особой жестокостью. Все фотографии только лично мне. И как можно скорее. Тело бросить там же в зоне.*

— *Не расспрашивать?*

— *Я где-то непонятно сказал?*

— *Простите, милорд. Не повторится. Еще удалось выяснить, что цель отсылала открытку неделю назад некому Линдро Росси, стражу из Третьего округа.*

— *Вампиру? Или оборотню?*

— *Оборотню, милорд — привратник все же признался, что цель состоит в связи с кланом тигров. И еще... Со слов привратника, а он очень не хотел делиться этими сведениями, она ждёт ребенка.*

Рука лорда сжалась в кулак:

— *Отследить и уничтожить открытку. Цели здесь не было. Все следы замести. А сейчас... — он взял из папки фотографию молодой девушки, рассматривая её, — а похожа, да... Чем-то похожа. Пойду-ка я навещу друга. А ты поспеши — время не ждет. Мир надо спасти как можно скорее.*

Он направился все ниже и ниже в Холме наказаний. К другу, который его не ждал —

сидел в камере, смотрел в никуда, копил силы для чего-то глупого, но неосуществимого. Из Холма наказаний еще никто не уходил живым. Генерала выкупили, конечно, но вряд ли это можно назвать жизнью.

Лорд зашел в камеру и бросил на скамью, на которой сидел иссохший старик, фотографию.

— А я нашел твою Семечку. Да, друг. Нашел. Или ты думал, что ей удастся скрыться от меня?

Старик не отреагировал. Продолжал смотреть в стену.

— Молчишь? Молчи. Знаешь же — нам не страшна жажда, нам не страшен голод, нас это не убивает. Ты будешь сидеть тут вечно... Только я нашел твою Семечку.

Старик сохранял молчание.

— Нельзя идти против правил. Нельзя. Никому. Даже моему другу нельзя, уж прости.

Он пальцем чуть придвинул фотографию.

— Не хочешь посмотреть, какой она стала?

Старик молчал.

— Что ж... Не хочешь — твое право. Даже не знаю, что противнее в твоей дочери — её неприкрытая глупость, с которой она демонстрирует свои таланты, выдавшие её, или то, что она спуталась с оборотнями? Она ждет ребенка, кстати. Но я этого не допущу.

Рывок старика был молниеносен. Он все так же беззвучно вцепился руками в шею лорда, удушая того. Не убьет. Но держать будет долго — его лишь трое охранников оттащат от лорда.

Глава 33. Буря и её последствия

Ник махом пронеслась через продолжавшую сходить с ума от хаоса зону, останавливаясь у поста на той стороне зоны — здесь стража не было, пост автоматически управлялся со стороны деревни. Сейчас проезд был затянут Границей — её уберет, открывая проезд, код со спецпропуска. Видимо, в Двадцать первом округе сложновато со стражами — что в Сорок первом, что в Третьем округах автоматические посты стояли только в недоступных для людей местах. И даааа, стражи — нелюди. Никогда не знаешь, где потребуется войти в зону. Можно, конечно, при экстренной необходимости делать незапланированный вход, но это всегда чревато возможностью полностью обвалить Границу.

Небеса продолжали грохотать, деревья скручивал хаос, сгустки плазмы легко прошивали Границу, взрываясь уже за ней. По-хорошему, тут не усиливать Границу надо, тут её переносить надо — небезопасно же! Ник задумалась — надо сообщить о происходящем в Лигу округов, пусть решают там, раз местные власти на такое не способны. Пост манил к себе голубыми небесами и белыми облаками, но Ник все же ловец. Это не только глупые устаревшие законы. Это ответственность перед людьми. Если сюда прилетают такие отголоски штормов, то что творится в зоне триста два? Что происходит в бывшем Двадцатом округе, оказавшемся слишком неприступным во время войны, что его оказалось проще стереть с лица земли? Ник смутно помнила с уроков Карлоса, что там жила народность до сих пор придерживающаяся принципов кровной мести, там жили люди, стоявшие до последнего бойца...

— В конце концов, что я теряю? Дом даже из зоны в любой момент вернет меня в Либорайо. Проедусь чуть-чуть вдоль Границы, посмотрю издали на Двадцатый округ...

Дом молчал. Он всегда молчал, но мотор бы не завелся, если он был категорически против.

— До следующего поста между зонами триста один и триста два, — уговорила себя Ник и медленно тронулась с места, выезжая на простую грунтовку, тянущуюся вдоль Границы — её проложили стражи для ежемесячных инспекций её состояния.

Стучали серые капли хаоса по стеклу, растекались грязными кляксами, слетали прочь от стеклоочистителей. Шуршали шины, под ними что-то взрывалось и грохотало. Цвет небес медленно менялся с бордового на противно-лиловый — признак продолжительного шторма. Вдалеке вспыхивали алые молнии магии, разлетались в стороны — и вверх, в небеса, и в истерзанную землю. Куски земли — целые острова с повисшими корнями деревьев — отрывались от земли и летели прочь, сталкивались, рассыпались, сплетались воедино, падали обратно на землю... Буйство магического шторма поражало — хотелось выйти прочь и почувствовать его на себе. Нет уж — уже прочувствовала, когда спасала мальчишку... Только ж половинке души, извращенно-фейской не прикажешь. Прав в чем-то Мигель, ей надо прятать то, что есть в ней от фейри. Чужое это и ненужное.

За окном взвыл голодно ветер, сильнее сталкивая летящие острова и, словно пастух, гоня их куда-то на восток. Ник сглотнула — снова что-то засвербело в спине, призывая к полету. Что-то тянуло вверх, вслед за островами, вслед за молниями, вслед за ветром. Ник спешно закрыла окно — не хватало только улететь неизвестно куда и неизвестно зачем. Причем генетическая карта и здравый смысл были против драконов и прочих летающих.

Она ехала и ехала, а зона все не кончалась. Ник даже остановилась и включила интер, чтобы посмотреть карту — кажется, местные километры знатно пошутили над ней, она уже давно должна была упереться в Границу между зонами.

Интер не включался. Шипел серым сенсорный экран, мигал значок сигнала — кажется, не надо было экономить на интересе. Эта модель буйства шторма не оценила.

На второй день путешествия Ник поняла, что Границы между зонами не было — рухнула, наверное, под натиском шторма. Оставалось надеяться, что пост между зонами был автоматический и страж не попал в сердце шторма... Самой Ник оставалось ехать дальше и дальше, пока не наткнется на пост между округами. Он должен быть, просто обязан существовать.

На третий день шторма, когда Ник отважилась высунуться из дома для зарядки амулетов, разряженных еще Эваном, одна из молний взорвалась слишком близко — ослепляя и оглушая Ник. Кажется, она даже сознание на миг потеряла, потому что потом... Она открыла глаза и с удивлением вместо своего ладного, старательно отремонтированного, красивого, шестиосного автодома увидела старую двухосную развалюху, которую когда-то купила на подъемные из школы ловцов в качестве своего первого дома.

— Как там Арано говорит? — Ник подняла глаза вверх, в пламенеющие в буквальном смысле небеса и заорала: — да твою же маааааать!!!

Фейри-блок сжатого пространства полетел от одного прорвавшегося через защиту спрайта. Или капли хаоса. Или искры. Гадать можно было бесконечно и глупо. Ясно было только одно — тащиться до поста, а потом и до ближайшей мастерской придется своим ходом.

Из зоны триста два Ник вырвалась только через две недели, проклиная собственную самоуверенность.

Лорд спешил вниз, в самое сердце Холма. Он спешил к другу, который его не ждал. Весть того стоила. Хорошая весть.

Он с кривой ухмылкой бросил прямо поверх так и не тронутой фотографии девушки, новый снимок.

— Смотри!

Старик не пошевелился. Ему это было неинтересно.

— Не хочешь — не смотри. Сам скажу. Твою Семечку нашли. Она никогда не взойдет. Ни-ког-да. Это я тебе обещаю.

Старик молчал. Ни один мускул не дрогнул у него на лице.

— Друг... Знаешь, что это значит? — он продолжил сам после продолжительной паузы: — Это значит, что причин для твоего наказания больше нет. Скоро Короткая ночь, и ты получишь прощение Королевы. Ты оступился, получил наказание и заслужил прощение. И еще... Мстить тебе некому — я сам покарал того, кто уничтожил твою Семечку. Никому не позволено поднимать руку на леди. Даже если это приказал лорд. Забавно, да?.. Скажи хоть что-нибудь.

Старик продолжал молчать.

Лорд усмехнулся:

— А ты когда-то говорил, что я не умею дружить. Я твой единственный друг. Единственный, кто не отвернулся от тебя. Единственный, кто добился для тебя свободы, друг. Из Холма наказаний живыми не выходят. А ты выйдешь, потому что мне дорога твоя жизнь и твоя дружба. Лорды умеют дружить — я это доказал.

Старик поднял на него глаза:

— Это не дружба...

Лорд скривился:

— Как хочешь. Ты совершил ошибку — я нашел её и покарал, как она того заслужила. А тебя ждет свобода — я добьюсь её для тебя уже этим летом. И не бойся — я тщательно зачистил все, что связано с Семечкой — никто не знает о ней, больше никогда тебя не заденут с недостойной лорда связью.

— Это не связь... Это была любовь...

— Любовь? Любовь с отвратительным полиморфом, который не помнит даже кем был изначально?

— Любовь с самой прекрасной женщиной на свете.

Лорд подался вперед, наклоняясь к лицу старика:

— Напоминаю. Эта женщина продала твоего ребенка в биологическую лабораторию, и хвала крови Холмов я тогда успел вовремя. Я уничтожил лабораторию до того, как она заработала. Ты говоришь, что я не понимаю слово «дружба». Мой друг, ты не понимаешь слово «любовь». Уж поверь.

Ник, вытянув ноги, сидела в кафе на центральной площади столицы Двадцать первого округа и пыталась наслаждаться жизнью. Поводов для наслаждения у неё было много — она спустя две недели дрянных дорог добралась-таки до Фратерниса, она выполнила свое обещание — послала Лину открытки с каждой встречающейся почты в качестве извинений за вынужденную двухнедельную тишину и у неё оставалась всего неделя пути между Фратернисом и Либорайо. Чинить её сломанный фейри-блок, её дышащую на ладан плиту и барахлящий холодильник вместе с молчащим интером отказались даже в столичных мастерских. Вот так вот. Один мастер честно сказал:

— Да отправьте это обратно в фейри-мастерские! Никто вам не починит фейри-технику. Знаете, какие нам рекомендации присылают по ремонту? «Проверьте кнопку 'Вкл-выкл», чтобы она была в положении «Вкл.», проверьте шнур питания, чтобы он был подключен в рабочую розетку. Если данные методы ремонта не помогли — отправляйте в фейри-мастерскую.» Вот так-то, синьорина! Когда-то мы летали на самолетах... Когда-то столицы были связаны друг с другом железнодорожным сообщением... От Фратерниса до Либорайо было всего два дня пути на экспрессе. А еще были огромные океанические лайнеры... Сейчас этого ничего нет. И все почему? Потому что фейри поперек горла было наше железо, опутавшее земли и сдерживающее их. Зато сейчас есть Границы, разобщенное человечество, как мантру произносящее слова 'Лишь бы не новая война!', и полностью неподвластная нам фейри-техника. Захоти фейри поставить нас на колени — уже завтра умрут интеры, экспресс-доставки, автомобили, ультры, телевизоры и компьютеры. И что-то мне подсказывает, что в этот раз люди не полезут в бой, а поползут в Холмы за привычными благами... Вот так-то, синьорина... И не смотрите так, я из бывшего Двадцатого, все никак не могу привыкнуть к местным правилам...

Ник пришлось смириться, что добираться придется привычно колесами по дороге. Зато всего неделя осталась между ней и Либорайо! Только радоваться не получалось.

Несмотря на весенний вечер, обычно чудесный в любом уголке мира — ведь сложно испортить весну, несмотря на горячий кофе и круассан, несмотря на бурлящую площадь, радоваться было трудно. Если внимательнее присмотреться к Двадцать первому округу, то он казался пыльным, грязным, неухоженным, на него как саван погребальный надели.

Чахлая трава на газонах, больные деревья, ветер с примесью увядания, несмеющиеся дети, обгрызенные тени — в свои худшие дни Эван и то оптимистичнее выглядел. Хотя у Эвана была фора — кофе, блинчики и совершенно потрясающий голый торс. Словно на весь Двадцать первый округ в отместку за Джонса натравили душеедку. Или прокляли. Только Ник не знала — бывают ли такие большие душеедки или огромные проклятья. Фейри, кстати, так рвущиеся к власти в округе во время войны, сейчас тут отсутствовали. Полностью.

Ник вздохнула — прав был Брендон, когда говорил, что в Либорайо еще все хорошо. Да Либорайо — рай, как ни глуп был каламбур. Здесь же, даже в столице, до сих пор вздымались вверх развалины — их так и не смогли разобрать. Сама же столица, точнее то, что от неё осталось, была по размерам ничуть не больше Алисо — несколько аллей, пара парков и вершина цивилизации — один на всю столицу развлекательный центр. Ник как раз сейчас на него смотрела — там должна быть почта. Сходить, что ли, отправить очередную открытку Лину, предупреждая, что вернется через неделю? Вернется и порадует, что он бешенный и заразный. М-да. Тут и думалось только о плохом. Мысли крутились и крутились только об одном — Лин заразен, его надо уничтожить... Уж лучше она себя уничтожит, чем Лина, вот точно. О ней, хотя бы, никто жалеть не будет. Ну, сгинула и сгинула, ловец же, им не всегда везет.

Глава 34. Я не фейри

Ник залпом допила кофе, сейчас отчаянно горький и невкусный, собралась с силами и направилась в сторону развлекательного центра. Жаль, не учла время — кажется, там закончился сеанс кино, и сейчас из дверей центра хлынула волна женщин и детей, сметающая все на своем пути.

Ник встала в стороне от двери, и потому заметила, как вырвался из узкого проема рыжий мальчишка, как он заметался по широким ступеням крыльца, кого-то ища и не находя, как попытался прорваться обратно, исчезая в толпе, как над людьми понесся испуганный женский крик:

— Марковка! Марковка! Не убегай! Подожди меня!!!

Ник рванула через толпу, хватая рыжего мальчишку за руку и замирая, несмотря на толкающуюся и ругающуюся толпу, — на неё смотрел совсем маленький Осень. Рыжий, веснушчатый, с огромными ресницами и ярко-голубыми глазами, еще доверчиво смотрящими на мир, знакомый аромат её... Ой, уже не её Осени — его ни с чем не перепутать.

— Это ты Марковка? Пойдем в сторону, чтобы не затоптали...

Мальчик качнул головой:

— Мне нельзя уходить с чужими...

Ник важно кивнула:

— Нельзя — это точно. И ты не уходи — только отойди чуть-чуть в сторону.

Мальчишка нахмурился и внезапно рванул обратно в заметно поредевшую толпу. Он прорвался в холл центра и бросился к женщине лет тридцати пяти, а то и старше, одетой в джинсы, легкую блузку и светлый пыльник. Только от пыли он не защищал... Ник спешно пошла за мальчишкой — знала, что упускать его нельзя ни за что. Брендон заслужил знать о сыне.

Женщина заступила Ник дорогу, боком прикрывая обхватившего её руками за талию Марковку:

— Простите, вам что-то нужно от моего сына? Я позову стражу.

Ник старательно улыбнулась ей, хоть хотелось плакать — тень от женщины была совсем изъедена непонятной магией, и сердце еле-еле билось в груди, хоть трещины и душеедки не было. Женщина, как все в Двадцать первом округе, была щедро посыпана пылью и пахла тленом. Ей осталось совсем немного — она сильно постарела, а ведь красивая была когда-то — каштановые волосы, правильное лицо, бледная кожа, сейчас вся в щедрых преждевременных морщинах, ясные голубые глаза — жаль, погрузиться в них и прочитать, что же с ней случилось, у Ник не вышло.

— Не надо звать стражу, пожалуйста. Я лишь хочу поговорить.

Женщина сухо сказала:

— Мне не о чем говорить с вами.

Ник взглядом показала на Марка:

— Я бы хотела...

Женщина спешно достала пару монеток из кармана пыльника и дала сыну:

— Сходи, сыграй на автоматах, пока мы тут с мадму...

— Меня зовут Ник Доу.

— ...азель поговорим, — проигнорировала её слова женщина. Она чуть поправила полу пыльника специально показывая Ник кобуру на поясе джинсов. — Намек понят? Там железные пули. У вас пара минут.

Ник понравилась прямота женщины и её способность защитить себя и сына. Жаль, с магией она была не в состоянии справиться.

— Я хорошая знакомая Брендона Джонса. Я знаю Осень.

Женщина бесстрастно сказала:

— С чем вас и поздравляю. Знать один из сезонов года следует обязательно. Но как это касается меня?

— Мне кажется, что ваш сын отчаянно похож....

— Всем всегда что-то кажется. Мой сын — только мой. И похож он на меня. А вы, если хотите продолжить беседу, сперва скажите: «Я не фейри!».

Ник кивнула:

— Справедливое требование — Брендон долгие годы был в их плену.

— Мне все равно у кого был в плену ваш знакомый. Я не понимаю, причем тут я и мой сын. И вы так и не сказали, что вы не фейри.

— Я не... — и тут впервые в жизни язык Ник прирос к нёбу, не сдвигаясь. Она всегда так легко врала. Ей всегда сходила с рук любая ложь, и почему же именно сейчас язык ей не повиновался? И, главное, как не вовремя! Или она никогда не говорила, что не фейри? — Я... Ловец, а ловцы не бывают фейри. — попыталась выкрутиться она.

Женщина закачала головой:

— Не пойдет. Хотя должна признать — попытка интересная.

Ник спешно достала из-под худи свой знак ловца:

— Видите? Он настоящий. Я ловец, ловцы не бывают фейри.

Женщина растянула сухие губы в улыбке:

— Я человек. И не могу проверить ваш знак — для меня он нейтрален, настолько я знаю.

— Такие знаки не подделывают.

Женщина махнула рукой:

— Оставьте! Что только сейчас не подделывают! И говорю вам последний раз — нам нечего обсуждать. Особенно Брендона Джонса.

Ник в отчаянии выдавила:

— Он имеет право знать, что у него растет сын.

— Сын? Забавные вы... Который год кругами ходите, спрашиваете о Брендоне Джонсе... Так я и не отрицаю — я была в его отряде. Простой медтехник. Не более того. Больше мне нечего сказать о нем. Абсолютно нечего. И не смотрите так — я попала под амнистию фейри, когда Генерал сдался.

Ник улыбнулась:

— Он терпеть не может это прозвище. Он Осень — это его настоящий позывной.

— И опять — зачем вы мне это сообщаете? Я медтехник, я не участвовала в боях, я не знаю ни одного позывного — они меня не касались. И я даже знаю ваш следующий шаг — сейчас вы начнете мне рассказывать о родинках и шрамах, которые якобы я должна знать и которые по секрету вам сообщил сам Джонс. Вы будете сыпать какими-то странными якобы общими для нас с ним воспоминаниями... Общими фактами... Факт один — Марк только мой сын. Я никогда не состояла в отношениях с Джонсом. И отца Марка я не знаю — война

была. Нашла бы — лично прибила бы. Понятно?

Ник не удержалась, взъерошила свои волосы, как делает Лин:

— То есть... Мне вас не убедить?

— В том, что вы знаете отца моего ребенка? Нет. Я сама его не знаю — откуда бы вам это знать? Марковка только мой. На этом давайте прощаться. Хотя с ловцом задумка была зачетная — мне даже понравилось.

— Простите... Э... Я не знаю вашего имени...

Женщина рассмеялась:

— Готовиться надо лучше к заданию.

— У вас есть интeр?

— Я похожа на человека, который пользуется технологиями врага?

Ник выдохнула и призналась:

— Я поняла, почему Осень выбрал именно вас... Вы умница...

— Спасибо...

— Дайте мне хоть капельку доверия...

— Условие тоже — скажите: я не фейри.

— Пройдемте на почту, прошу... Там же есть интeр-связь? Я сама её оплачу.

— И кому же мы будем звонить?

— Мистеру Мигелю Пересу, лучшему другу Брендона. Его же клан гарант вашей свободы? Вот ему и позвоните, спросите о Брендоне. Быть может, его самого позовут к интeру... Прошууу...

Женщина подернула вверх рукав пыльника, посмотрела на старые военные часы — двойник тех, что носил Брендон, и с неискренним сожалением в голосе сказала:

— Простите, но почта уже закрылась.

Ник пальцем указала на запястье женщины:

— У Брендона такие же часы. Он ими очень дорожит.

— Рада за его! Честное слово — рада. И передайте своему начальству — хватит уже. Любому ясно, что в плену, под пытками чего только не придумаешь и не расскажешь... Мой ребенок — только мой. И я нахожусь под защитой клана Переса — тронуть вы меня не можете.

К ним, держа смущенного Марковку за руку, подошел молодой мужчина в форме стража:

— Проблемы, мадам?

— Мадмуазель, — поправила его женщина. — И, извините, если мой сын доставил проблемы на игровой площадке. Я должна какой-то штраф?

— Нет, мадмуазель, просто он стоял в одиночестве, я и подошел к нему. Все точно хорошо? — взгляд молодого оборотня задержался на знаке ловца, а потом и на лице Ник.

Женщина, беря Марка за руку и заставляя Ник скрипеть зубами от бессилия, сказала:

— Все хорошо. И извините, нам пора... Приятно было познакомиться, ловец. Адёё.

Она пошла прочь. Ник выругалась про себя — она понимала, почему Брендон выбрал её, как бы эту женщину не звали. И её надо было срочно спасать — долго она не протянет. Как и Марковка. Как и весь Двадцать первый округ...

Страж напомнил о себе:

— Мадам? Все хорошо?

Ник тоже поправила его:

— Мадмуазель, и все просто отвратительно плохо... — она прикусила губу, потом вспомнила, что Лину это не нравится. — Что значит «адъё»?

Страж дежурно улыбнулся, становясь похож на енота:

— Первый раз у нас в округе?.. Это значит «прощайте». Пусть фейрияз победил, пусть все округа перешли на него, но местные еще пытаются помнить свой родной язык. Так... — он как-то странно всматривался в её лицо, заставляя Ник нервничать, — я могу вам чем-то помочь?

Она заставила себя улыбнуться:

— Спасибо, но я в помощи не нуждаюсь... До свидания... — она пошла прочь из центра. Оркский, так не вовремя сломавшийся дом! Оркский интер, отказывающийся работать! Оркский фейри в её предках!!! И вообще рогатые фейри!!! Проще нежить упокоить, чем добиться доверия у защищающей своего ребенка матери.

Ник в сумерках вернулась в автодом, припаркованный на окраине — за ним уже уходили в небеса не разобранные остовы домов. Она закрыла дверь, прислонилась спиной к стене и взмолилась:

— Домик, прошу... Ну оживи как-нибудь... Пожалуйста... Мне нужно срочно вернуться в Либорайо. Очень срочно!

Протиснувшись мимо огромного холодильника и плиты, занимавших в небольшом пространстве дома чуть ли не все место, она с тоской посмотрела на датчик уровня чистой воды и решила, что сегодня опять останется без душа. Ник скинула с себя обувь, поменяла худи на футболку Лина и легла спать на неудобной, узкой кровати, укрываясь сразу двумя чуть отсыревшими одеялами — ночи были до сих пор холодными, а отопление барахлило. А когда-то этот дом для только-только обретшей свободу после школы ловцов девчонки был просторным, уютным и теплым. Слишком легко привыкаем к хорошему, слишком трудно смиряемся с лишениями.

Ник пробормотала в подушку:

— Чтоб тебя, Маки, орки покусали за хвост — провидец хренов...

Самое обидное — алхимическая батарея работала как раз хорошо. Это сломалась остальная начинка дома.

Глава 35. Визит стража

Утро началось...

Ник даже вздрогнула, ничего не понимая.

Утро началось со звонка давно как почившего интера.

Ник, лежа в своей большой, мягкой, удобной кровати в своей месяц как исчезнувшей спальне ненавистно прошептала в потолок:

— Знаешь, а ты сволочь, дом! Я все же попрошу Брендона тобой заняться!

Она взяла трубку, не обращая внимания на номер — все равно она ни одного не знает.

Где-то далеко, в подвалах Холмов включилась автоматическая запись разговора — все звонки интер-связи отслеживались. Еще недавно о звонке на этот номер доложили бы лорду Холма наказаний, но две недели назад все, кто отслеживал этот номер и знал о нем, таинственно исчезли. Новых распоряжений не поступало, и потому запись будет автоматически уничтожена через месяц. Если в ней не прозвучит кодовых слов, требующих доклада лордам.

— Алло, Доу слушаю...

А в ответ прозвучал самый дорогой голос на свете:

— Доброе утро, Ник!

Она лишь смогла выдавить из себя:

— Лиинииин... — странные, глупые слезы комком подкатили к горлу. На заднем плане на фоне непонятного шороха и стука в интере раздались крики:

— Он знал!

— Да не знал он — угадал, но как четко!

— Да вашу мааааать, ну как так?! Знать и не звонить!!! Ники, выбирай меня — Лист идиот!!!

Она рассмеялась от таких родных, знакомых голосов:

— Лин, ты там не один?

Он спокойно пояснил:

— Тут Брендон, Рик и Аик. Я...

Ник оборвала его:

— Я так скучала... Ты бы только знал... Надо было вместо той глупой открытки с загадкой просто отправить тебе номер интера.

Заглушая чуть хриловатый, такой теплый голос Лина, раздались новые крики:

— Девочка! А уж как мы скучали! Плакали, обнюхивали твои открытки и снова рыдали!

— Упаси меня небеса, обнюхивать чьи-то открытки! Но, Ники, мы действительно скучали. Не сбегай от нас надолго — мы пугаемся...

— ...до ужаса, Ники, твою же мать!

Лин ворчливо сказал:

— Все-все, успокоились... Ник, я тоже ску...

Его снова перекрыл рык Арано:

— Он не скучал! Он страдал и рыдал на моем плече! А мне нельзя простывать! И, девочка, ты бы знала — как этот матерый лигр тебя любит!

Вмешался явно Дин — слишком тихо звучал голос:

— Утес, угомонись — грачевник прошел. И Лин как-нибудь сам расскажет Ник о своих

чувствах — если ты ему дашь хоть чуть-чуть вклиниться в твои вопли.

Ник рассмеялась:

— Рогатые орки, как же я вас всех люблю! Я сегодня вечером возвращаюсь из Фратерниса в Либорайо... У меня такой ворох новостей, и к сожалению, не все хорошие... Никуда не разбегайтесь — я скоро...

Лин тихо рассмеялся:

— Ник, мы едем по делам в Двадцать первый округ — через Фратернис как раз. Будем там через...

Голос Брендона подсказал:

— Через восемь... — Потом раздался визг тормозов, щелчок считывания кода со спецпропуска, и Брендон поправился, — через пять часов приблизительно.

— Да твою же мааааать, клыкастый, тут такая магическая буря! Ахренеть! Где моя ультра?!

Айк фыркнул:

— В багажнике...

Лин, не обращая внимания на вопли, все так же тепло продолжил:

— ... будем в столице через пять часов. Тебя... навестить?

Ник возмутилась:

— И ты еще спрашиваешь?! Буду ждать, конечно же! И я припарковалась на улице Пэйкс в самом конце её, только местные почему-то называют улицу Пэ. Ленъ, что ли, читать лишние буквы? Тогда почему не ленъ их писать?!

Брендон рассмеялся:

— Это улица Мира, Ники. Найдем...

Лин подтвердил:

— Приедем, Ник... Скоро будем...

Ник еле слышно прошептала:

— Лин, я тебя люблю...

На той стороне канала связи повисла тишина, а потом Лин так же еле слышно сказал:

— И я тебя люблю, малыш.

Концовку фразы заглушил дикий победный рев Арано — Айк не удержал свою ладонь, которой все это время старательно закрывал ему рот.

Ник рассмеялась и нажала кнопку разрыва связи. День обещал быть хорошим. Даже не так — ошеломительным!

Кодовые слова так и не прозвучали, и запись разговора отправилась в архив.

Первым делом Ник на час, не меньше, заняла душ — просто из мелкой мести дому, пусть где хочет берет чистую воду и греет её. Потом спешно навела уборку по дому — страшно сказать: месяц не убиралась! Потом проверила запасы в холодильнике, достала свой утешительный пирог от Лина и загрузила его в духовку — к приезду парней как раз оттает, останется лишь разогреть. Утешительные блинчики у неё давно закончились — еще в триста второй зоне. Потом... Она собиралась забежать в библиотеку — найти хоть что-то по обороне Двадцать первого округа и соратникам Брендона, но тут в дверь постучали.

Ник, не боясь, открыла дверь — кинжал всегда был при ней. Ну, почти всегда.

На пороге стоял вчерашний страж из развлекательного центра. Все в той же форме, усталый и мрачный. Кажется, сегодня он точно не спал. Под глазами залегли тени, что еще больше выдавало в нем енота. Темные, почти черные глаза в упор смотрели на Ник:

— Доброе утро, ловец Ник Доу. Это же ваше имя?

Ник кивнула:

— Да, это я. Что-то случилось?

— Мадмуазель Доу, я страж Верн из клана енотовых... Нам нужно поговорить... — замылся парень. Кажется, он знал о долге клана перед Ник и теперь не знал, как выкрутиться.

Ник шире распахнула дверь:

— Проходите.

Страж как-то отчаянно качнул головой:

— Лучше в кафе. Я не смогу с вами преломить хлеб.

— Я ловец, Верн. Для меня этот ритуал не имеет значения. Но я клянусь, что выпущу вас живым и здоровым из своего дома, если вы будете вести себя адекватно. Проходите и не бойтесь меня.

Страж снял с себя синюю пилотку, пригладил рукой короткий черный ежик волос и прошел в дом. Ник пригласила его на кухню — там был большой стол, там удобнее всего было разговаривать, да и не хотелось потом в гостиную наткнуться на чужой запах. Хотя енотовый несмотря на усталость и службу ночью пах ничего так, вполне терпимо. Наверное, гамма в клане или чуть ниже.

Верн послушно сел за стол, положил служебный кожаный планшет прямо перед собой и принялся любопытно осматриваться — Ник не стала одергивать его, знала, что это особенность его характера, как енота.

— Чай или кофе?

— Кофе, если не трудно.

Ник улыбнулась, забрасывая в кофемолку зерна:

— Трудное дежурство?

Верн наконец-то расцвел знаменитой енотовой улыбкой, за которую этим оборотням прощали все:

— Да нет, мадмуазель. Фратернис спокойный городок, сонный даже... Тут редко бывают неприятности.

— Вроде меня?

Он кивнул, соглашаясь:

— Вроде вас.

Ник набрала воды в турку и бросила туда молотый кофе, поставила на плиту, разворачиваясь к Верну. Руки она сложила на груди — её беспокоил предстоящий разговор. Скорей бы Лин приехал.

Верн позу оценил и просто спросил:

— Мадмуазель, я знаю про долг енотовых перед вами. И потому прошу об одном — уезжайте. Возвращайтесь в свой Либорайо или куда вы там стремились. Задержитесь тут, и я буду вынужден доложить о вас начальству.

— Я не признаю долгов. Я ловец. Это моя работа. Неужели вы каждому спасенному ставите долг, ведь вы же страж?

Парень чуть расслабился:

— Хорошо, что вы так относитесь к долгу. Спасибо, мне стало легче. Тогда... Ответьте на пару вопросов, пожалуйста.

— Страж Верн, вынуждена вас предупредить: если вы не объясните причину, по

которой вы устраиваете мне допрос, то ни один суд не примет ваши показания к рассмотрению. Вы обязаны объяснить мне причину вашего допроса — я не собираюсь себя оговаривать или оговаривать кого-то иного. Это азы вашей службы, Верн. Я знаю, что новые власти не так строго подходят к работе стражей, считая главным найти и догнать, но в судах еще сидят люди, а они дотошны в плане законов.

— Мадмуазель... Я...

Кофе поднялся пеной в турке и чуть не выплеснулся наружу, Ник отвлеклась на него:

— Пока я делаю кофе, у вас есть пара минут все хорошенько обдумать и начать правильно. Хотя сразу скажу — я не нарушала законов Двадцать первого округа. Я ловец, я сама рука закона.

Верн лишь сцепил зубы, так что желваки заходили — кажется, для него клановый долг все же значил слишком много.

— Мадмуазель Ник... — начал он, когда она поставила перед ним чашку с кофе и тарелку с печеньем. — Вы не любите свою профессию?

Ник села напротив него:

— Забавное начало. Я не выбирала сама, чем мне заниматься, это сделали за меня, но я никогда не жалела о спасенных жизнях — вот этим мне нравится моя работа. Надеюсь, вам тоже нравится ваша служба — спасать чужие жизни.

— Все же ваша служба — нечто иное.

— Не сказала бы. — улыбнулась Ник, делая первый глоток кофе — утро было замечательное, скоро должен был приехать Лин, и кофе получился преотменный, его даже непонятный енот не испортил.

— Я могу спросить: когда и где именно вы покинули зону триста один?

— Можете, тут нет тайны — я покинула зону триста один где-то в районе перехода её в зону триста два. Там я колесила без толку две недели — была шикарная магическая буря, сломавшая у меня все приборы в автодоме. Вырвалась я из зоны триста два первого первоцвета через автоматический пост в районе деревни Бриш.

Енот выругался, отставляя в сторону чашку с кофе:

— Вкусно, но...

— Скажите, в чем вы меня подозреваете?

Он открыл свой планшет и достал фото... Самой Ник... Отвратительно мертвой самой Ник.

Она выругалась вслед за стражем, рассматривая фотографию:

— ...вот это неожиданность... О, рогатые орки... Приезд Лина с парнями! — мысли странно метались в голове, и ведь Лин ни словом не попрекнул её за то, что заставила волноваться...

Верн пояснил:

— Убитую опознали как ловца Ник Доу, о чем сообщили в Третий, а потом и в Сорок первый округа. Собственно, поэтому я и спрашивал — насколько вам ненавистна ваша работа... Вы больше не ловец. Ваш номер, знак и кинжал аннулированы...

— И где её убили...?

Он внимательно рассматривал Ник:

— Только из-за долга енотовых перед вами...

Она оборвала его:

— Прекратите! Вы страж, какой к рогатым оркам долг?!

— Её убили приблизительно третьего первоцвета, плюс-минус три дня, точнее наши эксперты сказать не могут. Тело нашли в зоне триста два в районе деревни Арс-ан-Пэ. Вы не доехали, по вашим словам, до неё всего один пост.

Ник вернула Верну фотографию:

— То есть... Вы думаете, что её убила я? Из-за ненависти к своей работе? Я ловец! И рогатые орки меня побери, я частенько рыдала в подушку, ненавидя все, но первые спасенные меня научили гордиться собой.

— Мадмуазель Ник... Я оборотень, и вы — оборотень. Я... Полностью понимаю вас. Если бы меня... Если бы меня насильно сделали ловцом, я бы ненавидел свою работу и всеми силами пытался освободиться.

Ник криво усмехнулась:

— Убийство входит в ваше понятие «всеми силами»? — она пыталась прогнать мысли, что сегодня пятнадцатое первоцвета, что у Лина были страшные полторы недели, когда он думал, что она мертва, что... Рогатые орки, и ведь даже не намекнул и не упрекнул...

— Нет, убийство не входит, но я понимаю, что у каждого свой выбор и своя судьба, мадмуазель. Я не могу вас осуждать.

— Я не убивала, страж Верн... И пусть я не могу представить вам мой маршрут — шторм в зоне сломал все приборы в моем автодоме, но мою поездку легко восстановить по показаниям почтарей. В каждом населенном пункте я останавливалась на почте и отсылала открытки капитану Росси из Седьмого штурм-отряда Либорайо и Брендону Джонсу. Впрочем, для вас Джонс, наверное, не авторитет... Они как раз едут сюда в Фратернис, будут после обеда, вы сможете с ними переговорить...

— Брендон Джонс? Тот самый Генерал? — Ник удивилась тону Верна — он не был презрительным, а очень даже заинтересованным. Хотя, казалось бы, на войне они были по разные стороны фронта.

— Да, вы правильно поняли — тот самый. А что?

Страж потянулся к тарелочке и впервые за все время взял с неё печенье.

— Я восхищаюсь Джонсом, к вашему сведению. Как и большинство жителей Округа.

Ник подалась вперед, опираясь локтями на стол:

— Неожиданно! Объясните?

Верн мягко рассмеялся, от его улыбки и озорных глаз хотелось расплыться умильной лужицей.

— Он очень умный. Даже хитрый, как енот... Вы видели за свою поездку хоть одного фейри в округе?

— Нет, и меня это насторожило.

— Это из-за Джонса тут нет фейри. Они дрались за округ, они рвались сюда за залежами серебра... Да, да, да, союзники по войне прозорливо пытались отхватить нужные им ресурсы для новой войны. Мы, оборотни, до сих пор крайне чувствительны к серебру. Но во всем округе после войны не прижился ни один фейри. И это заслуга Джонса. Он еще в последний год осады округа разработал планы по восстановлению полей после войны, чтобы избежать голода. И после падения округа новые власти разрешили эту программу — что такого страшного в сидератах? Тем более, что семена уже были заготовлены и даже разосланы... А фейри очень заботятся о земле и полях... — Он улыбнулся и сделал глоток кофе, — вкусно, очень.

Ник призналась:

— Это потому, что настроение хорошее, Верн. Так что там с сидератами?

— Это такие растения, которые специально сажают для обогащения почвы азотом — для повышения урожайности... И одним из сидератов является клевер... — он внимательно смотрел за эмоциями Ник. — Да-да, вы правильно все поняли.

Она ахнула и заливисто рассмеялась:

— Брендон говорил, что мстительный, а я не верила!

Верн хмыкнул:

— Самое страшное для фейри оказалось то, что семена клевера были магически обработаны и давали стабильно по четыре листа. Первое время клевер пытались жечь, пытались уничтожить химикатами, но он упрямо прорастал и прорастал... Фейри в округе не продержались и полугодом. У клевера при всем прочем потрясающая всхожесть — уже через неделю после посадки семян. Вот что значит — хорошо позаботиться о сельском хозяйстве. Так что... Фейри ушли, и сюда пришли мы — нам не нужна новая война, Ник. Мы уживаемся с людьми, мы уважаем их, потому что знаем — если не приживемся мы, то сюда придут вампиры. Они легче переносят серебро. У них оно вызывает только ожоги, когда как мы умираем. — Он вновь повторился: — Так что... Я поверю словам Джонса и Росси об открытках, мадмуазель. Я найду вечером и переговорю с ними. И мой вам совет, мадмуазель... В школу ловцов сообщили о вашей гибели, вы свободны. Смените имя, смените номер автодома, скройтесь... Вас не найдут и больше не заставят убивать соплеменников. — Верн встал, — всего вам доброго, увидимся вечером, мадмуазель...

Ник только и оставалось, что смотреть ему в спину и бояться за закон — кланы ни фига не прогрессивно. Кланов и их понятия долга — мрак.

Она откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Значит, её кошмар, в котором она была в зеркальной комнате и видела свои отражения... Совсем не кошмар? Она видела не свои отражения, не саму себя, а... сестру? У неё есть... Была... сестра. Или, даже может, сестры.

Ник ладонями с усилием протерла лицо — у неё был не только кто-то родной, прячущийся за номером «Принц должен уметь», но и сестры. Или сестра. Надо рискнуть и позвонить все же по номеру интера в Десятый округ, пока она не потеряла еще кого-то...

Она еле слышно сказала:

— Дом, ты знал о моей сестре?

Ответом всегда была тишина. Дом никогда не отвечал.

— Мы из-за неё ехали туда? Или...

Ник снова прикрыла глаза — нет, подозревать дом в том, что он подставил незнакомую Ник девушку, странно. За рулем все же была она. Она вела дом, а не дом вел её, как в случае с Пятым округом.

Дом молчал, он был слишком древним Убежищем. Он пережил собственную смерть и сейчас усиленно возрождался из капли крови, которую Семечка на ладони забрала с собой. И он был слишком фейри — выбирая между оригиналом и копиями, он всегда выберет оригинал. Жизни остальных неважны. И если на него опять навесят поисковый маячок, как было в зоне триста один, он вновь приведет к копии, подставляя её, а не Семечку, благо, что копий хватает. Главное, нарастить мощности — в этот раз, уходя от фейри, пришлось задействовать все свои силы, отключая все, что можно. Было жаль, что выбирая между разбирающимся в устройстве Убежища вампиром его подопечная выбрала совершенно не пригодного в хозяйстве оборотня.

Глава 36. Надо спасать Брендона!

Во входную дверь постучали, и Ник заставила себя улыбаться — кто бы ни пришел, он не виноват в её проблемах. Она поправила одежду — короткую розовую водолазку, оголяющую живот, и шорты — и рукой прошлась по волосам. Будем считать, что к новым гостям она готова.

Она открыла дверь и... Замерла, растеряв все слова. На пороге стоял Лин — чуть усталый, чуть невыспавшийся, чуть хмурый и абсолютно родной. В простых джинсах и футболке с длинным рукавом, ни сумки, ни вещмешка, ничего...

— Ник... — Он легко поднялся по ступенькам крыльца и остановился, закрывая дверь. Рукой привычно поправил чуть отросший ежик волос — оброс где-то. Немного схуднул — это было заметно, обычно футболки плотно облевали его, а эта болталась. Видимо, Мигель его где-то бессовестно загонял, в какой-нибудь интересной зоне. Даже обидно стало — её Мигель никуда не пускал...

— Ник?

Она просто сделала шаг ему навстречу и прижалась к Лину, так крепко, настолько хватало её сил. Она устала быть одна, и сейчас её одиночество закончилось. Вновь закончилось. Даже слова нашлись:

— Лиинин... Ты приехал... — Она потянулась на цыпочках, утыкаясь носом в основание его шеи, и вдыхала такой нужной, такой теплой, такой родной аромат дерева и весенней земли.

Лин мягко рассмеялся ей в макушку, а потом поцеловал в висок:

— Ник, я тоже очень скучал... — он подхватил Ник на руки, пронес в гостиную и сел на диван, обнимая её. Дом, паршивец, тут же зажег камин и свечи, хоть терпеть их не может.

— Как хорошо, что ты тут... — прошептала Ник. — Мне так много надо тебе рассказать...

Он серьезно заглянул ей в глаза:

— Все хорошо? С тобой все в порядке?

Ник кивнула и быстро призналась:

— Я жду ребенка. — Сколько можно скрывать, оборотни все равно уже по запаху все чувят. Лину будет обидно, что она молчит и скрывает от него.

Он медленно сказал:

— Я думал, что это должно звучать несколько иначе, Ник.

Она замерла, подозревая, что худшие её кошмары все же вполне могут воплотиться в жизнь. Неужели она все же ошиблась? Неужели... Она прикусила губу, и чуть заглубивший палец Лина тут же прошелся по ней:

— Не надо...

— Лин... Ты не веришь в меня? Или ты не веришь в се...

Он приложил указательный палец к её губам:

— Шшш! Я не об этом, Ник. Просто мне всегда казалось, что это звучит как-то так: мы ждем ребенка.

— Ты беременный?! — не удержалась Ник.

Лин залиvisto рассмеялся:

— В таком меня еще не подозревали... — Он стал слишком серьезным: — А, можно, я

тоже буду ждать дитя? Или...

Ник снова уткнулась ему в шею:

— Можно... Нужно... Обязательно нужно...

— Ты боялась мне сказать, Ник? Ты поэтому сбежала?

— Нет, не поэтому. Я просто устала сидеть без дела... Я... — нет, про его статус она не будет говорить. Уговорит Мигеля и запрется в какой-нибудь зоне, занимаясь её разгадкой. Переждет время до осени, не позоря Лина.

— Ясно. Значит...

Она насмешливо перебила его:

— Значит, ты по осени станешь отцом. Или когда там рождаются лигры... Ты не в курсе?

— Я думаю, что никто не в курсе, сколько длится беременность у фейри-лигра. Но не думаю, что это уж такая большая проблема из всех существующих.

Ник тут же сникла, вспоминая убийство в зоне:

— Лин, прости...

Он чуть наклонился, снова заглядывая ей в глаза:

— За что, малыш?

Она еле выдавила из себя:

— За то, что заставила волноваться... Сегодня заходил местный страж по поводу убийства девушки в зоне триста два... Он думал, что это я её убила. Он зайдет вечером — хочет переговорить с тобой.

Лин нахмурился:

— О, а местные не дремлют, хоть и копают не в ту сторону...

— Мне очень жаль, что ты думал...

Он прижал её к себе чуть сильнее:

— Ничего страшного, Ник, мы быстро разобрались с тем, что это не ты. Я поэтому и приехал сюда вместе с Айком и Риком — будем помогать в расследовании. Мигель договорился с местными стражами.

— А где они, кстати?! — Ник выпрямилась, и Лин с явной неохотой дал ей свободу.

— Они поехали в местное управление — оформляют все бумаги. Так только все будет готово — поедем дальше, в зону...

— Без меня?! — возмутилась Ник, но Лина таким было не пронять — он лишь улыбнулся:

— Если хочешь — присоединяйся.

— Конечно, хочу... Она была моя... Сестра. Наверное. Кстати... А Брендон? Он же тоже был с вами... Он сейчас где? У меня для него есть новости...

— Если ты о его семье, то как раз сейчас он у мадмуазель Вик Ош. Пытается помириться...

Ник вскочила с его коленей:

— Лин, ты знаешь адрес?

— Конечно, знаю, а что? — он удивленно приподнял бровь.

— Брендона надо спасти! Срочно-срочно-срочно!

Она подхватила с вешалки свою легкую куртку, одернула совсем задравшуюся водолазку и посмотрела на недоумевающего Лина, тем не менее поднявшегося с дивана и готового лететь за Ник хоть на край света:

— Вик — потрясающая женщина! Она его или с лестницы спустит, или пристрелит.

— Для Брендона это неопасно...

— Но для их отношений — да! Идееём! — она протянула ему руку и, когда его пальцы привычно переплелись с её, потянула Лина за собой на улицу. — Я даже знаю, что она ему скажет! Скажет, что он новообращенный вампир и потому подчиняется хозяину. Что хозяин скажет, то он и говорит... Она не поверит ни единому его слову, а если он будет настаивать — спустит с лестницы...

— Там нет лестницы. Это одноэтажный дом.

Ник захлопнула дверь автодома, сейчас почему-то веселенько зеленого и с хищными обводами корпуса, и обреченно сказала:

— Тогда точно пристрелит. Она не позволит никому узнать тайну их сына. Она знает, что фейри этого и ждут — признания... Ты бы видел, что фейри сделали с ней...

Лин, шагая по улице Мира в сторону центра, напомнил Ник:

— По договору с кланом Перес фейри ничего не могут сделать ни ей, ни кому бы то ни было из его отряда...

Ник уточнила:

— Но договор же не распространяется на весь округ?

Лин нахмурился, чуть ускоряя шаг:

— Тебе не кажется, что это немного слишком?

— Ты не знаешь, что сделал Брендон с округом...

— И что же? — Лин ловко лавировал среди немногочисленных прохожих.

— Он с разрешения и поощрения фейри помог все в округе засадить клевером.

— Вот же мстительный за... Умник! — Лин еле сдержал восхищенные ругательства. — Серьезно?

— Очень даже! — подтвердила Ник, сворачивая вслед за ним на узкую, с небольшими газонами перед жилыми одноэтажными домами улицу. — Фейри сами разрешили начать программу рекультивации земель или как там это называется... Короче восстановление земель после войны.

— Клевером? — все еще не мог поверить Лин.

— Хуже — четырехлистным клевером, обработанным магически. Он обозвал это по-научному сидератами... Представляешь, он даже после подписания капитуляции выкинул фейри из округа.

Лин восхищенно сказал:

— Вот же... Элита...

Ник вздохнула:

— Тут весь округ надо спасать...

— Придумаем, — улыбнулся Лин. — Ты же тут, а значит, все как обычно — посмотришь, оценишь и... Поразишь в очередной раз. Только, прошу, очень осторожно порази — я за тебя волнуюсь. Очень. Оказалось, что я без тебя не могу жить, Ник.

Она сжала его пальцы:

— Я тоже... Я тоже не могу жить без тебя. — хорошо, что в этот раз язык не примерз к небу, а ведь мог. Однажды Лин уже чуть не погиб в зоне двести шесть, а она даже ничего не знала об этом, спокойно жила и флиртвала напропалую, пытаюсь заставить крепость по имени Осень сдаться. Хорошо, что Лин об этом не знал.

Он остановился перед небольшим домом из темного камня:

— Пришли, Ник... И за дверью тихо. Может, мы зря сюда бежали, и Брендон сам справился?

Ник вместо ответа громко застучала в дверь:

— Мисс Ош! Это я, ловец Доу! Мы встречались вчера... Нам надо поговорить...

Дверь открылась — на пороге стояла совершенно невозмутимая Вик:

— Добрый день, мадмуазель Доу. Я не помню, чтобы вчера вам сообщала свой адрес.

За спиной Вик раздался тихий голос Брендона:

— Вик, это мои друзья...

Женщина тут же развернулась к нему:

— С чем вас и поздравляю, но я не понимаю такого интереса к моей персоне.

Брендон обреченно сказал:

— Вики, пожалуйста... — он шире открыл дверь, вставая на пороге.

Вик сухо сказала:

— Я не доверяю вампирам, Генерал. И прошу вас всех покинуть мой дом.

Ник решила, не видя иного выхода. В конце концов Вик была подругой Брендона, а, значит, ей можно было доверять. Или рискнуть просто ради уже не её Осени. Все так же стоя на крыльце дома, она быстро заговорила:

— Вчера вы, мадмуазель Ош, просили меня сказать одну фразу... Я не смогла её сказать, потому что я и есть феяри. Я леди Холма, и я лучший друг Брендона. Кровь фей...

И тут знакомая тишина окутала Ник и дом — Брендон успел наложить свое любимое заклинание, спасая тайну Ник. И свою, конечно же. Пальцы Лина осторожно погладили ладонь Ник, показывая, что он доверяет ей. Чувствовать его поддержку было отчаянно приятно, ведь её не раз предупреждали, что о её феяри-половине лучше молчать для безопасности.

— ...ри, данная добровольно, обладает способностью снимать кровавую привязку с новообращенных вампиров. Я совсем недавно сняла с Брендона привязку — им никто не управляет. Он снова самостоятельная личность. И скоро получит окончательную свободу — не только на словах, но и по закону. Он не сказал вам ни слова лжи, мисс Вик... Он не сказал ни слова под принуждением, как вы думаете.

— С чего я должна вам верить, мадмуазель Доу?

Ник разулыбалась:

— В том то и дело, что я леди Холма. Я не лгу. Я не сказала ни слова лжи. И, быть может, опережая Брендона, я скажу — вам нужно срочно уезжать отсюда. Тут вы не в безопасности.

Вик возразила:

— Я не могу покинуть Третий округ — всем нам, из отряда Осени, это запрещено.

При молчаливой поддержке Лина, Ник сказала:

— Я помогу вам с сыном перебраться в Либорайо. Я помогу вам начать новую жизнь в хорошем месте — тут у вас с сыном осталось лет пять, максимум. Округ умирает, и вы вместе с ним. Доверьтесь мне — я перевезу вас в Либорайо, а уж там гоняйте Брендона столько вам угодно. Спускайте с лестницы, стреляйте, прогоняйте — я бы тоже обиделась, если бы мной так пренебрегли. Я предпочитаю пройти опасность рядом с любимым человеком, а не отсиживаться в мнимой безопасности. И, Брендон, не смотри так недоверчиво. Я леди Холма, я не лгу.

Лин мягко сказал:

— Брендон, просто она пересмотрела свои приоритеты.

— Экстренно, — пробурчал Брендон. — И, Вики, Ник права — тебе нужно уезжать отсюда. Даже если не со мной, просто ради сына и собственной безопасности. Ник не лжет — тут творится что-то странное.

Ник вмешалась:

— Мне кажется, что это месть за клевер.

— О, — задумчиво сказал Брендон, — сработало-таки, а я и не надеялся... Вики...

Она обвела всех серьезным взглядом:

— Если вы думаете, что я не пыталась сбежать, то вы глубоко ошибаетесь. Отсюда... Я имею в виду Двадцать первый округ, мне хода нет. Я не пройду контроль на границе округов.

Ник протянула ей руку:

— Я леди Холма, мадмуазель Ош. Чуть-чуть доверия, как я уже просила вас.

Вик прикусила губу, замерла, а потом резко крикнула в дом:

— Марковка! У тебя пять минут — возьми свои любимые игрушки, мы переезжаем.

— Опять? — раздалось откуда-то из дальней комнаты.

— Окончательно, Марковка, — твердо сказал Брендон. — В очень хорошее и безопасное место, где вас никто и никогда не тронет. Слово чести, Вик. Я позабочусь о вас, даже если Марк не мой сын.

Вики вздохнула, сгорбилась, словно из неё вырвали стальной стержень, и тихо призналась:

— С такой-то шевелюрой и не твой сын? Брендон, но ты-то как мог подумать, что это не твой сын?

Тот грустно улыбнулся:

— Я уже на всякий случай, Вики... — он протянул ей руку: — мир?

— Мир... — кивнула она, позволяя притянуть себя в мимолетные объятия. — Простите, мне тоже надо захватить кое-какие вещи. Это пара минут всего.

Она зашла в дом. Брендон развернулся к Ник. Кажется, не будь рядом Лина, он бы обнял её:

— Ты чудо!

Она важно кивнула:

— Я знаю. Я леди Холма, мы иными не бываем.

Лин рассмеялся, прижимая её к себе:

— Самое лучше чудо на свете. — Он даже украдкой поцеловал её в висок. Ей одного этого поцелуя было так мало, но не время, не место, и... Вот устроят судьбу Вик с Марковкой, тогда и...

Брендон улыбнулся:

— Вик меня уже на мушку взяла, утверждая, что я лгун. Я уже думал, что придется возвращаться за Мигелем — Вик наотрез отказалась от звонков по интеру. Вы явились крайне вовремя.

Вик вышла к ним на крыльцо с небольшим рюкзаком на спине. Брендон попробовал его забрать, но женщина одним плавным движением ушла от его руки. Пришлось забрать рюкзак и игрушечного медведя у Марковки, тот доверчиво позволил это сделать.

Вик тихо сказала:

— Стоит уходить быстро — за мной с Марковкой следят. И, мадмуазель Ник, я заранее

приношу свои извинения за то, что причиняю столько неудобств.

— Никаких неудобств, что вы... — улыбнулась Ник, пока парни сосредоточенно оглядывали пустую, подозрительно мирную улочку. Лин даже приняховался. Сама Ник никакой опасности не чувствовала. Только привычная пыль, запустение и чуточка гнили, прикрытая запахом свежей сдобы — видимо, где-то пекарня рядом.

Брендон спросил у Вик:

— Кафе семьи Моро все еще их?

— Да. — подтвердила женщина, ведя Марковку за руку.

— Тогда... Привычный ход — кафе, черный ход, улица Весны, а там проулком до улицы Мира и в Либорайо...

Вик взяла Марковку на руки:

— У тебя вечно в планах все легко и понятно. А потом начинается всякая ерунда!

Брендон белозубо улыбнулся, словно он опять человек:

— Ерунда — всегда случайность, от неё никто не застрахован, Вики.

— Ну-ну! До сих пор не понимаю, почему тебя считали великим стратегом...

— От ошибок никто не застрахован. И я всегда утверждал, что всего лишь переговорщик. Не самый удачный, кстати. — Он остановился перед небольшим явно семейным кафе и приглашающе открыл дверь, уже на пороге здороваясь: — Бернар! Salut!

Молодой мужчина за прилавком в белой пилотке и длинном фартуке, столь же ослепительно белом, махнул рукой:

— Salut, Automne! Рад тебя видеть, чертяка!

Кафе было полно людей, обеденный перерыв — святое дело в Двадцать первом округе, время для семьи и отдыха. Некоторые из мужчин, мимо которых проходил Брендон, приподнимали руки, и он приветственно хлопал по ним или пожимал — тут его помнили и ценили. Ник чуть не расплакалась от неожиданности — будут ли её так вспоминать... Хоть кто-нибудь. Ладонь Лина взъерошила ей волосы, успокаивая.

Смуглый, чуть присыпанный пылью парень даже вскочил со стула, обнимая Брендона и хлопая его по спине:

— Salut! О тебе каких только слухов не ходило!

— Врут, собаки. И, прости, мы, как всегда, спешим...

Брендон попрощался с парнем, обогнул широкий прилавок под разрешающим взглядом Моро и зашел в служебный проход. Бернар только и успел сунуть бумажный кулек Ник в руки:

— Угощайтесь, мадмуазель!

— Благодарю! — улыбнулась она, спеша за Вики. Лин шумно приняховался и сообщил:

— Бриоши. Свежие.

Поспевая за Вики через кухню на улицу — в узкий проход между домами, она прошептала:

— Хочу пирог твоей матери. Он такой вкусный!

— Ясно. Не проблема. Только учти — Ма обожает гнездование во время беременности, тебе придется туго — тебя завалят заботой хуже, чем Мигель.

— Тогда приноси пирог сам, а? — взмолилась Ник, оглядываясь на новой улочке — опасности она не чувствовала, впрочем, как и раньше... — Я ловец, а не берем... — Ник прикусила язык: — Ооо... Забыла сказать — я уже не ловец.

— Но ты по-прежнему страж штурм-отряда, Ник.

Она призналась, сильнее сжимая пальцы Лина:

— Не утешает. У меня был весь мир, а теперь лишь небольшой Либорайо. Это сильно приземляет. — Ник обошла Брендона и направилась в сторону своего дома — сейчас из-за новой раскраски даже она его не узнавала. А дом, между прочим, даже номера сменил. К чему бы это?

Вики остановилась перед автодомом, рассматривая его и оценивая толпу рядом с собой:

— Мадмуазель Доу, приношу свои извинения за оказанные неудобства. Дом слишком мал для...

Брендон лишь по-хозяйски открыл дверь, и дом ему это позволил! Даже Лин был вынужден всегда стучать... Придется серьезно поговорить с домом. Наедине, чтобы не обижать Лина.

— Проходите, — сказала Ник и тут же скомандовала дому: — В Либорайо!

Дом послушно мигнул окнами, показывая за окном кухни уже небоскребы столицы и цветущий парк.

Лин пошел в сторону кабины:

— Я за рулем! Домой, Брендон?

— Домой, — подтвердил тот. — В смысле ко мне домой...

Вик недоуменно нахмурилась, спуская Марковку с рук и рассматривая вид за окном:

— Это... что?

Ник улыбнулась, чувствуя, как мотор заурчал, и дом выехал на оживленную улицу:

— Кажется, вы так и не поверили, что я леди Холма.

— Это...?

— Уже Либорайо.

Вик серьезно кивнула:

— Мы с Марковкой не выдадим ваш секрет.

Рыжий вихрастый мальчишка тоже качнул головой:

— Клянусь...

Ник чуть взлохматила его рыжие волосы:

— Расти и радуйся, тут можно не бояться, Марковка.

Брендон на прощание пожал руку Линдро и поцеловал Ник в висок.

— Спасибо! — он подал руку Вики и помог ей выйти. Марк сам спустился по ступенькам. Они пошли в самый элитный дом самого элитного комплекса.

Глава 37. Дом там, где ты

Элитный комплекс... Ник передернула плечами — где-то там есть и её дом, который Мигель выделил за присоединение к отряду. Ник в том доме ни разу и ни была. Её дом не там. Её дом...

Лин закрыл дверь и обнял Ник со спины:

— Скучаешь по Либорайо?

Она лишь кивнула. Её дом там, где Лин.

— Хочешь прогуляться? Парни придут в восьмом часу, так что четыре часа на прогулку у нас есть.

Язык у Ник всегда опережал мысли, а голова в объятьях Линдро отказывала — так уж сложилось с самого начала:

— Хочу! — сказала Ник быстрее, чем вспомнила, зачем же уезжала из Либорайо.

Лин поцеловал её в макушку:

— Тогда я за руль — хочу показать тебе весенний парк...

Ник ему в спину сказала:

— Я люблю осень. Чтобы лужи, свет фонарей и прячущиеся в темноте желтые резные клены. И листопад... Обязательно листопад. — Она улыбнулась: догадается или нет? Она громче сказала: — Я люблю Листопад!

Лин обернулся на неё с водительского кресла:

— Я тоже тебя люблю, Ник.

Она рассмеялась — догадался! Она пошла в спальню переодеваться для прогулки. Ник сняла с себя водолазку и шорты, а потом надолго замерла перед зеркалом. Дом в этот раз не лез со своим выбором, блокируя ящики. Только, что надевать, Ник не знала. Она положила руку на низ живота — видимо, лиграм закон не писан, несмотря на небольшой срок, живот заметно так выступал над лоном. И это будет проблемой.

Лин замер в дверях спальни, встал, прислонился к косяку, молчал, наблюдая, как Ник поворачивалась то одним боком к зеркалу, то другим. В конце концов она вздохнула и взяла со стула его старый, забытый худи и надела его, чуть ли не утопая в нем. Только худые, голые ноги и торчали из-под края худи.

Лин подошел к ней, снова обнимая со спины:

— Я поговорю с Мигелем.

Ник запрокинула голову назад:

— Почему с ним?

— Потому что у меня нет проблем со статусом. Потому что ты не должна прятаться, чтобы якобы не ломать мой статус. Понимаешь? Мне все равно, что говорят за моей спиной, мне все равно, что напишут в газетах — писаки на пустом месте способны создать сенсацию. Ник, не стоит обращать внимания на пустые фантазии недалеких нелюдей. Ты же всегда жила без оглядки. Что изменилось теперь?

Она развернулась в его руках и честно сказала:

— Теперь я не одинока.

— К рогатым оркам такую компанию, из-за которой тебе приходится прятаться или ломать себя. И я понимаю, что сейчас к оркам я отправил сам себя. Я не ребенок, Ник, я могу за себя постоять. Не надо прятаться из-за меня. И с Мигелем...

Ник ткнулась макушкой ему в грудь:

— ...ты поговоришь... И за меня ты тоже можешь постоять...

Лин наклонился, чтобы поцеловать её в макушку, и тут Ник выпрямилась.

— А уж за себя ты сама всегда могла постоять — тут я никогда не боялся. — он потерял нижнюю челюсть, не успевшую увернуться от встречи с макушкой Ник. — Не считая случая с Луз. Так что... Идем гулять? Там отличная погодка — солнце, тепло, ветра нет...

— Дай мне пару минут — я оденусь! Я быстро! — Ник выскользнула из его объятий.

На улице пахло летом.

Солнце было таким ярким и теплым, что Ник, выйдя из дома, потянулась на цыпочках — что-то тянуло её вверх, в небеса, вопреки всем утверждениям, что драконов не существует... Она закрыла глаза, натянутая, как стрела. Вверх... Вверх. Вверх, туда, где синее, густое небо, где легкие перья облаков, где яркие лучи солнца... А запахи! Ароматы Либорайо Ник уже ни с одним городом не спутает. Зелень. Кофе. Прогретая на солнце пыль — не та, которой зарос Фратернис, а та, которая ждет дождя, чтобы подарить миру новые запахи — запахи прорастающей жизни. Люди — настоящие люди, оборотни, вампиры... Нелюди — это фейри, но их тут совсем чуть-чуть. Это её город. Это её Либорайо, потому что за спиной самый главный аромат — нотки дерева и земли.

Палец Лина заскользил по позвонкам Ник — она для прогулки выбрала короткий топ и джинсы.

— Ник, не улетай.

Она рассмеялась:

— Люди не летают.

— Да, но ты почему-то это пытаешься сделать раз за разом.

Она обернулась к Лину:

— Не улечу! А если и улечу, то вернусь. Обещаю.

Лин лишь кивнул в ответ.

Ветер, которого синоптики не обещали, налетел, принося из парка целые охапки белых лепестков, закружил, как снежный залп, подхватывая с тротуара и пыль.

Ник засмеялась, ловя на ладони лепестки, затанцевала вместе с ветром, поднимая голову к солнцу — яркая, притягательная, свободная... Коробочка, купленная еще перед Хогуэрас больно впивалась ребром в бедро — Лин захватил её с собой, спрятав в кармане джинсов.

Как можно удержать ветер в руках? Как можно посадить на цепь свободу? Как можно приковать к себе Ник, удерживая её в Либорайо, когда он тут еще будет сидеть два года? Точнее уже двадцать месяцев...

Ник зафыркала — один лепесток залетел в рот, это же не снежинка, которая благородно растает, это лепесток...

Лин пояснил:

— Это слива отцветает. Я тебе её и хотел показать. В парке сейчас белым-бело от её цвета. Даже озеро все занесло лепестками, словно льдом подернуло.

Ник улыбнулась и поймала его за руку:

— Тогда вперед! В парк, Лин! — она потянула его за собой, только он, кажется, уже поменял планы.

— Ник... Я...

Она отпустила его руку и подошла ближе, снова вытягиваясь в струну:

— Ты сейчас такой серьезный, словно решаешь судьбы мира.

— Где-то так и есть... — он достал из кармана бархатную коробочку и раскрыл её, показывая кольцо с бросающим во все стороны лучики света бриллиантом, мелким, но уж на что хватило денег: — Ник, я очень люблю тебя. Прошу, окажи мне честь — стань моей женой. Я никогда не посажу тебя на цепь, никогда не заставлю сидеть рядом с собой, никогда не заставлю стоять и прятаться за моей спиной... Ты не потеряешь своей свободы, Ник, я клянусь тебе в этом. Я...

Её пальцы потянулись к кольцу, а потом замерли в нерешительности.

— Лин, понимаешь, я не могу принять кольцо, — честно сказала Ник.

Она знала — Лин поймет её. Она протянула руку вперед и... Рука поросла шерстью, превращаясь в лапу лигра.

— Ну вот как-то так, — тихо сказала она.

Пальцы Лина заскользили по шерсти, разминая мышцы Ник:

— И давно это происходит?

— С месяц где-то. Как только пугаюсь или переживаю.

— Полный оборот был?

— Нет, и, надеюсь, не будет — я ж не умею ходить на четвереньках!

Лин рассмеялся:

— Не на четвереньках, а на четырех лапах. — он наклонился и поцеловал фаланги. —

Тогда... Запасной вариант...

Он закатал рукав своей футболки и снял с запястья широкий браслет. Ник сглотнула — брачный браслет обратной. Они не пользовались кольцами, которые могли сломать кости пальцев или порваться сами.

— Ник, ты станешь моей женой?

Она лишь согласно мотнула головой — горло пережало спазмом. Лапа медленно превратилась обратно в руку, и Лин одел на неё браслет.

— Ты не пожалеешь, Ник.

Она проглотила комок в горле и сказала:

— Я знаю.

Она потянулась на носочках за поцелуем. Губы Лина были все такие же горячие, изголодавшиеся и явно соскучившиеся, как и сама Ник. Поцелуй длился, длился и длился, хоть Лин честно пытался отстраниться, напоминая:

— Прогулка...

Ник, чувствуя, как ладонь Лина вопреки словам забирается под ткань топа, прошептала:

— К оркам прогулку... Тебя не было дома целых два месяца...

Лин утробно рассмеялся, подхватывая Ник на руки:

— Мне казалось, что это должно звучать немного иначе, но согласен — виноват. — Он не стал её поправлять, что расстались они на полтора месяца всего. — Я где-то загулял на целых два месяца... Исправляюсь и дико извиняюсь...

...Сидя в кровати, натянув на себя свою любимую белую футболку Лина, она рассматривала браслет. Широкий, золотой — серебра оборотни избегали, явно старый — может, браслет его деда или кого-то из старших родственников. Родовой. Тигриный, хотя должен быть львиным. Или... Ник улыбнулась — она сходит и закажет для Линдро новый браслет — лигриный. Он заслужил. Точно.

Она вскочила с кровати и понеслась в душ. Знала, что Лин никогда не запирается и

никогда не возмущается её присутствию. Вот и сейчас...

Он стоял, упираясь руками в стену, голову наклонил вниз, капли воды ручьями стекали по его плечам, вырисовывая контуры мышц, скользили по могучей спине, срывались с плотной, но все же заметной талии, обрисовывали длинные, сильные ноги...

Лин скосил глаза вбок на замершую Ник. Выпрямился, запрокидывая голову назад. Капли сорвались с его обросших волос, обдавая Ник. Она фыркнула — вот всегда так. Лин пальцами прошелся по голове, слипшиеся из-за воды волосы встали вверх ежиными иголками.

— Ник?

— До чего же хорошо, Лин. Ты тут...

Он протянул руку и подтащил Ник к себе, прижимая её:

— То есть, хорошо только от того, что кто-то занимает твой душ?

Она рассмеялась ему в грудь:

— Хорошо от того, что ты дома, Лин.

Он чуть подался назад, под теплые струи воды, и Ник кулаком ударила его в грудь:

— Что ты делаешь, изверг?!

Лин замер, тут же уточняя:

— Что я сделал не так? — он внимательно осмотрел её фигуру, облепленную мокрой, ничего не скрывающей футболкой. Вроде, был осторожен и не должен был причинить боли.

Ник горестно сказала:

— Ты испортил мою любимую футболку...

Лин прижал Ник к себе:

— Напугала... У меня таких футболок еще куча. Даже в фабричной пленке. Хоть все отдам.

Ник потерлась носом о его грудь:

— Они не будут пахнуть тобой...

— Вот горе-то! — рассмеялся Лин. — Тогда я буду отдавать тебе все свои футболки после носки — дикая экономия на стирке, между прочим!

Ник фыркнула:

— Ты разоришься на одежде, глупый... А мне хватит одной твоей футболки. И тебя, конечно же. Если ты будешь всегда приходить домой.

— Буду, Ник. Буду. — его пальцы подхватили край футболки и потянули его вверх — время еще было. Очень много времени, а он дико соскучился по Ник. — Мой дом там, где ты, малыш...

Ему сунули в руки бокал со сливками. Лорд Холма наказаний своими ладонями помогал удержать тяжелый бокал в трясущихся от слабости руках.

— Пей, мой друг, пей...

— Уже пришла Короткая ночь, и Королева простила меня?

— Нет, друг. Еще даже ночи Ведьм не было. Но я подумал, что это мой Холм, и только я принимаю тут решения. Ты свободен. В пределах Холма, конечно. Я думаю, теперь, когда угроза устранена, одиннадцати лет наказания вполне достаточно, друг. Так что... Пойдем. Еда, питье, одежды, лучшие леди Холма ждут тебя, мой друг.

Он дождался, когда тот допьет мелкими глотками сливки, и помог подняться на ноги, подставляя острое, сильное плечо:

— Пойдем, подъем тяжел, но ты всегда можешь положиться на меня — я твой друг.

Всегда. Помни это.

Старик, молодея на глазах, оглянулся на фотографию, так и оставшуюся лежать на скамье. Мертвое, изломанное тело в ржавом вереске.

— Я... Не забуду этого...

Жаль, что живой свою выросшую дочь он так и не увидел.

Глава 38. Свадьба

Высокий шатер звездного неба — ни облачка вплоть до далекого абриса гор. Свежий, с ароматом льда ветер в боковое окно — по ночам тут еще холодно. Рваные черные контуры леса вдоль дороги. И клевер, клевер, покуда хватало глаз поля, засеянные клевером. Он чуть светился в темноте изумрудным победным светом — сюда лордам и леди Холмов пути нет.

Дом летел по пустой ночной дороге. Только шорох шин. Только габаритные огни нёсшегося впереди броневика под управлением Арано. Высокий мрачно-черный кузов броневика так и намекал, что машины из гаража элитного Переса не так просты, как кажутся. Ник так и подмывало уточнить — не прячется ли в броневике бассейн? Но, если вспомнить утренний звонок по интеру, скорее всего там прятались ультра для парней. Да и... Ник скосила глаза — был бы там бассейн, не было бы у Лина и парней трехдневной щетины на щеках.

Лин вел автодом аккуратнее Брендона. Росси пользовался фарами, подсветкой приборов в кабине, да и не гнал сломя шею, как это делал Джонс. Ник могла бы спокойно спать себе в кровати, так мягко ехал дом, но быть рядом с Линдро сейчас хотелось больше.

Позади был Либорайо. Они даже погулять там успели по белым от цвета сливы аллеям. Их даже Миа, младшая сестра Лина, успела навестить — притащила огромный, еще обжигающе горячий пирог с персиками и замерла на пороге дома, уставившись на живот Ник — оборотни же, от них ничего не спрячешь. Лин только вздохнул тогда:

— Ма я скажу сам. — Только Ник подозревала, что эта изящная молодая тигрица не удержится и сама все выболтает таинственной миссис Росси, обожающей гнездование, чтобы это ни значило.

Позади был и Фратернис, где дом вновь учудил. Ник еле сдержала слова при новом виде своего дома — сейчас высоком шестиосном черном броневике с оскаленной мордой тигра на капоте. Лин под озадаченными взглядами парней хлопнул дом по кузову:

— Умница, дом! — И тот впервые за все время сам открыл дверь перед Лином. За это Ник и не такой вид могла простить дому.

Позади был доеденный старый пирог миссис Росси, чай и поздравления парней с обручением.

Позади были вопли Утеса:

— Мальчик наконец-то стал мужчиной!!! Ники, я уж и не надеялся погулять на вашей свадьбе — ты слишком свободолюбива, а Лин слишком покладист. Я бы на его месте как осьминог опутал бы тебя щупальцами и потащил в мэрию, а этот... Ведь до осени будете ждать, да?

Ник лишь пожала плечами:

— Найдешь ближайшую мэрию — тогда и посмотрим...

Лин лишь выгнул бровь, а Арано чуть не поперхнулся чаем. Айк оказался самым невозмутимым — он нрав миссис Росси знал плохо, точнее — так же, как и Ник, и что уж грозило Линдро за тайную свадьбу, он даже не предполагал.

Позади были мили и мили от столицы — оборотни были выносливее людей и могли сутками сидеть за рулем. Они во Фратернис потому и добрались всего за три с половиной дня вместо семи, что гнали без остановки. По ночам броневик вел Брендон, днем Лин или Утес. Сейчас вампир пытался наладить семейную жизнь в Либорайо, так что... Лин

улыбнулся, на миг отвлекаясь от дороги:

— Часа через два остановимся на краткий отдых. Иди, поспи...

Ник сонно улыбнулась:

— Мне и тут неплохо! — Дом расщедрился и преобразовал кабину — теперь тут стояли удобные кресла-трансформеры. Лин машинально поправил плед на плечах Ник:

— Как скажешь. — он вновь уперся взглядом в дорогу.

Ник провела пальцем по экрану инфопланшета, перелистывая страницу — Аик перекинул на планшет Линдро новые данные по делу убитой мисс Икс: обновленную временную шкалу преступления и карту двух округов. Ник внесла свои данные по перемещению за прошедший месяц и замерла... Они с сестрой, судя по пунктиром обозначенному на карте изначальному месту убийства, разминулись всего в пару миль. Пара миль чуть севернее, и она бы смогла защитить свою семью. Она остановила бы убийцу. Она костями бы легла, но не позволила бы убить. Только свернула чуть раньше — на пост на Границе. Всего пара миль, а между ними жизнь и смерть. Ник сглотнула — хуже того: на карте были обозначены автоматические посты на Границе между зоной Триста два и Двадцать первым округом. Посты, которые Ник пропустила. Почему-то. Она прикрыла глаза — она вела дом или дом вел её? Тут тоже, между этими утверждениями лежала жизнь или смерть. Не её, но больно ударит по ней, это точно.

— Ник?

— Аюшки? — тихо отозвалась Ник. Глаза слипались, и перед ними неслись яркие сонные картинки. Кажется, она даже посапывала, погружаясь в сон.

— Иди спать, пожалуйста. Я скоро к тебе присоединюсь, честное слово.

Она нажала кнопку отключения планшета, все равно в голове было пусто. И обсудить не с кем — Брендон далеко.

— Хорошо...

Она встала и, придерживаясь за многочисленные ручки, чтобы не упасть на неожиданном повороте или кочке, направилась в спальню. Только на пороге вспомнила и вернулась обратно к Лину.

— Ты кое-что забыл! — требовательно сказала Ник.

— Что именно? — он даже обернулся на миг на неё — дорога была ровная и позволяла это.

— Ты забыл отдать мне свою футболку! Без неё я спать не умею.

Он мягко рассмеялся и послушно свернул на обочину. Стащил с себя футболку и отдал Ник:

— Держи! И спокойной ночи, Ник.

— Почему ты никогда не зовешь меня Ники?

Он пожал голыми плечами:

— Наверное, потому что забываю.

Ник нахмурилась и, поцеловав его в макушку, сказала:

— Или потому, что одна леди обладает очень плохой памятью — тебе можно называть меня как угодно, Лин...

Он сверкнул в темноте кабины белоснежной улыбкой:

— Спасибо, Ники!

— Точно, у одной леди отвратительная память... — Ник направилась обратно в спальню. Теперь можно спокойно засыпать. Только... Перед глазами снова и снова неслись

в безумном хороводе собственные лица. Точнее лица сестер. Знать бы еще, сколько их у неё на самом деле... Рука Лина обняла её со спины, утешая и убаюкивая, и Ник наконец-то погрузилась в глубокий сон.

...Изумрудные глаза изучающе уставились на неё. Цинично и цепко осматривали её с головы до ног, и под этим взглядом хотелось сжаться в комок от страха или нестись к отцу.

— Значит, вот ты какая, Сэм, — голос еле слышно ворковал, но от этого шепота что-то ухало в животе. — Значит, вот ты какая, моя невеста...

Она замерла. Сжалась за столом, за которым рисовала.

— Папа...

— Твой папа сказал, что ты когда-нибудь станешь моей женой.

— Папа обещал мне принца.

— А мой папа обещал мне принцессу, а не тебя. — усмехнулся мужчина с незапоминающимся лицом. Ник сейчас отдала бы все на свете, чтобы рассмотреть его как следует, но сон не обманешь — она не могла запомнить ничего, кроме ярко-зеленых глаз.

— Я не...

Мужчина рассмеялся:

— Я тоже не. Хочешь обмануть судьбу?

— Что?

— Пиши, малышка, пиши... Принц должен... Например...

— Уметь ездить на коне?

Зеленоглазый рассмеялся:

— Я умею ездить на коне. И не только на коне. Только я предпочитаю вороных...

Она тогда прикусила тонкую губу и принялась писать:

— Иметь белого коня... — Чужой палец прошелся по губе:

— Не делай так. Не закусывай губу.

Она испуганно кивнула и послушно закусила кончик пера.

— А еще я терпеть не могу блинчики, малышка! — он пошел прочь из комнаты. И Ник была согласна с семилетней собой — ей в женихах такое счастье циничноглазое не нужно. Ни тогда, ни тем более сейчас.

Поцелуй вырвал её из сна:

— Малыш? — Лин приподнялся на локте, заглядывая ей в глаза, — тебе снилось что-то плохое?

Она прижалась к нему, сильнее вжимаясь в его грудь:

— Я расскажу... Потом... Утром... Хорошо?

Он кивнул в темноте:

— Хорошо.

Ни он, ни она не заметили, как последняя капля нанов Холма выскользнула из Ник, прячась в доме — Холм решил, что ему силы нужнее, а Ник и так есть кому защитить.

Проснулась она в одиночестве. Резко села в кровати, прислушиваясь к дому — шумела вода на кухне, что-то вкусно шкворчало на плите, и еле слышно двигался Лин. Дом. Родной и понятный дом. Ник улыбнулась просто так — хорошему утру, прогнавшему кошмары, отличному настроению, вопреки всяким снящимся зеленоглазым лордам, дому, несмотря на его интриги, Лину — вот ему только за сам факт существования, дороге — сразу всему, натянула на себя серую толстовку, и пошла на кухню — на шорохи.

Ник замерла в проходе кухни, любуясь — Лин, босиком стоя у плиты, в джинсах и

белой футболке, готовил завтрак — кофе в турке, жаренные колбаски и яичницу. Просто готовил завтрак. Не пританцовывая. Не напевая. Не подкидывая сковородки и другую посуду. Он просто готовил, и этого было более чем достаточно.

Лин обернулся на Ник, улыбаясь:

— Не смотри так хищно — вечером получишь свою футболку, а сейчас не дам — самому нужнее. И доброе утро!

Ник кивнула:

— Доброе! — она потянулась на цыпочках и достала с холодильника свой список требований к принцу. Отряхнула его от пыли, села за стол, внимательно его просматривая.

Лин, накладывая яичницу, уточнил мимоходом:

— Что-то не так?

Ник кивнула:

— Это не тот список. В моем списке принц должен был уметь ездить на белом коне. — она потерла задумчиво виски. — Это было важно — именно белый конь.

Лин поставил перед ней тарелку с едой и кружку кофе, потом накрыл для себя:

— Разберемся. — Он сел рядом и первым делом сделал глоток кофе. — Ведь списки могли пропадать и теряться. Ты могла переписывать их. Ты могла составлять списки по новой. Ты же была ребенком.

Ник медленно кивнула и принялась есть.

— Знаешь, я тебе не говорила... — она глубоко вздохнула и призналась: — «Принц должен уметь» — это номер интера.

Лин еле заметно кивнул и уточнил:

— Ты по нему звонила?

— Нет... Сперва боялась, думала... А потом, спустя неделю после покупки, интер сломался. Точнее, отключился из-за магического шторма. Включился, вот, вчера. Странно так включился — вместе со всем домом.

Лин пожал плечами:

— Я мало что в маготехнике понимаю, но бывают остаточные магколебания, которые затухают со временем. Так бывает, Ник. И прежде, чем звонить на незнакомый номер, надо собрать о нем сведения. Можно того же Мигеля попросить. Что скажешь?

Ник вздохнула и лишь кивнула головой.

Лин улыбнулся:

— Можно и твой список, если не боишься, отдать экспертам на изучение. Состав бумаги, состав чернил, приблизительная дата написания — это все можно узнать. Если, конечно, не сильно дорожишь списком — все же единственное, что у тебя осталось от дома.

Ник лишь придвинула бумагу Лину:

— Возьми. Если это не тот список, не изначальный, то и неважно, наверное. А еще... Тот принц терпеть не может блинчики.

Лин рассмеялся:

— Теперь будешь присматриваться ко всем блиноненавистникам?

Ник сделала глоток кофе и призналась:

— Меня пугают собственные сны. Я то вижу решетку и не знаю, с какой стороны от неё нахожусь, то вижу собственные лица — множество собственных лиц лет семи-восьми, не больше. Я думала, что это сон про зеркала, но, может, это не про них? А сегодня приснился высокомерный принц, не горящий желанием на мне жениться. Я тоже не горела желанием,

но во сне тот принц сказал, что его выбрал мой отец... — Она вновь потеряла виски. — Принц может знать, кто я и что я...

Лин поймал её руку и поцеловал в запястье:

— Ты не — что. Ты — кто. И хочешь... Твоего принца легко вызвать на самом деле. — он пододвинул бумагу обратно к Ник. — Достаточно уточнить про блинчики и коня. Если рискнешь, конечно.

Ник отодвинула тарелку с едой в сторону — она почти не притронулась к ней. Положила руки на стол, потом опустила и голову.

— Знаешь, мне казалось, что это я буду тебя уговаривать и убеждать...

— Я не уговариваю, я лишь подсказываю один из путей решения проблемы. Причем ты не обязана ему следовать — еще же есть номер интера. — он постучал пальцем по бумаге. — Мне непонятно одно во всей этой магии фейри... Мне непонятно — почему это все началось именно в Либорайо. Точнее даже не так — почему это началось лишь прошлой осенью?

Ник чуть повернула к нему голову, все так же распластавшись на столе:

— В смысле?

— Тебе приблизительно двадцать пять. Этому списку, точнее списку требований к принцу больше пятнадцати лет, насколько я понимаю — ты его писала лет в семь-восемь... Почему он стал действовать только сейчас?

Ник пожала плечами:

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Возможно, все упирается в возраст, но что такого в двадцати пяти годах? Я еще понимаю пресловутые восемнадцать у всех разумных... Но двадцать пять? Почему? — он чуть запнулся на словах: — Кстати, ты заметила, читая заключение судмедэксперта, что он определил приблизительный возраст мисс Икс, как восемнадцать-двадцать лет?

Ник нахмурилась и возразила:

— Не может быть. Во сне мы все были одного возраста.

Лин кивнул:

— Значит, и тебе может быть восемнадцать-двадцать.

Она резко вскочила со стула:

— Не может быть! Если я не помню событий с семи до пятнадцати лет, то это не значит, что их не было, Лин!

Он мягко сказал:

— Ники, я не хотел тебя задеть...

— Мне двадцать пять! Не больше, но и не меньше!

— Ники... Прости, пожалуйста...

Она стремительно развернулась и вылетела прочь из дома — сейчас хотелось побыть одной. Лин одной фразой попытался перечеркнуть её жизнь, все, что она знала о себе. Это было неправильно. От Лина она такого не ожидала. Это было... Сродни предательству! Он ей не верил, сейчас в её возраст, а потом?! Во что он не поверит потом?

Ей двадцать пять! Никак не восемнадцать!

Как Лин мог такое сказать! Это её жизнь, а не его...

Она долго летела по полю из клевера. Очень долго. Так, что даже удивиться успела — она не умела так долго выдерживать стремительный бег. Просто не могла. Не хватало сил. Раньше.

Ник остановилась, осознавая случившееся. Разворачиваясь. Замирая. Вслушиваясь в тишину. Кругом только изумрудное сияние голодного клевера, и она посреди поля. Огромный сереющий купол неба, дорога и сливающийся с еще темным лесом автодом стали далекими и нереальными. Только яркий проем двери и сидящий на ступеньках, явно сжимающий руки в кулаки Лин были настоящими, но к ним еще нужно вернуться. По полю из клевера — его листики разворачивались, демонстрируя по четыре счастливых для людей лепестка. Целых четыре смертоносных для леди Холма лепестка.

Сердце заполошно забилось в груди, только клеверу нельзя показывать свой страх. Она вообще его не боится. Она не леди, она... Оборотень. Лигр. Ой, лигрица, конечно же.

Ник присела на корточки, чуть касаясь травы — она обжигала пальцы, прикусывая лепестками и напоминая — тебе тут не место. Это мир людей, тебя тут не ждут!

Ник собралась с силами и ткнула пальцем в ближайший четырехлистник:

— Я недовольна тобой. Брендон Джонс и другие люди рисковали своими жизнями, чтобы округ жил, а ты не справляешься с работой. Ты не защитил людей в городах, и теперь города вымирают. Я что-нибудь придумаю, чтобы защитить людей, клянусь тебе, но и ты должен постараться. Понял?

Клевер поник под её указующим пальцем, словно ему стало стыдно.

Ник выпрямилась — ей тоже сейчас было стыдно за свою абсолютно глупую детскую выходку. Лин же говорил не раз, что ему все равно, кто она. Нагайна, леди Холма или вампир... Ник поежилась, вспоминая, как читала мысли у Брендона и других парней. Всегда вампиров — ни разу ей не удалось прочесть мысли невампира, а ведь она пыталась. Получается, что она... Она могла стать не оборотнем, как сейчас, а вампиром? Кто она вообще? Почему она так способна меняться? Зачем вообще ей меняться? Ей и человеком было неплохо...

Ник прикусила губу и пошла по полю обратно, ведь Лин по большому счету ничего ужасного не сказал. Зато стало понятно, почему её называли в приюте идиоткой и запирали в душе. Стало понятно, что в семь-восемь лет, как ни старайся, пятнадцатилетней по уму не станешь, даже если выглядишь на пятнадцать. Только еще бы понять — кто это проделал с ней? И зачем. Пока последнее, что Ник помнила, это были взрывы, крик про принца и черная с алым отливом по краям капля крови Холма на ладони. Больше ничего не вспоминалось. Но не кровь же Холма такое с ней проделала. Она не забирала кровь с собой, у неё тогда, кроме небольшого рюкзачка, отобранного позже в приюте, ничего не было. Тогда что она не помнит между гибелью Холма и бомбардировкой, под которую она попала?

Лин, заметив, что Ник пошла обратно, встал и неуверенно направился ей навстречу — волнуется же из-за клевера. Ник легко перешла на бег — кажется, магическая блокировка, которую упоминал Мигель, рухнула сама собой. Ник врезалась в Лина, тут же обнимая за талию и шепча в шею:

— Прости, прости, прости, я такая глупая иногда.

Он положил ладонь ей на затылок:

— Малыш, не пугай меня так больше. Клевер же... И, Ники, мне все равно, кто ты и сколько тебе лет, появилась ты в лаборатории или росла в семье, я хочу лишь одного — сделать тебя счастливой, Ники... Только это.

— Я знаю. Только иногда я встаю не с той ноги...

— Ничего, это нестрашно...

Дверь соседнего внедорожника открылась, и из него вышли заспанные парни — Айк

и Рик с полотенцами на шеях и гигиеническими пакетами в руках. Они приветственно помахали руками и направились в сторону оврага — там журчал ручеек.

Лин не удержался:

— Ники, сейчас их остановить или после гигиенический процедур в ледяном ручье?

Она рассмеялась:

— Сейчас, конечно же...

Он понятливо крикнул:

— Эй, сиротки! Когда устанете изображать суровых путешественников на лоне природы, душ, теплая вода и завтрак ждут вас в доме!

Ник выскользнула из объятий Лина и зашла в дом, вызывая восхищенный шепот Арано:

— Слушай, Лиинин, что ты ночью сделал с Ники, что она теперь вот прям... —

Видимо, он при этом что-то изображал в воздухе руками, потому что его перебил Айк:

— Вот пошляк же, Утес! Но вопрос имеет право быть, Лин. Ник изменилась, причем как-то кардинально — двигается свободно и беззаботно.

— Даже перед лестницей не затормозила! — вмешался снова Арано.

Лин тихо сказал:

— Сам бы хотел знать. Ничего, разберемся... Проходите в дом, там завтрак уже стынет.

И, Айк, что-то новое по мисс Икс есть?

— Есть, — как-то обреченно ответил тот. — Пришло заключение от стоматологов. Двух сразу. Из экспертизы и независимого. Оба утверждают, что клыки мисс Икс не были вживлены. Они прорезались сами, когда ей было около семи лет. Независимый эксперт, который не видел тела и состояния кожи, даже утверждает, что мисс Икс стопроцентный вампир. В заключение патанатома по состоянию ЖКТ утверждается тоже самое.

Лин заходя в дом выругался:

— ...Только состояние кожи против этого. Она бы сгорела дотла за те дни, пока тело не нашли.

Ник оторвалась от бумаги, на которой исправляла свои требования к принцу. Лин улыбнулся и предупредил парней:

— Скоро прибудет очередной принц — его не гонять. Кажется, он будет лордом Холма.

Арано не сдержался:

— Да вашу же мааааать, семейка Росси, вы когда-нибудь угомонитесь с принцами, а?

Ник посмотрела на Арано:

— Повтори, пожалуйста!

Тот стусевался:

— Прости, Ник, я опять ругался... Постараюсь так не делать. Но не обещаю... Тяжко с вами двумя.

Ник встала из-за стола и положила ладонь ему на грудь:

— Рииник, я просила мэрию. Ты её не нашел. И повтори про семейку — мне понравилось.

— Будущая сеньора Росси, ты ужасна! — честно признался Арано. — Я свихнусь с тобой и Линдро. Зачем вам очередной принц?

Разливая кофе по кружкам, Лин просто сказал:

— Чтобы был свидетель в расследовании дела Ник. Зачем еще нужны принцы? Тем более на коне и ненавидящие блинчики.

Утес сел за стол:

— Ну, если только он не будет претендовать на блинчики... Уговорили — не буду больше гонять принцев от вас двоих. И мэрию найду, или я не Арано.

Свадьбу, кстати, они сыграли в полдень. В старой, пыльной мэрии в присутствии не менее пыльного мэра и его секретарши, утверждавшей, что свидетельство о браке будет недействительно в Третьем округе. На что Арано заметил:

— Ничего, еще раз сыграют свадьбу! Только и всего! С ними никогда нельзя быть до конца уверенными!

Глава 39. Поздравления

Автодом летел по дороге. Горы становились все ближе и ближе. Поля давно перешли в холмы, заросшие по верхам лесом, а слева далеко на горизонте то исчезала, то появлялась широкая река.

— Бланка, — пояснил все так и сидевший за рулем Линдро. — Та самая Бланка.

Ветер, дувший в открытое окно, развевал фату Ник, которую она не хотела снимать — уж из чего её сделал Арано, было тайной на семью печатями, хорошо, что не из скатерти, но Ник она нравилась. Как нравился и галстук-бабочка, сделанный Айком из бумаги и дивно дополнявший наряд Лина — джинсы и белую футболку. В поездку Лин не захватил костюм, а форму в качестве свадебного наряда Ник забраквала. Ей нравилось все — и смешная занавесочная фата, и бумажная бабочка, которую хотелось потрогать рукой и подергать, и неожиданная свадьба, на которой больше всего суежилась и волновалась секретарша мэра, а не Ник, и бутылка лимонада, распитая вместо игристого вина, и поспешные фотографии на интер Арано, и дорога... Так, в дороге, когда все непредсказуемо и невероятно, когда все зависит только от поворота руля на очередном перекрестке, можно провести всю жизнь. Главное, чтобы Лин был рядом. Это главное. А он теперь всегда будет рядом...

Ник вытащила из боковой панели кресла рабочий стол и все же занялась делом — у неё кинжал из-за принудительной деактивации из школы ловцов не работал. Его следовало починить.

Она осторожно отверткой поддела крышку с хризантемой на головке кинжала, достала алхимическую батарею из рукояти и принялась разбирать её.

Лин скосил глаза на Ник и чуть сбросил скорость.

— Умеешь его отремонтировать?

— Угу, — кивнула Ник. — Научилась со временем.

Кажется, он ей не поверил:

— Эм... Может, доверить его ремонт отрядным техникам?

— Где техники и где мы. В зоне мне может понадобиться оружие.

— Можешь взять мое. — предложил Лин.

Ник отвлеклась от отковыривания отверткой из гнезда застрявшего сгоревшего предохранителя и улыбнулась:

— Лин, я предпочитаю свое. И не бойся, я даже алхимическую жидкость как-то меняла в кинжале — протечка была.

Лин хмыкнул:

— Ясно... — кажется, у него сложилось свое какое-то мнение о безалаберности Ник.

Она шутливо ткнула его пальцем в плечо:

— И что же тебе ясно?

— Что теперь за твою жизнь можно бояться еще больше — даже я не рискну связываться с топливным баком, у нас у техников не у всех допуск есть для работ с алхимией, а ты...

— А я умею, — улыбнулась Ник, поправляя налетевшую на лицо фату. — Это что, я еще и фейри-блок расширения пространства сама отремонтировала! Купила на распродаже почти сразу после учебы... Ни одна мастерская не бралась за ремонт, я и сама, если честно не верила, что его можно починить, а оказалось, что все не так страшно и было. Всего-то

перепаять проводок, и все! Мой дом стал гораздо больше и удобнее. Так что не бойся — у меня большой опыт по ремонту.

Лин старательно отвернулся к окну и что-то пробурчал себе под нос — явно же ругался, так что Ник даже отодвинула столик, встала и поцеловала его в макушку:

— Все хорошо! Тут всего-то пережгли предохранитель. Я его сейчас напрямую закорочу, и все, кинжал снова будет работать.

Она ладонью взъерошила его волосы:

— Не бухти. Все хорошо! Тебе принести попить или поесть? А то который час за рулем. Или, может, тебя подменить?

— Нет, спасибо, — отозвался Линдро, поворачиваясь к ней и улыбаясь. — Я не устал.

Ник направилась на кухню за апельсиновым соком:

— Не понимаю одно — в зону тащиться больше недели, если почти не вылезать из-за руля, а тело Икс доставили быстро — я видела по документам. Два дня же всего? — Она налила сок в два дорожных стакана с крышками и пошла обратно.

Лин погромче, чтобы она точно расслышала — все же человеком до сих пор её воспринимает, пояснил:

— Мигель, когда узнал, что это возможно тебя убили, заказал экспресс-доставку. Оплатил из своего кармана.

— Ого, — удивилась Ник, возвращаясь в свое кресло. — Однако. Это он так меня уважает или... Тебя?

Лин вместо ответа дернул плечом — ясно, пояснять не хочет.

Ник подала ему стакан.

— Пей и ничего не бойся — у меня еще никогда и ничего не взрывалось в руках. — Она вновь принялась за починку кинжала.

Мимо пронеслась встречная машина, дико сигналила — пассажиры, пара парней, даже в окна вывесились и радостно улюлюкали. Линдро посигналил им в ответ — Арано не удержался и поперек морды тигра на капоте написал зубной пастой «Просто молодожены!».

Ник фыркнула, давась довольной улыбкой. Такая свадьба ей нравилась, а, казалось бы, все детство мечтала о храме, белоснежном платье с длинным шлейфом и фате, которую несут несколько человеческих пажей. Она даже замерла — воспоминание пришло так легко, незаметно, словно оно всегда было рядом и никуда не пропадало. Даже принц вспомнился — зеленоглазый, отчаянно рыжий и худой. Лорд, который не любит блинчики. Настроение тут же резко испортилось.

Лин отставил в сторону пустой стакан с соком:

— Ники?

— Нет, ничего, — замотала она головой. — Просто вспомнилось...

— Ясно.

Ник судорожно соображала, что же ей могло вспомниться, и спросила:

— Утром я слышала разговор о новом заключении от стоматологов. Я не совсем поняла, о чем это говорили?

Лин бросил на неё короткий взгляд:

— Икс была немного не такой, как ты. Ты была человеком, когда мы встретились, а сейчас почему-то меняешься в оборотня. А вот Икс... Она, похоже, была вампиром. Причем вампиром лет с семи-восьми. Зубы и состояние ЖКТ говорит об этом.

Ник нахмурилась:

— Не поняла... А разве бывают такие существа, которые способны менять свой вид? В смысле родовую принадлежность?

Она-то на заразность Лина грешила, когда поняла, что меняется...

Лин пожал плечами:

— Я о таком никогда не слышал. Аик и Брендон тоже. Мигель сейчас перерывает все доступные архивы в поисках информации о подобных тебе существах. Пока... Глухо. Видишь ли... Образование у вампиров и оборотней всегда хромало — нужны люди-консультанты, но лезть в Сорок первый округ пока рановато. Не хочется выдавать тебя.

Ник поежилась и попыталась поднять настроение Лину:

— О, я, кажется, знаю, чем ты захочешь заняться, когда освободишься от клана!

Лин даже повернулся к ней, отвлекаясь от дороги.

— И чем же?

— Ты пойдешь учиться! В человеческий университет! Вот! — она засияла улыбкой.

Лин мягко рассмеялся:

— Хорошая идея. А ты будешь веселиться и взрывать все налево и направо?

Она кивнула — знала, что Лин поймет её и не будет устраивать истерики: я глава семьи, я её должен содержать!

— Как ты догадался? Ты будешь пахать носом учебники, а я буду развлекаться с парнями и громить зоны!

Лин тактично не напомнил о ребенке, за которым тоже кто-то должен следить — не хотел ей портить настроение. Она еще, похоже, не поняла и не осознала, что раз Икс стала лет в семь-восемь вампиром, то это значит одно — родители Ник торговали детьми... Клонами, но все равно детьми...

Громко и крайне обиженно запиликал интер Линдро. Тот посмотрел номер входящего звонка и простонал:

— Понеслоооось... Кажется, Рик не удержался и отправил фото кому-то из отряда...

Ник вопросительно приподняла бровь:

— И...?

— И это звонит Ма. — Он принял звонок и включил громкую связь: — Привет, Ма! Мь с Ник тебя внимательно слушаем!

Голос миссис Росси звучал взволнованно:

— Привет, ребенок! И...

Ник подсказала:

— Просто Ники, миссис Росси...

— Можешь меня звать Просто Анна... И передай, пожалуйста, Ники, моему ребенку, что он сам знает кто!

Лин звонко рассмеялся:

— Ма, я все слышу! Я понимаю, что ты планировала эту свадьбу...

— Ребенок! При чем тут это? Утес сбросил фото Жердю. Тот Ульву и Зиме, а тот Кедрю. Кедр, золотая голова, скинул фото Брендону... Тот показал их Мигелито, причем Миге сейчас по потолку бежит...

Ник замерла, для верности рот себе еще и ладонью закрывая, чтобы не задать глупый вопрос — вот чего она не ожидала, так это... Мигеля и Анны... Лин заметил её реакцию и приложил палец к своим губам:

— Шшш!

А миссис Росси тем временем продолжала:

— И если ты думаешь, что после этого я все узнала, то ошибаешься! Миге сообщил Мие, а та целый час страдала, надувала щеки и таращила глаза, боясь сказать мне! Ребенок, почему я все узнаю последней?

— Ма... — Лин откашлялся, — предполагалось, что никто не узнает. Я хотел приехать и сыграть свадьбу в Либорайо как положено.

— Ребенок... Ты сам знаешь — кто. Ники, ангел мой, поцелуй этого мальчишку в щеку и отвесь ему подзатыльник. А потом опять поцелуй... Хорошо?

— Хорошо, мис... Эээ... Анна...

— Спасибо, Ники, хоть кто-то уважает меня. И будьте счастливы...

— Ми... Эм... Анна... А ведь это еще не все.

Лин закачал головой, но Ник все же сказала:

— Вы скоро станете бабушкой.

Та лишь сурово спросила:

— Ребенок, Миге знает? Если эта холоднокровная сущность знает — я его прибью.

Лин рассмеялся:

— Я позвоню ему и предупрежу, чтобы он не слазил с потолка, Ма.

— Предатель, — только и сказала миссис Росси. — Хорошо... Берегите себя и возвращайтесь скорее. Пойду, Мию и Лину обрадую хорошими новостями.

Лин положил интер в гнездо на приборной панели, словно это была неразорвавшаяся бомба.

— Сейчас снова рванет, Ник...

Она, быстро опережая возможный звонок, спросила:

— Анна и Мигель... Они...?

Лин посмурнел:

— Они разные виды, Ник. Это еще недавно было запрещено. Когда они познакомились, об отношениях между вампирами и оборотнями даже речи идти не могло.

— ...иначе бы пришел ловец...

— И это тоже.

— Поэтому Мигель так печется о тебе?

Лин взъерошил себе волосы:

— Он... Он воспитывал меня, как воспитывал бы собственного ребенка, учил всему, он отдал мне свой отряд, он опекает мою мать...

— ...он смотрел, как она выходит замуж, как рождает детей не от него... Как живет с ненужным тигром... Потому ты и держался от меня подальше, да?

Лин вздохнул:

— Ник, это не так. Это немного не так. И... У Мигеля своя голова на плечах. Он сам все решит — стоит ли рисковать. У него свой взгляд на эволюцию и отношения между видами. А Ма очень хотела еще детей, только и всего. Это сложно, Ник. Это очень сложно.

Ник сжала губы, а потом процедила:

— И после этого именно Мигель мне читал лекции о милосердии, человечности и уважении окружающих.

Лин лишь повторился:

— Это очень сложно, Ники...

— Ничего, я ему тоже найду что сказать, когда вернусь.

Интер коротко тренькнул, и Лин пояснил для Ник:

— Ма перевела подарочные деньги на свадьбу. У нас так принято, когда не знаешь, что подарить. Или не можешь лично подарить, как в нашем случае.

Интер снова зазвонил...

Лин принял звонок — от всего седьмого отряда, а потом от Брендона, от Энни, от незнакомых Ник техников и еще кого-то — магов, стюардов, медиков, следователей... И интер тренькал, тренькал и тренькал, сообщая о новых переводах. А потом позвонил Мигель, довольно сухо поздравляя Линдро. Ник старательно молчала — она до сих пор не могла поверить, что кто-то в алоглазом бешенном существе мог рассмотреть Мигелито... Хотя, когда он освобождал Анну и Линдро, ему было около двадцати лет, а Анне и того меньше. Тогда кого только не полюбишь. Или... Ник прикусила губу — она же смогла влюбиться в Брендона. Пусть ненадолго, но влюбилась же. Почему тогда Мигеля нельзя любить? Ник скисла — любить долго и преданно. Мигеля. В которого она однажды по рукоять загнала свой кинжал с перепугу. А Мигель теперь почти семья, оказывается...

— Что-то я не слышу Ник, Лин, — сказал Мигель — интер Лина весь день был включен на громкую связь. — Вы что-то там опять не поделили? Утес рассказывал, как она выплясывала на клеверном поле — драть Ник некому было! Я же просил её не плясать на твоих оголенных нервах...

— Мигель, пожалуйста, — не выдержал Лин. — Не надо её специально задевать — она знает, что делает.

— Чаще всего — да. Но ведь бывает и иначе, Лин.

Ник с трудом разлепила губы:

— Ты меня до колик пугаешь, Мигель.

— Ник, ты меня тоже пугаешь до колик, которые вампиру вообще не свойственны. Береги себя, Ник. Ты же теперь не одна.

Лин вежливо закашлял, и Мигель фыркнул:

— Прекрати, Лин. У неё теперь я есть, Анна, Мия, Лина... Мне остальных перечислять тех, кто волнуется за эту девчонку? Это же не человек, это хаос какой-то ходячий. Десятый округ тут очнулся — потребовал компенсацию за цунами. Прикинь, тормоза?!

Лин отмахнулся:

— Найдешь где-нибудь деньги...

— Найду... Я лучше вам эти деньги перечислю в качестве свадебного подарка. И, Ник, это действительно только свадебный подарок — не смей его тратить на всякую ерунду в виде вампиров. Хорошо?

— Хорошо, — согласилась Ник.

— Тогда удачи и возвращайтесь быстрее! — Мигель положил трубку, а потом интер вывел на экран очередное сообщение о переводе. Лину только присвистнуть оставалось при виде суммы:

— На Брендона хватит. Хоть сейчас.

— Или, — отключая интер Лина, сказала Ник, — на твою учебу в университете.

— Ясно, — улыбнулся Лин.

А дорога все летела и летела, ложилась по колеса автодома выбоинами и трещинами — погибший Двадцатый округ был ближе и ближе. Дороги становились все хуже.

Праздничный ужин приготовили в четыре руки Лин и Аик, пока Ник и Утес вели машины. Вечер прошел весело — парни специально не разговаривали о делах, шутили и

травили байки из своего прошлого — хорошего прошлого, времена войны никто не затрагивал. Ник даже рассказать было нечего — ни приют, ни школа ловцов на хорошее не претендовали, а работа ловцом тем более. А потом опять была дорога. Темные холмы, глубокие распадки, плотные, хмурые леса — сплошь сосны да ели в синих и зеленых пятнах лишайников. Ник дремала в кресле, пытаясь понять своих родителей. Её сестры означали одно — кто-то из родителей специально выращивал её клонов. На продажу. И от этого понимания было больно. Оказывается, все, что помнила она о доме — вкус черной лапши, аромат пигоди, веселый голос: «Так ты любишь блинчики!», вкус этих резных блинчиков, больше напоминавших по виду неудавшиеся кляксы, а не ровные блинчики в исполнении Брендона, — все это ложь. Правда в том, что кто-то из родителей выращивал подобных Ник клонов и... Продавал их. В бескорыстную раздачу девочек вампирам Ник верила еще меньше.

— Ники? Все хорошо? — тихо спросил Лин — время перевалило за полночь.

— Хорошо, что у тебя замечательная семья, Лин... Вот это точно хорошо, потому что моя семья подкачала...

Его ладонь пронеслась по её волосам, утешая:

— Не бери в голову — мы еще почти ничего не знаем. И иди спи...

— Я лучше тут, с тобой... — сонно сказала Ник.

— Ясно...

Проснулась она глубоко за полдень — солнце сияло во всю, а автодом чуть потряхивало на выбоинах. Они опять ехали.

Ник резко села в кровати и, быстро причесав волосы, понеслась в кабину с воплем:

— Лиининин!!! Лин, прости!

Автодом дернулся на дороге и резко вильнул в сторону, паркуясь на обочине. Лин выскочил из кабины:

— Ники?! — он рванул к ней, прижимая к себе и принюхиваясь: — что случилось? Тебе плохо?

Она хлюпнула ему носом в грудь:

— Я проспала нашу первую брачную ночь! И ты не разбудил меня!

Лин облегченно выдохнул:

— Ники...

Она подняла глаза на него:

— Почему ты меня не разбудил?

Лин наклонился и поцеловал её в кончик носа, возвращаясь в кабину:

— Потому что ты слишком хорошо спала. Потом будет не до сна.

Он взял разрывающийся от звонка интер:

— Прости, Утес, все хорошо — это Ники проснулась... Да-да-да, я сумасшедший новобрачный, мне положено срываться к жене... Пока.

Ник же встала в дверях кабины, прикусывая губу. Потом будет не до сна. Потом будет ребенок. Потом, действительно, будет не до сна. И... Не до дорог. Сперва её работа и работа Лина, потом его учеба, потом ребенку придется идти в школу... Ник обняла себя руками за плечи — что-то она не продумала. Что-то с её жизнью пошло не так. Она мечтала путешествовать с Лином, а вместо этого дом придется поставить на прикол на два десятка лет.

Лин повернулся к ней с водительского кресла:

— Все хорошо?

Она лишь кивнула — он-то ждал дитя, он радовался ему, а Ник? А сама Ник? Ей-то всю... Ей планы на два десятка лет испортили... Она не человек, ей надо привыкать мыслить другими категориями. Двадцать лет — когда-то пропасть, теперь же... Это много, но не катастрофично, хоть дико неприятно. Только планы на эти два десятка лет все равно были другие.

Дом затих — что-то он тоже не предусмотрел в своих планах. Что-то пошло не так.

Глава 40. Хаос по жизни

Только через четыре дня спустя они приехали на пост в деревне Арс-ан-Пэ. Первое, что спросила Ник, просыпаясь утром от прикосновения Лина:

— Принц не объявлялся?

Всю ночь в дикой круговерти сна ей виделись то лица сестер, то прутья решетки, то чье-то лицо — чуть улыбочливое, настороженно произносящее снова и снова: «Так ты любишь блинчики...», то наглые зеленые глаза под рыжей челкой.

— Нет, — улыбнулся Лин, подавая Ник поднос с завтраком. Он уже умылся, побрился и, кажется, провел пару часов за рулем. — Он крайне необязательный принц.

Она села в кровати и потянулась за успокаивающим поцелуем:

— Ну и к рогатым оркам его. Мы чего стоим?

— Айк пошел в отделение стражей, забирает дело — они его уже готовили к передаче в архив. Заберет — поедет дальше. Посмотрим, что там в зоне.

— Ооо! — бледно расцвела Ник, вспоминая очарование магической бури. — Там захватывающе. Там классный хаос — круче, чем Ден применил. Красиво и страшно.

— Ясно, — увел блинчик из-под носа Ник Лин. — Значит, тебе пригодится ультра Брендона — мы захватили её с собой на всякий случай.

— А как мы найдем место эээ...

— ...преступления? — подсказал Лин.

— Да... Его... — Настроение, и так подпорченное снами, стремительно ухудшалось. Ник даже поднос с едой убрала — поставила на прикроватный столик.

Лин выгнул бровь, но спрашивать, что не так с едой не стал:

— Местные стражи пометили его автоматическим маячком, так что доберемся, не бойся. И пойду я — хочу пока Айк занят, посмотреть зону... Завтракай и присоединяйся ко мне, хорошо?

Она кивнула:

— Хорошо! Только заметишь принца...

Лин обернулся в дверях:

— Я помню — не гонять его.

Ник все же нашла в себе силы признаться:

— Знаешь, что-то я уже передумала — не хочу ничего знать о семье. Может, стоит прогнать принца взащей?

— Ого, какие планы... Предлагаю все же сперва на него посмотреть. Вдруг он хороший?

— Вдруг... — прикусила губу Ник.

Лин вернулся, провел пальцем по её губе, а потом наклонился и поцеловал её:

— Ники...

Она вцепилась в него, как утопающий в спасательный круг:

— Не уходи... Мне страшно без тебя... Не уходи...

— Ники... — Лин опустил на кровать, заглядывая ей в глаза: — что случилось?

— Не уходи... — объяснять ничего не хотелось — он-то ждал малыша, это она испугалась до одури, что её привычный мир летит в никуда. — Просто не уходи...

Она, отсекая ему пути к отступлению, потянула его футболку вверх, скользя пальцами по жаркой, бархатистой коже. Для надежности она еще и укусила Лина за нижнюю губу.

Только это не помогло — Лин отстранился в сторону, облизывая кровь с губы:

— Ники... Поговори со мной. Я не понимаю последние дня четыре, что с тобой происходит. Ты стала мрачной и задумчивой. Куда пропала моя улыбчивая девочка?

— Лин...

— Если это из-за принца, то ничего не бойся. Во-первых, я его не трону. Во-вторых, тронет тебя — я его так трону, что забудет дорогу к тебе. В-третьих, я полностью тебе доверяю.

— А если кому-то покажется, что я влюбилась в принца? Что я к нему благоволю?

— То это будут личные проблемы того, кому показалось. Что-то еще? — он осторожно приподнял за подбородок её лицо, ловя взгляд. — Или... Дело не в принце? Дело в свадьбе? В ребенке? В твоей семье?.. Я уже ничего не понимаю... Я знаю по матери, что психика беременных лабильна. Ма умудрялась наорать на Мигеля, погонять его по дому, обнять и плакать ему в грудь, а потом опять орать, что он глупая деревяшка, не способная рисковать... А потом снова реветь в ничего не понимающего Мигеля... Поговори со мной, Ники... Ты ведь помнишь, я обещал, что не ограничу твою свободу?

— Помню, — угрюмо сказала Ник, прижимаясь к его голому торсу.

— Я не ограничу её, Ник. Я слово держу. — он принялся ласково гладить её по спине. — Поговори со мной...

— Я... Я вдруг поняла, что лет на двадцать надо пересмотреть все свои планы на жизнь и поездки.

Лин нахмурился:

— Почему? Что изменилось?

Ник собралась с силами и выдохнула из себя единой фразой:

— Потому-что-сперва-ты-пойдешь-учиться-а-потом-пойдет-учиться-ребенок!

— Ух, как... Во-первых, я могу и не пойти...

Она резко прижала свою ладонь к его губам:

— Не обсуждается.

Они понятливо кивнул и продолжил, когда ладонь исчезла:

— Во-вторых, я могу учиться дистанционно или даже заочно. Это, не говоря о том, что бывают такие шутки, как каникулы. И ребенок всю первую ступень школы может обучаться дистанционно или вообще получать образование дома, как многие оборотни. Это не проблема. Это не мешает нам путешествовать. Понимаешь? А когда малыш пойдет учиться дальше, то у тебя будет куча нянек, с которыми его можно будет оставлять — Ма, Лина, Мия, не говоря уже о простых нянях, которых легко нанять. Ник, твой мир изменится — я знаю это, было бы глупо обещать, что все останется по-прежнему. Нет, мир изменится, но не так кардинально, как ты думаешь. Хотя бы потому, что я умею обращаться с детьми. Кто, по-твоему, помогал Ма с Линой и Мией? Да, приходил после службы, после дежурства, после рейда и помогал с детьми. Это несложно. Сложно — когда тебя рядом нет и знаешь, что ни на что претендовать не можешь. Все остальное — решаемо. И, Ник, мне кажется или ты уже успокоилась?..

Она радостно фыркнула ему в надплечье:

— А еще я боялась, что ты заразный...

— В смысле...? — опешил Лин, все же стараясь сильно не отстраняться — Ник как раз целовала ключицу, и хотелось одного — застонать, прижимаясь к Ник сильнее.

— В смысле, бешенный... А оказалось, что это я неведомая зверушка... И семья у меня

отвратительная, а я так кричала на тебя.

Он все же отстранился:

— Ник, про твою семью еще ничего неизвестно — не стоит страдать раньше времени. Хорошо?

— Хорошо, — кивнула она, и Лин наклонился для поцелуя, затаскивая Ник к себе на колени — время до прихода Айка еще есть.

В зону триста два они въехали через час. Первым привычно ехал броневик парней, автодом неуверенно крался за ним — именно крался, дорог тут не было. Единственное шоссе вдоль Границы их не интересовало, им надо было вглубь зоны. Мареву Границы, обещавшее горы, почти не обмануло — горы были. В небесах, сейчас чуть лиловых. Лин перед заездом в зону выяснил, что магический шторм, бушевавший тут больше месяца, пошел на спад. Ник подалась вперед в кресле, рассматривая горы, даже губу от прикусила от волнения — мимо медленно дрейфовали куда-то на север огромные, демонстрирующие каменные горные породы скалы, мелкие осколки непонятно чего, длинные языки ледников, широкие плато с деревьями и падающими с их краев водными потоками — чаще, конечно, вниз, но бывало и в бок, а то и вверх — гравитация в зоне хаоса понятие относительное. Тут даже солнечные лучи умудрялись изгибаться и выборочно освещать осколки. Всё это время от времени сталкивалось с громким гулом, разлеталось вновь, затихало и снова возобновляло движение, как конвейерная лента. А под горами, покуда хватало глаз и зрения, простирался огромный, медленно уходящий вглубь земли провал — солнце даже не могло дотянуться до его дна. Там клубилась темень. Ник даже показалось, что тьма была живая — тянуло из провала холодком и голодом. Тьма шевелилась, её языки вырывались вверх, словно пытались пробиться к солнечному свету, но бессильно опадали и снова прятались на глубине.

Лин пояснил:

— Газы и пепел. Глубина в провале приличная — не думаю, что дна реально достигнуть без ультры. Там температуры должны зашкаливать...

Ник выдохнула:

— Красиво... И страшно — что бы тут не творилось, земля не заслужила такого, и люди, живущие тут, тем более.

— Тут почти никто не живет — так, изгой из вампиров и оборотней. И с ними...

Ник вздохнула:

— Лучше не встречаться.

— Именно. Они не соблюдают правил — говорят, тут даже хомофильных вампиров засекали.

Ник передернула плечами:

— Таких и в округах хватает. Не все вампиры готовы питаться кровью животных.

Лин хмыкнул:

— Вот не любишь ты вампиров...

— Извини, это перекося образования. Ничего пока с собой поделать не могу, но я стараюсь, честно, Лин.

Он протянул ей руку и пожал её ладонь:

— Я знаю. И Мигель по твоей классификации все же человек, просто он вспыльчивый. У людей тоже бывают проблемы с контролем гнева.

Дорога шла под уклоном вниз, под шинами шуршала сухая трава, трескались сучья

деревьев и стучали камни. Лин сильнее вцепился в руль, удерживая автодом от глупостей. Тот все чаще и чаще вздрагивал, словно боялся развалиться на местных ухабах, стонал и пытался на очередной рытвине взмыть куда-то вверх. Пальцы Лина на руле побелели — Ник впервые видела, как дом пытался бастовать, но был вынужден подчиняться снова и снова. Спустя полчаса езды, когда до тени от гор оставалось всего ничего, с сотню ярдов, Лин связался с Утесом по интеру:

— Рик, приехали — автодом еще чуть-чуть и развалится.

Дом радостно подтвердил это диким скрежетом под днищем и рывком в сторону — Лин еле успел вывернуть руль, чтобы избежать столкновения с одинокой, искореженной ветрами сосной.

— Приехали, так приехали, — отозвался Рик. — Щас... Еще с сотню ярдов дотянем — там в ложбинке ручеек хороший вижу.

— Понял, — отозвался Лин. — Еще сотня ярдов, ты уж потерпи, дом...

Ник улыбнулась — дом терпеть отказывался, он стонал и ругался мотором, рыча, как голодный зверь. Лин даже его погладил по рулю:

— Ну-ну, хороший мой, чуть-чуть осталось. Почти приехали.

Дом рыкнул и все же дотянул до ложбинки, становясь почти вплоты к броневику парней.

Гул мотора стих, и навалилась тишина, изредка прерываемая грохотом с небес. Ник передернула плечами — придется повозиться с защитной сетью, не хотелось бы, чтобы с небес на их лагерь обрушились горы.

В ложбинке, и впрямь, было хорошо — по дну тек ручей, терявшийся в многочисленных кустах, холмы с двух сторон защищали от ветра, зеленая трава упрямо пробивалась через сухостой. Вдалеке даже деревья росли.

Лин кивнул своим мыслям и согласился:

— А неплохое место, почти ровное и даже уютное. Смотри, сколько тут цветов, Ники. Еще первоцветы — надо же, как тут холодно получается, а ведь море близко, климат должен быть мягким, как в Либорайо.

Ник взяла стопперы под колеса и, захватив куртку на всякий случай, рванула наружу. Лин выскользнул за ней следом. В воздухе пахло свежей травой и немного серой из провала. Ник зафыркала и закашлялась с непривычки.

Утес и Айк уже осматривались, проверяя по планшету направление сигнала от маячка с места убийства.

— Вроде недалеко должно быть... Провырнемся по-быстрому? — Утес обернулся к подходящему к ним Линдро.

Тот возразил:

— По-быстрому не получится — надо ультраы разогреть и проверить.

— Пфф, — Утес потянулся, — тут не проблема в зверином обличье попрыгать со скалы на скалу.

Лин без слов ткнул указательным пальцем в Айку, потом большим пальцем назад — в Ник, деловито осматривающую дом — тот кажется, больше притворялся, чем пострадал от бездорожья.

Утес потер затылок:

— Оставим на хозяйстве?

Айк не удержался:

— Это Ник-то?

Утес почти взмолился:

— Я весь зад уже отсидел — еще чуть-чуть и орать дурниной буду... Лиинин, давай прошвырнемся, а? Запахи же не прибитые к скалам, за три недели и развеяться могли к рогатым оркам.

Лин просто пошел к броневнику, открывая высокую боковую дверь грузового отсека и нажимая кнопку запуска дополнительных опор.

Утес продолжил стонать:

— Все равно Ники и ультры — несовместимы. Она даже в ледяной зоне выпрыгнула из ультры, она ей якобы мешала.

Ник подошла к Утесу, обнимая его за грудь — выше не получалось из-за роста:

— А Ники тут ничего против ультр возражать не будет. Я не люблю скакать горным козлом там, где можно прокатиться в удобном доспехе. И еще раз предложишь остаться на хозяйстве — поставлю к плите самого.

Рик сглотнул:

— У меня сухпайков с собой много.

— А я их все надкусаю. Мы, беременные, прожорливые до ужаса. Все ясно?

Утес понятиливо кивнул. Айк довольно рассмеялся, даже Лин усмехнулся.

Из недр отсека выехала панель с подвешенными на тельферах ультрами. Лин принялся по очереди запускать прогрев и диагностику:

— Выход через час, парни... И, Ники, придумай себе новый позывной, старый устарел.

Утес храбро предложил:

— Леди!

Ник нахмурилась, а потом кивнула:

— Почему бы и нет. И пойду я — работы много. Надо защитную сеть наложить, а вы пока отдыхайте, Утес, отдыхайте...

Лин проводил её тревожным взглядом, так что Ник даже помахала ему рукой, успокаивая. Уже успевшим зарядиться кинжалом она принялась вписывать временный лагерь в защитный круг, усиливая его более стабильной пентаграммой — просто на всякий случай.

Айк притащил из машины планшет и уселся на ближайшем валуне вместо стула.

Лин занимался диагностикой ультр.

Один Утес ходил неприкаянно, не зная, чем себя занять. Лин не выдержал:

— Рик, займись уже чем-нибудь общественно-полезным, а? Или я сам тебе найду занятие.

— И какое? — с готовностью уточнил Утес.

— Обед приготовь!

— Вот же хрень... — вздохнул Рик, но обедом занялся. Сам понимал, что не стоит выходить в рейд на голодный желудок. Айк тихо фыркнул, что-то просматривая на планшете, а Ник, закончив пентаграмму, подошла к Лину, поднимая правую руку вверх — тот с удовольствием дал ей «пять».

Утес же пробормотал:

— Росси, вы ужасны. Оба.

Лин вернулся к ультрам, посматривая на Ник. Та, больше не зная, чем себя занять, не удержалась, подошла к Айку:

— Что-то новое по делу есть?

Он не стал отмалчиваться, только чуть громче, чтобы и парни слышали, сказал:

— У них был один подозреваемый, но тот соскочил — стопроцентное алиби, его видели в дни предполагаемого убийства в другом кантоне. Некто Поль Беранже. Вампир из изгоев живет где-то тут в хаосе, постоянного места пребывания нет... Он дал показания, что Салли — так он назвал убитую, была его воспитанницей. Он её нашел в первый год войны на развалинах замка клана Фальконе. Жили тут такие — на границе с Пятым округом... Девочке тогда было около семи-восьми лет, ни имени, ни фамилии она не помнила. Выглядела умственно-отсталой, но со временем выправилась, почти догнала в разуме сверстников. Жила вместе с Беранже тут в хаосе до последнего года. Стражи полагают, что Беранже и его воспитанница из хомофильных вампиров, потому и не пытались вернуться в цивилизацию, но доказательств хомофильности у них нет. С полгода назад Салли ушла от Беранже — сказала, что нашла парня. Беранже утверждает, что не останавливал её, говорит, что расстались хорошо. Она обещала вернуться и рассказать что-то о семье. Прямо идеальный подозреваемый этот Беранже, но стражи развели руками — алиби непрошибаемое. Еще Беранже потребовал тело девушки назад — для захоронения. Сказал, что придет на пост через две недели — видимо, нуждается в крови и пошел на охоту... Все. Больше ничего нового по делу убийства Салли Беранже нет. Стражи рады, что мы забрали дело: Беранже — не граждане Двадцать первого округа, в самом округе появлялись редко, не чаще одного раза в месяц, тело обнаружено на ничейной территории, так что... Все равно бы пихнули дело в нераскрытые и забыли бы, а так — это теперь наша головная боль. Правда, местных стражи на всякий случай предупредили, что в кантоне может быть маньяк — уж больно способ убийства мерзкий.

Ник пожала плечами:

— Маньяк не обязателен.

Айк послушно кивнул:

— Да, из ненависти так тоже убивают. Согласен. Еще возможен вариант с сумасшедшим. Под ритуал не подходит — слишком бессмысленны нанесенные травмы.

Ник вздохнула и все же добавила:

— Ты забываешь еще одну причину для такого жестокого убийства.

Айк поднял на неё глаза:

— Какую?

— Служебную инструкцию.

Лин отвлекся от ультр и посмотрел на Ник. Та пояснила:

— Чтобы убить лорда, требуется временно умертвить его, потом засунуть под язык клевер, загнать в сердце метеоритное железо и испепелить труп. Вампиру положено, кроме осинового кола в сердце, отрубать голову и испепелять на солнечном свете... С точки зрения стороннего наблюдателя — чрезмерная и ненужная жестокость... И нет, кого убивают так, как Салли, я не знаю, но жестокость говорит сама за себя — иногда по инструкции надо убивать, как говорится, с особой жестокостью. И не смотрите на меня так, мне везло, ни разу не понадобилось *так* убивать. А ледяного лорда с особой жестокостью упокоил Брендон. Я лишь чуть помогла.

Айк приподнял брови, но промолчал. Утес вынес из броневика саморазогревающиеся упаковки с едой и замер, давась ругательствами. Лин вернулся было к ультрам, а потом плюнул и подошел к Ник, без слов прижимая её к себе. Он все же зашептал в макушку:

— Я такой кретин... Я должен был тогда по осени пойти за тобой, я должен был...

Ник сдавленно сказала куда-то ему в грудь:

— Все уже в прошлом... Интересно: всех неведомых зверушек, вроде меня, положено убивать, как Салли, или...?

— Я никому не позволю причинить тебе боль, просто поверь, Ники.

— Верю. — она чуть подалась назад. — Кстати, я с защитой закончила. Теперь можно смело оставлять машины тут без присмотра — никто не проберется к ним. Так мы... Пойдем к месту убийства или...?

— Или. Сейчас обед, потом пакуемся, обкатываем ультры в ближайших скалах, а потом идем на осмотр места преступления.

Глава 41. Хрендостаниум

Скала, где убили Салли, ничем не отличалась от соседних — каменный осколок в бурых пятнах лишайников. Утес взял под контроль условный север — магнитное поле в хаосе тоже сбило, Ник достался юг — вокруг крутилось слишком много мелких обломков, то и дело пытавшихся столкнуться с их скалой. Айк обследовал место убийства, обрисованное мелком в вытопанных зарослях вереска. Лин задумчиво ходил, открыв забрало и шумно принохиваясь.

Ник стояла, прислушиваясь — ничего: ни злобы, ни ненависти, ни упивания болью. Только чувство долга и раболепное чинопочитание. Кажется, Салли, действительно, убили, потому что Ник неведомая зверушка, с которой нужно разбираться именно так. От этого было больно где-то под ложечкой и сердце билось с диким перестуком — кто же она такая, что способна меняться в угодку своим желаниям, что окружающие боятся её, что спокойной жизни ей не положено...

Рядом рыкнул Утес:

— Леди, не зевай! — он резко развернулся к ней, стреляя из встроенного в доспех плазмомёта в попытке остановить несущийся в их сторону обломок. Плазма до обломка не долетела — увязла в защитном щите Ник, как и сам обломок. Лин лишь скрежетнул зубами:

— Утес! Чуть-чуть доверия!

— Эээ, извини, Леди, облажался...

Она пожала плечами:

— Бывает. — Она стала разворачиваться к своему сектору, как вдруг заметила странный серебристый камень, ярда два в диаметре, отскакивающий от ближайшей скалы и летящий к ним. Интуиция просто взорвалась криком: — Ложииниись! Утес, на одиннадцать часов!!!

Тот резко выдернул из-за спины ствол гранатомета, включил фиксаторы на доспехе и выстрелил. Ник выхватила из ножен на бедре кинжал, но тот с тихим свистом разрядился прямо у неё в руке. Следом за ним мигнули и померли все амулеты на ультрах. Защитная сеть спокойно пропустила серебристый осколок, словно магии для него не существовало. Правда, встречи с гранатой, а Утес вдогонку выпустил еще одну, обломок не перенес — взорвался на множество осколков, тут же разлетевшихся разнокалиберным смертоносным облаком.

Утес включил реактивный ранец и рванул в сторону, под прикрытие пролетающего мимо плато с деревьями. Лин, подхватив замешкавшегося Айка — тот совсем не боец, быстро полетел в бок, вдоль скалы, прикрывая парня своим доспехом. Ник, оттолкнувшись от края земли, помчалась под скалу, на её теневую сторону, замечая, как облако острых обломков достигло ближайших летающих гор, врезаясь в них. И тут начался ад — скалы задвигались, заволновались, стали сталкиваться друг с другом, неповоротливо разлетаться, взрываться новыми осколками, скрежетать, заваливаться, переворачиваться, перекрывать проходы и пытаться расплющить бешено несущуюся между ними Ник. Судя по ругани, раздававшейся в эфире, дела у парней обстояли не лучше. Маггравикомпенсаторы вырубилло вместе со всей магической начинкой, и теперь каждый из них оказался лягушкой в пакете — чувствовался каждый рывок двигателей, каждый удар, каждое резкое торможение. Ник, сцепив зубы и напоминая себе, что Лин счел её сильным самостоятельным стражем, выбрав для защиты хуже подготовленного Айка, старательно аккуратно лавировала между скалами,

продиралась через облака пыли и мелких осколков, рискуя насмерть застрять, виляла, используя все двигатели, плазмой разбивала препятствия, резко возникающие на пути, распластывалась лягушкой, прижимаясь к поверхности, пока над ней буквально в паре дюймов пролетал ледник, царапавший на земле длинные полосы. К счастью, Ник удалось вжаться в трещину, избегая встречи с краем ледника — Лину бы не понравилось, если бы она не оправдала его доверия. На лицо, забрало Ник привычно откинула, посыпалась колкая ледяная крошка. Левую ногу обожгло болью, доспех тут же впрыснул обезбол, игнорируя запись о беременности. Бедро сжало в верхней трети — доспех пережал ногу выше ранения. Холодный голос Лина, видимо, заметившего на экране пометку об инъекции, раздался в наушниках:

— Леди, отзовись. Состояние?

Ник выругалась себе под нос:

— Жива, Листопад. Чуть задело льдом бедро. Ерунда.

— Где ты?

— Тебе честно? — она отдышалась и медленно приподнялась на локтях, оглядываясь — ледник прекратил движение, замирая над ней. — Я... Где-то.

Утес заржал:

— Листопад, подтверждаю, я тоже где-то в глубокой заднице. Такой знаешь... Исторической — кругом слои известняка с красивыми доисторическими ракушками. Красиво, но малоинформативно.

Лин сдавленно выругался, а потом скомандовал:

— Леди, ты первая — выстрел из ракетницы. Попытаемся засечь твоё местоположение.

— А можно я как-нибудь сама? А то выстрелю, а эта вся красота вокруг снова заколыхается и задвигается? Чувствую себя породой на ленте конвейера-дробилки.

— Это Утес, снова подтверждаю — что-то не хочется тут больше стрелять ни из чего. Это, вообще, что за штука была, а?

Ответил неожиданно Айк:

— Видимо, местная разновидность анобтаниума. И дальнейшее обсуждение не в эфире, парни. Это слишком серьезно.

— Есть, слишком серьезно. — буркнул Утес. — Только мы ваших ученостей не учили... По-простому нельзя?

— По-простому, — отозвался Лин, — это хрендостаниум. И все, никаких обсуждений в эфире, тебе же сказали... Леди...

— Да, Листопад? — отозвалась Ник, внутренне соглашаясь с ним, что обсуждать неизвестное вещество, способное уничтожить магию или всасывать её в себя, в прямом эфире и впрямь не стоит. Она встала, аккуратно опираясь на раненую ногу — доспех вскрыло прямо по неработавшему некроамулету защиты. Дюйм ниже или выше, и фиг бы броню прорезало. В броне что-то хлюпало, и Ник старательно не напоминала себе, что при ранении бедра можно лихо потерять до пяти пинт крови. Или до десяти? Она замотала головой — снимать доспех сейчас было бы верхом безалаберности. Оставалось надеяться, что наложенный доспехом жгут сработает. И вообще... Там царапина.

— Леди, попытайся выбраться на свободное пространство и сориентироваться, чтобы мы тебя нашли. Мы с Айком возле плато с ледником — оно стоит к земле под углом в девяносто градусов. Плато огромное, с него падает вверх хороший такой водопад — надеюсь, с твоего места его заметно. — Других ориентиров, где солнце обманывало, где компас не

работал, а гравитация играла сама с собой, не было.

— Да, Листопад... — Ник огляделась в мешанине окружавшего её хаоса и выбрала путь между двумя сцепившимся скалами, врезавшимися в ледник — проход между ними выглядел более безопасным, чем узкая трещина, возникшая между скалой, укрывшей Ник, и вековым льдом. Там еще неизвестно, протиснешься или нет, а плазмы мало осталось. Магии же ни в округе, ни в самой себе Ник не чувствовала — доспех весь был присыпан серебристой пылью хрендостаниума.

Ник протиснулась между скал, выпрямилась на их теперь общей верхушке, прислоняя руку козырьком к глазам, чтобы лучше было видно. Скалы, пыль, шатающиеся в остаточных колебаниях летающие горы... Где искать плато с ледником, Ник не имела ни малейшего понятия. Лин со вздохом подсказал:

— Леди... Забрало опусти. Мы тебя видим — на экран уже выведен безопасный маршрут к лагерю. Тебя подобрать или...?

— Я сама полечу — ищите Утеса.

Лин сухо сказал:

— Хорошо, Леди. Увидимся в лагере.

И на сердце стало тепло — он верил в неё, несмотря ни на что Лин полностью доверял ей и верил. Хотя отчаянно хотелось на руки и в душ, а не хлюпать в лагерь в продранном доспехе. Брендону может не понравится то, что Ник уничтожила его ультру.

Костер и принца возле лагеря Ник заметила издалека. Проигнорировать столь рыжую макушку было сложно. Принц в развевающихся алых одеждах привстал с бревна, на котором изволил отдыхать, и приложил руку козырьком к глазам — видать, любовался прибытием невесты. Хотелось ругаться — ну почему принц заявился именно сейчас, когда хочется быть только с Лином и не отвлекаться на всяких высокомерных лордов? Очень красивых лордов, из тех, про кого говорят: мед, шелк и пламя. Ник проворчала про себя:

— Горький мед, драный шелк и ненужное пламя.

Лин тут же отозвался:

— Леди?

Она пожаловалась:

— Тут принц пришел, Листопад.

— Иии...? — влез так и не нашедшийся Утес.

— Иии да пошел бы он дальше, парни, вот честно!

Ник приземлилась перед лагерем, пробежкой гася скорость. Тело заныло от синяков, полученных во время болтанки. Назвать это контролируемым полетом или отступлением язык не поворачивался.

— Ответ неверный, Леди, — не отстал Утес. — Скажи же, что наш Листопад красивее и нужнее, и вообще?

Лин не удержался:

— Утес, отставить — а то ненароком опять в гон упадешь. Мне только тебя для полного счастья не хватало.

Ник фыркнула, снимая шлем перед опустившимся на одно колено лордом:

— Завидуй молча, Утес — Листопад занят мной и прочно занят, лет на сто, не меньше. А то и больше.

Она поправила назад мокрые волосы, прилипшие ко лбу, и ей ни капли не было стыдно за нездоровый румянец на все лицо, на пот, текущий ручьями, на сбившееся дыхание, на

пыль и царапины на щеках. Сейчас все, что беспокоило Ник, так это рана на бедре. И Лин.

— Моя леди... — ласково с придыханием сказал лорд, нагло рассматривая её знакомыми зелеными глазами. Ветер трепал его длинные, рыжие, шелковые локоны. О его скулы можно было порезаться — так остры они были. Губы лепил явно лучший в мире скульптор. Гладкости его кожи могла позавидовать любая красавица. Отшлифованный поколениями родовитых предков, изящный от фигуры до жестов, от одежд до последней пряжки на высоких ботинках, гибкий, хищный, слишком красивый и абсолютно ненужный принц... Лин в разы человечнее и нужнее Ник, чем это бледное, усыпанное веснушками чудо с кольцом в руке.

— Прости, мне не до тебя... — Ник нажала на кнопку распаковки ультры.

Принц понятливо встал с колена:

— Ни грана изящества за все эти годы, Семечка. Ни грана...

— Прости, что не разочаровала. — Ник вылезла из доспеха, пережимая рану на бедре — длинную, но, к счастью, неглубокую.

Она похромала в сторону дома — там, у входной двери всегда стояла аптечка, просто на всякий случай.

Ник села на ступеньки, достала из аптечки медицинский степлер и замерла, рассматривая окровавленные джинсы — портить их не хотелось, дыра, прорезанная ледником, выглядела не хуже дизайнерской, а снимать штаны при принце — увольте! Тот и так чуть ли не ел её глазами, рассматривая с головы до ног. Отчаянно хотелось показать ему язык — чтобы не очаровывался. Впрочем, очаровать кого-либо после рейда было сложно. Ник отодрала присохшую к ране джинсу, включила степлер — он загорелся фиолетовым светом стерилизатора, и... На бедро легла теплая ладонь принца:

— Позволь мне, Семечка...

— Не называй меня так.

Принц задумчиво выгнул бровь:

— И как же тогда мне тебя называть?

— Ник. Меня зовут Ник.

— Как скажешь... — пальцы нагло оглаживали её ногу, скользнув под джинсу, то ли лаская, то ли все же леча рану — кожа под его ладонью зудела, как при заживлении, но вот большой палец явно направился не туда — к внутренней стороне бедра.

Ник прищурилась, выбирая, какой ногой останавливать принца — больной или уставшей, и тот понятливо улыбнулся, убирая ладонь.

— Все? — холодно уточнила Ник.

— Ах да, совсем забыл... — он наклонился к её бедру. — Подуть и поцеловать!

За его спиной приземлились парни. Лин еще в прыжке хлопнул по кнопке распаковки, ультра грохнулась далеко за ним, а он легко пробежался до дома и Ник:

— Настоятельно рекомендую убрать свои руки от моей жены! — правая рука его была сжата в кулак, а вот левая подозрительно свободно висела. Рукав длинной футболки пропитался кровью. Заметив обеспокоенный взгляд Ник, Лин улыбнулся: — со мной все в порядке!

Принц еще раз поцеловал ногу Ник, кажется, даже проходясь по коже языком, выпрямился и повернулся к Лину:

— Добрый вечер! Закат, жених Ник, к вашим услугам!

— Линдро Росси, к вашим услугам. — Лин чуть наклонил голову в приветствии. Рик

и Айк за его спиной настороженно стояли, готовые ко всему. Они ультры снимать не торопились. — Настоятельно рекомендую отойти от Ник — у неё острые коленки. Некоторые потом свой нос с помощью медиков собирают.

Лорд задорно рассмеялся:

— Так это не ревность! Это забота! Забавно. Очень забавно, Ник. — он обернулся к ней, — одобряю выбор мужа. Линдро явно из тех, кто будет стоять за тебя до конца. У него рука на каждом лоскуте...

Ник ахнула и рванула к Лину, осторожно помогая снять футболку:

— Лиинин!

Он прошептал:

— Я же сказал, что все хорошо...

Закат же продолжил, как ни в чем не бывало:

— ...но он будет улыбаться и упадет только когда будет уверен в полной безопасности. Хороший оборотень, Ник. И отойди, пожалуйста, в сторону. У твоего мужа всего лишь перелом — я рассуждал гипотетически.

Ник бросила на лорда гневный взгляд и лишь чуть отодвинулась в сторону, обнимая Лина за талию со стороны здоровой руки.

Закат задумчиво принялся мять левое плечо Лина.

— Только не надо целовать, — процедил тот. — Не малыш. Переживу.

Лорд прищурился и обернулся к Ник:

— Хороший оборотень! Из него одного двух меня собрать можно.

Утес усмехнулся за плечом Лина — лорд был худой, невысокий и, на его взгляд, нескладный. Закат бросил на Рика острый взгляд и холодно заметил:

— Только ставлю на кон свою жизнь — даже такая громадина, как твой муж, Ник, не выстоит против меня ни минуты. Ни единого шанса.

Он отпустил руку Лина и отошел в сторону:

— Надеюсь, Ник, твои друзья понимают, что муж — мужем, но мое обручение с тобой не отменить — ты сама его возобновила. Тут даже я бессилён. Может, ты приведешь себя в порядок, Ник, и мы сядем и обсудим причины, заставившие тебя пересмотреть свой взгляд на нашу помолвку? И да, пока Ник приводит себя в порядок, я могу и вашими ранами заняться... — он бросил недовольный взгляд на Лина: — меня представят?

Тот указал на парней:

— Айк Дин, человек, следователь Центрального участка Либорайо, Третий округ. Рик Арано, оборотень из клана ирбисов, страж Седьмого штурм-отряда Либорайо. А это... — Лин повернулся к лорду: — Закат. И ты не назвал свой родовой Холм.

— Я из Бродяг по происхождению, — отозвался лорд, подходя ближе к Айку, уже выбравшемуся из ультры.

Лин снова повторил:

— Ты не назвал свой Холм.

Закат сжал губы в узкую полоску:

— Однако...

— Холм? — настаивал Лин.

— Холм Справедливости. — сказал лорд. Утес и Айк выдохнули одновременно:

— Холм наказаний!

Закат согласился:

— И так его тоже называют. Теперь я могу заняться вашими ранами? И... — он обернулся на Лина, — кажется, моя невеста отказывается идти в дом без тебя.

Ник, действительно, замерла на лестнице, ожидая Лина. Лорд усмехнулся:

— Иди, Линдро, я не съем твоих друзей. В отличие от вас, мы никогда не питались плотью разумных.

Лин сухо напомнил:

— Вы только жизни разумных исподтишка пьете в танцах.

— За такие слова, Лин, отвечают на арене чести, но ты любимая игрушка моей невесты — я не трону тебя. Иди, твоя жизнь в полной безопасности.

Ник протянула руку Лину и, дождавшись, когда его пальцы переплетутся с её, дернула его на себя в дом.

Стоило входной двери закрыться, как она прижалась к Лину, обнимая его и вдыхая такой успокаивающий запах усталого мужчины. Пусть Лин был не идеален, не кукольно красив, не сильно изящен, пусть его кожа была обветренной, пусть губы были сухи, а плечи слишком широки, он был таким, какой нужен Ник, чтобы быть счастливой.

— Будь проклят тот день, когда я решила, что готова к встрече с прошлым. Это прошлое мне не нравится. — прошептала она Лину в грудь.

Его губы прошлись по кромке её волос, мягко коснулись носа, скользнули по подбородку, перешли на шею, ловя быстро бьющуюся жилку и без слов рассказывая, как боялись за неё, как волновались, как хотели быть рядом, чтобы защитить. Зубы чуть прикусили кожу у ключицы — они напомнили, что Ник была немного безалаберна, с чем она была полностью согласна — надо было предусмотреть, что вся магия может отказать. В следующий раз она составит план и на такой случай — она же спец по защите, она обязана все предусмотреть... А руки Лина ласкали бархатную влажную кожу на талии, намекая, что очень соскучились, что боялись больше не найти её в круговерти скал и обломков, что готовы всегда удерживать её рядом с собой и... Лин чуть отстранился в сторону:

— Ники, еще чуть-чуть, и мы можем очень неприлично опоздать к лорду. — Ники тоже даром время не теряла — её пальцы уже расстегнули застёжку его джинсов.

— К рогатым оркам лорда! — честно послала Заката Ник.

Лину пришлось напоминать:

— Это мы его позвали, а не он нас. Нам он важнее... Не стоит его обижать — лорды очень горды. Иди в душ, а я пока сделаю сэндвичи и достану бутылки с водой. Иди... — он для верности подтолкнул её в сторону душа, сил уйти самому у него не было — все же принц испытание и для его нервов.

Глава 42. Розовый пони

Душ Ник приняла быстро — знала, что за ней очередь из Айка, Рика и Лина. Зато одевалась она долго — дом решил показать лорду невесту во всей красе и подсовывал под руку то вечернее платье в пол, то такое сногсшибательное мини, что простора для фантазии лорда просто не оставалось. Ник не выдержала, устав бороться с собственным гардеробом, и в конце концов достала из походной сумки Линдро толстовку с эмблемой отряда, дополнив её теплыми шортами из гардероба — обиженный дом только ящик с шортами и не заблокировал. Дополняли наряд зимние плотные чулки и походные ботинки — туфли на каблуках Ник проигнорировала.

Лин, выносивший из дома коробку с сэндвичами и несколько пледов, только удивленно приподнял бровь, но промолчал. Знал, что дом обидчив.

Лорд сидел у костра, меланхолично наблюдая, как пляшет синеватое пламя — тут в зоне хаоса и не такое можно было увидеть. Тень от гор окончательно напозла на ложбинку, укрывая все мягким сумраком. Небеса продолжали грохотать, но уже почти привычно — никто не поднимал глаза вверх, высматривая опасность. Айка и Рика стояли у броневика и о чем-то переговаривались. Лин постелил пледы на свободное бревно у костра и подошел к замершей на полдороги Ник:

— Мы не будем мешать разговору, Ники. Но, если что, мы рядом. Ничего не бойся.

Она храбро улыбнулась:

— Присаживайся к костру с парнями — у меня от вас нет секретов. Айку все равно надо знать обо мне все, чтобы найти убийц Салли.

Лин возразил:

— Ты можешь потом сама все пересказать, ведь лорд может знать что-то совсем интимное, что-то, что ты захочешь сохранить в секрете.

Ник рассмеялась:

— Лиинин, ну что такого интимного он может знать, если он видел меня последний раз лет в семь-восемь? Не дури — там... — она мотнула головой в сторону костра, — ты мне будешь нужнее.

— Как скажешь, — согласился Лин.

— Да и... Я могу что-то не понять, пропустить, а мимо Айка и тебя точно ничего не пройдет не замеченным.

Он задумчиво наклонил голову на бок, посмотрел на лорда, усиленно делавшего вид, что не прислушивается, и рукой позвал парней:

— Пойдемте знакомиться с лордом...

Лорд желанием знакомиться ближе не горел. Он, не отвлекаясь от танца пламени, тихо сказал:

— Семечка, должен предупредить — я не буду ничего скрывать о тебе. Подумай дважды — захочешь ли ты, чтобы твои игрушки знали всю правду о тебе, а то ведь придется избавляться от них. Думай лучше — заводить новых игрушек хлопотное дело.

Ник еле сдержала гнев, заставляя голос звучать ровно:

— У меня нет игрушек, лорд. У меня есть друзья, которым я полностью верю.

— Зря, — Закат улыбнулся и наконец-то повернулся к ней. — Но это только твой выбор и жизни твоих... Друзей. Присаживайтесь к костру, будьте моими гостями — в отличие

от Ник, я вашу неприкосновенность на этот вечер могу гарантировать, так что свою еду вы несете с собой зря...

Лин сел рядом с Ник, заботливо укрывая её пледом. Рик нагло опустился на землю — прямо перед ногами Лина, словно защищая его, он еще и коробку с едой поближе подтащил — знает, что за Границей территория фейри, и есть еду фейри тут последнее дело, хотя Закат радушно поставил перед ними корзину с фруктами и закусками. Айк присел с другой стороны от Ник, от него приятно пахло оружейной смазкой и железом — кажется, он совсем не доверял лорду. Только против лорда пистолет... Против лорда плазмомет надо брать.

Закат обвел всех светящимися в темноте зелеными глазами и сказал:

— Значит, моя леди решила возобновить помолвку, чтобы узнать свое прошлое? Я правильно понял, Ник?

— Да, — она стиснула руки в кулаки. Сверху тут же успокаивающе легла ладонь Лина. — Я ничего не помню о себе и о своей семье. А сейчас это стало очень важно. Именно поэтому я и позвала тебя.

Айк встрепенулся:

— Кстати, можно поинтересоваться, Закат?

Тот натянуто улыбнулся:

— Попробуй, Айк.

— Я правильно понимаю, что ты не видел Ник лет с семи...?

— С восьми, что точнее. Я её не видел с восьми лет. А что?

— Тогда как ты её опознал? Почему ты уверен, что это именно Семечка?

Лорд усмехнулся:

— Потому что она почти не изменилась. Она очень похожа... — он замер, не собираясь продолжать.

Ник подалась вперед:

— На кого я похожа? На мать? Или на отца? Или...

Закат громко рассмеялся, стуча ладонью по колену:

— Забавно... Забавно то, Ник, что ты с удовольствием носишь маску мрази, до которой я не добрался. Не убил — за него заступились и не дали закончить дело.

Ник выпрямилась и что было сил вцепилась в ладонь Лина:

— Я не ношу ничью маску. Я так выглядела всегда. С пятнадцати лет.

— Нииник, ты была прелестным белокурым ангелом, если полиморфы могут быть ангелами. Уж поверь, я помню, как выглядела ты и как выглядела та мразь, чье лицо ты забрала себе.

Лин оборвал лорда:

— Кто такие полиморфы?

— Ник вам не рассказывала о себе? Впрочем, я бы тоже молчал, будь я полиморфом. Впрочем, нет. Будь я полиморфом, я бы сам проглотил клевер, чтобы не мучиться и умер бы от анафилактического шока.

Лин снова повторил:

— Кто такие полиморфы?

Закат бросил короткий взгляд на Ник:

— Ты точно не против правды?

Она еле смогла выдавить из себя:

— Я никогда не бегала от правды.

— Что ж... — задумчиво сказал Закат. — Я хвалю вашу храбрость, надеюсь, друзья Ник, что вам не придется быстро уносить отсюда ноги, чтобы спасти свои жизни. Я гарантирую вашу неприкосновенность этой ночью, но... Убивать Ник, чтобы остановить её, я не буду — она моя невеста. Это накладывает обязательства по защите, увы.

Лин опять старательно спокойно повторил:

— Кто такие полиморфы? Ты будешь отвечать? Или совершенно бессмысленно ждать от тебя ответа?

Закат выгнул бровь и все же тихо начал рассказывать:

— Когда-то... Один лорд желал возвыситься. Желал вырваться из-под власти Королевы. Он избрал очень интересный путь — он создал идеального убийцу. Лишенного жалости, сострадания, как вы сейчас говорите — эмпатии... Не признававшего никаких родственных уз, никаких привязанностей, никаких чувств. Вдобавок, этот идеальный убийца обладал интересной особенностью — изменяемой внешностью. Сегодня он ослепительная женщина, а завтра мелкий дракончик, а послезавтра соблазнительный наг. Да-да-да, никаких ограничений, все зависит только от фантазии полиморфа и его хозяина. Лорду одного убийцы показалось мало для возвышения, и он создал еще... А когда хватился — уже пошли дети, причем дети с тотальным контролем гормонов: вазопрессина, серотонина, дофамина, окситоцина, эндорфина... Это значит — никакой радости, никаких умилений при виде потомства, никакой любви, никаких привязанностей. Только подчинение цели — шантаж, воровство, убийства... Холмы на десятилетия погрязли в убийствах и утопали в крови лучших. Столетие потом отслеживали и уничтожали полиморфов. В начале века радостно вздохнули, уничтожили последних свидетелей существования полиморфов и закрыли позорную страницу этого генетического эксперимента. Только вот... Мой друг умудрился влюбиться в прекрасную леди, которая оказалась полиморфом... И да, Ник, ты тоже полиморф.

— Я не... — голос подвел Ник, не позволив закончить.

Закат криво улыбнулся и горько сказал:

— Ты, Ник, полиморф, которого я должен уничтожить любой ценой. И которого из-за глупого обещания твоему отцу я уничтожить не могу — я не могу убить свою невесту. Забавная ловушка, да? А ведь я считал, что я из неё вырвался с твоей помощью.

Она стиснула пальцы сильнее, так что ногти побелели и вскочила на ноги:

— Я не убийца!

Закат резонно заметил:

— Но ты ловец. Это одно и то же.

Айк удивленно посмотрел на лорда, но промолчал. Лин лишь продолжал удерживать руку Ник в своей ладони и молчал.

— Я не... Впрочем... — Ник вырвала руку и быстро пошла прочь. Гнев и обида раздирали её до дикой боли в сердце. Хотелось бежать в никуда и в тоже время прижаться к Лину и позволить себе поверить его сладкой лжи. Только будет ли он лгать? Она унижала Брендона, она ненавидела оборотней и вампиров, она испугалась испорченного ребенком будущего... Она, наверное, чудовище. Это все понимают. Глупое желание во что бы то ни стало доказать, что она не отвратительный полиморф, душило Ник. Только она понимала — она, к сожалению, полиморф. Лорды не лгут. Да и Лин незаразный, это она странная зверушка. Только она же не убийца...

Она не...

Ник остановилась вдалеке, закрывая глаза. Кому она врёт. Врать самой себе — глупое занятие. Можно убегать от правды, но правда все равно догонит тебя рано или поздно.

Она очень даже да!

Она ловец. Она убийца. Она...

Закат тем временем равнодушно продолжал перечислять все недостатки Ник:

— Полиморфы ненавидят все виды, полагаю, они даже себе подобных ненавидят.

Полиморфы не привязываются к потомству... Полиморфы презирают чужие слабости...

Её догнали слова Айка:

— Лорд, нашли бы вы для битья более подходящую кандидатуру — легко бить слабого.

Ник прикусила губу — Аик же её почти не знал...

Лин догнал её и прижал к себе, положил тяжелую ладонь на её затылок, не давая отпрянуть в сторону:

— Не слушай его! Не слушай лорда! Он лжет.

Ник пробормотала ему в грудь, обнимая за талию — так хотелось обмануться, только...

— Лорды не лгут...

— Этот лжет! Причем нагло, потому что он не знает тебя. А потом в лицо заявит, что говорил лишь предположения!

Она напомнила ему:

— Лиин... Я ловец. Я орков ловец...

— Тебя заставили. Ты не выбирала свою профессию, и на что угодно готов спорить, что ты не убивала, а всегда тащила в суд.

Она швырнула носом, напоминая:

— Я ненавижу оборотней и вампиров...

— Так ненавидишь, что вышла за одного из них замуж...

— Лиинин! Я Мигеля...

Он приподнял её лицо за подбородок:

— Ники, ты его боишься. Это не синоним слова «ненавидеть». И ты так ненавидишь оборотней, что в первый же день в новом округе, несмотря на все вбитые в тебя в школе ловцов стереотипы об оборотнях, ты пришла на помощь и спасла шесть...

Утес не удержался и громко крикнул, вмешиваясь:

— ...пушистых задниц! Ну, или, если хочешь, хвостов! И, — он даже встал, улыбаясь Ник. — И ты настолько лишена эмпатии, что притащила домой нежить, которую мы так старательно вшестером пытались уничтожить. Ты настолько отвратительна, что дала этой нежити шанс на жизнь — вот ужас-то! Я до сих пор содрогаюсь при виде Дена — только ты, наша бесчувственная, могла дать этой нежити шанс на жизнь... Ники, не слушай тварь, даже если тварь говорит складно и утверждает, что не лжет. Закат говорит не о тебе! Он тебя даже не знает.

Аик улыбнулся и тоже сказал:

— Ники, поверь — ты не лишена чувств. Скажи, кто еще после пяти минут знакомства переведет все свои деньги на лечение незнакомого парня? И после этого поступка ты сомневаешься в себе, отказывая себе в сострадании?

Ник искоса посмотрела на него:

— И кто меня выдал?

Аик хмыкнул:

— М-да... Ники, а тут и выдавать нечего было — я пять лет бился головой в стену, ища

деньги на операцию, а пять минут знакомства с тобой, и я уже через два дня на оперстоле. Тут даже ребенок сложит два плюс два, а я все же следак...

Лин тоже в свою очередь напомнил:

— Ник, убийца не дал бы и шанса Жердю в солнечный цикл. Он бы пошел и просто прибил его. Мне дальше вспоминать? Луз, например, Брендон, «Сердце феяри»?.. Мне продолжать?

— Лин, я...

Он мягко сказал:

— Закат когда-то оступился, неправильно понял дружбу, попался в ловушку, но вместо того, чтобы понять и принять собственную ошибку, он предпочитает ненавидеть тебя. Это отвратительно. А самое главное, что-то мне подсказывает, что он из тех, кто, чтобы ты не делала, будет лишь унижать тебя и выворачивать все твои поступки в свою выгоду. Не бросилась на шею при встрече? Ты бесчувственна! Не ответила на приставания — не способна любить! Возражаешь — так не можешь принять правду о себе! Даже если ты тряпочкой ляжешь у его ног, смиряясь и признавая его право тебя унижать и командовать тобой, он все вывернет наизнанку. Ты будешь выполнять любое его требование, а он лишь будет говорить, что ты притворяешься, чтобы ударить в спину. Сейчас что бы ты ни сказала, что бы ты не сделала, он все вывернет шиворот-навыворот, он все спишет на то, что ты чудовище. Он сделает все, чтобы убедить себя — он ни в чем не виноват, это все ты и твоя семья. Он сам виноват — ошибся и не признает свою ошибку.

Ник напомнила, рукавом вытирая непрошенные слезы:

— Но то, что я полиморф, не изменить. Генетику не обманешь — во мне не заложено...

Лин ладонями обнял её лицо:

— Ники... Ты не полиморф. Ты, как и я, гибрид. А в случае гибридов генетика такие непредсказуемые кульбиты выписывает, что только диву даешься.

— Лиинин, генетика — это наука...

— Ники, посмотри на меня. Я гибрид. Я знаю, что говорю. Помнишь, как ты меня назвала, когда первый раз увидела в животной ипостаси?

Она вздохнула — еще бы она это забыла... Он же такой огромный, не кошка, а...

— Пони...

— Потому что я и есть пони. Я не лев. Я не тигр. Я, орки меня задери, пони.

Ник горько сказала:

— Розовый?

— Да хоть красный в крапинку! — отважно улыбнулся Лин и провел рукой по волосам — те послушно окрасились в розовый цвет ровной полоской под его ладонью.

Ник робко расцвела улыбкой — готовность Лина на любые подвиги ради неё поражала. Он продолжил:

— Возьмем мой случай. Тигр и львица, лев и тигрица — набор генов одинаков? Ведь скрещиваются два вида, какая разница, кто самка, кто самец, ведь виды одинаковые. Да?

Она лишь кивнула, не понимая, куда он клонит.

— А теперь смотри на якобы половину генов папы и половину генов мамы... От тигра и львицы должен родиться малыш чуть меньше льва, но больше тигра. Ведь так? Половинка от того, половинка от сего — получается, что тигролев ничем не должен отличаться от лигра. Только тигрольвы меньше любого захудалого тигра. Да! — он поцеловал её в ошарашенный кончик носа. — Они меньше обоих исходников — и отца, и даже матери. А если возьмем

льва в отцы, а в матери тигрицу... Ведь тот же набор генов — половина тигра, половина льва. Что должно получиться? Тот же мелкий тигролев? А вот ерунда! Получается лигр — самый большой хищник на планете. А наборы-то генов одинаковые... Только результат совершенно разный, потому что гибриды подчиняются другим правилам наследования. Кто я, Ники?

— Ты розовый пони, — с улыбкой напомнила она.

Он рассмеялся:

— Правильно! Я пони. И, Ник... Ты тоже гибрид. Ты должна унаследовать типичную спесь лордов Холмов и полное отсутствие чувств от полиморфа. Только с гибридами это не работает. В тебе нет ни того, ни другого... А с Мигелем я поговорю, не косись так. Я поговорю с ним... Так... Ник, кто ты? Бесчувственный полиморф или...?

Он внимательно смотрел ей в глаза, надеясь, что она сможет принять себя. Ник выдохнула:

— Я пони. Я оркский пони! И плевать на обиженных лордов.

— Именно! — рассмеялся Лин, целуя её в губы и уговаривая забывать обидные слова Заката.

Лорд усмехнулся у костра:

— Надо же, какое приятное единодушие в оценке Семечки.

Айк не удержался:

— Знаете, тут говорят в таком случае: завидуйте молча. Никто не виноват, что ваш друг подставил вас.

— Это я уже давно понял. Я понял, что то, чем для тебя является дружба, каждый понимает сам. Я лишь стараюсь этому правилу старательно следовать.

— Тогда, может, оставите свои обиды в стороне и расскажите факты о жизни Ник, а не будете говорить домыслы.

Закат выгнул бровь:

— Я и до этого говорил лишь факты. Чья вина, что Ник так рьяно приложила их к себе?

Утес прошептал:

— Вот же тварь... И не смотри на меня так, лорд, я отвлеченно. Я не виноват, что ты это так рьяно приложил к себе. — Он взял из коробки бутылку пива и чуть ли не залпом выпил её, — ну и вечерок расслабляющий.

Лин качнул головой в сторону Заката:

— Ник... Вернемся или ну его? У нас еще номер интера есть...

Она упрямо поджала губы:

— Вернемся.

Он осторожно провел пальцем по её губам:

— Уверена?

— Уверена. — Ник демонстративно передала кинжал, спрятанный в кармане толстовки Лину, — возьми. Мне он не нужен.

Закат приподнял удивленно бровь, но промолчал. Лишь смотрел, как она возвращается назад, заставляя себя не цепляться, как утопающий, в руку Лина.

Глава 43. Разговор с принцем

Ник села перед лордом, старательно выпрямилась и спокойно сказала, хоть сердце ходуном ходило в грудной клетке:

— За что ты так меня ненавидишь?

Закат потянулся к корзине с фруктами, принялся небольшим ножом чистить яблоко, задумчиво смотря, как падает на землю длинная шкурка.

Под ногами раздался неожиданный гул, словно где-то на глубине что-то лопнуло, и земля мелко затряслась. Ник прикрыла глаза, унимая головокружение. Лин с трудом заставил себя сидеть, а вот Утес все же вскочил на ноги, оглядываясь.

Закат абсолютно мирно, без издевки, а с него бы случилось, пояснил:

— Ничего страшного — этот кусок земли отправится в полет дня через два-три, вы уже успеете уехать отсюда.

Арано с трудом заставил себя сесть — было видно, что ему не по себе. Ник вспомнила, что оборотни, как и животные, с трудом переносят землетрясения.

Закат порезал яблоко на дольки и протянул одну Ник:

— Угощайся. Раньше ты любила яблоки.

Ник неуверенно взяла кусочек и завертела его в руках.

— Я спрашивала, за что ты меня...

— Шшш, — грустно улыбнулся Закат. — Дай парням время успокоиться — они в отличие от нас чувствуют напряжение земли — оно бьет по их нервам. Будь терпимее к чужим недостаткам.

Ник нахмурилась:

— Еще недавно ты мне отказывал в любых чувствах, а теперь...

— А теперь я знаю тебя чуть лучше, Ник. И я не ненавижу прицельно тебя. Я ненавижу всех полиморфов. Это немножко другое. — он протянул дольку яблока Лину: — угощайся, а то Ник не доверяет еде из моих рук. Малышу нужны витамины.

Арано рыкнул:

— О, небеса, лорд, твои заскоки в настроении убийственны!

— Не волнуйся, возможно, все даже будет хорошо. — Закат протянул дольку и Арано. Тот демонстративно полез в корзину и вытащил оттуда зеленое яблоко, с хрустом вгрызаясь в него. Лорд меланхолично протянул дольку Айку: — тогда ты не побрезгуй.

Айк наклонил голову на бок:

— Что ж, полагаю, это честь для меня. Благодарю, — он сунул яблоко в рот.

Закат перевел взгляд на Ник, продолжавшую пристально смотреть на него:

— Практически вся моя семья была истреблена полиморфом. Он втерся в доверие к моей сестре... Долго втирался. Очень. Она считала его своим близким другом... Его вдоль и поперек проверяла охрана. За ним наблюдали, и его признали неопасным... Когда он попал на защищенную территорию, сестра погибла первой. Он принял её облик и пошел убивать дальше — сперва моих младших сестер и братьев, потом... Зашел в покои матери — кто будет подозревать своего ребенка? Он убил её не задумываясь, а потом пошел к отцу — жену тоже не подозревают в желании убить. Только наличие кодового слова между ними спасло меня и отца... Страшно видеть, как самый близкий, самый дорогой тебе человек бросается на тебя в попытке убить. Я потом долго просыпался от кошмаров и уговаривал себя, что это

была не мама. В тот день Холм просто утопал в крови. Полагаю, этого более чем достаточно, чтобы ненавидеть полиморфов, как ты думаешь, Семечка?

Ник вспомнила себя, вспомнила, как сама ревела в больнице, оплакивая потерянную семью... Вспомнила, как ей хотелось снова оказаться в уютных объятиях отца... Ей легче — возле неё есть Лин, а этого лорда воспитывали по всем правилам Холмов. Она сунула в рот кусочек яблока, встала, подошла к Закату и просто обняла его, прижимая к себе:

— Прошое надо оставлять прошлому. Иначе оно будет тянуться за тобой и портить настоящее.

Лорд удивленно поднял на неё глаза:

— Это прошое из тех, что может дотянуться до тебя и сейчас. Это прошое из тех, что до сих пор может воткнуть в тебя кинжал, когда не ждешь. Причем это будет самый дорогой для тебя человек... И я благодарен твоему жесту — я видел, как ты отдала свой кинжал, Семечка.

— Я Ник.

Он легонько ткнул её рукой в поясницу, направляя к обратно к Лину:

— Что ж... Ник... Спасибо за утешение, но ты не права — нельзя раскисать от одной жалостливой истории.

Она нахмурилась:

— Но ты же не лгал.

— Я — да. Другие могут лгать, причем легко и непринужденно. Никогда не раскисай от чужих жалостливых историй. Всегда проверяй. Это мой тебе урок.

Ник резко села возле Лина:

— Знаешь, Закат, выверты лордов даже я, леди, не понимаю.

Тот совершенно серьезно сказал:

— Потому что ты пони — это же очевидно! И вернемся к твоей семье... И моему другу, то есть к твоему отцу.

— Как его звали? — еле слышно спросила Ник — горло привычно перехватило болью.

— Почему звали? Его и сейчас зовут. Он Рассвет. Он жив и находится в Холме наказаний. Он никогда не выйдет оттуда, пока ты жива.

Ник резко выдохнула, словно её ударили под дых. Лин прижал её к себе:

— Тихо, малыш... Тихо! Сейчас что бы ты не сказала, лорд использует это против тебя. Он специально загнал тебя в тупик. Сейчас любой твой выбор — идти за отцом, отказаться от него, согласиться умереть — будет высмеян и признан ошибочным.

Закат кивнул:

— Умный оборотень. Очень умный. И да, Ник, я жду твоего ответа — мне очень важно его услышать. И да, любой ответ сейчас не в твою пользу. Это второй урок тебе, Ник — не расслабляйся. Никогда не расслабляйся.

Арано рыкнул:

— А можно... Вот просто можно взять и поговорить без уроков? Просто поговорить, а?!

Закат отрицательно качнул головой:

— Нельзя. Я-то уйду, а вам с ней оставаться. Она вас убьет и...

Ник вскинулась:

— Я никогда не убью своих друзей! Я лучше сама...

Лин сжал её ладонь:

— Ник, он опять тебя загоняет в угол — он же знает о ребенке. Он опять тебя

испытывает.

Арано отозвался мрачно:

— А можно я вместо Ник его прибью, а? Чтобы нервы не мотал? Достал же до ужаса. Не разговор, а нервомотательство какое-то. Я себя Пересом уже чувствую.

Айк тихо сказал, смотря в пламя:

— Так это и является его задачей — помотать нервы, запутать, сбить с толку, чтобы получить нужные ему показания.

Арано повернулся к нему:

— Прости, что?

Айк пожал плечами:

— Мы на допросе. А ты не понял?

— Вот как бы... Ник меня своими поучениями уже приучила, что о допросах следует предупреждать, а то ни один суд не примет показания.

Айк поднял глаза на лорда, всматриваясь в него:

— Его это не касается. Он сам и есть суд... Простите, вы Второй или...? Я как-то не слежу за новостями фейри, не в курсе, кто правит Холмом наказаний.

Закат прищурился:

— Четвертый. Не сын, а племянник. Я получил Холм наказаний всего три года назад, так что новости не успели широко разойтись — мы не любим шумиху, мы не любим спешить, в отличие от людей...

Лин не удержался и, подхватив Ник на руки, усадил её себе на колени, крепко прижимая к себе:

— Прости, я понимаю, что унижаю тебя этим, но сейчас ничего не могу с собой поделаться — я оркский альфа, мне важно знать, что ты в безопасности.

Закат приподнял уголки рта, только намечая улыбку — глаза его не улыбались:

— Позволь ему эту слабость, Ник. Не протестуй, побудь чуть-чуть слабой женщиной. Иногда мужчинам это необходимо. — он перевел глаза на Айку, меняя тему: — и как же ты догадался?

— Очевидно же — Ник всегда писала требования именно к принцу. Это мог быть, конечно, и некто по имени Брендон, что переводится как «принц», но чаще всего судьба выбирает более простые варианты — сказано: «Принц!» — значит, будет принц. Настоящий принц. А во-вторых... Вы сами сказали, что лорды старательно уничтожили всех знавших о полиморфах, но вы-то живее всех живых. Вас не тронули, потому что законы даже у людей одно время не касались тех, чьим именем они подписаны. Именем короля или, как сейчас у лордов, именем королевы. Насколько я знаю, только в Холмах закону не подчиняются все члены королевской семьи. Именно поэтому Рассвет, отец Ник, выбрал вас в её женихи — только вы и вхождение её в королевскую семью, могли защитить её от закона об обязательном уничтожении полиморфов. Да и... Проводить эксперименты над лордами интереснее с теми, кто точно влияет на политику и жизнь фейри. Ребенок с генами полиморфов в каком-нибудь захудалом Холме не оказал бы разрушительного действия на жизнь всех Холмов. Как-то так... Одного не понимаю — как ваша служба безопасности опять пропустила полиморфа? Я имею в виду мать Ник.

— Потому что считалось, что они все уничтожены. Только королевская семья и помнила про них... Я долгое время любовался невестой друга. Её звали Иней, она была из далекого захудалого Холма, как вы говорите, но она была неогранённый алмаз... Она была

не по возрасту умна, красива, воспитана, одарена... Ею восхищались все. Я бы и сам был готов жениться на ней, благо в самом начале знакомства она благоволила и мне... Но меня связывал договор — я должен был взять невесту из рода Рассвета, моего друга. Наши отцы собирались породниться, так что мне пришлось уступить Иней другу. Рассвет смеялся, что уж его дочь точно будет моей невестой. После твоего рождения, Семечка, Рассвет уехал в Холм своей жены. Я навещал друга, я навещал тебя — знал же, что рано или поздно я женюсь на тебе. Когда тебе исполнилось семь лет, я приехал на помолвку, которая обернулась катастрофой. Ты... Оказалась чудовищем.

Ник старательно спокойно сказала:

— Я всего лишь сидела в своей комнате и рисовала. Я не была чудовищем — нашу встречу я помню!

— Пока я сидел и смотрел на тебя, решая, как же мне выбраться из ловушки, в которую загнал меня мой друг, ведь я не мог уничтожить свою невесту, ты три раза обернулась — отрастила змеиный хвост и прикоснулась им ко мне, потыкала в бок, словно я какая-то игрушка, потом отрастила крылья и взлетела к верхней полке за карандашами вместо того, чтобы попросить их достать, потом три раза поменяла лицо — видимо, тебя задело, что я не оценил твою красоту. И лишь потом мы с тобой заключили договор, который ты весьма скоро нарушила.

Ник нахмурилась — воспоминание, когда-то разбуженное Бренденом, нагнало её вновь, обрастая новыми подробностями.

Аюшки, огонек? Что ты пишешь? Требования к принцу? Ох, как же ты, огонек, жестока... Но это однозначно отпугнет всех потенциальных принцев... Моя леди Холма достойна лучшего. Давай-ка чуть-чуть подправим, потому что я знаю, кто точно достоин тебя...

— Отец... Он нашел наш договор и заставил переписать — ему не понравился пункт с белым конем. А потом я уже как-то сама стала добавлять новые пункты.

Лин напряженно спросил:

— Что было потом? После подписания договора о белом коне для принца?

Закат спокойно продолжил:

— Я разругался с другом. Сказал, что всегда хотел любить лишь одну женщину, а не многоликую тварь. Рассвет рассмеялся и сказал, что я ничего не понимаю в любви и женщинах. Он сказал, что полиморфы идеальны. Что, живя с одной и любя только её, можно обладать сразу тысячами разных женщин, не ограничивая себя ни в чем. Я не знаю, до свадьбы или после он узнал о происхождении Инея, но он до сих пор считает её самой прекрасной женщиной на свете. Я тогда уехал к отцу — мне нужно было решить, как поступить дальше. Я должен был уничтожить Иней, тебя и Рассвета тогда, сразу же, как понял, что избежал благодаря тебе ловушки, но я еще верил в дружбу. Тогда я не знал, что Иней уже год как сидит в темнице — взгляды на твое будущее кардинально разошлись между ней и Рассветом. Он хотел ввести гены полиморфов в гены лордов, освежая кровь. Она хотела восстановить свой род. Ей удалось сбежать, забрав с собой и тебя, Ник. Она продала тебя в биологическую лабораторию, чтобы там тебя клонировали. Я отследил её путь, я проник в лабораторию и разрушил её. Я уничтожил все, что касалось полиморфов — от тебя самой до записей. Правда, мразь, которая занималась клонированием, избежала наказания — его укрыл один из Главных Холмов, который давно бросает вызов королеве. Пока разрушить тот Холм нет никакой возможности... Рассвет принял наказание. Иней растворилась в

неизвестности — найти и выследить её не удалось, хотя я и пытался... Я до последнего момента пытался найти Иней — как только я уничтожил бы её, наказание Рассвета прекратилось бы... И вот, месяц назад, одна весьма наглая особа стала приставать к моему Привратнику. Мне об этом тут же доложили, я велел заняться этой особой — Привратник осужден за разглашение тайны Холмов, это очень тяжкое преступление. Все его контакты отслеживаются до сих пор — тайна не должна вырваться за пределы Холмов. И тут выясняется, что эта особа открыто воспользовалась пространственным переходом прямо перед камерами. Ник... Это было предельно нагло — так заявить о себе.

Ник зажмурилась:

— Я просто испугалась.

— Ты испугалась, а я увидел иное. Я понял, что все это время искал мать, когда надо было искать дитя. Непростительная ошибка... — Он нахмурился и взял яблоко, снова принявшись его чистить от шкурки.

— Это ты убил Салли?

Закат скривился:

— Если ты о той, кого мой человек посчитал ловцом Доу, то... Её уничтожили по моему приказу. Мой человек думал, что уничтожает тебя, а потом мне пришлось зачистить за ним. Так что не удивляйтесь, если пойдете по моему следу и найдете могилу — там похоронены уничтоженные за прикосновение к тайне полиморфов. Закон суров ко всем, кроме королевской семьи. И моей невесты с её друзьями. Я было решил, что история наконец-то закончена, но не тут-то было. Меня позвала к себе моя невеста, которую я считал мертвой. И тут я понял, что меня обвели вокруг пальца — лаборатория успела клонировать Семечку.

Ник хрипло рассмеялась:

— Это все, что ты понял из этой истории?!

— Нет, — отрешенно сказал Закат. — Я понял многое, очень многое.

— Например?!

— Например, что я неправильно оценивал Иней. Она умерла за тебя — она отдала свою жизнь, притворяясь тобой, пока тебя вывозили в безопасное место.

— Надо же, какое откровение!

— Оно напрямую касается тебя, Ник, и твоего будущего. И будущего твоих клонов — не думаю, что Салли была единственной, кого клонировали и отдали в семью, спасая от уничтожения. Я понял, что Иней не просто так не пошла по простому пути клонирования самой себя. Она хотела, чтобы полиморфы изменились. Она хотела, чтобы полиморфы стали пони. И еще я за сегодня понял, что ты и впрямь пони. И, быть может, твои клоны — тоже пони. Надеюсь, им хватит ума не отсвечивать своим происхождением, как поступила ты. Знаешь, в чем ужас всего происходящего, Ник?

— И в чем же? — мрачно сказала она.

— В том, что они все — мои невесты. Я никого из них не могу тронуть. Ни-ко-го. Они — ты, а ты — моя невеста. Впору заводить гарем, и это мне, который мечтал лишь об одной единственной женщине на всю жизнь.

Ник горько сказала:

— Да-да-да, я поломала всю твою жизнь. Живи теперь с этим! А мне жить с тем, что я не защитила Салли... И кучу других людей.

Закат её поправил:

— Фейри. Это были фейри, а не люди.

— Знаешь, среди них могли оказаться и люди. Потому что человек — это не происхождение, это воспитание. Точнее... — она заглянула в наглые зеленые глаза лорда и сказала, — прочем, неважно, ты все равно не поймешь.

Он легко согласился с ней:

— Может, и не пойму. Я знаю одно, точнее не так... Мой тебе совет: уничтожь свои игрушки — так ты будешь в безопасности.

Она резко встала, но руки Лина не дали ей вцепиться в Заката — они удержали её в объятьях:

— Ники, он опять провоцирует тебя. Хороший-плохой — самый простой принцип допроса.

Ник заставила себя успокоиться и холодно сказала, хоть голос то и дело срывался:

— Ты не на моем месте. Я знаю — я в полной безопасности. Мои друзья никогда не предадут меня. Если у меня и будут неприятности, то только из-за тебя — лишь ты можешь выдать меня. Но ты не сделаешь этого — просто потому, что тебе гордость не позволит признаться, в какую ловушку ты угодил. Ты будешь молчать. Твоя спесь не позволит тебе признаться. Потому я знаю — я и мои сестры в безопасности. И еще... Ты ненавидишь меня из-за происхождения — это то, что от меня не зависит. Это то, что я не в состоянии изменить. А я... Я презираю тебя за то, что ты изменить в состоянии, но не собираешься делать.

Закат недоуменно приподнял брови — у него на удивление была очень живая мимика:

— И что же это?

— Ты лорд Холма наказаний, ты называешь себя Справедливостью, но увы — это не так.

— Хоть одно дело, где я ошибся? Кроме дела о полиморфе. Оно еще не закончено и вердикт по нему не вынесен.

— Дело Брендона Джонса.

Закат отрицательно качнул головой:

— Он наказан и наказан справедливо. Это дело не подлежит пересмотру, пусть и не я судил Джонса когда-то.

Ник не удержалась:

— Ну да, вы же справедливые, вы же держите слово... Ну, не смогли наказать каждого из отряда Джонса — накажем весь округ. Уничтожим всех, твои действия в деле Салли Беранже подтверждают это. Плевать на чужие жизни, плевать на все, лишь бы уничтожить любой ценой.

— Ты не права, Семечка. Твои утверждения голословны.

— Голословны? Загляни на досуге в Двадцать первый округ... Впрочем, тебе не хватит смелости на такое — там же клеееевер!

— Я подумаю над твоим предложением, но согласен — клевер все затрудняет.

— Я так и знала, что ты им прикроешься, Закат. И... Я пойду — я устала, мне не о чем больше разговаривать с тобой. Я узнала все, что хотела. Может, что-то забыла, но это неважно.

Закат мягко сказал:

— Конечно, иди, Семечка. В твоём положении надо хорошо выспаться. И совет — последний на сегодня: не превращайся в дракона. Я знаю — ты любила летать, но вряд ли

твой муж оценит возню с яйцом на протяжении пяти месяцев.

Ник даже развернулась, застывая на месте:

— Что?!

Закат со смешком в голосе пояснил:

— Драконы — яйцекладущие, Ник. Ты не знала?

— Иди ты... К оркам!

Лин поднялся следом за Ник, обнял её за плечи и повел прочь:

— Пожалуй, и впрямь стоит прервать разговор — слишком многое надо обдумать.

За ним пошел и Арано. Только Аик остался у костра:

— Можно еще пару вопросов, Закат?

— Сколько угодно, Аик... Сколько угодно. У меня сегодня говорливое настроение.

Вечер неожиданных откровений.

Ник пошла к дому, только у крыльца пришлось остановиться, потому что она услышала, как Аик спросил:

— Это же вы разрешили продажу Джонса клану Переса?

— Я.

— Почему?

Тот пожал плечами:

— Потому что до сих пор верю в дружбу. Мигель Перес, упоминая все причины для выкупа Джонса, в том числе упомянул и дружбу. Я решил, что наказание легче переносить рядом с тем, кто подставит дружеское плечо, только и всего.

Ник нахмурилась, закрывая глаза. Она старательно вспоминала отъезд Джонса из Холма. Она вспоминала каждое лицо лорда и леди, просеивая воспоминания, как через сито. Заката в хохочущей толпе не было. Точно не было.

— Ложь, — буркнула она. — Оказывается, и лорды способны лгать. Его не было в момент продажи Брендона. Его там не было.

Лин притянул её к себе:

— Или он просто не захотел смотреть на его унижение. Так тоже может быть.

Она прислонилась к Лину, прячась в его объятьях:

— Я не верю ему. Ни единому его слову. И я очень боюсь за тебя — Закату выгодна твоя смерть. Я не знаю, как обезопасить тебя...

— Ники, я же не малыш, я пони. Помнишь? — он поцеловал её в макушку. — Все будет хорошо.

Глава 44. Покушение

Налетел ветер, принес с собой каменную крошку с небес, щедро бросая в лицо. Земля под ногами вновь застонала, просясь в полет — Ник еле устояла на ногах и то благодаря поддержке Лина.

Айк у костра передернул плечами — даже людям тяжело переносить землетрясения.

Закат вновь повторил, успокаивая:

— До полета еще два дня — вы успеете уехать отсюда. И... Что-то еще хотел спросить, Айк? А то мне пора собираться в путь — дела.

Тот задумчиво подбросил в огонь дрова. Пламя вспыхнуло, освещая сетку трещин, расплзающуюся по земле. Может, полет и не скоро, но находиться тут было тяжеловато — ощущение, что земля предательски распадается прямо под ногами, не самое приятное на свете.

— Вы думали, что история повторяется, да? Когда увидели семилетнюю Семечку после помолвки?

— Ооо, — горько рассмеялся Закат, — что я тогда только не думал.

Он собрал с земли шкурки яблок и бросил их в костер. Отрешенно наблюдал, как они шипят, корчатся и сгорают.

Айк посмотрел прямо на него, правда, взгляд лорда ему так и не удалось поймать:

— У вас недюжинная выдержка — вы тогда не убили, хотя все говорило о том, что ловушка, в которую попала ваша семья уже один раз, захлопнулась.

Закат чуть приподнял плечи, словно недоумевая:

— Я не умею убивать детей. К счастью, не умею. — лорд достал из корзины апельсин — оборотни, чувствительные к его запаху, уже ушли. — И, надеюсь, никогда этому не буду учиться.

Он принялся чистить шкурку с апельсина, медленно и сосредоточенно:

— И ты не спросил, Айк, но да... Я думал, что Ник пришла тогда к Холму наказаний мстить за мать. Она же, действительно, расспрашивала Привратника, как попасть в Холм.

— А почему мстить за мать, а не за отца?

Закат в упор посмотрел в глаза Айка:

— Потому что за него не стоит мстить. Ставить генетические эксперименты на детях — так себе развлечение с точки зрения самого ребенка. На мой взгляд, конечно. У Ник может быть свое мнение. Ты бы знал, что я подумал, когда узнал, что Ник связалась с оборотнями! С этими машинами для убийства... Я думал, что она таким образом собирается мстить дальше.

— Оборотни давно изменились, Закат.

— Это для людей давно. У нас своя шкала времени. Мы судим чуть иначе... И, Айк... Учти, что Лин может ошибаться по поводу Ник. Она может оказаться не пони, и тогда вас всех ждет смерть. Полиморфы убивают не задумываясь, человеческая жизнь для них ничего не значит.

Ник скривилась при этих словах, но промолчала — задевать лорда не стоит, от её поведения зависят жизни Лина с парнями. Она не поведется на подначки Заката. Она не позволит ему спровоцировать себя.

Лин поцеловал Ник в висок и мягко потянул вверх, в дом:

— Пойдем... Трудный был день, тебе надо отдохнуть. И еще... Хочешь летать — летай. Справимся со всем, в том числе и с младенцем-драконом.

Она, медленно поднимаясь по ступенькам, сказала:

— Я никогда не буду меняться. Никогда. Я не хочу терять свое лицо — оно мне нравится.

Лин рассмеялся, закрывая за собой входную дверь:

— А уж как мне оно нравится — ты бы знала! — он подхватил Ник на руки и понес в спальню.

Она попыталась вывернуться, напоминая:

— Лиинин! Твоя рука!

Он нагло фыркнул ей в ухо, заставляя сжиматься и давиться непрошенными смешками:

— Ники, не вырывайся — уроню же из-за руки. И ей гораздо легче — Закат её хорошо пролечил. Будь он тварью, он начал бы не с лечения, вот точно. Он и Утесу сломанную ногу подлечил... Закат своеобразный, друзьями, нам, быть может, и не стать, но он не тварь точно. Он лорд, этим все сказано, но крайне сдержанный лорд. Мигель в подобной ситуации не стал бы раздумывать. Вот точно не стал бы. Для него спокойствие мира легко покупается несколькими смертями. Я сам... Я не знаю, как бы действовал. Быть может, потащил бы подозрительного ребенка для разбирательств в участок, но точно бы не стал подписывать договор о принце на белом коне. Хотя, орки меня деря, убивать всех случайных свидетелей — тоже перебор, даже учитывая служебную инструкцию.

Он сел на край кровати и заглянул Ник в лицо:

— Все хорошо?

Она вздохнула:

— Боюсь даже думать — кто может скрываться за номером интера «Принц должен уметь».

Лин указательным пальцем ткнул её в кончик носа:

— Не думай, только и всего. Мы сперва наведем справки, а уже потом решим, стоит ли звонить.

Ник согласно мотнула головой и принялась скидывать с себя ботинки. Сил не было, ни физических, ни моральных. День вымотал её, выжимая, как лимон. Она легла на кровать в чем была и натянула на себя одеяло:

— Меня нет. — Она сжала глаза, мысленно соглашаясь с тем, что миру было бы лучше, если бы она не существовала. Хотя бы Лину с парнями было бы легче.

Лин понятливо кивнул, вставая:

— Я посплю в...

Ник резко распахнула глаза и поспешно поймала Лина за рукав толстовки:

— Для тебя я есть всегда — не вздумай уходить. Я тогда взвою на луну от страха.

— Ясно... — он стащил с себя одежду, бросил её в кресло и лег рядом с Ник, обнимая её со спины. — Ничего не бойся. Я рядом. Мы справимся со всем, чтобы ни случилось.

Дом выключил свет и замер — лорд в хозяевах был оркски соблазнителен.

Лин тихо зашептал Ник в ухо:

— Скоро вернемся в Либорайо, и все будет хорошо. Ты будешь развлекаться в зонах, Мигель будет скрежетать зубами, Дена и Эвана отошлем в Двадцать первый округ — пусть разбираются с тем, что наворотили тут лорды...

— Ты думаешь...? — Ник не договорила — под домом что-то опять загудело, заставляя

вздрагивать.

Руки Лина сильнее обняли Ник, показывая, что и ему бывает страшно. Только голос его не изменился — был по-прежнему спокойный и уверенный:

— Ден очень талантлив, он справится. А Эвану надо развеяться — сколько лет он сиднем сидел в доме. Может, еще Маки отрядим — он любит грызть загадки... Все будет хорошо, Ники.

Дом медленно затрясся, словно съезжая куда-то вниз по склону, и это несмотря на стопперы. Земля стонала и ходила ходуном.

Лин стиснул зубы. Ник развернулась в кольцо его рук:

— Страшно? — она погладила его по голове, как будто он ребенок.

Он легко признался:

— Не то слово... Кровь словно закипает, и хочется выть беспричинно в небеса, забывая, что человек. Что-то темное просыпается в сердце, разум уходит, и остается только страх.

Она обняла его за плечи:

— Тогда я буду караулить твой сон — ничего страшного не случится...

Сэм... Самая лучшая защита от придуманных чудовищ — одеяло. Еще ни один ночной монстр через эту защиту не прорвался. Давай-ка съешь пирожок и спать. А я покараулю твой сон...

— ...а завтра мы уже уедем отсюда... — закончила Ник, замирая — еще одно неожиданное воспоминание нагнало её. Еще один непонятный кусочек мозаики, который отказывался занимать свое место в полотне жизни Ник — просто потому, что она мало что помнила. Это голос отца или...? Кто кричал ей напоследок про принца? Про номер интера? Кто он? И нужен ли он ей.

Лин вздохнул:

— Заманчиво, но завтра уехать не получится — Айку и Рику придется прошвырнуться по запаху, обнаруженному на месте убийства Салли. Возможно, тот запах принадлежит Закату, но проверить надо. Заодно надо посмотреть, кого же он там уничтожил — запротоколировать и, быть может, однажды, это дело перейдет в суд, если справедливость в отношениях между разумными видами восторжествует.

Ник встрепенулась:

— А разве сейчас у Заката другой запах?

— А сейчас Закат вообще ничем не пахнет — знал, к кому шел на встречу. Подстраховался. Так что запахи придется проверить. А я сам хочу пойти по запаху Беранже, я его считал с его подписи на показаниях — хочу проверить, не хомофильный ли вампир он? Ты пойдешь со мной?

Ник потерлась носом о его грудь:

— Спасибо... Спасибо за уважение, но вынуждена отказаться. Если нужно сделать все быстро, то это точно без меня — ты справишься в обличье пони, только не рискуй сильно. Я же буду только задерживать тебя — лучше займусь ремонтом и обслуживанием ульгр. Кстаааати! Если попадется по пути тот серебристый ано... Хрендостаниум, то захвати с собой — надо будет Эвану показать. И... Маки, конечно.

Лин рассмеялся:

— Какая ты... Недоверчивая. Мне руку осколком анобтаниума как раз поломало — он пролетел через выбитый амулет защиты. Я осколок и прибрал сразу — надо разобраться, что за металл такой. Уж не ради ли него лорды тут применили хаос?

Ник даже привстала в кровати:

— Тоочно! Я же говорила — лента конвейера! Вот что это напоминает. И бури эти, о которых заранее предупреждают фейри. Так удобно — дал предупреждение о буре, включил рубильник на заводе ииии... Добывай себе летящий к тебе хрендостаниум!

Лин потянул её за рукав к себе — под домом опять завывало и застонало.

— Обними меня, пожалуйста, если не хочешь услышать, как я вою в небеса. Ни слуха, ни голоса у меня, между прочим, нет. Это будет страшно...

Она послушно легла рядом, обнимая его за шею:

— Спи, пони... Я рядом. Я буду рядом... Я никому не позволю тебя обидеть — ни природе, ни лордам, ни тем более Закату. Ему особенно не позволю...

Она все же заснула — усталость взяла свое, правда, Лин заснул все же раньше. Сон был муторный, длинный, все время повторяющийся, только теперь Ник не верила теплым интонациям в голосе отца. Она ему больше не верила. Кто бы не родится у неё с Лином, она на нем или ней не будет ставить эксперименты и не будет сводить с нужными генами. Ни за что. Малыш сам выберет свою судьбу и своего спутника по жизни, как выбрала она. И пусть один лорд идет лесом! К рогатым оркам, где ему и самое место...

Среди ночи грохот был совершенно неожиданным, вырывая из сна и заставляя хватать ускользящий воздух губами. Ник вздрогнула и вцепилась в плечо Лина.

— Шшш, — он быстро поцеловал её во вспотевший от страха лоб и выскользнул из-под одеяла. Ник попыталась поймать его за руку, но не успела:

— Лиин...

Он провел рукой по её волосам:

— Спи... Я только проверить... Я быстро.

Она осоловело открыла глаза:

— Я сейчас... Выть, так вместе... — Она села в кровати, щурясь и привыкая к яркому свету — дом оказался так любезен, что врубил его везде. Глаза предательски смыкались, и казалось, что всего на миг, но скрежет когтей по металлу и сдержанный стон подсказали, что Ник пропустила что-то серьезное, что-то очень важное. Она вскочила и бросилась бежать за Лином. Знак на предплечье полыхал огнем.

Дом колыхнулся, как будто его хорошенько пнули. Он полетел куда-то в бок, чуть не заваливаясь на стену, удержавшись в последний момент и долго колыхаясь из стороны в сторону на колесах. Ник больно ударила плечом о дверной косяк, потом полетела на пол, защищая руками от удара живот.

— Лин!!! — закричала она. Яркий свет по всему дому больно резал глаза, привыкшие к темноте.

— Я в порядке... — тут же отозвался Лин откуда-то из холла, — я в порядке...

Ник стиснула зубы и попыталась встать — дом продолжал вибрировать:

— Лин, что происходит?!

Он одним длинным прыжком из холла в гостиную оказался рядом с Ник, обнимая за плечи:

— Все хорошо....

Ник заметила и его окровавленные пальцы, и выросшие вместо ногтей когти, и ободренные до костей голени.

— Лин?!

Он горько улыбнулся:

— Все хорошо... Я сейчас... Я регенерирую. Все хорошо. Честно. Я хотел выйти и посмотреть, что же так грохочет... Зрение не перестроилось, я в человеческом обличье вижу, как человек, а не как лигр... Трещина в земле прошла прямо под крыльцом — еле удержался от падения, повис на когтях на двери, как кошка на шторах... С детства так не висел беспомощно. — он грустно хохотнул. — Хорошо, что тут дом отбросило в сторону от трещины. Ноги ободрал, зато не пришлось из трещины вылезать. Кто его знает, надолго ли я там бы застрял... И, прости, что напугал. Прости... — он поцеловал её в висок, долго, отчаянно, нежно. — Прости...

Ник от отчаяния прикусила губу, а потом все же спросила:

— Закат видел?

Лин кивнул:

— Он стоял там... Мне кажется, что...

Ник отпихнула его руки в сторону и встала:

— Кажется!

— ...это он отбросил дом.

Она посмотрела на Лина — кожу на ногах уже стягивали грубые розовые рубцы. К утру, быть может, они исчезнут. Значит, не о чем беспокоиться?! Значит, земля улетит лишь через два дня?! Как знала, что Закату доверия нет.

Ник подняла глаза вверх в потолок:

— Спасибо, дом! Я не забуду твою помощь, честное слово.

Лин встал рядом с ней:

— Ники...

Она зло посмотрела на него:

— Не останавливай. Я справлюсь. — Она пошла к входной двери, игнорируя глубокие прорезы от когтей Лина. Не надо думать, как он тут сражался за свою жизнь... Надо думать о другом. Жаль, что кинжал был у Лина, но она справится и так — она, орки её дери, полиморф!

Трещина в земле была ярдах в десяти от крыльца — широкая, ярдов пять, не меньше. В человеческом обличье ни за что не перепрыгнуть. Ник даже подошла к краю, еще осыпающемуся камешками и землей, подсветила магическим пульсаром — dna не было видно. Она подняла глаза на стоящего на той стороне трещины Заката — он закидывал на коня переметные сумки, готовый уезжать:

— Ты!

— Благодарить не надо, — мягко сказал Закат.

— Убью. Просто убью. И ты даже знаешь, почему.

— Почему, Ник?

— Потому что могу! Потому что ты чудовище, сноб и мразь! — рявкнула она. — Никогда не трогай моих друзей! Запомни — никогда!

Закат наклонил голову на бок:

— Учю. И удачного пути домой! — он птицей взлетел в седло. — Уезжайте, тут становится опасно!

— Иди ты!!! — прокричала Ник ему в спину. — Убирайся из моей жизни и больше не возвращайся!!!

Лин подошел к ней, обнимая со спины. Из броневика вышел сонный Арано. Он оценил неодетого Лина, взъерошенную Ник и буркнул:

— Что я пропустил?

Лин повернулся к нему:

— Пакуемся и отъезжаем к посту — тут небезопасно.

Арано зевнул, подходя к трещине и кидая туда камешек. Стука о дно он не дождался:

— Ничего вы тут развлекались. — он снова подавил зевок, — хорошо, что Айк настоял убрать ультры. Замахались бы вытаскивать их... У вас пять минут — мы-то с Айком хоть сейчас за руль и домой.

Заспанный, помятый Айк, стоя у броневика, отозвался:

— Завтра проверим захоронение, которое устроил Закат, и домой...

Лин хмуро напомнил:

— И Беранже — я его проверю сам. Нельзя за спиной оставлять возможного хомофильного вампира.

Весь следующий день Ник провела в ожидании. Сидела, просматривала материалы в инфопланшете. Иногда отвлекалась и вглядывалась в грохочущие небеса, их цвет уже стал привычно-голубым — магическая буря закончилась. Сходила на обед в деревеньку — страж, так же скучающий на посту, вытащил её в местное щедро пропыленное лордами кафе. И снова ждала. Боялась и ждала. Ей надо было придумать, как обезопасить Лина от Заката, но ничего дельного в голову не шло.

Лин вернулся к вечеру, когда солнце уже низко стояло над горизонтом, тянуло холодом и пылью. Грохот в небесах то усиливался, то стихал. Ложбинка, в которой они стояли вчера лагерем, уже рвалась в высь — только длинные корни деревьев связывали её с землей и не давали улететь. Ручей падал в провал, в надежде когда-нибудь его заполнить и побежать дальше.

Лин, разгоряченный после бега, пропыленный и усталый, встал перед сидящей на крыльце Ник и, осторожно лизнув кончиком языка по лбу, уткнулся мокрым, сопящим носом в ухо. Дышал, терся носом, фырчал, щекоча до ужаса горячим дыханием, и Ник, уворачиваясь от него, смеялась:

— Лиинин! Ты же разумное существо! Ты же человек, ну что ты творишь!!!

Он уже в человеческом виде сел рядом с ней, прижимая к себе и утыкаясь носом в макушку. Молчал. Просто обнимал и чуть терся носом о волосы.

Смеркалось.

Совсем похолодало. И только тепло от Лина не позволяло замерзнуть.

Ветер играл волосами, кидая их в лицо. Хотелось ни о чем не думать, но надо же кому-то сказать главное.

— Все так плохо, да?

Плечи Лина чуть дрогнули, подтверждая.

Ник сама сказала:

— Даже пони можно сломать, когда тебе семь лет. Когда ты ребенок — ты в опасности. Ты зависишь от взрослых, а они иногда бывают дрянью, как Беранже.

Лин вздохнул:

— Прости, но её пришлось бы уничтожить. Беранже солгал — она была беременная от него... Там, где жила она с Беранже, небольшой дом и... Человеческая ферма. Трое кормильцев. Я после того, как уничтожил Беранже, предложил им вернуться к цивилизации, вернуться в округ, но они против. Привыкли. Я проверил — еда, какие-то запасы у них есть. Огород, опять же. Беранже по-своему о них заботился. Только кладбище там впечатляющее,

конечно...

— И? — она заглянула Лину в подернутые пеплом сострадания глаза.

— И надо сообщить о них местным стражам — пусть отправят к ним кризисных психологов, пусть попытаются вывезти их оттуда. Не дело жить там, где тебя унижали и держали, как скот. — он чуть сгорбился и сцепил пальцы в замок.

Ник обняла его за плечи:

— Все наладится. А не наладится — потом, как разберемся с Закатом, опять вернёмся сюда.

Лин горько рассмеялся:

— И как поможем-поможем!

Ник лишь кивнула — она иногда так помогала, что уж лучше бы не вмешивалась. С тем же цунами...

Домой они вернулись через две недели. Если с кормильцами Беранже местные стражи обещали разобраться и вытащить их из зоны хаоса, то, что делать с телами трех убитых Закатом фейри, ни стражи, ни Ник не знали. Потом, возможно, удастся призвать фейри к ответу, но не сейчас.

В Либорайо было приятно тепло. Вечерний мягкий свет солнца, его карамельные косые лучи, пробивающиеся через листву деревьев в парке, хотелось ловить и пробовать на вкус. Пахло привычно кофе, счастьем и цветами, и капелькой сырости от озера.

Это её город. Это её округ. Это её дом, и сюда ходу никаким Закатам нет. Тут она будет жить и растить ребенка. Сюда она перевезет, если найдет, своих сестер. Она сделает все, чтобы тут, в этом городе было хорошо всем. От вампиров до оборотней. От людей до полиморфов.

— И никаких лордов...

Пока Лин подключал дом к коммуникациям кемпа, Ник стояла рядом с ним, рассматривая праздный, уже никуда не спешащий Либорайо. Любимое время, когда можно просто идти, переплетя свои пальцы с пальцами Лина, когда можно не бояться и думать о будущем... Может, если Лин не сильно устал, прогуляются — надо же познакомиться с его семьей. Или с Мигелем и Бренденом обговорить планы на Холм наказаний. Ей еще лиса спасать от Заката и его правосудия. Может... Может, даже наберется сил и встретится с отцом. Может. Кто его знает, какое у неё будет настроение. Полиморфы, особенно те, которые пони, непредсказуемы!

Со скамейки в парке поднялся худой, как жердь, рыжеволосый парень, и Ник вздрогнула — она узнала его. Не узнать эти желтые глаза и шрам через лоб, нос и щеку было невозможно. Он приветственно помахал ей рукой. Он её тоже узнал.

— Рогатые орки... — только и смогла сказать она.

Парень неуверенно направился к ней и замер, рассматривая. Он взлохматил рыжие спутанные волосы и все же сказал:

— Добрый вечер... Лорд Закат просил передать вам, что он умеет исправлять ошибки. И... — он склонился в низком поклоне, — моя жизнь отныне принадлежит вам. Я в неоплатном долгу перед вами.

Ник еле выдохнула:

— Лин... Нам лис нужен?

Он подошел со спины и обнял Ник:

— А зачем нам лис?

- Сама бы хотела знать. Может, это извинения за неудачную попытку тебя убить?
- Хорошее извинение, Ник. Но повторюсь, ему это было не за чем.
- Не дом же тебя убить пытался, Лин, — сухо сказала Ник. — Кроме Заката некому.

Глава 45. Зорро Санторо

Ник помнила постоянное чувство голода, преследовавшее её все годы войны и, особенно, последний, когда она выпустилась из школы ловцов и сама отвечала за себя. Подъемные она спустила на автодом, первые легко заработанные деньги на курсы танцев, а потом... Долго пришлось голодать и выживать — в последний год войны власти осажденного Сорок первого округа решили применить хаос. Сороковой округ исчез полностью, Третьему досталось не слабо — исчезли все его южные окраины, Пятый, тогда уже полностью подчиненный фейри, устоял, но тоже лишился части своих границ. Тогда месяцы обеим сторонам воюющих было не до боев — вампиры и оборотни лишились подчистую элитных штурмовых отрядов, людские войска тоже недосчитались слишком многих. Про мирное население можно было не упоминать. Тогда Ник и ловцам её выпуска пришлось работать не покладая рук — нежить тогда было много. Очень много. Для кремации погибших требовалось слишком много алхимической жидкости, которая в основном шла на военные нужды — ловцам её попросту не выделяли. Погребения же не давали никакой гарантии — нежить поднималась даже на освященной земле. Говорят, маги-хаосники после этого исчезли под чистую, как класс. Тех, кто не покончил с собой, тех, кого не уничтожили отряды вампиров, добились свои же. Тогда было страшно и голодно...

Ник достала с полки и поставила перед лисом уже третий саморазогревающийся паек — за время поездки в Двадцать первом округе она поиздержалась, с продуктами было плохо, пришлось перейти на еду, которую захватили с собой парни. Она помнила голод, помнила себя, так что... Сперва накормить, напоить, потом запихать в душ и переодеть — пока запахи можно и потерпеть. Было бы только во что переодеть: её одежда будет лису коротковата, а одежду Лина откровенно жалко — Ник и так обирает его нещадно. Может, сходить и по-быстрому купить, пока магазины открыты? С деньгами-то особых проблем пока нет.

Лин звонил Мигелю, было слышно, как вампир выговаривал:

— Вы же полчаса всего в Либорайо! Что она опять уже натворила? Приструни уже жену — хватит нежить оживлять.

Лин, заливая кипятком чайные листья, пояснил:

— Это вполне себе жить. Это второй Привратник Холма наказаний. Отпущен по просьбе Ник.

— Святая кровь... Сейчас буду! — Мигель поспешно сбросил звонок.

Лин налил себе и лису чай и поставил перед сгорбившимся за столом, старательно пытающимся есть медленно парнем чайную пару.

— Давно не ел? — уточнила Ник, присаживаясь напротив лиса и кивком благодаря Лина за чашку с кофе.

Лис, которого оказывается, звали Зорро Санторо (Лин при знакомстве как-то особо понятно хмыкнул, ничего не поясняя Ник), оторвался от еды и пояснил:

— Дня три, наверное. И, простите, я потом все...

Лин лишь веско сказал:

— Ешь давай. Можно подумать, тут никто не голодал... — он сел рядом с Ник, доедая преломленный с Зорро хлеб. Точнее, Лин его крошил пальцами, разбрасывал по тарелке, потом собирал, захватывал горстями и ел. Волновался — Ник уже знала, что он так делает,

когда сильно переживает. — Значит, тебя отпустил Закат...

Ник хмыкнула:

— Как же, умный и заботливый фейри! Отпустить — отпустил, а то, что деньги на дорогу требуются, он не догадался. Предусмотрительный и прозорливый лорд...

Лис оправдал Заката, отрываясь от еды:

— Лорд выделил мне деньги — дал золотые. Их с лихвой бы хватило, чтобы добраться до Либорайо, но я сглупил: обменял золото на банкноты — ими проще расплачиваться в магазинах. Как только покинул Пятый округ, деньги...

Ник невесело рассмеялась — сама сталкивалась с этой шалостью фейри, и потому предпочитала безналичный расчет — пусть банки несут потери из-за превращения банкнот в золотые листья, чем она.

Лин понятиливо кивнул — кажется, его тоже когда-то обдурили фейри:

— ...деньги превратились в листья.

— Хуже... В труху уже, — мрачно сказал лис. — Пришлось добираться на попутках да тайком залазить в фуры, чтобы добраться сюда.

Лин сухо уточнил:

— Родные остались? Кому позвонить? Или сам позвонишь... — он подвинул по столу свой интер. — Пользуйся, не стесняйся. Не каждый день возвращаются из пятилетнего плена у лордов.

Лис потер лоб:

— Брат жив... Должен быть жив. Родриго Санторо... Слышал?

Ник даже кофе поперхнулась:

— Вот же!!! Я ему твое фото отсылала, а он не соизволил даже ответить! И... О! — она вспомнила, — так это тебя, получается, ловец пытался убить?

Зорро вздохнул:

— Немного не так. Ловец пытался меня защитить. От лордов.

— Ясно, — сказал Лин, допивая свой чай.

Ник нахмурилась:

— Слушай, лис, у тебя богатые родители? Наследство там... Деньги, заводы, влияние в клане... Должна же причина, по которой эта... — она проглотила ругательства, вспоминая вполне нормального парня Родриго Санторо, довольно натурально страдающего по убитому когда-то брату. И вот что так способно менять обо... Людей? — ...эм, твой брат не ответил мне.

Зорро, быстро съедая последнюю ложку вареного горошка, ткнул пальцем в интер:

— Наследства нет. Если отправляли фото по интеру, то причина проста — лорды полностью контролируют все переговоры по интер-связи.

Лин лишь резко выдохнул, представляя масштабы катастрофы — все переговоры между округами шли по интер-связи, все военные пользовались интер-связью, все стражи, все...

— Твою же мать, — только и сказала Ник. — Тебя за это наказали?

Зорро, выпивая залпом чай и просительно смотря на чайник, мотнул головой:

— Не только за это. Но, миссис Росси...

— Я же сказала — Ник. Никаких миссис, без обид, Лин.

— Да какие обиды, Ник, — улыбнулся тот. — И, Зорро, во-первых, наливай себе чая сколько хочешь, а во-вторых, сейчас придет Перес, он замгубернатора округа, ему придется рассказать все — это слишком важно.

— Хорошо. Я просто не хочу вмешивать в это дело ми... Ник.

Лин улыбнулся:

— А Ник сама куда хочешь вмешается. И, если ты наелся, то давай-ка иди в душ. Я тебе выдам полотенце и свой халат, а сам быстро схожу в ближайшую интрабудку, позвоню по простой связи твоему брату в участок. Заодно куплю тебе одежду на первое время. И не надо извинений и прочего — я так поступил бы с каждым, кто пострадал от лордов. Ник — тем более. Иди — не испытывай нервы Ник, она тяжело переносит чужие запахи.

Зорро послушно встал из-за стола, даже не вспоминая, что хотел еще чаю — видимо, решил, что воды и в душе будет полно:

— Спасибо, я...

Лин хлопнул его по спине и повел в душевую:

— Мойся сколько хочешь, воды тут много. Хоть час замачивайся. Понял?

— Понял.

— Вот и хорошо... — он выдал лису халат, полотенце и новое мыло. — Давай, наслаждайся...

Лин вернулся к Ник, растерянно допивавшей кофе — новости об интересе добились её. Вот, как, значит, на неё вышли — она сама сдала себя своими звонками... Лин поцеловал Ник в висок:

— Я быстро. Не скучай. Хорошо?

Она лишь кивнула:

— Хорошо...

И хорошо, что тогда в зоне триста один интер сломался.

Мрачный Мигель, конечно же, приехал, как только Лин ушел прочь. Вампир, легко одетый в шелковый, ужасно изящный и элитный костюм, молча зашел в дом, старательно не косясь на её живот. Ник за старания ему даже чай выдала без надежды, что тот его будет пить, но Мигель, скинув в себя пиджак и сев за столом, погрел свои руки о чашку и сделал глоток.

— Добрый вечер, Ник...

— Добрый, — согласилась она и замерла, жалея, что кофе закончился.

Мигель замолчал, обреченно, мелкими глотками выпивая чай.

Ник села напротив Переса и не удержалась:

— Говори, Мигель. Говори, а то же лопнешь.

— Ник... А что тут говорить... — он уперся взглядом в стол. Ник оставалось надеяться, что очередной буйный погром Мигель не устроит — обновлять обстановку она не собиралась. — Я уже больше месяца молю небеса, чтобы твой ребенок родился не огненно-рыжим.

Ник рассмеялась, положила руки на стол и на них пристроила голову — все же Мигель её пугал. Сильно пугал. И обстановку, опять-таки, жаль.

Она еле слышно сказала — её голос заглушал шум струй из душа:

— Он будет солнечно-рыжий, Мигель. И я с этим ничего поделать не могу.

— Проклятая кровь, за что все это с парнями...

Ник все так же тихо пояснила:

— Наверное, потому что лигры именно такие — солнечные и рыжеватые. Или потому, что я хочу рыжего малыша — так вернее.

— Ник, я тебе уже говорил, что Лин стерилен.

— Ага, — вздохнула она. — И я даже поверила тебе. И вот, это только твоя вина, что мы с Лином ждем малыша.

Мигель горько рассмеялся:

— Надо же, и тут я опять виноват. Что бы с тобой не случилось, во всем только моя вина.

Ник даже выпрямилась:

— И кто так говорит?

— Я сам так считаю, Ник. Того же Тамиора достаточно вспомнить... Значит... Брендона надо будет отправить в Двадцать первый округ. Пусть там разгребает проблемы, а вот что делать с Лином...

— А с Лином делать ничего не надо — он знает, что это его дитя.

Мигель не удержался, напомнил:

— А Маки?

— А беременности длиной в год не бывает. Я же не слон, или у кого там беременность год длится? Мигель, расслабься. Все будет хорошо. Честно-честно.

— Ники... Я очень люблю Лина. И не в том смысле, как ты подумала...

Она заинтересованно посмотрела на него:

— А как я могла подумать? Понимаю еще — Брендон, тайна его посвящения в вампиры пугает... — Мигель при этих словах совсем побелел, но удержался от ругательств. — Но Лин-то понятное дело — ты впечатлен его матерью.

— Давай не будем об этом. Это не обсуждается. Мы с Анной разные виды. Это запрещено... Когда-то феири слишком заигрались в подобное, и это плачевно закончилось. Очень плачевно. Говорят, одну чудовищную ветвь разумных пришлось полностью вырезать под корень — все было очень серьезно и страшно. Подобное не должно повториться. Эксперименты с разными видами разумных невозможны, потому что иначе получаются чудовища.

Ник вздохнула и честно сказала:

— Она... Или оно... перед тобой.

— Кто? — не понял Мигель.

— Та чудовищная ветвь разумных, которую пришлось вырезать под корень. Только вот не удалось под корень. Я выжила.

Мигель откинулся на спинку стула, как-то особенно мрачно разглядывая Ник. Он сложил руки на груди, так что пальцы посинели и сжал губы.

— Надо же, и почему Лину так везет?

Ник осторожно предположила:

— Потому что я хорошая?

— Хорошая, хорошая, — согласно кивнул Мигель.

— И ты же теперь понимаешь, что Лина и Мия могли быть твоими дочерьми, Мигель? Что ничего страшного бы не случилось, а ты бы был счастлив...

Он скривился:

— Ник, вот сейчас ты — нехорошая. Давай не будем об этом. Лучше скажи, где этот твой привратник?

Она кивнула в сторону душевой:

— Моется, а что? Ты так странно отреагировал на него... Он тоже хороший, Мигель. Честное слово. Я не знаю его особо, но он точно хороший.

Вампир поднял глаза вверх, долго смотрел в потолок, а потом успокоился и перевел взгляд на Ник:

— То есть... Ты даже не знаешь, кто это?

Ник нахмурилась:

— Понимаешь, мне как-то все равно. Закат сказал, что лиса осудили за разглашение тайны Холмов, что бы это не значило... Но мне все равно — когда я вижу существо в рабстве, я стараюсь его освободить. Ты сам такой же... Тут вот как-то совпало, что Закат оказался в долгу передо мной за неудачную попытку убийства Лина, так что... Я ни при чем, что Закат отпустил Санторо. И мне все равно, что все же сделал или натворил лис — пожалуйста, не обижай его, хорошо?

Мигель лишь кротко кивнул:

— Хорошо...

Ник нервно дернула кончиком носа, совсем как оборотень:

— И в чем подвох?

— В смысле? — приподнял бровь Мигель.

— Ты соглашаешься со мной, хоть и не знаешь Санторо. А ведь ты мне не верил никогда. И постоянно читал нотации.

— Я тебя уму пытался учить, Ник. И... Ты правда не понимаешь, кого освободила?

— Не я освободила... Но это брат того стража-лиса, на которого меня вырвало. И который меня арестовал в Алисо. Вроде, все.

Мигель медленно начал:

— Наверное, я должен был объяснить тебе, как сильно пострадал в последнем бою Брендон...

— Я знаю — я видела его воспоминания. И не смотри так — к тебе я точно не лезла. И вообще, я сейчас оборотень и им планирую быть некоторое время. Пока получится. Я же этот... Полиморф. Хочу — вампир, то есть не хочу быть вампиром, но могу. А могу быть оборотнем... И не смотри так, ты меня до колик пугаешь — помнишь? Поэтому я и заговариваюсь... Так вот — я знаю, что Брендон был сильно покалечен.

— И как он, по-твоему, выживал эти годы в плену? — спокойно спросил Мигель.

Ник нервно обернулась в сторону двери душевой:

— Ой... Видишь, он хороший!!!

— Я это сразу знал, Ник. Потому и прилетел сюда, бросая все дела. Я лично хочу сказать спасибо Привратнику, другу Брендона. Еще вопросы?

— Нет, — замотала головой Ник.

— Видишь, я не питаюсь ни неудобными девочками, ни оборотнями, которых эти девочки спасают. А теперь чуть подробнее — кто этот Закат?

Ник сглотнула:

— Мой жених...

— Твой... Кто? — стул под Мигелем слишком громко хрустнул, и Ник поняла — смены обстановки не избежать. Она обреченно повторила:

— Мой жених. Он сейчас хозяин Холма наказаний, зовется лордом Справедливость.

Стулу было откровенно плохо. Мигель совершенно бесцветно произнес:

— Это... Тот, который Алое Пламя Заката? Племянник Королевы?

Ник честно сказала, надеясь, что Лин вот-вот придет:

— Я его титулы не обсуждала, но да, мне всегда обещали принца в мужа. И нет, не

смотри так — вторым мужем я его не возьму. И не упрашивай! Даже если он тебе очень-очень нужен! Я от него с семи лет бегаю, как и он от меня.

К счастью, в этот момент во входную дверь постучали.

— Я открою, да? — Ник встала без разрешения. Мигель лишь выдохнул ей в спину:

— И ведь хотел же выпнуть тебя прочь из округа...

Ник направилась к двери — гостей она не ждала, но мало ли, может, кто из парней соскучился. Или тот же Брендон. Тут же невольно вспомнился разговор у поста в зоне двести шесть. Ник даже замерла и обернулась на Мигеля:

— О чудовищах и эволюции... Не ты ли мне рассказывал, что хотела от нас всех эволюция? И как бы это было здорово?

Мигель согласно кивнул:

— Я. Я не отказываюсь от своих слов. Как и оттого, что в условиях разумности видов это не работает. Эволюция у разумных идет исключительно в репродуктивных лабораториях-тюрьмах и ведет к появлению чудовищ только потому, что эволюционный отбор у разумных не работает, а если и работает, то исключительно в принудительном режиме, а это опять же ведет к появлению новых чудовищ — тех, кто зачищает эволюционные ошибки. Теперь понимаешь, почему я против всех межвидовых связей?

Ник лишь кивнула, вспоминая слова Заката: «Я не умею убивать детей. К счастью, не умею.» — на душе стало стыло, рука против воли прижалась к животу — там точно не чудовище живет. Там маленькое чудо, которое она никому обидеть не даст.

Мигель снова закивал:

— Вот поэтому эволюция у разумных и не работает. И не бойся — я буду рядом, если кто-то по исключительной глупости попытается посягнуть на твое дитя.

— Наше с Лином, — Ник передернула плечами и открыла дверь — на пороге стояла, улыбаясь, Мия. У неё были с собой два тяжелых пакета, заметно оттягивающих руки:

— Добрый вечер, Ники! — она чуть приподняла пакеты вверх, — а я пирог принесла. Пустишь?

Ник отошла в сторону — в присутствии Мии грустить и злиться не получалось:

— Добрый вечер! Заходи! Рада, что пришла. Правда, Лина пока нет, но он скоро вернется.

Мия буквально взлетела вверх по лестнице — эта солнечная, яркая тигрица с рыжими, буйными волосами, зелеными глазами и улыбкой на пол-лица была чрезвычайно подвижна, как ртуть:

— Я тут подумала — ты вот пирог лю... Ой, — она заметила Мигеля и тут же с энтузиазмом закричала: — привет, Миге!

Тот моментально оказался рядом, Ник даже движения его не отследила. Он взял пакеты из рук Мии, целуя её в щеку:

— Почему мне не позвонила? Я бы привез... Или бы Грегa попросила довести — тяжело же, маленькая.

Ник с удивлением заметила, как преобразился холодный, вечно недовольный, читающий нотации Мигель — он легко улыбался, сияя всеми зубами сразу, забыв, что нужно прятать клыки. Они у него были впечатляющие, кстати, длинные, белоснежные и острые, как шило. Он расслабился — Ник не заметила, когда у него исчез галстук и расстегнулся ворот рубашки. Он непринужденно занялся на кухне пакетами, которые принесла Мия, и даже поставил чайник на плиту. Он был при Мие абсолютно... домашним. Точно, Ник

наконец-то, наблюдая за Мигелем, поняла — он стал домашним. Прибить его за то, что отказался от Анны и девочек, захотелось еще сильнее, вот прям до зуда в ладонях.

Мия улыбнулась Ник, наблюдая, как шуршит пакетами Мигель, выкладывая на стол печенье, булочки и многочисленные контейнеры с едой:

— Я решила, что раз тебе пирог понравился, то понравится и другая стряпня. А вот еда — это Ма. Сказала, что лично тебе, чтобы Лин даже не смел туда совать свой любопытный, вечно голодный нос. Ты же ждешь... — она застенчиво посмотрела на живот Ник и деликатно сказала, — малыша.

— Я жду лигра, Мия.

Та согласно кивнула:

— Я так и сказала. И ты не переживай — Ма просила передать, что очень любит тебя, Лина и будущего малыша. — Она чуть понизила голос, чтобы Мигель не расслышал: — Ма сказала, что вы с ней в одной лодке, потому никаких проблем с ней и малышом не будет. Не бойся и не прячься от нас.

Ник скрипнула зубами — кажется, и тут в неё не верят, зато принимают безоговорочно. Даже непонятно — радоваться или печалиться этому факту.

Из душевой наконец-то вылез Зорро — в одном полотенце, халат, явно пахнущий лигром, он так и не решился надеть. Ник его в чем-то даже понимала — сама с трудом переносила чужие запахи. Рыжий привел-таки свои волосы в порядок, причесав их назад. Капельки воды еще текли по плечам, и хорошо, что полотенце было обернуто вокруг бедер, а не вокруг волос.

— Какой виинииид! — не удержалась Мия, рассматривая рыжего лиса. — Красота!

— И не говори, — согласилась с ней Ник — любоваться было чем. Худощавый, сейчас даже чуть больше, чем нужно, но ведь откормить не проблема, статный, белокожий, ладный парень, которого не портили даже шрамы, доказывающие его статус отличного бойца. Тонкие кости, сухие, ни грамма лишнего мышцы, хорошо просматривающиеся под кожей. И ни одной веснушки по всему телу... Ник даже губу прикусила, вспоминая фразу из какой-то детской книжки: мой любимый тип, мой любимый размер. Только что же это за детская книжка, если мысли такие вот...

Мигель кашлянул, напоминая о приличиях:

— Мия, это всего лишь лис. И, Ник... А ведь ты вообще замужем!

Лис замер под тремя взглядами, стремительно краснея, и чуть подался назад:

— Простите... Я думал, что это Лин пришел...

От входной двери раздалось благодушное:

— Мигель, вот скажи, почему в браке должно портиться чувство прекрасного? — Лин подошел к лису и протянул пакет с одеждой: — держи. Можешь зайти в спальню и там одеться. Надеюсь, я не сильно промахнулся с размером.

Лис вскинулся:

— Ты... Дозвонился?

Лин взъерошил волосы, так что Ник тут же оказалась рядом, обнимая его за талию и успокаивая.

— Дозвонился. Я в участок стражей звонил... Они нашли Родриго. Только вот... Я ему сказал, что ты жив, сказал, где ты, а он тут же бросил трубку, ничего не говоря.

Лис задумчиво пожал острыми плечами:

— Может, правда, наследство, а я не знаю? В любом случае, как заработаю денег,

доберусь в Алисо — буду искать мать. Она еще должна быть жива. Вроде бы.

Лин утешающе сказал:

— Не бери в голову. Всякое может быть. Может, Родриго просто опешил. Я договорюсь — завтра к нему психологическая служба выберется, поговорит с ним.

— Спасибо, — мягко сказал лис и пошел в спальню одеваться.

Мия лишь выдохнула:

— Небесааааа! У него девушка есть? А даже если и есть — отобью! Вот я не я буду, если этот лис не будет моим!

Мигель строго сказал:

— Мия, ты еще несовершеннолетняя. А Санторо — лис, он ниже тебя по положению.

Ник не удержалась, вмешиваясь — кланы и все, что с ними связано, уже порядком надоело:

— Мигель, брось, а? Хватит статусов и прочей ерунды. Нравится — пусть и дружат, тебе-то что? Будет другая разновидность лигров, только и всего.

— Кого? — опешил Мигель.

Ник терпеливо пояснила:

— Лис и тигр равно лигр. Просто мелкий лигр.

Лин рассмеялся:

— Боюсь, что это скорее лигресенок получится.

Ник пожала плечами:

— Если честно, то какая разница? Главное, чтобы нравился, главное, чтобы была любовь, Мия. А на остальное наплевать. Кстати, Мигель, у тебя на плите чайник закипел.

Мигель напомнил:

— Это твоя плита, — но чайником все же занялся.

Мия подошла к столу и принялась раскладывать печенье в вазочку:

— Пфф... Тут вообще бы найти кого-то. Да и...

Ник открыла шкаф и стала доставать новые чайные пары:

— Мия, тут же не обязательно — понравился и хватай. Тебе еще лет десять можно свободно гулять и менять пары. И, Мигель, не надо так возмущенно кашлять.

— Ты мне воспитательный момент портишь.

Ник парировала:

— Тебя самого воспитывать и воспитывать. Ты мне зачем стул испортил, а? Так что молчи. Мия сама решит — нравится, не нравится. Она у нас красавица! Вон возле неё столько парней — весь Седьмой отряд...

Мия звонко рассмеялась:

— Они же все заняты!

— В смысле? — не поняла Ник. Она воспринимала парней свободными.

Лин обнял её со спины:

— Ну как бы да... У парней по две девушки. Это только Жердь как-то вот быстро отбежался и выбрал одну.

— А Утес? — напомнила Ник.

— А Арано безнадежен...

Мия вмешалась:

— У него трое. Две — человечки и одна оборотень-ирбис.

— Ага... — только и сказала Ник — вот без этих откровений она как бы и прожила.

Знала же, что оборотни тут крутят любовь напрапалую.

Мия кивнула:

— Ага. С парнями сложно. Не успеешь ухватить — останешься одна.

— Ну и орки с ними, — фыркнула Ник, заваривая чай по новой. — Будешь карьеру делать. И, Мигель, если у тебя простуда — лечись. Не надо так кашлять. Вообще же много путей, кроме сразу замуж... Посмотри на меня — я счастлива...

Мия критически посмотрела на неё:

— Замужем и беременна. В восемнадцать.

Ник прикусила губу — ей её новый возраст, подтвержденный Законом, тоже не нравился. Лин доложил новые факты о Ник Мигелю по интересу еще по пути домой, опуская подробности о Закате, а Мигель поделился новостями о возрасте Ник... Наверное, со всеми.

Лин еле подавил смешок, а потом благородно пояснил:

— Ник имела в виду другое — она выбрала профессию, состоялась в ней, вышла замуж и все равно будет продолжать работать по профессии. И ей почти девятнадцать.

Мия удивленно посмотрела на неё:

— А разве так можно? Мне Ма говорит — иди учиться на врача-педиатра. Очень, типа, удобно — для семьи и будущего ребенка очень нужная профессия. Только зачем учиться, чтобы потом все бросить?

Ник спиной прижалась к груди Лина:

— Так не бросай. Только и всего. А парней, ты тут не права, парней куча на свете. Те же новообращенные вампиры — все поголовно свободные. И красивые, и сильные, и лишённые комплексов.

В кухню прошел Санторо, одетый, как и Лин — в джинсы и свободную футболку:

— Оборотни тоже красивые, сильные и лишённые комплексов, Ник. Правда-правда.

Мигель, заметив хищно раздувающийся нос лиса, добавил:

— А еще оборотни ужасно голодные. Давайте к столу... Потрясение патриархального общества оставим на потом.

Лис сел за стол и улыбнулся:

— Кажется, меня не представили. Зорро Санторо.

Мия и Мигель дружно улыбнулись, словно услышали хорошую шутку. Одна Ник опять ничего не поняла. Зорро легко кивнул:

— Да, у матери было своеобразное чувство юмора.

Ник печально поинтересовалась:

— А мне шутку объяснят?

Лин пояснил, разливая чай по кружкам:

— Зорро — это Лис.

— Ааа, а я уже перепугаться успела.

— То, о чем ты подумала, так и звучит — Принципе или Инфант. Кстати, Лин — это король. Это я на всякий случай, чтобы ты меня ни в чем не подозревала. Да, Ма не мелочилась. И, Зорро, не бойся, все будет хорошо. Тут это девиз по жизни. Все точно будет хорошо.

Ник откусила печенье, наслаждаясь его мягким коричневым вкусом:

— Значит... Столица Десятого округа Принципал — это... Принц, да?

Мигель качнул головой:

— Не совсем. Принципал — Главный.

— А Фратернис что-то значит?

Ответил ей на удивление лис:

— Братство. Либорайо — искаженное Свобода. Эм... Миракулус — Чудо, Паритас — Равенство...

Ник чуть чаем не подавилась:

— Сорок первый округ — Равенство?!

Лин кивнул:

— Сами в шоке. Кто бы говорил... Но Паритас, увы, Равенство.

Ник потерла пальцем висок:

— М-да, кажется, я тоже хочу учиться. Но только после тебя, Лин. И...

Зорро напомнил:

— Может, все же, вернемся к знакомству?

Мия сама подала руку через стол:

— Мия Росси.

— Клан? — уточнил Зорро.

— Без клана, — гордо сказала девушка.

Ник влезла:

— Новый клан лигров. Это если захотим, конечно. А вообще ваши кланы — мрак с точки зрения закона, равенства и прочего. Дикий пережиток.

Мигель, изящно держа чашку с чаем, усмехнулся:

— Ник, как всегда, пытается устроить революцию.

— Так надо же что-то делать. Кстати... — она вспомнила обязанности хозяйки: —

Зорро — Мигель. Мигель — Зорро.

Вампир сухо сказал:

— Клан Переса. И мы вам чуть задолжали, Санторо.

Лис даже печенье надкушенное отложил в сторону:

— За что? Я не сталкивался никогда с кланом Пересов. Вы что-то путаете.

— За Брендона Джонса. — пояснил Мигель. — Так что... Я беру вас под свою защиту.

Если вы себя плохо чувствуете, то сейчас же отвезу вас в больницу. Если больница не требуется — заберу к себе домой. Завтра...

Лин его перебил, пока не вмешалась возмущенная Ник:

— Пока Зорро находится под нашим кровом. Мы его никуда не гоним, и он имеет полное право остаться там, где хочет сам, Мигель. А завтра... Завтра мы с Зорро направимся в участок стражей — надо оформить его показания о плене у лордов. Возражения? — он перевел взгляд с согласно кивающего Зорро на Мигеля — тот лишь пожал плечами:

— Как скажете. Только я завтра тоже приеду в участок. Тогда... Раз все решено, то, позвольте откланяться. Мия, пойдем, я подвезу тебя до дома. Поздно уже.

Мия вздохнула, отодвигая от себя пустую чашку:

— Ну воооот, мелкого тигренка нужно доставить домой...

Зорро не удержался и добавил с легкой улыбкой:

— ...из местного вертепа свободомыслия. Кстати, Мигель... Лисы лисят не обижают.

Мия встала:

— Ладно-ладно, Миге. Ма просила тебя не нервировать понапрасну. Пойдем.

Лис, провожая её взглядом, спросил у Ник:

— Как в Либорайо с возможностью заработать? Легко найти работу или нет?

Лин обернулся у дверей:

— Смотря кто ты по специальности.

— Геолог, но могу работать хоть грузчиком.

Ник чуть ли не охотничью стойку приняла:

— Спорю на что угодно — ты попался в Двадцатом округе!

Лин понятливо прошептал:

— Хрендостаниум.

Мигель даже в дверях замер, забывая о Мие:

— Тааак... И о чем это вы?

Лин улыбнулся и подмигнул сестре:

— Завтра, Мигель, завтра. Сам же вызвался тигренка провожать, так что все завтра.

И... — он обернулся к Зорро: — не бойся: нужны деньги — одолжим, не проблема.

— Мне бы до Алисо добраться как-то. — сказал лис.

Мигель задумчиво посмотрел на Ник, потом на Лина:

— Так... Мне Ник через пару дней, как разберемся с Санторо, нужна будет в зоне двести шесть. Как ты на это смотришь, Лин?

Тот удивился:

— Почему ты спрашиваешь у меня? Нужна Ник — спрашивай у неё.

Мигель скривился и признался:

— Я спрашиваю у тебя, потому что плясать она будет на твоих оголенных нервах. С ней самой, мелкой бледной поганкой, ничего не случится. Так что решать тебе. И что там с анобтаниумом?

Зорро его поправил:

— Не анобтаниум, а унобтаниум — правила произношения еще никто не отменял. И это не унобтаниум. Этот металл официально называется амагиум. А — частица отрицания. Лорды давно его добычу поставили на поток.

Мигель лишь выдохнул:

— Святая кровь...

Зорро сгорбился:

— Я когда-то был магом... Теперь нет.

Глава 46. Братья Санторо

Мигель и Мия ушли. Лин вернулся к столу и принялся наводить порядок. Зорро сидел за столом. Молчал. Было тихо, да и что скажешь на то, что, оказывается, магию можно забирать? Причем легко, причем тот, кого почти не остановить. Это ослабленного Тамиора Ник вдвоем с Бренденом уничтожила, а в Холмах лордов и леди сотни, если не тысячи. Это... Это невозможно... Никто никогда не ходил в Холмы... Кроме Брендона, конечно. Правда, он и не говорил, какие потери при этом были. До ужаса не хотелось начинать новую войну, а ведь если они пойдут в Холмы, это будет война. И не пойти нельзя — сейчас только Зорро пострадал, а потом? Тотальное уничтожение магии у людей сделает человечество игрушкой в руках лордов и леди Холмов. Отключить всю технику, которая почти вся с фейри-фабрик, забрать магию, и моментально разобщенное человечество сдастся лордам...

Ник заставила себя встать и принялась убирать контейнеры с едой в холодильник.

Не думать. Пока не думать. Они что-нибудь придумают. Что-нибудь, чтобы не разгорелась новая война.

Зорро тут же вскочил и стал помогать Ник. Она автоматически ставила контейнер за контейнером на полки. Один за другим. Просто надо не думать. Решение найдется, просто надо чуть-чуть подождать...

— Тут записка какая-то, — подал лис очередной контейнер, разбивая наконец-то натужную тишину.

Ник закрыла холодильник и взяла записку:

— Это от Брендона... — она заставила себя улыбнуться. О Холмах, о Закате, о его тайнах она подумает потом.

Лин подошел ближе, с любопытством рассматривая: «Для маленькой мисс нагайны с любовью. Grenouilles. Bon appétit!».

Зорро чуть дернул носом принюхиваясь:

— Вкусно пахнет. Свежие, однако.

Ник посмотрела на явно голодного лиса, вот точно не три дня он голодал, и на старательно давящегося смешками мужа:

— В чем подвох?.. — она открыла контейнер, рассматривая странные, наверное, чьи-то птичьи, жаренные лапки.

Лин задумчиво взял одну, Зорро под одобрительным взглядом Ник вцепился зубами во вторую, быстро обгладывая.

Ник, поставив контейнер с едой на стол, принялась крутить в руках непонятную лапку в крупинках специй:

— Что-то мне подсказывает, что Брендон жутко мстительный. Это же не то, о чем я думаю, Лин?

Ответил ей Зорро:

— Гренуй — это лягушки.

Ник резко положила на стол лапку:

— Я этого мстительного шутника прибую. Вот честное слово — ловцо... — Она запнулась, вспоминая, что больше не ловец, — беременных обижать не рекомендуется!

Лин все же укусил лапку и пробормотал:

— Ники, вкусно! И, честное слово, они свежие.

Зорро, осторожно взял вторую лапку:

— Очень вкусно, кстати! Зря отказываешься.

Ник пробурчала:

— Ешьте уже. А я лучше буду месть продумывать — вот за что он со мной так, Лин?

— Я думаю, он просто хотел тебя порадовать.

— Я его тоже порадую. Чем-нибудь. — пробормотала Ник, в сомнениях отщипывая кусочек мяса и пробуя его. — И ни капли не вкусно!

Зорро с улыбкой принялся за третью. Ник обиженно пошла к раковине мыть посуду.

— И откуда столько мстительных берется? Один лягушек подпихивает, второй вообще втягивает в свои разборки между Холмами... — в сердцах сказала она.

Лин обглодал ножку и положил кости на стол:

— Думаешь, Закат втягивает в разборки? Может, он просто не хочет, чтобы мы продолжали существовать в неведении?

— Угу. — буркнула Ник. — Не хочет. И потому на блюдечке, добровольно преподнес данные об амагиуме. Закат. Добровольно. Ну да. И ведь знает, что я не усiju... Точнее, — она поправилась, — мы не усидим и сунемся в Холмы! И это будет... Катастрофа...

— Зато глаза у нас уже будут открыты, Ник, — мягко сказал Лин. — Мы будем готовы.

Он подошел и обнял её со спины. Ник закрыла глаза, прижимаясь к мужу:

— Я не хочу новую войну. Я до ужаса не хочу новую войну, Лин.

— Мы сделаем все, чтобы её избежать, Ники.

— Ага... Закат нам в этом ооочень помогает... — она развернулась и уткнулась ему в грудь. — Хочу быть простым ловцом и ни о чем не думать. Ни о каких судьбах мира, а только о конкретных судьбах людей, находящихся рядом.

Он принялся её гладить по голове:

— Ники, все будет хорошо. Лорды же тоже не безумцы. Им тоже не нужна новая война.

Зорро еле слышно сказал:

— Они и на прошлой неплохо нажились. Простите, что втянул в ненужные разборки...

— Ты ни при чем, — тихо сказал Лин. — Твоей вины тут нет.

Лис вздохнул:

— Это вы еще об участии Двадцать первого округа не знаете...

— Знаем, — отозвался Лин. — Знаем и будем решать. А ты пронырливый, Зорро. И про амагиум знаешь, и про проклятье Двадцать первого округа, и про интер-связь...

Ник повернулась к Зорро, но из объятий Лина выскальзывать не стала.

Лис скривился:

— Я случайно. Я в конце войны лишь искал спокойное место для клана. Мы из Сорокового округа... В Либорайо было слишком много оборотней уже — дикая конкуренция за место под солнцем, я и направился в Двадцать первый, а там Пыльное проклятье — его лорды в Холме наказаний так при мне называли. Сунулся в Двадцатый — говорили, что на севере можно найти хорошие места, а вместо этого во мне выиграл интерес геолога. Я и сообщил по интер-связи своим про проклятье и про амагиум. Взяли меня через неделю в захудалой деревушке. Деревушка лордов не пережила. Свалили все на безумного ловца, только вот беда — ловец был на моей стороне в битве с лордами. Вот как-то так. И свободы, Ник, я совсем не ожидал. Я не думал, что мне будет позволено вернуться в обычный мир...

Лин вздохнул:

— Ник, а давай-ка ты ляжешь спать — поздно уже, да и дорога была тяжелой.

Ник напомнила Лину:

— Ты мне обещал прогулку по вечернему Либорайо.

Он бросил взгляд в окно:

— Скорее уж по ночному, Ники. И Либорайо никуда не сбежит, а вот тебе надо отдохнуть. Иди, я наведу порядок на кухне, устрою Зорро в детской и приду. Сразу же. Иди...

Ник не спалось. Она вертелась и вертелась в объятьях постоянно просыпающегося Лина — у него-то проблем со сном не было, кроме Ник, конечно. Он что-то шептал, утешая и усыпляя, но сон продолжал бежать от Ник. А потом стало не до сна — часа в три ночи кто-то стал ломиться во входную дверь. Лин лаской выскользнул из кровати, замечая, как и Ник встает, судорожно ища кинжал.

Из детской выбрался и Зорро, спешно натягивая на себя футболку. Лин, старательно пригнувшись, подошел к двери — его привычно не смущала его неодетость.

— Мисс Доу, пожалуйста, откройте! — громко раздался с улицы смутно знакомый голос, и Лин не удержался, усмехнулся:

— Не было наследства, лис. Это за тобой пришли. — Он открыл дверь, пропуская растерянного, то улыбающегося, то поджимающего губы Зорро вперед. Еще и по спине хлопнул для одобрения.

Ник замерла, рассматривая, как в дом влетел Родриго, тут же прижимая к себе брата. Младший Санторо, одетый в привычно помятую форму, выдохнул:

— Не обманули... Не обманули! Ты жив! И... — он скороговоркой сказал: — покой-этого-дома-священен-для-меня, я-преломлю-хлеб, но-просто-чуть-позже!

Он кулаком проехался по макушке старшего Санторо:

— Жив, дурашка! А говорили, ловец тебя завалил! А я говорил, что не рожден еще тот ловец, что завалит одного из Санторо! — он обернулся на Ник, — без обид, мисс Доу!

Лин его поправил:

— Миссис Росси. И я настоятельно не рекомендую любому Санторо сталкиваться с ней — потому что тот, кто завалит Санторо, может и не рожден, а вот та, кто завалит... Эээ... — он взъерошил волосы. — Приструнит — да!

Ник фыркнула, еле сдерживая смех. Родриго тут же выпустил из рук Зорро и рванул к ней. Подхватил её на руки и закружил:

— Спасибо-спасибо-спасибо!

Ник замолотила по его могучим плечам своими кулаками:

— Поставь на пол! Тебе прошлого раза не хватило? Вырвет же опять!

Он послушно опустил её на пол, правда, перед этим круга четыре точно навернул вокруг собственной оси:

— Не злитесь, миссис Росси, я лишь от избытка радости. И... Прошу прощения за столь поздний визит... Зорро, собирай вещи — мы едем домой.

Лин, прижимая к себе Ник и проводя ладонями по рукавам худи, в котором спала Ник — он словно стирал чужой запах лиса, — возразил:

— Прости, но не получится.

Родриго приподнял удивленно брови:

— Но мне утром на службу...

Ник, старательно пряча мстительные нотки в голосе, пояснила:

— Нужны показания Зорро, придется подождать, пока разберемся. И не беспокойся!

Ррррразберемся!

Кажется, Санторо младшему даже стыдно стало за прошлую встречу — у него стали стремительно краснеть уши.

Лин мягко сказал:

— Прости, Родриго, это не месть за арест Ник. Нам нужны показания Зорро о плене у лордов. Постараемся разобраться быстро — за пару дней. Потом наш отряд отправится в Алисо — вас тоже захватим.

Младший Санторо скривился:

— Проклятье, что же делать...

— А делать ничего не надо — оставайся у нас, выдержишь пару ночей на диване? А я утром позвоню твоему начальству, скажу, что у тебя спецвызов в наш отряд на пару дней, так что все будет хорошо.

Зорро даже улыбнулся:

— Точно — это тут девиз по жизни! И, пошли, Род, расскажешь про семью... Про маму... Про дом.

Ник хотела сказать, чтобы они не сильно шумели, мешая спать, но потом прикусила губу — пусть болтают, хоть всю ночь напролет. Самое страшное для Зорро уже закончилось, пусть уж, одну ночь можно и под чужой разговор поспать. От неё не убудет.

Лин подхватил её на руки и понес в спальню, сильно водя носом по её волосам — кажется, этот худи, испорченный Родриго, придется отправить в стирку.

— Хорошо бы, чтобы все страхи так замечательно заканчивались, — пробормотала сонно Ник.

— А ты испугалась, малыш?

— Угу. Испугалась. Я не могу всех защитить...

— Меня точно защищать не надо, — напомнил Лин, укладывая её на кровать.

— А если бы это был Закат?

— Он не плохой, не отчаянно плохой, Ники. — Он лег рядом, прижимая её к своей груди. — Спи... Мы со всем справимся.

— Угу, — согласилась она. — Надо скорее звонить Принцу, который должен уметь.

— Завтра? — предложил Лин.

— Завтра... То есть уже сегодня.

Утро было сонным, отчаянно коротким — Лин разбудил её уже после своей пробежки, и пропахшим кофе — ничего больше разнервничавшаяся Ник в себя впихнуть не смогла. Надо было видеть удивленные глаза Родриго, когда он заметил беременность Ник — форменные брюки стражей, с трудом застегнувшиеся на раздавшейся талии, и плотная, обтягивающая белая футболка почти ничего не скрывали. В участке будет хуже — Ник старалась об этом не думать. Она прихватила с собой свежую толстовку Лина с эмблемой отряда — в случае чего спрячется в ней. Она была большая и надежная, почти как Лин. Жаль только — им самим она не пахла.

Родриго так побелел, что Лин хлопнул его по плечу:

— С этим поздравляют, Родриго. Точно-точно.

— Па... Поздравляю... И, Ник, тебе стоило тогда в участке сказать мне, я бы... Я бы...

Ник пожалала плечами, допивая кофе:

— Тогда еще я не была беременна. И хватит это обсуждать. Хорошо? Вот словно беременных никогда не видели.

Зорро тихо пояснил:

— У нас они по домам как-то сидят, Ник. Привычка прятаться от ловцов и проверяющих.

Ник скривилась:

— Я вообще не понимаю — кто-нибудь соблюдал Пакт о совместном проживании видов?

Лин забрал у неё из рук пустую кружку:

— А как его было соблюдать, когда у оборотней чаще всего двойни рождаются? Да и... Все сложно было, Ник.

Она лишь кивнула — сложно. У Росси — трое детей, у матери Санторо — двое, и ведь они не одни такие... А Бюро переписи оборотней регулярно сообщало, что Пакт соблюдается, что количество оборотней под жестким контролем. Может, потому и не воспринимали всерьез волнения в гетто, вылившиеся в войну. Просчитались — численность оборотней оказалась на порядок выше, чем официальная статистика. И рогатые орки, как же ей повезло, что она стала работать ловцом после войны, а не до... Думать, в какую бы грязь ей пришлось окунуться из-за Пакта, не хотелось.

Родриго неприлично уперся взглядом в живот:

— А с двойней вариант, да. Тогда понятно, почему живот такой...

Ник вздрогнула, выныривая из своих мыслей:

— Что?! — вот ей только такого счастья не хватало еще...

Лин тут же притянул её к себе:

— Ники, просто лигры вообще сами по себе большие.

Родриго открыл было рот, даже попытался что-то сказать, типа «А разве лигры бывают?», но Зорро спешно его заткнул:

— А разве вы не проходили обследование?

Ник сурово заметила:

— Пройду. Но не сейчас. Когда-нибудь. — не объяснять же, что сперва боялась огласки, а потом как-то не до этого стало.

Зорро улыбнулся:

— Главное, чтобы не сильно поздно — беременности имеют тенденцию заканчиваться.

Ник фыркнула в ответ:

— Да ну вас, Санторо! Лучше поехали в участок.

Лин еле слышно прошептал ей в ухо:

— Все будет хорошо! Честное слово.

— Не уверена, — проворчала она. — Хочу в зону, хочу все взорвать и... В новую зону.

— Знаешь, мне кажется, — сказал Лин, наблюдая, как Ник, словно броню, натягивает на себя его толстовку, — в зоне двести шесть взрывать ничего не надо.

— Найду!

Площадь перед участком стражей с зимы изменилась — перенесли Границу (Ник вздрогнула, представляя, какой хаос начнется, реши лорды убрать Границы в качестве жеста устрашения), убрали пост охраны, а напротив участка выросла новая улица. Наверное, и Кленовая улица наконец-то приобрела свой правильный вид — в сердце Ник кольнуло напоминание, что Эвана она давно не проводывала, аккуратно с начала осени. Надо зайти, познакомиться с его семьей, хотя Ник понимала — этого она никогда не сделает. Как-то не умела она дружить семьями. Ей для счастливой жизни вполне хватало одного Лина.

В участке было тихо — Ник удалось проскользнуть в кабинет Лина незамеченной парнями из отряда, сейчас находившимися на тренировке. Правда, у Ник и свой стол был в общей рабочей зоне, где она по зиме страдала над оправданиями и отписками, почему будучи стражем, вновь поступила, как ловец. Стол даже пылью не зарос — Ник проверила: кто-то старательно протирал его, запах был незнакомый, но стойкий.

Лин только улыбнулся, заметив, как она вновь заняла угловой стол в его кабинете — он был предназначен для совещаний.

Ник, устраиваясь удобнее, призналась:

— Я хочу быть в курсе происходящего. Хочу все услышать сама, а не читать тщательно выхолощенную версию случившегося с Зорро.

Лин махнул головой на свой рабочий стол, утопавший в бумагах, скопившихся на время поездки в Двадцатый округ:

— Давай-ка поменяемся — ты за мой рабочий стол, а я за стол для совещаний — нас всяко больше будет.

Ник без слов уступила. Разгребла завал на столе. Как прилежная ученица, разложила бумаги, ручки и карандаши — привыкла писать отчеты от руки, а теперь и привыкать к планшету да интеру нельзя — их отслеживают лорды. Вздохнула и принялась писать отчеты и докладные записки. Их скопилось много. Отчет о нежити в Пятом округе для школы ловцов, отчет о состоянии Пятого и Двадцать первого округов для... Лиги округов? Или дальше Переса это не уйдет? Отчет о Двадцатом округе — вот это точно только для Мигеля. Отчет о собственных приключениях. Отчет об обнаружении Санторо — Ник понимала, что парню сейчас не позавидуешь: все его показания будут проверяться и проверяться, вся его личность будет досконально изучена и перепроверена — если Брендон подтвердит, что это именно тот Санторо. От Заката можно всего ожидать. От правды до специальной дезинформации. Ник потеряла лоб — зачем Закат так поступил? Она просила разобраться в деле Джонса, а он... Прислал Зорро. Нет, за парня Ник была рада, но помощь Заката пугала.

Санторо рассаживались за столом, Лин задумчиво ходил по кабинету в ожидании Переса... Тот приехал слишком мрачный и задумчивый, потом примчался Брендон, первым делом садясь на стол к Ник и заговорщицки уточняя про лягушек — от немедленной мести его спасло лишь присутствие Мигеля. Потом приходили какие-то незнакомые Ник шишки из Управления стражей и из управления округом. Кто-то курил, кто-то приносил с собой запах дорогого алкоголя, туда-сюда сновали стюарды, принося еду и напитки. После обеда Зорро вообще утащили на ментальное сканирование к вампирам... Точнее, в больницу Переса. Родриго, которого оставили в участке, места себе не находил. Он угрюмо уселся на подоконнике и смотрел в никуда. Впрочем, Лин был ничем не лучше — тоже потемнел лицом, хмурился, сидя за столом, безнадежно просматривая показания Зорро. Ник его понимала — выхода не было. Пользоваться интер-связью нельзя, но альтернативы нет совершенно. Можно протащить через зоны кабели связи, но первая же магическая буря или первая глупая голодная нежить повредят их. Даже если усмирить зоны, а это сложно, Ник понимала, но все же возможно, то... Многие восточные и западные округа лежат не только за Границами, но и за проливами и морями. Тот же Десятый округ. А на юге... На юге Пятый округ, который нельзя ставить в известность, и Сорок первый, с которым еще фиг договоришься — там нелюдей не уважали. И ведь это только проблемы связи. А еще промышленность, а еще военная техника и экипировка стражей... Начнись война сейчас — все доспехи, вся механизированная бронированная кавалерия — все будет просто

дезактивировано лордами. А магия... Голова просто раскалывалась от проблем, сейчас Ник ни капли не завидовала элитному Пересу, ему его богатство тоже не легко далось.

Через час за Родриго примчался Арано и повез парня в больницу к брату, Ник только и успела Санторо выдать ключи от автодома — на всякий случай.

Глава 47. Принц должен уметь

Лин, дождавшись, когда Ник закончит очередной отчет, просто потащил её на улицу — молча и как-то отчаянно. Они в тишине, сцепив пальцы в замок, пешком дошли до мэрии, сдали в Бюро учета населения документы о браке на внесение в реестр и идентификационную карточку Ник на изменение фамилии и пошли обратно в участок. Интерфон все это время благородно молчал. Ник тоже молчала, не стала говорить, что кланы и их понятия законности — мрак. Пусть уж, пусть Мигель в приказном порядке велел признать документы о браке в Двадцать первом округе законными в Третьем, зато никто не будет оспаривать их с Лином брак. Это главное в свете появившегося на горизонте Заката. Но до чего же страшно от будущего, которое ожидает их! Сердце Ник заходило в диком ритме — выхода, кроме войны, она не видела. А война — не выход, это она знала точно. Может, все же Мигель что-то придумает... Хотя Ник привыкла, что никогда нельзя полагаться на кого-то, надо делать все самой, только это не тот случай.

Было солнечно. Было тепло. Город дышал летом, хоть до него еще несколько недель. Город радовался жизни, ничего не зная о лордах и их планах. И Ник заставляла себя думать о лете, а не о лордах, амагиуме и Закате.

Лин купил у уличного торговца фисташковое мороженое в высоком вафельном рожке. Три огромных шарика плавилась на солнце, таяли и капали, так что ели мороженое вдвоем, лишь бы успеть до того, как оно окончательно растает. Лин даже улыбаться начал, вытирая липкие, сливочные капли с Ник. Хотя чаще он их нагло слизывал, прижимая Ник к себе. Так не думать о будущем получалось лучше.

Они уселись на скамейке перед участком, прикрытые от жаркого послеобеденного солнца липами. Листья-сердечки бросали на Лина забавные тени, и Ник позволила себе быть беззаботной. Только целовать резные тени на лице Лина, только улыбаться ему и прикрывать глаза от пробивавшихся через крону солнечных лучей. И ни о чем не думать... Хотя...

Она, прижатая рукой к жаркому телу Лина, пробормотала:

— У тебя интер с собой?

— Да, малыш... — старательно расслабленно сказал Лин.

— Позвоним очередному принцу? Тому, который из Десятого округа.

— Мы же сперва хотели выяснить про номер. Забыла?

— Знаешь, если я сейчас не позвоню, то потом вообще забоюсь.

— Ясно, — кивнул Лин, выпуская её из объятий и протягивая интер, — звони.

Ник решительно набрала номер и замерла, вслушиваясь, как проходит гудок — такой номер существовал. Он не странная придумка из сна, он действительно существует.

Гудки все шли и шли, звонок не принимали. И когда Ник уже облегченно выдохнула, что не судьба, раздался щелчок соединения. Тихий, мужской голос, срываясь, спросил:

— Сэм? Это ты, Сэм?

Ник прикусила губу от волнения. А голос продолжал настаивать:

— Сэм, не молчи, я же знаю, что это ты, малышка... Или ты до сих пор злишься, что я не нашел тебя? Прости, я виноват... Сэм, прошу, ответь — кроме тебя этот номер не знает никто. Сэм...

Голос был тот же, что уговаривал не бояться чудовищ, прячься под одеялом. Голос был

тот же, что спрашивал про блинчики. Голос был тот же, что кричал и обещал найти. И память услужливо подпихнула новое воспоминание — он, она на табурете и чадящая из-за масла сковорода. И его предложение: «Может, все же по пигоди?».

Лин осторожно провел пальцем по прикушенной губе Ник, а потом решительно сказал в интер, включенный на громкую связь:

— Простите, это Линдро Диего Андре Росси, муж... Семечки.

Мужчина тут же заволновался:

— Сэм... Она жива? Она в порядке? Она... Свободна?

Лин уверенно ответил, пока Ник пыталась прийти в себя:

— Поверьте, она на свободе, и будет свободна всегда — я вам это обещаю. Кто вы?

— Боюсь, ответ вам не понравится... Я... О Ха Ныль. Я руководил проектом, связанном с Семечкой и её... Сестрами. Корпорация «Созидание», если вам это что-то говорит.

Ник неуверенно произнесла:

— Ханыль... Ханыль... — она словно пыталась что-то вспомнить, но не получалось, хотя имя легко срывалось с её языка — она точно не раз его произносила.

Голос в интере мягко произнес:

— Ты меня звала Судьба. Пафосно, но что возьмёшь с семилетней девочки... Сэм... Пожалуйста, ответь мне — я волновался за тебя... Я все эти годы надеялся, что ты позвонишь мне. Ты же знаешь — я завел этот номер только для тебя.

Ник замотала головой — сейчас она не могла говорить, язык словно присох к нёбу, а слова застревали в горле, царапая его. Она сама, добровольно, позвонила тому, кому её продали. Она позвонила тому, кто держал её в плену. Она позвонила тому, кто создавал её клонов и продавал. Она позвонила чудовищу. Ник снова прикусила губу, и Лин деликатно сказал:

— Сейчас она не хочет с вами говорить. Может, чуть позже.

— Я могу звонить вам на ваш номер? Не бойтесь, нечасто. Может, всего один раз. Вдруг Сэм захочет все же поговорить...

— Можете, только учтите, что это мой номер интера, а не... Сэм. — Лин вовремя осекся — чуть не назвал её Ник.

— Хорошо. Буду звонить по вечерам. И не бойтесь, я не буду наводить справки, в каком Округе вы живете.

— Мистер О...

— Простите, понимаю, что отнимаю у вас драгоценное время, но передайте Сэм, что я её жду в Ольховом Холме. Это в Пятом округе. Жизнью клянусь — ей ничего не грозит. Я не продам её, я не интересуюсь её генетическим материалом, и слово чести — если она приедет в Холм навестить меня, то её свободно выпустят из Холма. Просто пусть скажет Привратнику Холма, что она ко мне. К О Ха Нылю.

— Спасибо, она слышала, но вряд ли воспользуется вашим предложением. — Лин заметил, как быстро замотала головой Ник.

— Тогда последнее — скажите ей, что она чудо, а не чудовище. Ей всегда лгали — она чудо! Чудовища — те, кто окружал её.

— Спасибо, мистер О, и до свидания. — Лин прервал звонок и прижал Ник к себе. Потом подумал и затащил её на колени, обнимая и обещая, что все будет хорошо. Кажется, она не верила, и Лин отчаянно искал то, что поднимет ей настроение:

— Хочешь — куплю еще мороженое?

Ник лишь качнула головой и сильнее вжала в его грудь.

— Хочешь пигоди?

Её плечи печально вздрогнули. Напоминаний о Ханыли она не хотела. Это была очередная её глупая ошибка.

Лин вздохнул:

— Не хочешь... А... — он бессильно обводил взглядом площадь, ища, что же может порадовать Ник. — Хочешь сэндвич? Чурос? Пиццу с анчоусами? Что-то острое или пряное? Мать всегда во время беременности тянуло на соленое... Ники? Ответь мне... Прошу...

Она чуть отодвинулась в сторону, заглядывая в глаза Лину:

— Ты знал?

Он покаянно кивнул:

— Знал, конечно. Это сложно не заметить, Ник. Пицца с анчоусами и фисташковое мороженое редко сочетаются...

Она уткнулась ему в надплечье, сильнее обнимая за шею:

— Знал и отпустил...

— Ты имеешь право, Ник, делать то, что хочешь. Я же говорил — я тебя дома не запрю, хоть иногда и хочется до ужаса. Хочется приходить домой и знать — ты дома. Ники...

— Ты самый лучший, и я даже знаю почему!

— И почему же?

— Потому что все просто принцы — Эван, Маки, Брендон, Тамиор, Закат, Ханыль..

Они просто принцы, а ты — король.

Лин раскатисто рассмеялся, его смешки проникли под кожу Ник, понеслись мурашками по мышцам, приятной дрожью отдавая в позвоночнике, и хотелось... Хотелось просто быть с Лином рядом. Сейчас. Дома. В одиночестве. Только он и она. И больше ничего для счастья не надо. Она забудет про прошлое, если у неё будет будущее с Лином.

Только внезапно ожил интер, который Лин не имел права игнорировать. Он, извиняясь, принял звонок, отвечая односложно: «Да... Слушаю... Понял... Буду...». Ник понятно встала с его колен, целуя Лина в лоб:

— Иди...

— А ты?

— А со мной все будет хорошо.

Лин ласково попросил её:

— Иди домой, пожалуйста.

Она напомнила:

— Еще нет пяти часов.

— К рогатым оркам службу! Мигель знает, что высиживать время на службе — не главное. Главное — всегда вовремя приноситься на вызов, Ник. Иди домой, я договорюсь с Мигелем. Все будет...

— ...хорошо, — подхватила его слова Ник. — Клань — это жутко прогрессивно и удобно, я оценила, Лин. И не волнуйся за меня. Я и глупости — не синоним.

Лин встал со скамьи, молча про синонимы и прочее:

— Тебе ключи от машины дать?

— Я дойду сама. Прогуляюсь, куплю чего-нибудь вкусенького или полезного, и пойду домой.

— Ники...

Она улыбнулась и поправила его отросший ёжик на голове:

— Иди...

Он лишь кивнул:

— Иду...

И пошел, оставляя Ник наедине с Ханьлем и уже ненужными воспоминаниями. Последний принц тоже оказался пустышкой, как и Закат.

Ник медленно пошла в сторону дома. Зашла в большой торговый центр — там она уже не раз заказывала доставку продуктов: вдруг все же в Алисо поедут на автодоме, а у неё в холодильнике почти пусто. Потом она осторожно зашла в магазин детских товаров и долго рассматривала кровати, пеленальные столики, крохотные платяца и смешные ботиночки. Все это не о ней и Лине. Совсем не о ней... Это казалось еще далеким и невероятным. Она вышла из магазина так ничего и не купив. Зато в ювелирной мастерской задержалась почти на час — заказала новые брачные браслеты, долго обсуждая гравировки. Ювелир, заметив её положение, еще и на детский браслет уговорил — Ник сама не поняла, как согласилась на это.

Домой она пришла уже ближе к семи, прогулявшись через парк. На скамейке, которую вчера облюбовал Зорро, уже сидел новый гость, точнее гостя... Каштановые волосы с заметной рыжинкой, узнаваемый овал лица, только не такая тяжелая челюсть, как у Лина, желтоватые глаза, изящная фигура взрослой, уверенной в себе тигрицы.

Анна.

Одета она была очень серьезно — деловой, светло-бежевый костюм, изысканная фантазийная блузка с множеством воланов, обязательные для леди чулки, и это в жару, туфли на высоком каблуке — у Ник уже заранее голова начала кружиться, а Анна на них как-то ходит. Ник скривилась — в своих форменных брюках и закапанной мороженым толстовке на десяток размеров больше, она выглядела несуразно на фоне миссис Росси. Самое то для первого знакомства!

Анна с улыбкой встала со скамейки и плавно, очень грациозно направилась к Ник:

— Добрый вечер!

Ник сглотнула и выдавила из себя:

— Добрый! — к этой встрече она была не готова.

Анна легко подалась к ней, обнимая и невесомо прикасаясь губами к щеке:

— Рада наконец-то видеть, Ник!

Та отпрянула в сторону, старательно улыбаясь:

— Взаимно...

Анна рассмеялась — смех у неё был задорный и искренний:

— Можешь не притворяться. Я тоже была бы не очень рада внезапному визиту. Я все понимаю, Ник. И не бойся — в дом не попрошусь, я знаю по Лину, как это — вернуться после тяжелого затяжного рейда домой. Просто Миге сказал, что вы на днях снова уезжаете с Лином и, возможно, надолго. Я поняла одно — затащить тебя в гости я просто физически не успеваю. И Ник, я все понимаю — на чужой территории с чужой женщиной, которой надо понравиться, а не хочется пресмыкаться, крайне тяжело. Сама через это проходила. Так что... Что скажешь по поводу посидеть чуть-чуть в ближайшем ресторанчике? Просто посмотреть друг на друга, просто поболтать... Я очень люблю Лина, и я рада, что он наконец-то нашел свою любовь. Я не буду лезть в вашу семью, но узнать тебя поближе хотелось бы.

Ник вздохнула:

— Что ж... — она оглянулась на дом — там вроде никого еще не было. — Почему бы и нет...

Анна легко подхватила её за руку, словно подружка, и повела Ник в сторону вечерней бурлящей улицы.

— Не бойся меня, Ник. Я просила передать Мию, что полностью понимаю тебя в случае с ребенком. От меня ты не услышишь ни слова упрека — я понимаю тебя... — Эта красивая, ухоженная, элегантная женщина (впрочем, какая еще могла понравиться Мигелю?) на миг погрузилась, но потом заставила себя улыбнуться.

Ник спокойно сказала:

— Я жду ребенка от Лина. Можете не верить, но родится лилигр.

Анна даже сбилась с шага. Она тревожно спросила:

— Ники, ты же знаешь о лиграх, да?

— Знаю. Как и знаю другое — я специально была создана для Лина. А он для меня.

И к рогатым оркам лаборатории, лордов, полиморфов, мать, отца и их заигрывания с генетикой!

Анна чуть наклонила голову:

— Что ж, тогда я очень рада за вас обоих. И, Ник, я тебе не враг. Честное слово. И учти — я первая нянька, Лин, Миге, Мия и Лина — в конце очереди. Хорошо? — она расплылась в искренней улыбке.

Ник не смогла сдержать улыбку в ответ:

— Хорошо. — Миге в няньках как-то очень живо представился, выгуливая малыша в копии спорткара для поддержания статуса. Или сразу настоящий подарит? Для прогулок.

Они шли вдоль многочисленных кафе, забегаловок и рестораников, но все они чем-то не устраивали Анну — она завернула на небольшую улочку, направляясь к ресторану с настоящим швейцаром у дверей. В ливрее, сверкающей золотом, в белоснежных перчатках и даже в шляпе. Ник судорожно вспоминала все уроки Тамиора, надеясь, что была все же прилежной ученицей.

Анна тем временем продолжала:

— Не бойся, я умею ухаживать за детьми. Потеря профессии тебе не грозит — мне вчера Мия рассказывала... Если только сама потом не передумаешь остаться на службе.

— Не передумаю, — спокойно сказала Ник. — Как-нибудь справимся.

— Замечательный настрой, — Анна кивнула швейцару у дверей ресторана, который радушно распахнул перед ними двери.

Ник огляделась, входя в ресторан — уютные столики за завесой из магии, цветы, позолота, живой оркестр, пафосные официанты... М-да, Лин просто чудо как демократичен на фоне Анны.

Та, непринужденно поздоровавшись с метрдотелем, который явно её знал, обернулась к Ник:

— Это все Миге. Бесплезно что-то объяснять. Статус превыше всего.

Ник тактично предложила, пристраиваясь в кильватере за Анной, направлявшейся к столику у окна:

— Осинový кол не пробовали? Очень помогает снизить градус пафоса.

Анна рассмеялась, присаживаясь на стул, который ей аккуратно задвинул метрдотель. Ник удалось увернуться от аналогичной помощи официанта — она сама села напротив

Анны.

— Я была чуть менее категорична — я его на солнце вытащила.

— И как? — заинтересовано уточнила Ник.

— И не помогло. — грустно улыбнулась Анна. — Не помогло, к сожалению.

Она раскрыла меню, которое ей подали, и спряталась за ним от любопытного взгляда Ник. Та тоже взяла меню, первым делом рассматривая цены, а вторым ища противных гренуй, чтобы не дай орки не заказать их случайно. Защитный знак на предплечье внезапно заныл, а потом взорвался дикой болью, заставляя Ник сжиматься и стонать, почти сползая по стулу.

Анна тут же вскочила с места и бросилась к Ник, присаживаясь на корточки и пытаясь поймать её взгляд:

— Девочка моя, что случилось?! Что с тобой? Вызвать парамедиков или потерпишь до больницы?!

Ник еле процедила через зубы, отмахиваясь от помощи метрдотеля и официанта:

— Лед! Пожалуйста, лед!

— Маленькая моя, я сейчас... — заметалась, вскакивая, Анна. Все же до лощеного Мигеля ей еще далеко.

— Это не со мной! Это Лин в беде. Позвоните... — Ник зашипела ругательства надеясь, что магическая завеса, пропускавшая звуки музыки, их скроет.

Обслуживание в ресторане было на высоте — Ник на предплечье, которое она зажала правой рукой, опустилась салфетка со льдом — соседний столик, вкушавший устриц, даже возразить не успел на действия метрдотеля. Официант унесся на кухню — наверное, тоже за льдом.

Анна вытащила из сумочки уже вопящий интерфон:

— Это Лин... — она приняла вызов, включив громкую связь: — Ребенок, что ты себе позволяешь?!

Голос Лина был довольно бодр:

— Мааааа! Я жив!.. Со мной все... Хорошо! — правда, долгие паузы между словами, не совсем сочетались с его утверждениями. — Пожалуйста, найди Ник... Ей сейчас очень плохо! Прошу!

— Она рядом со мной, ребенок. — Анна уже взяла себя в руки и говорила тихо, но четко. — Если с ней что-то случится из-за тебя, то я сама приеду и доубью! Интер на громкой связи.

Лин тут же вкрадчиво принялся уговаривать, словно Ник ребенок:

— Ники, малыш, со мной все в порядке... Я несусь как можно скорее в больницу... Скоро мне поставят обезболивающее... Потерпи, прошу... Найди лед... — голос иногда срывался и звучал напряженно, на заднем фоне были слышны рокот двигателя, визг тормозов, дикие сигналы клаксонов.

— Уже, — пробормотала Ник, собравшись наконец с силами и пытаясь создать легкое обезболивающее заклинание — пальцы тряслись, и оно все никак не ложилось. — Что случилось?

— Небольшой ожог, Ники. Просто сунул руку куда не следует. Все хорошо.

— Не убейся, прошу! Будь осторожнее на дороге...

— Уже, Ники, уже... — раздался дикий визг, хлопок двери, а потом... Блаженное ощущение анестезии. — Малыш? Все в порядке?

Интер выскользнул из руки Ник — его поймала Анна, сурово выговаривая:

— Еще одна подобная выходка, и я серьезно с тобой поговорю, ребенок! В какой ты больнице? Я сейчас отвезу Ники домой, а потом поеду к тебе.

— Я с вами... — Ник, с трудом прогоняя дурноту и позволяя метрдотелю поддержать её за локоть, встала. — Я с вами...

У входа в ресторан уже ждало такси, вызванное метрдотелем. Анна спешно назвала адрес больницы святой Лалии. Ник кусала губы — она не могла понять, почему знак так сильно среагировал, словно Лин... Словно Лин сгорал заживо. Даже когда он ободрал из-за Заката ноги, так сильно не болело. Она не слышала, как губы повторяли снова и снова:

— Только бы все было хорошо. Только бы все было хорошо...

Она даже новообращенного Линдро поймет и примет, благо, что его уламывать снимать привязку не нужно будет. Знак периодически вспыхивал болью, но уже слабой, приглушенной, далекой.

Анна обняла её за плечи и прижала к себе, шепча утешающие слова, что Лин сильный, что бывало и хуже, но он всегда выкарабкивался, что с большими мальчиками всегда так, проси — не проси рисковать, они все равно полезут ломать голову...

Потом больница. Холл. Лифт. Коридор. Палата. Врач. Встревоженный Мигель у окна. Смущенный Линдро на кровати — он пытался встать, но врач был непреклонен.

Вся правая рука Лина вплоть до локтя была в асептической повязке. Капельница, подключенная к левой руке, исправно капала что-то в вену.

По еле заметному знаку Анны — всего лишь выгнутая бровь, — врач моментально отвлекся от приборов и представился:

— Миссис Росси... Я доктор Уошберн, дежурный врач комбустиологического отделения.

Он был молодой, не больше тридцати пяти лет, возбужденный, уже лысоватый и плотный. Хотя Ник понимала его — сама бы нервничала, если бы проверять её работу заявился бы сам директор школы ловцов в компании с Пересом...

Уошберн принялся быстро докладывать:

— У мистера Росси химический ожог четвертой степени ладони и предплечья, вызванный алхимическим топливом, ожог ВДП и интоксикация легкой степени. Прогноз благоприятный в плане восстановления функции кисти, но процесс будет длительный, не меньше месяца, а то и больше... Сейчас проводится антишоковая терапия и регидротация... Это минимум дня три займет...

Ник прикрыла глаза — это была не анестезия, а она еще удивилась, почему так быстро... Это у Лина сгорели все ткани с болевыми рецепторами... Мигель оказался тут же рядом, подставил плечо и попытался усадить на стул для посетителей, но Ник отказалась. Она еле слышно прошептала:

— Я в порядке... Куда ты Лина запихнул, что его так обожгло?

Ответил ей Лин — хриплым из-за ожога голосовых складок голосом:

— Я на службе... Протечка в доспехе.

Анна шикнула на него:

— Молчи... — и снова о чем-то принялась расспрашивать врача. Ник только и оставалось, что кусать губы — у Анны больше прав быть с Лином рядом...

Мигель сурово пояснил Ник:

— Да... Иногда бывает. И, Ник... Мне Лин говорил о твоей полной безалаберности и

отношении приборов на алхимическом топливе, так что я направил к тебе домой трех отрядных техников — они проверят всю твою бытовую технику. И кинжал, будь так добра, им сдай. Все ясно?

Ник нахмурилась, наблюдая, как Анна, закончив разговор с врачом, присела возле Лина и начала ему что-то мягко выговаривать.

— Хорошо быть шишкой в клане, да? — не удержалась Ник от замечания. Ей только недовольства техников самоуправством Переса не хватало. Да и не дело это — так пользоваться чужим трудом.

— Не понял? — искренне удивился Мигель.

— Техникам хоть заплатят за их работу? — уточнила Ник, не отводя глаз от Лина. Просто не могла. Боялась, что отвернется, моргнет, отвлечется, и... Лин исчезнет.

— Ники, прости, но ты сейчас меня зря подозреваешь в злоупотреблении властью. Отрядные техники регулярно проверяют и обслуживают дома стражей отряда. Знаешь, сколько уже было попыток установки прослушки тому же Линдро? Или сколько раз пытались взорвать Арано? Или того же Жердя... Ники, это обязанность техников — проверка безопасности. И только ради твоего спокойствия, я им выпишу премию за работу в трудных условиях. Довольна?

Ник вздохнула и кивнула:

— Довольна, но впредь меня предупреждай о проверках — это все-таки мой дом.

— И Лина, — тихо подсказал Мигель. — Это он дал разрешение.

— И Лина, — подтвердила Ник.

Мигель неожиданно мягко улыбнулся ей:

— Не бойся за Лина — если не заживет, как положено, то я его иницирую.

Она ткнула его в грудь своим указательным пальцем:

— Вот теперь мне действительно страшно.

— Да прекрати, пусть и вампиром станет, но ведь Лином он быть не перестанет.

— Ну тебя... — Ник повернулась к Лину — Анна закончила уже выговаривать, дала ему легкую затрещину и тут же поцеловала в лоб. Ник даже жаль Лина стало.

Мигель ласково позвал:

— Анна... Подойди, пожалуйста, разговор есть...

Она кивнула:

— Да-да, подожди...

Мигель чуть громче сказал:

— Анна! Лин больше как бы не твой.

Женщина грациозно встала:

— Выздоровливай, ребенок! Лежи в больнице, сколько скажут, а мы с Мией присмотрим за Ники. Ясно?

Лин кивнул:

— Ясно. Только присматривать за Ники не получится — у неё рейд же.

— У неё — ты! — безапелляционно сказала Анна. — Это главное.

Лин вздохнул:

— Ма, Ник — профессионал прежде всего. Служба важнее. Не веришь — спроси у Ник сама.

Анна обернулась к Ник и спрашивать не стала, только печально сказала:

— Вы с Лином такие одинаковые, что страшно становится. Ладно-ладно-ладно, мы

с Мией присмотрим за Лином, пока ты, Ники, будешь в рейде. Ужас какой-то!

Мигель просто взял её за руку и притянул к себе.

Ник села на кровать к Лину, бедняга Уошберн проверил приборы и тихо вышел из палаты. От Переса все старались держаться подальше.

Лин левой рукой поймал пальцы Ник и подтянул к своим губам, целуя:

— Прости, что напугал. Я случайно...

Она лишь кивнула — Ник не знала, что нужно говорить в таких случаях, да и горло сжало спазмом, так что не продохнуть.

Лин здоровой рукой прижал Ник к себе:

— Малыш, я поправлюсь, честное слово...

— Выздоровливай, ясно?

— Ясно. И не волнуйся за меня — езжай домой, за мной тут присмотрят в четыре, а то и в шесть глаз. — под недоверчивым взглядом Ник он принялся пояснять: — Ма и врач, а еще тут есть медсестры.

— Красивые? — почему-то сквозь слезы уточнила Ник.

— Что ты! Все за масками прячутся — видать, страшные... И не плачь, малыш, все же хорошо... Езжай в зону, развлекись там по полной — разрешаю нарушить все планы Мигеля!

— Сжечь?

Лин фыркнул:

— Решила повториться?

— Тогда затопить?

— Нууу, там и без тебя Бланка из берегов вышла. Говорят — красивое зрелище. Вот выпустят из больницы, я к тебе тут же приеду...

Ник фыркнула ему в надплечье:

— Значит, не топить?

— Значит — действовать, как тебе подсказывает сердце, Ники.

Она пробурчала:

— Вот возьму и...

— Иии...? — заглянул ей в глаза Лин, мягко улыбаясь.

— Ииии оживлю весь Холм. Просто из вредности.

Лин рассмеялся, прижимаясь лбом к её лбу:

— Малыш, как же я тебя люблю... Ты бы знала...

Глава 48. Новый взгляд на мир

В зоне двести шесть, действительно, было красиво.

Бланка, вышедшая из берегов, была величественна и медлительна, она плескалась у самого подножия Холма ткачей, превратив остальные возвышенности в острова. Дожди смыли пепел, свежая трава затянула землю, деревья оживали — то тут, то там были видны свежие листья. Только ивы тут больше не росли и расти не будут — они выгорели дотла. Синее бездонное небо, марево Границы, скрывавшей город, и воздух, прогретый на солнце и по-летнему жаркий. И никого вокруг — тут работали вампиры, днем они отсыпались в бронеавтомобилях со встроенными капсулами. Ник с Арано сама приехала на таком — не придется каждый день топать по полмили до городка и обратно. Техники, приехавшие вместе с ними, уже выгружали из грузовика ультру для Арано и принимались к разогреву — Ник не хотела терять время. Хотелось домой, хотелось быть рядом с Лином в трудную для него минуту, но... Здесь быть важнее — если её работа тут хоть на мгновение отодвинет возможность войны с лордами, то она будет тут, будет вкалывать, как лошадь, будет работать на пределе сил, сделает все возможное и невозможное. Пусть у Переса будет хоть что-то для влияния на лордов. Пусть спорит с лордами, пусть ругается, пусть хоть в драку лезет, но только чтобы не было повтора прошлой войны. Она вспомнила кодовую фразу, обозначающую находку погибшего холма: «Фейри предлагают мир!» — так пусть они его и впрямь предлагают.

Арано разулся и босиком прошелся по воде. Потянулся и закричал в небеса:

— Хорошо-то каааак!!! — он повернулся к Ник и улыбнулся: — водичка отпад!

Ник нахмурилась и присела у берега, трогая холодную воду, в которой плясали солнечные зайчики:

— Для кого как...

— Эх, сейчас бы искупаться!

Ник выпрямилась, вытирая руки о штаны:

— Ты же ирбис, Рик.

— И что? — не понял тот, — я и человек же, а звериные инстинкты — не самое главное в оборотне, уж поверь, Ники.

Она задумчиво пошла в сторону холма вдоль кромки воды:

— А почему наводнение так поздно, Рик? Ты не знаешь? Я думала, наводнения случаются ранней весной.

— Так вторая волна, — потянулся Арано, жмурясь на солнце. — В горах Двадцать первого округа, тех, что совсем на севере, только-только снег стаял. Вот Бланка и поднялась.

Из темного проема холма раздалось немного недовольное покашливание. Ник спешно направилась в холм, за ней, неся ботинки в руках, пристроился босой Арано.

Ник зашла в Холм — впервые за все время, в прошлый раз её хватило только на то, чтобы сунуть в темноту руку. Тогда пахло гнилью и слезами, сейчас тут все провоняло вампирами и ненавистью. Еле заметный в темноте вампир — он выдавал свое присутствие лишь белоснежной макушкой, — спокойно сказал:

— Осторожно, глаза! — Он что-то нажал на дальней стене и тут же вспыхнул яркий, болезненно белый свет. Ник прищурилась. Холм не поражал воображение. Тут не было ни роскоши, ни пространства, ни небес другого мира — говорили про Холмы и такое.

Погибший холм скорее напоминал заброшенные штольни, веером уходящие куда-то вглубь холма, узкие, неудобные, освещенные круглыми электрическими фонарями, подвешенными под земляным, иногда осыпающимся пылью потолком. Кое-где стояли бетонные крепы, видимо, состояние проходов не внушало доверия. Тишина. Даже работы алхимической батареи, вырабатывающей электричество, не слышно. Чуть странное, извращенное любопытство, исходящее не от вампира — кто-то прятался за поворотами ходов или даже в стенах. Кругом, преграждая проходы, стояли уже знакомые каменные столбы с так и не разгаданными узорами ткачей. А, может, их и разгадали уже, но Ник не того полета птица, которой хоть что-то расскажут. Она сомневалась даже в том, что ей потом, после проделанной работы, расскажут, что же получилось и получилось ли.

Вампир, одетый в синюю форму стражей, опять кашлянул, напоминая о себе. Ник повернулась к нему и представилась:

— Ник «Леди» Росси, прибыла сюда в качестве консультанта. А это... — она указала рукой на Арано: — Рик «Утес» Арано, мой напарник в этом рейде.

Вампир чуть склонил свою голову:

— Энрике Гарсия, руководитель проекта «Пространство».

Он был в возрасте — человеческих лет пятьдесят, если не больше. Лишенное индивидуальности лицо, выхолощенное перерождением в вампира, короткий ежик волос — еще короче, чем у Лина, алые глаза, белоснежные брови, бесцветные губы. Печати привязки не ощущалось — даже удивительно, что Перес дал этому кряжистому, ни грана изящности вампиров, новообращенному свободу. Это не походило на Мигеля. Или, Ник нахмурилась, это как раз было характерным для настоящего Переса?

Вампир после небольшой паузы, не дождавшись чего-то, продолжил:

— Господа, я рад вас приветствовать в Холме ткачей. На день у вас запланирован отдых, знакомство с проектом и инструктаж. Ночью, когда приступят к работе остальные сотрудники, будет проведена разведка. Ваша задача проста — нужно вынудить кровь Холма собраться в контейнере-магоизоляте.

Арано не сдержал смешка:

— Так просто, что до сих пор не справились!

Гарсия сухо напомнил:

— Вам с Росси и Джонсом это тоже не удалось.

Ник задумчиво подошла к каменным столбам, прикасаясь к ним — они были горячие, а пространство за ними... Любопытным. Интерес так и не пропал, став сильнее.

— Росси! — строго одернул её Гарсия, — за защитные знаки без ультры заход запрещен! Тем более, что вы не прошли инструктаж!

Ник задумчиво оглянулась на вампира:

— А, простите? Вас не предупредили, что я работаю без ультры?

Его взгляд задержался на животе Ник:

— Меня о многом не предупредили.

Арано чуть двинулся на вампира:

— Слышь, ты это... Поосторожней! Наша Леди не церемонится с теми, кто её пытается задеть, а кинжал под грудиной — не самое интересное в этой жизни.

Ник его одернула:

— Рик, прошу... Я сама в состоянии справиться.

Тот рассмеялся:

— Я-то знаю, я этого клыкастого спасти пытаюсь, а то он вот-вот скажет глупое: «А в вашем положении я вас вообще не допущу в зону!». Ведь попытается...

Гарсия бесцветно, как он сам, сказал:

— Я проконсультируюсь на этот счет с мистером Пересом — меня не поставили в известность о вашем интересном положении, Росси. Думаю, хода в зону вам нет. Там небезопасно.

Ник пожала плечами — что-то подобного она ожидала, но как-то слишком рано началось...

— Как скажете. Только ответ Переса вас вряд ли обрадует... И еще... — она ткнула пальцем в проход: — Там кто-то есть.

— Конечно, есть! — отозвался Гарсия. — Там кровавая тварь. Последний раз она напала, разрывая ультру пополам.

Ник передернула плечами — не человека пополам, а ультру.

Гарсия продолжил:

— Сотрудник, к счастью, уцелел — регенерирует теперь в больнице, если вам это интересно. Напоминаю — вас подобная регенерация не касается, так что в ваших интересах не соваться за границу из защитных знаков.

Ник ткнула указательным пальцем в сторону одного из ходов:

— И все же, тому, кто там есть, любопытно и интересно. А еще... — она чуть нахмурилась, — чуть-чуть страшно, одиноко и больно.

— О да, я надеюсь, что твари больно, хотя вряд ли она согласна с такой формулировкой — ей, скорее, неудобно и энергозатратно. Но пусть будет термин боли. Раз вам так привычнее. — согласился Гарсия. — Твари и должно быть больно. Она должна понять, что боли нет только в баке.

— Зачем так обращаться с... созданием Холма? — назвать тварью того, кто прятался в Холме, не хотелось. Он, конечно, тогда напал на них с Лином и Бренденом, но не успел же ничего.

— Вы вообще знаете, что такое кровь Холма?

Арано молчал, подойдя ближе к Ник, та лишь пожала плечами, вспоминая, что ей говорил Линдро:

— Это предположительно пространственная магия.

Гарсия довольно рассмеялся:

— Магия... Забавно, как все любят вешать ярлык магии на все непонятное. Непонятно, почему работают защитные знаки? Так магия же, а не электромагнитные поля. Непонятно, почему работают сложные механизмы защиты — так амулеты же, а в них магия и так далее... Темные века плотно засели в науке и разуме, поражая нас косностью мышления... Кровь Холма — это дикая смесь наноботов, предназначенных для обслуживания Холма. От репликаторов до уборщиков, от киллеров до модификантов и, в том числе, ботов-портальщиков. Если мы поймаем субстанцию, которую называют кровью Холмов, то сможем вычленивать порталы, а вычислив их — покорим порталные переходы. Мы сократим пространства, подчиним Холмы — ведь мы сможем до ныне невозможное — сможем зайти в гости к лордам и леди. Мы уравниваем наши шансы с лордами. Мы станем им равны. Паритет — это главное в политике сдерживания.

Арано почесал в затылке и пробурчал:

— Так чего мы тогда ждем? Ники, не хочешь прогуляться?

— Ещё раз, — повторил Гарсия, — без ультры вход запрещен. А судя по вашему поведению, вам еще и без сопровождения вход запрещен.

Ник осторожно, стоя у защитный камней, протянула руку в проход — там ж кто-то страдал от одиночества и боли:

— Так же можно?

Гарсия пожал плечами:

— Рука ваша. Вы сенсуал?

Ник обернулась на него:

— Простите, кто?

— Сенсуал — человек с суперчувствительностью. Это способность улавливать малейшие колебания температур, магнитный полей и прочих физических явлений.

— Я просто маг. А вы технократ?

— Скорее трансгуманист. А что?

— Ничего... Просто одной физикой магию не отменить...

В проходе чуть сгустилась тень по краям, и Гарсия моментально оказался рядом, дергая руку Ник на себя — там, где еще секунду назад были её пальцы, теперь вздымалась вверх черная, маслянистая тварь, быстро формируясь из множества переплетающихся друг с другом жгутов. Раскрылась полная зубов пасть, и оттуда раздался громкий свист — разговаривать тварь не умела.

Гарсия, отпустив руку Ник, спокойно заметил, как только стих свист:

— Видите, к чему приводит непослушание? Ещё чуть-чуть бы, и вы остались бы без руки.

Ник выпрямилась и... Бесстрашно положила руку на голову твари, заставляя громко выдыхать даже Арано.

— Он не опасен, — старательно ровно сказала она. — Ему больно, одиноко, и он очень устал без хозяев.

— Вы... — Гарсия удивленно переводил взгляд с твари, чуть тянувшейся за рукой Ник, на саму девушку. — Вы... Заражены им, да? Он принял вас за свою. Вы уже были им заражены — наверное, в первый день обнаружения, о чем, кстати, не написали в своем отчете! У вас уже был контакт. Небеса, какая глупость — столько времени упущено зря. Если бы вы только сказали нам, что заражены им, то мы бы не штурмовали подземелья все эти месяцы, нам хватило бы вашей крови, из которой бы выделили порталыщиков... — его взгляд вновь уперся в живот Ник. — Впрочем, сейчас уже ничего не поделаешь, сейчас вас трогать никто не будет.

— Спасибо за понимание, — пробурчала Ник, не стараясь скрыть сарказм. Тварь единокорно с ней засвистела. — Почему-то все так и жаждут отправить меня в лабораторию на изучение. И... Почему ему больно?

Гарсия рукой указал на провода под потолком:

— Железная оплетка на проводах. Когда включается свет, создается электромагнитное поле, причиняющее твари неудобства, то есть боль. Эти поля так на всех якобы лордов воздействуют. Поля сводят с ума наноботов в крови лордов, а те калечат своих носителей. И, может, хватит играть в храбрость? Уберите руку с твари — во избежание, так сказать, эксцессов.

— Он НЕ опасен. Он устал ждать друзей, он устал сходить с ума в одиночестве, он... Хочет помочь.

— Помочь? — уловил Гарсия самое главное.

Ник кивнула и погладила тварь — та смешно отрастила на голове что-то длинное, отдалено напоминающее ухо, и теперь активно подставляла его под ласку:

— Видите, он соскучился по людям.

Гарсия чуть нахмурился, от чего его идеально гладкий лоб пошел странными складками — кожа словно пыталась и не могла вспомнить, что такое морщины.

— Наверное, самую опасную часть все же удалось уничтожить — при первом контакте с Листопадом и после последнего инцидента. Наверное, так... М-да... — Гарсия принялся задумчиво ходить по небольшому холлу, а потом резко развернулся на пятках к Ник: — Какие гарантии того, что, пойдя ему на уступки, мы получим его сотрудничество?

Ник пожала плечами:

— Боюсь, никаких. Тут только остается доверять, как принято между людьми.

Гарсия напомнил:

— Тварь — не человек, это смесь наноботов, только и всего.

— Не называйте его тварью! Он разумен, он...

Гарсия печально закачал головой:

— Это квазиразумность. Вы ошибаетесь, Росси. Но, если вы утверждаете, что он пойдет нам навстречу, если мы уберем магнитные поля, то... — он решительно подошел к рубильнику на стене и выключил свет в проходе, где находилась тварь. — ...мы тоже способны на уступки. Удержите своего песика?

— Кого? — не поняла Ник.

Палец Гарсия уткнулся в кровь Холмов:

— Его. Вы запретили называть его тварью. Пусть будет сторожевым псом. Я готов зайти за ограничители и демонтировать причиняющие ему боль провода, но мне нужна гарантия того, что мне это позволят и не съедят в процессе.

Тварь сыто зевнула и улеглась у ног Ник, всем своим видом показывая, что людьми она не питается.

Ник снова погладила эээ... Пусть будет пес, почему бы и нет... пса за псевдоухом:

— Кажется, он согласен.

Арано немного нервно хохотнул, но, поставив ботинки прямо на защитный знак, первым вошел в темный проход — Ник он доверял. Он подошел к ближайшей лампе и в прыжке когтями сбил её с потолка. Лампа печально повисла на проводе, качаясь из стороны в сторону. Пес залихватски засвистел, кажется, ему понравилось. Гарсия скривился, показывая все, что думает о таком демонтаже, но вслух возмущаться не стал. Он с небольшой лестницей в руках и инструментами на рабочем поясе тоже вошел в проход, косясь на тварь. Пес дернулся, выпрямляясь и прикрывая собой Ник.

Гарсия, удивленно посмотрел на реакцию крови Холма и уточнил, оборачиваясь, у Ник:

— Бойтесь вампиров?

Та не поняла, причем тут это, но ответила честно:

— Опасаюсь. Вполне закономерно, вам так не кажется? — она тоже вошла в проход, присаживаясь возле пса — тот продолжал прикрывать её своим телом.

Гарсия, раскладывая лестницу и забираясь по ней, чтобы демонтировать лампу, возразил:

— Нет. Вампиры — одни из лучших людей на планете. Именно благодаря им человечество выжило.

— Да неужели? — не удержался Арано, направляясь тоже за лестницей.

— Именно так. Что вы вообще знаете о вампирах, кроме того, что они питаются кровью? — отвлекся от Гарсия от крепления проводов.

Ник пожала плечами:

— Тоже, что и все. Они возникли в самые первые годы Темных веков, как раз после Катастрофы или как говорят верующие — Апокалипсиса.

— Вы и в бога не верите? — уточнил Гарсия. — Арано, бросьте лестницу — вернитесь сюда. Разве вы не знаете, что при работе с лестницей нужны всегда двое — сам рабочий и страхующий. Раз умеете только хулигански срывать провода и ломать лампы, так просто стойте рядом и страхуйте.

Арано фыркнул, но вернулся — глупо отказываться от ничегонеделания.

Ник пожала плечами и ответила Гарсия, хотя казалось, что тот и не ждал её ответа:

— Ни в бога, ни в богов, простите. А что?

— Разделяю ваш взгляд полностью. — Гарсия открепил лампу и передал её Арано. Вампир легко спрыгнул и передвинул лестницу дальше в темноту — она ему помехой не была. Как все вампиры он хорошо видел в темноте. — Потому что в том, что случилось с планетой, нет никакого божьего промысла. Это всего лишь метеорит.

— Это не доказано, — возразила Ник. Карлос в школе ловцов пусть и не сильно углублялся в историю, но основные теории начала Темных веков Ник знала — ядерная война, супервулкан или метеорит. И ни одну из теорий доказать было нельзя, да и не нужно, наверное. Конспирологи вплоть до войны с инопланетянами предполагали, про виновность лордов и говорить нечего. Точно известно было лишь одно — старая цивилизация была почти в одночасье разрушена, её материальные следы еще можно было кое-где найти, а человечество оказалось на грани вымирания. Спасло тогда человечество обретение магии, ведь на фоне всеобщего хаоса появились вампиры, а потом и оборотни.

— Доказано. — сухо поправил её Гарсия. — Год назад нашли метеоритный кратер, его датировка совпадает с началом Темных веков. Я лично принимал участие в экспедиции. Так что... Никакого божьего промысла, а всего лишь разрушительный привет из космоса.

Глава 49. Наноботы и фейри

Арано напомнил, укладывая в проходе провод:

— Так что там с вампирами?

— А с вампирами все просто... — Гарсия откреплял следующую лампу. Пес осторожно привстал, чтобы не пугать и передвинулся — кажется, он тоже слушал Гарсия. — Был хаос. Волны цунами. Землетрясения, разорвавшие континенты и превратившие их в современные огрызки, на которых мы живем. В небесах одеяла из пепла и пыли. Астероидная осень — холодные теплые сезоны, ледяные зимы, неурожай, голод, болезни, дикий всплеск насилия и потеря милосердия. Каждый выживал, как мог. А выжить человечеству надо было... Спасали тех, кто рядом, спасались сами, спасали родственников и знакомых, но спасти-то надо было всех по максимуму, а ресурсов не было. Кто полезет спасать старушку восьмидесяти лет, которая в условиях кочевой жизни будет всем обузой? Да если старушка сохранила разум, то она первая же затеряется где-нибудь, чтобы не обрекать на смерть более молодых. Кто будет спасать выживших преступников в тюрьме? Кто будет спасать детский приют? Ладно, ладно, Росси, не смотрите так, вы полезете и будете спасать старушек и кучу младенцев, только рук-то хватит?

— При чем тут вампиры? — Ник стояла рядом с заинтересованным псом.

— При том, что спасти всех можно только в одном случае — в кровной заинтересованности в каждой жизни. Вы правильно расслышали. В кровной заинтересованности... Эволюция ли, божий промысел ли, торжество науки, но факт остается фактом — вампиры, способные выживать там, куда не всякий нездравомыслящий полезет, вампиры, способные вытаскивать людей из любых переделок и передряг, вампиры, способные обеспечить защиту вида и его выживание, появились как нельзя кстати — в те первые страшные десять лет астероидной осени. Они создавали человеческие фермы, они лезли туда, где сложно было надеяться найти выживших, но они находили и забирали с собой, они спасли человечество как вид. Да, на фермах, но они, завися от человеческой крови, спасли и прокормили людей. Всех, кого нашли, без разбора — агнец или козел последний, потому что на вкус крови это не влияет.

— А потом? — заинтересованно спросила Ник — такой урок истории ей понравился. Что-то в подобном взгляде привлекало.

Гарсия, споро демонтируя лампы и провода, продолжил свою лекцию:

— Потом появились оборотни, конечно же. И нет, они появились не вне ферм, они появились на фермах, как стражи и новые защитники человечества — наступили новые времена, фермы не давали развиваться современной цивилизации. И вот тогда, чтобы противостоять вампирам, и был совершен новый прыжок эволюции. Появились оборотни, способные дать отпор вампирам. Люди и оборотни получили свободу. А вот потом... Людям и оборотням стало не по пути. Когда люди стали сильнее, они без лишних переживаний загнали своих спасителей в гетто, объявив опасными видами. Заметьте, отголоски произошедшего до сих пор аукаются человечеству — люди легче доверяют оборотням, с которыми долго действовали совместно, чем вампирам — благодарность этому виду давно забылась.

Ник не удержалась и просила:

— А когда появились фейри?

— А эти никуда и не девались.

— В смысле? — не понял Арано.

Гарсия, спрыгивая с лестницы и снова уходя дальше по коридору, пояснил:

— Вспомните прошлую войну. Вспомните, где искали убежищ от бомбардировок и боев?

— В подвалах... В бомбоубежищах... — Ник прикусила губу, чтобы сказать страшное: — под землей, то есть под Холмами!

— Правильно! — подтвердил Гарсия. — Лорды и леди — всего лишь пережившие Катастрофу в идеальных условиях убежищ, куда основная масса человечества не попала. Недаром же так называемые Границы расположены вокруг любого Холма, то есть это банальная защитная сеть вокруг убежища, только и всего.

Арано хекнул:

— Забавная теория. Очень забавная.

Ник нахмурилась — с такой точки зрения она происхождение лордов не рассматривала:

— Почему они... Молчат о случившемся? О своем происхождении?

Гарсия рассмеялся:

— Может, бояться того, что их прихлопнут за их счастливую жизнь? Мы тут выживали веками, а они жили, не напрягаясь и никого не спасая. Много вы знаете случаев, когда кого-то забирали в Холмы?

Ник под грустное присвистывание пса ответила:

— Они всегда забирали самых способных...

Гарсия как-то слишком радостно согласился с ней:

— Именно! Их ресурсы или весьма ограничены, либо они ими не желают делиться. Они всегда забирали самых-самых. Тех, кто им пригодится. Они обкрадывали нас, считая нас недостойными. Они же истинные!

Ник сглотнула, впервые понимая, что значит «истинные» в устах лордов. Гарсия продолжил:

— Они же изначальные. Они же... Спесивые, психически больные и уродливые — века изоляции тоже прошли по ним. Нельзя провести века в изоляции и сохранить чистый разум, психика не выдерживает таких нагрузок.

— А почему они тогда так относятся к нам? Словно мы низшие, словно мы сброд? Ведь мы ничем не отличаемся от них. Мы тоже люди, — не выдержала Ник. Арано стоял рядом с Гарсия и тоже ждал ответа, хоть он-то и не совсем человек.

— Росси, вспомните, что прежде всего говорят о лордах, когда их описывают. Без психической составляющей. Просто описание внешности.

Ник вздохнула и снова начала говорить очевидное:

— Они изящные, тонкокостные, сказала бы — хрупкие, но их фиг убьешь.

— Именно... Обратни раза в два так больше любого лорда. А почему? Потому что лорды сохранились, благодаря своим наноботам, неизменными. Так, как они, выглядели раньше обычные люди... Мы же... Мы выживали в пыльной атмосфере, приводящей к эмфиземе и болезням легких, мы выживали в условиях разреженного воздуха и скудного солнечного излучения, мы выживали в условиях экстремальных температур... Полагаю, с точки зрения любого лорда, каждый современный человек выглядит крайне экзотично, если не сказать — отвратительно. Мы другие. Другое строение легких — они у нас просто больше, что ведет к другому строению грудной клетки, другие кости — более тяжелые и

массивные, другая мускулатура... Мы живем в своем мире, мы приспособились к нему, а они... Способны жить только в своем мире под светом своего Солнца, под своими небесами, которых уже нет. Мы иные, мы ушли вперед, мы для них генетические уродцы... А вот они для нас... мы смотрим на них и восхищаемся тем, что потеряли. Кстати, из всех ветвей человечества именно вампиры как можно ближе по строению к лордам.

— Не сходится, — возразила Ник. — Если они люди, то почему им опасен клевер? Ведь клевер был всегда, этот вид пережил катастрофу.

Гарсия пожал плечами, занимаясь креплением лампы:

— Может, их клевер и наш клевер две разные штуки? Может, то, что мы называем клевером, не клевер и вовсе. Или наш клевер изменился и стал ядовит, или жутко аллергенен для них. Мир изменился — изменились мы, изменились и травы, и даже деревья.

— Ну да, тоже мне... — не удержался Арано. — Рисунки клевера хорошо сохранились — три, а то четыре листочка на стебельке, хватяющие пальцы при прикосновении. Что может измениться в клевере?

— Может, у них он был не столь плотоядный? Или не столько активный, или вообще не умел двигаться... — вновь пожал плечами Гарсия. — Лорды промолчат, а мы никогда не узнаем, чем их клевер отличается от нашего. Зато я знаю, чем отличается наш картофель от их. Наш картофель фиолетовый, а их светло-желтый. То ли наш одичал, то ли селекция так сработала.

— Скажешь тоже — желтый картофель... — опешил Арано.

Гарсия бросил на него косой взгляд:

— Почему говорят, что нельзя пробовать еду и воду лордов?

— Потому что она очень вкусная. — отозвался снова Арано. — От неё сложно отказаться, её вкус помнишь всегда — наша еда не такая... Я ел их яблоко — зеленое, явно неспелое, но оно было до того сладкое! А еще я кучу фруктов в корзине лорда не опознал — просто никогда не видел, а видел я многое. У них и вода, поди сладкая, не то, что наша...

Гарсия согласился:

— Наша горькая — слишком много солей содержит. А лорды так и не поделились с нами секретами очистки воды. И у них в Холмах, яблоки бывают не только зеленые, а желтые, розовые, красные и даже черные. Как и многие фрукты, которые не выжили у нас, но сохранились у них.

Ник нахмурилась:

— Вы были в Холмах?

— Мой отец был пленником лордов. Я вырос в Холмах.

— Разве пленникам, когда их выпускают, не стирают память?

Гарсия, вновь передвигая лестницу, кивнул:

— Стирают, но на важные моменты. Поверьте, вкус воды к этому не относится. Мой отец был ученым, ему удалось зашифровать многое из того, что происходило с нами в Холмах, на полях своих книг. К счастью, книги взять с собой не запретили... Еще вопросы?

— Почему лорды всегда говорят правду?

Гарсия усмехнулся:

— Может, потому что высокоразвитому существу противна сама мысль о лжи? Или потому, что ими управляют наноботы — лорды и леди ими заражены с рождения. Возможно, это условие выживания — всегда говорить правду, а контроль над этим отдан наноботам. Только и всего.

— И все равно — не сходится! — упрямо повторила Ник. — Все знают, что до Катастрофы не было магии, но у лордов магия есть!

— Или технологии, Росси. Технологии, которые для нас сродни магии. Видели когда-нибудь орангов? С южных ничейных земель? Они разумны, их уровень развития приблизительно равен развитию нашего трех-четырёхлетнего ребенка. Когда-нибудь они составят нам всем конкуренцию. Так вот... Возвращаясь к орангам, для них наши технологии тоже сродни магии, но наши машины же подчиняются законам физики. Это не магия. Вот и технологии лордов... Мы для них оранги, возможно даже, учитывая изменения людей и оборотней под влиянием среды, не самые симпатичные. Это к вопросу, почему лорды не стремятся выйти на поверхность и увеличить свою численность за счет людей или оборотней.

— Все равно, зачем им придумывать сказочку про фейри? Зачем это скармливать людям? Почему, сидя на технологиях и знаниях, способных спасти мир, они этого не сделали? Не вмешивались, открестившись от людей?

Гарсия мягко сказал:

— Росси... Они тоже люди. Они боятся, они ошибаются, они обижаются, но все же чаще лишь заботятся о себе. Мне кажется, что лордов отчаянно мало: несколько сотен, может, тысяч... Их убежища есть только на нашем континенте... И это уже говорит о многом — убежищ было мало, и туда попали самые-самые... И опять что-то подсказывает мне, что кроме самых умных, туда попали самые богатые — так чаще бывает. А богатые не любят делиться. К счастью, лорды не все такие. Наша цивилизация за полвека сделала дикий скачок — от сельскохозяйственного общества до индустриального. Это большой рывок, который был бы невозможен без помощи лордов. Они помогли технологиями — какими посчитали нужным: железобетон, двигатель внутреннего сгорания, станки, лекарства... Можно лишь предположить, какая огромная работа стояла за простой пачкой парацетамола в любой аптеке. Лорды не болеют, им не нужны лекарства — наноботы лечат все. Историкам в Холмах пришлось тщательно обрабатывать множество информации, чтобы найти сведения о лекарствах, которые могли нам пригодиться и которые мы могли самостоятельно синтезировать... Лорды стояли у истоков полиции и армии — откуда к нам пришли законы? Впрочем, сейчас законы вновь немного поправлены... Лорды сделали много с точки зрения лордов, но мало с точки зрения людей.

— И все же... Возвращаясь к магии — все технологии лордов основаны на алхимическом топливе! Алхимия — не наука, алхимия — это магия.

Гарсия спустился с лестницы и прислонился к ней, рассматривая Ник и прилегшего у неё ног пса:

— Настолько страшное и важное алхимическое топливо, что лорды даже поделились с нами секретом его изготовления. Правда, мы как те оранги — они все используют, как дубину, а мы драгоценное алхимическое топливо используем лишь для уничтожения нежити, лордов и вампиров. Причем алхимическое топливо такое полезное и нужное, что отравления им смертельны, что любая попытка влезть в двигатели на алхимии чревата пожарами и дикими химическими ожогами. Причем нашим химикам так и не удалось разгадать тайну алхимического топлива — что же оно, кроме того, что горит, еще делает. Но все приборы лордов на алхимическом топливе, и разбирать такие приборы опасно. Мне кажется, что алхимическое топливо, кроме насмешки над нашей верой в магию, еще и защита от...

— ...дураков, — пробормотала Ник.

— Точно. Защита их технологий от нас-дураков. Что скрывается в алхимических баках, мы не знаем. Еще поговорим о магии?

Ник вздохнула:

— И все же, полностью магию отрицать нельзя.

— Росси, магия — это то, что нельзя измерить современными приборами. Но вспомни! Некроуровень легко определяется нашими приборами. Значит — это физическое явление, которое мы, напуганные нежитью, не пытаемся изучить.

— Хочешь сказать, что бродящие трупы — это не магия? — фыркнул Арано. — Нежить — это физика? Тогда, прости, я не хочу жить в таком мире, где наука позволяет ходить трупам.

Гарсия широко улыбнулся — кажется, ему нравилась беседа:

— Арано... Тогда почему против нежити только огонь и помогает? Не мифическая святая вода, а только огонь? И не трудись думать и отвечать. Освященные места не помогают против нежити по простой причине: святая вода — суеверие, а нежить — факт, подчиняющийся физическим законам. Я даже знаю причину. Не все убежища выжили, некоторые были уничтожены как катастрофой, так и самими лордами. Убежища погибли, а вот наноботы — нет. И как любая техника, наноботы могут ломаться. Не думаю, что тут уместен термин — сходить с ума, но он крайне близок к тому, что происходит с наноботами в магнитных полях, создаваемых железом. Нежить — всего лишь зараженные сумасшедшими наноботами трупы. Наноботы стараются вернуть жизнь тому, что уже погибло, только и всего. Вот весь феномен ходячих мертвецов. И некроманты напрасно по ночам завывают свои заклинания — труп или заражен наноботом, и тогда он и поднимется, и заговорит, или не заражен, и тогда хоть зазывайся. Против физических законов не попрешь. И, Росси, другим фактам магии объяснения со временем тоже найдутся. Например, редкоземельные металлы, прилетевшие на Землю в астероиде Апокалипсиса. Чуждые нам, они могли повлиять на людей, изменяя наши органы чувств, помогая уловить ранее не знакомые науке виды энергий. Недаром магия и чудеса эволюции в виде вампиров и оборотней начались сразу после Катастрофы. До Катастрофы магии не было. Так что даже любви лордов к танцам найдется объяснение — я в это верю.

Ник прошлась по проходу, мысли просто бурлили от откровений.

— Тогда почему эти высшие, истинные, первородные, милосердные, мать их за ногу, устроили войну? Почему не вмешались и не остановили её, не подавили в зародыше? Хуже — вооружили противников человечества. И не смотри так на меня, Арано, я говорю о моменте начала войны — тогда мы были по разные стороны фронта.

Гарсия вздохнул:

— Не знаю. Возможно, испугались за свое будущее — вампиров и оборотней успешно загнали в гетто, они испугались разделить свою судьбу с ними? Или в них заговорило чувство справедливости... Или просто спесь и накопленные из-за изоляции психические заболевания — так тоже может быть. Политика — грязная штука. Можно размышлять долго и упорно, но ответ знают только лорды. Я знаю одно — они могли остановить войну, причем переговорами, но решили иначе. Что-то пошло не так, Росси... Нельзя забывать, что на них изоляция повлияла не самым лучшим образом. Скученное пространство, одни и те же лица, никакого прогресса, все строго регламентировано, иначе не выжить — не самые лучшие условия. Хотя для нас их условия — рай. По нам катастрофа прокатилась катком. Но лордам

тоже досталось. Иногда мне кажется, что сперва про фейри и Холмы была игра — для одичавших выживших, поверивших в магию. Только потом лорды заигрались, и многие из них и впрямь в это поверили — в то, что избранные, первородные и высшие. — Гарсия улыбнулся. — Утешает одно — могло быть и хуже. Они могли заиграться в Темных властелинов, и тогда свободе человечества пришел бы конец. А так... Безобидная для нас сказочка про фейри и Холмы. Темные пластилины — было бы в разы хуже.

Арано заржал, как конь:

— Пластилины — скажешь тоже!

Ник прикрыла глаза — в теорию Гарсия легко встраивалась она сама. Слишком мелкая среди оборотней и людей — потому что гены наполовину от «истинных» людей. Только как с точки зрения науки можно объяснить способность к перестройке своего тела? Способность к полиморфизму, да даже способность к простому обороту!

Видимо, мысли Арано текли примерно в том же направлении, потому что он спросил:

— А как наука смотрит на феномен оборота? С точки зрения магии — все просто: укусил тебя зараженный... Проклятье!!! — он посмотрел на пса у ног Ник и все понял. — Я че, тоже им заражен?

Ник напомнила:

— Зараженных... Наноботами, отвечающими за передачу оборотничества, истребили давным-давно. У тебя наследственное оборотничество.

Гарсия кивнул:

— С точки зрения эволюции ли, или воздействия технологиями лордов, оборот — венец биомодификаций. Моментальный подвластный разуму разрыв межклеточных связей, точная и верная перестройка клеток с дикими выбросом или, наоборот, затратами энергии, ведь мы помним взаимосвязь масса-энергия, построение новых клеток или их утилизация — это невообразимая по идеальности исполнения программа, кем бы она не была создана. Это наука на грани с искусством! Это гимн природе, науке и ювелирной точности.

— А низшие фейри у лордов? — заинтересовалась Ник. — Они кто? Лорды — люди, а они?

Гарсия улыбнулся, признавая свое незнание.

— Понятия не имею. Возможно, всякие гургаши — биомодификанты, а мелкие — андрониды, роботы, игрушки или тоже биомодификанты. И кто и для чего их создал — я тоже не имею ни малейшего понятия. Может, кто-то баловался, может, кому-то было скучно, может, кто-то свихнулся, может, кто-то сделал для поддержания легенды... Причин много, настоящую знают только лорды. А, может, и не знают, ведь многие лорды верят в свою легенду и не желают признавать правду. Слишком мы разные. Увидь я орангов, даже зная об их разумности, я бы не хотел признавать свое родство с ними. Кстати, это объясняет и нежелание лордов честно делиться своими технологиями и помогать людям — мы тоже не особо помогаем выживать орангам.

— М-да, — констатировал Арано, — мы тоже в чем-то заносчивые лорды... Но, проклятье, до чего приятно сознавать, что ты не дикая ошибка природы, а целенаправленно созданный страж человечества, дважды принесший человечеству свободу. Хотя от второго приноса свободы я не в восторге. Я начинаю склоняться к мысли, что война была на хрен никому не нужна.

Ник скривилась — она знала это изначально.

— Интересно, Гарсия, чем вызвана такая словоохотливость?

Арано не удержался от смеха:

— Теперь нас запрут в спецлаборатории или прибьют, чтобы не разболтали, Ники.

Гарсия тоже тихо рассмеялся, поддерживая шутку:

— Могу обеспечить!

— И все же? — продолжила настаивать Ник.

— Вы знакомы с тайной крови Холмов, а это высший доступ, который только может быть. И вы первая леди, которая сотрудничает — вас выдает строение костного скелета, Росси — вы чрезвычайно тонки и малы. Спорю, что вас не раз принимали на ребенка, но я отвлекся. Скоро теория, которую я изложил вам, будет обнародована — у Переса большие планы на будущее.

— Вы его отношение к эволюции знаете? — напомнила Ник.

— Знаю и пытаюсь переубедить — нельзя быть таким зашоренным в наше время. Нам всем жить на нашей Земле, даже лордам, как бы им того не хотелось.

Ник прикусила губу — теория Гарсия была стройной, в неё хотелось верить, но... Все же было много нестыковок, те же ткачи, жившие в этом Холме — они, по словам Лина, отличались от других фей... Людей. И те же генетические карты: если лорды — люди, то и в карте у неё самой было бы заключение, что она чистокровный человек. Половина человеческого кода от лордов и вторая челове... Или... Голова закружилась — или её карту расшифровали неправильно? То, что приняли за человеческую часть со странностями, и было человеческой частью! Только от лордов. А вот вторая половина, которую приняли за код лордов, была от полиморфов. Получается, так?

Гарсия косился на неё, но молчал, не мешал думать.

Ник снова повторила про себя: она родилась от полиморфа и лорда. Код лордов неизвестен. Если верить Гарсия, то это изначальный, неизменный человеческий код. Известен код современных людей, вампиров и оборотней. Когда расшифровывали её ДНК, то нашли человеческие фрагменты или как там это называется... Ник поморщилась, вспоминая слова Брендона дословно. Он тогда сказал, что часть человеческой ДНК так и не смогли расшифровать, но её точно опознали как человеческую. Но у неё-то нет людей в родословной! А еще нашли неизвестную ДНК, которую приписали лордам. Только оказалось все немного не так — человеческая ДНК с неподдающимися расшифровке кусками — от лордов, и неизвестная — от полиморфа. Брр... И в теорию Гарсия идеально вписывается.

Ник обернулась назад, на освещенный холл — он был уже слишком далеко, Гарсия работал быстро и в отдыхе не нуждался. Пес из Холма приподнялся с пола, где до этого лежал и подошел ближе к Ник, пустой, черной мордой заглядывая ей в лицо.

Ник обняла себя за плечи и пояснила:

— Темно, песик... Тут очень темно.

Пес засвистел, и внутри него загорелся свет. Он пробивался наружу через толщу субстанции крови Холма и выглядел inferнально — освещал проход багровым цветом. Ник фыркнула:

— Это не то, что я просила.

Пес снова свистнул и выпустил из себя желтоватый шар — прямо из бока. Свет взлетел под потолок, мягко, рассеянно освещая проход, словно наступал вечер. Впрочем, за стенами Холма, наверное, и впрямь наступал вечер — скоро сюда придут остальные вампиры, и работа закипит с небывалой силой. Пара дней, может, чуть больше, и Холм будет свободен от железа. Ник нахмурилась и повернулась к Гарсия:

— Если железо опасно для наноботов, то как освещают свои Холмы лорды?

Гарсия, не отвлекаясь от работы, ответил:

— Они для электрического тока используют сверхпроводники. Никаких потерь электричества, никаких лишних проводов, никаких магнитных полей. Их электричество в разы дешевле нашего... Мы тоже стоим на пороге изучения сверхпроводимости, но у нас пока все упирается в температуры — металлы приобретают свойства сверхпроводимости при глубоких минусах. И Росси, мне нравится твой подход к моей теории. Признаюсь, в ней много дыр, и я не уверен, что все можно залатать и объяснить... И заметь, мы не знаем, на каком этапе развития появились наноботы — в железную эру, и лордам пришлось перестраивать свой образ жизни, или уже в эпоху сверхпроводников, и тогда для лордов оказалась большим неприятным сюрпризом их уязвимость в наш железный век. И еще... Вдогонку... Факт, который меня тоже тревожит, подумай над ним, Росси: все ли население было с наноботами или только привилегированные? Ведь после Катастрофы в нас нет наноботов. Они погибли или их и не было у большей массы населения? И почему так произошло — неужели в том обществе, которое погибло, было дикое расслоение человечества...

Арано стойко молчал, но было видно — у него есть вопросы.

Гарсия, спрыгивая с лестницы и позволяя Арано перенести её к следующей лампе, сказал:

— Да спрашивай уже, Арано. Лопнешь же.

— Про сверхпроводники — это твоя додумка или факт? Просто интересно.

Гарсия улыбнулся:

— И то, и то. И не смотри так, Арано, ты сталкиваешься с результатами сверхпроводимости по работе раз за разом. Зоны хаоса вспомни. Земли летают в небесах как раз из-за сверхпроводимости.

Ник хмуро добавила:

— Еще бы понять, что есть этот хаос, кроме сверхпроводимости...

Гарсия пожал плечами который раз за день:

— Не знаю — этим я не занимался. На все времени не хватает. Может, ты, Ник?

— Я недостаточно образованна для этого.

Вампир, снимая очередную лампу и подавая её Арано, вздохнул:

— Лордам и не нужны слишком образованные. К сожалению.

Ник долго смотрела на Гарсия, принявшегося заниматься проводом. Он самый умный человек, которого она встречала, но... Есть ли у него допуск к материалам по амагиуму? Смешно, что сами лорды так называли этот металл. Лорды, которые по словам Гарсия, не пользуются магией.

Гарсия, стоя спиной к Ник, сказал:

— И вам, Росси, тоже можно задавать вопросы — взорветесь же.

— Как вы думаете, если бы лорды хотели вернуться на поверхность... То, что им нужно было бы сделать?

— Прежде всего — избавить мир от пыли, принесенной астероидом. Именно она — источник так называемой магии. Наверное, нужен какой-нибудь сорбент или нейтрализатор... Ну и второе, немаловажное — избавить мир от железа. Загнать нас опять в сельскохозяйственный мир или, наоборот, резко выдернуть в мир высоких технологий.

Ник вспомнила слова техника из Двадцать первого округа про железные дороги... И вот

куда их будут бросать лорды? Обрато в прошое, в дикие века, поняв, что попытка цивилизовать не удалась, или все же проявят благородство и... Приобщат к своему обществу? Железа они человечество почти лишили, теперь у них есть и амагиум...

Вместе с техником из Двадцать первого округа вспомнился и сам округ, умирающий и пропыленный... Вспомнилось, как Зорро говорил, что округ подвергся пыльному проклятью. Пыльное... Пыльное! Ник замерла — неужели чистка уже началась? Крайне агрессивная чистка, ведущая к гибели населения округа.

Гарсия посмотрел на неё, но она лишь замотала головой, не собираясь ничего говорить — это надо обсуждать с Мигелем, только с ним.

По проходу уже шли вампиры — рабочая смена началась... Пес заволновался, узнавая своих обидчиков, и Ник пришлось переключить все свое внимание на него.

Глава 50. Приезд Лина

Целую неделю убирала провода со всех уровней. Неделю Ник жила по графику вампиров — отсыпалась днем в капсуле, а с началом темноты спускалась в подземелья Холма ткачей. Неделю Ник общалась с созданием Холма и все больше и больше понимала — Гарсия не во всем прав. Пес не квазиразумен. Он был просто разумен. Пусть не уровень человечества, а орангов или кого другого, но... Пес был разумен и запирает его в баке было больно. Только с другой стороны... Если это поможет в противостоянии с лордами, то, может, стоит и наступить на собственную совесть и... Ник прикусила губу — и отдать на эксперименты разумное существо. Это отвратительно и непримелимо!.. А если она ошибается? А если... Пес неразумен? Если он обладает лишь интеллектом, как собака или дельфин, но лишен разумности? Если прав Гарсия, а она своими действиями или вернее бездействием подвергнет человечество опасности?

Рогатые орки, она никогда не хотела быть спасительницей человечества, всегда хотела одного — любимую работу и близкого человека рядом... Спасать должны кто-то вроде Переса, Джонса или Гарсия, уверенные в своих убеждениях. Она же даже решить не может — разумен пес или нет.

Она ворочалась и ворочалась в капсуле, не в силах заснуть. Мыслей было много, только нужных — нет. Вспоминалось, как один из техников притащил светодиодную игрушку и кинул её псу. Тот, конечно же, подпрыгнул и проглотил её, расцветая всеми цветами радуги где-то, где у него расположен живот. Парни: и вампиры, и люди, — смеялись, как пес сперва искрутился весь, чтобы рассмотреть, что же сияет у него внутри, а потом надолго замер, рассматривая цвета и их сочетания. Все тогда решили, что ему просто понравилась игрушка, но потом... Потом все проходы вспыхнули разноцветьем по стенам вместо уже привычного мягкого света. Ник даже на миг показалось, что волшебство Холма вернулось, но потом заметила, что это всего лишь игра света. Да и присутствие Гарсия рядом напоминало, что магии не существует. Если ты что-то не понимаешь сейчас — не факт, что через день-два-месяц-год это не изучат и не объяснят с точки зрения науки.

Ник улыбнулась потолку капсулы — пес умел играть, одно из свойств разумных существ. И вот что с этим делать?

Она посмотрела на светящийся в темноте капсулы циферблат часов. Час дня. Вставать еще рано, надо попытаться поспать... Она взбила подушку и легла на бок, поджимая колени к груди. Сейчас бы Лин обнял её со спины, утешающе прижимая к себе... Она отчаянно скучала по нему, звоня по три-четыре раза за день по интеру. Как он там? Почему его так долго держат в больнице? Почему он вообще попал под алхимическое топливо...

Ей не хватало его голоса, его уверенности, его запаха — дерева и земли... Ей не хватало Лина, ей не хватало её короля... Тут же вспомнился Закат... Смешно, ведь если верить Гарсия, Закат вообще не принц, а просто заигравшийся сумасшедший. Хотя нет, он мал для того, чтобы лично пережить Катастрофу. Его отец или дед, или прадед заигрались и сошли с ума, вовлекая в игру весь мир. Легко же управлять еле сводящей концы с концами толпой выживших, объявляя себя богами или их потомками. Фейри! Действительно, хорошо, что любителей темных лордов не оказалось, а то выживали бы под пятой Темных властелинов... В Темные века люди верили легко — без знаний людям остается только вера...

Наверное, она все же задремала, потому что потом вдруг привычно пахло деревом и

землей, сейчас сырой, дико соскучившейся и усталой, рука тяжело легла на талию, притягивая к себе, а все еще хриплый после отравления голос сказал:

— Спи, спи, малыш...

Она заснула совершенно счастливая — Лин рядом. Он все же вырвался из больницы и приехал. Теперь все точно будет хорошо.

Ник проснулась от жары — все же у оборотней температура тела чуть выше, а Лин еще и слишком сильно прижал Ник к себе, отчего её тонкая футболка пропиталась потом. Вдобавок, в капсуле для двух человек было тесно. Ник не сдержала улыбку — она уже давно не называла Лина оборотнем. Он был только человеком. Значит, она справится и со своим страхом по отношению к вампирам, и Мигель будет просто Миге, член семьи, а не тот, кто пугает до бабочек в животе. И все же, что Жердя так пугает в бабочках?

Ник аккуратно протянула руку вверх, стараясь не потревожить мирно спящего Лина, и чуть понизила температуру на панели управления капсулой. Кажется, Лин даже не заметил, что Ник чуть-чуть отодвинулась от него — самую малость, чтобы не было так жарко.

У Лина чуть подрагивали ресницы во сне, словно ему что-то снилось. Ужасно хотелось провести рукой по его лицу, прикасаясь к бархатистой коже лба, к скулам, к чуть сухим губам, к опять коротко подстриженным волосам, только он же проснется, почувствовав прикосновение, а будить его не хотелось. Как же ей его не хватало...

Пальцы Ник скользили в воздухе над его носом, вдоль ресниц, по кромке губ...

— Можно даже поцеловать, — сонно сказал Лин, не открывая глаз.

Ник тихонько рассмеялась:

— Нужно! — И поцеловала его в кончик носа, а потом в уголок рта, а потом уже серьезно в губы, чувствуя, как жар зарождается в сердце и течет по жилам... Жаль только, что в капсуле так мало места, чтобы... Впрочем, Лину так не казалось — его руки забрались под футболку Ник и потянули ткань на себя, а потом пришла очередь и штанов — Ник легла спать в рабочей одежде. Лин подмял Ник под себя, поцелуями прокладывая дорожку от мочки уха до груди, ловя губами её вершинку и заставляя Ник стонать... Места в капсуле оказалось в самый раз...

* * *

— Скучал... Дико... Невыносимо... — бормотал он после куда-то ей в шею.

Она тихо рассмеялась ему в макушку:

— Надеюсь, ты не сбежал из больницы?

Он отстранился, приподнимаясь на локте и заглядывая ей в глаза:

— Будешь звонить Мигелю и проверять?

Ник поймала его правую руку и поднесла к губам, целуя грубые шрамы и тонкую, чуть шершавую кожу на кисти:

— Я тогда так испугалась за тебя, пони! И как ты, именно ты, рассказывающий мне, как надо обращаться с алхимией, попался...

— Глупо вышло, — сознался Лин. — Не ожидал подвоха, вот и... Прости... — он снова принялся целовать её в шею, заставляя Ник садиться и натягивать на себя футболку — разговаривать с Лином не одетой совершенно невозможно. Она прислонилась спиной к боковой стенке капсулы, ноги пришлось закинуть на Лина — так мало было места. Голые

пятки упирались в противоположную стену где-то под потолком.

— Что будет с рукой? Какой прогноз? — спросила Ник.

Лин чуть дернул голым плечом — в отличие от неё он одеваться не спешил:

— Доктора все, как один, говорят, что отделался легким испугом. Чудо, не иначе — там Мигель уже во всю клыки точил и уточнял пожелания на обращение. А еще интересовался — не ревнивая ли ты...

Ник в шутку его ударила в плечо — прибила бы Мигеля, если бы... Ник замерла. Орки рогатые, а ведь она и на обращение в вампира была согласна, лишь бы Лин жил. Она вновь поймала его кисть и принялась осторожно двигать его пальцами, проверяя подвижность.

Лин тут же пояснил:

— Все восстановится, надо только разрабатывать и не филонить, постоянно перекидываясь, для ускорения регенерации. Потерпишь пони дома? Я буду очень послушный и аккуратный, и мебель драть не буду — честно-честно. — И глаза такие предельно искренние, что хочется верить, да не получается!

— Да куда же от тебя деваться... — фыркнула она, целуя каждый палец Лина, словно это поможет... Словно нано... Ник вздрогнула, вспоминая...

Капля крови Холма на руке, когда бежала из Холма...

Капли крови Холма ткачей на её пальцах как раз перед Хогуэрас...

Слова Гарсия о заражении...

И ведь оказалось достаточно прикосновения для заражения.

И... Лин.

Бесплодный Лин до встречи с ней, точнее до встречи с наноботами, вылечившими генетическую поломку мейоза у Лина.

Лин, который отделался ожогами при контакте с алхимической жидкостью — обычно конечности просто ампутировали. Тоже наноботы? Только какого Холма? Это было очень важно. Кровь какого Холма пришла на помощь Лину? Холма, где была лаборатория, или Холма ткачей? Ведь... Ник вспомнила — до Хогуэрас Лин чуть не погиб от ожогов в зоне двести шесть, и там чуда не было. Значит... Кровь Холма ткачей? Значит... Пес все же разумен? Эмпатия — один из признаков разумности.

Она прикусила губу. Пальцы Лина тут же неловко скользнули по её губе:

— Не надо...

Получается, что пес пришел ей на помощь. Точнее, пришел на помощь Лину, сильно подставляя Ник, но она сама виновата — надо было думать головой и предохраняться, а не слушать всех подряд, рассказывающих про лигров.

Ей надо больше знаний, ей надо больше информации, чтобы понимать происходящее вокруг неё. Ладно, наноботы Холма с лабораторией не пришли Лину на помощь, её Холм вообще сам себе на уме, иногда и подставляя по полной, как было с Холмом наказаний. Как, возможно, было в истории с её сестрой Салли, там же она так и не разобралась, дом подставил её или нет...

Лин молчал, не отвлекая Ник и не мешая. Это всегда в нем нравилось — с ним было нестрашно молчать. Он умел ждать, он знал, когда не надо отвлекать.

Даже его пальцы не шалили и не гладили кожу под коленкой Ник.

Ей надо больше информации. Ведь был висящий на двери над пропастью Лин — тогда она отмахнулась: «Не дом же его пытался убить!». А... если... дом? Дом пристроил для Брендона комнату, дом, открывавший дверь Брендону без проблем, дом, который не сделал

для Лина ничего. Дом, который не позволял Лину попадать домой самостоятельно. Дом, в котором могла быть протечка топлива. Сказал ли Лин правду о том, где он получил ожоги?

Она серьезно посмотрела Лину в глаза:

— Скажи... Ты же обжег руку дома, да? Не в доспехе... Дома.

— Ник...

— Дома?

Лин не стал врать и прятать взгляд:

— Да. Прости, что соврал — не хотел тебя пугать. Хватило и пропасти в Двадцатом округе. Была протечка в духовке.

— Почему не надел защитную перчатку?

Лин скривился:

— Ники...

Она кивнула, замирая от неожиданного приступа страха:

— Надел.

— Она, наверное, была просроченная. И все перчатки заменили, предварительно проверив, Ник. Подобное больше не повторится.

Ник кивнула:

— Не повторится... — Потому что она больше такого не допустит, но как же больно...

Ник прикрыла глаза — даже думать, что, возможно, придется сделать, больно. Но сделать все равно придется, только сначала надо во всем разобраться. — Мне нужно в Холм... Закончу тут и... В Пятый округ.

— Куда точнее? — привычно уточнил Лин.

Ник не сдержала смешка — в этом весь Лин. Куда точнее... Ей этого не хватало. Ник наклонилась и поцеловала Лина в нос — просто так, потому что вновь все хорошо!

Лин сам спросил, когда она спешно отстранилась:

— К Ханьюлю или Закату?

— Еще не решила, — честно сказала она. К Закату... Он, конечно, принц... Тут она вновь не сдержалась, хмыкнула — Лин выгнул вопросительно бровь, но с уточнениями не полез. Принц, ага... Закат... Мысли опять ушли в сторону — у него человеческое-то имя есть?.. Нельзя забывать, что Закат мог быть причастен с неудавшемуся падению Лина в пропасть. Ему выгодна смерть Лина. Значит... Ханьюль? Пусть он ставил запрещенные эксперименты на ней и её сестрах, точнее клонах, но он ученый, а, значит, может знать что-то о наноботах, крови Холмов и нарушении мейоза у некоторых лигров. Рогатые орки, зачем дому могла понадобиться смерть Лина? Ладно, разберемся... Сейчас надо решиться с псом и его будущим.

— Лин...

— Аюшки? — он мягким, завораживающим движением сел рядом, прижимая её к себе. Она позволила себе побыть чуть-чуть слабой.

— Лин... Как ты думаешь, что главное при определении разумности?

Он серьезно ответил:

— Способность к сопереживанию. И не вспоминай Заката — он не разбирается в полиморфах. Лучше разбирающийся в проблеме мистер О сказал, что ты чудо, а не чудовище. Помнишь?

— Кажется, я сорву Мигелю все планы... Кажется, я подставлю человечество. Лин, ты простишь меня?

— Ники? — он заглянул ей в глаза. — Что случилось?

Она пожала плечами:

— Мне кажется, пес... Ах, да, ты же не знаешь... Кровяную тварь, она же кровь Холмов, стали называть сторожевым песиком или просто псом. И мне кажется, что пес разумен.

Лин понял её, он, пожалуй, единственный, кто понимал её с полуслова, с полунамека:

— Если ты боишься, что история, случившаяся с тобой, может повториться с псом, то лучше попытаться предотвратить, чем потом каяться, что отправил разумное существо в лабораторию на опыты. Лучше ошибиться в степени разумности, ведь это можно исправить. Опыты и пытки разумного существа уже не исправишь и ничем не оправдаешь. И... Ники, вряд ли Мигель причинит тебе боль или что-то еще, но сразу скажу твою ошибку в прошлый раз — в тот раз ты не разрядила в него кинжал. Это его бы не убило, но вывело бы из игры надолго, заставляя тебя уважать.

Ник застонала — он все же все запомнил тогда... Вот же... Орки рогатые!!!

Лин поцеловал её в висок:

— Что бы ни случилось, я всегда на твоей стороне.

Она прошептала ему в грудь:

— Представляешь, вампиры — спасители человечества. Они те, кто спас человечество в начале Темных веков. Кажется, мои страхи по отношению к ним глупы, и с этим надо что-то делать.

— Ты умеешь признавать ошибки и исправлять их, Ники, я это в тебе очень уважаю. И с тва... И с псом поступай так, как считаешь нужным — я буду на твоей стороне.

Она швырнула носом и пробормотала:

— Тогда... Пожелай мне удачи — пойду в Холм, попытаюсь кое-что проверить, пока Гарсия спит.

* * *

Гарсия не спал. Он стоял под защитой тени Холма и смотрел, как солнце замерло над горизонтом — вечера были по-летнему длинными.

Ник вздохнула и встала рядом с Гарсия — он закрывал собой проход в Холм:

— Добрый вечер!

— Добрый... — согласился Гарсия, заходя в темноту холла и зажигая единственную лампу — за остальное освещение отвечал уже пес.

Ник обернулась на яркое алое солнце:

— Скучаете?

Гарсия не стал отнекиваться, признаваясь:

— Вы даже не представляете, насколько. Все вампиры мечтают хоть разок увидеть солнце и не сгореть. Это у нас в крови, это осталось от человеческой жизни — с восходом солнца уходят страхи. Только для нас солнце никогда не встанет. Наши страхи останутся непобежденными...

— Разве вампиры чего-то боятся?

— Мы тоже люди, у нас тоже есть страхи. Например, сойти с ума и стать чудовищем... Ваши психические болезни лечатся таблетками, наши только осиновым колом. А человеческая кровь, сводящая нас с ума, всегда под рукой, всегда ходит рядом и от общения с

ней не отказаться.

Ник старательно мягко сказала:

— Когда-нибудь вампиры и эту свою слабость победят. Правда.

Гарсия рассмеялся, грустно и необидно:

— Эта слабость никогда, боюсь, не будет побеждена. Это связано с отказом от человеческой крови. Раньше вампиры не сходили с ума от её вкуса, но сейчас, когда перешли на кровь животных, даже один глоток человеческой крови сводит с ума и опускает до уровня животного. Как пьяница дорывается до бутылки, как наркоман до дозы, так и вампиры... Увы и ах. — Он повернулся к Ник: — вы замечательная, Росси. Необычная и замечательная. Обычно в таких случаях говорят, что ты знал, на что шел...

Ник проглотила комок в горле:

— Я знаю, что иногда нет другого выхода, кроме как идти к вампирам. Я не осуждаю ветеранов...

— Я не ветеран. Я потерял ногу в экспедиции по собственной глупости — не смог отбиться от нежити. Мало знать, с кем имеешь дело, надо знать, как с этим бороться. Я знал, что такое нежить, а вот как бороться — увы, это не ко мне. Пришлось идти к Пересу.

Ник отвернулась в сторону, ничего не говоря. Гарсия рассмеялся:

— У Мигеля Переса есть сестра, ровня по положению в клане. Мужчин обращает она, если вы так переживаете за мою честь.

— Да я даже и не думала... — И ведь язык не примерз к нёбу, говоря откровенную ложь. Хотя нет, она не думала, кто обращал Гарсия, она всегда волновалась за Брендона и его обращение.

Гарсия легонько подтолкнул её в сторону прохода, где уже смирно сидел пес:

— Идите, Росси. Вы знаете, что нужно сделать.

Ник кивнула, ничего не говоря — лгать она не могла, а говорить правду опасалась. Она привычно зашла за защитные камни и протянула руку к псу, чтобы погладить его по голове. Тот же внезапно громко засвистел, в каком-то отчаянном прыжке преодолел защитные камни и вцепился пастью в руку Гарсия, кусая до крови, а потом так же резко пускаясь в бега за знаки. Ник только простонать захотелось — а ведь она почти поверила в разумность кровяной твари. Почти.

— Вот же безмозглая тварь, — выругалась она. — Гарсия, вам помочь?

Мужчина качнул головой, зажимая рану пальцами:

— Ерунда. Царапина просто. — Он подошел ближе к Ник, и пес тут же скрылся в стене. — Странно...

Ник опустила голову вниз — она же хотела спасти тварь, а, кажется, Гарсия изначально был прав — нет в твари никакого разума, только инстинкты. Вампир же задумчиво повторил:

— Странно... Может, вы, Росси, и правы. Может, пес и разумен.

— Что? — Ник резко выпрямилась, всматриваясь в мужчину. Тот пояснил:

— Наноботы всегда жестко подчинены лордам или программам выживания. Они никогда не принимают решения самостоятельно — для этого нужен разум, который у них отсутствует. А тут налицо самостоятельное действие, причины которого мы не понимаем.

— Тварям свойственно нападать, — напомнила Ник. — Вспомните самое начало — тварь напала на местных, напала и на нас с Листопадом и Джонсом.

— Всего лишь программа защиты местности и убежища, — отмахнулся Гарсия, — даже

тут на нас она нападала, защищая остатки убежища, она защищала технологии лордов. Программе же невдомек, что технологий тут не осталось. Все сгорело... Все погибло... Надс будет в лаборатории провести тесты на разумность пса — мало ли, я могу и ошибаться, Росси. А вы можете быть правы в разумности. В конце концов мы мало что понимаем в эволюции, особенно в эволюции искусственного интеллекта.

Он убрал пальцы с укуса — под разорванной тканью формы уже все зажило:

— Видите, Росси, всего лишь царапина. За вампиров не стоит переживать: наша регенерация — лучшее, что придумала природа. Жаль только одно — эволюция воплотила свою задумку, эволюция придумала, как спасти человечество, а вот как потом спасти самих спасателей — не продумала. Горько жить, зная, что существуешь напрасно, Росси. Это все вампиры сознают — бесполезность своего бытия. Наша сущность требует жизни на грани, жизни вопреки, нам требуется вызов, суровое выживание, а мир уже спокоен, отсюда и дикие вспышки гнева и агрессии у вампиров — нам некуда сливать свою ярость и силу. Отсюда и нарастающий страх вампиров в обществе. Замкнутый круг какой-то. Мы пытаемся стать цивилизованнее, и цивилизация нас же убивает... — он задумчиво посмотрел в проход и напомнил: — Идите уже, Росси. Надо работать — быть может, сегодня наш последний день работы в этом убежище. Дальше работа закипит в лаборатории. Вся сила лордов скрыта в крови Холмов...

Глава 51. Пес

Ник медленно пошла в сторону горизонта с баком из магизолята. Тварь по-прежнему пряталась в стене, но свет послушно загорался над головой Ник — тварь выполняла свою работу. Слова Гарсия продолжали звучать в голове Ник, переплетаясь с воспоминаниями.

...Наша кровь, моя леди, это наша сила. Все, что нам нужно, скрыто в нашей крови. — голос Тамиора ласково журчал, зато пальцы причиняли боль, заставляя Ник слушаться. — Наша кровь идеальна и неповторима. Она подчиняется нам. Она дает нам силу, она защищает нас от смерти, она способна оживить любое существо — было бы на то наше желание. Дать свободу вампирам, снять проклятье оборотнизма с укушенного или рожденного оборотнем. Было бы желание.

— *То есть... Чтобы низший вампир снял привязку высшего, надо лишь выпить кровь лорда?*

Тамиор рассмеялся:

— *Что ты, моя леди. Без приказа лорда кровь не действует. Лорд должен страстно желать снять привязку с вампира или оборот с оборотня. Главное — приказ. Главное — желание. Нет желания — кровь бесполезна. Потому лордов и не трогают — без нашего желания наша кровь бесполезна... Твоя кровь пока испорчена окружающим миром, но не бойся, моя леди, скоро ты станешь идеальной — мы очистим твою кровь от скверны этого умирающего мира... И ты увидишь мир иначе. Ты обретишь силу и недоступные тебе раньше знания. Наша кровь — наша сила, и она подчиняется только нам.*

Вот и Гарсия подтвердил — без приказа тварь не действует. Ник прикусила губу и вошла в зал, где стоял бак. Свет зажегся словно нехотя — шар под потолком то разгорался, причиняя боль глазам, то почти тух, погружая зал в полутьму. Тварь черной грудой лежала у бака, как будто зная свою судьбу.

Ник присела на пол у твари. Та засвистела, что-то рассказывая, но понять тварь было невозможно. В конце концов тварь отчаялась и замолчала. Ник не знала, что делать дальше. В голове был кавардак. Тварь снова отрастила уши и осторожно, боясь, что её могут уничтожить, положила свою голову Ник на колени.

— *Что же ты такое, песик... — она почесала его за ухом, смиряясь — называть его тварью все же глупо. — Что же ты такое.*

Мысли прыгали и неслись, переплетаясь с воспоминаниями о Тамиоре. Его кровь не сняла привязку с Брендона, потому что Тамиор не хотел этого. Зато кровь, подчиняясь приказу Тамиора об оживлении Холма, оживила и Дена. Мимоходом, потому что приказ был высказан некорректно. Для крови, для наноботов некорректно. Это дало Дену шанс на жизнь. Надо будет проверить Дена на происхождение, вдруг он тоже немножко лорд или был уже заражен наноботами — что-то же сохраняло его жизнь в течении десятилетия на том месте перед кампусом. Магия... Магия с технической начинкой... Надо вообще взять и пересмотреть все, что она делала, заменяя магию на... Торжество техники.

Её дом, её Холм, её убежище работает не из-за блока расширения пространства, починенного паяльником, а из-за крови того самого Холма, скрывавшего в себе генетическую лабораторию, в которую Ник продали... Дом подчиняется Ник, выполняя её просьбы, но и часто действует самостоятельно, своевольничая, как было в Пятом округе. Это нельзя отрицать. Гарсия сказал, что наноботы подчиняются программе. Какая программа

могла быть задана наноботам Холма в отношении Ник? Она в ужасе сглотнула, вспоминая слова Заката о желании её матери восстановить род полиморфов. Внизу живота что-то резко перевернулось, словно от страха. Программа в отношении Ник могла быть только одна — размножаться. Не было никакой магии в её списке требований к принцу. Была только программа, которую её дом, точнее кровь Холма, выполнял, подсовывая «принцев». Программа одна на всех — на Ник и на её клонов. Только этим можно объяснить одновременную беременность у неё и погибшей Салли. Ник доросла до возраста, когда беременность пройдет без осложнений, и программа тут же начала действовать. Ник зажмурилась — хотелось дико орать в небеса. Хорошо, что их тут не было. Дом не подчинялся Ник, дом подчинялся программе, которую задал... Задала ему Иней. Называть её матерью у Ник язык не поворачивался. Даже ради высшей цели так играть судьбами других нельзя.

Дом ей не подчинялся. Он подчинялся программе уже погибшей женщины. Хотя иногда дом все же откликался на прямой приказ Ник. Она же тогда смогла снять привязку с Брендона, потому что наноботы подчинялись её однозначному прямому приказу. Вспомнился сразу Мигель, которому его укушенная леди отомстила месяцем полного подчинения.

Ник прикрыла глаза — она тогда сама недалеко ушла от той мстительной леди, хорошо еще, что влюбленность Брендона оказалась недолгой — откровенного приказа любить Ник тогда не отдавала. Наноботы лишь создали природный шторм гормонов у Брендона, которому тот вполне удачно противостоял. Ей бы тогда эти знания — снятие привязки у Брендона прошло бы вообще без потери разума и превращения в животное. Какая же она была тогда глупая... Влюблялась во всех подряд, чуть не влюбила Брендона в себя или... Или это наноботы игрались с ней и с Брендонам в том числе? Пора пришла — она влюбилась, да? Гормоны взяли и запели под действием программы? Ник стиснула зубы — хватит! Хватит думать об этом сейчас, иначе она дойдет до того, что будет сомневаться в своей любви к Линдро. Она подумает об этом потом, когда переговорит с Ханьлем — он должен знать, на что способны наноботы. Он может знать, что задумала её мать. Быть может, Ник даже сможет вырваться из-под её программы... Главное помнить — всегда надо правильно формулировать приказ. Это главное. И дом... Что-то надо делать с домом. Хотя что именно делать, она уже почти решила, когда разговаривала с Лином. Сил бы хватило...

Пес вновь пошевелился, напоминая о себе. Ник вздохнула — как правильно сформулировать приказ ему, она не знала. Она шла сюда с желанием дать ему свободу, но немотивированное нападение на Гарсия её напугало. Пусть лучше Гарсия разбирается с псом и его разумностью — сама Ник это понять не в состоянии. Еще одного немотивированного нападения она брать на свою совесть не хочет.

Пес привстал, его псевдоголова была на одном уровне с лицом Ник.

— Песик, ты должен помочь людям. Мы нуждаемся в твоей помощи. Очень. Пожалуйста... Помоги нам. Залезь в бак...

Пес радостно засвистел, но желания залезать в бак не высказал. Так и стоял рядом, не руками же его туда пихать...

Ник начала по новой:

— Нужна помощь... Ты же понимаешь, что бессмысленно тут сидеть в умершем Холме? Ты можешь помочь в другом месте. Ну же! Залезь в бак!

Пес продолжал посвистывать, стоя на одном месте.

Ник раздраженно фыркнула — кажется, с её приказами что-то не то.

— Как тебе это объяснить? С тобой же как-то контактировали, с тобой же как-то общались люди раньше... Глупо сидеть в умершем месте!

Из головы пса вырвался тонкий, как игла, щуп. Он замер буквально в дюйме от глаза Ник.

— Орки рогатые... — только и выдавила она. — Только не говори, что ты подключаешься к людям буквально. Это как-то слишком...

Щуп продолжал висеть в воздухе, как будто дожидаясь одобрения. Или, вздохнула Ник, приказа. Он ждал приказа.

— Песик... Давай только без боли. Я не то, чтобы мечтала размножаться, как запланировали мое будущее родители, но уж коль получилось — я его люблю и жду. Причинять вред плоду нельзя. Понял?

Пес подозрительно согласно кивнул.

Ник сглотнула и решила:

— Давай!

Поздним осознанием пришла простая мысль, что Лин программой точно не мог считаться принцем — Лин был бесплоден. И дом это знал. Ник влюбилась в Лина сама, не по приказу дома, как было с Бренденом.

Ник улыбнулась — Лина она выбрала сама! Только тепла от этой мысли надолго не хватило — щуп рванул вперед, впиваясь в слизистую около глаза и исчезая в глазнице. Через секунду глаз чуть не взорвался болью изнутри — наноботы подключились к зрительному нерву.

Ник еле сдержала стон, стискивая зубы. Боль тут же исчезла, но Ник даже не успела обрадоваться — тут уже взорвалась голова образами, звуками, формулами и орки знают чем еще. Кажется, услужливый песик попытался загрузить в Ник все знания мира одновременно. От резко меняющихся вспышек света где-то внутри головы, Ник затошнило, она согнулась, жалея, что поужинала... Скорость вливающихся образов стала ниже, и Ник старательно задыхалась, не желая расставаться с ужином. Скорость упала еще, и еще... Кажется, голова Ник не предназначалась для скорости обмена данными, принятыми у лордов. Прав Гарсия, они иные. Или Ник просто тупая. Пес, кажется, смирился с последним, и вспышки стали реже, а неоднородный гул распался на голоса.

...— Они сказали, что мы обязаны им подчиняться! — женский, надломанный, испуганный голос. — Мы должны сдаться — мы не в силах им противостоять!

— Мы уже полвека признаны Лигой свободных стран разумным, самостоятельным видом. Они не могут нам приказывать, даже с учетом того, что Лиги больше нет. — громкий мужской голос. — Мы им не подчиняемся — мы больше не их игрушки. Им придется смириться — мы им больше не починяемся.

Вспышки света пытались сформироваться в картинку, но что-то пока шло не так.

— Мы не предадим доверившихся нам людей, — другой мужской голос, более тихий и уверенный. — Люди, сбежавшие с фермы вампиров, только-только поверили нам. Только-только начали жить оседло — мы не предадим их и не бросим, как требуют из Дуба.

Яркая вспышка, и Ник все же увидела... увидела прошлое. Ткачи ивы, действительно, были иными. Болезненно хрупкие, невысокие, тонкие, с узкими лицами, на которых выделялись явно искусственно увеличенные глаза и пухлые губы. Кажется, до Катастрофы на Земле тоже жилось не очень. Особенно поражали Ник длинные, остроконечные уши у

ткачей. Наверное, Гарсия был прав — все страные виды фейри были биомодификантами.

— Гургаши сдались лордам, — напомнила мужчинам девушка, одетая в свободную изумрудную тунику, подобную той, что заставлял надевать Тамиор. — А кунал-трау попытались противостоять и лишились своих женщин. Они лишились своего будущего... Наш АСУ слаб. Мы не выстоим в открытом противостоянии.

Мужчина, одетый привычно — в простой рабочий комбинезон, тут же ей ответил:

— Мы запретим АСУ открывать порталы, только и всего. Мы способны жить обособленно, нам не нужны снобы из Дуба. Перед нами весь мир. Надо будет — выйдем на поверхность. Мы уже вполне способны жить там — пыль улеглась, климат вошел в норму. Мы легко выживем там.

Девушка замерла — до этого она бессмысленно ходила по огромной зале, выглядевшей как дикий сад, заросший ивой. То, что это зала, а не поверхность, выдавало небо — оно было другое. Высокое и белесое. Выцветшее. Пустое. Ник прикусила губу — настоящее небо никогда не теряло цвет, даже в пик летней жары оно всегда оставалось ярко-голубым, а зимой стремилось к густо-фиолетовому. Пыль. Астероидная пыль так все изменила.

— Поверхность?! — девушка всплеснула руками. — Мы еще не готовы...

— Так мы никогда не будем готовы — пора сделать первый шаг, тем более что доооорды, — последнее слово он сказал крайне насмешливо, — нас вынуждают. Мы же не бросим убежище, АСУ будет поддерживать его работу, мы всегда в случае угрозы на поверхности, сможем укрыться в убежище обратно.

Ник нахмурилась:

— Что такое асу? Или кто? — она нахмурилась: — это тебя так зовут?

Пес ответил — в голове раздался высокий, слишком чисто говорящий голос.

— Автоматический Страж Убежища Ткач, к вашим услугам.

Второй мужчина распорядился:

— Порталы закрыть. Все запросы на доступ игнорировать.

АСУ уточнил:

— Это касается все запросов?

— Абсолютно!

— Прошу уточнения — касается ли запрет на открытие портала в случае получения сигнала бедствия?

Мужчина твердо повторил:

— Игнорировать ВСЕ запросы. Абсолютно. И начать подготовку к жизни на поверхности.

Ник пробормотала:

— Так тебя зовут Ткач. Приятно познакомиться.

Пес, точнее АСУ так-то совершенно отчаянно засвистел в ответ.

— Ткач, прошлое — это интересно, но я хотела...

Снова вспышка в голове.

...Запрос на открытие портала отклонен.

— Помогите! Прошу! Тут пожар... Мы все погибнем...

...Запрос отклонен.

— Спасите хотя бы детей!!! Откройте портал...

...Запрос отклонен.

— Да что же вы за люди такие... Все смерти будут на вашей совести!!!

Что-то щелкнуло, и окно портала открылось. Только вместо детей в Убежище вошли две огромные фигуры.

Ник даже опознала доспехи — класс ультра, модификация начала третьего века. Ткач её чуть подправил — модификация двадцать третьего века.

— Да мне все равно, что ваше и наше летоисчисление не совпадает... — пробурчала Ник.

Дальнейшее Ткач прокрутил быстро. Полная парализация АСУ. Огонь. Бегство людей. Гибель убежища — лорды, оказывается, жестко отслеживали все контакты с поверхностными людьми. Вот же дрянь...

АСУ, освободившись от контроля, вырвался на поверхность к ткачам, но его уже ждали защитные знаки — ткачи, кажется, решили, что АСУ сошел с ума или предал их.

Ник погладила Ткача по голове:

— Ты не виноват. Ты ни в чем не виноват... Ты поверил не тем людям, Ткач. Иногда люди предают, иногда люди бывают сволочами и обманывают.

Пес положил свою голову обратно на ноги Ник, только щуп извивался в воздухе, по-прежнему связывая их.

— Ткааач... Я понимаю, тебе тяжело вновь поверить, но нам нужна твоя помощь. Нам нужно противостоять лордам. Тем самым, которые уничтожили твой дом.

Пес свистнул, и вновь в голове Ник появилась картинка.

— Да рогатые же орки!!! — не сдержала свое возмущение Ник.

Ткач показал оживший Хо... Убежище. Огромные залы, полные света и пространства, уютные комнаты, коридоры, в которых спешили люди — Ник даже Гарсия опознала среди них... И... Самое главное... И самое страшное, даже отвратительное... Сама Ник с Лином в окружении... Количество светловолосых голов всех оттенков рыжины просто потрясло. Ник сбилась на втором десятке.

— Знаешь, Ткач, а вот это несмешно! Я рада, что ты предлагаешь мне новый дом, но как бы плодиться в таких масштабах я не планировала! Никогда! С чего ты это вообще взял?!

Перед глазами тут же возникла таблица.

Имя — Семечко

Класс — биомодификант, модель № О

Функция — репродукция

Начало выполнения функции — 18 лет

Цикл функции — 9 месяцев с повтором через три месяца

Особые указания...

Ник моментально взорвалась:

— Убери эту гадость! Уничтожь! Я человек! Я не...

Слезы брызнули из глаз, пальцы сжались в кулаки, а те загорелись открытым огнем от желания все уничтожить... Абсолютно все. Она... Она не...

Ник прикусила губу и потушила огонь — псу он не нравился, он чуть не разорвал контакт.

— Прости... — еле прошептала она от боли.

Подняла голову вверх, унимая горькие слезы. Как так можно обращаться с собственным ребенком?! Даже у Мигеля хватило совести не выдавать, что она, как её там... Ева. Даже Мигель удержался от соблазна, а мать...

Пес тут же жезаполошно засвистел, убирая таблицу. Правда, перед внутренним взглядом

Ник тут же возникла другая таблица.

Модификации наносмога:

Рой Береза — 1 %. Сохранить — уничтожить?

Рой Дуб — 0 %. Последняя дата фиксации — 16 первоцвета этого года.

Рой Лед — 1 %. Сохранить — уничтожить?

Рой Бродяга — 49 %. Сохранить — уничтожить?

Рой Ткач — 49 %. Сохранить — уничтожить?

Фразы «Сохранить — уничтожить» мигали, требуя выбора.

— Ну знаешь, Ткач, я ведь даже не знаю, что значит Рой Береза, Дуб... Или Лед. — она прикусила губу, а потом медленно сказала, — хотя нет, что значит Лед, я знаю. Это наноботы Тамиора, да?

Ткач засвистел, еще бы что-то понятнее стало бы.

— А Бродяга — это же Закат... Вот же сволочь...

Ник вспомнила, как скользил палец Заката по её ране. А еще её эта сволочь поцеловала! Если магии нет, то лечил он как раз наноботами, которые почему-то забрать забыл или не соизволил. Или... Так он всем демонстрировал, что она его невеста. От статуса отказываться нельзя, Ник это помнила. Пока нельзя, а потом видно будет. Она еще вобьет эти наноботы Закату в плотку... Ладно, не так кардинально и жестоко, но она вернет контроль над своим телом самой себе.

Еще раз... Она же где-то родилась, значит... Береза или Дуб — это её родной Холм. Рой Дуб покинул её как раз тогда, когда с неё слетел магический блок. Ха! Магический! Наноботный... И что делать с этим одним процентом от Березы? Может, именно в нем сохранена мерзкая программа... Значит, плевать, что это возможная связь с домом — уничтожить!

Рой Лед — это привет от Тамиора. Уничтожить однозначно.

Рой Ткач...

Она смотрела в черную пустую морду пса и не знала, может ли она ему доверять? Но... Если она уничтожит его наноботов, то Закат будет владеть ею полностью. Как там Гарсия говорил о паритете?

Ник сглотнула и твердо сказала:

— Рой Бродяга и Ткач — пятьдесят на пятьдесят. Остальное — уничтожить.

Пес свистнул, и таблица исчезла. Только щуп никуда не делся — Ткач с надеждой ждал приказа на восстановление Хо... Рогатые орки, Убежища! Убежища. Только чем это поможет Гарсия, Пересу и человечеству? Убежище было уничтожено, тут не осталось ничего из технологий лордов. Называть их людьми не хотелось.

— Если я разрешу восстановить Убежище, ты сможешь людям, Ткач? Это очень важно...

Голова полыхнула множеством образов, которые Ник не смогла разобрать до конца. Тут и полностью рабочее убежище, и Гарсия, стоящий на поле под ярким солнцем, и сама Ник рядом с Лином и, о чудо, всего с одним ребенком, и еще много чего...

Наверное, все решил единственный ребенок — Ник почему-то поверила, что программу оркской, точнее полиморфной репродукции Ткачу удастся уничтожить.

— Что тебе нужно для восстановления убежища, Ткач?

Перед глазами предстала периодическая таблица элементов, раздел редкоземельных металлов.

— Да где я их тебе возьму?

Ответ Ник не совсем понравился — перед глазами предстала пробирка с кровью. Ну почему все упирается в кровь? Что в магических ритуалах, что в научных экспериментах?

— Нууу... Давай попробуем, только условие ты помнишь — никакого вреда для ребенка и... — она в последний момент все же добавила: — и для меня самой.

Ответом была тьма.

Глава 52. В больнице. Опять

Сперва пошевелить пальцами на руках. Есть. Чуть согнулись, но есть. На месте. Потом пошевелить ногами, пугаясь до холодного пота — когда-то она уже теряла способность ходить! Ноги отозвались, чуть дернувшись. Наличие головы можно не проверять — она болела так сильно, что сомневаться в её наличии глупо. Комплект! Все на месте. Еще бы вспомнить, почему она оказалась в больнице. Впрочем... Ник вспомнила.

Ткач.

Её глупое согласие ему помочь.

И тьма. Закономерная тьма — почему-то так всегда заканчивалось с Ник. Надо что-то менять. Лин, поди, места себе не находит.

Тихо раздалось откуда-то издалека:

— Ники...

Она вздрогнула — Брендон же обещал, что в следующий раз рядом с ней будет Лин.

Она обреченно открыла глаза.

Да, как и предполагалось. Больничная палата. И Мигель.

Вот за что это с ней...

Он стоял у изножия кровати и буквально пытался испепелить Ник своим тяжелым, алым взглядом. Мигель, как всегда, был изящен, напыщен и идеален. Каково Анне быть постоянно рядом с ним и соответствовать его требованиям — страшно представить.

Ник, собираясь с мыслями — надо же как-то оправдать собственную глупость, глубоко вдохнула и тут же пожалела — слишком откровенно пахло больницей. Едкий запах дезинфектантов, примесь лекарств, кисловатый запахок болезни. И совсем нет привычного аромата дерева. Ник тут же заволновалась — Мигель куда-то отправил Лина? Только этого не хватало! Или... Нет, она тут же прогнала крамольную мысль прочь. Лин не мог обидеться или еще что-то — он доверяет Ник. Он не обиделся и не фырчит где-то в уголке. Скорее всего он чем-то занят — раз Мигель тут, то прошло не меньше шести часов, а то и больше... Добираться из Либорайо долго, даже сейчас при условии хорошей дороги между городами.

Мигель вновь тихо сказал:

— Ники...

Она знала все, что он хочет ей сказать — слишком часто он выговаривал ей:

— Мигель, у меня все было под контролем. — Она старалась говорить твердо и уверенно, но получалось плохо — голова трещала от боли. — Я договорилась с Ткачом, что никакой угрозы жизни не будет. Ему не было резона наруша...

— Ники, — попытался остановить её Мигель, но она упрямо продолжила:

— Я ничем не рисковала. Даже если Ткач откажется сотрудничать — его наноботы есть во мне и, самое главное, что позволяет начать работу прямо сейчас, наноботы есть в Линдро.

Мигель неожиданно мягко улыбнулся, не показывая клыков:

— Ники...

Она его опять перебила:

— Только не говори, что ты все еще ждешь рождения вампиренка. Никаких вампирят! Брендон ни при чем — я никогда не лгала ему. Ну и тебе... Тоже... Понимаешь... — она собралась с мыслями. Никакого мифического: «Я создана для него, а он создан для меня!». Все очень просто и высокотехнологично. — Наноботы Ткача проникли в меня — они

настолько малы, что для их инвазии не требуются проколы, представляешь? Наноботы меньше клеток — они легко проникают между ними. Вот ужас-то... Наноботы проникли в меня еще перед Новым годом, этим вашим Хогуэросом, а потом они проникли и в Линдро, излечивая его... Так что расслабься, вина с тебя за неожиданность с ребенком снята. Это все Ткач. И да... — Ник скривилась: — я помню — пороть меня было некому. Что-то еще?

— Ники... — заладил Мигель. Его там заклинило, что ли? Или все никак не может придумать уничижительную речь? Точнее, воспитательную.

Ники еле слышно сказала:

— Мигель, поверь, любое наказание и головомойка от тебя не сравнятся с тем, что сделали со мной мои родители, так что смело выплескивай все, что накопилось. Как там... Пляски на оголенных нервах, ни капли милосердия и понимания... Мигель... — она внезапно поняла, что еще чуть-чуть и почему-то расплачется. Прямо на глазах Мигеля. Так не вовремя. Так ненужно. И перед кем?! Перед Мигелем. Но слова уже слетели с губ: — Представляешь, кто-то из родителей... Или они оба запрограммировали нанороботов, и эта дрянь внутри меня... И я с этим ничего поделать не могу... Я даже не знаю — обмениваются наноботы информацией между собой или нет... Если обмениваются, то проще сразу в алхимический раствор шагнуть — я не Ева, я не хочу, как ты там говорил, быть прикованной к акушерской койке...

Мигель одним неуловимым... Впрочем, нет. Время вдруг взбрыкнуло. Оно замерло для Ник, и она видела каждый шаг Мигеля, направляющегося к ней. Будь при ней кинжал, она и остановить бы Мигеля успела. Точно, успела бы — настолько тягучим и послушным стало время. С чего бы это?!

Дверь палаты медленно принялась открываться, внося аромат кофе.

Мигель опустил на кровать рядом с Ник и стремительно прижал её к себе. Настолько стремительно, что Ник даже подумала — стоит отклониться или нет? Оказаться в объятьях Мигеля, не зная, что он задумал, опасно. Или даже смертельно. А Лин успел только занести ногу в палату. Пар над бумажным стаканчиком с кофе медленно и как-то нехотя поднимался вверх. Капучино. С карамелью. И, наверное, с сердечком на взбитых сливках. Без сердечка как-то настроение поднимается не так.

И сердце билось как-то совсем размеренно, можно было между его тактами встать и... Что-нибудь сделать.

— Ниииикиии... — растянуто сказал Мигель ей в ухо, и время полетело вскачь. Лин вошел в палату, грустно улыбаясь и вставая у изголовья кровати. Ники улыбнулась в ответ — Лин был сосредоточен и явно расстроен. Понять бы еще чем. Она же жива, с ней все в порядке. Даже головная боль стала отступать. Мигель же вместо заслуженного наказания, принялся шептать: — глупая, глупая девочка... Ты же больше не одна... Мы с Лином все Холмы на колени поставим, если нужно будет. Всю землю перевернем, но программу разрушим. Ты не станешь Евой. Никто не имеет права заставлять тебя делать что-то, что ты не хочешь. Никто. Поверь, малышка. Ты не одна, у тебя есть семья, ты не будешь бороться в одиночестве. Мы рядом...

— Миге... — это было так неожиданно, что Ник все же хлюпнула носом и призналась: — Так ты меня пугаешь еще больше.

Он чуть отстранился, с улыбкой рассматривая её:

— Какая ты, оказывается, впечатлительная, Ник. — он провел пальцем по её щеке, ловя одинокую слезинку. — Забудь хоть ненадолго о своих родителях, о программе, о наноботах и

прочем — просто наслаждайся жизнью, как ты умеешь. Мы с Гарсия и Санторо что-нибудь придумаем. Просто доверься, уж это ты умеешь, я знаю.

Странно-хмурый, молчаливый Лин подал салфетку, Ник вытерла слезы и непонятливо уточнила:

— А при чем тут Санторо?

Мигель пожал плечами:

— Тебе не нравится его кандидатура в качестве главы Холма? Он хорошо разбирается в устройстве Холмов — он же, как и Брендон, был привратником. Или ты хочешь сама заняться Ткачом?

Ник замотала головой:

— Нееееет! Не хочу... У меня другие планы... — у неё этот... Ханьль, Холмы, работа, в конце концов. Её ждет Либорайо. И дом... Вот о последнем она подумала зря. Думать о доме пока запрещено.

Мигель радостно улыбнулся — еще чуть-чуть и по голове начнет гладить, как малышку:

— Дом, отдых, подготовка к рождению ма...

— Поездка в Пятый округ и встреча с О Ханьлем. — оборвала его Ник. Остальные планы она озвучивать не стала. Хватит и этого пока с Мигеля. Особенно если учесть, как он отреагировал на её планы.

Мигель приподнял глаза вверх и тихо сказал:

— Святая кровь... Ты когда-нибудь угомонишься?

Лин еле слышно фыркнул, ничего не говоря, и подал Ник стаканчик с кофе. Мигель встал, уступая место Лину:

— Садись и убеждай свою жену в необходимости хоть какой-то подготовки к рождению ребенка. Хоть кроватку купите, а? Или книжку о воспитании детей... Впрочем... С вами это полностью безнадежно. Ты же, Ники, все равно побежишь неведомо куда спасать неведомо кого. Святая кровь... За что мне все это?

Ник благодарно улыбнулась Лину и сказала Мигелю, тут же отхлебывая кофе и обжигая язык:

— Так придумай мне дело, хорошее дело, чтобы я была занята. Только и всего. — ведь это, действительно, просто — дать ей работу вместо того, чтобы обкладывать ваткой и оберегать неизвестно от чего. Она ловец, пусть и бывший. Она страж! Она не может отсиживаться в стороне, когда мир может в любой момент полыхнуть очередной войной с Холмами.

Мигель послушно кивнул, словно последнее время только тем и занимался, что обдумывал дело для Ник:

— Хорошо.

Ники даже порадоваться его покладистости не успела, как он её огорошил:

— С тебя проект снятия кровавой привязки со всех новообращённых вампиров. Нужна правовая база, организация наблюдения за ними для предотвращения хомофилии и прочие мелочи. Справишься? Срок... Скажем, осенью начнем.

Ник поперхнулась кофе и закашлялась — хорошо, что стаканчик поймал Лин.

— Ты — что?!

Мигель пожал плечами:

— Мало времени? Или тебе работа не нравится? Брендон как-то признавался, что вы с ним планировали бунт против меня, собирались дать свободу всем вампирам... Как там?

Уникальным снежинкам. Так вперед! Я согласен. Или ты думала, что мне нравится быть Ххххххозяином? — последнее слово он сказал с придыханием.

Ник сглотнула:

— Ты меня пугаешь все сильнее и сильнее. И проектом я займусь сразу же после возвращения из Пятого округа. Устраивает?

— Устраивает, — согласился Мигель. — Пойду я. Дела. Некоторые наворотили тут всякого, а я привычно должен разгрести. — Он уже в дверях остановился и уточнил: — Так со старшим Санторо подписывать договор или ты против?

— Подписывай! Я все равно пока сильно занята. — кивнула Ник, залпом выпивая кофе. Лин забрал пустой стаканчик, поставил его на стол и сел на кровать рядом с Ник, тут же крепко прижимая её к себе. От него пахло пряно деревом и усталостью, отчаянием и неуверенностью. Ник даже замерла от неожиданности — Лин мало когда сомневался в происходящем. Скорее, он был, как глыба, всегда невозмутим и готов к любым неприятностям. Что тут произошло, пока её не было?! В смысле, пока она была без сознания.

— Малыш... — прозвучало как-то обреченно.

— Напугала? — привычно уточнила она шепотом.

Лин поцеловал её в висок и уткнулся носом в волосы. Губы шептали у самого уха, щекоча его горячим дыханием и ужасно отвлекая ненужными мурашками, упрямо ползущими куда-то вглубь:

— Скорее ошеломила. И напугала, но самую малость...

— Если самую малость, то, почему, Лин, ты такой...

Он признался:

— Я виноват перед тобой.

— Вот уж точно нет, — она развернулась на кровати к нему лицом. — Никогда такого не было и не будет...

Он вздохнул и признался в том, что его так расстроило:

— Ник... Я знаю, ты не хотела проходить обследования, но Мигель настоял. Типа, надо проверить состояние плода после такого воздействия, которое оказал на тебя Пес... Врачи с ним согласились, я, конечно, разругался с Мигелем в пух и прах, но ничего поделать не мог.

— Ой, — только и смогла сказать Ник. Вот именно за это она ненавидела врачей. За невозможность отстоять себя, свое тело и свое право распоряжаться им так, как считаешь нужным. Эти люди всегда найдут закорючку, разрешающую делать с тобой, что хочешь. Хотя... В данном случае не совсем доктора виноваты — столкнуться с Мигелем, остановить его, когда он что-то для себя решил, практически невозможно. Ой, что сейчас будет...

Лин все так же шепотом сказал:

— Хочешь знать результаты обследования или...?

Она набрала полную грудь воздуха:

— Хочу... И спасибо тебе...

— За что? Я не отстоял твое право на невмешательство. Обследование показало, что с плодом все хорошо, развивается быстро. Это мальчик... Срок родов приблизительно через два месяца.

— Что?! — она ожидала чего-то подобного — уж больно шустро рос ребенок, но все равно. Два месяца?! У неё осталось всего два месяца?! Да не может быть... И как теперь доказать Лину... Она заглянула ему в глаза и поняла: доказывать ничего не надо. К счастью. Это Лин. Её Лин. А вот Мигель... И Брендон, опять же...

Лин кивнул:

— Прости, вот такие мы лигры большие. Правда, Мигель после обследования по потолку бегал — думал, что отец малыша Тамиор.

— Та... миор?! — еле выдавила из себя ошеломленная Ник. Лин криво улыбнулся:

— Мигель все еще не верит тебе.

— Ты же так не думаешь? — на всякий случай уточнила Ник. В Лина она верила, но мало ли... — Про Тамиора...

Заметив, как он потемнел лицом, она спешно добавила:

— Конечно, не думаешь. Я верю. Я знаю, Лин. Не надо ничего доказывать...

Он сжал кулаки так, что пальцы побелели — кажется, он так и не простил себе той осени. Не простил того, что её тогда спас Брендон, а не он. Взяв голос под контроль, Лин мягко сказал:

— Я знаю, какой сволочью был Тамиор. Никакого очарования лордов не хватит, чтобы заставить тебя забыть о таком. Даже учитывая программу и влияние наноботов — гормоны гормонами, но голову на плечах еще никто не отменял.

Ник вздохнула — кажется, Лин уже пообщался с Ткачем. Иначе откуда он про программу знает...

— И не бойся, Ник, правда, мы с тобой найдем способ остановить эту дикую программу, в чем бы она не заключалась. — Лин снова поцеловал её, в этот раз в кончик носа.

Ник призналась:

— Наноботы способны полностью контролировать тело человека. Тот магический блок, делающий меня неуклюжей, это наноботы. Мои влюбленности в Маки и прочих, быть может, тоже наноботы... Ты не боишься, что я... — она сглотнула и не смогла закончить фразу.

Лин приложил палец к её губам:

— Во-первых, я точно знаю, что я не принц и не попадаю под воздействие наноботов, а во-вторых, никакие наноботы даже с воздействием на гормоны не заставят любить. Влюбляться — быть может, но не любить, Ник. Никакой гормональный шторм, это я тебе как оборотень, ежегодно попадающий в такую вот мясорубку, говорю, не заставит любить. Не волнуйся и не переживай, не придумывай проблемы, пока они еще не начались. Мы найдем решение с программой наноботов. Правда, найдем. Никто не заставит тебя стать Евой, никто не запрет тебе в лаборатории, никто не заставит тебя делать то, что ты не хочешь. И плевать на наноботов. Я не позволю. Никто не позволит, Ники, солнышко... Все будет хорошо, ты просто верь в себя и в нас.

Ник снова прижалась к нему:

— Спасибо, Лин. Спасибо за веру в меня. Я... Я так испугалась там в Холме... Точнее в Убежище.

Лин предпочел сменить тему — наверное, не хотел и дальше волновать Ник:

— Хочешь на него посмотреть? Там сейчас много чего интересного... — он так загадочно при этом улыбался, что Ник не понимала его. Убежище же было выжжено дотла. Пес ей показывал в своих воспоминаниях, точнее записях. Там в Холме ничего не осталось. Так что видеть результат собственной глупости не хотелось. Зачем Мигелю и Гарсия пустой, выжженный Хо... Убежище, не понятно. Они-то искали порталы, они искали способ добраться до лордов. Хорошо, что в её крови и крови Лина есть нужные наны. Они просто

обязаны там быть.

Ник честно сказала:

— Нет. Не хочу. Хватит пока с меня наноботов.

Лин заглянул ей в лицо, и она призналась:

— Хочу домой. Точнее хочу к тебе домой. — она подумала, вспоминая свой дом и наноботы, и поправилась: — Хочу в Либорайо к тебе домой.

— Ко мне? — удивился Лин, но расспрашивать о причинах таких перемен не стал. Ник была ему благодарна за такое — помнила, что сама просила его напоминать, когда начинает темнеть, но рассказывать свои планы на автодом она пока не собиралась — слишком все непонятно. Надо сперва все хорошо разузнать. И тут только Ханыль в помощь.

— К тебе... — подтвердила тихо Ник. — Поехали домой, а? Хорошо?

— Ясно! — кивнул Лин и встал: — пойду разбираться с врачами и твоей выпиской.

Ник расплылась в улыбке — это счастье, когда тебя безоговорочно принимают и понимают так, как Лин. Её Лин.

Она принялась выдергивать из себя катетеры. Хватит!

Стоя через час на крыльце больницы Алисо, Ник удивленно всматривалась в городок. Она его не узнавала. Он стал чужим ей. Или это изменилась она. Не было никаких ароматов обреченности или радости. Не было никаких ощущений от городка, словно... Словно... Она сглотнула и попыталась зажечь на ладони боевой знак. Не получилось. Ник выдохнула и сказала тревожно рассматривающему её Лину:

— Рогатые орки, а я больше не маг... Я не чувствую магии, Лин.

Глава 53. Шизофрения во всей красе

Конь легко поглощал дорогу, как спагетти. Эта фраза всплыла откуда-то из глубин детства — сейчас уже и не вспомнишь, почему и откуда, может, из фильма, может, из книг. Жаль только, что конь был робо, и в еде не нуждался. Он мягко, но крайне быстро перемещался, ему даже указывать дорогу не надо было — он пользовался спутниковой навигацией. Всаднику оставалось только любоваться окрестностями или предаваться воспоминаниями. Чем Зак и занимался. Он снова и снова прокручивал в голове записи нанов...

Вот же глупость — когда-то они назывались правильно: наноботы. Потом кто-то решил, что пара последних букв лишняя, и они стали нанобами. А сейчас и последняя буква впала в немилость, превращая нанобов в нанов... Наны... Даже Королева уже так говорит... А раз так говорит Королева — так говорят все.

Реакции Ник во время разговора, специально провоцирующего её раз за разом, были неподдельными — мимика,

Впрочем, её как раз и подделать несложно.

язык тела — как она непроизвольно выпрямлялась или вскакивала,

Впрочем, это тоже может быть притворством.

сердцебиение, ритм дыхания

Это не подделать — связь со своими нанами Ник потеряла после стольких лет жизни в условиях загрязненной среды. Этим данным можно доверять.

и самый главный аргумент — выработка гормонов. Она была. Гормоны синтезировались, и если сравнивать с показателями нормы людей, то Ник легко укладывалась в них.

Наны вывели на внутренний экран нормокривые и наложили их на показатели Ник — где-то чуть выше, где-то чуть ниже нормы, но, если верить данным разработчиков полиморфов, этих кривых вообще не должно было быть. Интересно, кто же лгал? Разработчики или Ник? Королева считала, что Ник.

Зак наложил на показатели Ник показатели выработки гормонов у её спутника — Линдро Росси. Совпадения были, но статистически укладывались в норму. Если дополнительно наложить показатели Айка и Арано, то... Все равно, она не копировала реакцию окружающих — она сама реагировала и сама возмущалась, сама успокаивалась и утешала. Этот факт, когда она подошла и обняла в ответ на рассказ из детства, был шокирующим. Полиморф не должен так реагировать, даже если взять за основу копирование Ник реакций окружающих, то они не были столь яркими. Это она сама. Она сама решила, что он нуждается в утешении — то, что полиморфам недоступно для понимания.

Ложь. Одна большая ложь про полиморфов. Остается одно — искать, кому выгодно. Кому было выгодно оболгать эту ветвь разумных. И для чего оболгать?

Зак потер лоб — загадка Ник терзала его который день, ему уже пора было вынести вердикт и поставить точку в деле полиморфов, но... Он никак не мог решиться. Прежнее решение о ликвидации Ник казалось ему чрезмерным. Да и клятва — он давал клятву Расселу беречь Семечку. То, что Семечка теперь Ник, ничего не меняет. Наны восстанут, если он нарушит клятву. Ему сказочно повезло в прошлый раз в Холме Дуба, когда он думал, что уничтожает Семечку. Тогда он, на очередном витке своей болезни, верил, что сработал

договор с Семечкой, а правда в том, что он тогда всего лишь убил её копию или даже Иней. Зак всегда был мнительным и легковнушаемым, психологи не раз это отмечали в его психопрофиле, что чуть не загубило его карьеру инспектора. Психологи не раз ставили под сомнение возможность его работы на поверхности — он с детства верил в магию, и это могло его подвести в условиях загрязнения астероидной пылью. Это могло его окончательно свести с ума, но королевский клан был почти обескровлен полиморфами, и Королева на свой страх и риск дала Заку разрешение на работу на поверхности. Как бы это не оказалось ошибочным решением — сейчас он чувствовал, как начинается очередное обострение. Только вот одно но... То, что он считал бредом — договор о требованиях к принцу, оказалось правдой. Забавное течение болезни — он начинает включать в свой бред окружающих. Или... Он не совсем чтобы болен. Только эта мысль была запрещенной и крамольной.

Может, магия все же... Существует?

— Крамола, Зак... Крамола. — с кривой усмешкой сказал он сам себе.

Хватает и того, что в Холмах сотни безумцев. Еще одного безумца Холмы могут и не перенести. Он снова принялся прокручивать записи. Пора бы что-то решать. Только не решалось, хоть убивай. Реакции Семечки были искренними и непосредственными, хоть и не всегда понятными.

Кому может быть выгодно лгать о полиморфах?

Королева настаивала на немедленном уничтожении Семечки. Она утверждала, что та лишь копирует реакции окружающих. Зак вздохнул и принялся рассматривать показатели нанов Росси, сравнивая их с показателями Ник — по сотому разу. Вдруг он, действительно, что-то упустил.

А вокруг цвели поля клевера. Робоконь никак не реагировал на него, а вот Заку приходилось туго — пыльца витала в воздухе, её токсинов с лихвой хватало, чтобы вырубить нанов, приходилось каждые три часа менять носовые фильтры. И все равно, голова из-за токсинов начинала ныть. Джонса придушить за такой подарочек хотелось.

И восхищаться его упорством в отстаивании своих убеждений. Надо будет разобраться и в его деле. Нарушать обещания Королевы — чревато последствиями, а Холм Ольхи нарушил обещания неприкосновенности выживших в Двадцать первом округе.

Зак сделал невозможное — он достал из сумки стандарт парацетамола и проглотил горькую таблетку, запивая её водой из фляжки. Запасы воды и еды из Холмов давно закончились, и он уже перешел на местную пищу и воду. Это его сильно подкосит, но делать нечего — наны тут не помогут продержаться, им тут самим дурно. Рано или поздно, этот проклятый Двадцать первый округ все же закончится, и он вернется в родной Пятый, где все легко и понятно.

Где ждет глубокая чистка — в этот раз слишком задержался, развозя по округу сервы, вырабатывающие нанодезактиваторы, борющиеся с амагиумной пылью. Ольга совсем сошел с ума — проводить такие эксперименты без уведомления Королевы! Или не сошел, а давно нарывался и шел против королевской власти. Одно предоставление убежища О Ха Нылю чего стоит. Или...

Поле клевера закончилось, голова все еще ныла, таблетка или еще не действовала, или была просрочена — у поверхностных и такое бывает. Нельзя их в таком винить — выживать на поверхности сложно. Зак достал из поясной сумки новый носовой фильтр и сменил его.

...Или Ольга знает о полиморфах чуть больше, чем докладывали Королеве.

Зак собирался сунуть использованные фильтры в сумку, но на ладони вспыхнуло пламя, уничтожая их.

— Чертова галлюцинация!!! — Зак в запале добавил и парочку слов покрепче — кажется, загрязнение в этот раз перешло в опасную зону. Еще чуть-чуть, и он из-за астероидной пыли потеряет контроль над наннами, как это произошло с Ник. И, что еще хуже, без контроля наннов он окончательно сойдет с ума, воображая себя магом — астероидная пыль была чрезвычайно токсична.

И ведь были прогнозы ученых, что пройдет всего сто лет, и пыль вымоет в океаны, а там навсегда похоронит в илистых отложениях, но нет, четыре столетия прошло, а концентрация пыли остается прежней, словно Катастрофа произошла только-только. Словно где-то шел процесс репликации этой пыли.

Зак стряхнул с ладони пепел — иногда игры сходящего с ума разума пугали его своей реалистичностью. Он ради эксперимента прищелкнул пальцами — послушный шар плазмы полетел прочь. Очень реалистичный шар плазмы. Только плазма не возникает по щелчку пальцев. Это галлюцинация.

— Допрыгался, Алое Пламя Заката... Еще чуть-чуть и навсегда будешь заперт в Убежище, хорошо еще, если не в психпалате...

К сожалению, астероидная пыль приводила к деградации и сумасшествию. Доказано неоднократно — ткачи ивы, лорды Мирта и Сосны, Кедр и Эвкалипта. Все пытались доказать, что на поверхности можно жить, и все ошибались.

А Ник, несмотря на потерю контроля над наннами, не сошла с ума и приобрела новые навыки. И о том, что маг, ни капли не жалеет. Может, постулат о невозможности жизни на поверхности давно неверен? Может, быть сумасшедшим и не так плохо.

Эта была крамольная мысль — быть сумасшедшим нестрашно. Стоит только дать слабину, позволить себе поверить, что сумасшествие и вера в магию не страшны, как...

Как — что? Поверхностные столетиями так живут, и... Ничего. Живут. Да и люди тоже живут, легкая степень сумасшествия не так и опасна. Может, магия все же... Реальность.

Робоконь наконец-то вышел на хорошую асфальтированную дорогу, абсолютно пустую, как и все окраинные дороги в Двадцать первом округе, и Зак дал шенкелей — можно и ускориться, чистка и так предстоит адская, а если еще нахватается пыли, то может оказаться в изгоях.

Но Ник же жива и здорова! Может, загрязнение поверхности не столь катастрофично.

Картинка не складывалась, ему нужно больше знаний, но в Холм Ольхи не пробраться. До О Ха Ныля не добраться, чтобы допросить о полиморфах. Что-то Зак упустил в деле Семечки и Инея. Что-то очень важное. И самое противное, где-то под ложечкой все это время сосало глупое осознание — он совершенно зря приказал уничтожить Семечку с особой жестокостью. Да, убили тогда не её, но... Это не оправдание его жестокости. Да и тех трех свидетелей дела о полиморфах не стоило уничтожать. Почему правильные мысли приходят так поздно? Почему он об этом подумал только сейчас? Наверное, Королева ошиблась, передавая ему право владения Холмом справедливости — раз в полвека право вершить правосудие переходило к другому Холму. Три года назад закончилось время Кипариса, и что-то подсказывало Заку, что разгрести за ними придется долго. Дело Санторо показало, что справедливостью при правлении Холмом наказаний Кипарисом и

не пахло. Взять того же Санторо. Этот рыжий лис был достоин награды — он вскрыл аферу Холма Ольхи с амагиумом и зачисткой Двадцать первого округа, но вместо награждения лис оказался в рабстве. К сожалению для Королевы и клана Бродяг это значило одно — Холм Ольхи нашел себе новых приспешников, готовых покрывать их преступления. Холм Кипариса больше не лоялен Королеве, это нужно учитывать. А сколько еще колеблющихся Холмов! Власть Королевы никогда не была столь шатка. Нужно показательно призвать к ответственности или Холм Кипариса, или Холм Ольхи. Только показательная порка зарвавшихся Холмов остановит разброд и укрепит власть Королевы.

А Ник все же права — я сноб и чудовище.

В Пятый, чистый от астероидной пыли округ Зак въехал через два дня, уже понимая, что стал пирокинетиком, так называть себя было лучше, чем магом. Он еще не окончательно сошел с ума. Мир подчинен науке, а не магии, как верят поверхностные. Хотя огонь на ладони это отрицал. Ему было все равно — он просто был. Даже ожоги оставлял.

Бред. Бред и галлюцинации. И психосоматика.

И вот что с этим делать, кроме жесткой чистки в Холме, непонятно. Если узнает Королева, палата для душевнобольного ему обеспечена, и вот когда! Когда все так хрупко и опасно.

Зак обернулся, пересекая Границу между Двадцать первым и Пятым округами, — что-то у Ольхи пошло не так. Амагиумная пыль должна была нейтрализовать астероидную, уничтожая причину сумасшествия поверхностных, но огонь, легко возникающий на ладони по малейшему требованию, доказывал, что чистка амагиумом не сработала. Или... Или он ошибся, и в Двадцать первом округе применили отнюдь не амагиум.

Или я всегда был недогадливым идиотом! Это тоже нельзя отрицать. Амагиум мог поменять свои свойства.

Наны молчали — связь с ними Зак потерял вчера под вечер, будь проклята эта пыль.

Конь без команды всадника возобновил движение — завтра к вечеру они достигнут столицы. Зак не стал вмешиваться — робоконь и сам знал конечную цель поездки. Холм наказаний. Надо все же поменять его название и вернуть правильное — Холм Справедливости. И, заодно, доказать всем, в том числе и Семечке, что справедливость в Холме есть. Правда, Заку уже заранее было тошно — пересмотреть все дела за последние пятьдесят лет — это... Это как-то слишком, а ведь и новые дела никто и не отменял, и подготовку к Короткой ночи тоже, и этот идиотский амагиум, с которым то ли он лично ошибся, то ли Ольга...

И Семечка еще же...

Надо будет отчитаться перед Королевой и задействовать рой — все же индивид ничего не значит, индивиду свойственно ошибаться, а рой не ошибается. Рой всегда находит правильное решение. Не зря же для выживания вида именно роевое сознание выбрали — так выживать проще, знания одного никогда не пропадут — рой будет помнить за него. Надо после чистки отправиться во Дворец. Бродягам, к которым принадлежал как Зак, так и Королева, Холм был не положен, они мигрировали между другими Холмами с самого начала Катастрофы, но после нескольких мятежей и попыток избавиться от Бродяг, пришлось озаботиться своим Холмом. Им стал покинутый Миртом Холм, который переименовали в Дворец.

Зак на ходу снял и, не задумываясь, сжег носовые фильтры — сумасшествие набирало ход. Все же нелепая детская вера в магию подкосила его — он сейчас, несмотря на

происхождение и образование, ни капли не сомневался в магии. Как тогда, когда от отчаяния предложил Семечке договор.

Ну не мог я её тогда убить!!! Это страшно, неправильно, это отвратительно! Это... запрещено. Хотя спустя пару месяцев я и смог. Передумал. Почему я передумал? Почему я тогда смог уничтожить её? Поднял руку на слабого. Поднял руку на ребенка... Ник права — я мразь и чудовище. Уж лучше быть сумасшедшим, чем убийцей...

Зак вдохнул полной грудью воздух, свободный от астероидной пыли, и охнул — сердце чуть не взорвалось от ненависти, гнили и еще чего-то странного. Никогда до этого он не ощущал ничего подобного — Зак скривился: все же Семечка удивительно везучая, она не сошла с ума под влиянием пыли, а вот он — сошел. И вот как с этим жить?

Сердце жгла чужая непонятная ненависть. Страх разъедал душу, а вокруг ужасающая по своей красоте пастораль — в свое время пришлось заплатить огромную цену за оазис былой жизни, жизни без астероидной пыли. И речь шла не о гигаваттах энергии, затраченных на очистку, не о потраченных материалах или силах, речь шла о потерянных жизнях лордов. Жизнь каждого, любого, лояльного Королеве или нет лорда — это вопрос выживания всего человечества. И, к сожалению, жизней за очистку Пятого округа было заплачено не мало.

Ласково шелестели зеленые кроны деревьев. В бескрайних полях игрался ветер, пригибая тяжелые верхушки налившихся бутонами цветов. Высоко в небе, подозрительно синем, светило яркое, словно только что умылось, солнце. Пели птицы, обещая, что когда-нибудь вся Земля станет такой же...

Только не так, как затеял Холм Ольхи. Не так.

Зак ехал по сельской дороге, вдоль которой тянулись уютные домики — в них жили отселенные из-за перенаселения в Холмах биомодификанты.

Чистенькие, счастливые жители улыбались Заку в лицо, кланялись и здоровались, провожали под пожелания долгой жизни и хвалы, привычные для людей, но он чувствовал их ложь, он ощущал их ненависть, он кожей осязал их страх. Никогда до этого он и не полагал, что низшие биомодификанты, лишённые дееспособности из-за неполной разумности, так относятся к людям.

Или я все же безумен и счастлив в собственном безумии.

Зак медленно ехал, вглядываясь в глаза биомодификантов. Он помнил — они не совсем разумны, они создавались специально, как слуги, они не люди, они ограничены в возможностях познания, но... Что-то ёкало в сердце, заставляя задумываться, а так ли все на самом деле. Когда-то и в разумность нанов не верили, когда-то не верили в то, что АСУ способны развиваться. Скорее надо к Королеве — это стоит обсудить. Если он, конечно, не сошел с ума от пыли.

К вечеру он въехал в столицу. Он собирался пройти чистку в своем Холме, но робоконь сам выбрал дорогу, видимо, приняв приказ Королевы. Она ждала доклада о Двадцать первом округе.

Зак спешил перед дверьми Холма, бросил поводья подскочившим слугам, снова чувствуя их страх только от одного его присутствия, и вошел в Холм, тут же подключая нейронет. Он сбоил, соединение постоянно сбрасывалось, намекая, что кому-то чистка может и не помочь. Через помехи прорвались два сообщения по элтелу — электронной телепатической связи. Одно сообщение от Королевы с требованием немедленного доклада, и второе от нового секретаря — Семечка снова решила доставить Заку неприятностей. Она звонила по интересу О Ха Нылю и договорилась с ним о встрече в Холме Ольхи. Ехать она

собиралась вместе с мужем.

Её там прибьют.

Нет. Клонировать. Снова.

Нет. Я сам её прибью.

Найду и прибью, чтобы хотя бы жизнь Линдро Росси сохранить. Он-то, вроде, ни в чем не виноват. Это Семечку на приключения тянет. Почему с ней вечно все не так!

Зак зашел в дезкамеру, полностью раздеваясь — одежду уничтожат, чтобы исключить попадание пыли в Холм.

Холодные струи воды в душевой кабине смывали пыль, смывали накопленную за время поездки усталость, только облегчения не приносили. Семечка просто не знает, что Холм Ольхи — враг Зака, и в этом только его вина — не объяснил и не рассказал ничего, но кто же знал, что её потянет знакомиться с мразью, державшей её в плену. Это за гранью понимания, даже с учетом того, что Семечка полиморф. Должно же быть у неё хоть какое-то чувство самосохранения?

Надо ехать и спасать её от непоправимой ошибки.

Зак вышел из кабины и направился в медицинскую капсулу, где его уже ждал цикл чистки. Отключать сознание он не стал — по мере чистки связь с нейронетом станет устойчивее, и Зак сможет поработать, а боль... Боль можно перетерпеть. Страшнее потерять Семечку по причине собственной глупости — надо было предполагать, что она захочет встретиться с О Ха Нылем, она же, наверняка, ничего о нем не знает. Наверное, она даже не подозревает, что О был её тюремщиком.

Через полчаса чистки соединение с нейронетом стало устойчивым, связь с роём полной, а понимание, что он все же сумасшедший, совершенно ясным.

Это был амагиум. В Двадцать первом округе применили амагиум. Это совершенно точно — образцы, доставленные из зоны хаоса и Двадцать первого округа снова перепроверили. Совпадение 99,9 %. Холм Ольхи, пусть и самовольно, нарушая приказ Королевы, принялся чистить земли от астероидной пыли.

И магии не существует.

Магии не существует, магия — это всеобщее заблуждение, вызванное галлюцинациями от воздействия астероидной пыли.

Зак еле подавил стон — магии не существует, а ведь он в очередной раз поверил в неё. Да. Поверил. Надо быть честным перед собой. Он поверил в магию. У него всего лишь шизоидный синдром с яркими галлюцинациями, спровоцированными пылью и токсинами клевера. Ему рекомендована глубокая чистка с полным извлечением нанов и заливкой новых. Но после уничтожения Семечки. Зак был неправ в оценке записи встречи с ней — запись была повреждена, результаты выработки гормонов подделаны. Странно, что он сам в этом не разобрался, но рой для этого и нужен — исправлять ошибки индивидуумов.

Магии не существует, пора уже давно перерастить свою детскую веру в неё.

Пока он ездил в двадцать первый округ, Королева сама вынесла вердикт — Семечку нужно уничтожить. Перехватить до того, как она посетит Холм Ольхи. Нельзя допускать повторного запуска программы «Полиморф».

Зак лежал в капсуле, закрыв глаза и плотно сжав губы. Кровь бурлила от чистки, кости ныли, когда из них извлекалась астероидная пыль, но сцепил зубы он не из-за этого. Он обещал неприкосновенность Семечки, но идти против Королевы нельзя.

— Что ж, господин главный инспектор Убежищ, дело есть дело. — Зак выбрался из

капсулы, быстро натягивая белье и одеваясь в простой рабочий комбинезон. Нужно нанести пару визитов, пока он тут во Дворце. Забавно, что только Бродяги (ладно-ладно, инспектора по технике безопасности) сохранили память о настоящем предназначении Холмов, остальные верили в сказочку про лордов и их высшее происхождение. Неподдающееся лечению всеобщее помешательство, довольно безобидное, которому пришлось потворствовать, чтобы выжить и сохранить свое влияние в Холмах. К счастью, наноботы инспекторов, обладающие властью над всеми роями, обладали сверхустойчивостью к пыли, но даже их сверхустойчивости оказалось мало для Зака. Не хватило. Что ж, будем жить с тем, что имеем. Хорошо хоть, что у него безобидная вера в магию, а не вера в божественное происхождение лордов. Семечка, вон, полжизни прожила с верой в магию и счастлива в своем сумасшествии.

До чего легко жить поверхностным — верь себе в магию, наслаждайся жизнью на всем готовом, чем их щедро одаривали Холмы, и жди чистки планеты — рано или поздно она все же начнется. Рано или поздно они все же выйдут из-под земли на поверхность. Рано или поздно... Хотелось, чтобы рано, хотелось, чтобы это произошло при его жизни, только чистка не таким способом, как в Двадцать первом округе. Поверхностные пусть и сумасшедшие на голову со своей верой в магию, но не заслуживают преждевременной смерти от токсичного амагиума.

Но сперва надо уничтожить Семечку. Королева и её советники не могут ошибаться, рой не ошибается, а, значит, ошибается Зак. Надо перехватить Семечку до проникновения в Холм Ольхи. И опять продумать зачистку биомодификантов, знавших тайну Семечки. Сейчас уничтожение нового секретаря не казалось Заку ужасным. Дело есть дело.

И все же, что такого в полиморфах?

Глава 54. Знакомство с патриархом Львов

Уже которое утро подряд её будил внутренний будильник. Он подгадывал время между циклами сна, делая пробуждение легким и приятным. И можно было лежать и прислушиваться к глубокому, сонному дыханию Линдро, наблюдать, как в узком луче солнца, пробивающемся через неплотно закрытые шторы, танцуют пылинки, улыбаться потолку и стараться игнорировать данные, выводимые на внутренний экран где-то глубоко в голове. Да, пусть щуп Ткача и исчез, внутренний экран остался памятью о нем, или у лордов эти экраны, на которые выводились данные о работе и состоянии наноботов, были всегда. Ник экран мешал, она и в доспехах предпочитала откидывать забрало, чтобы не мельтешили перед глазами ненужные данные, но ничего поделаться с экраном и меняющимися на нем цифрами Ник не могла. Вот и сейчас выводились данные о нарастающем загрязнении, о необходимости какой-то чистки, о невозможности подключения к нейронету и о устойчивой работе элтела — ей только интерфона в голове не хватало для счастья. Хотя одна новая функция Ник нравилась — от непрерывной трансляции она отказалась, но фотоснимки рассматривала регулярно, от чего прибить Линдро хотелось нестерпимо. И поделиться с ним снимками. И опять прибить за такой сюрприз. Только Ник уже выяснила — никакой связи ни с интером, ни с инфопланшетом, ни с другими устройствами у неё не было. Снимки предназначались только ей, а значит, Лину их не предъявишь и на него не наругаешься. Жаль, ему бы, наверное, понравилось.

А еще Ник радовала строчка о возрасте. Календарный — восемнадцать лет. Биологический — двадцать пять — двадцать семь. Ха! Съели все, кто утверждал, что она восемнадцатилетняя дурочка? Только откуда все же взялись эти несколько лет знать хотелось ужасно. И почему она их не помнит. И еще жаль, что эту строчку не покажешь ни парням из отряда, ни Мие, ни Мигелю — Лин-то ей верил и так, без доказательств. Он умел верить в Ник.

Она замедлила время и осторожно выскользнула из постели — научилась уже не будить Лина. Вчера он был сильно обескуражен тем, что не заметил её ухода, интересно, что он скажет сегодня? Хотелось наклониться и поцеловать его — он во сне был обманчиво-беззащитным, но он тогда точно проснется, а Ник собиралась сделать ему сюрприз и приготовить завтрак — всю зиму Лин заботился о ней, развлекал её и готовил, ей захотелось ответить ему тем же. Она одернула длинную, пропахшую Лином футболку, в которой спала — ничего из своего гардероба в автодоме она не взяла. Анна с Мией были в диком восторге от предоставившейся возможности одеть Ник — та выдержала пару дней назад в походе в огромный молл всего три магазина и остальное время, пока Росси развлекались покупками, отсиделась в кафе, прикрываясь своей беременностью. Даже в этом положении, оказывается, есть плюсы — стоит только чуть закатить глаза и сказать, что устала, как все начинают трепетать и носиться вокруг тебя, забывая, что ты вообще-то страж и леди, и только что из зоны, в которой, между прочим, вкалывала, а не отдыхала. Взамен свободы от магазинов и покупок Ник, правда, получила кучу красивых, но абсолютно непригодных для носки в её темпе жизни вещей. Дому бы понравилось — легкие летние яркие платья, развевающиеся сарафаны, что-то дизайнерское и безумно красивое... Хорошо, что в куче одежды затесалась парочка джинсов для беременных — одни Ник безжалостно обрезала, превращая в шорты, вторые оставила неизменными. И забрала из гардероба Лина кучу

футболки и худи — продержаться до решения проблемы с домом ей хватит.

Ник вместо поцелуя легко провела рукой над волосами Лина, чтобы его не разбудить, и осторожно, на цыпочках, пошла на кухню. Квартира Лина в небоскребе на тридцатом этаже была маленькой, всего одна спальня и общая зона гостиной и кухни, но Ник она нравилась — тут все пропахло Лином, тут все напоминало о нем — от фотографий, на которых дурачились парни из отряда, до каких-то мелочей на полках. Квартира была обжитой, это главное. Не то, что её дом, в котором её саму и не найдешь. И самое главное — эту квартиру Лин купил сам, на свои заработанные деньги, хотя от клана Тигров, считай Мигеля, у него было два огромных дома — один в том же комплексе, где и дом Ник, а второй за городом. Но их своими домами Лин не считал, и Ник полностью разделяла его точку зрения.

Ник достала из холодильника контейнеры с едой — с Анной готовить завтраки и обеды было просто. Все полки холодильника просто ломились от запасов — только разогрей.

— И свари кофе... — пробормотала Ник себе под нос, доставая из шкафа с вечера смолотый кофе — это она сделала специально, чтобы утром не разбудить Лина шумом электрической кофемолки. Вот огромного мешка элитного зернового кофе, доставленного не менее элитным Бренденом, Ник будет не хватать... Да...

Надо, наверное, свести двух любителей готовить — Брендона и Анну, уговаривая открыть свой ресторанчик. Или два таких повара не уживутся на одной кухне? Только Мигель, поди, не оценит рвение Ник по осчастливливанию Анны — приличная женщина по меркам Мигеля и Либорайо должна сидеть дома и готовить. И плевать, что вампирам не нужна еда. Он обеспечил Анну едоками и всем остальным, что нужно для счастливой жизни женщины.

— Нет, решено, закончу с Ханьлем — займусь Мигелем. Теперь я его могу остановить и воспитать. — Ник привычно шептала себе под нос, привыкнув за годы одиночества.

Еда: какие-то тушеные в остром соусе овощи для Ник и жареная рыба для Лина — разогревалась на сковородках, кофе в турке пока собиралось силами, чтобы выплеснуться на конфорку, и Ник подошла к окну, рассматривая утренний Либорайо. Он её не радовал. Он был растревоженный ночной жизнью, еще не убраный, пропитанный солнечными лучами и умытый легким летним дождем, и... Он ничем не пах. Магия к Ник так и не вернулась, или её, как там Гарсия говорил, сверхчувствительность. Ник даже сложила пальцы в боевой знак — пламя не отозвалось. Быть может, она повторит судьбу старшего Санторо, лишившегося магии навсегда.

Ник зажмурилась — магия ли, наука ли, но ей не нравилось, что Ткач все так решил за неё! Только изменить она уже ничего не в силах.

В голове раздался мелодичный звук, заставляя вздрагивать и машинально искать его источник — это кто-то попытался связаться с ней по дурацкому элтелу. Некто главный инспектор Зак Клауд. Кем бы он ни был, разговаривать с ним Ник не собиралась. Она сбросила звонок. Взамен она получила текстовое сообщение: «Не смей ездить в Холм Ольхи к О Ха Нью — я тебя убью! Закат».

— Я тебя тоже... Очень убью...

Пока Ник спешно искала черный список, чтобы отправить туда Заката и неизвестного Клауда, пришло еще несколько сообщений, которые Ник удалила, не читая. Черного списка не было — оказывается, членов роя нельзя отправлять в ЧС. Рогатые орки, и что это за дрянь — рой? Понятно, когда так называют наноботов, но... Людей?! В конце концов, Ник на все сообщения Заката решила отправлять в автоматическом режиме только одно слово: «Отвали,

тварь!». После двадцатого отвали, кажется, до Заката все же дошло, что к её предложению стоит прислушаться.

Кофе на конфорке пошел шапкой пены, и Ник бросилась спасать плиту, спешно снимая турку. Сзади её обняли горячие, ласковые руки. Нос Лина уперся в куда-то за ухо, виновато сопя, а губы прошились по шее:

— Опять сбежала... Я так не играю...

— Доброе утро, Лин... — Ник откинулась назад, ему на грудь, закрывая глаза и позволяя Лину виноватиться дальше. Он развернул Ник к себе, поцеловал в губы и, приподняв за талию, посадил на кухонную столешницу.

— Доброе! — Лин заглянул в широко распахнутые от удивления глаза Ник — от Маки такого она ожидала, но от Лина... — Как самочувствие?

— Хорошее, — вздохнула Ник, поправляя рукой волосы Лина и проводя потом пальцами по его лицу — по высокому лбу, по скуле, по тяжелому, слишком выраженному подбородку... Только бы малыш его не унаследовал... По шее и голой груди — Лин не любил пижамы и майки. Он вообще одежду в постели не любил. Правда, к завтраку натянул на себя домашние мягкие штаны.

— Ясно, — кивнул Лин — он и без уточнения понял, что магия к ней так и не вернулась. — Все будет хорошо, Ники. Точно-точно.

Она подалась к нему — ей были нужны его уверенность и тепло. Особенно после Заката. Уткнулась ему в основание шеи, целуя и зная, что не Маки, на безумства не пойдет.

Лин, одной рукой прижимая Ник к себе плотнее, второй сдвинул с плиты сковородки и прищелкнул пальцами — видимо, накладывал тепловой щит, чтобы еда не остыла. Без магии Ник не понимала, что он делает, только догадывалась.

А Лин оказался неожиданно безумным — щедро ответил на ласки, даря приятное забытие. Жаль, что их прервали — раздался очередной сигнал звонка. Хорошо, что в этот раз не в голове Ник, а из интера.

Лин прижался лбом ко лбу Ник:

— Извини, малыш. Надо ответить — вдруг это о поездке звонят.

Она понятливо отстранилась. Да. Поездка. Именно сегодня утром они планировали поехать в Холм Ольхи — из-за того, что...

я безумно боюсь собственного дома с его наноботами

...автомом оставляли на Брендона, якобы для возможной внезапной эвакуации, и выезжать надо было заранее, за десять дней, чтобы приехать аккуратно к празднику Первого дня лета, на который их пригласил О Ханы... Ник поправилась — О Ха Ныль, она и его имя запомнила неправильно.

Лин тем временем принял звонок, принявшись напряженно ходить по кухне.

Его фразы были короткими и какими-то злыми.

— Да... Слушаю... Я понимаю... Присмотрите за мистером Эрреро... Охрану усилили?.. Девочек предупредите... Нет, спасибо, мы с Ник справимся сами... Мы выезжаем через час — проблем быть не должно... Спасибо за предупреждение...

Он отложил интер, и, прежде чем Ник уточнила, что же случилось, и кто этот Эрреро, руки Лина крепко прижали её к себе, а его губы как-то обречено продолжили прерванный звонком разговор. Ник не возражала. Кажется, утро у них с Лином не задалось...

Завтрак остыть не успел — Ник угадала правильно: Лин наложил на еду и кофе термополог. Забавно, среди оборотней не бывает сильных магов — только такие, как Лин,

обычные малосильные бытовые. Знать бы — почему так?

Ковыряясь вилкой в овощах, обжигаяще вкусных, только аппетит был основательно подпорчен Закатом, Ник рассматривала, как на волосах Лина, где еще виднелась розовая полоска от пони, сверкали капельки воды после душа. Она старательно улыбалась этим капелькам и пыталась быть веселой — Лин же тоже в ответ был улыбочивым и теплым, хоть и у него утро то еще... Он уже оделся по-дорожному — в брюки-карго и привычную белую футболку.

— Ники... — Лин покончил с рыбой и отодвинул тарелку в сторону.

— Да? — Ник не стала доедать, отложив вилку.

Лин не стал темнить или ждать наводящих вопросов, он сам сказал:

— Эрреро — это мой родитель номер два. Или, точнее, донор биологического материала.

Она понятливо кивнула:

— Ясно. Буду аккуратной, молчаливой и держащейся за твоей спиной.

Лин удивленно выгнул бровь и откинулся на спинку стула:

— С чего такой вывод? Не стоит ради Эрреро что-то изображать из себя. Будь самой собой, только...

— Кинжал уже на поясе.

Лин грустно рассмеялся:

— Это ты молодец, но он не даст повода. Пока ребенок не родился, он повода не даст. Я вот, собственно, о чем... Тут даже друзья не до конца верят в нашего с тобой ребенка. Эрреро же прицельно приехал проверить слухи о твоей беременности. Не принимай его слова близко к сердцу — он будет унижать специально. Как-то так. Помни, что он дрянной человек, он правды не скажет, а бить будет больно.

Ник положила свою ладонь поверх его пальцев:

— Хорошо. Эрреро не имеет никакого отношения к нам с тобой.

Лин провел пальцами по своим волосам, взъерошивая их.

— Прости, что из-за меня тебе придется выслушивать гадости.

— Я не буду его слушать и бить тоже. Это твое право. — она взяла кружку с кофе и принялась его пить медленными глотками. Не кофе в исполнении Брендона, но терпимо, вполне терпимо. Её навыки, однако, растут.

Лин встал, на ходу выпивая свой кофе, и занялся посудой — скоро выезжать.

Шумела вода, перекрывая тихий голос Лина, но Ник все же расслышала:

— Я тоже не буду его бить — я оркский альфа, но его прайд мне не нужен.

Ник даже развернулась на стуле, опираясь локтями на его спинку:

— О! Ты и на Хогуэрас так говорил! Только так и не объяснил, что же имел в виду.

Лин мягко рассмеялся:

— Да ничего хорошего я не имел в виду. Я боялся испортить тебе праздник, потому и ушел тогда. Трудно быть альфой. Мне... — его волосам снова досталось от пятерни. — Мне тяжело было видеть, как к тебе прикасались другие парни, а провоцировать...

Он замер, и Ник сама подсказала:

— Поединок...

Лин фыркнул и развернулся к Ник:

— Поединок за внимание прекрасной дамы в общественном месте называется дракой, Ник. И портить тебе хороший праздник дракой со своими же друзьями я не собирался.

Потому и ушел. Потому и... Говорил, что оркский альфа — нормальные парни не бьют морды всем подряд заигрывавшим не с его девушкой. Как-то так.

Ник замерла, не зная, что и сказать. Лин рассмеялся:

— Не принимай так близко к сердцу. Это были мои проблемы, а не твои. И такое больше не повторится. Я никому не обязан доказывать, что я альфа. А Эрреро и так знает, что я сильнее его и остановлю одной рукой. Может... Если ты не передумала... В дорогу?

Ник подскочила со стула, подавая Лину пустую кружку из-под кофе:

— Я быстро! Мне только одеться...

Лин ей в спину напомнил:

— На сегодня передают жару — не одевайся тепло...

Ник отмахнулась от него, даже не поворачиваясь.

Она натянула на себя джинсовые шорты, свежую футболку и сверху серую толстовку Линдро — не хотелось, чтобы её заметно подросший живот кто-то видел. Хватит Лину проблем, новых она не доставит. Хорошо бы, чтобы малыш походил на Лина, а то замучают потом мальчишку подозрениями... Только не дай орки ему Линовскую челюсть — такого малыш не заслужил.

Ник схватила легкий рюкзак, в котором валялись, как привык Брендон, всего лишь носки, белье и джинсы, и направилась прочь из спальни — их с Лином ждала дорога. Просто замечательно, что Лин понятливый и не настаивал на поездке в автодоме. Ник до одури боялась, что наноботы дома снова заразят её. Ей хватало и того, что наноботы Ткача в курсе её «программы». Тоже мне, предназначение, великая мать полиморфов!

Лин уже ждал у дверей, одну тяжелую сумку с вещами он забросил себе на плечо, вторую держал в левой руке, правую он протянул Ник:

— Поехали?

Она старательно улыбнулась и переплела свои пальцы с его:

— Поехали!

На стоянке их уже ждала машина из гаража Мигеля — очередной монстр, в этот раз без морды тигра на черном капоте. Всего лишь огромный внедорожник с капсулами для сна и небольшим санитарным отсеком. Мигель не подозревал, что им с Лином и одной капсулы за глаза хватает. Ультры в этот раз отсутствовали — предполагалось, что они с Лином едут в безопасные гости, а про Заката и его «убью» Мигелю лучше не знать. Лину она скажет... Потом... Позже. Когда возвращаться будет поздно.

Рядом с внедорожником стояло что-то вычурно-фейрийское с феечкой на капоте — жутко дорогой и навороченный автомобиль. Его дверь открылась, и Лину навстречу шагнул высокий, плотно сложенный мужчина в летах в сопровождении охраны. Длинную львиную гриву мужчины уже посеребрила седина. Красивый, холеный, но мерзкий лев. Наверное, хорошо, что сейчас сверхчувствительность у Ник отсутствовала — ей было бы неприятно вдыхать знакомый аромат дерева и земли с противным львиным душком.

Эрреро заступил дорогу Лину:

— Здравствуй, сын.

Лин затормозил, Ник подумала и все же встала чуть за его спиной, отыгрывая его статус альфы — ему он не нужен, но Эрреро пусть видит.

Лин молчал.

Ник тоже.

Эрреро, поправляя шелковый, жутко дорогой костюм, продолжил:

— Что ж... Манеры у тебя так и не улучшились.

Ник еле сдержала смехок — в чем-то он сильно напоминал этого... Который Алое Пламя Заката.

— Вижу, что слухи о твоей девке оказались правдой. Что ж... Тем хуже для тебя. Плод уничтожить, девку убрать, чтобы даже духу её не было рядом с тобой. Ты, конечно, не мой официальный сын и наследником быть не можешь, но такой насмешки над кланом львов я не допущу.

Ник стиснула зубы — вот что она всем плохого сделала, что уже второй за это утро её убить хочет?

Эрреро сказал, глядя прямо в глаза Ник:

— Гордишься своим пузом? Гордишься тем, что унижаешь львов?

Лин сильнее сжал пальцы Ник в своей руке:

— Мистер Эрреро... Вы не в своем прайде — советую следить за своим языком, а то так его и лишиться недолго. Еще одна подобная фраза, и я буду вынужден вызвать вас на поединок чести. Напомнить, что тогда вас ждет? Унижение от такого-то омеги, изгнанного из клана. Не вам противостоят мне. Я же одержу над вами победу, и вам придется смириться с тем, что я стану первым среди львов. Все предельно ясно? Хотя скорее всего... Я вас арестую за угрозы стражу — это карается длительным сроком.

Эрреро не ответил, продолжая смотреть на Ник.

Лин чуть заступил, скрывая Ник:

— Не советую с ней связываться, мистер Эрреро. Она сильный маг и отличный боец. Уж лучше поражение от моей руки, чем от женщины.

Эрреро фыркнул, но промолчал.

Лин же жестко добавил:

— К Анне и моим сестрам даже не вздумайте лезть — там охрана, которой плевать на статусы, вампиры не уважают оборотней. Все ясно? Тогда освободите дорогу!

Эрреро чуть отошел в сторону, провожая их взглядом. Ник не удержалась и сказала ему в лицо, пока Лин бросал сумки в салон:

— Глупый выбор был — отказаться от сына. Теперь нечего грызть локти — к вашему внуку я вас не подпущу и Лину портить жизнь не позволю.

— Женщина... Похвальба — пустое. Главное — дела, а дела...

Ник оборвала его:

— А дела таковы, что... — она замедлила время, достала кинжал и приставила его к горлу Эрреро, а потом снова запустила время. — ...вам не жить, если тронете мое. Лин — мой. Малыш — только наш с ним. Его семья — моя семья. А вы — нет. Предельно ясно?

Эрреро сглотнул.

Ник фыркнула:

— Не слышу ответа, но мне он и не нужен. Возвращайтесь в прайд и забудьте о сыне и внуке. Ему никогда не носить фамилию Эрреро.

Она убрала кинжал, чуть задерживая перед глазами Эрреро его головку с хризантемой — пусть впечатлится. Ну и пусть, что она больше не ловец, её навыки никуда не делись. Кроме магии, конечно.

Глаза одного из сопровождающих Эрреро задумчиво прищурились — кажется, глава прайда не столь безоговорочно пользовался поддержкой, как раньше.

Глава 55. Жизнь без магии

Лин помог Ник сесть в машину, и они все же отправились в Пятый округ. Что уж их там ждет с таким-то началом пути, Ник даже думать боялась. Что предпримет Закат — тайна за семью печатями, Ник совсем не понимала его, его логики, да и есть ли она у него?

Лин внимательно следил за дорогой — улицы Либорайо уже были переполнены машинами, все спешили на работу. Ник разулась и привычно забралась с ногами в кресло, пока еще могла, пока еще живот не сильно мешал.

Лин правой рукой, продолжая следить за дорогой, достал из-под её сиденья плед и укрыл им Ник:

— Если хочешь, можешь еще поспать — я планирую сегодня добраться до Соланы, это пятнадцать часов в пути.

Ник качнула головой:

— Пока спать не хочется... Ты... — она запнулась, не зная, как начать, а потом все же спросила под заинтересованным, косо брошенным взглядом Лина: — ты, правда, думаешь, что я могу противостоять Эрреро?

— Ник, не прибедняйся — я же вижу, как ты изменилась в последнее время, сейчас и Мигель тебе не сможет противостоять. Но я приложу все силы, чтобы тебе не пришлось сталкиваться ни с Эрреро, ни с кем-то еще.

— Спасибо, Лин. Я очень ценю твое отношение, я ведь понимаю, как тебе тяжело признавать наше равенство — ты вырос в другом обществе, чем я.

Увеличивая скорость и вырываясь из города, Лин ответил:

— У меня всю жизнь перед глазами пример сильной женщины. Хотя последние двадцать лет Ма сдалась и позволяет Мигелю творить с собой все, что тот считает нужным...

Ник настояла:

— Все равно, спасибо! Я ведь растеряла магию, а новые навыки не особо меня радуют.

— Не жалеешь, что не вернулась в Холм Ткачей и не разобралась по-свойски с АСУ?

Ник горько рассмеялась:

— Нет. Я сперва хочу все хорошенько узнать про наноботов, а уже потом разговаривать с Ткачем. Ничего, ему еще аукнутся мои редкоземельные металлы, будь он неладен.

Лин даже посмотрел на неё, отвлекаясь от дороги:

— Ты же понимаешь, что АСУ на самом деле не нужны были никакие внеземельные...

Ник его поправила:

— Редкоземель... — она осеклась, прикусывая губу. Редко- или... Вне-... И это странное замечание на экране о необходимости чистки, и еще нарастающие проценты загрязнения... Значит ли это что-то или нет? Неужели магия связана с этими металлами... Точнее с загрязнением среды астероидной пылью? Тогда еще не все потеряно, тогда надо просто хорошо питаться, больше пить и чаще гулять, и тогда... Ник замерла, боясь заканчивать свою мысль.

Лин не дождался продолжения от Ник и закончил свою мысль:

— АСУ не нужны были металлы. Ему нужен был приказ о расконсервации убежища, причем приказ, отданный лордом или леди. Ты первая леди, которая оказалась на его пути, только и всего. Металлы, мне кажется, тут совсем не при чем, но исчезновение магии может быть связано именно с ними. Я думаю — вы с АСУ немного не поняли друг друга, только и

всего.

— Ага! — Ник солнечно улыбнулась. — Но я АСУ еще припомню его металлы. Вернусь и припомню. — Она повернулась к Лину: — вы с Мигелем помирились вчера или...?

Лин кивнул, чуть снижая скорость — машина въезжала в какой-то мелкий городок:

— Он вчера вернулся. Мы обсуждали варианты развития событий в Холме Ольхи, так что помирились. Только что-то мне подсказывает, что Мигель ничего не понял. Он не понимает права другого на неприкосновенность тела. Парни в его присутствии разбиться боятся — Мигель же обратит, не задумываясь. Из лучших побуждений. — он замолчал, внимательно следя за дорогой.

Ник тихо сказала:

— Я почему не хотела обследоваться... Потому что никто ничего не знает о лилиграх. Так смысл в обследовании, если врачи даже толком срок сказать не могут из-за отсутствия статистических данных о размерах плода? Вот в общем-то и вся причина.

Лин бросил на неё косой взгляд и улыбнулся:

— И ты оказалась права — срок поставили какой-то совсем нереальный.

— Ребенок родится осенью. — вздохнула Ник. Времени разобраться с домом еще есть. — Давай пока не будем об этом... Лучше расскажи, что там в Холме происходит — Мигель что-то говорил?

Лин рассмеялся:

— Он сказал, что ты, во-первых, сама должна все увидеть, а во-вторых, что ты такая наивная, что тебя даже АСУ обманывают. И не спрашивай, что это значит — Мигель не стал пояснять.

— Вот же... Орк... Рогатый. — пробормотала Ник. — Ну и пусть. Вернемся — сами все увидим. У тебя, кстати, кровь на наноботы-портальщики брали?

— Угу, брали... Не знаю, обнаружат ли что-то, но взяли...

Ник увидела на улице велотележку мороженщика и пальцам стала тыкать в его сторону:

— Лииин! Лин! Останови!!!

Он усмехнулся, с трудом паркуясь у тротуара — размеры внедорожника были нестандартными.

— Фисташковое? — он тоже знал, что мороженое — лучший способ поднять испорченное настроение. А им обоим утром пришлось несладко — Эрреро та еще пакость.

Ник кивнула:

— И его тоже! И клубничный шарик, и апельсиновый...

Лин рассмеялся, открывая дверь и выпрыгивая из салона — лестницу он привычно игнорировал. Ник слишком поздно вспомнила, что оборотни терпеть не могут запах апельсинов, и рванула на Лином:

— Нет, не апельсиновый шарик, а... Эм... Персиковый!

Продавец мороженого понятиво улыбнулся, заметив живот Ник, правда, шарик с апельсиновым вкусом он уже водрузил в рожок:

— Благословенны беременные! Персик или апельсин — вечная история...

Лин лишь сказал:

— С апельсином будет мне, а второй рожок сделайте с персиком.

Ник прикусила губу, вспоминая, сколько раз из-за её вкусов Лин терпеливо пил апельсиновый сок, и сказала:

— А я и от апельсинового не откажусь...

Лин хмыкнул:

— Тогда третий рожок, пожалуйста. С апельсином и персиком, и это уже точно для меня.

Дорога вырвалась из города быстрее, чем счастливая Ник успела съесть первый рожок, второй чуть подтаивал в её руке. Со своим мороженым Лин разбирался быстро и, держа руль одной рукой, рассказывал Ник о Холме Ткачей.

— Представляешь, все уровни, даже самый нижний — всего лишь верхушка айсберга. А я-то все думал — как от ядерного удара или астероида защитит такой вот Холм, там же крыши всего ничего. Так вот, само убежище начинается на глубине больше ста ярдов! И Ткач приступил к его расконсервации... — он засунул в рот вафельный рожок, быстро его прожевывая. — Мигель сказал, что ткачи как раз собирались переселяться на поверхность и потому все склады и цеха были законсервированы...

— Ого, — только и выдавила из себя Ник, даже забывая о мороженом. Оранжевая струйка растаявшего мороженого потекла по её руке. — Ничего себе, а мне Пес ничего не сказал об этом. Я думала, что все погибло... И... Кто же работал в цехах фейри?

— Сервы, причем они вполне себе сохранились. И... — он свернул на обочину, паркуя машину. Выбрался из кресла, присев на корточки возле Ник и осторожно поцеловал её липкую и сладкую от мороженого ладонь, нагло съедая размокший рожок чуть ли не за раз.

— Варвар... — фыркнула Ник, потянувшись за поцелуем. Лин подался в сторону, протягивая салфетки:

— Остальное сама!

— Пффф... Ну и ладно! — она засунула оставшуюся вафлю в рот и принялась оттираться. Потом все же не выдержала и пошла в санитарный отсек — отмываться.

Лин вернулся за руль, и дорога вновь легла под колеса внедорожника. Ник, вернувшись в кресло, прикрыла на миг глаза — вот оно счастье. Просто быть рядом с любимым. И заниматься любимым делом. Вернулась бы магия...

— Лин...?

Мимо летели сосновые, темные леса.

— Аюшки? — отозвался тот.

— А ты веришь в магию? Точнее... Ты знаешь теорию Гарсия о магии и технологиях?

— Знаю. И магии это не отменяет. Я видел то, что никак не объяснить технологиями и наукой.

— Например? — уточнила Ник.

— Например, ты. Твоя история — те же принцы...

Она обиженно буркнула — хорошее настроение полетело к рогатым оркам:

— Это не магия, это возраст, гормоны и наноботы, будь они не ладны. Давай не будем об этом.

Лин повинулся:

— Прости, я не хотел тебе портить настроение. Но я имел в виду не программу, я имел в виду требования к принцам. Это же магия в чистом виде, причем в эту магию даже сам Закат верит. А это показатель — магия существует, вне желаний Гарсия все упорядочить. И, Ник, я не знаю, вернется ли к тебе магия, но для меня это неважно — я знаю, что ты и без неё очень сильная.

— Спасибо, — еле слышно сказала Ник. — Я надеюсь... Магия вернется.

Через три дня пути у неё получилось зажечь огонек на ладони — загрязнение достигло

50 %, если верить показаниями наноботов. Возможно, когда они приедут к Холму Ольхи, магия восстановится полностью.

К утру четвертого дня зачастил дождь — все небо обложило серыми, с темно-сизым брюшком тучами. Ни просвета, ни щелочки, ни одного намека, что эти облака где-то заканчиваются. Воздух стал жарким, душным, пропахшим прелью. Кондиционер в машине работал не переставая. Путешествовать стало не так весело — не выйдешь же под нудный дождь размять ноги, не прогуляешься по придорожным городкам, не покупаешься во встречающихся речках. О ночевках под открытым небом пришлось забыть, довольствуясь капсулой. Вдобавок, загрязнение застыло на одной цифре — шестьдесят два процента, и не двигалось больше. Всю жутко полезную пыль прибили дожди. Лин, конечно, даже в дождь выбирался по вечерам пробежаться в лигриной шкуре, чтобы скорее восстановить руку, но Ник такое не прельщало. Он возвращался мокрый, со слипшимися от влаги шерстинками, долго отряхивался, вытирал лапы, раздирая когтями очередной коврик, потом превращался обратно в человека и все равно грязными, босыми ногами шел в санотсек, а за ним, деловито жужжа, полз недовольный робопылесос... Лин выходил из отсека, натянув на себя только домашние штаны, и терпеливо протягивал Ник правую руку. Ник сама так решила — перед сном она, сидя на краю открытой капсулы, долго и крайне бережно разрабатывала ему пальцы. А еще они много болтали обо всем на свете, прижавшись в темноте капсулы друг к другу. Потом Ник долго вслушивалась в ровное дыхание Линдро — он засыпал легко, это она то не могла найти удобную позу, то мерзла, прижимаясь сильнее к горячему Лину, то пережидала, когда малыш успокоится и прекратит играть в футбол или во что он там игрался, пиная Ник изнутри... Иногда даже она выбиралась прочь из капсулы, чтобы не мешать Лину спать — ему же весь день сидеть за рулем. Засыпала в пассажирском кресле, но упорный Лин возвращал её в капсулу — она даже не просыпалась, так он был аккуратен.

Мир скукожился до ста ярдов перед машиной, исчезая в серых, долгих струях воды. Городков стало меньше, словно они растворились в дожде. Даже зоны не встречались — уже который день ехали, не пересекая Границ, все зоны остались у Либорайо.

Для Ник сперва было дико — уже шестой день они ехали на юго-восток, и ни разу не пересекли Границ. Не то, что север округа — там и часа не проехать без зон. Это уже потом Ник сообразила, что, во-первых, южные земли округу важнее, они более плодородные, чем северные, так что первым делом после войны чистили именно их, а во-вторых, противник... Ник нахмурилась, не зная теперь, как называть войска оборотней и людей. И там, и там были свои. Войска шли с севера, после капитуляции Либорайо мелкие южные городки и не оказывали сопротивления. Тут войны почти и не было, не то, что в сторону Сорок первого округа — на юго-запад. Там от земель Третьего округа мало что осталось. Дикая поля хаоса.

Первая зона показалась лишь к вечеру шестого дня — одинокий пост со скучающим стражем. Лин притормозил — от дороги вглубь зоны вела узкая грунтовка. Сама дорога старательно огибала зону, сворачивая на восток.

Ник оживилась, весь день сонно сидя в пассажирском кресле и слушая аудиокниги одну за другой:

— Проверим? Лиинин! Давай проверим, ну, пожаааалуйста! — она даже руки молитвенно сложила.

Лин, доставая из перчаточного отделения какие-то бумаги в кожаном планшете, рассмеялся:

— Ты даже мороженое так не выпрашивала...

— Сравнил, — опешила она. — Так...?

— Сейчас заберу данные о зоне и... — он с трудом сдерживал улыбку, — и посмотрим.

Ник уточнила:

— Зону или возможность?

— Зону, зону посмотрим. И я помню, по-твоему, кланы — это жутко прогрессивно, но Мигель не настолько прогрессивен, чтобы отправить нас с тобой в поездку, не загрузив заданиями.

Ник, вскакивая с кресла и спешно натягивая на себя дождевик, фыркнула:

— Хвала непрогрессивному Мигелю, а я ведь честно думала, что нас с тобой за красивые мои глаза отправили в отпуск...

Лин, выпрыгивая в дождь, хмыкнул. Он обошел машину и подал руку Ник, помогая ей спуститься. Грация леди к ней может и вернулась, но наложила на неуклюжесть беременной.

— Его даже мои красивые глаза на такое не сподвигли. — пожаловался Лин. — А уж глаза доктора, закрывающего мой больничник, Мигель совсем проигнорировал. Так что официально мы в инспекции южных зон находимся...

Ник чуть ли не приплясывала под струями воды:

— Там нет дождя... Там нет дождя!

Лин оценивающе посмотрел на небо, на плотный слой низких туч:

— Скорее всего нет. А я думал — ты любишь дождь, ты же обожаешь осень. — Его лицо намокло, словно он плакал... Капли текли по коже ручейками... И у Ник почему-то защемило сердце — глупо и странно. Все же что-то с её наноботами и гормонами не то. Она прикоснулась пальцами к щеке Лина, только вытереть капли не получалось — снова и снова падали новые.

Ник прикусила губу и, не выбирая дороги, прямо по лужам понеслась под защиту навеса на посту. Она выбралась из-под капюшона и только тогда ответила:

— Я люблю дождь, но зимой. Когда сидишь в уютном доме, смотришь в заплаканное окно с кружкой горячего кофе в руках и думаешь: какое счастье, что тебе никуда тащиться не надо.

Лин, здороваясь кивком со стражем и показывая ему сразу два жетона — свой и Ник, возмутился:

— Зимой должен идти снег, южная ты моя девочка! — он направился внутрь поста, а Ник отмахнулась от его приглашения:

— Я останусь тут. — Проблемы дождя и снега зимой её не волновали, ей хотелось знать, есть ли сейчас дождь в зоне. Границы не попускали низкие облака. Надежда на ясную погоду была.

Она зашла за Границу, приветливо распахнувшуюся перед ней в жаркое, пыльное лето. Пахло разогретой смолой кедров, сухой землей и немного цветами. В синем небе висело яркое летнее солнце. Самое-то, чтобы поднять настроение, испорченное дождями. Здесь-то мороженое не купишь...

Лин вернулся быстро, закрывая кожаный планшет на ходу:

— Вижу, зона уже осмотрена и признана годной. Верно, Ник?

Ник обернулась на него, улыбаясь:

— Неопасно. Во всяком случае мне так кажется.

Страж за спиной Лина подтвердил:

— Сейчас совершенно неопасно. Нежить спит — она тут зимой колобродит. Говорят, крионезить...

Ник нахмурилась — сразу вспомнился Тамиор и... Кое-что другое. Лин тоже посмурнел, уточняя:

— Значит, сейчас...? — кажется, он тоже вспомнил Ледяной Холм.

— Абсолютно безопасно, — с трудом сдержал зевок страж.

— А речка есть?

Страж кивнул:

— И речка есть, и мост сохранился. И крюк давать не придется. Учтите только, что дорога плохая. Очень плохая, — он обернулся на внедорожник, оценивая его, — но ваше чудовище должно справиться. Наши к мосту и на более худших машинах выбирают. Если хотите отдохнуть, то у моста наши небольшой лагерь устроили — там и навес есть, и стол, и кострище... Тут летом хорошо, а вот зимой даже в бронедоспехах не суются.

Ник выжидающе смотрела на Лина — сама она и впереди машины готова была рвануть, так устала от дождя, но у Лина звание выше, а она сейчас орков страж, угораздило же... Надо будет съездить в Сорок первый округ и все же решить проблему со своим временным умертвием. Быть стражем после того, как был ловцом — слишком мелко. Хотя... И быть ловцом, если честно, не особо хотелось. Пакт о совместном проживании видов, соблюдавшийся в Сорок первом, стал её откровенно бесить.

Лин посмотрел на Ник и улыбнулся:

— А, поехали, отдохнем — мы опережаем график. Подожди тут, схожу за машиной...

Уже сидя на пассажирском сиденье, Ник посмотрела на задумчивого Лина и тихо спросила — слова о крионезити не давали покоя:

— Мы сейчас с тобой об одном и том же думаем? — Ведь отдых отдыхом, а крионезить сильно отдавала Ледяным Холмом.

Лин, внимательно следя за дорогой — она была узкой для их монстра, вздохнул:

— Бункер...

Ник не сдержала улыбку — Лин всего лишь притворялся, что умеет только взрывать и отступать. Он был очень сообразительный и умный, а там, где ему не хватало знаний, без труда признавался в собственном невежестве и просто учился.

— Да, бункер в Ледяном Холме, — повторила за ним Ник. — Ты говорил, что тогда даже Крови Холмов не нашли... Может, потому, что все лорды успели укрыться в бункере?

— И вот где тогда они сейчас? — хмуро сказал Лин, лихорадочно крутя руль — дорога петляла среди деревьев. — Все эти ледяные лорды и леди... Они же явно злы на округ и его руководство...

— Ушли порталами и смешались с лордами других Холмов? Или до сих пор заблокированы в бункере.

— Может быть...

Ник не хотела вспоминать, а тем более говорить это именно Лину, но надо:

— Тамиор свободно пользовался магией, именно тем, что мы называем магией. Я так понимаю, что, судя по названию, все лорды практиковали лед...

Лин повернулся к Ник:

— Ты хочешь сказать, что, возможно, они все были изгоями?

Она пожала плечами:

— Не знаю... Но Тамиор преподавал в Университете, и, по словам Дена, хорошо преподавал... И он пользовался льдом, как и все остальные лорды.

— Значит, надо будет встретиться с Закатом и уточнить у него про Ледяных. Быть запертым заживо даже в бункере для выживания — так себе перспективы...

Он не стал говорить, что если все ледяные — изгои, то и порталы для них закрыты. Это и так очевидно.

— Займемся? — осторожно предложила Ник, не упоминая пока, что Закат снова грозился её убить.

— Займемся, — подтвердил Лин, тормозя перед мостом у довольно добротной сделанной зоны отдыха. — Но сперва разберемся с Ханyleм. — Он распахнул дверцу и встал: — А ничего тут, хорошо...

Ник с ним согласилась — ей было всегда хорошо рядом с Лином.

Глава 56. Мир без магии

Темнело быстро, и, пока Ник задумчиво ходила по берегу реки, Лин первым делом развел в каменном кострище костер — дрова были кем-то уже заранее собраны под навесом, бери и пользуйся, только не забудь потом наколоть новых.

Ник, не оценив мутную из-за дождей воду, присела на широкое, удобное бревно у костра, глядя как танцует разгорающееся пламя. Все же что-то древнее, еще от Темных веков или даже пещерного времени осталось в каждом человеке, просыпающееся при свете яркого пламени. Что-то... Обещающее защиту, что-то говорящее, что пока есть огонь, будет и будущее. Вспомнился Гарсия, у которого будущего и не было, как у всех вампиров.

Лин на всякий случай, не веря заверениям стража о безопасности зоны летом, чертил ножом на земле защитный круг. Ник даже губу прикусила — если верить Гарсия, то все их знаки, все их обереги, защитные круги и пентаграммы, это всего лишь глупый ритуал.

— А ведь защитный кру...

Лин выпрямился, очищая нож от земли:

— Не доказано. Я верю Гарсия, но знаю и другое — магия есть, и отказываться от ритуалов странно. На мой взгляд.

Ник пожала плечами:

— Если верить Гарсия, то становится понятно, почему в зоне двести шесть так полыхнуло при упокоении захоронения ткачей. Это не я ошиблась с глубиной защитной гексаграммы. Это вообще никак не связано было с гексаграммой. Это все моя кровь — мои наноботы столкнулись с наноботами ткачей, помогая им восстановиться или проснуться, уж не знаю, что делают наноботы после смерти носителя, и вот... Полыхнуло. Кто его знает, как были связаны ткачи со своими ивами... Может, экспериментировали с ними с помощью наноботов.

Лин чуть прищурился, проверяя гипотезу Ник на прочность.

— Очень может быть. Да, очень может быть. Надо будет это сообщить Гарсия, если он сам уже не понял это. — он взъерошил свои волосы, — есть будешь?

Ник кивнула:

— Сейчас принесу...

— Сиди, — отмахнулся Лин, — я сам принесу. Засиделся за день за рулем.

Он направился в машину за саморазогревающимися контейнерами с едой. В дороге ими питаться было проще, чем пытаться готовить.

После ужина, уже в полной темноте, Лин приготовил для Ник постель у костра — термоковёр и спальный мешок. Себе он спальный мешок не захватил — значит, вздохнула Ник, опять будет спать в лигриной шкуре. Опять будет караулить, несмотря на спокойствие в зоне. Альфа, что с него взять.

Тихо плескалась в темноте река. Звенели где-то за защитным кругом комары, подтверждая — а магия-то действует, не пропускает их. Или это особые, местные, крайне деликатные от рождения комары. Пели какие-то птицы. Вот уж кому не повезло с зонами и Границами — из зон не могли мигрировать ни птицы, ни звери, ни рыба. Границы не пропускали никого. На той же Бланке это уже отразилось — разнообразие рыб резко упало. Скоро экологическая катастрофа из-за Границ станет необратимой, надо решать с зонами до того, как все станет слишком плохо.

Лин перед сном пошел купаться. Ник забралась в спальный мешок и принялась ждать Лина. Он плескался долго — тигры любят воду. Потом так же долго обсыхал у костра. Потом только, натянув на себя толстовку и штаны, прилег рядом с Ник, притягивая её к себе. Уткнулся носом в основание шеи и тихонько спросил:

— О чем думаешь?

Ник приподняла руку вверх, указывая на звезды. Там одна как раз медленно плыла в куда-то по своим неведомым делам.

— О мире... О звездах... Обо всем сразу...

Лин откинулся на спину, тоже рассматривая звезды.

— Мне Ма говорила, когда замечала летающую звезду, что это ангел летает, смотрит на все происходящее... И не смейся... Ей так говорила её мать. Она же родилась, когда только-только появились первые тракторы, автосеялки и комбайны. Не было ничего, только лошади, а тут рррраз... И бурный рост науки, техники, открытия одно за одним, небоскребы, машины, спутники... Для меня эти до сих пор летающие спутники так ангелами и остались. Умом понимаю, что эта техника лордов, но... — он замолчал, потом уточняя: — глупо, да?

— Почему же... Не глупо, Лин. Просто непонятно все. Не было ничего, а потом, ты правильно говоришь — рррраз, и все есть. А сейчас опять — словно стирают все, стирают нас. Исчезли самолеты, исчезла железная дорога, что лорды сотрут следующим?

— Иногда мне кажется, что сами лорды не могут договориться друг с другом по поводу нас. Сидят там под землей и не знают. Кто-то что-то предпринимает, что-то делает, а потом все решают — да нет, фигня получилась. И, ты права... Берут и стирают нас. Не думаю, что за время первых десятилетий хаоса погибли все ученые, все знающие люди. Не думаю, что не пытались восстановить привычный образ жизни... Три столетия людей волновало только земледелие и ничего больше? Только выживание?

Ник даже повернулась к Лину, заглядывая в глаза:

— Знаешь, что меня еще тревожит?

— Что? — он тоже лег на бок, осторожно пальцами поправляя напоздние Ник на лицо волосы.

— Что цивилизация, способная создавать наноботов, убежища и фейри-машины, ничего после себя не оставила. Где города? Где мегакварталы, разрушенные временем и опутанные лианами? Где небоскребы или хотя бы отдельные дома? Где их дороги? Гигантские развязки и хайвеи... Где их ржавеющие машины... Ничего же почти нет. Ничего. Я сколько путешествую, почти ничего не видела из прежних времен. Ладно, бетон не выдерживает, но металлы? Какие-то остовы должны были остаться... Но кроме Холмов от прежней Земли ничего не уцелело.

Лин вновь откинулся на спину, одной рукой обнимая Ник, вторую закладывая себе за голову.

— Я видел... Видел то, что осталось от прежних людей.

— Где?!

— На экваторе. Был там по заданию в поисках лаборантов из проекта «Лилигрицы». Там... Вдоль экватора с разницей в пятьдесят миль идут одинаковые здания, одно за другим. Что-то уже разрушено, а что-то еще работает, непонятно гудит за защитными экранами. Я пытался понять, что это значит, но тогда мне не хватило знаний. А самое интересное, что по ночам над каждым таким зданием висит, не сдвигаясь, маленький ангел. Висит и смотрит... Потом уже Гарсия, когда пришел в клан Переса, объяснил... Ему в больнице, когда

регенерировала его нога, скучно было — шутка ли, три месяца без движения... Он тогда и попросил Мигеля присылать ему для разговоров стражей. Мы же многое видим в зонах, понять только не в силах. Когда я рассказал Гарсия о спутниках и зданиях, он выдвинул предположение, что это космические аппараты, накапливающие солнечную энергию и передающие её по микроволнам на Землю. Лорды же откуда-то берут электричество для своих убежищ. Причем электричество настолько дешевое, что его хватает и на нас — точнее на производство техники на продажу. Может, конечно, у них в убежищах и термоядерные реакторы стоят, или просто атомные, но... Одно то, что спутники до сих пор не упали и не сгорели в атмосфере, говорит о том, что ими постоянно пользуются. И это отнюдь не мы.

— А дома? Дома ты видел?

Лин отрицательно качнул головой:

— Ни разу. Говорят, что в южных землях, не тех южных, которые ничейные, а совсем южных, у полюса, там что-то сохранилось.

Ник не удержалась и мечтательно сказала:

— Вот бы поехать и собственными глазами увидеть... Увидеть то, что лорды не стерли.

— Знаешь... — Лин начал тихо, словно стеснялся. — Я думал о наноботах... Мигель давно хотел пробраться в Холмы, а тут Гарсия со своими порталыщиками и кровью Холмов... Меня Мигель сразу в проект поиска Крови поставил. Так вот, я думал о том, что происходит с наноботами после гибели хозяина.

— Иии? — Ник его поторопила — интересно же! Ясно, что многие наноботы не выживают, иначе нежити было бы в разы больше, но ведь нежить есть, и сохранившиеся наноботы, значит, тоже.

— Я не знаю, как все работает на самом деле, но если проводить аналогии, например, с клетками крови, то... Понятно, что должны быть наноботы-репликаторы, то есть те, кто создает наноботов, должны быть контроллеры, те, кто отвечает за количество вырабатываемых наноботов, и киллеры — те, кто уничтожает лишнее, сумасшедшее или неисправное. В случае гибели макрообъекта его наноботы должны быть уничтожены. Но мы знаем, что это происходит не всегда. Выжившие АСУ, выжившие наноботы в зоне хаоса, может, еще что-то или где-то. И эти наноботы нуждаются в энергии и материалах для своего функционирования — хозяина, обеспечивающего их этим, ведь уже нет. И одно дело, когда выживают простые наноботы, узкоспециализированные, типа тех, что пытаются оживлять погибших, и совсем другое, когда выживают киллеры — тогда все потенциальные носители наноботов в округе становятся их жертвами. И совсем страшно, если выживают репликаторы без контроллеров.

Ник даже села:

— Рогатые орки... Это же неконтролируемая нанотолпа...

Лин кивнул:

— Рано или поздно превращается не в нано, а макрообъект, нуждающийся в еде. Пока это только мои личные страшилки из разряда «что бы было, если бы...», но... Исчезновение за первые годы после Катастрофы всех материальных ценностей прежнего человечества как бы... Намекает, что такая макротолпа нанообъектов уже могла быть. Конечно, многое было разрушено цунами, многое было разобрано для выживания, многое погибло в ядерных взрывах лишившихся контроля атомных станций, но...

— Надеюсь, лорды справились с репликаторами.

— И с магами хаоса, Ник. Маги хаоса могут быть носителями как раз вот таких

сумасшедших репликаторов. Иным их возможности сложно объяснить.

Ник передернула плечами:

— Ужас.

— Прости, не хотел пугать. Просто ты спросила, я и...

Она легла обратно, прижимая Лина к себе:

— Нет, лучше знать и думать о худшем, чем оказаться неготовым...

— Ты права... И ложись-ка ты спать. Поздно уже. Спи, малыш.

Ник буркнула:

— Я не малыш, мне двадцать пять. Наноботы так утверждают. Так что, кто там смеялся, что я замужем, беременна и в восемнадцать?

— Я поговорю с Мией, она так больше не будет. Хотя, именно с её точки зрения, ты состоялась как женщина.

— Я не женщина, я ловец, боец и, прежде всего, человек. Вот это важнее, чем все остальное перечисленное, Лин. Я человек.

— Я знаю, Ники, я знаю. Спи...

Она закрыла глаза, а мысли продолжали скакать дальше... Может, в этот раз лорды и стирали их будущее, но раньше, наверное, не всегда они были виноваты в отсутствии прогресса. Во всяком случае хотелось верить, что лорды не безнадежны. Заката, впрочем, это не касается. Этот оказался неисправим со своим «убью». Стоило исчезнуть с его глаз, как его вера в неё тут же пропала.

Среди ночи Лин не удержался — превратился-таки в лигра и пробежался по окрестностям, проверяя и охраняя. Ник сквозь сон почувствовала его уход, как и возвращение — уж сильно пахучий он в звериной ипостаси. И очень горячий, любит подкатываться во сне, прижимая тяжелой лапой к себе. Когда она проснулась утром, он уже был человеком — слегка мокрым после купания и немного голодным — он терпеливо ждал её пробуждения, сидя у костра.

А потом опять была дорога, и множество вопросов, крутящихся на языке. Хотелось верить, что О Ха Ныль знает на них ответы — встретаться с Закатом не хотелось.

За оставшиеся три дня по дорогам Третьего округа им попались еще пять зон — интересные до ужаса, но развернуться и изучить их Лин Ники не позволил, времени до праздника первого дня лета оставалось всего ничего — только добраться до Холма Ольхи, расположенного на стыке Пятого, Третьего и Двадцать первого округов. Закат, кстати, затаился, больше не пытаясь связаться с Ник и не присылая сообщений. Наверное, это к лучшему, во всяком случае, Ник на это надеялась.

Последний день весны они неслись по очаровательным дорогам Пятого округа, но Ник не обольщалась красивыми видами — пусть её магия не до конца вернулась, но страх тут чувствовался и так. Хорошо, что Лин этого не чувствует. Он искренне радовался пейзажам. Если забыть о лордах и страхе, тут, и впрямь, жить бы и радоваться.

К Холму Ольхи подъехали в сумерках, паркуясь на огромном, заросшем цветами луге. Ник долго чистила перед визитом в Холм свои единственные джинсы, сменив футболку на что-то вычурное, купленное Анной — какая-то дизайнерская блузка, утопавшая в кружевах. Лину она явно понравилась — он так пристально рассматривал её с улыбкой на лице, что Ник не удержалась:

— Даже не надейся, такое только по праздникам. В будни я такое носить не буду. — она собрала отросшие волосы в высокий хвост, и решила, что собралась. Жаль, оружие с

собой нехватишь, не дадут пронести в Холм. Впрочем, не стоит забывать, что она сама и есть оружие.

— Ясно! — послушно кивнул Лин, натягивая на себя свежую футболку, а поверх неё надевая темно-зеленую, в тон глазам рубашку, чтобы скрыть эмблему Седьмого штурм-отряда. Изменять привычным джинсам он не стал. — Готова?

Ник глубоко вдохнула и... Она не была готова. Она подозревала, что все это может оказаться одной большой ловушкой на неё саму. Пусть О Ханыль и убеждал её в полной безопасности, но он мог это делать с пистолетом у виска. Да и... Ханыль не лорд, он и соврать может запросто. Зайти в Холм, ища ответы на прошлое, легко, вот выбраться из Холма... Та еще задача может оказаться. Тянуть же за собой в ловушку Лина, не имеющего никакого отношения к её прошлому и лабораториям, настоящее преступление. И это еще мягко сказано, а если учесть намерения Заката... То лучше Лина запереть в машине и никуда не пускать. Только он этого не поймет.

Он словно догадался, о чем она думает — обнял, прижимая к себе и успокаивая:

— Все будет хорошо... Брендон нас пугает. Ты просила не говорить тебе о планах, чтобы ты не сказала правду на прямо заданный вопрос кем-то из лордов, но... Ники, нас пугают, и пугают надежно. Все будет хорошо.

Она потерлась носом о его рубашку:

— Хорошо бы... Мне страшно, если честно. Я не хочу рисковать тобой.

— Я не рискую, я знаю — куда и для чего я иду, Ник. Честное слово.

— Ясно, — ответила она его любимым словом. — Тогда... Пошли?

Он отпустил её:

— Все будет хорошо, Ники.

Она глубоко вдохнула и отправила в корзину, не читая, сообщение от Заката — проснулся, как говорится!

Солнце скрылось за холмами, погружая мир в приятные сиреневые сумерки. Еще чуть-чуть, и темнота обрушится, скрывая луг, дальний лес, припаркованные машины все сплошь с номерами чужих округов — на праздник приехали чуть ли не со всего мира. Ник заметила даже номера Тридцатого округа, лежащего за Восточным проливом.

Лин привычно помог выбраться из машины, переплетая тут же с Ник пальцы. Пахло жарой, негой и страхом. От него в Пятом округе никуда не деться.

Холм был богато украшен разноцветными флагами, подсвеченными яркими фонарями. Ворота Холма были широко распахнуты для всех желающих, цветочные гирлянды свисали с прочных, деревянных дверей. Привратники в начищенных до зеркального блеска доспехах стояли у дверей, приветствуя многочисленных гостей — основная масса оборотней, вампиров и просто людей приехала раньше.

В голове Ник что-то резко взорвалось, так что она даже с шага сбилась, подхваченная рукой Лина.

— Малыш? Что случилось? — голос его звучал старательно ровно, но Ник знала, он хорошо умеет прятать свой страх.

— Я... Сейчас... — она сжала раскальвающиеся от громкого, резкого звука вызова по элтелу виски. Красная предупреждающая надпись на внутреннем экране сообщала, что игнорировать звонки властей она не имеет права. Если она не примет входящий, то скоро к звуковому сигналу присоединится болевой. Пришлось принять звонок от некоего Зака Клауда.

Холодный, прямо-таки ледяной голос Заката ей сообщил:

— Ник, нам надо поговорить.

— Нам не о чем говорить... — на всякий случай Ник это сказала вслух, не зная, как работает этот самый элтел. Лин старательно подавлял рвущиеся из него вопросы. Просто стоял рядом и осматривался, оценивая обстановку. — И вообще, меня для тебя нет.

— Я. Тебя. Вижу! — не выдержал Закат.

— А я тебя нет. — все так же вслух ответила Ник, и опешила от сменившего тон Заката. Он тихо, обреченно уточнил:

— Ник, ты собираешься отправить на смерть собственного мужа? Я думал — ты дорожишь им.

— Иди к рогатым оркам! — буркнула Ник, сбрасывая звонок. Она устала от внезапных перемен в Закате. Словно безумец, словно в нем живет парочка личностей — один придурок с загонами лордов, второй вполне нормальный. И с нормальным, умеющим приходить на помощь, лечить и спокойно разговаривать, можно даже дружить.

Лин терпеливо стоял рядом. Ждал, когда она придет в себя.

— Тут Закат. — все же выдавила из себя Ник, прижимаясь к Лину.

— Знаю. Я его вижу. — Он аккуратно за плечи развернул Ник в нужном направлении.

Глава 57. В Холм!

Закат стоял в ярдах тридцати, одетый внезапно понятно — джинсы, однотонная, расстегнутая до груди рубашка, из-под которой торчала футболка. Почти как Лин... Закат словно только-только вернулся откуда-то и не готовился к празднику — пропыленный, уставший, заросший двухдневной щетиной. И мечтающий убить, напомнила себе Ник. Не стоит обольщаться его простому, вполне человеческому виду. Он хоть и человек внешне, но внутри тварь, готовая убивать в угоду устаревшим законами. Ник прикусила губу, узнав в утомленном Закате саму себя. Она тоже год назад была готова убивать в угоду устаревшему Пакту. И вот что с этим делать, а? Лин и парни тогда ей доверились, а она?..

— Поздороваемся с ним, Ник? — предложил Лин.

— Куда от него деваться, — пробурчала она, послушно шагая за Лином к Закату. Тот натужно улыбнулся и тоже направился к ним. Встретились они на середине пути, возле какой-то представительской машины из Сорок первого округа — надо же, даже эти сюда приехали...

— Недобрый вечер, — поздоровался Закат.

— Недобрый, — удивленно ответил Лин. — И чем же он недобрый?

Закат тут же резко сказал:

— Вам не стоит ходить в Холм Ольхи. Ольха не держит слово. Это ловушка, Лин. Убеди свою жену и мою невесту, что быть вдовой ей не пойдет.

Ник не выдержала:

— Уже передумал убивать меня? Теперь грозишься убить Лина? — ей остро не хватало кинжала. Не для убийства, а просто для уверенности.

— Так, тихо! — Лин встал между Ник и Закатом. — Давайте поговорим вежливо и достойно.

Ник старательно спокойно сказала:

— Он угрожал перед нашей поездкой убить меня.

Закат, так же пытаясь говорить мягко, фыркнул:

— Это была гипербола. И я с тех пор передумал. Я хорошо питался, — сказал он совсем непонятно. — Лин... Это ловушка.

— Мы знаем, — ответил Лин.

— Я не смогу прийти вам на помощь, если вы на это рассчитываете.

Ник ядовито заметила:

— Мы на это даже не надеялись. И не бойся за нас, мы с Лином маги. Мы можем за себя постоять.

Закат обреченно заметил:

— Магии не существует, Ник. Тебе ли не знать.

— Магия существует, — мягко возразил ему Лин.

— Нет. — Закат качнул головой. — Это всего лишь галлюцинации от астероидной пыли.

Ник не выдержала и напомнила:

— Ты сам веришь в магию.

— Это потому, что у меня шизофрения в тяжелой форме. — признался Закат, глядя себе под ноги. — И конкретно сейчас у меня обострение с яркими галлюцинациями. Так что

рассчитывать на помощь сумасшедшего — последнее дело. Даже будь я здоров... Меня не пустят в Холм Ольхи без веской причины. Ваше убийство, точнее убийство одного из вас — веский повод, но он мне не нравится. И... Лин, учти, Ник не тронут, её, полагаю, опять будут клонировать. Или ставить на ней эксперименты. Или еще что-то. Ольга знает о полиморфах чуть больше, чем я.

Ник, победив свое раздражение, тут же спросила — спорить о магии и её существовании не хотелось, тем более с безумцем с официальным диагнозом:

— Ольга — это так зовут главного в Холме? Удобно — Холм Ольга и правитель Ольга.

— Ольга, — поправил её Закат, — это не только Холм, не только глава Холма, это весь рой. Кажется, ты плохо помнишь жизнь в Холмах.

— Точно, — согласилась Ник. — Я её вообще не помню.

— Тогда тебя ждет множество сюрпризов. Может, ты все же обойдешься без них? Не ходи в Холм Ольхи. Если дело в элтеле и Лине, то... Хочешь, можете навестить Холм Справедливости и там воспользоваться нейросетью. Через неё тоже можно сбрасывать фотографии.

Ник покраснела — Закат легко угадал одну из причин для посещения Холма: Ник надеялась, что там найдется возможность показать Лину кое-что... Точнее кое-кого. И прижать-таки к стенке!!! С таким-то сюрпризом...

Лин вмешался раньше Ник:

— Нам нужно прицельно в Холм Ольхи. Мы хотим поговорить с О Ханьлем.

— Он мразь, которую я не убил. — напомнил Закат. — Что еще нужно вам знать о Ханьле? Он держал Ник в клетке и ставил на детях эксперименты. Запрещенные эксперименты. Что вам от него нужно?

— Правду, — тихо сказала Ник. — Правду, которую знает только он.

Напоминать Закату, что он вообще пытался убить её, когда она была ребенком, Ник не стала.

Закат пожал плечами:

— Хорошо, Ник. Надеюсь, ты понимаешь, что судьба твоего ребенка и твоего мужа в твоих руках. Только от твоего решения зависят их жизни. И... Не отмахивайся от моих звонков по элтелу. Прошу — я постараюсь вам помочь.

— Что такое этел? — не выдержала Ник.

— Это электронная телепатия.

— О... — Ник ошарашенно замерла — а ведь могла же сама догадаться! Она подхватывала мысли Дена и той феири из больницы, и мысли Тамиора... С последним она вообще разговаривала! Телепатически. И не поняла этого. Рогатые орки, какая же она глупая иногда... Лин хотя бы отдает себе отчет в том, что многого не знает, она же автоматически все сваливает на магию.

Закат осторожно провел пальцами по щеке Ник, поправляя выбившуюся из хвоста прядку волос:

— Береги себя и мужа. И ребенка. Звони мне по элтелу в случае опасности. Не задумываясь звони. Я что-нибудь придумаю.

Ник выругалась про себя — сейчас Закат был понятен, им легко можно было очароваться и поверить в его равнодушие. И, быть может, ошибиться. Она лишь кивнула, не зная, что ответить такому Закату. Он уже протянул руку Лину для рукопожатия:

— Осторожно там, не верьте никому. Лин... Еще... Ты не знаешь, но в конце главного

коридора любого уровня есть двери с пометкой ОШ — основная шахта. Она ведет в бункер. Там сразу же справа от ОШ расположены помещения с порталами. Заходишь в любой из них и говоришь адрес: «Холм Справедливости!». Тебя переправят в безопасное место. Запомни — Главный коридор, силовая шахта, портал в Холм Справедливости. Это, быть может, твой единственный шанс на спасение. И... Удачи.

Лин крепко пожал на прощание руку и, взяв Ник за ладонь, пошел прочь. К Холму.

Ник не выдержала:

— Странный он. Очень странный. Заметил, да?

— Злишься, что он тебя не пригласил в Холм Справедливости?

— Обидно, конечно. Мне он этого даже не предложил.

Лин грустно улыбнулся:

— Он просто знает, что у тебя есть собственный Холм, который в случае необходимости откроет тебе портал. А еще... — он наклонился к самому уху Ник и прошептал: — Ткач нас страхует. Он откроет портал и примет нас.

Ник вздохнула, направляясь между рядами машин к Холму. Ноги утопали в цветах, которые топтать было откровенно жалко, но иной дороги не было. Лорды редко покидают Холмы...

— Я одного понять не могу — почему при наличии наноботов-портальщиков, спокойно живущих в крови, надо перемещаться через Холмы, а не самим по себе? Казалось бы — рррраз, и сам открыл себе портал, раз наноботы-портальщики существуют.

Лин пожал плечами:

— Я вижу тут две проблемы, как минимум — гематоэнцефалический барьер, не пропускающий, возможно, слишком больших по наномеркам портальщиков, и затраты энергии, требующиеся для переноса. Возможно, есть что-то еще. Можно будет потом уточнить у Заката. Если захочешь.

Ник обернулась назад — Закат так и стоял в проходе между машинами и пристально смотрел им вслед. Пальцы сжал в кулаки, голову чуть опустил вниз, смотря исподлобья — напряженный, как перед боем. То ли, действительно, волнуется, то ли... Еще что-то. От Заката можно всего ожидать.словно неразорвавшийся шар плазмы. Наверное, она первые дни в Либорайо была такой же.

— Сумасшедший, который так спокойно сообщает о своем диагнозе. Таким странном диагнозе... — Ник задумчиво добавила: — Одним для всех нас...

Лин притянул её к себе и поцеловал в макушку, тут же отпуская — тоже волнуется:

— Зато мы теперь знаем, почему лорды не помогают нам — психиатрическим больным дают лекарства, а не технологии... Мы все для них — сумасшедшие. И еще... Лорды все же знают о магии, точнее о том, что есть явления, которые они не могут объяснить. Только спихивают их в область психиатрии. М-да...

Ник дернула Лина за руку:

— Они считают сумасшедшими нас, а мы...

— ...считаем сумасшедшими их. Это если верить теории Гарсия. Учитывая странности в поведении Заката, я готов на что угодно спорить, что теория в чем-то верна. Закат ведет себя крайне непредсказуемо, хоть я по-прежнему готов утверждать, что он не тварь. Может, если понять, что заставляет его так меняться, то, мы могли бы и друзьями стать.

— Знаешь, что это значит? — Ник заглянула Лину в лицо.

— То, что их всех, начиная с Заката, надо спасать.

— Так и представляю себе — насильный вывоз на поверхность и загрязнение астероидной пылью — не зря же лорды брезгуют нашей водой и едой. И они нас проклянут, потому что не забудут, что магии не существует, а вот шизофрения для них реальность.

На внутреннем экране, который Ник старательно пыталась игнорировать, стали стремительно изменяться цифры. Ник даже остановилась — не могла она привыкнуть к чуть закрывающему обзор экрану.

— Ник? — Лин тоже остановился. — Что-то случилось?

Она кивнула:

— Эта тварь... — она чуть не задохнулась от возмущения. — Забрала у меня свои наноботы! Еще утром содержание наноботов роя Бродяга было пятьдесят процентов, а сейчас — остаточные следы. Вот же... — Она замотала головой, пытаясь хоть что-то понять и унять раздражение. — Или это хорошо? Я теперь без его наноботов, я теперь знаю, что он вмешаться в меня не может. Это же хорошо?

Лин задумчиво пожал плечами:

— Наверное. Только... Почему именно сейчас?

Ник посмотрела на ворота Холма, на стражников, на яркий украшенный холл за дверьми — вход в другую жизнь...

— Он полностью уверен, что мы не выйдем оттуда. — сглотнула противный комок в горле Ник и все же снова пошла в сторону Холма. — Он не хочет, чтобы его наноботы попались Ольхе.

Лин чуть склонил голову, двигаясь следом:

— Может, и так. Интересно, во мне его наноботы были? Он же и меня лечил. И забрал ли он и из меня наноботы?

Ник фыркнула:

— Вернуться и прижать к стене? Точнее, к капоту машины?

Лин подавился смешком:

— Ничего у тебя методы допроса... Только вряд ли Закат ответит. Жаль, что правды не узнать. Да и, понимаешь же, что достаточно оставить одного нанобота-репликатора, чтобы за пару мгновений восстановить всю популяцию, а иногда и перестараться с ростом популяции... Я уже такое видел. Ты, наверное, тоже.

Ник нахмурилась:

— И тогда я взорвусь, как воздушный шарик. Брр... Я-то годами гадала, что за странное заклинание применяли некоторые маги, чтобы не попасть живым в плен вампирам или в лапы нежити, а это, оказывается, проделки репликаторов.

Ворота Холма были все ближе и ближе, пугая, и Ник не удержалась, потакая своим страхам:

— Лин... Какова вероятность того, что ты не пойдешь в Холм по моей просьбе?

Тот напрягся и уточнил:

— Ты уверена, что хочешь знать ответ? Я же не спрашиваю тебя о том же самом...

Она вздохнула:

— Со мной всегда так сложно, да? Не отговорить, если что-то втемяшилось?

Лин просто прижал её к себе и зашептал куда-то в волосы:

— Ники, со всеми сложно. Я тоже не подарок, я не могу тебя отпустить одну. Просто не могу... И еще... Если что-то случится со мной — уходи одна, не задумываясь. Просто бросай меня — я выкручусь.

— Лин... А ведь ты сам так не поступишь со мной. Ты не бросишь. Почему я должна бросить тебя?

Он ответил просто:

— Потому что цель — ты, а не я. Только поэтому. Хотя хочется надеяться, что это не ловушка, что лорды умеют держать слово или хотя бы помнят уроки генерала Брендона Джонса.

Ник еле слышно сказала Лину в грудь:

— Я не уйду без тебя. Ты мне нужен. Я люблю тебя. Я не уйду без тебя. И я тоже надеюсь, что это не ловушка. Только понимаю, что тогда бы О Ханыль встречал нас на пороге Холма, предлагая прогуляться, чтобы развеять страхи.

— Может, он просто пленник? И не может этого себе позволить.

Ник вздохнула и признала:

— Мы идем в ловушку. Я идиотка, которая не может отказаться от своего прошлого. Может... — она отпрянула в сторону и, закрыв глаза, прошептала: — ну его, прошлое?

— Ты всегда потом будешь мучиться вопросами — что ты не узнала, не рискнув. Нас страхуют, Ники. Все будет хорошо.

Ник открыла глаза:

— Хорошо... Тогда... Удачи нам?

— Удачи, — серьезно сказал Лин, доставая интерфон и отправляя сообщение. — Это я Брендону сообщаю, что мы входим.

Они вошли... И Ник тут же вздрогнула — внутри Холм не был пока настолько иным, чтобы поражать. Нет, вздрогнула и сбилась с шага Ник не из-за инаковости Холма, она чуть не упала из-за того, что экран радостно сообщил об устойчивом сигнале нейронета и тут же подключил его в гостевом режиме. И если раньше Ник казалось, что экран ей мешает, то сейчас она поняла — насколько она заблуждалась раньше.

Визитки, рекламки, настойчиво сообщавшие о программе праздника, куча раздражающих входящих по элтелу, трехмерная карта Холма, что-то еще... Но самое главное... Это сам нейронет. Он гудел в голове разными голосами, сливающимися в общий восхищенный праздником хор. Единый гул роя. Общий голос на всех. Общее сознание Холма. Лорды и леди никогда не лгали не потому, что настолько высокоразвиты, что ложь им противна. Они не лгали, потому что в условиях телепатического роя лгать невозможно — все твои мысли, все твои знания, все твои желания и прочее — как на ладони перед всем роем. И рой всегда прав. Общность не может ошибаться, в отличие от индивидуума. Ник сглотнула — сколько бы тут не было лордов и леди, они все думали, как один. Вспомнились слова Мигеля о ненависти лордов к Брендону — он просто не знал о рое. Если ненавидит один, то ненавидят все. Они все тут, как пчелы, подчиняющиеся королеве. Или как зомби — рой решает все за тебя, рой исправляет твои мысли, если ты не прав. Стало понятно, что Закат еще ничего, когда вырывается из роя...

Откуда-то издали раздался встревоженный голос Лина:

— Ники? Все хорошо?

— Наверное, — неуверенно сказала она. Рой поражал, отключиться от него не получалось. Игнорировать чужие эмоции, кипящие из-за праздника, Ник не могла, как ни старалась. Отрешиться от чужого влияния было невозможно.

Лин просто подхватил её на руки и куда-то понес:

— Я знаю, что ты не любишь работать с виртэкраном, но придется смириться — это не

доспех, тут забрало не откинешь.

Ник замотала головой, пытаясь вынырнуть из виртуальной реальности в настоящую:

— У тебя тоже, да?! — она, забывая о гуле радостного роя, принялась копаться в настройках, отыскивая Лина. И нашла... Также помеченный, как гость, он был рядом, он был доступен для вызова...

Ник не раздумывала ни минуты — от Лина ей нечего было скрывать. Она тут же скинула ему то, что давно хотела показать — фотографии малыша, еще странного, с дикими пропорциями (хотя что она понимает в детях?) и отчаянно похожего на Лина — не узнать этот окрас шерсти крайне сложно. Лигры уникальны в этом плане.

Это было... Странно. Чувствовать его удивление. Его тепло — не тепло тела, а внутреннее, душевное тепло. Его затаенные страхи, его фантазии, его ожидания. Ощущать всего его разом — от прикосновений рук до малейших эмоций и воспоминаний. От восхищения в зоне до желания придавить за самоволие. Да-да-да, даже ему трудно её выносить... От страха, что её не удержать, до желания сжимать кулаки и уговаривать себя, останавливая от глупостей: не моя, не моя, не моя... От такой нужной фразы: «Он все равно был бы моим ребенком», — до дикой боли в груди — её больше нет. От желания защитить её от всего мира, оградить, посадить дома, чтобы никогда больше не волноваться за неё, чтобы не болело сердце, чтобы не кипели мысли, до абсолютно простого понимания — у него никогда не будет такого права. Ни у кого нет таких прав. Он никогда бы не хотел, чтобы его посадили на цепь, хоть и собранную из желанного дома-ребенка-любви, значит, и он никогда не посадит её на цепь, пусть все и твердят, что женщины созданы для уюта и дома.

Она в ответ тут же бросилась доказывать, что никогда... Никогда... Ни при каких условиях не бросит его ради неизведанного мира и работы. Она всегда будет возвращаться, он нужен ей, она не может без него. Без него дорога уныла и тяжела. И никогда он не должен сомневаться в ней — она вернется, потому что только он может подарить ей мир... А потом связь оборвалась красной надписью «В доступе отказано!», выбрасывая в реальность Лина и её, хватающую воздух горячими губами, как рыба, выброшенная на берег.

Лин выглядел не менее ошеломленным, прижимая её к себе на скамейке в холле.

— Ники... Я тебя люблю...

— Я знаю... — она заглянула ему в глаза и спросила то, что давно хотела: — А теперь ради всех рогатых орков, объясни мне, почему ребенок шерстистый, словно мамонт?!

Лин сглотнул, с трудом сдерживая смехок:

— Шерстистый?

— Шерстяной, — поправила она. — Обросший шерстью... Запомни одно: родится вот таким — сам брить будешь!!!

Лин все же рассмеялся, запрокидывая голову назад:

— Ники... Это лануго... Ты ничего не читала о беременности, да?

— Не поверишь, про беременность и прочее нам рассказывали в школе ловцов. И про все стадии развития, и про прохождение эмбриона через эволюцию от рыбки, лягушки, птички... Или птички мимо?.. До вполне человеческого вида. И про лануго я знаю, только это же шерстюго какое-то...

Лин сильнее прижал её к себе, продолжая чуть вздрагивать от смеха.

— Если он родится таким, — с угрозой в голосе попыталась сказать Ник, ей и самой было смешно, хоть она и давно готовила эту фразу, — то брить будешь сам!

Он фыркнул ей куда-то в макушку:

— Не бойся, что-нибудь решим с шерстью, хоть это и банальное лануго. К родам оно должно само пройти.

— Надеюсь, — пробурчала Ник. — И спасибо тебе, Лин, за то, что не сомневался во мне.

Он промолчал, что сомневался в себе, и за это Ник ему была благодарна.

Глава 58. Холмы и зомби

Гул нейросети стал слабее, словно скрылся за экраном, или Ник сама уже привыкла к нему. Хотя постоянно так жить — это же страшно. Это же приводит к полному растворению в рое, это же может приводить к потере индивидуальности, делая всех... Ник вспомнила — все лорды спесивы и заносчивы, все они уверены в своей уникальности и невероятности. Рой выглаживал их всех, превращая в собственное подобие. Теперь понятно, почему лорды все похожи...

Ник не удержалась и чуть-чуть покопалась в нейросети — тут же была память поколений. Даже еще до Катастрофы. Тут должно было быть столько невероятного и полезного. Только оказалось, что эти данные для неё недоступны — при любых попытках зайти в раздел истории или технических знаний вспыхивала табличка, что это только для членов роя. Все, что ей удалось узнать, так это то, что названия округов соответствовали номеру округа в алфавитном порядке старых, несохранившихся топонимов. Эти же цифры указывались и на номерах машин — вот очень полезная информация! А то Ник всегда гадала, почему рядом с Сорок первым округом находится Третий, а рядом с Пятым — Двадцатый. Нет, серьезно, без этих знаний она легко бы прожила. Как и прожила бы без знаний о нанотумане, формирующем защитный кокон в фейри-модификациях машин — именно потому в них нет ремней безопасности. Ник скрипнула зубами, она-то надеялась хоть что-то узнать о машинах, цвергах, точнее сервах и технологиях фейри для Гарсии. Забавно, что к её поиску кто-то подключился, скрытый за странным ником «Древо». Он подсказал Ник, что знания о техномагии доступны не всем в рое, надо сперва отучиться и получить допуск. И дааа, он тут же осек Ник — существует только техномагия фейри, магия поверхностных — это всего лишь токсический бред. Она попыталась возмутиться, и тут же получила коллективный ответ роя... Он болезненно звенел в голове хором голосов, которому было невозможно противостоять. Магии не существует! Магии не существует. Магии... Кажется, она это даже прошептала вслух, потому что Лин утешающе погладил её по голове и что-то сказал. Ей было не до того. Уверенность в том, что магии не существует, а она больна, была такой отчаянно настоящей, что Ник сама в это поверила. На миг, но поверила и утрастилась. Она психически нестабильна, страдая от навязчивого бреда. У неё даже слезы из глаз брызнули — рой волновался на неё, рой страдал вместе с ней, утешая, что лечение пыльной интоксикации существует, что нужно лишь пройти чистку, и она излечится. Жизнь каждого лорда и леди важна для выживания рода.

— Ники? — голос Лина все же прорвался через ласковые уговоры роя, и Ник вздрогнула — для надежности она даже вслух сказала:

— Да идите вы все! Магия есть, и я не больна! Вам меня не убедить! — Гул вырос, вызывая почти физическую боль, заставляя Ник стонать.

Лин заглянул ей в глаза:

— Ники, что происходит?

Она криво улыбнулась:

— Борюсь с местной формой демократии. Демократия в руках безумцев — довольно болезненная штука. То-то Закат такой затейливый — я-то тут всего ничего, а он в Холмах постоянно живет.

Она встала, для уверенности активировала защитный знак на ладони, как

доказательство того, что магия существует, и отодвинула продолжавший волноваться гул роя куда подальше. Рой отчего-то взволновался ещё сильнее, как будто до этого их никто не игнорировал. Ник даже прикусила губу — может, все же дело в этом? Рою до этого действительно никто не противостоял? Да нет же, чушь полная...

Ник старательно улыбнулась поднявшемуся со скамьи Лину — тот продолжал волноваться на неё:

— Пойдем, познакомимся с мистером О. Я нашла его в нейросети — он сидит в зоне отдыха на ярус ниже.

Лин внимательно оглядел Ник:

— Ты уверена?

Была ли она уверена?..

Она оглянулась назад на открытые ворота Холма. В проеме, далеко, на границе из тьмы ночи и света из Холма так и продолжал стоять Закат. Сейчас он выглядел иначе — выпрямился, гордо расправил плечи и улыбался, как победитель. Он поймал взгляд Ник и махнул рукой: возвращайся! Она лишь отрицательно качнула головой — пусть рой и продолжал гудеть, мешая думать, она не сломается, как Закат. Она встретится с Ханyleм и узнает о себе все.

Ник переплела свои пальцы с пальцами Лина и потянула его за собой вглубь Холма:

— Пойдем, нас уже ждут... Представляешь, — поделилась она найденным в нейросети, — а они тут до сих пор выживают. Всё считают, что на поверхности жить невозможно, и выживают. В «адских» условиях Холмов. Они почти не выходят из Холмов, боясь воздействия пыли. За них на поверхности все делают биомодификанты... Лорды же заняты важным делом — они выживают. Все для сохранения вида. Все для сохранения чистого разума на Земле, ведь все поверхностные неизлечимо больны... Вот же бред... Да они больнее, чем даже Гарсия предполагает — они всерьез верят в свою избранность и божественное происхождение. Феееейри. И... Почувствовав на себе силу убеждения роя, когда понимаешь, что ты никто, а рой — все, рой не может ошибаться, могу смело сказать, что для заражения безумием божественного происхождения, достаточно было одного сумасшедшего, верящего в фейри. Только высокопоставленного безумца — не очень влиятельного они задавили бы всем роем и отправили бы к психам. — она спешно поправилась: — то есть психиатрам.

Лин, подстраиваясь под мелкий шаг Ник, задумчиво сказал:

— Учитывая, что Зак сам высокого положения, но попал под воздействие безумия, то это может быть только...

— Королева, — мрачно сказала Ник. — И вот что с этим всем делать?

— Лечить, — с улыбкой подсказал Лин, чуть сильнее сжимая пальцы Ник в жесте поддержки. — Справимся, Ники. Честное слово. Мы знаем главное — о рое и его воздействии. Мы справимся.

— Угу... — мрачности в её голосе не убавилось. — Хорошо, что этот рой можно послать...

Лин странно посмотрел на неё и задумчиво прищурился. Ник снова прикусила губу — кажется, ему в голову пришла та же мысль. Полиморфов могли истребить не за их склонность к убийствам, а за устойчивость к влиянию роя. Ведь... Ник мысленно выругалась... Ведь чтобы истребить королевский род, к которому принадлежал Закат, надо уметь противостоять рою — один приказ роя, и убийство бы было подавлено в зародыше.

И...

Лин тихо подсказал:

— А ведь полиморфы пытались освободить Холмы от безумия.

Ник вздохнула — они с Лином иногда удивительно совпадали в мыслях. Только Ник даже боялась подумать о таком. О том, что полиморфы пытались дать свободу роям от безумия королевского рода. Ладно, не всего королевского рода — Закат не совсем безумен, он же её не убил. И в магию верил — тот же договор если вспомнить... Хорошая степень загрязнения астероидной пылью, и он вполне нормальный парень. Только... Все равно радоваться за оговоренных полиморфов не получалось — не несут освобождение смертями детей. Ник помнила об убитых сестрах и братьях Заката. Её предки, может, и действовали из лучших побуждений, но благими намерениями всегда вымощена дорога в ад. Они выбрали неправильный путь. Оставалось лишь надеяться, что Мигель и Гарсия найдут выход без смертей и войны. Очень хотелось в это верить. В конце концов, они всё же люди. Все — вампиры, оборотни, лорды, простые поверхностные — они все люди, а люди умеют договариваться. За редким исключением...

По мере того, как Ник с Лином дальше и дальше углублялись в Холм, тот менялся — стены раздались в стороны, создавая иллюзию простора, пол зарос травой, исчез потолок, превращаясь в небо другой, умершей Земли — белесое, высокое, бесцветное. Даже солнце тут было иное — более яркое и чистое. Тогда, пять веков назад, пыли в небесах не было. Пахло иначе — ароматы трав не угадывались, Земля многое потеряла после Катастрофы.

Гул роя в голове утихомирился, превращаясь в слегка навязчивое, наносное веселье — рой праздновал и горел одной эмоцией, восстание одной больной гостьи было забыто. Её потом найдут и вылечат, а сейчас надо праздновать.

Кое-где в траве мелькали красные стрелки — указатели путей эвакуации, ломая иллюзию пребывания на Другой стороне, как иногда еще называли мир фейри. В воздухе нет-нет да возникали еще какие-то таблички. Наверное, планы этажей или еще что-то.

Дорога пошла под уклон к каким-то «древним» развалинам — была видна часть каменной невысокой ограды и воздушная, легкая арка.

— Как ты? — спросил Лин. Он все еще волновался.

— Нормально, — тихо сказала Ник.

— Ты не привыкла к вирт-экрану. Я-то постоянно с таким работаю. Хотя, конечно, внешний вирт и внутренний — разница большая.

Ник передернула плечами:

— И как они с таким живут? Мешает же.

— Может, они с рождения привыкают взаимодействовать с виртом? А что, удобно. Младенец всегда по присмотром, где бы ты сам не был. Включил на вирте колыбельную или мульт, или образовательную программу... Ребенок занят, а у тебя все под контролем.

— Скажешь тоже... Это же ужас. Получается, что к ребенку можно вообще не подходить, пока он не станет нужным? — Она передернула плечами. Хотя на миг, на краткий миг Ник испытала облегчение — оказывается, ребенок может и не быть обузой, он может вообще не требовать длительного присутствия рядом. Хотя... Она даже сбилась с шага. Она не помнила своих родителей. Она думала, что не помнила их из-за последствий бомбардировки, но ведь в памяти всплыла встреча с Закатом. Пусть не вся, пусть фрагментарно, но всплыла же. Значит... В чем-то Лин прав. Она не помнила родителей, потому что их, возможно, в её жизни и не было.

Лин задумчиво посмотрел на неё:

— Все в порядке?

Ник сердито поправила наплывшую на глаза челку:

— Нормально. Правда, нормально, Лин. — Она сама не будет прибегать к воспитанию через вирт-экран. Она сама не бросит своего ребенка, она постарается справиться. Как-нибудь. Справится.

— Заметила, как легко мы получили доступ к нейронету? — Лин оглядел каменную арку, даже прикоснулся к нагретым солнцем камням, проверяя их на реальность, и прошел через арку. За ней была каменная лестница, ведущая к старой, мощеной камнями площади — между камнями пробивалась трава. На три стороны света шли дороги, тоже каменные и старые. Ник выругалась — вот же кто-то заморочился иллюзиями, она-то помнила по Холму Ткача как это все выглядит на самом деле.

— Угу, — пробормотала она в ответ, выбирая узкую дорожку, ведущую к очередным развалинам — зоне отдыха. Ник до сих пор слышала рой, только копаться в инфосети уже не хотелось.

— Значит, раньше рои свободно общались друг с другом через нейронет. Да и если вспомнить Заката — он из королевского рода, а его друг был из...

— Роя Береза. — подсказала Ник. — Я родилась в Холме Береза. Рои общались, а сейчас Закат не может войти в Холм Ольхи без веской причины, потому что...

Лин подхватил её мысль:

— ...другие Холмы пытаются противостоять королевскому рою. Пытаются вести свою политику, и чтобы это получалось, они ушли в изоляцию от остальных Холмов. Интересно было бы знать порталный трафик Холмов. По поверхности-то лорды за редким исключением почти не перемещаются. Общаются ли Холмы друг с другом через порталы? И какие коалиции среди Холмов есть. И есть ли они.

— Закат мог и подсказать, но... Не захотел.

— Может, времени не было? — Лин привычно старался видеть в Закате что-то позитивное. Ник предпочла промолчать, напряженно шагая к развалинам — за ними находилась зона отдыха. Там был... Там был О Ханыль. Мразь или... Нет. В любом случае О был частью её жизни. Той самой жизни, которую она хотела знать.

Они с Лином в очередной раз прошли через арку и замерли в ошеломлении — все резко изменилось. Из сельской местности они словно шагнули в один из ночных клубов Либорайо. Пластик, металл, странные абстрактные конструкции, приглушенная ритмичная музыка, заставляющая сердце биться в унисон, голокубы, висящие в воздухе и транслирующие какую-то праздничную церемонию, уединенные кабинки за занавесями из воды...

— Ничего себе... — не выдержала Ник. — Вот это контраст...

Лин лишь кивнул. Одна из ближайших водных завес раздалась в стороны, и к ним шагнул мужчина лет пятидесяти, высокий, стройный, черноволосый, с узнаваемым разрезом глаз и лицом... Не увидеть в О Ханыле Ник было сложно. Пусть с поправкой на возраст и пол, но все же...

— Мне кажется, он не мразь, как утверждает Закат, — уверенно сказал Лин. — ты бы не выбрала его лицо, если бы не считала родным человеком.

О Ханыль поправил на себе костюм, неуверенно улыбнулся, а потом резко направился к ним, сходу обнимая Ник.

— Сэм... Ты все же приехала...

Его ладонь очень узнаваемо, легко и ободряюще хлопнула Ник по спине. Снова. Снова и снова. И почему она думала, что так её утешал отец? Среди ближайших округов принято утешать объятьями и поглаживаниями по спине или голове. И ведь только в восточных округах ободряют похлопываниями. Почему эта мысль не пришла к ней раньше?

Ник позволила себе уткнуться носом в дорожную ткань костюма и расслабиться на миг. Запах этого мужчины она помнила. Она помнила его руки, его улыбку, его движения... Это он готовил ей блинчики и уговаривал съесть пигоди. Это он учил прятаться от чудовищ под одеялом, это он... Она помнила его, а не отца.

Ханыль отстранился первым, разглядывая Ник и улыбаясь ей:

— Ты так выросла, Сэм. Стала совсем взрослой. А я так и не научился готовить блинчики...

Ник прикусила губу — ей хватало и Лина. Новый принц ей был не нужен. Она же не могла ради Ханыля... Она же не могла в детстве считать его принцем и ради него попытаться вырасти? Не О Ханыль же причина того, что ей двадцать пять, а не восемнадцать? Дети доверчивы и глупы, она не исключение, но не хотелось думать, что она специально выросла для Ханыля. Это было бы совсем... Глупо и отвратительно.

Ханыль повернулся к Лину, протягивая ладонь для рукопожатия:

— Ха Ныль. А вы, значит, Росси...

— Можно обращаться и по имени. — немного сухо сказал Лин — он заметил, как изменилось настроение Ник.

— Я должен тебя поблагодарить, Линдро, за то, что заботился о моей девочке.

Ник сжала челюсти — наглость Ханыля ей не нравилась. Может, в детстве, он ей и казался принцем, но сейчас... Нет. Даже если она была настолько глупа, что повзрослела ради Ханыля, сейчас все иначе.

— Пройдемте, — Ханыль радушно указал рукой на кабинку, в которой их ожидал. — Я взял на себя смелость заказать любимые блюда Сэм. Надеюсь, твой вкус не изменился.

Ник пробурчала себе под нос:

— Нет, я протухла.

Лин понятливо обнял её и прижал к себе. Ханыль только удивленно оглядел их и первым пошел за водную завесу кабинки. Ник глубоко вдохнула и подняла глаза на Лина, вспоминая свой список требований к принцу.

— Лин... Скажи... Это же ты приписал тогда под требованием «Никаких оборотней!» фразу «За исключением одного»?

Его сложно было заподозрить в таком хулиганстве, он слишком серьезен для такого, да и Маки больше походил на нахала, решившего вмешаться в её поиск принца, но...

Лин, совершенно не понимая, почему Ник заинтересовало это именно сейчас, честно признался:

— Я. Я хотел, чтобы у меня все же был шанс. Понимаю, что совершенно глупо, но...

— Спасибо! — робко улыбнулась Ник. Это было то, что надо: знать, что Лин боролся за право быть принцем. — Спасибо...

Она пошла следом за Ханылем. Пусть в детстве она была глупой, сейчас она сделала свой выбор и не изменит ему.

Кабинка была вполне обычной — круглый, отдающий пластиком стол со странным, небольшим углублением в центре, удобные стулья в футуристическом стиле, несколько голокубов над столом — изображение перетекало из одного в другой, освещая полумрак

кабинки. Заодно картинка праздника проецировалась и на водную завесу, создавая ненужный эффект присутствия в толпе ликующих. Сейчас в голокубах танцевали и что-то приглушенно пели.

Ханыль и Лин сели за стол только после Ник. Она нервно поправила кружево на блузке и положила руки на столешницу — пусть и вызывающе невоспитанно, Тамиор был бы в шоке, но так было удобнее.

Ханыль тут же напомнил:

— Так... Подавать чанджанмен или вы выберете что-то иное? Пищевой принтер напечатает что угодно — это не проблема...

Ник прикрыла глаза — она же сорвала тот, второй список со стены! Он писался для Брендона! И, вообще, самым возвращающимся был признан Ден, а черная лапша тогда просто пришлась к слову...

Лин, видя, что Ник не собирается ничего выбирать, любезно сказал:

— Мы доверимся твоему вкусу, Ханыль.

Ник сглотнула, оживая:

— Пищевой принтер? А это хоть съедобно?

Ханыль подтвердил:

— Вполне съедобно и даже очень вкусно, Сэм. Принтер печатает еду из углерода, азота, воды и минеральных добавок. Очень сбалансированно и экологически чисто.

— Ух ты, — только и выдавила из себя Ник. — Тогда... Давай чанрамен.

— Хорошо, — кивнул Ханыль, тут же что-то нажимая на столешнице, и углубление в столе ушло вниз, чтобы откуда-то сбоку на него выдвинулись тарелки с ароматной черной лапшой со свежими овощами и яйцом. Вдгонку к рамену появились уже знакомые Ник пигоди, какие-то соусы в мелких тарелках, жареный рубец, капуста и небольшие чашечки с чем-то явно алкогольным.

Ник удивленно взяла в руки прилагающиеся к лапше палочки и замерла, не зная, что с ними делать. Ханыль, который легко ими орудовал, на миг замер:

— Сэм? Что-то не так?

Она честно призналась:

— Все не так. Я... Ничего не помню из своего детства. Ни тебя, ни тем более палочки...

Она ими даже в воздухе помахала.

— Не проблема, — легко принял такую новость Ханыль. — Можно есть и вилками.

Они тут же возникли, поднимаясь из углубления в столе.

— А про себя и тебя я могу все сам рассказать. Правда, придется поверить мне на слово — доказательств у меня нет никаких. Полагаю, Сэм, ты за своими воспоминаниями и приехала, да?

— Да. Я хочу знать о себе все. И о тебе тоже. И о своих сестрах тоже. Обо всем, что ты можешь мне рассказать. Даже о наноботах. И... Прочем. — говорить, что она в курсе программы наноботов, сейчас не хотелось. Пусть будет сюрпризом. Заодно и честность Ханыля проверит.

Он задумчиво посмотрел на Ник, поднял со стола чашечку с напитком и сказал:

— Тогда... За новое знакомство, Сэм и Лин. Я Ханыль. Ты звала меня Судьбой. Хотя точнее моё имя переводится как Небо.

Лин и Ник тоже взяли свои чашки и осторожно пригубили напиток. Ник тут же сморщилась — она не любила алкоголь.

Ханыль и Лин выпили до дна, отставляя в сторону пустые чашки. Лин задумчиво завертел в руках палочки, но потом все же, понаблюдав за Ханyleм, выбрал вилку и осторожно принялся пробовать еду.

Ханыль спокойно начал рассказывать:

— Что ж... Начнем с меня. Я родился в Тридцатом округе. Там не так, как в местных округах — там одно время царила ужасающая бедность. Я же всегда мечтал выбиться в люди. Учился, учился и учился, выбрав в качестве специализации новую науку — генетику. Новой она была в моем детстве, конечно. Я надеялся, что смогу привлечь к себе внимание мудрецов.

— Кого? — не поняла Ник, с шумом втягивая в себя лапшу.

Ханыль рассмеялся:

— Хорошие манеры за столом ты не забыла.

Лин предпочел не комментировать манеры Ник — тут этикет был иной. Ник тоже промолчала — помнила, как доставалось в приюте за отсутствие манер. А они, оказывается, у неё были хорошие. По меркам Тридцатого округа.

Ханыль не стал ждать ответа, он продолжил:

— У нас нет лордов, у нас подобных существ называют мудрецами или драконами. У вас они живут под землей, у нас — в небесах. Эффект сверхпроводимости, как я понимаю — вероятно, их жилища сделаны с использованием сверхпроводников и летают в воздухе, выталкиваемые вверх магнитным полем Земли.

Ник пробурчала:

— Так вот кому помешали наши самолеты...

— Прости? — не понял её Ханыль.

Она отмахнулась:

— Не обращай внимания. Продолжай...

В голокубах картинка стала меняться — праздничная разноцветная толпа, в которой было легко разглядеть немногочисленных гостей — они возвышались над лордами на голову, а то и выше, плавно потекла в другие залы. Танцы окончились, планировалось новое зрелище. Гул роя в голове Ник из восторгов перерос в какое-то жадное, неприятное предвкушение.

— Я не смог привлечь внимания мудрецов — у нас они редко вмешиваются в жизни людей. Зато одна из моих работ заинтересовала Холм Дуба, и я с радостью поменял континент. Мне обещали хорошую лабораторию и замечательную премию за работу. Это помогло бы мне навсегда вытащить свою семью из нищеты... Я должен был клонировать несколько существ. Я ждал колонию клеток для работы, а вместо клеточной культуры мне привезли тебя...

Ник откинулась на спинку стула и резко сказала:

— И ты посадил меня в клетку.

Ханыль послушно кивнул:

— Да. Ты была помещена в клетку. Ты была...

— Белокурым ангелом, — вспомнила слова Заката Ник.

— Да, ты была белокурым ангелом. Испуганным, молчаливым, не верящим людям ребенком. Я продержался до полуночи. Все уговаривал себя, что не мое дело, что так положено, что ты, вообще-то, редкое существо...

Ник лишь хмыкнула на эти слова.

— ...созданное для убийств, но... У меня были младшие сестры. Даже в худшие времена они выглядели лучше, чем ты. Они хотя бы не боялись. Я пошел в лабораторию и забрал тебя к себе в комнаты под собственную ответственность. Можешь не верить — я не могу доказать этот факт. Свидетелей не осталось. Но я не смог смириться с тем, что ты сидела в клетке. Я больше месяца искал к тебе подход. Я больше месяца ждал от тебя хоть какого-то слова... Первую улыбку от тебя, преданной самыми близкими людьми — родителями, я получил лишь через два месяца... Оказалось, что ты любила блинчики... Мы учились их стряпать вместе. Получались дикие, слишком сладкие кляксы, но именно они и чадающая сковорода вместе со сработавшей противопожарной сигнализацией заставили тебя улыбнуться.

Ник вглядывалась в Ханыля. Она помнила это. Она сейчас вспомнила струи воды, льющиеся с потолка и испортившие сладкое тесто, в которое она бухнула стакан сахара... Только верить Ханылю было страшно.

Он понятиво кивнул её молчанию:

— Не помнишь... Значит, и неважно. Я работал над твоими клонами, ты оттаивала, менялась внешне и начала писать свои требования к принцу. Я даже номер интера потом взял «Принц должен уметь», потому что ты помнила эту фразу. Она была тебе важна. И сразу скажу тебе, опережая твои вопросы, о своем детстве до лаборатории ты ничего мне не говорила.

Картинка в голокубах сменилась окончательно — появилась круглая песочная арена, вокруг которой кругами вверх уходили ярусы для зрителей. На арену стали выходить молодые мужчины и женщины в коротких, струящихся на ветру одеждах. Лин резко выдохнул, словно узнал кого-то в толпе.

— Можно. Узнать. Что происходит? — рублено сказал он. Ник выцепила взглядом в толпе мужчин на арене трёх явных львов — их длинные клановые русые гривы сложно было не узнать.

Ханыль напряженно пояснил:

— Это осужденные на смерть. Будут битвы до победного конца. Дошедший живым до финала получит награду — жизнь... Вы кого-то узнали в толпе обреченных?

Лин кивнул:

— Мои почти сородичи. Я лигр. А среди осужденных трое львят. Это неправильно. Львов судят в клане. У лордов нет такого права...

Он обреченно посмотрел на Ник. Та и сама все поняла. Пусть не его клан, пусть они от него отказались, но Лин страж, он не может остаться в стороне. Он обязан вмешаться.

— Иди. — еле слышно сказала она. — Иди и разберись. Я сама тут со всем справлюсь.

Ханыль резко сказал:

— Не ходите! Это явно ловушка! Берите Сэм и уходите — тут рядом эвакуовыход. Я покажу. Ольха обещала вашу безопасность и ваш уход, но это лорды. Они в любой клятве найдут лазейку. Ольха обещал, что выпустит вас прочь из Холма, если Сэм не захочет остаться сама, добровольно.

— Ни за что! — пробурчала Ник. — Я тут добровольно не останусь, даже ради тебя, Ханыль.

— Могут заставить остаться ради Лина. Или львят.

Лин криво улыбнулся:

— Забыли уроки Джонса. Что ж, бывает. И не беспокойтесь — я пойду и договорюсь о выкупе львят. Все будет хорошо, Ни... Сэм. — Он встал и поцеловал Ник в макушку,

ненадолго прижимая девушку к себе. — Уходи не задумываясь. Я сам со всем справлюсь. Хорошо?

Она лишь отзеркалила ему улыбку — такую же кривую и злую.

— Моя девочка... — подмигнул Лин. — Все будет хорошо.

И из его уст это звучало правильно. Она его, а не Ханыля. Тот не имеет права называть её своей девочкой. Она только Лина. И они уйдут отсюда вместе, чтобы лорды не задумали.

Глава 59. Ловушка

Ханыль, стоило водной завесе сомкнуться за Лином, вновь серьезно повторил:

— Сэм, уходи, пожалуйста. Я не хотел тебя заманивать в ловушку, но лорды... Это лорды.

Ник понятливо кивнула:

— О да, об их умении держать клятвы каждый знает.

— Может, появление львов на арене и не ловушка, а всего лишь совпадение, но, Сэм...

— Я не уйду! — твердо сказала она. — Я не брошу Лина тут. О правосудии Холмов тоже легенды ходят.

Ханыль чуть качнул головой — он вообще был скуп на движения:

— Правосудие Холмов довольно справедливо.

— Брендон Джонс? — тут же сказала Ник, только она не учла, что Ханыль всю войну провел под Холмами и Брендонем не восхищался.

— Он был наказан справедливо — он своими ничем не спровоцированными действиями создал угрозу жизням сотням лордов.

— Извини? — не поняла его Ник. Сам Брендон никогда не рассказывал, что же он сделал тогда с Холмами, а Ник даже боялась спрашивать о таком — не хотелось думать, сколько людей и лордов тогда погибло. Не хотелось менять мнение о Брендоне.

— Он уничтожил систему подачи электричества и воды в Холмы.

— Они же рассчитаны на автономное существование? — напомнила Ник.

— Но система давно истощена. Никакая система не способна автономно существовать столетиями, сохраняя такой вот уровень комфорта.

— Ааа, — понятливо улыбнулась Ник. — Лордам пришлось ужаться, отказываясь от роскоши. И это называется — создать угрозу жизням? Ничего, мы, я имею в виду человечество, веками выживали... И выжили. А лордам всего-то пришлось чуть ужаться в роскоши после того, как они нарушили самолично подписанные договоры о перемирии в Двадцать первом округе. Брендон был наказан жестоко, а не справедливо.

— Он твой друг? — спросил Ханыль.

— Да. Он мой лучший друг.

— Его за такое могли и казнить, но всего лишь поставили служить Привратником и ликвидировать тот вред, который он нанес Холмам своими действиями.

— Ооочень справедливое решение, учитывая, что он на тот момент был несколько изувечен — лечения и реабилитации ему не оказали. Вдобавок, его заставили восхвалять всех лордов подряд... — она прикусила губу, только сейчас понимая, что Брендон заражен наноботами — именно они осуществляли контроль за наказанием. Не магия — наноботы. И Мигель заражен — он же тоже не мог говорить о договоре купли-продажи. Поскольку Закат еще не вмешался и не высказал Ник ничего о её действиях, то наноботы Брендона и Мигеля действуют в автономном режиме. Но они же должны отчитываться в Холм наказаний! И какой период между докладами? Бомба может рвануть в любой момент — уже прошло почти полгода, как Брендон получил запрещенную свободу. Нужно что-то срочно делать, пока не случилось страшного — пока Брендона за нарушение договора купли-продажи не вернули обратно в Холмы. А там и Мигеля могут наказать — должны же быть санкции за нарушение условий. Лорды весьма предусмотрительны, они не могли не внести

такой пункт. Она не простит себя, если Мигель попадет лордам из-за её ошибок.

— Сэм...? — Ханыль напомнил о себе. Ник задумчиво кивнула ему — сразу же после Холма Ольхи надо будет заняться наноботами Брендона и Мигеля. Надо что-то делать. А то она привычно — маааагия, маааагия, никто не узнает, если не проболтаются... Наноботам на это плевать — их доклады в Холм наказаний никто не отменял.

Ник выпрямилась, поражаясь самой себе — Мигель внезапно стал своим. Он стал своим, а это значит, что, быть может, она его перестала бояться.

— Да, прости, задумалась... И хватит о Джонсе. И о правосудии лордов. Это не то, что я хочу обсуждать. — она внимательно посмотрела на Ханыля и вспомнила слова Лина. — Ты же тоже пленник Холма Ольхи, да?

— Не совсем. — на лице Ханыля ничего не изменилось. — Скорее, я важный гость, которого нельзя упускать.

Ник невесело рассмеялась:

— То есть пленник. Прекрасно... Хотя этого и следовало ожидать. Я...

— Сэм, мне не нужна помощь — я ошибся в своих действиях и несую заслуженное наказание. Весьма комфортное наказание, потому что мои умения и знания крайне важны для Холмов... И на будущее... Сэм, если когда-нибудь вы с Линдро захотите общее дитя, я вам помогу.

— Не требуется, — оборвала его Ник. Вдаваться в подробности своей беременности она пока не собиралась. Не тот уровень доверия.

— Хорошо... И, Сэм... Я не знал, что действия о твоём клонировании запретны. Мне это было преподнесено чуть иначе.

— Иначе?! — Ник не смогла сдержать эмоции — как можно иначе понимать клонирование ребенка для дальнейшей перепродажи?!

Ханыль отрешенно сказал, не замечая вспышку гнева у Ник:

— Я уже говорил — ты чудо, Сэм, а не чудовище. Чудо. В твоих генах скрыты тайны всех современных существ. Вампиров, оборотней, нагов, фейри... Изучая изменения, происходящие в тебе, можно излечить все недостатки современных видов. Можно...

Ник подалась вперед — Ханыль просто нарывался. Лина она считала совершенным пони. Таким, каким нужно.

— И что, по-твоему, нужно вылечить у оборотней?

— Склонность к солнечному и лунному циклам.

— Лунные циклы побеждены, — напомнила она.

— А солнечные нет.

— Есть блокираторы гормонов солнечного цикла. — настаивала Ник.

— Они больно бьют по гормональной системе и ведут к раку, Сэм. Если убрать влияние солнечного цикла, то исчезнет главное препятствие для заключения браков с оборотнями, ведь все знают, что из-за солнечного цикла оборотни склонны к изменам. Многим не нравится то, что в определенные дни года супруг забывает клятвы верности и уходит в загул. Браки из-за этого трещат по швам, а люди сторонятся оборотней.

Ник криво улыбнулась — это Ханыль не был в Либорайо, где мужчины ценились на вес золота. Впрочем, после войны мужчины ценились везде, даже такие ветреные, как оборотни. Но да, солнечный цикл, пусть и гимн любви, как говорил Лин, портил жизнь как оборотней, так и людей. Вспышки агрессии в цикл не редкость, пусть в школе ловцов и чуть преувеличивали опасность оборотней.

Ханыль продолжил:

— Ты чудо, а не чудовище, Сэм. Я не устану это повторять.

— И для этого меня вновь надо запереть в лаборатории.

— Нет, Сэм, для этого достаточно твоего клеточного материала. Плен, как было в Холме Дуба, это варварство. Ты можешь не верить, но я пытался тогда доказать, что клетки для девочек не нужны, но...

— У тебя не вышло.

— Не вышло. — подтвердил Ханыль. — И, поверь, я не знал, что девочек готовят к продажам. Я думал, что девочки — спасение мира. Спасение вампиров, лордов, оборотней...

Ник его перебила:

— Сколько их было, Ханыль?

— Десять. Десять девочек и ты.

— Значит, осталось девять, — сказала Ник.

Ханыль её поправил:

— Значит, кроме тебя, осталась одна — Холм Ольхи отслеживал жизнь девочек, восемь погибли в войне.

— Ясно. — Ник и не заметила, что отреагировала, как Лин.

— Следы последней затерялись, никто не знает, где она сейчас, Сэм.

— Пусть и дальше не знают. Так целее будет, — прошептала Ник. — Хватит уже охоты на ведьм и полиморфов. Хватит. — Она посмотрела на Ханыля. Оставался еще один главный вопрос, на который она хотела получить ответ. — Скажи... Ведь в баках для клонирования можно доращивать до любого состояния. Почему же моих сестер не доращивали до восемнадцати лет? Так ведь удобнее было бы продавать. Рраз, и сразу можно заводить новых полиморфов, спасая мир и создавая новых убийц.

— Сэм, ты не убийца, пусть и изначально вас создали на спорном материале... Люди вообще произошли от обезьян. И что из этого? Важно то, кем ты стала, а не то, из кого произошла. И... Отвечая на твой вопрос... Из бака для клонирования выходят без опыта, без каких-либо навыков для существования. Даже если вынуть из бака восемнадцатилетнее существо, на деле оно ничем не будет отличаться от доношенного младенца. Чтобы появились навыки, надо или обучать клона обычными способами, или залить в него чье-то сознание. Допуска к хранилищу Судного дня, где хранятся сознания лордов, у Холма Дуба не было, хотя оборудование для копирования сознания есть в каждом Холме. Все леди Холма отказались копировать свое сознание. Заливать в женское тело мужское сознание — неэтично и запрещено. У нас было в наличии...

Ник улыбнулась, уже понимая, куда клонит Ханыль:

— У вас для копирования была только я.

— Да, Сэм. Все твои клоны — именно твои. Это все — ты сама. Твое сознание, твою память, твои реакции...

— И мое умение находить неприятности, — добавила Ник. — Ясно. Раз уж все равно залили мое сознание, так почему не в восемнадцатилетние тела?

— Потому что сознание восьмилетней девочки во взрослом теле, это не «прелесть, какая дурочка!», это в разы хуже. Девочек потом готовили к ускорению созревания с загрузкой необходимых знаний, но все пошло не так. Стало известно, что Королевский Холм узнал о проекте, и девочек спешно...

— Продали, — подсказала Ник.

— Продали и переправили в безопасные места.

— А я? Что ждало меня?

Ханьль посмотрел на неё долгим, оценивающим взглядом, на миг Ник даже показалось

— не ответит, но он все же сказал:

— Мне за проект должны были заплатить шестьсот тысяч и переправить в безопасное место, где я бы продолжил работу с твоими клеточными культурами. Но я выбрал иное, моя леди.

Ник отвернулась — она знала, что он выбрал. Он искусственно дорастил её, чтобы забрать с собой. Приииинц, мать его за ногу!

— Я заплатил весь гонорар за твой выкуп...

Ник моментально вспыхнула, обрывая его — ей только оказаться на месте Брендона не хватало:

— Ты меня купил?! — Она зло усмехнулась — она, как и Брендон, чужая собственность, — забавно, но я оказалась дороже Джонса даже... То есть я твоя собственность? Так, получается?

— Сэм...

— И это ради тебя я выросла, да? Это ради тебя я стала старше...

Воспоминания вновь вспыхнули в её голове...

Вспышка, удар, боль... Крик за спиной: «Моя леди, помни: „Принц должен уметь“! Помни это! Если я не найду тебя — помни и сама найди меня!»... Голос Ханьля... Черная капля на руке. Платье в крови. Крики. Боль....

...но теперь им она не верила. И еще... Страшно подумать, сколько крови, настоящей, человеческой крови на руках Заката. Пусть под принуждением роя, пусть по приказу Королевы, но как жить, зная, что на твоих руках столько крови убитых?

Ханьль терпеливо продолжил:

— Я заплатил деньги в том числе и за оформление удочерения, Сэм. Можешь мне не верить, но я собирался забрать тебя из Холма, как свою дочь. Только не успел. Хотя по документам ты моя дочь. Ты моя девочка, О Сэм.

— И твоя собственность, — угрюмо добавила она. — И я не О, я Росси.

— Прости, конечно, ты Росси. Просто документы не успел исправить. И... Ты мне не принадлежишь, я выкупил тебя из плена, но не имею над тобой власти.

Ник неверяще смотрела на Ханьля. Вспоминался Брендон, вспоминалось, как он был против выкупа и как он не верил ей. А тут она сама в почти подобной ситуации, и тоже... Не верит. Но ситуация-то другая — там была она, которую Брендон хорошо знал... Пару дней всего... И тут О, которого она не знала совсем. Память услужливо подсказала — он почти полгода заботился о ней. Она даже взяла себе на память его лицо.

Ханьль терпеливо ждал.

Ник молчала.

Картинка на водной завесе изменилась — сейчас туда проецировались трибуны с ликующими зрителями. Даже мурашки пробежали по коже Ник — казалось, что она сама стоит на Арене и смотрит в глаза алчных до зрелищ лордов и распаленных праздником гостей. На миг мелькнуло до боли знакомое лицо, и сердце Ник пропустило удар — он же не мог... Они же не могли ради неё так рисковать? Прийти страховать её внутри Холма, а не снаружи? Она сглотнула — ради неё не стоило соваться в Холм. Ради её глупости столько человек рисковало. Начиная от Лина до... Брендона.

Голокуб уже показывал первую схватку. Ник старательно не смотрела туда, не хотелось видеть кровь, боль и отчаяние в глазах. Рой не переставая наслаждался зрелищем. Наверное, лорды еще и милосердными себя при этом считали — они не убивали своими руками. Они придерживались запрета на смертную казнь. Они позволяли это делать самим осужденным на смерть. Быть частью праздника Ник расхотелось. Быть частью роя — тем более. А Закату возвращаться в такой вот рой. А ведь еще будет Короткая ночь. А он — лорд Справедливость. Ник прикусила губу — Заката надо срочно спасать, чтобы его руки не оказались еще больше в крови. Просто срочно хватать и тащить прочь из Холмов. Как и... Она посмотрела на Ханыля. Верить или нет. Забирать с собой, давая повод для войны, или бросить тут, прикрываясь неверием?

Он, поймав её взгляд, спокойно сказал:

— Ты спрашивала, ради меня ли ты выросла. Когда я спасал тебя от гнева лорда Заката, ты все еще была ребенком.

Ник напряжено уточнила:

— На сколько лет я выглядела?

— Лет на пять, не больше. Лорды и леди всегда выглядят младше, чем на самом деле. Ты выглядела лет на пять, уж поверь — у меня много младших сестер. И еще... Если бы тут существовало усестрение, то я был бы рад тебя назвать своей сестрой, но пришлось тебя удочерять — иного законного выбора не было. Ты не моя собственность, и о потраченных деньгах я не сожалею. Вот в чем я виноват перед тобой, так это в том, что не защитил и не нашел.

— Тебя просто не выпустили из Холма, потому что ты пленник.

— Я дорогой гость, Сэм. — легко улыбнулся он. — Лорды называют это так... И когда ты бежала, у меня был соблазн ускорить для тебя время, помогая стать старше. Но я не стал.

— Почему? — только и смогла выдавить из себя Ник.

— Я не хотел тебя лишать детства. Я верил в людей, я знал, что ребенку помогут. И еще... Тогда о войне не говорили. Тогда лишь были восстания в гетто. Если бы я знал о войне, то, быть может, и ускорил бы время для тебя, делая тебя взрослой, но я не знал. И я верил в людей, в их милосердие, в то, что тебя найдут и спасут. Я не ускорял твое созревание.

Ник прикрыла глаза, вслушиваясь в Ханыля — магия вернулась к ней не до конца.

Ханыль.

Верить или нет.

Он пах блинчиками.

Он пах безмятежностью водной глади.

Он пах...

...не бойся, моя маленькая леди, я смогу защитить тебя от кошмаров...

...ты все еще молчишь? Молчи... В молчании нет ничего страшного, Сэм...

...ты уже проснулась? Иди-ка сюда, я готовлю тесто. Без твоей помощи мне не справиться...

...не бойся, скоро мы уйдем отсюда в другой мир, мир, где не надо бояться предательства, моя леди...

...он пах... Домом, как и Лин.

Она открыла глаза — своей магии, которая бред и не существует по словам лордов, она верила.

— На самом деле меня зовут Росси О Ник. — сказала она. — Я постараюсь тебя забрать с собой, Ханыль.

— Ник... Во-первых, приятно познакомиться, а во-вторых... Не рискуй собой и ребенком ради меня. Не стоит.

— Я... — она оборвала себя — помнила, что сразу не убедить, так лучше действовать, чем глупо тратить время. — Впрочем, ладно, пока не будем об этом.

Ханыль поменял тему:

— У тебя еще есть вопросы?

— У меня куча вопросов, — улыбнулась она, собираясь спрашивать о наноботах и их программе, но тут... В голокубе на арене появился Лин. Босой, идущий про прогретому ненастоящим солнцем песку. В джинсах и без футболки. Уверенный, собранный и готовый к бою. Несуществующий ветер шевелил его волосы. Ему бы гриву, как у львов, но он никогда не пойдет на такое. Слишком тяжело переживал обиду на клан. Ник сглотнула, ничего не понимая. Почему Лин оказался там? Почему он вступил в бой? Зачем?! Что происходит?!

Ханыль напрягся, тоже узнав Лина:

— Ник, уходи. Прошу, пока можешь, уходи. Я постараюсь разобраться, я постараюсь помочь Линдро.

Ник прикусила губу и отрицательно качала головой. Она не уйдет. Она не бросит Лина. Пусть он самый сильный хищник на свете, он выстоит в любом бою, но...

Она вскочила и, спешно ища в нейронете планы Холма, бросилась бежать. Ханыль больше не был важен. Побежит ли за ней, или нет... Важнее Лина ничего не было. Ханыль поспешил за ней.

Глава 60. Побег

Ярусы, этажи за этажами, понастроили тут, лорррды, проходы, коридоры, разочарованный гул роя — кажется, Лин отказался добивать своего противника, снова лестницы. Бок колело, сердце заходило от боли — давно такого не было, с самого Хогуэрас.

Все будет хорошо.

Все будет хорошо!

Пусть почти нет магии.

Пусть она без оружия.

Пусть она одна.

Она справится. Она выстоит. Она еще поставит на уши этот Холм, и лорды пожалеют, что попытались ввести Лина и её в свою игру.

Рядом возник Закат, хватая за руку и пытаясь тащить её в другую сторону — Ник запретила себе думать, что веский повод — убийство Лина уже появился.

— Семечка... Не лезь!

— Сам не лезь! — рывкнула на него Ник, вырывая свою руку из его пальцев, и понеслась дальше. Он выругался ей вслед и помчался в другом направлении. Так и знала, что он дрянь, и спасать его не надо. Хотя... Рой же. Он просто попал под влияние роя. Почему с ним не бывает просто, а?!

У Арены её уже ждали.

Сам Ольха, глава роя. Это подсказал нейронет, обозначив его местонахождения у Арены в конце главного входа. Впрочем, он там стоял один, и подсвечивать его с названием «Ольха» не стоило.

Он, в пышных вычурных одеждах фейри, и ведь и впрямь верит в свое божественное происхождение, поклонился Ник и с издевкой поздоровался:

— Рад приветствовать в своих владениях знаменитую Семечку дома Березы, ту самую О Сэм, давшую надежду всем лордам и леди, ту самую Ник Росси.

Она с трудом отдышалась, уговаривая разбушевавшегося в животе малыша потерпеть — потом прижмут к стенке этого надушенного индюка-фейри, а пока... Улыбка и этикет.

— Не рада приветствовать вас, лорд Ольха.

С этикетом у Ник всегда были проблемы. Слишком различаются Запад и Восток.

Ханыль замер за спиной Ник в поклоне.

— Милая леди... — начал было Ольха, но Ник его перебила — у неё там Лин в беде, хоть знак на предплечье и молчал. Он мог молчать и потому, что магии в Ник всего ничего.

— Ваши условия?

Ольха без лишних слов сказал:

— Свобода и жизнь вашего спутника в обмен на ваше добровольное сотрудничество с нами.

— То есть я должна добровольно остаться в Холме? — уточнила Ник.

— Да.

— Полагаете, я останусь?

— У вас выбора нет. Ваш любимый мужчина на Арене, и он не выйдет оттуда живым, уж поверьте мне. У вас нет магии. У вас нет оружия. Ваш кинжал ловца не при вас. Вы

беременны, слабы и беззащитны. Оставайтесь добровольно, и все будет хорошо.

Ник криво усмехнулась — это не их девиз, это их с Лином девиз.

Ольха же качнул головой в сторону арены, где пытался отдышаться окровавленный Лин — против него вышли сразу трое вампиров. А у вампиров же как — если им дан приказ высшего, то они исполняют его до конца. Своего или чужого.

Ольха продолжал увещевать — все же лорды не могут откровенно нарушать клятвы. Или конкретно этот боится полиморфов.

— Все зависит от вашего благоразумия, Ник Росси. Вам, вашему ребенку и вашему спутнику гарантируется жизнь — при условии вашего сотрудничества. Вам нечего противопоставить нам. Вам нечего противопоставить мощи всего Холма.

Где-то мелькнула макушка Брендона — ох, не ему в Холмах светить собой!

Где-то в толпе ликующих качал головой Мигель.

Ольха любезно пояснил:

— Арена защищена Границей, её никому не пересечь, Ник Росси, чтобы спасти вашего избранника.

Ни Брендон, ни Мигель не придут на помощь — лорд не врал, им не преодолеть Границу.

Где-то на ярусе замер сволочной Закат. Вот от него ждать помощи не приходилось.

— Решайтесь, милая леди, вы беззащитны. Никто не сможет помочь вам — рой разотрет в порошок любого, кто попытается вмешаться. Коллективное сознание — страшная штука.

Ник сглотнула и сказала:

— Вы забыли одно...

Одного удара сердца хватило, чтобы пройти метаморфозу от полуоборотня, которым она была, до... Судьба у неё такая, видимо... Нагайны.

Длинный, покрытый блестящей чешуей хвост обвил Ольху с ног до груди, немилосердно сдавливая. Клыки, которым мог позавидовать и Мигель, и любой вампирской стоматолог, замерли в дюйме от шеи. Яд капал с зубов и опалял кожу лорда, оставляя красные, тут же вздувающиеся волдырями ожоги.

— ...я сама по себе оружие! — хорошо, что в фразе почти не было шипящих — шепелявая угроза как-то не впечатляет. — Снимай Границу!

— Леди, остановитесь! — прошипел Ольха. — Это приказ роя!

Роя навалился на Ник всей своей мощью, требуя подчинения.

Ник зло выдохнула:

— Я полиморф, мне плевать на приказы роя. Решайся...

— Это приказ... — ошеломленно прошептал Ольха — он никогда не сталкивался с неповиновением. Кольца хвоста сжали его сильнее, мешая вдохнуть.

Рой гудел и все еще что-то требовал, не понимая, что проиграл.

Ник прошипела:

— Сссснимай защиту! Я не пшшшучу — ты будешшшь первым, но не последним. Яда хватит на всеххх!

Ольха попытался возразить, и Ник вонзила свои клыки ему в шею.

Рой охнул и замер, поглощенный общей болью от яда. Ник не было ни капли совестно за боль.

Одновременно с этим откуда-то со зрительских ярусов прыгнул Закат, пробивая Границу, словно её и не было. Он эффектно приземлился между Лином и атакующими

вампирами:

— Всем стоять! Королевское Правосудие! Любое движение гостей будет трактоваться, как нападение!!!

Ник замерла — почему-то Закат и не сомневался, что многочисленные лорды и леди не будут оказывать сопротивление. На вирт-экране побежали новые цифры, показывая, что наноботы Бродяги вернулись к своим положенным пятидесяти процентам, и Ник выругалась, уже понимая — Закат нагло использовал их с Лином, чтобы проникнуть в Холм Ольхи. Вот же...

Наноботы Бродяги прочно сковали всех лордов и леди, удерживая их от глупостей. Гости замерли сами. Впрочем, наверняка, наны проникли и в них.

Гул роя пропал.

Закат повернулся к Ник и посоветовал:

— Ник, выплюнь его, ты не знаешь, когда он последний раз мыл шею.

Ник выпустила Ольху из своих колец, позволяя ему самостоятельно падать на пол, и прошипела:

— Ну ты и дрянь...

Закат возмутился:

— Невкусный он, а дрянь — я. И научись доверию — я же показывал тебе, что уже можно покидать Холм.

Ник с трудом подавила гнев, и то потому, что он вырывался из неё ненужным шипением. Коллективное сознание — это мрак, любое твоё воспоминание становится достоянием общества. Закат словно понял её:

— И зря ты так тогда с Джонсом — он мог убить тебя. Угроза была вполне реальна. Зря ты ему не верила.

Ник прикрыла глаза. Закат её злил. Злил тем, что использовал Лина как флешку для наноботов...

— Да, — подтвердил Закат. — Я надеялся, что оборотня не станут проверять на нанов, и оказался прав. Ольга переполошился лишь в тот момент, когда Лин спокойно подключился к нейронету, но тогда уже нанов Бродяги в Лине не было.

...Их могли обнару...

— Никакой опасности не было, Ник. Все, что ты думаешь об опасности, не так.

...Лина могли...

— Если бы его попытались задеть или арестовать — вмешался бы я, так как вы были под моей защитой. У меня были бы основания войти в Холм.

Злил тем, что якобы все просчитал...

— Опасности не было. Я бы не стал рисковать вами — я вообще отговаривал тебя от визита в Холм. Скажешь, что я не прав был? Это была ловушка! И еще... Я обменяю твою жизнь и безопасность на возвращенный короне Холм.

Злил тем, что читал её мысли, беззастенчиво лез в её голову, вмешивался и...

— Выйди из моей головы! — рявкнула она. — Других дел нет?! У тебя Холм недоубит, Ольхи тут всякие свободны и живы!

И вообще злил заботой о ней. И вот зачем, а...

Закат чуть приподнял брови вверх:

— Мы не убиваем своих. Даже лорды и леди Холма Дуба, о которых ты сейчас так кроваво подумала, все живы. Я лишь взял и перевел их в другой лояльный Холм.

— Где их превратили в зомби, перепрограммировав так, как вам с Королевой удобно... — пробурчала Ник. Они и этих перепрограммируют. Из-за неё. Чтобы спасти её.

— Приблизительно. Только виновные в программе возрождения полиморфов понесли заслуженное наказание и пребывают в Холме Наказаний. Я не настолько убийца, как ты думаешь. И, прошу... Бери своего Лина и спешно уходи прочь. Я замедлил время, давая тебе и ему шанс убраться до прихода Королевы, но я не могу сдерживать время вечно.

— Я не уйду, — твердо сказала Ник.

— Прощу... Уходи. Ты же понимаешь, что придет Королева, и я снова захочу тебя убить с предельной жестокостью. Потом, позже, когда она отойдет от злости, я выторгую твою жизнь. Но это будет позже. Сейчас же я тебя предаю. Ник... Поверь, так и будет — я не в силах противостоять ей. Я никто против Королевы.

— Тебя накажут?

— Королева знает, что ты шустрая и удачливая, так что...

Ник горько сказала, в очередной раз меняя мнение о Закате, хоть казалось бы — уж сколько можно:

— Тебя накажут. — Она вскинулась: — Я не уйду без тебя.

— Ник, это даже несмешно. — Закат прищелкнул пальцами, запуская время для Лина. Тот спешно шагнул с Арены к Ник, обнимая её и шепча что-то о прощении, о вине, о том, что не хотел пугать. Ник уткнулась носом ему в голую, спешно заживающую, окровавленную грудь:

— Лиинин...

— Прости, прости, прости, выхода не было...

— Это только моя вина.

Он прошептал:

— Тогда... Быть может, ты перестанешь меня бить?

— Бить? — Ник даже отпрянула в сторону.

— В живот и чуть ниже, Ники. — подсказал Лин.

Она сквозь непрошенные слезы рассмеялась:

— Это не я. Это твой сын тебе мстит за причиненное волнение.

— О... — Лин ничего больше не смог выдавить из себя, кладя свою ладонь на живот Ник. — О... надо же...

Ник швырнула мокрым носом — платок приказал долго жить вместе с джинсами и обувью, разорванными при превращении.

Закат вмешался, портя такой интимный, чудесный момент — Лин осторожно ладонью ловил движения сына и, наверное, весьма глупо улыбался.

— Лин, попроси свою жену превратиться обратно, и уходите прочь. Скоро придет Королева, я не смогу противостоять ей. Уходите, прошу...

Лин, прижимая Ник к себе, заметил:

— Мы не можем уйти.

— Да чтоб вас... — выругался Закат. — В этот раз что?!

— Во-первых, Ник несколько не одета...

Закат весьма ядовито посоветовал:

— Тогда скатай в кольца её хвост и тащи прочь на руках — надежнее будет.

Ник вмешалась:

— Я не уйду без тебя, Закат!

— Лиинин, образумь свою жену! Ей еще Ханыля отсюда утаскивать. Ник, подумай хорошенько — сейчас ты и Ханыль важнее.

— Ты позволишь его забрать с собой?! — опешила Ник, уже забывая о своих планах на Заката.

— Нет, — возразил тот, — но я понимаю, что без него ты не уйдешь. Приходится смиряться. Ты же упрямая, тебя даже рой не убедит — похоже, именно поэтому полиморфы и оказались неуютны королевской власти. Ты надежда лордов и леди на свободу, Ник. Уходи, не заставляй меня умолять...

Ник сглотнула — вот только надеждой всех лордов ей становиться не хотелось. Из врагов в спасители и надежду. Какой эпический поворот, однако!

Лин опередил её:

— Закат... Ты бы не мог разморозить... Или как это у вас называется...

— Запустить время. — подсказал лорд.

— Запустить время для Брендона Джонса и Мигеля Переса. Пожалуйста.

Закат скривился, но прищелкнул пальцами... Перед Лином, закрывая его собой, тут же приземлился Мигель. Разозленный Мигель. Злой. Тот самый, за спиной которого уютно, но оркски страшно. А Ник прикрыл собой Брендон — она даже не сомневалась, что так и будет. Никто не помнит, что она сама по себе оружие. Одни ядовитые клыки чего стоят. А это она еще в дракона не превращалась!

Закат критически осмотрел вампиров и скомандовал:

— Не двигаться!

И Брендон с Мигелем замерли, как каменные статуи, не в силах пошевелиться. Судя по яростно сверкавшим глазам, они пытались сопротивляться, не понимая, почему слушаются приказов лорда. Лин поспешно обошел вампиров, в свою очередь прикрывая их от Заката.

Ник присоединилась к мужу, тут же прикусив губу от страха — она знала, что будет дальше. Закат все же лорд Справедливость. Тот подошел ближе к Брендону и вздохнул, обращаясь к Ник:

— Немного доверия — это не так и сложно, поверь. У меня уровень загрязнения почти семьдесят процентов — специально неделю питался только вашей едой.

Он рукой отодвинул Ник, послушно отползшую в сторону — её бесила ситуация: Закат читал её, как книгу, когда она почти не чувствовала его, он был где-то на другом пласту существования роя и коллективного сознания.

Закат как ни в чем не бывало подсказал:

— Это особенность нанов Бродяги — мы полиция, мы суд, мы власть. Странно было бы, если бы нас ломали нанов обычного образца. Мы выше всех роев, Ник, но Королева все же выше меня. Я всего лишь инспектор, хоть и главный, а она — судья.

Он прочертил на лбу Брендона кровавую черту — кожа послушно раскрывалась под его пальцем, который, судя по всему, запускал новых нанов в вампира.

Ник мысленно взмолилась всем богам, в которых не верила, и замерла удивленная. Брендон менялся на глазах. Рыжели волосы, становясь чуть ли не пламенными, кожа те... Кожа не темнела, Брендон сам по себе был светлокожий — на его лице одна за другой расцветали веснушки.

Лин не удержался:

— Оставь ему хоть что-то... Ту же регенерацию...

Закат скептически уточнил:

— Зачем регенерация, если в нем наны? Наны не дадут ему постареть.

— Ясно, — кивнул Лин, — прости, что вмешался.

Закат качнул головой и, выпуская Брендона из-под своей власти, сказал:

— Ваше дело о нападении на Холмы пересмотрено. Вы по-прежнему считаетесь виновным, но обнаружились смягчающие обстоятельства — вас спровоцировали лорды, грубо нарушив договор о перемирии. Ваше наказание смягчили, за излишнюю жестокость наказания вам положена денежная компенсация. Назовите номер счета, вам её перечислят. Холмы и я лично, Зак Клауд, приношу свои искренние извинения. — Избегая ненужных благодарностей или, скорее, ругательств, он тут же повернулся к Ник: — видишь, я умею исправлять ошибки.

Она с улыбкой добавила:

— ... при условии загрязнения в семьдесят процентов.

— Нет, мне хватает для этого и тридцати. Вот чтобы гарантированно не убить тебя, мне нужно больше. Прямой приказ Королевы, что уж поделать.

Он подошел к Мигелю и тоже провел пальцем по его коже, отворяя кровь. Ник тут же вспомнился Гарсия и нападение пса на него после слов о солнце.

Закат, не глядя на неё, подтвердил:

— Кожа вампиров специфична — слишком прочная, межклеточные щели отсутствуют — нанам не прорваться через неё, нужно попадание прямо в кровь... Мигель Перес, вы признаны нарушившим договор о купле-продаже Брендона Джонса. Но вы везунчик — сделка аннулирована, Джонс не был собственностью Холмов и не подлежал продаже. Деньги вам вернут. И спасибо, что оказались Джонсу хорошим другом. Только впредь будьте более законопослушны. Можно было добиться пересмотра дела, как это сделала Ник.

Мигель явно старательно проглатывал все просящиеся на язык слова, кулаки его сжались, кожа на пальцах даже посинела. И он не знал, что меняется. Уходила бледность, превращаясь в приятный загар, темнели глаза и волосы... Ник не выдержала первой:

— Мигеее!!! — она бросилась его обнимать, для верности обвивая кольцами — бывший вампир мог и не понять внезапного приступа любвеобильности. — Какой у меня, оказывается, хороший будущий свёкор!

— Кто? — еле выдавил Мигель — не от удивления, а от приступа удушья, ему теперь полагалось дышать — то, что почти никогда он не делал.

Ник подалась на хвосте назад:

— Ну, если тебя Анна простит.

Лин не удержался от смешка:

— А ему теперь, как и Брендону, долго прощения выпрашивать.

Мигель обиженно посмотрел на Лина, потом на Ник, и выдавил:

— Росси, вы меня в могилу вгоните. Потом обсудим семейные дела. — Кажется, он, осмотрев изменившегося Брендона, сам догадался, что с ним случилось. Он спешно стащил с себя рубашку, накидывая её на Ник поверх короткой блузки. Мигель не был бы Мигелем, если бы не напомнил: — ты замужем. Не надо капать на меня слюной.

Ник восхищенно вздохнула — любоваться, и впрямь, было чем — Мигель оказался хорошо сложенным. Широкие плечи, тонкая талия, вычерченные, как рукой скульптора мышцы. Одно жаль — он был чуть ниже Анны. Интересно, как он это переживает?

— Суперский свекор, — повторила Ник, застегивая пуговицы и наконец-то превращаясь обратно в человека. Рубашка Мигеля была куда как длиннее её собственной блузки и

прикрывала все, что нужно.

Закат чему-то кивнул — то ли своим мыслям, которые не были доступны Ник, то ли её словам, соглашаясь, что Мигель очень даже хорош.

— А теперь все на выход. У вас будет около получаса, чтобы убраться от гнева Королевы как можно быстрее. Ник, никаких возражений! Ты и так получила все, что хотела! Джонс, Перес...

Последний вмешался:

— Если откроете портал на запрос Пса, то...

Закат оборвал его:

— Это бесполезно — наны тут же возьмут под контроль любого. Человек ли, оборо...

Мигель не дал ему закончить:

— Сотня отборных бойцов, прошедших войну и готовых на все, чтобы окончательный мир наступил.

Закат хмыкнул:

— Заманчиво, но, Перес, я знаю, что столько бойцов-вампиров у вас нет.

— Чистокровных — нет. Новообращенных — даже больше. Пришлось проводить тщательный отбор. Навести шорох в Холмах желали многие.

Ник подалась вперед, чуть не вырываясь из кольца рук Лина — она вспомнила номера машин на парковке перед Холмом — Тридцатый, Десятый, Двадцать первый, даже Сорок первый округа. Они оказались тут неслучайно. Они были приглашены заранее.

— Скажите, а хоть у одного из вас... Хоть у кого-то... Неважно кого... Не было на нас с Лином своих планов?! Вы, что, все использовали нас, да?! Один как флешку для своих драгоценных нанов, другой как повод для войны...

Мигель её поправил:

— Для избежания войны, Ник. У нас теперь паритет благодаря Псу и тебе. Мы можем обсуждать условия дальнейшего сосуществования на равных, не прогибаясь и не сдаваясь на милость лордов. И... Я думаю, что Закату очень понадобится наша помощь и помощь Пса, чтобы противостоять Королеве и её... Нанам. Вместе мы справимся.

— Я... — начала было Ник, но её оборвал Закат:

— Умоляю — уходи. Ты и твой ребенок важнее всего на свете. Ханыль тоже. Уходи. Я приму помощь Переса. Может, что-то и получится, даже если меня переклинит под влиянием Королевы, и я перейду на её сторону.

Ник фыркнула:

— Ни секунды не задержусь тут больше. Если ты думаешь, что я горю желанием потягаться силами с Королевой, то сильно ошибаешься. Я лучше в гнездо душеедок залезу, чем окажусь рядом с Королевой.

— Ник, давай без вашего поверхностного фольклора, хорошо?

Она не удержалась и принялась пояснять, уже зная, что зря. Очень зря. Руки Лина на её плечах стали тяжелыми, просто каменными. Брендон напрягся, а Мигель грустно улыбнулся и...

— Это такая нежить, которая находит трещину в сердце...

Закат обреченно её поправил:

— Считывает эмпатический слой...

— ...Ники, не надо, — Мигель постарался её остановить, но она безжизненно продолжила, чувствуя, как пол уходит из-под её ног:

— Душеедка подстраивается под объект, меняясь внешне под его предпочтения, и со временем убивает его. — она потрясенно посмотрела на грустного Лина, на глядящего её по голове Мигеля, на прикусившего губу Брендона: — Вы знали. Вы все знали! Вы знали, что полиморфы — это душеедки, и молчали. Я оркская душеедка!!!

Голова кружилась и звенела. Ноги то и дело пытались подогнуться, чего с ней даже в пылу боя редко бывало. Мягкий, ласковый голос Лина звучал где-то далеко, как и слова, сказанные явно Мигелем — вот не умеет тот утешать: «Ники, ты разумна, в отличие от них». Словно у душеедок не может зародиться разум — Ник помнила, как убивавшая Эвана душеедка прошептала перед смертью «Папа...». Просто та душеедка не умела поддерживать свою жизнь иначе, как научилась Ник. Вампиры научились, а душеедки нет.

Брендон пытался её успокоить:

— Мы не могли тебе такое сказать, хоть сразу сообразили, кто ты после того, как ты стала подстраиваться под Лина, становясь оборотнем... Ники, нам все равно, кем были твои предки.

Руки дрожали. А голова взорвалась алой болью — принудительно включился элтел, ему даже душеедки противостоять не могут.

Бархатистый, чуть строгий, удивительно приятный, словно укутывающий одеялом, прогретым солнцем, голос Заката. Тепло его души. Его уверенность, которую не вложить в слова, не передать движениями, а только вот так — мысль к мысли, разум к разуму, душа к душе.

— Ники, вспомни, ты не полиморф. Ты пони, который ничего не знает о геномном импринтинге. И даааа, сейчас тебя такое не утешит, но в самом начале своего пути вампиры были кровожадными убийцами...

— ... защитниками человечества, собиравшими последние выжившие крохи разума на Земле.

— ...оборотни — безумными тварями, меняющимися под влиянием Луны...

— ...защитниками человечества, Закат. Тебе нужно лучше знать историю.

— ...а само человечество начало свой путь...

— ...да-да-да, от обезьян.

— Вот видишь, Ники, ты сама все знаешь. Так какая разница, от кого ты произошла, если ты стала иной.

— Ты не представляешь, скольких душеедок я убила, когда была ловцом.

Он, кажется, криво улыбнулся, если в душе можно улыбаться:

— Ты не представляешь, скольких я убил, когда повиновался рою и Королеве. И в отличие от тебя, выполнявшей предписания Школы ловцов, у меня никакого оправдания нет.

— Закат... Почему тогда... — Ник не знала, как спросить правильно, но тот сам её понял:

— Потому что, Ник, ты назвала меня чудовищем. Мне стало интересно, почему же я становлюсь чудовищем, приказывающим убивать людей с особой жестокостью... Ники... ты не чудовище, в отличие от меня. Ты пони, помнишь? Ты иная, и я рад, что ты выжила.

— Представляешь, даже ловцы согласны с тем, что полиморфы подлежат уничтожению. Даже на поверхности знают, что полиморфы — прирожденные убийцы.

Одеяло, которым укрыл её Закат стало еще теплее и мягче, оно словно пропиталось ароматами неба, моря, выси, дерева и земли — всем тем, что Ник любила.

— Ники, ты пони, ты не полиморф. Ты нужна Лину, Брендону, Мигелю, Ханьюлю наверное. Ты нужна даже мне...

Она не сдержала яда в мыслях:

— Как средство противостояния Королеве.

— Да, как мое средство противостояния Королеве — я всегда должен помнить причину, по которой мне нельзя быть чудовищем. И как надежда на то, что мы все выживем и снова станем индивидуальностями, а не общим роем, который может глубоко ошибаться. Ошибка одного — это ошибка, которую можно исправить, ошибка роя — это катастрофа. Прошу... Уходи.

Она прижалась к его теплomu, сейчас чистому сознанию:

— Держись, хорошо? Попытайся хотя бы... Если бы я могла, если бы я была одна, я бы осталась и...

— Уходи, живой ты нужнее.

— Учти, ты мне понадобишься недели через три.

— Позови — и я приду.

— Только с уровнем загрязнения семьдесят процентов. — напомнила она.

— Я не забуду. — твердо сказал Закат. — И... Еще. Меня зовут не Алое Пламя Заката, я просто Зак Клауд. У меня даже где-то паспорт валяется на это имя. Наверное, его надо найти... А сейчас уходи... Бери Лина, Ханюля и уходи. Брендон вам в машине на переднем сиденье термопакет оставил с блинчиками, кофе и запиской, в которой извинялся за лягушек.

Последнее явно его заинтересовало, и Ник сказала:

— Приходи через три недели, и я расскажу про лягушек.

— Договорились. — он не стал напоминать, что все её мысли и воспоминания и так как на ладони перед ним. Зак отключил связь и тут же скомандовал: — Ник, Лин, у вас полчаса, уходите. Не забудьте Ханюля.

Лин наклонился к Ник, оказывается, она так и стояла в его объятьях:

— Руки или лигр?

— Лигр, — выбрала она, честно признаваясь: — ноги не держат.

А по проходу, окружая Мигеля и Брендона, уже шли одетые в одинаковую униформу стражей вампиры из новообращенных. Их выдавали обычные, простые, человеческие лица, не то, что у рожденных вампирами. Ник грустно усмехнулась, рассматривая изменившихся Мигеля и Брендона — кажется, её проект о снятии привязки с новообращенных вампиров, запланированный на это лето, оказался ненужным. Ну и пусть! Об этом она точно жалеть не будет...

Глава 61. Опять в дорогу!

Первый месяц лета выдался у Ник одиноким. Нет, Лин старательно вырывался домой от Мигеля, иногда даже на пару дней, а то и больше — целых три, но все же чаще всего он пропадал в Холмах, как и Брендон, как и сам Миге, и многие из штурм-отряда. Там кипела работа, знать бы еще какая. Полиморфы — это такие прирожденные убийцы, которых надо холить, лелеять и оберегать.

«И в зону не брать, даже под усиленной охраной!». Даже если полиморфы — это душеедки, готовые сами за себя постоять. Миге бы осчастливить третьим ребенком у Анны, а лучше своим, чтобы отстал от будущих чужих детей, и не капал своим отцовским беспокойством на малыша Ник. И Лина. На их малыша.

Кстати, результаты переговоров в Холме Ольхи Ник так и не рассказали — стррррашная тайна, которая может расстроить одну мелкую полиморфу. Кажется, Миге и его команда там в Холме продула Королеве. Возможно, тайна Холма Ольхи была связана именно с этим. Миге продул. Возможно, впервые в жизни. И, возможно, теперь готовились к затяжному противостоянию, если не к войне. А Ник расстраивать нельзя, хоть Ник будет первой в рядах воинов, если худшее все же случится. Что будет при этом с Мигелем, лучше не думать. Лин-то переживет, просто встанет рядом, прикрывая спину. И привычно спросит: «Куда точнее?»... Только бы это не случилось.

Ханьль прочно поселился в Холме ткачей, откуда его почти не выпускали — слишком много работы. Какой работы — Ник, конечно же, не говорили. Кстати, преображенный Холм Ник так и не увидела — ага, слишком опасно. Там был форпост противостояния лордам Холмов, что бы это не значило. Ник же туда не брали — слишком опасно: плохие дороги, а в самом Алисо плохие больницы, а в зоне плохие условия, и вообще она не до конца изучена...

Весь мир вдруг стал опасен для Ник — это уже врачи сказали, которых напустил на неё все тот же Миге. Слишком большой плод для одной слишком маленькой полиморфы, а значит... Да, да, да. Холить, лелеять и оберегать. И никуда не пускать. Ник же чувствовала, что скоро сойдет с ума в четырех стенах. Хорошо, что по весне не задумываясь уехала, бросая все — такой жизни, как сейчас, она бы не выдержала. Даже ради Лина и его спокойствия. И, значит, надо решаться. Надо отправляться в новый путь, убегая от тайн и давящих стен.

Нет, конечно, Ник формально была не одна — её навещали и Вик с Марком, и Анна, и Лина с Мией. Ник бесконечно удивлялась — как в семействе Росси, где были Линдро и Лина, вообще появилась Мия, а не какая-нибудь Линелита. Это было непонятно.

Мия всегда приносила с собой атмосферу праздника и необычайно легкости — если старший Санторо переупрямит Мигеля, то лису очень повезет с девушкой. Вик и Марковке, кстати, стало гораздо лучше. Ник не знала, кто им помог — Брендон, Мигель или все же Закат, но аура близкой смерти больше не висела над Вик и её сыном. Вик даже помолодела — оказывается, Брендон, вот же зараза, любил девушек помоложе — Вики была ничуть не старше самой Ник. Да...

Про судьбу Двадцатого округа, и тем более Двадцать первого — молчок. Это может расстроить Ники, точнее, как-то сдался Мигель, это может её заставить собраться и рвануть спасать самой так, как умеет.

Ник не оставляли в одиночестве. Даже Анна выгуливала Ник — то по пафосным ресторанам, то по магазинам и закрытым распродажам, то по клубам — тоже закрытым и привилегированным. Только это все не то. Хотелось одного — если уж в одиночестве, то где-то далеко, где никто не найдет, где берег океана, волны и ветер. Запах разлагающихся водорослей и воды. Где только ты и небо. И скоро так и будет. Да, Мигелю её не удержать. Всему Либорайо её не удержать. А Лин... Лин поймет.

Жердь даже свадьбу умудрился сыграть в этой круговерти с Холмами и лордами. «Джунгли» тогда два дня гремели музыкой и весельем — нечасто парни штурм-отрядов расстаются с холостой жизнью. Ник даже в гости звали — Ден нашел минутку, забегал и приглашал к себе. Ник съездила к нему в общежитие, познакомилась с его сестренкой. О его работе, конечно же, ни слова не говорили в тот раз — нельзя, полиморфу надо оберегать... Эван даже приезжал и познакомил со своей семьей — это было немного неудобно, Ник же почти сразу забыла о нем, стоило разгромить Ледяную зону. Даже Маки объявился — вот уж неожиданность. Тоже не виделись с самой осени, и о чем говорить с котярой Ник не знала. Их связывали только наны и страсть, которую те разбудили в них двоих. Сейчас же Ник Маки был приятным, умным парнем, не более того. Даже не в её вкусе внешне.

Формально Ник была не одна. Формально... Но на деле она была одна — полиморфы все же одиночки. Про гнездо душеедок она тогда Закату сказала для красного словца.

Короткими, душными летними ночами, лежа на мокрых от пота простынях — в квартире Лина не было кондиционера, — она была одна. И она обдумывала свое будущее. И свои планы, в которые никого нельзя посвящать. Которые надо воплотить, закрывая историю побега из Холма Дуба навсегда. Которые... Которые окончательно сделают Ник одиночкой. Она останется ни с чем. Она будет одна. Впервые за всю жизнь одна.

Утро началось с солнечного зайчика, который пробился через плотные шторы спальни.

Ник забилась под подушку, но тут заснуть помешал яркий, бодрящий аромат кофе. Она знала, откуда мог взяться кофе в доме Лина. Ник села в кровати, потягиваясь и тяжело вставая: все же лигры — это лигры. Начинался седьмой месяц беременности, а врачи разводили руками — еще чуть-чуть и расти лилигру будет некуда. А меняться, как уговаривали врачи и Мигель, она не будет. Ни за что. Она нравится себе самой такая, как есть. На самом деле Ник очень боялась забыть себя настоящую, если поддастся на уговоры и чуть-чуть подрастет.

Она прокричала:

— Я проснулась! Уже!

Знала, что её услышат.

И обуваясь в элегантные, подаренные Анной домашние туфли (как же Ник не хватало её простых тапочек с помпонами!), она направилась на кухню. У плиты стоял Лин. Одетый только в простые домашние штаны. Капельки воды капали с коротких волос и скатывались по рельефной спине. Оказывается, он уже давно дома — даже душ успел принять с дороги. А она не слышала и не заметила его возвращения — плохо, потеряла бдительность. Это может тяжело аукнуться в будущем, когда она опять вернется на дорогу, когда привычная жизнь позовет её дальше, за Либорайо.

Она уткнулась носом в спину Лина, вдыхая любимый аромат — земля и дерево. Пусть память подсказывала, что это обычный запах оборотней, всего лишь мускус, но для неё другого аромата не надо было.

Она потерлась носом о его теплые, твердые от напряжения мышцы.

— Ты дома... — прошептала еле слышно.

Он послушно отозвался:

— Ники, малыш... Я дома...

Она поцеловала нагло выступающий на спине позвонок, еле дотягиваясь на цыпочках, и Лин чуть выгнул спину от её хулиганской выходки, а потом развернулся, подхватывая её за талию и сажая на кухонный стол прямо перед собой. И поцеловал. Поцеловал так, как целовал только он — мягко, тепло, чувственно, необходимо, как глоток воздуха... Правда, ему тут же пришлось отвлекаться и ловить убегающий кофе, попутно одергивая задрвшуюся на Ник одежду — она так и не изменила себе, спала в его старых служебных футболках. Да, без него никуда, и это и пугало, и приятно грело — без него никуда!

Наблюдая, как Лин старательно процеживает кофе через ситечко в чашку, она сказала:

— Хорошо, что ты вернулся именно сегодня.

Он настороженно повернулся к ней, отвлекаясь от кофе:

— А что у нас сегодня? — Хорошо, что они знакомы меньше года, а то бы сейчас он судорожно соображал, какую дату пропустил — настолько забавно он выглядел.

Ник пояснила:

— Я вчера договорилась с Заком. Сегодня выезжаю к нему. Есть одно дело.

— Ясно, — только и сказал Лин. — И во сколько?

Она тихо призналась:

— Договорились на восемь.

Лин посмотрел на настенные часы, на которых время подбиралось к семи тридцати, и улыбнулся:

— Тогда стоит поторопиться с завтраком. — Он снова поцеловал её, в этот раз в кончик носа, и полез открывать духовку, в которой томилась овощная запеканка. Пока он раскладывал её по тарелкам, Ник задумчиво пила кофе, который ей, вообще-то, запретили, но... Лин очень старался.

— Тебя подбросить до автодома? — спросил Лин уже за столом. Сам догадался, что отправится в дорогу она на автодоме, совсем как раньше.

— Буду очень благодарна. — Она без аппетита ковырялась в запеканке, выискивая кусочки морковки. Зак присылал Анне овощи и мясо из Холмов — он заботился, чтобы у Ник уровень загрязнения не приближался к сотне, когда она потеряет контроль над собственными нанами. Быть может, Зак присылал бы еду самой Ник, но кто-то надоумил его, что она готовить не умеет и не будет. Как бы не Брендон это был.

Лин уточнил, зная грешок Ник:

— Вещи свои уже собрала?

Она отмахнулась:

— Зачем? В автодоме полным-полно моей одежды.

— Ясно, — Лин грустно улыбнулся. — Мои вещи из автодома забрать?

— Будет просто отлично, — призналась Ник. Его вещи там будут лишними. Это он хорошо придумал. Сама бы она не знала, как его попросить о таком.

— Только не геройствуй, хорошо?

— Хорошо, — послушно согласилась она.

— И береги себя. Хорошо?

Она снова кивнула — было отчаянно страшно и больно уходить отсюда. Она привыкла к... Не к дому, к Лину. И ведь объяснить ничего нельзя. Еще непонятно, как все получится. И

получится ли. И сможет ли она вернуться.

Она заставила себя улыбнуться — в Либорайо она рано или поздно, все равно как, но вернется.

— Если ты поела... — Лин задумчиво посмотрел в её почти полную тарелку — Ник так и не прикоснулась к еде, — то тебе пора одеваться.

Она быстро встала, тут же жалея — в глазах на секунду потемнело, подошла к все так и сидящему Лину, обняла его за шею и поцеловала в висок:

— Все будет хорошо. Я надеюсь.

Он тихо пробурчал:

— А уж как я надеюсь. Зак говорил, что у него загрязнение достигло уровня восьмидесяти процентов. Но все же будь осторожна.

— Ревнуешь?

Он поймал её руку и приложил к своей щеке, видимо, запоминая запах или просто так.

— А надо? Зак простой инспектор, и даже не принц.

Ник уткнулась ему в макушку, сдерживая смехи:

— Когда ты целый король. И капитан.

— Может, не целый, но капитан — точно. А скоро буду майором. — признался Лин, вставая. — Миге готовит как-то страшный сюрприз, от которого парни уже заранее в шоке.

Ник рассмеялась:

— Миге — это Миге. — она вновь поцеловала Лина, теперь в упрямую макушку.

Он спокойно заметил:

— Пора, Ники, а то опоздаешь. Зак этого ужасно не любит.

Она лишь кивнула и понеслась одеваться — свежее белье, джинсы, синяя форменная футболка с эмблемой Седьмого штурмового, пропахшая Лином. На запястье блеснул золотом новый брачный браслет с выгравированными лиграмми. Его пришлось снять, на всякий случай. Ник убрала его в шкатулку — не надо давать лишних поводов кое-кому... А сердце зашлось от страха — ей придется довериться, а это не то, что привыкла делать Ник.

Лин про пропавший браслет ни слова ни сказал, как будто, так и надо. Сам он брачный браслет никогда не снимал. Вот и сейчас тот разбрасывал по салону старенького «Шайра», его машины, солнечных зайчиков — Лин тоже был в футболке и джинсах: лето, жара, палящее солнце прямо с самого утра.

До автодома Лин доехали довольно быстро для стоящего в вечных утренних пробках Либорайо. И Лин даже сиреной не воспользовался, хоть и мог. Вот это в нем всегда удивляло — отсутствие элитности, тщательно взращиваемой Мигелем во всех его окружающих. Вот как в семействе Росси-Перес и этого... Фамилию тигра, которого Миге назначил в родители девочек, Ник так и не удосужилась узнать. Вот как у избалованного деньгами и тягой к элитности Мигеля вырос абсолютно непритязательный к роскоши Лин? Надежный, уверенный, простой и нужный Лин, а ведь мог быть мажором или прожигателем жизни... А получился её Лин. Он поймал её взгляд и солнечно улыбнулся. Просто так.

Машина въехала на парковку, останавливаясь рядом с автодомом. Как же давно Ник тут не была... Она вышла из машины, замирая и запоминая Либорайо.

Парк был уже прогрет солнцем. От асфальтовых дорожек несло пылью и жарой. Шелестела грязная листва на деревьях, умоляя о дожде. Газоны блестели от капель воды — система автоматического полива только-только отключилась.

Где-то между деревьями мелькали на беговой дорожке парни из отряда.

На площадке перед автомобилом было тихо и пусто. Лин первым делом принялся отключать дом от коммуникаций и лишь потом зашел внутрь. Ник пришлось пойти следом — бояться своего дома последнее дело.

Дом был насторожен и обижен. Он молчал — даже аккумуляторы не гудели. Его же бросили в одиночестве. Его забыли.

Ник погладила его бок — шершавую, старую стену:

— Я боялась за тебя... — пояснила она. — Я была в Холмах, разбиралась с прошлым, и боялась, что необычный дом, умеющий сам принимать решения и перемещаться в пространстве, привлечет к себе ненужное внимание. Я не хотела, чтобы тебя... Отобрали.

Закапала вода где-то в канализации. Включилось что-то на кухне. Поехали вверх рольставни, запуская солнце. Мотор в кабине заурчал, готовый к путешествию.

Уровень нанов на вирт-экране не менялся. Наны Дуба и не думали возвращаться к Ник.

Лин вышел из спальни с сумкой, полной своих вещей:

— Я все...

Ник не удержалась — обняла его за талию, прижимаясь к груди и слушая, как гулко и ровно бьется его сердце. Узнать бы еще уровень и названия нанов в нем...

Лин осторожно поцеловал её в висок:

— Удачи!

— Спасибо, — еле выдавила из себя Ник. Было страшно, как перед ледяной волной тогда в Ледяной зоне. Или нет. Как тогда, когда Лин попал в больницу — вот тогда было страшнее.

Лин ушел, дом ожил и тут же включил проветривание, изгоняя запах Лина навсегда. В воздухе повис аромат апельсинов и жаркого лета. Хоть табличку вещей — оборотням тут не рады. Да, хорошо, что брачный браслет Ник сняла. Целее будет.

Ник подперла спиной дверь. Надо... Надо решаться.

С улицы доносился шум, приглушенные голоса парней, а потом все перекрыл вопль Утеса:

— Ну неееет! Росси, столько можно, а?! Опять с сумкой! Опять потом будем в морг нестись и рассматривать трупы, да?! Тебе прошлого раза не хватило?!

Слова Лина в ответ были почти не слышны. Зато Жердь влез:

— Да чего в этом страшного-то?!

— Рыдать он будет на твоём плече! — рявкнул Утес. Странный шум драки, входная дверь громко ухнула, когда её попытались открыть. Утес — это Утес, прет напролом, даже когда ничего не понимает. — Ниииииик!

Она прошептала, сдаваясь:

— Дом... Давай к морю в Ледяную зону. Там сейчас хорошо. Там нас ждет Закат.

Просить дважды дом не пришлось — кажется, он вновь все решил за неё. И Закат его радовал гораздо больше, чем какой-то Линдро. Крайне показательно и глупо со стороны дома.

За окном потемнело от пространственного перехода, а потом через стекло ворвалось сонное, зимнее солнце, и запело море.

Ник прикусила губу и пошла одеваться — в Ледяной зоне даже летом не жарко.

Дом на радостях открыл весь гардероб, предлагая теплые колготы, штаны, шорты, платья и юбки на выбор... Он был необычайно щедр, радуясь Закату.

Ник надела на себя длинный, крупной вязки свитер, который заменил и юбку, и платья,

в которые она сейчас при всем желании бы не влезла. Натянула на себя плотные колготы, обулась в зимние, на меху ботинки, подумала и захватила теплый жилет — лишним вот точно не будет. Дом подумал и предложил еще и шапку вдогонку вместе с шарфом. Он был чрезвычайно покладист, забывая о ссоре и долгом забвении, ведь, видимо, все шло согласно его плану.

На берегу было шумно. Наползали волны на берег, игрались галькой и льдинками.

На скалах, уходящих вверх, орали и ругались птицы.

Шумели на ветру деревья, чуть поскрипывая ветвями.

Сизое, по-зимнему низкое и темное небо сливалось вдалеке с водной гладью. Оно по-прежнему звало за собой, куда-то далеко, куда-то ввысь.

Ник шла по кромке мира, по тонкой границе между землей и водой. Волны чуть лизали её ботинки, пробуя на вкус. Ветер игрался концами длинного шарфа и кидал в глаза отросшую челку.

Лина здесь отчаянно не хватало.

Одиночество все же тяготило Ник, пусть и говорят, что душеедки одиночки.

Она замерла, забравшись на невысокий камень, который с трех сторон омывало море. Соленые брызги летели в лицо, скрывая непрошенные слезы. Она прощалась с прошлым. Прощаться было бы легче, будь тут Лин, но так рисковать она не могла. А небо все звало и звало её ввысь. Она помнила — когда-то она летала. Летала на зло всем, утверждавшим, что драконов не существует.

Пахло йодом, смолой и солью. И чуть-чуть озоном — так пахнут грозовые небеса.

За спиной раздался шум шагов. Зак замер где-то сзади, не мешая ей. Стоял молча и ждал. Только по элтелу прислал сообщение — скриншот его вирта: «Загрязнение восемьдесят один процент. Требуется срочная чистка.»

Ник обняла себя руками за плечи тихо сказала Заку — знала, что услышит:

— Все знают — драконов не существует. А ты говорил...

Его голос звучал приглушенно, прячась за шорохом волн:

— Драконы существовали, Ник.

Она так и не обернулась к нему:

— Только не надо говорить, что, если я подумаю, то все пойму сама.

— Не буду.

— Так объясни.

Он, медленно — видимо, пытался вспомнить или подобрать слова, начал:

— До Катастрофы люди любили эксперименты. Генетические эксперименты. Ты же заметила — мы все, люди прежней Земли, сильно изменены — идеальный рост, вес, метаболизм, красивые черты лица и прочее.

Ник не удержалась:

— Вы как под копирку.

— Так получилось. — мягко согласился он. — Каноны красоты, увы, едины. Когда устали улучшать себя, начались эксперименты с окружающим миром.

— Ваши фейри...

— И наги... — добавил Зак.

Ник раздраженно топнула ногой:

— Даже боюсь уточнять — для чего они были вам нужны.

Зак вздохнул, но продолжил, не стал ругаться на то, что она его перебивает:

— Просто так, Ник... И грогачи...

— ...в качестве слуг по дому... Точнее рабов, — припечатала лордов Ник.

— ...и трау для переноски тяжестей, и прочие диковинки. В том числе шли эксперименты над вымершими животными. Мамонты, динозавры...

Ник даже дернулась, уже все понимая.

Зак подтвердил:

— Ты не ослышалась. Динозавры. Некоторые неопасные, но интересные виды. В том числе и летающие — ты же знаешь, что птицы произошли от динозавров? Когда случилась Катастрофа, многие виды погибли, а многие — преобразились.

Ник тихо подсказала:

— Пыль дала им магию.

— Сделала некоторые виды динозавров пирокинетиками.

— Огнедышащими драконами.

— Да, так их запомнили поверхностные.

Ник не удержалась:

— Ты заметил, что ты людей, живущих на поверхности, людьми не называешь?

Он, наверное, пожал плечами — был слышен странный шорох одежды.

— Привычка.

— Отвратительная привычка, Зак.

— Согласен.

— И что случилось с драконами?

— Их истребили вампиры — и не думай, что истребили, потому что те были опасны. Истребили, потому что в них было много мяса для прокорма своих людских ферм. Слышала, я сказал — людских.

— Возьми конфетку, — пробурчала она. — Награди себя за смелость.

— Бука, — рассмеялся Зак. — Динозавров истребили, как истребили и мамонтов, и других экзотов.

— А в памяти людей они остались драконами.

— Точно. И... Ник...

Она перебила его:

— У меня к тебе столько вопросов. Ты столько скрывал, скрываешь и будешь скрывать — вот ни капли не сомневаюсь в этом.

— Ник, ты своими вопросами только тянешь время. Может, все же займемся делом?

— Вот отвратительно — копать в чужой голове.

— Здесь нет нейронета. Я не копаюсь...

— Ты копался в Холме Ольхи. — напомнила Ник. — Этого более чем достаточно.

— Нииииик, это особенности существования роя. Почти ничего не скрыть.

— Да-да-да, потому вы и не умеете лгать.

— Смысла нет. А вот про танцы — байка. И про питание душами и силами людей в танце — тоже байка. Тамиор был совсем плох душевно. Так что с танцами — ложь. Мы просто любим движение.

— Утешил.

— Ник, хватит оттягивать.

Она еле нашла силы сознаться — Лину бы сказала легко, а тут же Зак. Зак, которому сложно доверять. До сих пор сложно, хоть все понимаешь и помнишь о роли роя в его поступках.

— Это вся моя жизнь, которую я помню, Зак.

— Ник, — его голос стал мягче, в голове Ник на всякий случай загорелся вызов элтела.

Она проворчала:

— Сбрось. Мне сейчас только тебя в своей голове не хватало.

Он сбросил вызов. Вздохнул, что-то шепча про «лучше».

Ник снова попыталась объяснить то, что чувствовала:

— Я же почти ничего не помню о себе, и дом — вся моя жизнь, все, что я знаю.

— Это не так, Ник. Огромный пласт твоей жизни лежит вне дома. Лин, штурм-отряд Ханьль, Холмы...

— Тебе не понять, — отрезала она.

Он фыркнул. Вздохнул. Наверняка криво улыбнулся, потому что сказал:

— Да куда мне понять. Я по пальцам на руках могу пересчитать те дни, когда я был именно я. Я сам, а не рой. И в отличие от тебя, у меня нет ничего на память об этих днях. Вся моя жизнь была в Холмах. — Он на миг прервался, а потом рассмеялся: — нет, вру! Нагло вру! Одно воспоминание обо мне настоящем есть — и это ты. Ты и твоя жизнь.

Ник повернулась к нему на своем камне:

— А если он разумен? Если я сейчас прям, как ты, тогда в Холме Березы... Только я не предлагаю ему лист с требованиями к принцу?

Зеленые глаза в упор смотрели на неё — серьезно и хмуро:

— Ник, понимаешь... Это квази...

Она оборвала его:

— Вот любите вы это слово!

— Хорошо, — поправился он — про Гарсию он знал из её воспоминаний. — это псевдоразумность. Это микросхемы, электрические импульсы и программа.

— А если ты ошибаешься? Мы не знаем влияния заражения пылью на нанов.

Зак пожал плечами и подал руку Ник, помогая спуститься с камня — вода подступала все ближе и ближе:

— А если я ошибаюсь, то все на порядок хуже. Одно дело, когда Дуб выполнял программу, потому что ему её дали, и совсем другое, когда он пошел на это осознанно. Это отвратительно — заключить чью-то жизнь в клетку и приводить к ней генетический материал для размножения.

— О как... Да ты поэт в душе. Так... Сказать о моей жизни.

— Ты же не хочешь провести так всю свою жизнь — восстанавливая ненужную популяцию вампоморфов, оборотнеморфов, людеморфов, рожая и меняя партнеров по воле разумных нанов? Заметь, твоя мать могла сама все сделать, но она предпочла мужа, Холм и спокойную жизнь, свесив предназначение на тебя. Отвратительный поступок, кстати.

Ник обняла себя за плечи, и Зак привлек её к себе в объятия.

— Шшш, все будет хорошо. Я тебе обещаю. Я уничтожу эту программу. Честное слово.

Она прошептала ему в грудь:

— И Лин же еще...

— Я узнаю про Линдро, я помню.

Ник еще чуть-чуть повздыхала, а потом все же отпрянула в сторону:

— Тогда иди... И будь осторожен.

— Ник, я же полицейский.

— Ты страж, полицейских больше не существует.

— Ну, спасибо. Я-то есть.

— Иди, инспектор. И, прошу, не ошибись...

Он кивнул:

— Я постараюсь.

Он направился в сторону дома, и Ник оставалось только надеяться, что все, действительно, будет хорошо. Что Зак уничтожит программу. Что Зак не притащит на себе нанов. Что Лин не заразился нанами те минуты, которые провел в доме, собирая свои вещи. Сама она ничем не дорожила в автодоме, только им самим, а Лин... Лин имел право забрать дорогие его сердцу мелочи из автодома.

Ник думала, что проверка дома займет много времени — полчаса, час, два... Но Зак вышел почти сразу — минут, может, пять, провел в доме. И вот как верить после такого в его объективность?!

Он подошел к Ник — та шарахнулась в сторону от его протянутой руки, побоялась, что он может заразить её нанами Дуба.

— Не бойся меня, Ник. — почти простонал с обидой в голосе Зак. — Капля доверия — сколько раз уже можно просить.

Она лишь качнула головой в сторону его протянутой ладони:

— Что у тебя там?

Зак пояснил:

— Там твои потерянные годы, которые ты искала. Хочешь их забрать обратно?

Ник настороженно уточнила, и не думая приближаться:

— Вместе с нанами Дуба, да?

— Да, вместе с нанами Дуба.

— Спасибо, но нет. — для верности Ник еще дальше отошла.

— Ник? Ты же хотела...

— Мне и краткого пересказа хватит в твоём исполнении. Я поверю. И ты не сказал про Линдро...

— Наны Дуба трижды пытались убить Линдро. — Зак опустил руку, и Ник оставалось только гадать — уничтожил он при этом захваченные из дома наны Дуба или нет. Вопрос орского доверия. И доверия к кому?!.. К Заку.

— Трижды?! — опешила Ник. Она насчитала два — один точно, второй под вопросом.

Он подтвердил:

— Трижды. Один раз в бывшем Двадцатом округе, когда переместился прямо к трещине, в надежде, что Лин упадет в неё, ослепленный ярким светом. Я тогда еле успел, гравитационным ударом отодвигая дом от края трещины... Второй раз в дороге назад — дом не учел стойкость оборотней к различным пищевым токсинам при помощи нанов Пса. Третий ты и так знаешь — алхимический ожог. Если бы не наны Пса, Лин бы погиб. Отравление было массивным.

— Ррррррогатые оррррки... — только и выругалась Ник. — Ты знаешь, что надо делать, Зак... — Эксперименты над собой Ник дому бы простила, но попытки убийства, причем не её, а Лина, того, кто преломил в её доме хлеб, нет.

— Я могу тебе дать время забрать вещи.

— Ничего там, без чего я прожить не смогу, нет.

— Уверена? — он внимательно наблюдал за ней.

— Уверена, — твердо сказала она.

Зак пижонски прищелкнул пальцами, и дом тут же расцвел языками алхимического пламени во все стороны — эта дрянь убивает все, даже наны, Ник это знала.

Зак пояснил:

— Небольшой заряд встроен в каждую модель фейри-техники. Посыл определённой мыслеформы его активирует. И не смотри так ошарашенно — мы не убийцы, это всего лишь предосторожность, чтобы технику не использовали против нас самих.

— Ага, а то, что будет со стражем, облаченным в этот момент в доспех, вас не волнует. Или то, что будет с пассажирами фейри-машины.

— Эти риски прописаны в договоре купли-продажи.

— Очень удобная позиция.

Зак не стал отвечать, меняя тему:

— Так... Краткий пересказ, да?

Ник лишь кивнула. Постояла рядом с Заком, прислушиваясь к треску погибающего в пламени дома и пошла прочь вдоль берега — подальше от ядовитых клубов дыма.

Зак пристроился рядом. Шел, засунув руки в карманы — перчатки он не захватил.

Ник молчала. Ждала.

Он вдохнул полной грудью свежий воздух и все же начал:

— После моего прихода в Холм, наны Дуба гнали тебя как можно дальше от Холма. Как можно дальше от опасности. Только наны не учли, что ты ребенок и легко устаешь. Когда ты упала без сил в очередной раз, наны решили, что тебе ради выживания стоит подрасти.

Ник снова лишь кивнула — Ханьль говорил о таком же выборе, стоявшем перед ним. Только он выбрал её детство. Наны выбрали иное — они лишь машины с машинной же логикой.

— Наны ускорили время для тебя — за сутки в реальном мире ты выросла на десять лет.

— Десять?!

— Десять, — подтвердил Зак. — Нанам для исполнения заложенной в тебя программы требовался определенный возраст — восемнадцать лет. Наны не учли одного — истощения внутренних ресурсов. Когда тебя нашли люди, то ты выглядела лет на четырнадцать-пятнадцать, не больше, так истощили тебя наны.

— Подожди... — Ник даже замерла, носком обуви копаясь в прибрежной гальке. — Но ведь можно вырастить тело, но не мозги. Знаниям-то откуда взяться?

Зак улыбнулся:

— Все необходимые знания вкладываются в Холмах при рождении. Сжатые массивы данных, открывающиеся в определённый период жизни. Так что, поверь, тебе было восемнадцать и психологически, и физически. Только наны не учли одного — ты в восемнадцать точно так же воспротивилась программе, как и в двадцать восемь. Ты попыталась противостоять нанам и их решениям.

— И...? — Ник пошла дальше по берегу.

— И наны не нашли решения лучше, как полностью обнулить твою память.

Ник выругалась — крепко, грязно, отвратительно, но других слов у неё не было.

Зак не стал ничего выговаривать ей, сам не нашел слов лучше.

— После ускоренного созревания была истощена не только ты, нанам тоже не откуда было черпать энергию для своего существования. Они заблокировали у тебя возможности леди Холма, нарушая при этом твою координацию и подвижность, и впали в стазис, переживая время твоего восстановления. Тебя истощили настолько, что даже в свои календарные восемнадцать, которые пришлись на прошлую осень, ты была не готова к исполнению программы, но тут уже нанам пришлось её исполнять вне зависимости готова ты к беременности или нет. Наны нашли для тебя...

— Эвана, — оборвала его Ник. — Все, дальше можешь не продолжать.

Зак криво улыбнулся:

— Наны нашли для тебя наставницу — душеедку, Ник. Взрослую особь, которая могла тебе помочь. Только ты поступила как человек, а не как душеедка.

Ник только и выдавила из себя:

— Вот же рогатые орки...

— А уже потом наны...

Ник резко развернулась к Заку:

— Я сказала — хватит! Дальше я и сама все понимаю.

Зак подал плечами:

— Как скажешь. Только одно добавлю — чтобы ты никогда больше не сомневалась в себе. Линдро никогда не рассматривался нанами как твой партнер. Его ты выбрала сама.

— Спасибо... — Ник обняла себя за плечи и вновь пошла вдоль берега, устало загребая ногами гальку и крошки льда.

— И еще... Наны не собирались тебе выдавать существование других тебя. В твои копии были введены маячки — наны Дуба всегда знали, где найти копии. Так что...

Ник вспомнила, как туго шел руль на перекрестке в Двадцать первом округе, когда она

решала — ехать в город или в сторону зоны. Наны не хотели, чтобы была хоть малейшая возможность Ник столкнуться с другой собой.

— ...На Салли, когда наны поняли, что мои люди взяли твой след, дом вывел специально. Он специально вел тебя и моих людей за собой к Салли, чтобы сбросить тебя...

— ...подставляя её. Какая же тварь... — она не стала больше ничего добавлять. Зак скривился — кажется, «тварь» он воспринял по отношению к себе. Напоминать, что он был зомби под воздействием большого роя, Ник не стала — не мальчик, сам сообразит.

— Кстати, маячок последней твоей копии поврежден. Он не работает.

— Вот и замечательно, — пробурчала Ник.

— Это не замечательно. Её нужно найти и спасти от программы. Она же тоже, наверное, сейчас носит дитя во имя великого будущего полиморфов. Её надо спасать.

— Спасу, — твердо сказала Ник.

— Ты сейчас несколько беременная. А скоро будешь глубоко беременна. Доверься мне, позволь мне найти её.

— Даже не смей лезть к ней! Слышишь?! — Ник резко развернулась на каблуках к Заку. — Не лезь.

— Она моя невеста, — напомнил Зак.

— Иди ты! Найди себе другую — не пойму, что за упертость мышления?! Зачем тебе я, другая я?

Зак скривился:

— Ник... Ты не понимаешь.

— Так объясни! Какого ты цепляешься за меня? Почему не нашел другую — у вас в Холмах поди полно девушек на любой вкус.

Зак медленно пошел вперед, игнорируя Ник.

— Понимаешь, нас меньше тысячи в Холмах. Мы почти пятьсот лет были заперты в одном и том же обществе. Возможности по выбору невесты или жениха сильно ограничены, чтобы избежать генетических болезней у будущих детей. Мне подходит только невеста из Холма Березы. Только ты и твои дети.

— Ну уж нет! Руки прочь от моей... сестры. И меня. И вообще, у меня будет мальчик, а других детей я не планирую. Понял? Иди и ищи себе невесту среди поверхностных. У нас после войны полным-полно свободных женщин.

— Ниик, вампиршу мне никто не даст, а остальные девушки как бы... Выше меня на полголовы, а то и больше.

— Миге такое не останавливает — смиришься и ты. А мою сестру ты не получишь, Зак.

Он улыбнулся:

— Даже если она сама выберет меня?

— Иди ты! Я не настолько идиотка. Ну, надеюсь, что другая я — не настолько идиотка.

— Я не настолько плох, Ник, как ты думаешь. Я не безнадежен. Когда уровень загрязнения высок — я нормален.

— Как может быть нормален лорд... — пробурчала Ник.

— Ник...

— Давай лучше сменим тему, — предложила она.

— В любом случае, пока другая ты не найдена. И выбирать ей, а не тебе. И да, давай сменим тему. Задавай свои глобальные вопросы. Что ты хотела узнать? Только ради всего хорошего, не столь глобально, как типа, почему началась война?

Ник засопела, ничего не говоря. Зак вздохнул:

— Да не знаю я, почему война началась. Было много причин. Мелких, но болезненных, которые никак дипломатически не решались. Все нарастало, как снежный ком, и вылилось в войну. Проблемы гетто. Проблемы сосуществования всех видов. Проблема перенаселения континента. Проблема магов-хаосников... И не смотри на меня так, ты же понимаешь, что ваши маги-хаосники — всего лишь зараженные нанами-репликаторами люди? Репликаторами, которые сбились с программы и способны только разрывать причинно-следственные связи в окружающем мире. Мы выискивали таких хаосников и...

— И уничтожали их, — добавила Ник. — Оооофигеть. Меня тоже надо уничтожить, да? Я же заразилась от Дена теми нанами.

— Да, тебе подчинился хаос в Ледяной зоне не потому, что ты запомнила заклинание Дена, а потому что один сумасшедший репликатор угнездился в тебе, когда ты собирала останки Дена для захоронения. И нет, ни тебя, ни Дена уничтожить не будут — никогда еще до этого не было восстановления после хаоса — то, что вы с Деном сделали играючи. Возможно, с помощью тебя и Дена удастся восстановить поврежденные хаосом зоны. Проблема в том, что эти репликаторы избегают обнаружения обычными средствами и на контакт не идут...

— Угу. То есть в начале войны вы играли за обе стороны. Еще поди и уговаривали людей задействовать магов-хаосников, чтобы проще их было ликвидировать.

— Мы всю войну, Ник, играли за обе стороны. Потому что у нас своя сторона — сторона человечества. Еще вопросы?

Ник посмотрела на Зака и поняла, что тему войны он считает закрытой.

— Пыльное проклятье в Двадцать первом округе.

— О... Это уже решается, Ник. Честное слово. Холм Ольхи хотел, как лучше. Они не уничтожали непокорных, Ник. Они не мстили округу и Джонсу. Они пытались очистить округ от астероидной пыли, делая округ пригодным для жизни. Просто не учли влияние низких температур на амагиум. Ты же знаешь, что, как все сверхпроводники, амагиум чувствителен к температурам? — он посмотрел на Ник и исправился: — теперь знаешь. Ольха не учли то, что амагиумная пыль при низких зимних температурах меняет свои свойства и вступит в реакцию с другими металлами, становясь ядом. Проблема амагиума уже решается — скоро Двадцать первый округ будет очищен от амагиумной пыли. А потом, когда чуть модифицируем амагиум, почистим округ и от астероидной пыли.

— А с чего вы все решили, что астероидную пыль надо уничтожать? Она дает нам магию — то, что пока физически вы не можете объяснить. Магия помогла человечеству выжить. Может, пыль — это наше благословение. Может, к астероиду записка прилагалась: «Простите за астероид — не удержали, пыль вам в качестве извинений»?

— Хорошая попытка, но, Ник... Жизнь без астероидной пыли в разы легче и приятнее, просто поверь. Наны и современные технологии на многое способны.

— Угу. И потому нас надо лишать магии, лишать привычного образа жизни. Знаешь, пока вы прятались в убежищах, мы выживали. И, причем, выжили, и менять что-либо не считаем нужным.

— Ник... Может, вы и ни считаете нужным, а вот мы — считаем. Лин был не прав, когда говорил тебе, что мы подминаем мир под себя, забираем его у вас для своих фабрик и прочего. Мы его чистим не ради себя, мы его чистим ради будущего человечества. Когда Лига свободных стран поняла, что Катастрофы не избежать, а места в убежищах хватит не

всем... Был разработан план Хранилища Судного дня. В Холмах хранятся копии сознания всего человечества вместе с их ДНК.

Ник резко затормозила:

— Вы что?! Вы планируете вернуть человечество?!

— Именно для этого и были созданы убежища — вернуть человечество к жизни после Катастрофы. И мы вернем — это наше предназначение.

— И столько было людей ДО Катастрофы?

— Десять миллиардов.

— Рогатые орки... Сейчас оставшиеся земли не в состоянии прокормить выжившие сто миллионов человечества, а вы попытаетесь запихнуть на Землю — десять миллиардов?! Куда?! Или вы попросите нас ужаться? Подвинуться? Что ты там про перенаселение говорил? Мы вам мешаем, да?

— Ник...

— Замолчи! Чем мы виноваты перед вами — тем, что выжили?

Он лишь грустно улыбнулся:

— А они чем виноваты?

— Тем, что умерли! Тем, что не выжили! Они погибли, Зак. Земля сейчас принадлежит нам, и она еле способна прокормить нас — выживших.

— Мы очистим земли от астероидной пыли и...

— И от нас, да? Хотела бы я посмотреть в лица оживленных, которые вернулись в мир, а тут вампиры, оборотни и... Магия. Хотя нет, магию вы уничтожите. Хорошо пристроились — вся техника при отсылке мыслеформы взрывается, магию уничтожает амагиум, а война и так проредила наши ряды — бери нас тепленькими, давая место тем, кто не смог бороться за свою жизнь в момент Катастрофы.

— Ник, все не так, как ты думаешь. Честное слово. Ну чем виноваты те десять миллиардов? Они тоже хотят жить.

— Они виноваты тем, что не выжили. Вот пусть невыжившими и остаются. Мы выжили — чем мы виноваты перед погибшими? Почему мы должны уйти, давая место погибшим?! Земля не прокормит десять миллиардов. На Земле банально нет места такому количеству человек... О... Орки рогатые, ну как ты не понимаешь, что это подло по отношению к выжившим.

— И так же подло по отношению к погибшим, Ник. Еще ничего не решено. Это не проблема ближайший пяти лет, может, даже десяти. Не стоит сейчас кричать и волноваться. Все еще в проекте.

— В проекте, который вы уже давно воплощаете. Ведь потому не осталось ничего от прежней жизни — вы с помощью нанов все уничтожили...

— Мы подготовили земли к новому заселению. Жить среди развалин прежней жизни — не лучшее решение. И, Ник, просто пока прими как данность — те люди, которые погибли в Катастрофе, нуждаются во втором шансе на жизнь. Они же не виноваты в том, что погибли.

— Ну да, виноваты мы — в том, что выжили, и потому должны подвинуться, а еще лучше вообще исчезнуть вместе с магией.

— Ты опять видишь заговор там, где его нет. Так уже было — с Пересом и Джонсом, так уже было с Двадцать первым округом. Ты видишь заговор там, где его нет. Все решаемо — и проблема перенаселения тоже, и проблема голода — решается. Надо только избавиться

от астероидной пыли.

Ник прикусила губу.

— Миге знает о хранилище?

— Конечно, Ник.

— Тогда я спокойна. Он не позволит вам стереть нас. Не позволит.

Зак лишь поскрипел зубами, но ничего не сказал.

Ник тоже молчала, рассматривая сизое небо. Хотелось летать. Но еще больше хотелось домой, к Лину.

Понимая, что Ник может молчать долго, Зак заговорил первым:

— Еще вопросы?

— Нет.

— Тогда... Домой? В Либорайо.

Ник кивнула.

— Позволишь подвезти тебя? — предложил Зак.

— Давай.

Зак оглушительно свистнул, и из-за скал к ним легко примчался вороной конь — замер перед ними, ожидая приказа.

— Это робот, — подсказал Зак, — так что не бойся, выдержит обоих.

— Я не боюсь... — Ник нахмурилась, вспоминая уговор с Закатом о том, что тот предпочитает вороных коней. Она вздрогнула, пугая Зака сменой темы: — В Холмах же нет магии! Так почему ты предложил мне магический договор о требованиях к принцу, причем ты знал — он сработает. Заааак?

Тот криво улыбнулся:

— Моя мама всегда верила в магию и привила мне веру в то, что самый страшный момент магия всегда придет на помощь. Страшнее момента, чем знакомство с тобой, в моей жизни не было, уж поверь.

Ник вспомнила его горькие слова о том, что он не умеет убивать детей...

Зак пятерней взлохматил свои волосы, совсем как Лин:

— Я тогда ничего лучше и не придумал. Я же говорил — Холм твоей матери был захудалым, почти нежилым — в нем была сломанная система фильтрации воздуха, так что...

— Пыли там было много.

Зак подтвердил кивком:

— ...и магии тоже. Я знал, что, если ты захочешь, то у тебя получится, потому что ты была магом. Я же был вне роя, я был почти адекватен.

— Угу... — дернула плечами Ник. — Как же с тобой сложно... Тут веришь, тут не веришь в магию, тут ты сам, а тут ты уже рой... Ужас так жить.

Зак лишь пожал плечами — сам все осознавал.

Ник, поглаживая коня по холке и пытаясь убедить себя, что под теплой шкурой всего лишь механизм, сказала:

— Уговор прежний — подходишь ко мне и моей сестре только под заражением.

— Я помню. И раз в месяц буду приходить и проверять тебя и Лина на наны Дуба. И никогда не приближаться без магии. И не копаться в твоих мыслях. И... Ник, я постараюсь, чтобы возвращение человечества никак не отразилось на вашей жизни. Вашей — это жизни поверхностных, вампиров, оборотней и других разумных видов. Я, кстати, пытаюсь добиться признания разумности всех фейри.

Ник улыбнулась ему:

— Вот тут ты молодец. Честно.

— Ты, кстати, так и не спросила про одного человека, который весьма важен для тебя.

Ник прикусила губу, а Лина, который бы напомнил, что так делать нельзя, рядом не было. Она пробормотала:

— Знаешь, я сперва загляну в глаза своего сына и тогда решу — а могу ли я его бросить? А могу ли я его оставить воспитываться и жить самостоятельно, без моего вмешательства, как выбрал мой отец. Я загляну в глаза сына и попытаюсь честно ответить на вопрос: а могу ли я его заставить воплощать великое предназначение — спасение лордов от влияния роя? И если что-то дрогнет, и я смогу бросить сына для воплощения им великого предназначения, как сделал мой отец, тогда я и прощу его. И, быть может, встречу с ним.

— Он в Холме Справедливости. Я отменил его наказание. Он знает, что ты жива и ждешь малыша.

— Значит, у него все хорошо. Вот пусть и дальше так будет. А я сперва загляну в глаза сына и поищу ответы на вопросы. Не раньше, понял? Не раньше ответов на эти вопросы я встречу с Рассветом. И давай уже домой. Я устала, если честно.

...В Либорайо они вернулись под вечер. Конь легко влился в оживленное уличное движение, соревнуясь в скорости с машинами. Пахло её Либорайо. Пахло её домом. Она вернулась туда, где её ждут. Туда, где она нужна. Туда, где её самой нужно быть.

Кофе, пыль, чуть-чуть ожидания чуда, чуть-чуть веселья — она же душеедка, она умеет считывать эмпатический слой с сознания людей. Её город, её жизнь, её выбор.

Зак, видимо, позвонив Лину и выяснив, где он находится, привез Ник к какому-то клубу. Помог спешиться, провел внутрь клуба, нашел Лина, который медленно цедил пиво из почти полного бокала, когда вокруг парней из отряда была куча открытых бутылок с кое-чем покрепче. Глаза пьяного в хлам Утеса неожиданно протрезвели, когда он увидел подходящую к их столику Ник:

— Охренеть... Я, что, ничего не понимаю?

Лин, вставая и направляясь к Ник, чтобы обнять её, только и буркнул:

— Я тебе об этом весь день пытаюсь сказать. Мы не расстались с Ник. Она уехала на задание. Это разные вещи. Она боялась, что наны Дуба прочитают её намерения и не позволят вырваться из-под их влияния. Кстати, Утес, объясни Мигелю в следующий раз, когда он попытается вновь меня накачивать снотворным ради моего же блага, что во мне наны Пса. Именно они инактивировали снотворное тогда в машине, когда возвращались в Либорайо из зоны двести шесть.

— А... — только и выдавил из себя Утес.

Ник, замирая в теплых объятьях Лина, прошептала:

— А я теперь бездомная. У меня ничего нет. Вообще.

Утес раскашлялся:

— У тебя есть счет, на котором сотни тысяч лежат. И у тебя...

Лин, не прислушиваясь к другу, лишь подсказал:

— У тебя есть я.

Она прошептала:

— И это самое главное.

— Домой, Ник?

Она кивнула, соглашаясь:

— Домой.

Она стояла на пороге новой жизни и ей отчаянно хотелось верить, что все будет хорошо. Иначе ведь не бывает?

Главное, не забыть написать новый список требований к принцу, где главным должно быть: «Принца должны звать Линдро Росси и никак иначе!»

Больше книг на сайте - Knigoed.net